

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ΔΙΔΑΣΚΑΛΟΣ ΚΑΙ ΣΟΦΟΣ.

Сборник статей к 90-летию И.П. Медведева

Под редакцией Л.А. Герд

ДК 082.2
М 42

Рекомендовано к изданию
федеральным государственным бюджетным учреждением
«Санкт-Петербургское отделение Российской академии наук»

Рецензенты: Т.Н. Таценко и В.В. Гурулева

ΔΙΔΑΣΚΑΛΟΣ ΚΑΙ ΣΟΦΟΣ. Сборник статей к 90-летию И.П. Медведева /
Под ред. Л.А. Герд. — СПб.: Издательство «Индрик», 2025. — 464 с., ил. —
(Труды Санкт-Петербургского института истории РАН; вып. 9(25)).

ISBN 978-5-91674-767-6

Сборник статей памяти академика РАН И.П. Медведева (1935–2024) содержит статьи его коллег и учеников. Воспоминания И.П. Медведева и его ближайших коллег предваряют первый раздел, в котором представлены статьи по истории Византии: византийского права, богословия, дипломатики, искусства, археологии, сфрагистики, греческой и латинской палеографии. Второй раздел посвящен главным образом истории византиноведения, архивным разысканиям, а также книжному собранию РАИК. Материалы сборника отражают широкий круг научных интересов И.П. Медведева и одновременно представляют новейшие результаты работы отечественных византинистов и архивистов.

© Коллектив авторов, 2025
© Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук, 2025
© Издательство «Индрик», 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	8
Раздел 1. <i>In memoriam</i>	11
Воспоминания И.П. Медведева	12
Е.К. Пиотровская. Из истории издания «Земледельческого Закона» (Ленинградское отделение издательства «Наука» 1984 г.)	17
Раздел 2. <i>История Византии</i>	23
<i>Lourié Basil, Lidova Maria. A Non-Obvious Pair of Holy Healers in Rome: Sts Mocius and Anicetus in Santa Maria Antiqua</i>	24
<i>Евдокимова А.А. Системы акцентуации в византийских греческих надписях Болгарии</i>	39
<i>Хосроев А.Л. Несколько заметок по поводу даты «вознесения Христа»</i>	57
<i>Земскова В.И. Местоположение церкви Св. Софии на карте доконстантинова Константинополя</i>	75
<i>Ванькова А.Б. Новелла о монастырях императора Никифора Фоки в контексте законодательства македонской династии по защите мелкого крестьянского и стратиотского землевладения</i>	85
<i>Митрофанов А.Ю. Правовые аспекты биографии персидского царя Кавада I в творчестве Прокопия Кесарийского</i>	101

<i>Грацианский М.В.</i> Подготовка папы Льва Великого к участию в Эфесском соборе 449 г. по материалам его переписки	126
<i>Черноглазов Д.А.</i> Почему монархия не должна быть наследственной? Византийская политическая мысль XIII в. в изложении Георгия Пахимера	141
<i>Чеснокова Н.П.</i> Томос патриарха Михаила Анхиала 1171 г. в династической политике Мануила Комнина	153
<i>Бибиков М.В.</i> Политическая мысль в системе византийской культуры	159
<i>Виноградов А.Ю.</i> Генезис перечней митрополитов России (предварительные наблюдения)	169
<i>Макаров Д.И.</i> Энергичная сотериология и «принцип поворота»: из размышлений о парадоксах III и IV книг трактата св. Григория Паламы «О ложных писаниях Григоры»	186
<i>Родионов О.А.</i> «Послание Макарию»: еще один малоизвестный текст Каллиста Ангеликуда. Editio princeps и русский перевод	199
<i>Карнов С.П.</i> Что нужно для выживания фактории: запросы и реальные возможности снабжения венецианской Таны в XV веке	211
<i>Шукуров Р.</i> Византийский антиквариат и персидские дары	222
<i>Курешева М.А.</i> Византийский частноправовой акт 1032 г. в собрании Государственного Исторического музея	226
<i>Воробьев Г.М.</i> Греческие почерки круга Димитрия Халкокондила: Петр Ипсила	233
<i>Жуков К.А.</i> «Турецко-византийская история» Дуки о восстании Бёрклюдже Мустафы (переводы и толкования) ..	239
<i>Гукова С.Н.</i> Моносандализм в византийском искусстве	253
<i>Степанова Е.В.</i> Поздние печати патриархов Константинополя (из собрания Эрмитажа)	272
<i>Мажуга В.И.</i> Аллегория юриспруденции в юридической рукописи XIV в.	280

Раздел 3. <i>Μεταβυζαντινά и история византистики</i>	299
<i>Шустова Ю.Э., Ченцова В.Г.</i> Греческие тексты в «Букварях» второй половины XVII – начала XVIII в. типографии Львовского братства	300
<i>Матасова Т.А.</i> К вопросу о деятельности греков-эмигрантов «второго поколения» в России в первой четверти XVI века	313
<i>Крылов П.В.</i> Документы Конгрегации Пропанды Веры о положении францисканцев на Балканах в 1670-е гг. из коллекции Н.П. Лихачёва в Архиве СПБ ИИ РАН	324
<i>Тункина И.В.</i> Археолого-эпиграфические исследования РАИК в Македонии (1898, 1899)	334
<i>Пивоварова Н.В.</i> Забытое имя в отечественном византиноведении: Н.В. Малицкий	360
<i>Иванов С.А.</i> «Дорогая и любимая Византия». Письма А.Ф. Вишняковой к А.А. Васильеву	371
<i>Акишин С.Ю.</i> К вопросу о эпистолярных контактах А.А. Дмитриевского с зарубежными учеными: переписка с Северьеном Салавиллем	395
<i>Басаргина Е.Ю.</i> “Labore et zelo”: Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине	410
<i>Герд Л.А.</i> Рыцарь Гроба Господня: Т.И. Филиппов и христианский Восток	424
<i>Панченко Е.З.</i> Книги из Русского археологического института в Константинополе и личной библиотеки Ф. И. Успенского в фонде библиотеки СПБ ИИ РАН: история, источники поступления, идентификация, краткая характеристика	440
<i>Список сокращений</i>	460

Введение

Шестьдесят лет служения византиноведению: Памяти Игоря Павловича Медведева (1935–2024)

Отечественное византиноведение XX-начала XXI века немыслимо без имени Игоря Павловича Медведева, выдающегося историка права, историка науки, исследователя рукописей и византийской культуры. И.П. Медведев родился в семье простых тружеников на Урале. С ранних лет его одаренная натура искала свой путь в непростой послевоенной жизни русской провинции. Спорт, музыка и живопись привлекали его и в равной степени обещали блестящее будущее. Однако в соперничестве муз победила Клио, и Игорь Павлович приступил к изучению истории в Свердловском университете под руководством М.Я. Сюзюмова. Дальнейшие годы были связаны уже с Ленинградом и замечательными наставниками: А.В. Банк, Е.Э. Липшиц, Е. Э. Гранстрем, Н.В. Пигулевской, учителями греческого языка А. И. Зайцевым и А.И. Доватуром. Окунувшись в богатую духовную жизнь культурной столицы, Игорь Павлович жадно впитывал ее атмосферу, и прилежным трудом накапливал свой интеллектуальный багаж.

Кандидатское сочинение Игоря Павловича было посвящено истории Мистры, последней столицы византийского мира на Балканах и знаменитому центру интеллектуальной жизни. За этим последовали годы изучения поздневизантийских памятников, что имело результатом написание докторской диссертации о византийском гуманизме. Византийское право сделалось еще одним многолетним предметом изучения

И.П. Медведева. Скропулезное изучение греческих юридических рукописей увенчалось критическим изданием (в сотрудничестве с Е.К. Писотрофской) важнейшего памятника права, Византийского Земледельческого закона. Другим итогом работы над юридическими текстами и грамотами стало опубликование монографии «Византийская дипломатика». Более десяти лет своей жизни Игорь Павлович посвятил руководству и работе над масштабным проектом «Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге», в рамках которого были впервые систематически исследованы до тех пор лежавшие под спудом архивы отечественных ученых, обнаружено немало неизданных текстов и, наконец, издано три сборника статей. Последние годы жизни ученого привели его к исследованию ученого кружка Н.П. Румянцева, знаменитого государственного деятеля, мецената и покровителя науки. Издание переписки Румянцева стало открытием еще одной малоизвестной страницы отечественной истории. Это внешняя канва творческого пути И.П. Медведева. За ней стоят часы и дни упорного труда в библиотеках и рукописных отделах, за письменным столом в домашнем кабинете. Результатами своих больших и малых открытий Игорь Павлович делился на российских конференциях и международных конгрессах. Большой радостью были ежемесячные заседания Санкт-Петербургской византийской группы под руководством И.П. Медведева, где после обстоятельного доклада участники могли насладиться ученой беседой за чашкой чая. Результаты работы Игоря Павловича нашли отражение в поистине впечатляющем списке трудов, а его заслуги были вознаграждены не только уважением коллег в России и за рубежом, но и избранием в действительные члены Российской академии наук.

Говоря о личных качествах Игоря Павловича, нельзя не упомянуть его неизменную доброжелательность и готовность помочь каждому, кто обращался к нему за советом и помощью, независимо от возраста и положения; казалось, он старался творить добро везде, где мог. Игорь Павлович прожил долгую и счастливую жизнь: проделав, подобно М.В. Ломоносову, путь от крестьянского сына до академика, он был полностью погружен в занятия любимой наукой и при этом щедро раздавал дарованные ему интеллектуальные блага и добытые им исторические знания. Исследователи обычно выбирают для своих занятий те стороны жизни прошедших эпох, которые наиболее созвучны их собственным вкусам и духовным исканиям. Игорь Павлович не был здесь

исключением: погружение в византийскую культуру привело его к изучению произведений авторов, наиболее близких к идеям Возрождения, а исследования в области права стали для него источником размышлений о путях к отмене смертной казни и физических наказаний. Наконец, масштабный проект по истории российской византистики открыл перед читателем потрясающую картину не только высоких научных достижений, но и трагических человеческих судеб, которые Игорь Павлович глубоко переживал как свои личные. Не будет преувеличением сказать, что в лице И.П. Медведева мы имеем настоящего «византийского гуманиста».

Светлая ему память!¹

Раздел 1.

In memoriam

¹ В настоящем сборнике памяти И.П. Медведева, посвященном его 90-летию, публикуются статьи его коллег и учеников. С выражением глубокого почтения к Игорю Павловичу к ним присоединяются: А. Апостолопулу, Д. Апостолопулос, О.А. Барынина, А.К. Гаврилов, В.В. Гурулева, П.В. Кузенков, Т.В. Куш, Д. Реш, П. Шрайнер.

Воспоминания И. П. Медведева

Материалы своего личного фонда И.П. Медведев начал формировать и передавать в СПбФ АРАН, с ноября 2020 г. (Ф. 1161). Первые поступления, сданные им в архив, состояли из научных трудов и материалов к ним (отзывы И.П. Медведева на научные работы других лиц, фотокопии с исторических источников и редких книг, доклады к различным конференциям); документов к биографии и по деятельности; переписки и трудов других лиц. Постепенно, ввиду ухудшения здоровья, И.П. Медведев уже не выезжал из дома и 8 ноября 2022 г. в его квартире состоялась последняя личная встреча сотрудников архива с ученым. Для передачи в архив были отобраны подборки отдельных оттисков статей и авторефератов как самого И.П. Медведева, так его друзей и коллег. Именно в ходе этой встречи Игорь Павлович обратил внимание на синий блокнот, в котором он записывал свои краткие воспоминания о студенческих годах и выразил желание, чтобы они были впоследствии перепечатаны и сохранены. Уже после его смерти, при разборе оставшегося в квартире массива документов вместе с дочерью, Мариной Игоревной Линдрус (Медведевой), данный блокнот был перемещен в архив в первую очередь. После разрешения М.И. Линдрус на публикацию этих материалов, текст был фронтально перепечатан и направлен для публикации в настоящем сборнике. Записи не датированы по годам, но нет сомнений, что они охватывают последние годы жизни И.П. Медведева — примерно с января 2022 г. Последняя запись сделана уже угасающим почерком и датирована 18 июля, очевидно 2024 г. Первые несколько страниц посвящены не столь широко известным фактам биографии И.П. Медведева — его участию в составе хоровой капеллы на VII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Вене. Не очень большой объем остального

текста представляет собой разрозненные размышления о предназначении и смысле понятия «ученый» и пронизаны тонким чувством юмора и сарказма как по отношению к себе, так и к другим. Последние записи оставляют чувство горечи по отношению к угасающему сознанию человека, достойно прошедшего тяжелый путь исследователя и осознанно посвятившего всю свою жизнь подлинному служению науке¹.

Игорь Павлович Медведев

Ностальгия по университетским годам, по студенчеству. Речь не о том, что я так уже был погружен в научное творчество: вряд ли я с самого начала своей студенческой молодости планировал стать ученым как таковым. Это казалось нереальным. Впереди — работа учителем истории в школе — вот и все. И тем не менее, сама атмосфера интелл. общения с профессорско-преподавательским и студенческим сообществом...

Я мало что запомнил из прослушанных лекций, но образы педагогов остались в памяти (семинарские занятия вела М.А. Поляковская²). Наверное, больший интерес у меня в мои студенческие годы вызывала самодеятельность, тем более что в УрГУ³ были созданы все условия для этого. Поскольку я детства был одержим художеств. творчеством (мой школьный учитель спал и видел меня будущим художником, и я действительно после семилетки поступил в Свердловское худ. училище, где проучился несколько месяцев, но отсутствие общежития и приличной стипендии вынудило меня оставить училище), то и в университетские годы я продолжал этим заниматься, подрабатывая в клубе УрГУ художником, писал разные плакаты, разрисовывал стенды и т.д.

При клубе в то время трудилась хоровая капелла, руководитель которой был талантливейший дирижер Вадим Серебровский⁴, с которым

¹ Набор и комментарии: зав. ООФКиВА СПбФ АРАН Е.Г. Застрожнава.

² Поляковская Маргарита Адольфовна (1933–2020), историк-медиевист, д.и.н. (1981), профессор (1983), почётный профессор УрГУ (2008). Руководитель Уральской школы византиноведения. Заслуженный деятель науки Российской Федерации (1997).

³ Уральский государственный университет им. А.М. Горького, учрежден 19 октября 1920 декретом СНК в г. Екатеринбурге. С 2011 — в составе Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина.

⁴ Серебровский Вадим Борисович (1924–2010), хоровой дирижер. Окончил в 1954 Уральскую государственную консерваторию. В 1954–1968 руководил хоровой

мы, конечно, общались, а однажды он предложил мне войти в состав капеллы. «Мне кажется» — сказал он — «у тебя приличный голос», подвел меня к роялю, стоявшему на сцене зала, и стал наигрывать, а я — напевать. «Да у тебя шикарный баритон!» — заявил он — «будешь обязательно петь у нас!». А поскольку капелле предстояло готовиться к участию в VII Международном фестивале молодежи и студентов в Вене (1959 г.), то я с головой погрузился в репетиционную вакханалию. Из репертуара особенно запомнились оратории на стихи Есенина и Маяковского, на музыку Георгия Свиридова (он приезжал к нам, работал с нами, и у меня до сих пор перед глазами его образ): «Товарищ Ленин! Я Вам докладываю, и не по службе, а по душе. Товарищ Ленин, работа адская будет сделана и делается уже!» (я и сейчас могу пропеть это, и иногда пропеваю). Затем — подготовка капеллы к концерту на фестивале (целый месяц в Москве, в гостинице «Марьяна роща» (так?)⁵ с нами работали такие известные дирижеры, как Свешников⁶ и Юрлов⁷, в составе делегации были такие перлы как певцы Борис

капеллой УрГУ; в 1959 коллектив выступил на VII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Вене (Австрия), где впервые исполнил «Бухенвальдский набат» (текст А. Соболева, муз. В. И. Мурадели) и был отмечен золотой медалью. Позднее возглавлял хоровые коллективы в Минске, Новосибирске. Имя Серебровского носит хоровая капелла Уральского федерального университета, основанная в 2001 (Демина, 2007. Электронный ресурс: <https://ekaterinburg.bezformata.com/listnews/mi-pomnim-serebrovskij-svet/598084/>). Дата обращения: 9 февраля 2025.

⁵ Вероятно, имеется ввиду одна из гостиниц в районе Марьяна роща, в северо-восточном административном округе города Москва.

⁶ Свешников Александр Васильевич (1889–1980), хоровой режиссер, педагог, музыкально-общественный деятель. В 1913 окончил Музыкально-драматическое училище Московского филармонического общества. В 1923–1928 стал заведующим вокальной частью 1-й студии МХАТа. С 1928 г. — художественный руководитель организованного им вокального ансамбля (затем хора) Всесоюзного радиокомитета, в 1936–1937 художественный руководитель Государственного хора СССР, в 1937–1941 — Ленинградской академической капеллы. С 1941 возглавлял организованный им Государственный хор русской песни (позднее — Государственный академический русский хор СССР, носящий его имя). В 1944 организовал и стал художественным руководителем Московского хорового училища (позже преобразовано в Академию хорового искусства). В 1944–1974 преподавал в Московской консерватории (в 1944–1948 декан дирижерско-хорового факультета, с 1946 профессор, в 1948–1974 ректор).

⁷ Юрлов Александр Александрович (1927–1973), хоровой дирижер, музыкально-общественный деятель, педагог. Окончил Детскую хоровую школу

Штоколов⁸, Юрий Гуляев⁹, мастера балета Владимир Васильев¹⁰ и Екатерина Максимова¹¹, с которыми мы тесно общались). Наконец, поездка в Вену, победное выступление нашей хоровой капеллы в конкурсном концерте, награждение нас медалями и удостоверениями лауреатов фестиваля (много лет спустя, по просьбе заведующей музеем УрГУ В.А. Мазур¹², я отправил в музей свои медаль и удостоверение; не знаю, сохранились ли они).

Если говорить о моей дальнейшей биографии, то ею стала, в сущности, моя профессия ученого, мое сидение в своей собственной башне из слоновой кости. Мои жизненные даты — это даты моих плановых трудов, даты написания тех или иных статей, может быть, даты моих поездок на международные конференции и конгрессы. Когда мою женушку (Светочку) ее подруги спрашивали, любит ли ее муженек, она отвечала так: у него одна любимая женщина — Византия — преувеличение, конечно!

Стихотворение Рэя Бредбери (1975 г.) в переводе Арама Оганяна. Начало его — как будто про меня. Надо только запомнить два названия.

при Ленинградской академической капелле. Годы Блокады провел в Ленинграде, по завершении которой при помощи А. В. Свешникова был перевезен в Москву, где поступил на дирижерско-хоровой факультет Московской консерватории, который окончил в 1950. В 1953 окончил аспирантуру при ней. В 1949–1954 — хормейстер Государственного русского хора под управлением А. В. Свешникова. С 1958 — художественный руководитель и главный дирижер Республиканской русской хоровой капеллы (с 1966 — академической, с 1973 — его имени). С 1971 — председатель Всероссийского хорового общества и профессором МПИ имени Гнесиных, где организовал отделение по подготовке народных хоров.

⁸ Борис Тимофеевич Штоколов (1930–2005), оперный певец (бас). Народный артист СССР (1966). Лауреат Государственной премии СССР (1981) и Государственной премии РСФСР имени М. И. Глинки (1976).

⁹ Гуляев Юрий Александрович (1930–1986), эстрадный и оперный певец (баритон). Народный артист СССР (1968).

¹⁰ Васильев Владимир Викторович (род. 1940), артист балета, балетмейстер, хореограф, театральный режиссер. Народный артист СССР (1973). Лауреат Ленинской премии (1970), Государственной премии СССР (1977).

¹¹ Максимова Екатерина Сергеевна (1939–2009), артистка балета, актриса, педагог; народная артистка СССР (1973). Лауреат Государственной премии СССР (1981), Государственной премии РСФСР им. братьев Васильевых (1984) и Государственной премии РСФСР им. М.И. Глинки (1991).

¹² Мазур Валерия Анатольевна — заведующая музеем истории Уральского государственного университета им. А.М. Горького (до 2011).

Итак:

- Не из Византии я родом,
А из иного времени и места,
Где жил простой народ,
Испытанный и верный,
Мальчишкой рос я в ~~Иллинойсе~~ Красноуфимске,
А именно в ~~Ужигане~~ в Криулино селе,
Название которого непривлекательно и
Благозвучием не блещет.
Оттуда родом я, друзья мои,
А не из Византии.

У плодов научной деятельности (если она была успешной) нет возраста, как и смерти. Подлинные ученые всегда вне времени и живые, и мертвые (это я кого-то переиначил, но мне идея близка).

Переиначу и еще кое-что, где-то читанное о литераторах:

в любом научном институте должен быть свой старец, как в монастыре. Может, и меня таковым воспринимают в моем институте, где я уже числюсь почти 60 лет! Недаром же моя бывшая ученица (аспирантка) в одной статье объявила меня «старейшим сотрудником» ЛО ИИ. Надеюсь, что я все же не гожусь на роль старца: у меня нет способностей сесть в позу мудреца и окормлять научную паству, я не владею даром такого Златоуста, как патриарх Кирилл (Гундяев), способностью устного говорения без обращения к справочникам и шпаргалкам. Вряд ли я могу мечтать о том, чтобы публика с благоговением и со слезами умиления выслушивала мои изречения, как это мне приходилось наблюдать в Пушкинском доме во время речей Д.С. Лихачева и т.д., так что Бог с ним, со статусом старца!

[...]

25 апреля- Радоница — Пасха

- я уже как-то потерял жизненные ориентиры

- [...] я лежу уже много дней

18 июля —

Е.К. Пиотровская
Санкт-Петербургский институт истории РАН

Из истории издания «Земледельческого Закона» (Ленинградское отделение издательства «Наука» 1984 г.)

Академика РАН Игоря Павловича Медведева я знала больше полувека. Для меня он был не только коллегой-историком, соавтором, но и очень близким другом. Впервые я услышала об Игоре Павловиче от Александра Константиновича Гаврилова, преподавателя Классической кафедры филологического факультета СПб Государственного Университета. Александр Константинович бескорыстно занимался со студентами русистами греческим языком. Он часто рассказывал нам о многих ученых, их трудах и просвещал в области современной науки (классики и византистики). Это были 60-е гг. XX в. Игорь Павлович и Александр Константинович позднее стали знаменитыми петербургскими эрудитами. Игорь Павлович посещал и заседания Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома, которым тогда руководил Дмитрий Сергеевич Лихачев и на которых по средам, почти каждую неделю, посчастливилось бывать и мне. Вместе с другими студентами слушала я и цикл лекций по истории Византии, который был тогда еще организован Н.В. Пигулевской, а Игорь Павлович рассказывал нам об истории иконоборчества. Поэтому, когда меня пригласили принять участие в конкурсных экзаменах в аспирантуру нашего Института (тогда ЛОИИ АН СССР), я уже знала и о защите его кандидатской диссертации, и о древней Мистре. И так случилось, что и моим научным руководителем была назначена Елена Эммануиловна Липшиц, которая ранее руководила и Игорем Павловичем. О многих наших научных событиях (заседаниях Отделов, конференциях, Ученых советах,

международных конгрессах), пережитых вместе, и о повседневности XX–XXI вв., которая выпала на нашу долю, можно составить историческую хронику (полную и краткую). Подробно об этом можно прочесть в издании Биобиблиография ученых. История. Вып. 48, посвященном И.П. Игорю Павлович всегда был не только требовательным и дотошным редактором и соавтором в научной деятельности, но и по-уральски великодушным, когда надо было «продвигать» и обосновывать положения и выводы подготовленных работ в спорах с редакторами издательства. Умел Игорь Павлович и по-своему корректно, иногда просто молчаливо, поддержать в разные счастливые, трудные и трагические дни этапов жизненного пути, он всегда был рядом.

Итак, как же складывалась судьба Византийского Земледельческого закона¹.

Как известно, «Земледельческий Закон» (Nomos Georgikos) — один из загадочных нарративных источников византийской письменности. Текст памятника существовал в рукописной традиции почти тысячу лет. Напомним, что греческий текст памятника был создан на рубеже VI–VII вв., имел впоследствии разные версии (арменопуловскую, две сербские и славяно-русскую). Существует обширная историографическая традиция в византистике XIX–XX вв. и наступившего XXI в. Высказывались и продолжают развиваться, уточняться разные точки зрения о правовом, документально подтвержденном применении норм Византийского Закона наряду с другими юридическими кодексами византийского права — Прохирином, Эклогой. В представленных статьях Земледельческого Закона отражаются нормы и правила сельской повседневной жизни, владением землей и ее использованием, владением фруктовыми угодьями, скотом и инвентарем для ведения сельскохозяйственных работ, взаимоотношений хозяев и рабов, и работников и т.п. нормы устоев жизни византийского общества в период развития его социально-экономических отношений.

Следует отметить, что в отечественной византистике XX в. тенденции развития историографической и источниковедческой традиций были связаны с проблемами критического издания памятника.

¹ В статье использованы материалы наших докладов на Международной конференции памяти Карена Никитича Юзбашяна. СПб., 25–26 сентября 2017 г. и Международной научной конференции, посвященной Владимиру Николаевичу Бенешевичу. СПб., 4–5 сентября 2024 г.

Необходимо помнить, что о важности критического издания Земледельческого Закона в его сравнительном историческом аспекте писал в своих трудах В.Н. Бенешевич. И как мы теперь, в наше время, понимаем научное значение наследия архивных и опубликованных материалов ученого, они еще многие годы будут фундаментом для новых исследований, гипотез и теорий в области историко-филологического знания. Особенно это важно для изучения Византии, канонического и юридического правового наследия, для изучения христианской культуры, письменного наследия монастырских и книжных центров Средневековой культуры и истории культуры и церкви Нового Времени. В.Н. Бенешевич обладал талантом создания программных проектов изучения сводов памятников письменности (и особенно изучения их текстов в контексте истории и в разных хронологических периодах и эпохах). И, несмотря на трагические и, подчас, невыносимые муки его жизни, он сумел вдохновить многих последователей его замыслов (его современники — А.В. Банк, Е.Э. Гранстрем, Е.Э. Липшиц). В дальнейшем, уже во второй половине XX в. эстафету зажженного им огня продолжили многие отечественные и зарубежные ученые — М.Я. Сюзюмов, Н.В. Пигулевская, Ю.К. Бегунов, Я.Н. Щапов., К.Н. Юзбашян, Б.Л. Фонкич, Г.Г. Литаврин, И.П. Медведев, Е.В. Белякова, М.В. Карогодина, Л.А. Герд, Л.Б. Вольфцун, А.Е. Карначев, Л. Бургман, Д. Зимон, Х. Кепштейн, П. Шрайнер и их ученики. Однако, среди замыслов и воплощения издания сводов и корпусов средневековых источников В.Н. Бенешевич обращал внимание и подчеркивал необходимость критического издания отдельных памятников переводной письменности и созданных на их основе произведений, дошедших в традициях христианского наследия (например, «Летописец вскоре патриарха Никифора», «Земледельческий Закон», «Вопрошание Кирика»). История подготовки издания длилась почти полвека. И только в 1984 г. в ЛО Издательства «Наука» под редакцией И.П. Медведева вышло сравнительно-историческое издание греческого текста и славяно-русской версии памятника². В нем приняли участие И.П. Медведев, Е.Э. Липшиц и я. Е.Э. Липшиц стояла у истоков изучения истории текста памятника во всех его версиях бытования. Еще

² Византийский Земледельческий Закон / Текст, исследование и комментарий подготовили Е.Э. Липшиц, И.П. Медведев, Е.К. Пиотровская. Под редакцией И.П. Медведева. Л., 1984

в сороковые годы XX в. неоднократно поднимался вопрос о критическом издании Земледельческого Закона и его славяно-русской версии. Неоднократно в устных беседах Е.Э. Липшиц говорила и Игорю Павловичу и мне, что Б.Д. Греков и М.В. Левченко считали подобное издание крайне необходимым в связи с изучением византийского письменного наследия и трансплантации правовых законоположений в области социально-экономических отношений. Б.Д. Греков изучал и обосновал фундаментальные проблемы становления и развития Киевской Руси, а М.В. Левченко развивал изучение вопросов русско-византийских отношений³. Напомним, что Е.Э. Липшиц защитила первую кандидатскую диссертацию по византиноведению в нашей стране после Октябрьского переворота. Защита состоялась в декабре 1936 г. в Государственной Академии Материальной культуры (ранее располагавшейся в Мраморном Дворце, в то время как защита проходила в Зеркальном Зеленем зале современного Института Восточных рукописей РАН в соседнем здании). Тема диссертации Елены Эммануиловны звучала: «Земледельческий Закон и сельская община в Византии», а официальным оппонентом был В.Н. Бенешевич. Он критически оценил работу Елены Эммануиловны и сделал ей 24 замечания, в основном в части перевода отдельных статей. При этом В.Н. Бенешевич отмечал, что Елена Эммануиловна оказалась фактически без руководителя (им был известный ученый истории искусства Ф.И. Шмит, который в это время находился в ссылке в Ташкенте), но она, как он считал, проявила удивительную работоспособность, которая поможет ей в дальнейшем совершенствоваться. Защита состоялась, и Владимир Николаевич пожелал, чтобы после того, как в текст диссертации будут внесены изменения и улучшения — «И пусть она выйдет в свет и явится одной из показательных попыток советского исследования истории Византии»⁴.

³ См. Некролог и список научных работ Е.Э. Липшиц // Византийский Временник. М., 1992. Т.53. С. 216–219

⁴ Медведев И.П. Урок Бенешевича // Византийские очерки. Труды российских ученых к XIX Международному конгрессу византистов. М., 1996. С. 187–205. Должна заметить, что Игорь Павлович очень переживал как опубликовать подробный «разгромный» отзыв В.Н. Бенешевича, который он обнаружил уже после смерти Е.Э. (1990 г.) в бумагах В.Н. в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Вместе с академиком А.А. Фурсенко они подошли ко мне и убедительно просили о поддержке, объяснив, что иначе опубликуют другие. (Согласно завещанию Е.Э. я являюсь наследницей ее архива и библиотеки).

Вернемся к подробностям истории издания Земледельческого Закона в 1984 г. Е.Э. Липшиц считала, что после византийского конгресса в 1976 г., наконец, настало время подготовить сравнительно-историческое и критическое издание памятника. Медлить и ослушаться было нельзя (Елена Эммануиловна уже была пожилым ученым), она и Игорь Павлович работали с материалами греческой версии памятника — текстом и комментариями, а мне было поручено подготовить славяно-русскую версию. Предварительная работа над рукописями, а их насчитывалось более 100 греческих и 11 славяно-русских, которые только и дошли в составе компиляции «Книги Законные», заняла несколько лет. В промежутке между кропотливыми занятиями в рукописных хранилищах, заказах копий были многочисленные выступления на тогдашних всесоюзных конференциях, международных конгрессах, коллоквиумах и выходили предварительные публикации. Следует подчеркнуть, что в дальнейшем И.П. получил возможность стажироваться на Архивных курсах в Париже, работать с микрофильмами зарубежных архивов и даже получить часть материалов на временное хранение и использование в Санкт-Петербурге (тогда в Ленинграде)⁵. Пожалуй, самые большие трудности при подготовке издания возникали в процессе классификации списков и в греческой, и в славяно-русской версиях. В славяно-русской версии классификация характеризовалась компиляцией отдельных текстов из других памятников византийского права и текста вступления к Эклоге. При этом мы исходили из традиций отечественной археографии, «согласно которой в основу издания кладется конкретный, аргументированный выбранный («лучший») список». Игорь Павлович выбрал систему объединения греческих списков по группам, обращая особое внимание на состав сборников, в которых сохранился текст памятника. Вопрос о разночтениях, подстрочных примечаниях также вызывал много размышлений и споров. В отечественной эдиционной практике не было устоявшейся традиции издания греческих юридических памятников и поэтому при описании рукописей и оформлении подстрочного критического аппарата мы исходили частично и из традиции применения принципов, выработанных международной практикой. Л. Бургман, который неоднократно общался

⁵ Медведев И.П. Архивы Франции // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Т.10. С. 311–322

с Игорем Павловичем и даже приезжал в Ленинград, а мы устроили даже обед в Академической столовой (по тем временам торжественно на белой скатерти), предлагал выполнить издание в серии «*Fontes Minores*». Но по существующим тогда государственным полиграфическим возможностям мы не смогли бы это выполнить. Игорь Павлович был очень «дотошен» и въедлив, когда обсуждал вопрос выбора греческого текста, положенного в основу издания. Велись каждодневные переговоры, и он обосновал и убедил нас, что именно греческий список из собрания Государственного Исторического музея в Москве (Синодальное собрание №318, XI–XII вв.) должен быть основным. И старался склонить и меня, что славяно-русская версия ближе всего к архетипу этого списка, но я была более осторожна. Сложности были и при утверждении подготовленной рукописи в «План редподготовки» и «План издания работ Института». Этот вопрос решался на партбюро Института, а в дальнейшем и некоторые «препоны и рогатки» интриг задержали выход «Земледельческого закона» на год. Наконец, издание состоялось (его не смогли увидеть наши мамы). Впоследствии, как считал Игорь Павлович, было опубликовано более 20 рецензий. И среди них были рецензии Г.Г. Литаврина и К.Н. Юзбашяна, в целом положительные, они были опубликованы в Византийском Временнике (Т.47) и Палестинском сборнике (вып. 29 (92)). Спорные вопросы издания и деталей перевода, комментариев вызвали и публикации последующих наших исследователей — у Игоря Павловича — от редакции Константина Арменополуса, у меня — связей славяно-русской версии с проблемами переводной и оригинальной письменности Древней Руси. Но это уже темы новых изысканий будущих поколений, которые, возможно, решат проблемы времени переводов памятника и его судьбе в Средневековых Балканских и других странах.

Раздел 2.

История Византии

Basil Lourié

National Research University Higher School of Economics, Faculty of Humanities,
Institute for Oriental and Classical Studies (Moscow)

Maria Lidova

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

A Non-Obvious Pair of Holy Healers in Rome: Sts Mocius and Anicetus in Santa Maria Antiqua¹

1. Introduction

In the present article, we continue to explore the iconographic programme of the Chapel of Holy Physicians in the Roman church Santa Maria Antiqua.² This time, we would like to focus our attention on mural on the northern wall, and more specifically on two unidentified saints once represented in the middle of a row of saints consisting of seven figures (Fig. 1).

In previous scholarship, the sequence of saints on the North wall was reconstructed as follows (from left to right): (1) John of Edessa (one of the pair of Cyr and John), (2) Celsus (whose name is readable but whose

¹ The authors dedicate this article to the memory of Igor Pavlovich Medvedev, who was much more than a senior colleague.

² Our previous articles are the following: *Lourié B.* A Monothelete Syriac Compilation of Pseudo-Apostolic Acts Preserved Only in Slavonic and the Entrance of Constant II into Rome in 663 // *Biblical Apocrypha in South-Eastern Europe and Related Areas: proceedings of the session held at the 12th International Congress of South-East European Studies (Bucharest, 2–6 September 2019)* / Ed. by M. Cioată, A. Miltenova, and E. Timotin. Brăila, 2021 (Bibliothèque de l'Institut d'études sud-est européennes, 16). P. 125–217; *Lourié B., Lidova M.* Holy Healers in Rome: Sts Procopius, Dometius, Jonas and Barachisius in the Chapel of Holy Physicians in Santa Maria Antiqua // *Scrinium*. 2022. Vol. 18. P. 165–228; *Lourié B., Lidova M.* Saints Cosmas and Damian between Rome and Egypt: A Reappraisal of their Hagiographical Dossier from Pheremma to Santa Maria Antiqua // *From Moscow to Baghdad: Studies on Middle Eastern Christianity in Memory of Nikolai Seleznev* / Ed. by S. Loesov, S. Minov, A. Treiger. Leiden (Texts and Studies in Eastern Christianity; forthcoming).

personality is so far non-identifiable³), (3) Abbacyrus (*i.e.*, St Cyr, another one of the pair of Cyr and John), (4) an unidentified saint, (5) another one unidentified saint, (6) Cosmas, and (7) Damian.

In this article, we will deal with images (4) and (5). These images are severely damaged, and hardly anything can be seen on the wall today (Fig. 2).

What survives from figure (5) is limited to a fragment of halo and three letters from the inscription once accompanying this figure on the right, whereas image (4) is entirely destroyed. Nevertheless, certain observations can still be made with regard to figure (4), since its placement and context can serve as a source of information for this image and for its role in the general programme.

2. St Anicetus

Let us begin with image (5). The three letters still readable from its inscription are NIK — and not NIN, as one might believe by looking at the photo, Fig. 3, and Joseph Wilpert actually thought it was NIN, still without a possibility to examine the inscription closely. Eva Tea and Per Nordhagen read NIK instead,⁴ see Nordhagen's drawing (Fig. 4).⁵

According to Nordhagen, NIK is the beginning of the inscription. However, neither the watercolour from Wilpert's monumental work nor the drawing of Nordhagen are sufficiently accurate. Close examination of the fragmentary letters and palaeography offers further information (Fig. 5). The last letter of the three is particularly important in this regard. Only a fragment remains today of a vertical line forming the left side of the letter sign. On top of it there is a horizontal bar clearly visible even today. This way of writing was characteristic only of some letters but most importantly of K in some cases, which can be seen in the first letter of the inscription accompanying St Cosmas placed nearby on the same wall. Thus, reading of the remaining fragment as NIK seems to be rather verisimilar.

³ There were several attempts to identify this Celsus, which we consider unacceptable for the reasons that should be discussed elsewhere.

⁴ *Tea E.* La basilica di Santa Maria Antiqua. Milano, 1937. P. 339; *Nordhagen P. J.* The Frescoes of Pope John VII (705–707 A. D.) in S. Maria Antiqua in Rome. Roma. 1968 (Institutum Romanum Norvegiae. Acta ad archaeologiam et artium peritinentia, 3). P. 63.

⁵ *Nordhagen P. J.* The Frescoes. Pl. CXVII, inscr. 23.

Moreover, further comparison of these letters placed vertically one above another with the inscription of St Cosmas on the right clearly indicates that there is enough space for one more letter before NIK. The name of the saint must be, therefore, restored as *_*NIK...

Given that all the saints in this row must be *anargyroi*, or holy healers, this immediately results in the restoration of the name as *αΝΙΚΗΤΟΣ*, that is, Ἀνίκητος “Anicetus.”

The cult of St Anicetus, martyr of Nicomedia, was quite popular in Byzantium, where he was one of the *anargyroi* mentioned in a prayer of the rite of anointing of the sick (Εὐχέλαιον) and in a prayer of the so-called Little Consecration of Waters (Μικρὸν Ἀγίασμα), which is also one of the rites with curative purposes. We discuss both rites below (section 5). It is now more common to see Anicetus forming a pair with Photius, where Photius is his nephew and co-martyr, also recognised as *anargyros* (cf. their martyrdom in different recensions in Greek, *BHG* 1542–1544f; both commemorated on the 12th of August in the Byzantine tradition).

The cult of St Anicetus *et socii* is still understudied,⁶ but the pre-Metaphrastic *Passiones* clearly points to the curative function of this Nicomedian

cult, even though both *BHG* 1543 and *BHG* 1542 (our main pre-Metaphrastic sources) are in some places slightly corrupted.⁷

BHG 1542 (while being, according to Latyšev, further away from the archetype than *BHG* 1543) ends with a passage about the relics of both Anicetus and Photius, which were deposited in their churches (perhaps two different churches are meant, one per each of the two saints: ...ναοὺς ἐκάστῳ οἰκοδομήσαντες, — without specifying locations), “...where and many healings are performed until the present day” (ἐν οἷς καὶ πολλὰ ἰάσεις ἐπιτελοῦνται μέχρι τῆς τήμερον).⁸ Such an accent on healings at the very end of the *Passio* is rather revealing.

BHG 1543 is even more explicit, while the respective text seems to be in a little disorder: bishops “...deposited the relics of saint Photius and of the healer/physician in the place Boanē, where many healings are performed and demons are withdrawn until the present day” (κατέθεντο τὸ λείψανον τοῦ ἁγίου Φωτίου τοῦ καὶ ἱατροῦ ἐν τόπῳ Βοάνης, ὅπου καὶ πολλοὶ ἰάσεις ἐπιτελοῦνται καὶ δαιμονίων ἀπελάσεις γίνονται μέχρι τῆς σήμερον ἡμέρας).⁹ Even if the place Boanē is otherwise unknown, it is,

⁶ Pioneering work was performed by the Bollandist Joannes Pinus (Jean Pien; 1671–1749), who published epitome *BHG* 1544 in: *Acta Sanctorum Augusti*. T. II. Antwerp, 1735. Cols. 705–709. Since then, the most important full-length *Passiones BHG* 1542 and 1543 (whose texts are very close to each other) were published by Vasilij Vasil’evich Latyšev (1855–1921): *Латышев В.В. Неизданные греческие агиографические тексты / Basilius Latyšev. Haglographica graeca inedita*. St Petersburg, 1912 (Записки Императорской Академии Наук / Mémoires de l’Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. VIIIe série. Vol. 12. No. 2). P. XXXV–XXXVIII (a short study in Russian, which was the next step after Pinus), 93–113 (edition of the text of *BHG* 1543 according to manuscript *Vatic. gr.* 1671, 10th cent., that Latyšev considered to be the closest to the archetype, with different readings of *BHG* 1542, according to *Paris. Suppl.* 241, also 10th cent., in footnotes). For the most recent studies of the cult of Anicetus, together with Photius, see Tatjana Starodubcev’s works: *Стародубцев Т. Свети Фотије и Аникита и њихово поштовање и представљање у средњовековном источнохришћанском свету [Saints Photios and Aniketos and Their Cult and Representation in the Medieval Eastern Christian Realm] // Ниш и Византија. Ниш and Byzantium. Шеснаести међународни научни скуп, Ниш, 3–5. јун 2017, Зборник радова XVI, ур. М. Ракоција, Ниш 2018 [Niš and Byzantium. Sixteenth International Symposium, Niš, 3–5 June 2017, ed. M. Rakocija. Niš, 2018). P. 343–356; *Eadem*. Свети лекари. Поштовање и представљање у источнохришћанском свету средњег века [Holy Healers. Their Cult and Representation in the Eastern Christian Realm of the Middle Ages]. Belgrade, 2018 (Универзитет у Београду, Филозофски факултет, Институт за историју уметности. Студије, 14). P. 182–200 *et passim*.*

⁷ Cf. *Латышев В.В. Неизданные греческие агиографические тексты*, p. XXXVII. Unfortunately, one potentially informative source, the tenth-century *Passion* of a Nicomedian Luca Adialeptos (*BHG* 1544d) is now destroyed (by the fire in 1934) before being published: *Rigo A. Un autore spirituale sconosciuto del X secolo: Luca Adialeptos // Byzantion*. 2009. T. 79. P. 306–359, esp. 318–319. The Slavonic version of *BHG* 1543 is known (while outside the *Great Menologion* of Metropolitan Macarius of Moscow) but remains unpublished: К. Иванова. *Bibliotheca Haglographica Balcano-Slavica*. Sofia, 2008. C. 607. In Georgian, some long *Passio* is known, but is unpublished either: გაბიძაშვილი ე. ქართული ნათარგმნი ჰაგიოგრაფიის [Gabidzashvili E. Georgian Translated Haglography]. თბილისი, 2004. გვ. 354 (Nr 1146). The Arabic still unpublished Sinai menologion does not contain any full-length *Passio* (whereas the following list skip the epitomae): *Ibrahim H. Liste des Vies de saints et des homélies conservées dans les ms. Sinait arabe 395–403, 405–407, 409 et 423 // Chronos. Revue d’Histoire de l’Université de Balamand*. 2018. No. 38. P. 47–114. In Greek, there is also the unpublished panegyric by Constantine Acropolites († ca 1323) *BHG* 1544f, but it does not look very promising in respect of the new facts related to the first millennium cult. The non-Chalcedonian dossier of Anicetus and those with him is limited to the synaxarium entries (cf. below, for the Armenian Synaxaria). The Latin dossier (*Passio BHL* 481, 481d, and *Epitome BHL* 482) was taken into account already by Pinus and seems derived completely from the Greek *Passio*.

⁸ *Латышев В.В. Неизданные греческие агиографические тексты*. P. 113, footnote.

⁹ *Ibid*. P. 112–113. The same sanctuary in Boanē with the same accent on the healings mentions epitome *BHG* 1544c: “deliverance from all diseases and diverting of

nevertheless, clear that what is meant here is the shore of the homonymous lake (now called Sapanca Gölü) in the neighbourhood of Nicomedia.¹⁰ The quoted sentence is a bit odd, because it mentions St Photius only, whereas the relics of St Anicetus seem to be omitted, which is certainly due to corruption. Such a conclusion is corroborated with the syntax of the phrase τὸ λείψανον τοῦ ἁγίου Φωτίου τοῦ καὶ ἱατροῦ, which is grammatically possible but still awkward, taken into account that no physician was mentioned previously. It would be natural to restore this phrase as previously containing a mention of Anicetus, where the predicate “physician” was applied to him. Be that as it may, it is certain that the cult of St Anicetus in the metropolis of Nicomedia was established as a cult of a saint healer.

3. Why Not St Photius

It would be tempting to recognise images (4) and (5) as Sts Photius and Anicetus. However, this is anachronistic.

To begin with, the order in this pair, “Photius and Anicetus” and not *vice versa*, is hardly earlier than the eleventh century. In the earlier documents the order is reverse, “Anicetus and Photius,” which is in conformity with their legend, where Anicetus is the main character. We see this order in the earliest testimonies of their cult: the canon of “Joseph” (that is, Joseph the Hymnographer, late ninth century) on the 12th of August, in the calendar of the *Typikon* of the Great Church (ca 900),¹¹ and in the earliest recension of the Synaxarium of Constantinople (mid-tenth century) available to us not in Greek¹²

demons” (νοσημάτων παντοίων ἀπαλλαγὴν καὶ δαιμόνων ἀποτροπὴν); *Latyšev B. Menologii anonymi byzantini saeculi X quae supersunt. Fasc. II. Petropoli, 1912. P. 269–273, at p. 272.*

¹⁰ *Belke K. Bithynien und Hellespont. Wien, 2020 (Tabula Imperii Byzantini; Bd. 13. Teilband 1). S. 463. Epitome BHG 1544 mentions another place, one among others (ἐξ ὧν εἰς), “in the Peninsula Daphnusia” (ἐν Δαφνουσίᾳ τῇ Χερσονήσῳ) in the Black Sea in the same metropolis of Nicomedia, with the habitual accent on the healings: “And the grace of their healings appears in this (prayer house)” (Καὶ ἡ χάρις τῶν ἰαμάτων αὐτῶν ἐπιχωρίαζει ἐν αὐτῷ); *Acta Sanctorum Augusti. T. II. Col. 709 AB. On Daphnusia, see Belke K. Bithynien, S. 522–524.**

¹¹ *Mateos J. Le Typicon de la Grande Église. Ms. Sainte-Croix n° 40, Xe siècle. Introduction, texte critique, traduction et notes. 2 tomes. T. I. Roma, 1962 (Orientalia Christiana Analecta, 168). P. 368.*

¹² In the Greek recensions taken into account by Delehaye, the order is always “Photius and Anicetus” [*Delehaye H. Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano nunc Berolinensi adiectis synaxariis selectis. Bruxellis, 1902 (Propylaeum*

but in the Armenian version (AD 990/991).¹³ The order “Anicetus and Photius” changed to “Photius and Anicetus” already in the Georgian version of the Synaxarium of Constantinople (mid-eleventh century),¹⁴ and, therefore, is to be dated approximately to the early eleventh century.

This finds further confirmation in visual sources, for example the representation of saints on calendar icons. Their joint martyrdom on the grid-iron is depicted on a panel with summer months created by the Georgian monk Ioannes Tokhabi in the second half of the eleventh century, accompanied by an inscription mentioning Photius first and then Anicetus (Fig. 6).¹⁵

If images (4) and (5) represented a pair of saints, then Anicetus comes second, as in the following pair of Cosmas and Damian, where Cosmas is on the left and Damian on the right.¹⁶ Therefore, image (4) was most likely not that of Photius.

ad *Acta Sanctorum Novembris*). Col. 885). These recensions are never earlier than the 12th century. The Slavonic version is to be dated to the mid-eleventh century (roughly contemporaneous to the Georgian, see below), but the critical edition of this version is unavailable for the March–August half of the year.

¹³ This translation by Joseph, Bishop of Constantinople is published as the first column in the six-column edition of the six earliest Armenian Synaxaria; however, all the six preserve the same order of the names: Anicetos and Photius. Համարարար յայսմաւորք. Նախածրեքնցյան 6 խմբագրութիւններ, աշխատասիրութեամբ՝ Մարիաննա Ապրեսյանի [*A Synopsis of the Synaxaria. 6 Pre-Cerenc' recensions*. Ed. by Marianna Aprésyan], 12 vols., Սուրբ Էջմիածին, 2008–2010. [Vol.] Ը. Աւգոստոս [8. August], 2010. P. 134–135. On the Armenian translator, see Ալիքիսան Ն. Յովսէփ Կոստանդնուպոլսեցի, թարգմանիչ Յայսմաւորքի (991) [Akinian N. Joseph of Constantinople, the Translator of the Synaxarium (991)] // Հանդէս ամսօրեյ [Monthly Journal]. 1957. No. 1–2. P. 1–12. The Latin tradition also preserved the order “Anicetus and Photius.”

¹⁴ დიდი სწავსარი გიორგი მთაწმინდელი. ტექსტი გამოსაცემად და სამეცნიერო აპარატი დაურთეს მანანა დოლაძემ და დალი ჩიტუნაშვილი [Great Synaxarion. George the Hagiorite. Text and apparatus prepared by Manana Doladze and Dali Chitunashvili], თბილისი, 2017. გვ. 312.

¹⁵ *Galavaris G. An Eleventh Century Hexaptych of the Saint Catherine's Monastery at Mount Sinai. Venice–Athens 2009. P. 126.; Lidova M. Martyrs, Prophets, Monks. Calendar Icons in the Collection of St Catherine's Monastery at Sinai (11th–12th Centuries) // IKON. 2021. Vol. 14. P. 21–32.*

¹⁶ However, the order of the pair of Cyr and John is inverse, but, in this case, the whole composition is disrupted by addition of some Celsus in the middle, and the specific message of such a unique composition is to us unclear. In all other cases, the first saint of a pair is on the left (on the West wall: Jonas and Barachisius, Panteleimonos and Hermolaos; on the South wall: Cosmas and Damian, who are depicted in the Chapel of Holy Healers twice).

4. St Mocius replaced by St Sampson

In the first millennium, there was indeed a pair of *anargyroi*, where Anicetus was in the second position — the pair of Mocius and Anicetus. Before considering these saints as a pair, let us discuss the cult of St Mocius alone. Nowadays, this task is greatly facilitated by a recent study of Albrecht Berger.¹⁷ We can profit from its main conclusions here without repeating the argumentation in full. Namely, that Mocius was a martyr of Thrace or Bithynia historically unrelated to Constantinople (Byzantium), whose relics were translated to the new capital somewhere in the middle of the fourth century out of the need to bring more heavenly patrons into the city (the endeavour realised most probably in a post-Constantinian but still very early period).¹⁸ The day of commemoration of St Mocius — the 11th of May — was chosen after the translation of his relics to Constantinople and coincided with the date of the Dedication of the City (and not *vice versa*, as it was often thought); the date of the City feast has been thus reformatted as that of St Mocius.¹⁹ The ancient *Passio* of St Mocius BHG 1298 is to be dated to the sixth century, as it has been already demonstrated by Halkin.²⁰

¹⁷ Berger A. Mokios und Konstantin der Große. Zu den Anfängen des Märtyrerkults in Konstantinopel // Αντίκνησος. Τιμητικός Τόμος Σπύρου Ν. Τρωιάνου για τὰ ὀγδοηκοστὰ γενέθλιά του / Συντακτική Ἐπιτροπή Β. Λεονταρίτου, Κ. Α. Μπουρδάρη, Ἐ. Σπ. Παπαγιάννη. Αθήνα, 2013. Σ. 165–185. Cf. Constantinople in the Early Eighth Century: The *Parastaseis syntomoi chronikai*. Introduction, Translation and Commentary. Ed. by Averil Cameron and Judith Herrin *et al.* Leiden, 1984 (Columbia Studies in the Classical Tradition, 10), where the commentaries related to the cult of St Mocius are less critical than one might wish. The seminal study is that of Hippolyte Delehaye, who published the pre-Metaphrastic *Passio* BHG 1298, 1298b, 1298c together with a later panegyric by some monk Michael BHG 1298h: *Delehaye H. Saints de Thrace et de Mésie* // *Analecta Bollandiana*. 1912. T. 31. P. 161–300, with important additions (with the edition of the later *Passio* BHG 1298d) by François Halkin in: *Halkin F. Une Passion de saint Mocius, martyr à Byzance* // *Analecta Bollandiana*. 1965. T. 83. P. 5–22 [reprinted in: *Halkin F. Martyrs Grecs. IIe–VIIIe s.* London, 1974 (Variorum Reprints, CS 30), ch. XII]. Epitome BHG 1298e (in the Imperial Menologion), which Halkin planned to publish, remains unpublished. It seems that there is no full-length *Passio* of Mocius in Slavonic, Georgian, and Arabic.

¹⁸ Berger A. Mokios. Σ. 174–175 *et passim*.

¹⁹ *Ibid.* Σ. 182–184.

²⁰ *Ibid.* Σ. 175–176. Berger points to three names of fictitious persons having historical prototypes in the ecclesiastical topography of Constantinople in the fifth and early sixth centuries, whereas overlooks Halkin's observation concerning one more such person, τρισῦπατος Λαμπάδιος (“three times consul Lampadius”) having as the

This date of the ancient *Passio* roughly coincides with the time of the reconstruction of the church of St Mocius by Justinian, who made it “greater than all other sanctuaries” (τὰ ἱερὰ πάντα μεγέθει ἐλάσσω), according to Procopius, who inserted the abovementioned church in his list of the churches reconstructed by Justinian in the capital.²¹ Each new recension of a hagiographical legend is brought to being by some modification of the cult, and a major reconstruction of the martyrdom was certainly a proper occasion. Thus, we have the full right to call this ancient *Passio* Justinianic. Obviously, this was not the earliest legend of Mocius or even his earliest Constantinopolitan legend.

Our main interest is the veneration of St Mocius as a holy healer. When his cult declined, by the epoch of the Macedonian dynasty, Mocius' fame as a healer was forgotten, as it is testified by both later *Passio* BHG 1298d dated by Halkin to either “Macedonian Renaissance” of the ninth and tenth centuries or an even later period²² and the panegyric by monk Michael BHG 1298h dated to the tenth century at the latest.²³ However, in the late fourth century, Mocius was venerated as one of the most popular healers, and this fame followed him to the Justinianic period. According to the ancient *Passio*, in his martyrdom “many healings are performed by him” (πολλὰ ἰάσεις ἐπιτελοῦνται παρ' αὐτοῦ).²⁴

For the fourth century, we have the testimony of Victoricius, the bishop of Rouen, in his *De laude sanctorum* (ca 396). He enumerated, in ch. 11, fourteen saints with a reputation of healers and insisted on the curative power of their relics even in parts (the sermon itself was occasioned by the arrival of some parts of holy relics sent by Ambrosius of Milan); Mocius figures there under his standard Latin name *Mucius* (borrowed from the Thracian language): “For this reason [*we skip previous detailed argumentation*], the

prototype the authentic consul Lampadius whose consulate continued three years from 530 to 532 (*Halkin F. Une Passion*. P. 9). The date 532 is therefore the *terminus post quem* for BHG 1298.

²¹ *De aedificiis*, II, 4, 27; Procopii Caesarensis Opera omnia. Recognovit J. Havry. Editio stereotypa correctior addenda et corrigenda adiecit G. Wirth. Vol. 4. Lipsiae, 1964 (Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana). P. 26.

²² *Halkin F. Une Passion*. P. 10 (date); cf. *ibid.*, p. 22 (no mention of healings from the relics).

²³ *Delehaye H. Saints de Thrace*. P. 222 (date of the unique manuscript); cf. *ibid.*, p. 176–187 (text), see esp. p. 187, where the veneration of the relics is described without any reference to the healings.

²⁴ *Delehaye H. Saints de Thrace*. P. 175.

parts cure no less than the integral body. <...> John the Evangelist cures in Ephesus and in several other places as well <...>. Proclus cures in Bologna, Agricola likewise, and we behold their majesty here as well. Antonius cures in Piacenza; Saturninus and Throianus cure in Macedonia; Nazarius cures in Milan; Mucius, Alexander, Datisius and Chinedeus's generous power pour out the grace of salvation. Ragota, Leonida, Anastasia,²⁵ and Anatoclia cure <...>. If there is any part of the saints anywhere, they defend, purify, and protect their worshippers with an equal loyalty."²⁶ This list preceded a large (con)fusion between the Nicaean and Arian lists of saints, which took place in the early fifth century, after which many Nicaean cults of saints were either abrogated or deeply transformed. Therefore, many names of the (Nicaean) saints enumerated by Victricius are otherwise unknown.

The transformation of the cult of St Mocius when he ceased to be a holy healer is witnessed by the earliest, among the four known to us, *Vita* of St Sampson the Xenodochios (*BHG* 1614z). This saint of the Justinianic epoch who established a great hospital not far from the church of St Mocius was buried in this church immediately after his death. *Vita BHG* 1614z was written much (πολλοῖς χρόνοις) later.²⁷ It describes the relics of St Sampson

²⁵ Basil Lourié did not know that witness of St Anastasia in his study of her dossier: *Lourié B. Five Anastasiae and Two Febroniae: A Guided Tour in the Maze of Anastasia Legends* // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4 [Science journal of Volgograd State University. Series 4]. 2021. Vol. 26. No. 6. P. 252–289; 2022. Vol. 27. No. 6. P. 98–130; 2023. Vol. 28. No. 6. P. 104–150; 2024. Vol. 29. No. 6. P. 36–58. This must be the Roman saint Anastasia still not identified with the martyr of Sirmium (probably, Bassilla), whose prototype was Anastasia, the daughter of Caesar Gallus and Constantina (born ca 352); if so, she must have been dead by 396.

²⁶ *Medieval Hagiography. An Anthology*. Ed. by Th. Head. New York—London, 2001. P. 44–45. Text: “Huc accedit quod non minus in partibus quam in soliditate curatio est. <...> Curat Ephesi Iohannes Euangelista, praeterea et in locis plurimis <...>. Curat Bononiae Proclus, Agricola et hic quoque horum cernimus maiestatem. Curat Placentiae Antonius. Curat Saturninus, Troianus in Macedonia. Curat Nazarius Mediolano. Mucius, Alexander, Datisius, Chindeus larga uirtute gratiam salutis infundunt. Curat Ragota, Leonida, Anastasia, Anatoclia <...>. Quod si quicquid ubique sanctorum est, parili pietate cultores suos defendunt, purgant, tuentur”; Victricii Rotomagensis. *De laude sanctorum*. Cura et studio I. Mulders et R. Demeulenaere // *Foebadius. Victricius. Leporius. Vincentius Lerinensis. Evagrius. Ruricius. Turnhouliti*, 1985 (*Corpus Christianorum. Series latina*, 64). P. 53–93, quoted p. 86–87.

²⁷ *Halkin F. Saint Samson le Xénodoque de Constantinople (VIe siècle)* // *Rivista di studi bizantini e neellenici*. 1977–1979. N. s., [vol.] 14–16 (24–26). P. 5–17, quoted p. 8. For the cult of St Sampson, see *Смародубцев Т. Свети лекари*. С. 133–161 *et passim*.

in the church of St Mocius as the source of healings and even a material source of myron: Οὗ καὶ μέχρι τῆς δεῦρο καὶ ἕως συντελείας αἰώνων ἡ σορὸς βρῦει ἀγιασμὸν μύρου... (“And from then until now and until the end of times the coffin pours sanctification of myron...”).²⁸ The hagiographer compares Sampson with other *anargyroi*—namely, with Cosmas and Damianos, Cyr and John, and Panteleimon and Hermolaos—but not with St Mocius. For this hagiographer, St Mocius was already excluded from the ranks of the unmercenaries. Nevertheless, the status of his church as a source of healings is maintained but under the auspices of another saint. Ironically, in the sixth century, Sampson, who was a physician throughout his earthly life, was buried in the church of a physician wonderworker, but now he replaced his host as being *the* holy healer in his church.

The *Vita* of Sampson *BHG* 1614z (preserved in a unique eleventh-century manuscript) is not easily datable, but Halkin dated it “sans doute au VIIe siècle ou au début du VIIIe, avant la crise iconoclaste”²⁹ perhaps too hasty. If it does not mention any events of this crisis, it does not mean that it might have been no later than it. This means nothing more than Iconoclasm was not pertinent to the particular form of the cult of St Sampson, which his hagiographer shaped with his work. We would propose below another approach for dating *BHG* 1614z.

Let us sum up. In Constantinople, since the very beginning in the fourth century and during the Justinianic epoch, the cult of St Mocius was not only the cult of the saint patron of the City but also a major curative cult. The situation became different no later than in the tenth century, when the cult ceased to be curative. Such a change is unnatural (going against the first law of Baumstark, the Law of Organic Development of the liturgy) or, in other words, reveals an artificial intervention in shaping the official cult of the capital. The epoch of such an intervention is easy to point out: the first period of Iconoclasm (actually, between ca 730 and the death of Leo IV in 780, perhaps closer to the beginning of this timespan, because the cult of St Mocius was involved in court ceremonies). The first Byzantine iconoclasm fought against with the relics as well, which should have automatically affected the rites related to healing.

²⁸ *Ibid.* P. 15. In later accounts, the myron was replaced by holy water. See *Jouravel A. Die Kniga palomnik des Antonij von Novgorod*. Edition, Übersetzung, Kommentar. Wiesbaden, 2019 (*Imagines Medii Aevi*, 47). S. 306/307 (txt/tr.) and commentaries *passim*.

²⁹ *Ibid.* P. 6, without any explicit argumentation.

This conclusion, in turn, allows us to date *BHG* 1614z to the post-Iconoclastic period (at least, posterior to 787, the end of the first period of Iconoclasm). At some point, after the restoration of the public veneration of holy relics, the relics of St Sampson began to pour holy myron, thus returning to the martyrdom of St Mocius its role of a major centre of healing. The author of *BHG* 1614z—an educated man perhaps not irresponsible for making St Sampson a myron-pouring saint—wrote the new *Vita*, representing the new shape of an old cult.

From the above, we have to retain that the cult of St Mocius preserved its curative character until the early eighth century. However, even in the Justinianic epoch, not to say earlier, it does not seem to be connected to the cult of St Anicetus.

5. St Mocius and St Anicetus

The fact that the two cults of healers, those of St Mocius and St Anicetus, eventually became connected to each other, is witnessed by the Byzantine liturgical tradition, in its rites of healing, namely, by one prayer of the rite of anointing of the sick (the seven times repeated, at each of the seven anointings, prayer Πάτερ Ἄγιε, ἱατρὲ τῶν ψυχῶν καὶ τῶν σωμάτων... “Holy Father, physician of souls and bodies...”) and one prayer of the Little Consecration of Waters (the prayer of the consecration itself, Κύριε ὁ Θεὸς ἡμῶν, ὁ μέγας τῇ βουλῇ καὶ θαυμαστὸς τοῖς ἔργοις... “Lord our God, mighty in counsel, and wonderful in works...”). Both prayers contain lists of holy unmercenaries, including the pair of saints, Mocius and Anicetus.

The inclusion of St Mocius in the list of holy healers was certainly at odds with his new reputation as a major saint of the capital, but not a healer. Therefore, in the part of the liturgical tradition of the sacrament of Εὐχέλαιον, the name of Mocius is replaced by that of Photius, the companion of St Anicetus.³⁰ Nevertheless, even the authentic text mentioning “Mocius and Anicetus” is not especially ancient: it is certainly posterior to

³⁰ Thus, in the Slavonic tradition, the prayer Πάτερ Ἄγιε mentions “Photius and Anicetus” instead of “Mocius and Anicetus.” This variant goes back to Greek sources of the middle of the second millennium. It is printed in the *Euchologion* of Goar in the main text of the rite (based on early printed Greek *Euchologia*): *Goar I. Euchologion, sive Rituale Graecorum. Lutetiae Parisiorum, 1647. P. 417; Idem. Editio secunda. Expurgata, & accuratior. Venetiis, 1730. P. 338.*

the eleventh century, whereas, in the earlier forms of the rite, the respective prayer did not enumerate specific saints.³¹

The text of the prayer of the Μικρὸν Ἀγίασμα could be earlier, but it is not well-documented. The rite itself was developed around its central prayer Κύριε ὁ Θεὸς ἡμῶν somewhere in the eleventh and twelfth century, whereas this prayer itself was previously used otherwise. Its earliest witness is *Sinaiticus gr.* 959, 11th cent., where it is entitled Εὐχὴ τοῦ ἁγιασμοῦ τῆς λειτουργίας (“Prayer of consecration [of water] of/for [Eucharistic?] liturgy”), whatever it means (probably, it means an insertion of the consecration of waters in the Liturgy of the Word). It mentions τῶν ἁγίων καὶ ἐνδόξων θαυματουργῶν ἱατρῶν καὶ ἀναργύρων Κοσμά καὶ Δαμιανοῦ, Κύρου καὶ Ἰωάννου καὶ Παντελεήμονος καὶ πάντων σου τῶν ἁγίων³² (“...of the saint and glorious wonderworkers physicians and unmercenaries Cosmas and Damian, Cyr and John, and Panteleimon, and of all Thy saints”). One manuscript is not enough for concluding that the names of Mocius and Anicetus were added to this text at the stage of its inclusion in the rite of Μικρὸν Ἀγίασμα, which is moreover impossible, because, by the eleventh century, Mocius already lost his reputation of a healer. The prayer Κύριε ὁ Θεὸς ἡμῶν was received in the rite of Μικρὸν Ἀγίασμα in the form already containing the mention of Mocius and Anicetus.

In any case, the mention of the pair “Mocius and Anicetus” is untraceable in the liturgical texts of the first millennium, which, however, are preserved in a very limited number. Fortunately, our main interest now is not liturgy but the cult of saints. The late liturgical texts referred

³¹ *Арранц М.* Избранные сочинения по литургике. Т. 2. Таинства Византийской Традиции / *Sacramenta Traditionis Byzantinae*. Рим–Москва, 2003 (Bibliotheca Ignatiana). С. 492–494. In *Arantz M.* Le preghiere degli infermi nella tradizione bizantina. I sacramenti della restaurazione dell’antico Eucologio costantinopolitano. II-5 // *Orientalia Christiana Periodica*. 1996. Vol. 62. P. 295–351, esp. p. 304–306, only earlier textual variants of the prayer are quoted.

³² *Дмитриевский А.* Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока [*Dmitrievsky A.* A Description of the Liturgical Manuscripts Preserved in the Libraries of Orthodox East]. Т. 2. Εὐχολόγια. Кієвъ, 1901. С. 50–51, the list of saints at p. 51. Cf., in the modern standard text: τῶν ἁγίων ἐνδόξων καὶ θαυματουργῶν Ἀναργύρων Κοσμά καὶ Δαμιανοῦ, Κύρου καὶ Ἰωάννου, Παντελεήμονος καὶ Ἑρμολάου, Σαμψῶν καὶ Διομήδους, Μωκίου καὶ Ἀνικήτου, Θαλλελαίου καὶ Τρύφωνος· τοῦ Ἁγίου (τῆς ἡμέρας), οὗ καὶ τὴν μνήμην ἐπιτελοῦμεν καὶ πάντων σου τῶν ἁγίων.

to above are faithful to the earlier cultic tradition, where Mocius was still a holy healer, and which, therefore, goes back to the pre-Iconoclastic period. In this tradition, Mocius and Anicetus were one of the several pairs of holy unmercenaries, which points to the period after the Justinianic time.

Between the reign of Justinian and the outburst of Iconoclasm, there was a relatively short period, from the very late sixth century to the middle of the seventh, when many cults of the holy healers became highly venerated in Byzantium, including Constantinople. This is the time when most famous collections of miracles were formed (including those of St Artemius, of Cyr and John, Cosmas and Damian, the first collection of the Miracles of St Dimitrios). It would be quite natural if the pair of holy unmercenaries Mocius and Anicetus was formed during this period.

What is still missing in our analysis is the question of when exactly Anicetus became a saint especially venerated in Constantinople alongside,—while in the second place after—St Mocius.

6. When St Anicetus met St Mocius

There is no tangible evidence of a specific veneration of the Nicomedian saint Anicetus in Constantinople before the seventh century. Therefore, when did the situation change? To answer this question, we have to look for a context in which the saint of Nicomedia played a significant role in the life of Constantinople and/or the Imperial court (let us recall that the cult of St Mocius has had a recognisable place in court rituals) in the seventh century. An appropriate context is provided by the second Persian campaign of Emperor Heraclius.

In 624, after celebrating the Annunciation in Constantinople, the Emperor together with his family departed for Nicomedia. There, they celebrated Easter (15th of April) not in the city itself but somewhere “near to the city”: καὶ ἐποίησεν σὺν αὐτοῖς τὴν πασχαλίαν ἑορτὴν πλησίον τῆς πόλεως Νικομηδείας (“In their [family members’] company he kept the Easter festival near the city of Nicomedia”).³³ Then, the Emperor sent most of his family back to the capital and pursued his way to Persia. The campaign turned

out to be quite troublesome, but the return of the Emperor to Constantinople in 628 was in the end triumphant.³⁴

It is worth pointing out that before his victorious campaign, Heraclius prayed not in the cathedral or another great church of Nicomedia but somewhere in its neighbourhood. This place could hardly be any other than Boanē, the martyrion of St Anicetus. In this way, Heraclius could have entrusted the entire campaign to the auspices of this saint.

This fact *per se* could have been enough for the establishment of the specific cult of St Anicetus in the capital, but the place of St Anicetus after St Mocius would suggest something more, namely that a part of the relics of St Anicetus may have been deposited in the martyrion of St Mocius. Such a supposition, although very likely, remains indemonstrable so far.

By the late ninth century, St Anicetus and St Photius had had their own martyrion in the Strategion,³⁵ first mentioned in the Typicon of the Great Church (Τελεῖται δὲ ἡ αὐτῶν σύναξις ἐν τῷ ἀγιωτάτῳ αὐτῶν μαρτυρίῳ τῷ ὄντι ἐν τῷ Στρατηγίῳ “And their commemoration feast [on August, 12] is celebrated in their most holy martyrion that is in the Strategion”),³⁶ whose formulation is repeated by the synaxaria. It is likely that in the church called “martyrion” their relics were deposited. Nevertheless, nothing is known about this church from earlier sources (and it is still unidentified archaeologically).

The date of the church of Sts Anicetus and Photius is so far unknown. If the relics of its patron saints were actually deposited there, it might have been constructed for receiving them either under Heraclius or later (or even much later, after the first Iconoclasm). All these variants are compatible with a temporary deposition of their relics in the martyrion of St Mocius.

7. Conclusions

Our study results in following main statements that are enumerated below in the reverse causal order:

³⁴ Unfortunately, many details of this return are unclear, including the route and the date of the arrival; see: *Kaegi W. E.* Heraclius, Emperor of Byzantium. Cambridge, 2003. P. 185–186.

³⁵ *Janin R.* La géographie ecclésiastique de l’Empire Byzantin. Première partie. Le siège de Constantinople et le Patriarcat œcuménique. T. III. Les églises et les monastères. 2e éd. Paris, 1969. P. 500. *Guilland R.* Études de topographie de Constantinople byzantin. T. 2. Berlin — Amsterdam, 1969 (Berliner byzantinistische Arbeiten, 37). P. 55–56.

³⁶ *Mateos J.* Le Typicon. T. 1. P. 368.

³³ Chronicon Paschale. Rec. L. Dindorfius. Vol. I. Bonnae, 1832 (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae). P. 714; English tr.: Chronicon Paschale. 284–628 AD. Translated with introduction and notes by Michael Whitby and Mary Whitby. Liverpool, 1989 [reprint 2007] (Translated Texts for Historians, 7). P. 166.

1. The images (4) and (5) on the North wall of the Chapel of Holy Physicians can be identified with St Mocius and St Anicetus respectively.

2. This pair of saints was venerated as a pair of unmercenaries in the state cult of Constantinople roughly between 628 (Heraclius' triumphal return from Persia) and 726/730 (beginning of Iconoclasm), which is the period when the frescoes of the Chapel of Holy Physicians were created.

3. An especially prominent veneration of St Anicetus in Constantinople was due to the memory of the victorious second Persian campaign of Heraclius, which he started after the Easter service (on April 15, 624) in the martyrion of Sts Anicetus and Photius in Boanē near Nicomedia.

4. In the seventh century, St Mocius, the saint patron of the capital since the mid-fourth century, continued to be considered one of the major healer saints; he lost this reputation in the eighth century, when his cult, involved in the Imperial ceremonial, was affected by the iconoclastic rejection of holy relics.

Several other conclusions were involved as lemmas in the demonstration of the above. Namely,

5. The ancient *Passio* of St Mocius BHG 1298 (already dated to the sixth century by Halkin and Berger) was composed most probably on the occasion of the reconstruction of the martyrion of St Mocius by Justinian.

6. Mention of the pair of Mocius and Anicetus among holy unmercenaries in the Byzantine prayers of the anointment of the sick and of the Little Sanctification of Waters goes back to their common cult of the seventh century, even though the preserved texts of the respective prayers are not so early.

7. The earliest *Vita* of St Sampson the Xenodochios BHG 1614z was dedicated to the cult of his relics deposited in the martyrion of St Mocius long ago, under Justinian where they become myron-pouring and the source of healings within the martyrion of St Mocius at the time, when the cult of St Mocius as a holy healer must have been already forgotten, but the cult of miraculous relics was, on the contrary, flourishing again with a new force, that is, after the first Iconoclasm at the earliest (and before the eleventh century, which is the date of its unique manuscript).

8. The cult of St Sampson reformatted along the lines of his *Vita* BHG 1614z served to preserve, for the martyrion of St Mocius, the function of a major sanctuary for healings in the capital, notwithstanding that St Mocius himself lost his reputation of a holy healer. In a later epoch, the relics of St Sampson ceased to pour myron and begun to pour sanctified water instead.

А.А. Евдокимова

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Системы акцентуации в византийских греческих надписях Болгарии

Греческий язык на территории Болгарии был засвидетельствован в эпиграфических источниках еще в античное время¹. В данной статье мы обратимся к материалу византийского времени² и разберем некоторые из акцентуированных надписей Болгарии, вошедшие в корпус византийских акцентуированных текстов BGAT³. Начнем наш обзор с памятников, опубликованных у Бешевлиева в книге «Protobulgarischen inschriften»⁴. Некоторые надписи, представленные в этой коллекции, содержат знак диэрезис над йотой, стоящей в разных позициях, в том числе после согласных.

1. На мраморной плите из раскопок Када-Кёй⁵ (рис. 1), хранящейся в археологическом музее Софии инв. № 362, из знаков использованы только трема над йотой и юпсилоном и вертикальное троеточие, маркирующее границы фраз:

¹ Mihailov G. Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae, I-V. Sofia, 1958–1997; Mihailov G. La langue des inscriptions grecques en Bulgarie. Phonétique et morphologie. Sofia: 1943, Sharankov N. Notes on Ancient and Mediaeval Latin and Greek Inscriptions from Bulgaria. // Archaeologia Bulgarica XIII. 2009. Vol. 3. P. 47–61, fig. 17–21 etc

² ср. Мирчева-Жечкова А. Особенности на гръцкия език в периода IV–VI век по епиграфски данни от България. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“, 2023.

³ Евдокимова А.А. Корпус акцентуированных византийских письменных памятников и методы его разметки // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Вып. 22, дополнительный том. М., 2023а. С. 1071–1081 (<https://www.dialog-21.ru/media/5873/evdokimovaaa063.pdf>).

⁴ Die Protobulgarischen Inschriften (BBA 23) / Ed. Veselin Beševliev. Berlin: 1963.

⁵ Ibid. №3а, abb. 27. P. 136–142.

рис. 1. Мраморная плита из раскопок
Када-Кёй

«κακῖνος νηκον αι|| τους γρικδς
ἰς μαρκ[έλαν]|| γρυψ. κ/ ἰσίλθεν
ο νικῖφ[ορος]|| εκ πῖκρίας αὐτδ.
μῖ σορει || η γρεку κ/ (=καὶ) παλῖν
εσορέυ[θισαν]|| εκδς ο θς επύϊσεν
τον|| ηκος ο θς επύϊσεν κ/ (=καὶ)
τον|| κ/ (=καὶ) ἱπῖντῖσαν αὐτον ἱ
γρ[еку]|| πολῖν κ/ (=καὶ) εσταθῖν ἰς
τι[ν]|| λθεν ἰς αδρίανδπολ/ κ/ (=καὶ)
ε|| аς κ/ (=καὶ) τδς πολεμαρχας»⁶.

В одних словах йота с тремой написана на месте дифтонга *ει* и *αι* под ударением и без, а в других на месте *η*, в основном, в заударном слоге и иногда на месте *οι* и *υ*. В остальных случаях дизерезис встречается над йотой перед гласной или после определенных согласных (*κ*, *λ* и др.) в ситуации их палатализации как в надписях Каппадокии⁷. Трема над юпсилоном стоит в разных формах местоимения *αὐτός*.

2. Вторая надпись (рис. 2), начертанная на фрагменте мраморной плиты из музея Констанцы в Румынии инв. № II 33006⁸, также содержит только дизерезис над йотой вместо *ει*, *η* и над йотой под ударением после *ню*, после сигмы и перед гласной:

рис. 2. Надпись на фрагменте
мраморной плиты из музея Констанцы
в Румынии

«των φοσατων αυτδ ἱ|| [ν]ῖκῖσεν
ο κρδμος κ/ (=καὶ), αλῖλ[θεν] || εν
[θ]υσῖαν ἰς τῖν θα[]».

⁶ Все надписи в статье приводятся в нашей расшифровке с передачей орфографии и акцентуации как в оригинальных памятниках.

⁷ Евдокимова А.А. Системы акцентуации в византийских греческих надписях и граффити Каппадокии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29, № 6. С. 246–263. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.18>.

⁸ Die Protobulgarischen Inschriften. №3b, abb. 29. P. 137, 142–143.

рис. 3. Надпись на мраморной
плите из музея Силистры инв. №
840

3. На следующем фрагменте мраморной плиты (рис. 3) из музея Силистры инв. № 840⁹ содержится только один интересующий нас пример в третьей строке надписи:

«αδελ[φον] || κ/ (=καὶ) αλεθαν[εν] ||
[βας]ῖλεус ο».

В ней трема стоит над йотой после сигмы в предударном слоге.

рис. 4. Фрагмент плиты известняка,
найденный в Плиске

4. Фрагмент плиты из известняка¹⁰, найденный в Плиске, хранится в археологическом музее Софии инв. № 3959 (рис. 4) с надписью в три строки:

«καλ. || .[? 'Ιου]λῖα ετ/ || βο-
γῖαν».

Трема стоит в окончании слова над йотой перед гласной «[? 'Ιου]λῖα».

5. Фрагмент колонны из руин дворца (Sarayeri) в Плиске¹¹ (археологический музей Софии инв. №638) с пятнадцатью строками, где части надписи разбиты тремя вертикальными точками. Единственный знак — трема над йотой, написанной вместо *эты* в артикле женского рода в 8 строке: «γεγονεν ἱ οροθεσι[α]».

6. Четырехстрочный фрагмент надписи на блоке из известняка¹² из музея Райтера в Мадаре, часть букв в надписи которого прямоугольной и треугольной формы, также имеет один случай употребления тремы над йотой в буквами написанной цифре во второй строке *|ῖβ|*.

⁹ Ibid. №3с, abb. 30. P. 137–138, 143–145.

¹⁰ Ibid. №7, abb. 40. P. 151–152.

¹¹ Ibid. №41, abb. 79, p. 190–206.

¹² Ibid. №50, abb. 97, p. 233–235.

7. Семнадцатистроочный фрагмент надписи (рис. 5) на колонне темного сиенита из церкви Святых 40 мучеников в Тырново¹³ с левой стороны сохранился хуже, чем с правой. Также содержит только диэрезис, который стоит над йотами, написанными вместо η, οι, υι, а также над йотой перед гласной:

рис. 5. Надпись на колонне темного сиенита из церкви Святых 40 мучеников в Тырново

8. В самой известной надписи (рис. 6) из этой коллекции¹⁴ на мраморной колонне из Крумово (рядом с городом Шумен), хранящейся в археологическом музее Софии инв. №697, также встречается только диэрезис, который стоит над йотами, начертанными вместо ει, οι, η, υι, а также над йотой после гласной:

«απο τὴν αὐτὴν μεσην||
τῶμβας εὐς τὴν αὐλὶ || μου
τὴν αὐρεαν ἰσιν οργη||
μυρίαδες β κ/ ἐπιτονα|| [δ]
ἀνδρὶν ἰσὴν οργίης μ||
ριαδες β| οδε αὐτο τῶβι||
ἐστὶν πανφυμον μετρίσα(ν)||
τεσ τὴν γίνε πύσσα τα γραμα||
τα ταυτα ο ἀνθρωπος κ || ἀλα-
ζον ἀποθνῖσκῖ κε ἀλ||
ος γενατε κε ἵνα ο εσχατον γη||
νομενος ταυτα θεωρον
υπομνη||σκετε τον πύσαντα
αὐτο το δε ο||μορταγ καννα
συβῖγη ο θς α||ξιοσι αὐτον
ζῖσε ετ||η ρ».

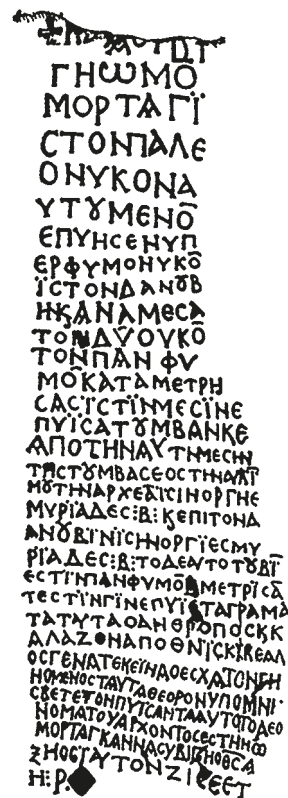

рис. 6. Прорисовка надписи на мраморной колонне из Крумово.

«+ Κα[ν]α συβιγη Ωμο||<μο>ρταγι||
τον παλε||ον υκον α||υτου μενο(ν)||
επησεν υπ||ερφυμον υκο(ν)||
ἱς τον Δανουβ||ην κ(ε) αναμεσα||
τον δυο υκο(ν)|| τον πανφυ||μο(ν)
καταμετρη||σας ἱς τὴν μεσῖν ε||
πύσσα τουμβαν κε|| απο τὴν
αὐτη(ν) μεσην|| της τουμβας εὐς
τὴν αὐλῖ(ν)|| μου τὴν αρχεα(ν)
ἱσιν οργη|| μυρίαδες β' κ(ε) ἐπὶ
τον Δ||ανουβῖν ἱσὴν οργίης
μυρίαδες β'. το δε αὐτο τουβῖ(ν)||
ἐστὶν πανφυμο(ν) κ(ε) μετρίσα(ν)||
τεс τὴν γίνε [ε] πύσσα τα
γραμα||τα ταυτα. ο ἀνθρωπος
κ(ε) κ||αλα ζον ἀποθνῖσκῖ κε
ἀλ||ος γενατε κε ἵνα ο εсхаτον
γη||νομενος ταυτα θεωρον
υπομνη||σκετε τον πύσαντα
αὐτο. το δε ο||νομα του
αρχонτος ἐστὶν Ω||μορταγ
καν(ν)α συβιγη·ο Θ(ε)ς
α||ξιοσι αὐτον ζῖσε ετ||η ρ'.»

9. В граффито монаха Антония Х в. из монастыря Равна (рис. 7), опубликованного Казимиром Попконстантиновым¹⁵, циркумфлекс в имени употреблен

¹⁵ Popkonstantinov K. Greek Inscriptions from Ninth-Tenth Century Bulgaria. A Case Study of Byzantine Epigraphy. // Inscriptions in Byzantium and Beyond. Methods — Projects — Case

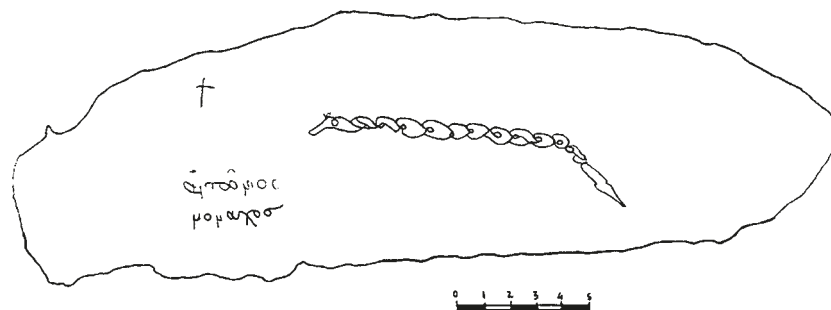

Рис. 7. Минускульное граффито из монастыря Равна.

¹³ Ibid. №55, abb. 105, p. 246–260.

¹⁴ Ibid. №56, p. 260–277, abb. 56. Prinzing G. Pliska in the view of Protobulgarian inscriptions and Byzantine written sources // Volume 2. Byzantium, Pliska, and the Balkans. Berlin, New York: De Gruyter, 2007. P. 247, fig. 2, DOI: 10.1515/9783110218831.2.241.

вместо акута на третьем слоге от конца: «ἀντὼνιος || μοναχος». Такое употребление свидетельствует о консонантизации йоты в позиции перед гласной при произношении в этом регионе.

Надписи стихотворного характера на камне представлены несколькими акцентуированными эпиграммами, опубликованными Андреасом Роби¹⁶.

10. Архитрав (129 × 6 см), датированный ок. 1079/80 гг. (рис. 8), сейчас хранится в Болгарской академии наук, в Археологическом музее в Софии. Происходит из монастырской церкви Богородицы Элеуса в Велюсе близ Струмицы (юго-восточная часть бывшей югославской Республики Македония), где располагался над входом в наос. Маяюскульная надпись, часть букв которой с апиксами, занимает две строки и является метрической¹⁷. Состоит из четырех стихов, по два стиха в каждой строке, астерикс разделяет их границы в первой строке и троеточие вертикальное во второй. Сама надпись частично акцентуирована. Часть знаков написаны со сдвигами вправо. При этом ударные дифтонги со сдвигами влево либо перед и на первый элемент, как в союзе κ'αι, либо между элементами:

«στ πασας τεθεικως εις σε μδ τα'ς ελπιδας *ω μηρ α'γνη και βλυσις το'υ ελεους. στ|| ποιμην μοναστη'ς μανδ'ηλ σδς οικε'της κ'αι τονδε σοι δεσποινα σηκο'ν προσφε'ρω».

Рис. 8. Архитрав из археологического музея в Софии.

11. Каменная плита (размером 91 × 35 см) хранится в Болгарской академии наук, в музее Археологического института (инв. №330).

Studies. /Ed. By Andreas Rhoby. Wien: 2015, p. 195–201, fig. 5. https://austriaca.at/0xc1aa5576_0x003219a6.pdf.

¹⁶ Rhoby A. Byzantinische Epigramme in inschriftlicher Überlieferung herausgegeben von Wolfram Hörandner, Andreas Rhoby und Anneliese Paul. Band 3/I. Byzantinische Epigramme auf Stein nebst Addenda zu den Bänden 1 und 2. Wien, 2014 (https://austriaca.at/0xc1aa5576_0x003ace2a.pdf).

¹⁷ Rhoby A. Byzantinische Epigramme in inschriftlicher Überlieferung herausgegeben von Wolfram Hörandner, Andreas Rhoby und Anneliese Paul. Band 3/I. Byzantinische Epigramme auf Stein nebst Addenda zu den Bänden 1 und 2. Wien, 2014, Nr.BG4. P. 122–123.

Опубликованный Андреасом Роби памятник¹⁸ ранее был встроен в стену двора церкви Св. Богородицы в Пловдиве (рис. 9). Надпись частично акцентуирована и состоит из трех стихов, по одному в каждой строке:

рис. 9. Надгробная надпись из церкви Св. Богородицы в Пловдиве

«λίψανον' κήται τελεν
ενταυ[θα]|| επίφανηδ θυγα-
τρος αλυάτου|| τού κ' κτή-
τορος τοῦ θε'ιδ ναοῦ του-
του).».

Роби отмечает палеографию надписи, нерегулярный характер букв, необычную форму некоторых из них, как пси и омикрон с острым низом, а также длинную лигатуру в первом же слове. Бешевлиев датирует эту надпись XIII–XIV веками¹⁹. Как видно из текста приведенной надписи, некоторые знаки акцентуации поставлены в рамках византийской системы, ровно над гласными, другие, смещены влево, на первый элемент дифтонга, как было принято в александрийской системе. Трема стоит между двумя согласными, над йотой после пи, что отражает палатализацию согласного и маркирует границу приставки.

12. На мраморной плите (44 × 42 см) ок. 1428 г., хранящейся в археологическом музее Несебра инв. Nr.1795²⁰, маяюскулом выгравирована девятистрочная надпись (рис. 10). Она представляет по мнению Андреаса Роби²¹ и Гюзелева-Кодера²² эпигramму из десяти стихов, хотя ее последняя строка прозаическая:

¹⁸ Rhoby A. Byzantinische Epigramme in inschriftlicher Überlieferung herausgegeben von Wolfram Hörandner, Andreas Rhoby und Anneliese Paul. Band 3/I. Byzantinische Epigramme auf Stein nebst Addenda zu den Bänden 1 und 2. Wien, 2014, NrBG5. P. 124–125.

¹⁹ Beševliev V. Spätgriechische und spätlateinische Inschriften aus Bulgarien (BBA 30). Berlin 1964, p. 147.

²⁰ Rhoby A. Byzantinische Epigramme in inschriftlicher Überlieferung, NrBG3. P. 119–122.

²¹ Ibid. P. 119.

²² Gjuzelev V., Koder J. Ein inschriftliches Grabepigramm des Jahres 1428 in Nesebär. // Byzantinobulgarica. 1978. Bd. 5. S. 306–308.

рис. 10. Надгробная надпись из Несебра
инв. №1795.

«τυμβος ἐνθά φέν δειν' ὄ
μυστηρ' ἰδ | νῦν || συμφορ(ας)
ἀπαυστος ἡγέρθη κλύδων |
νῦν κα' ἰ || [σελ]ήνη καὶ χορ' οὐ
τῶν ἀστ' ρων | ἀντ' ἀκτινῶν ||
πεμψατε κρῶν' οὐδ' οὐκ ἀκρυῶν | η
γὰρ' θεοδώρ(α) τ' ὄνομα κ[αὶ]
τῶ τρόπῳ | οἱμοι προ καιρ' ὄ
ετρύγηθ(η) || [ρι]ζώθεν | τῶ(ν)
δενδρῶν οἷον ἐξέκοψα(ς) ||
[ῶ] μορε | ἀλλ' ὦ ποιήτα γ(ης)
θαλλ' ασσ(ης) καὶ πάντ(ων) ||
αναπάνσον αὐτ' ἦν ἐν σκηνέ-
των ἀγί(ων) | οἱ(ι) συ πρέ-
πει) δοξ(α) εἰς τοὺς αἰῶν(ας) ||
εκοιμήθη δε ἡ τῶ θυ θεδωρ(α)
ἐν μη(νὶ) Νοε(μβριῳ) ἡ ἰνδ(ι-
κτιῶνος) κ' τῶ ζ' ἡλ(ξ) ἐτ(ους)».

Поскольку границы стихов не совпадают с границами строк, то они маркированы тремя-четырьмя наложенными друг на друга вертикально расположенными точками. Наряду с многочисленными сокращениями и лигатурами используются знаки акцентуации, поэтому мы поставили лишь те знаки, в которых были уверены. Анализ акцентуации этой надписи показывает, что большая часть придыханий была пропущена. В некоторых дифтонгах знаки смещены на первый элемент дифтонга, в других — нет. Часть ударений ровно над гласными, а другие сдвинуты либо влево, либо вправо и оказываются на пробеле между гласной и согласной.

13. Надпись деспота Алексия Слава на колоколе из Мельника XIII в.²³ акцентуирована спорадически (рис. 11). Большая часть знаков располагается ровно над гласной. Трема над йотой встречается перед гласной и после ню, некоторые акуты сдвинуты влево:

²³ Sharankov N. Notes on Ancient and Mediaeval Latin and Greek Inscriptions from Bulgaria. // Archaeologia Bulgarica. 2009. Vol. XIII, 3. P. 47–61, fig. 17–21, Rhoby A. Byzantinische Epigramme in inschriftlicher Überlieferung Band 2. Byzantinische Epigramme auf Ikonen und Objekten der Kleinkunst. Wien: 2010, Nr.Me4, p. 497.

Рис. 11. Колокола деспота Алексия Слава. Фрагменты надписей.

Рис. 12а-б.
Подпись к фреске
св. Николая из
церкви Св. Георгия
Победоносца
в Кюстендил

«στ κόδωνα χαλκήλα τον δῶρον δεσποτου | αλε-
ξίου δε τ||ου ευσεβους θ' αβου | προς τον' όσιον νί-
κ' ολαον τον των μύρων».

14. Обратимся к некоторым примерам из фресковой живописи византийского периода с надписями на греческом языке. Среди славянских надписей в церкви Св. Георгия Победоносца в Кюстендил в квартале Колуша у подножия Осогово на фреске XI–XII вв. со святым Николаем акцентуированная подпись на греческом. В имени стоит акут, сдвинутый вправо на пробел после буквы: «NI||KO' || LA||O||(ς)», и в эпитете также «ό Α' || ΓΙ||O||ς», а придыхание, легкое вместо густого, при этом сдвинуто влево.

15. В монастыре Бачково²⁴ встречаются греческие подписи к фрескам XII в.²⁵. Они распределяются в церкви-костнице на обоих этажах.

²⁴ Геров Г.П. О фресках XII и XIV веков в Бачковской церкви-костнице // Искусство византийского мира. Индивидуальность в художественном творчестве: Сб. статей в честь Ольги Сигизмундовны Поповой. М., 2021. С. 72–95.

²⁵ Лазарев В.Н. История византийской живописи. М., 1947. С. 136–137.

На верхнем этаже можно увидеть фреску со св. Василием и Григорием Богословом со свитками (рис. 13), датированную 3 четвертью XII в.²⁶. В подписях к святителям знаки акцентуации длинные, некоторые сдвинуты вправо, придыхания в большей части пропущены: «ὁ α' || γι || ο(ς) || βα || στ' || λει || ο(ς), ο ἡ' || γρη || γο' || ρι || ο(ς)». На свитке св. Василия: «ὁδεῖς || αἰος || τ()' συν || δ' εδεμε || ν' τα ἰς || σαρκικ(αις)» — цитата из литургии св. Иоанна Златоуста. Надпись на свитке Григория Богослова плохой сохранности для анализа ее акцентуации.

Рис. 13 Фреска со святителями св. Василием и Григорием Богословом из монастыря Бачково.

16. Фреска на южной стене в монастыре в верхней церкви Бачково (рис. 14) 3 четверти XII в. с изображением сцены Причастия апостолов²⁷ содержит цитату из Евангелия от Матфея 26, 26–27: «πότετε εἰς αὐτὸ || παντ(ε)ς τ' ὅτο || εστιν το || αμ[α] μδ». В дифтонге в глаголе «πότετε» акут сдвинут влево на первый элемент, как было принято

Рис. 14. Подпись к сцене Причастия апостолов из церкви в Бачково.

²⁶ Бакалова Э. Фрески церкви-гробницы Бачковского монастыря и византийская живопись XII века // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура: Сб. статей в честь В. Н. Лазарева. М.: Наука, 1973. С. 217.

²⁷ Бакалова Э. Фрески церкви-гробницы Бачковского монастыря. С. 220; Oretskaya I. On the style of the Bachkovo Ossuary frescoes. // ЗОГРАФ. 2018. Т. 42 [37–54] <https://doi.org/10.2298/ZOG1842037O>, p. 41, fig 8.

в александрийской системе акцентуации. Циркумфлекс в местоимениях надписаны над вертикальной лигатурой, легкое придыхание также располагается скорее над первым элементом дифтонга.

17. На фреске из нижнего этажа церкви-костницы в Бачково²⁸ 3 четверти XII в. с изображением Петра Александрийского (рис. 15) придыхания отсутствуют: «ο α' || γι || ο || ς || πέ || τρο || (ς) || αλε || ξαν' || δρι' (ος)». Ударения в имени и в эпитете «α' || γι || ο || ς» стоят ровно над гласной, а в другом эпитете святого, «αλε || ξαν' || δρι' (ος)», сдвинуты вправо.

Рис. 15 Фрагмент фрески св. Петра Александрийского из Бачково.

18. Фрагмент фрески из церкви св. Петра и Павла из Велико Тырново (рис. 16) XIV в. содержит акцентуированную надпись на греческом: «[ὑπε]ρευλογη[μένης] δεσπο[ί]νης ἡμῶν θ[εο]ῦ κ' αειπαρθ[έν]ου μαρ[τ]ίας». В ней часть знаков сдвинуты вправо и попадают на пробел между гласной и согласной. Над сокращением стоит ударение, другие знаки ровно над гласной, вместо ударения в имени Мария, над йотой использована трема перед гласной.

Рис. 16. Фрагмент греческой надписи из церкви св. Петра и Павла из Велико Тырново.

²⁸ Бакалова Э. Фрески церкви-гробницы Бачковского монастыря. С. 226.

19. Фреска Иоанна Прოდрома²⁹ XIV в. из церкви Червень (рис. 17) экспонируется в национальном историческом музее Софии. Некоторые знаки акцентуации сдвинуты вправо или влево, а остальные располагаются ровно над гласными: «ὁρα`ς <ο>πος|| πάσχδσ(iv) || ο̄ θῡ λ'ογε || ἡ τῶν πραγ||μ'α- τῶν|| ἔλε[γ]||χ̃ε ι(τῶν) βγε||λῆκτέον». Циркумфлекс стоит сразу после знака сокращения θῡ. Некоторые знаки оказываются над вертикальными лигатурами дифтонгов, а в ряде слов ударения также стоят и на безударных слогах.

В нашу подборку были включены болгарские иконы, хранящиеся в национальной галерее и выложенные в цифровом виде на сайте последней³⁰. Они содержат греческие надписи со знаками акцентуации.

Рис. 18. Фрагмент иконы Христос Пантократор из Несебра, церкви Св. Стефана

20а. Начнем с двусторонней иконы Христос Пантократор³¹ — Распятие Христа из Несебра, церкви Св. Стефана размером 143.8 x 99.7 см., которая выполнена темперой, серебром, позолотой на холсте на деревянной доске. Первая сторона (рис. 18) датируется поздн. XI, с поновлением в более позднее время (XIV, XVI, XVIII вв.). В руках у Спасителя евангелие с цитатой из Евангелия от Иоанна 8,12³²: «εἰμι|| τὸ φῶς|| [τ]ου κ||[ό]σμου || [ὁ ἀ]κ[ο]||[λο]υθ[ῶν] || ἐ[μοι]».

20б. Вторая сторона с распятием Христа датируется XIV в. Надписи, выполненные красной

Рис. 17. Фреска Иоанна Продрома XIV в. из церкви Червень

краской, помимо знаков сокращения имеют знаки акцентуации. Густое придыхание ровно над артиклями и акут в эпитете.

21а. Двусторонняя, выполненная темперой на дереве икона из Несебра, из церкви Св. Георгия Победоносца (старой) со святым Георгием на одной стороне³³ и святыми Геронтием и Полихронией на другой по размеру 123.2 x 83.5 см. На первой стороне позднего XIII в., переписанной в XVI-XVII вв., в подписи к фигуре св. Георгия содержатся знаки акцентуации. Длинный акут в имени смещен вправо и оказывается между гласной и согласной, а в эпитете акут располагается над гласной и над пробелом после. От придыхания над артиклем осталась лишь точка: «ὁ γά|| γεω'ρ||γιο(ς)».

21б. На второй стороне³⁴ со Св. Геронтием и Св. Полихронией (рис. 19), датированной поздним XIII в., сохранившиеся греческие надписи акцентуированы: «ὁ ἡ γ πο||λῶ||χρο||ν'ῖ||α». Придыхание вместо густого легкое, а акут сдвинут влево и оказывается между гласной и согласной. Трема в имени стоит над йотой перед гласной и над юпсилоном после ламбды.

Рис. 19. Икона св. Геронтия и св. Полихронии из Несебра, церкви Св. Георгия.

²⁹ Rhoby A. Byzantinische Epigramme in inschriftlicher Überlieferung Band 2. Byzantinische Epigramme auf Ikonen und Objekten der Kleinkunst. Wien: 2010. Nr. Add1. C. 391–392, 485.

³⁰ <https://nationalgallery.bg/collections/bulgarian-art-v-xix-century/>

³¹ https://nationalgallery.bg/wp-content/uploads/2017/11/01_1-717x1024.jpg

³² https://nationalgallery.bg/wp-content/uploads/2017/11/01_4.jpg

³³ https://nationalgallery.bg/wp-content/uploads/2017/11/05_a.jpg

³⁴ https://nationalgallery.bg/wp-content/uploads/2017/11/05_b.jpg

22. Икона св. Николая со сценами из его жизни³⁵, датированная поздним XII в., из церкви Вознесения Христа из Несебра написана темперой по холсту на деревянной основе размером 105 x 81 см. Подпись к фигуре акцентуирована только с левой стороны: «ὁ ἀγγι||ο||ς|| νη||κο||λα||ος». Трема над йотой перед гласной, густое придыхание над прилагательным в виде точки рядом с длинным акутом.

23. Икона Святая Дева (Владычица жизни)³⁶ XIII–XIV в. из церкви Св. Феодора в Несебре выполнена темперой по холсту на деревянной доске размером 123 x 84.5 см. Все сокращения сопровождаются знаками акцентуации: «μρ', θυ', ις', χς'». В подписи эпитета Богородицы легкое придыхание стоит вместо густого над артиклем, акут сдвинут влево на пробел между гласной и согласной, а гравис сдвинут влево и оказывается между гласной и согласной: «ῆ κρ'η || ζο'(ης)».

Рис. 20.
Икона Святая
Дева из церкви
св. Феодора
в Несебре.

24а. Двусторонняя икона Христа Пантократора с пророками³⁷ из Несебра, из церкви Св. Стефана, датированная поздними XIII–XIV в., нарисована темперой по холсту на дереве размером 123.5 x 96.5 см.

³⁵ <https://nationalgallery.bg/wp-content/uploads/2017/11/02.jpg>

³⁶ <https://nationalgallery.bg/wp-content/uploads/2017/11/04.jpg>, Rhoby A. Zu den Inschriften auf den byzantinischen und postbyzantinischen Ikonen von Nesebär. // Bulgaria Mediaevalis. 2011. Vol. 2 (= Studies in honour of Professor Vassil Gjuzelev. Sofia 2011). P. 162; Чимбулева Ж., Гюзелев В. Иконы от несебър. София: 2003, №1.

³⁷ https://nationalgallery.bg/wp-content/uploads/2017/11/06_1.jpg

Рис. 21 Фрагмент иконы Христа
Пантократора из Несебра, из церкви
Св. Стефана, поздн. XIII–XIV в.

В подписи к фигуре Христа только акут со сдвигом влево «ο παν||το||κρ'α||τω[ρ]». А на раскрытой книге (рис. 21) цитата из Евангелия от Иоанна 8,12:

«ἐγὼ η||μ'ει τω φῶς|| τ'δ
κόσμδ|| ὁ ἀκδλδ||θον εμ'ι|| οὐ
μοι|| περιπα||τ'εισοι ἐν|| τη σκο-
τε'ι||α ἀλλ εζει || τω φῶς τη(ς)
|| ζω[ῆς]».

24б. На второй стороне³⁸ этой иконы (рис. 22) к. XIII в. – нач. XIV в., поновленной в XVIII в., единственный знак, акут, сдвинут вправо и стоит на пробеле после буквы: «μη[ρ] || θυ|| γοργω'||πικ[]».

Рис. 22.
Икона Богородицы
Горгоэпикоос
с пророками
из Несебра, из церкви
Св. Стефана.

25. Двусторонняя икона: Св. Дева (Богородица) Элеуса — Христос Пантократор³⁹ (рис. 23) позднего XIII в. из Несебра, из церкви Св. Георгия (новой) написана темперой по холсту на деревянной основе размером 135 x 95 см. Гравис начертан над сокращением над сигмой «ΙΣ'», а после сокращения в «ΧΣ~» циркумфлекс. Подпись к Пантократору

³⁸ https://nationalgallery.bg/wp-content/uploads/2017/11/06_2.jpg

³⁹ https://nationalgallery.bg/wp-content/uploads/2017/11/07_2.jpg

Рис. 23. Фрагмент
Иконы Христа
Пантократора из церкви
св. Георгия (новая)

с густым придыханием над артиклем и акутом ровно над гласной «ὁ παντοκράτωρ», при этом над альфой первой в первом корне точка. Буквы в нимбе также отмечены знаками акцентуации: «ὁ, ὦ, ὕ».

26. Икона Собор архангелов⁴⁰ сер. XIV в. из монастыря Бачково, из церкви Св. Архангелов, выполнена темперой по холсту на деревянной доске (размер 123 x 76 см). Из всех знаков акцентуации использованы акуты в именах архангелов ровно над гласной: «ὁ ἀρχαγγέλος», а второй сдвинут вправо: «ὁ ἀρχαγγέλος».

27. Икона с изображением Эпитафия⁴¹ (рис. 24) из Несебра из церкви Св. Георгия Победоносца (старой) расписана темперой по холсту (размер 34 x 75 см) и датируется поздним XIV в. Все знаки акцентуации располагаются ровно над гласными, как придыхание легкое и густое, так и акут.

Рис. 24. Надпись с иконы со
сценой эпитафия из церкви св.
Георгия Победоносца (старая).

28. Икона Св. Георгия⁴², выполненная темперой по холсту на деревянной основе размером 125 x 65.3 см, датируется к. XV – нач. XVI вв. и происходит из церкви Бояна (София). В имени святого, разделенном при написании на две части, гравис использован вместо акута и трема над йотой перед гласной:

«γεω||ργ||ιο||(ς)». В первой части надписи знак по доступным фотографиям нечеткий, возможно, легкое придыхание или акут со знаком сокращения над ним: «ο α||ς».

29. В качестве примера памятников на греческом языке, находившихся на территории Болгарии, но изготовленных на территории Византийской империи, приведем две литургические ткани. Первая, воздух «Богоматерь Оранта», была подарена Теодором Комнинским деспотом Эпира и его супругой Марией Дукиной кафедральной церкви Охрида, собору св. Софии⁴³. Сейчас она хранится в Национальном Историческом музее Болгарии под инвентарным номером НИМ 29340. Воздух был выполнен на льняной основе с использованием красного шелка и парчевого шитья. Подпись к фигуре «ΜΗΡ ΘΥ~» — помимо знаков сокращения сразу после второго слова имеет логическое ударение, написанное слитно со знаком сокращения. Надпись идет по краю и начинается сверху: «στ ὁ σαρκὰ λαβὼν ἐξ ἀπειράνδρου κόρης || στ τρὸς ἀφραστοὺς ὁ θεὸς υἱὸς (ατρο)ς λόγος». Знаки акцентуации длинные, часть из них смещена вправо и попадает между буквами. Сокращения маркированы в рамках логической системы акцентуации. Продолжение надписи идет справа: «τὴν νυν ὁπόμε[ν] ἀνθρώποις] προκειμένην || στ εἰς ἐστίασιν κἀν πᾶσιν παραξίαν». Как видно из цитаты, часть знаков опущены, а остальные располагаются либо ровно над гласной, либо со сдвигом вправо, как и в первом фрагменте. Те же тенденции сохраняются и слева: «Κοιμηνοφύδς τῆς καλῆς συζυγίας || στ ἀντιδὲ δὲ ψυχικὴν [σωτ]ηριαν». В нижней части надписи из знаков только маркировка акутом: «δεξαί το δωρον εκ Θεοδωρδ τοδε || στ Κοιμηνο κ, δδ' καινης μα[ριας]».

30. Вторая ткань является плащаницей⁴⁴ и была изготовлена в Константинополе 1282–1328 гг. (по размеру: 117.5 × 197 см.). Сейчас она также хранится в Болгарии в Софии, в Национальном исторический

⁴³ Кондаков Н.П. Македония: Археологическое путешествие. СПб., Издание Императорской академии наук, 1909; Христианское искусство Болгарии. Выставка. 1 октября — 8 декабря 2003 года Москва / Сост. Р. Лозанова. София, 2003, №62, с. 60; *Rhoby A. Byzantinische Epigramme in inschriftlicher Überlieferung Band 2. Byzantinische Epigramme auf Ikonen und Objekten der Kleinkunst. Wien: 2010. Nr. Te. 1, P. 281.*

⁴⁴ *Byzantium: Faith and Power (1261–1557) / Ed. by H. C. Evans. New York: Metropolitan Museum of Art, 2004, №188, p. 314–315; Rhoby A. Byzantinische Epigramme in inschriftlicher Überlieferung Band 2. Byzantinische Epigramme auf Ikonen und Objekten der Kleinkunst. Wien: 2010. Nr. Te3. P. 373–374, 483.*

⁴⁰ <https://nationalgallery.bg/wp-content/uploads/2017/11/08.jpg>

⁴¹ <https://nationalgallery.bg/wp-content/uploads/2017/11/09.jpg>

⁴² <https://nationalgallery.bg/wp-content/uploads/2017/11/015.jpg>

музее Болгарии, инв. № 29231. В подписях к фигуре в имени «ματ||θῆιος» встречается длинный циркумфлекс, который попадает в большей степени на первый элемент дифтонга. В имени «λῶκα`ς» длинный гравис смещен чуть вправо и оказывается между гласной и согласной. На сокращениях поставлено логическое ударение с сохранением маркировки придыхания: «ίς χς`, ἀγγελ || κυ`» (2 раза), «Ιώ». В остальной надписи знаки акцентуации сдвинуты вправо и оказываются либо на пробеле между гласной и согласной, либо на согласном ню: «στ με`μνησο ποιη`ν βουλα`ρων εν θυσι`αις || ἀνακτος α`νδρονικου παλαιολο`γου».

Рис. 25. Плащаница из Национального исторического музея Болгарии инв. № 29231.

Таким образом, после анализа 33 акцентуированных греческих надписей, выполненных на разных материалах, мы можем выделить следующие подходы к акцентуации византийских памятников, найденных или хранящихся на территории Болгарии. Первый, характерный для раннего периода, можно сопоставить с системой акцентуации, бытовавшей в Каппадокии, с маркированием диэрезисом йоты и юсилона, в позициях перед гласной, после палатализованных согласных или в случае замены других гласных, происходящих в том числе под ударением. В рамках второго подхода, представленного в некоторых памятниках, авторы придерживаются частичной акцентуации по принципам византийской системы акцентуации, но с маркированием первого элемента дифтонга, как это было принято в александрийской системе. Третий подход отличается наличием сдвигов ударения влево или вправо и чаще всего характеризует метрические надписи. Однако, даже в такой малой выборке мы можем проследить следование столичным принципам акцентуации⁴⁵, а также характерные для этой территории черты, некоторые из которых свойственны другим провинциальным надписям.

⁴⁵ ср. *Evdokimova A.A.* Accentuation in the byzantine lapidary inscriptions of Constantinople and the process of monophthongization of diphthongs. New material from the Dumbarton Oaks archive // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2024. Vol. 28, no. 2. P. 1630–1655.

А. Л. Хосроев

Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург)

Несколько заметок по поводу даты «вознесения Христа»

Представление о том (или вера в то), что распятый Христос *воскрес* (т.е. его мертвое тело, вопреки законам природы, вновь стало живым) *на третий день* (не на четвертый, второй или в какое-то другое время), восходящее своими корнями, по всей видимости, к словам Писания относительно народа Израиля («Исцелит нас после двух дней, и *на третий день* мы оживем (воскреснем, восстанем LXX) перед ним»: ὑγιασει ἡμὰς μετὰ δύο ἡμέρας· ἐν τῇ ἡμέρᾳ τῇ τρίτῃ ἐξαναστήσόμεθα ἐνώπιον αὐτοῦ: *Осия* 6. 2–3; ср. *1Кор* 15. 4: «согласно Писанию»)¹, никем и никогда в христианской традиции не подвергалось сомнению и пересмотру. В основе самого раннего исповедания христианской веры, которое сохранил нам ап. Павел (середина 50-х гг., т.е. поколение после смерти Иисуса), лежит именно это утверждение: «Христос умер за наши грехи, был погребен и *воскрес на третий день*» (ἐγήγερται τῇ ἡμέρᾳ τῇ τρίτῃ: *1Кор* 15. 3–4); поколением позже синоптики вложили эти слова уже в уста самого Иисуса, предсказывающего свою будущую судьбу («Сын человеческий [т.е. я] воскреснет на третий день» *Мф* 16. 21; 17:23; *Лк* 9. 22; 18. 33; 24. 7, 46). И в последующее время

¹ Хотя указание ВЗ текста на «три дня» (так же, как и указание на число 40, см. ниже: примеч. 16) никак не претендует на хронологическую точность; см., например: «‘After two days’ and ‘on the third day’ are synonymous expressions for a short period» (*Mays J.L.* Hosea. A Commentary. Philadelphia: Westminster Press. 1969, ad loc. *Осия* 6. 2). Разбор других ВЗ мест (*Иона* 1. 17 и *Исход* 19. 10 сл.), которые могли послужить исходной точкой для этой мифологемы, см. *Richardson A.* An Introduction to the Theology of the New Testament. New-York: Harper & Brothers. 1958. P. 191 сл.

вера в то, что воскресение (ἀνάστασις, resurrectio) произошло именно на третий день, остается фундаментом самых разных изводов христианского учения.

Иначе обстоит дело с указанием на время «вознесения» (ἀνάλη(μ)ψις, ascensio), т.е. на время, когда воскресший Иисус «был взят» (ἀνελήμφθη, Деян 1. 2, 22; Мк 16. 19: *passivum divinum*), или сам «отправился» на небо (πορεύόμενον εἰς τὸν οὐρανόν: Деян 1. 11; ἀνέβη: Деян 2. 34)². О самом вознесении как о «зримом событии», которое помещено в определенное время и место, событие, у которого есть свидетели, в НЗ прямо говорится лишь дважды одним и тем же автором (Лк 24. 51 и Деян 1. 2–3, 9–11)³, но время этого события оба раза у него

² По всей видимости, раннехристианские авторы, говоря ли прямо о вознесении, или его подразумевая, видели за этим событием не просто физическое перенесение тела с земли на небо, хотя, конечно, в сознании верующих того времени картина едва ли отличалась от той, какую мы видим на древних изображениях вознесения, где Воскресший, поднимаясь на небо, парит в воздухе (ср. «the apostles accepted the Ptolemaic astronomy of the time, and they thought of Jesus as having gone to a place beyond the sky called heaven from whence he would return...»: Ramsey A.M. Ascension // A Theological Word Book of the Bible. Ed. by A. Richardson. New York: Macmillan Publ. Co. 1950. P. 22). Это событие служит водоразделом между пребыванием Иисуса на земле и его водворением у Отца (ср. Мк 16. 19: «...был взят на небо и воссел справа от Отца»), т.е. между его земной (в плоти) жизнью и небесной, «into which the Lord had been received to share for ever the power, the glory and the reign of God» (Richardson 1958. P. 200), «the entry of the Risen Lord from this world of time and space into the heavenly sphere» (Donne B.K. The Significance of the Ascension of Jesus Christ in the New Testament // SJT. 1977. Vol. 30. P. 559). О богословском толковании вознесения см., например, Stauffer E. Die Theologie des Neuen Testaments. 4. Verbesserte Aufl. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag. 1948. S. 117–120; Davies J.G. The Peregrinatio Egeriae and the Ascension // VC. 1954. Vol. 8. P. 96 сл.

³ Ср. Barrett C.K. The Gospel According to St. John. An Introduction with Commentary and Notes on the Greek Text. Second Ed. Philadelphia: Westminster Press. 1978. P. 566: «...only the author of Luke–Acts makes of this belief an observable incident» (курсив — А.Х.); в обоих рассказах евангелист подчеркивает, что апостолы были свидетелями произошедшего. То, что оба сочинения были написаны одним и тем же автором, которого условно называют Лукой, теперь почти общепризнанно; ср.: «...the common authorship of these two NT writings is so widely admitted in modern times that it calls for little proof here» (Fitzmyer J.A. The Gospel According Luke. Introduction, Translation, and Notes: I–IX [Vol. 1]. New York: Doubleday & Company. 1981 (The Anchor Bible, vol. 28). P. 35), хотя высказывались и в пользу двух авторов (например, Clark A.C. The Acts of the Apostles. A Critical Edition with Introduction and Notes on Selected Passages. Oxford: Clarendon Press, 1933. P. 394: «...the differences

указывается по-разному⁴. Подавляющая же часть ранних текстов вообще не говорит о том, как именно Иисус оказался на небе, довольствуясь лишь результатом: воскресший уже пребывает на небе и сидит (или стоит) справа от Отца⁵. Именно такое положение дел находим в самых

between Lk. and Acts were of such a kind that they could not both be the work of the same author»); по поводу датировки этой диалогии см. слова Фицмайера: «...the best solution is to adopt the date for Luke–Acts that is used by many today, ca. A. D. 80–85» (ibid. P. 57), хотя предлагались и более ранние (60-е гг.), и более поздние (115–130 гг.) датировки; обзор литературы см. ibid. P. 53 сл.

⁴ В указании на место события также нет единства; так, из Лк 24. 50–51 следует, что это произошло в Вифании; в Деян 1. 12 говорится, что вознесение имело место на Елеонской горе (см. ниже: примеч. 22); во вторичном добавлении к Мк (см. ниже: примеч. 21) речь, кажется, идет о том, что это произошло в самом Иерусалиме (16. 14, 19); Тертуллиан, очевидно, по ошибке (возможно, имея в виду Мф 28. 16; ср. Мк 16. 7), поместил событие в Галилею (Иисус «сорок дней провел с учениками в Галилее (apud Galilaeam, Iudaeae regionem, ad quadraginta dies) <...>, затем облаком был взят на небо» (nube in caelum est receptus): Apol. 21. 23); см. ниже: примеч. 10. Также не было единства и в вопросе о том, в каком теле произошло воскресение и вознесение, в духовном или физическом. Ап. Павел был уверен, что только в духовном (1Кор 15. 35 сл.), но когда у церковных авторов на первый план выступила полемика с гностиками разных толков, которые считали, что воскресение, а следовательно и вознесение могут быть только духовными (о духовном воскресении у гностиков см. Хосроев А.Л. Другое благовестие II. Христианские гностики II–III вв.: их вера и сочинения. СПб.: Контраст. 2016. С. 416. Индекс: termini technici), речь могла идти уже только о телесном воскресении и вознесении; Так, Тертуллиан (Res. Carn. 51) даже укоряет за эту веру ап. Павла, который «изгнал из царства Божьего всякую плоть и кровь, хотя там по правую руку Отца пребывает Иисус в плоти и крови таких же, как и у нас, но чище; в той же сущности и в том же образе, в каких восшел (на небо, scil. вознеся) (caro et sanguis, etsi nostris purior, idem tamen et substantia et forma quam ascendit), таким он снова сойдет (в этот мир)...»; ср. Iren., Adv. haer. I. 10. 1 о «вознесении в плоти на небеса» (τὴν ἐνσαρκὸν εἰς τοὺς οὐρανοὺς ἀνάληψιν) или В. 31. 2 о том, что при воскресении воскресшие, как и Господь, получают тела, и так пойдут в присутствие Бога; другие примеры см. Bauer W. Das Leben Jesu im Zeitalter der neutestamentlichen Apokryphen. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck). 1909. S. 260 сл.

⁵ Послания Павла пронизаны верой в то, что Христос после воскресения пребывает на небе; см. 1Фесс 1. 10 (ожидание с небес воскрешенного Сына Бога); 2Фесс 1. 5–7 (будущее явление Господа Иисуса с неба для праведного суда); Римл 8. 34; Кол 3. 1 (воскресший Христос пребывает справа от Бога) и т. д.; ср. также Евр 1. 3; 8. 1; Откр 3. 21; 7. 17. Лишь в двух НЗ сочинениях (не считая Лк 24. 51 и Деян 1. 9, о которых речь будет ниже) говорится о том, что Иисус отправился (но имеется ли в виду вознесение?) на небо: 1Петр 3.

ранних христианских сочинениях, в посланиях Павла⁶. При этом, как не раз было отмечено, в ранней традиции воскресение и вознесение, т.е. не процесс, а сам факт нахождения Иисуса уже на небе, рассматривались как два неразрывно между собой связанных эпизода одного и того события: ведь Бог, «воскресив (Христа) из мертвых, тем самым уже посадил его на небесах справа от себя» (Ефес 1. 20)⁷.

22 (...πορευθεὶς εἰς οὐρανόν) и Евр 4. 14 (...διελελυθότα τοὺς οὐρανοὺς; ср. Евр 9. 24); ср. также фразу во второпавловом I Тим 3. 16 (ἀνελήμφθη ἐν δόξῃ): «...a passage almost certainly dependent on the Acts account» (Enslin M.S. The Ascension Story // JBL 1928. Vol. 47. P. 60).

⁶ «En effet la plupart des anciennes sources chrétiennes, tout en affirmant de façon unanime que Jésus resuscité a été exalté à la droite du Père, gardent un silence surprenant sur le fait même de son Ascension <...> ni Paul ni la tradition qu'il représente n'éprouvent le besoin de dire comment le Christ a gagné cette sphère supérieure où il doit régner» (Benoit P. L'Ascension // RB. 1949. Vol. 56. P. 162, 163); см. также Brun L. Die Auferstehung Christi in der urchristlichen Ueberlieferung. Oslo: H. Aschenhoug & Co. (W. Nygard). 1925. S. 96. Ср., однако, Bauer 1909. S. 275, который видел в отсутствии ссылок на вознесение у ранних авторов простую случайность («Es kann und wird Zufall sein»).

⁷ «Die Gleichsetzung von Auferstehung und Himmelfahrt <...> kann man ja als die dem NT geläufigste Vorstellung bezeichnen» (Bertram G. Die Himmelfahrt Jesu vom Kreuz und der Glaube an seine Auferstehung // Festgabe für Adolf Deissman zum 60. Geburtstag. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck). S. 204); «La plupart des témoins <...> nous présentent la Résurrection et le triomphe du Christ à la droite du Père comme des événements pratiquement simultanés. <...> Ce sont là deux étapes complémentaires de la glorification du Seigneur» (Benoit 1949. P. 186); «Most primitive traditions regard the resurrection and exaltation at the right hand of the Father as two practically simultaneous events, two complementary stages of the glorification of the Lord» (Zwief A.W. The Ascension of the Messiah in Lukan Christology. Leiden [et al.]: Brill. 1997 (Supplement to NT, 87). P. 10); см. также Ramsey A.M. What was the Ascension? // Historicity and Chronology in the New Testament. Ed. by D. E. Nineham [et al.] London: S P C K. 1965. P. 139, который, приведя подборку НЗ аллюзий к вознесению, заключает: «...the passages do not give clear testimony to a belief that there had been an event of ascension distinct in time from the event of resurrection». Ср. также замечание Франсуа Бовона: «Until the year 150, Christians for the most part confess their faith in the resurrection and exaltation of Jesus, which, in their view, constitute a whole»; постепенно, продолжает автор, вознесение получало некоторую автономию от воскресения, хотя без какой бы то ни было зависимости от Лк–Деян (со ссылкой на Ин 20. 17; Мк 16. 19; Аристид, Апол. 2. 8), и влияние Лк 24 и Деян 1 впервые можно заметить у Иустина Мученика и особенно у Иринея (Bovon Fr. A Commentary on the Gospel of Luke. Vol. 3: 19. 28–24. 53. Transl. by J. Crouch. Minneapolis: Fortress Press. 2012. P. 413); ср. ниже: примеч. 17.

Из двух названных один текст свидетельствует о том, что вознесение, т.е. когда «облако подхватило Иисуса» (νεφέλη ὑπέλαβεν αὐτόν) и унесло на небо (Деян 1. 9–11)⁸, состоялось через 40 дней (δι' ἡμερῶν τεσσαράκοντα) после воскресения⁹, на протяжении которых он являлся апостолам¹⁰.

⁸ Хотя в греко-римском мире сюжет о взятии (вознесении) на небо (Олимп) богоравного мужа был хорошо известен (например, облако, вознесшее Геракла на небо: Apollod., Bibl. II. 7. 7; ср. II. 8. 1; перечень языческих божеств, вознесшихся на небо, см. Iust., I Apol. 21), очевидно, что прообразом рассказа о вознесении Иисуса на глазах учеников (Деян 1. 10: «в то время, как они смотрели на небо...») послужили такие ВЗ рассказы, как о взятии на небо пророка Илии на глазах Елисея (ἀνελήφθη Ἰλίου ἐν συσεισμῷ ὥς εἰς τὸν οὐρανόν: 4Цар 2. 11–12) или Еноха μετέθηκεν (scil. εἰς τὸν οὐρανόν) αὐτὸν ὁ θεός: Быт 5. 24); ср. апокрифическую книгу 4Езры (14. 9; в славянской Библии 3Ездры); ср. также книгу Товит, где ангел Рафаил говорит на прощание Товиту и его сыну: «(Теперь) я восхожу к пославшему меня (ἀναβαίνω πρὸς τὸν ἀποστείλαντά με) <...>, и более они не видели его» (12. 20–21); ср. «...it seems to be agreed among scholars that the Lukan account of the Ascension relies on conventional view of the previous reports of ascension in Hellenistic Judaism. Prominent among the sources must be angelophany of Raphael in the 'Book of Tobit', for the situation in Tobit and Luke is quite similar» (Segal A. Heavenly Ascent in Hellenistic Judaism, Early Christianity and their Environment // ANRW II. 23. 2. P. 1372).

⁹ Чтобы это свидетельство, нигде не подкрепленное другими, не оказалось совсем «изолированным», переписчики не пренебрегали правкой первоначального текста; так, в ряде греческих рукописей V–VI в. и в некоторых (например, коптских) переводах в Деян 10. 41 после слов о том, что после своего воскресения Иисус являлся «не всему народу, а только избранным, которые с ним ели и пили», добавлено (без предлога, что искажает смысл; см. Michaelis W. Die Erscheinungen des Auferstandenen. Basel: Verlag von Heinrich Majer. 1944. S. 84 и след. примеч.): ἡμέρας μ' (ἦμερς ἡμερῶν), т.е. «сорок дней» (см. Nestle–Aland²⁸ app. ad loc).

¹⁰ Ориген, процитировав Деян 1. 3, подчеркивает, что, согласно евангелиям, Воскресший находился с учениками не непрерывно все сорок дней (οὐκ ὅτι αἰεὶ συνῆν αὐτοῖς), но время от времени появлялся перед ними: то через восемь дней «при закрытых дверях» (Ин 20. 26), то еще как-нибудь (Cels. II. 63); об этом же говорит и Иоанна Златоуст: «Не постоянно был с ними <...>, но то находился рядом, то удалялся (Hom. in Act. Apost. I. 4–5); ср. у Августина: nec tamen eis per omnes quadraginta continuos apparuerat (De cons. evang. III. 84). Подробно на этом вопросе остановился Michaelis 1944. S. 83–84 («...eine Vielzahl voneinander sich abhebender Vorgänge»); ср. «Not continuously (in which case the acc. without a prep. would have been used), but at intervals» (Bruce F.F. The Acts of the Apostles. Greek Text with Introduction and Commentary. Grand Rapids: William B. Eerdmans Publ. Company. 1990. P. 100). Где находился Воскресший в перерывах между явлениями (возносился ли он каждый раз и снова возвращался?), мы сказать не можем. Местом его явления был Иерусалим (ср. наказ Иисуса ученикам оставаться в Иерусалиме: Лк

и говорил с ними о царстве Божием (Деян 1. 3)¹¹. Поразительно, но автор назвал лишь общую тему этих бесед и не стал раскрывать их содержание, и поэтому мы не знаем, что же нового воскресший рассказывал ученикам по сравнению с тем, чему он учил их до своего заключения под стражу¹². Другим сочинениям НЗ эта дата неизвестна, и ее «изобретение», вполне возможно, находится на совести автора¹³: он в своем

24. 49 и Деян 1. 4), но см. Мф 28. 16 сл. (евангелие, в котором вообще нет речи о вознесении), где говорится о его явлении одиннадцати в Галилее, или в Мк 16. 7 слова ангела о том, что Воскресший явится ученикам в Галилее, или в Ин 21. 1 сл. о явлении ученикам на Галилейском озере.

¹¹ Автор не раз подчеркивает (вкладывая слова в уста Иисуса), что основной целью Иисуса и раньше, при земной жизни, была именно проповедь «царства Божьего»: «...я должен благовествовать царство Божие, ибо для этого я послан» (Лк 4. 43; ср. 8. 1; 17. 21); также и на вопрос учеников, когда он восстановит царство Израилю (Деян 1. 6), воскресший Иисус отвечает теми же словами, которые он говорил ранее, когда беседовал на Елеонской горе с избранными учениками: «О дне же том или часе никто не знает...» (Мк 13. 32).

¹² Ранее, в Лк 24. 25 сл., автор говорил о том, что Иисус, явившись сразу после воскресения ученикам по дороге в Эммаус, стал объяснять им «сказанное о нем во всем Писании», т.е. перечислять ветхозаветные пророчества о своем предстоящем воскресении на третий день (Лк 24. 46; ср. Деян 3. 18). Конечно, разумно было бы предположить, что Воскресший рассказывал ученикам о своем опыте «загробной» жизни, но тема descensus Christi ad inferos, которая позднее займет важное место в апокрифической литературе и церковной литургии, евангелистов еще никак не интересовала («in den Evangelien findet sich <...> keine Angabe und scheinbar keine Spur einer Reflexion darüber, wo Jesus hätte weilen können, während sein Leib in Grabe ruhte <...> eine Ausnahme vielleicht Mt. 12. 40»: Kroll J. Gott und Hölle: der Mythos vom Descensuskampfe. Leipzig: Teubner. 1932. S. 1; хотя отзвуки темы находим в НЗ посланиях, прежде всего например: 1Пет 3. 18–21; 4. 6; ср. Еф 4. 9). Так или иначе, все заключения о том, что Иисус рассказывал ученикам до того, как он вознесся, остаются чисто гадательными («we do not know what Christ did or said during 40 Days but can only conjecture»: Nibley H. Evangelium Quadraginta Dierum // VC. 1966. Vol. 20. P. 3–4), и, видимо, лучше не идти дальше утверждения: «Continuing the teaching he had given them before his death» (Bruce 1990, 100). Зато в апокрифических сочинениях разного толка «учение Воскресшего апостолам» становится излюбленной темой; см. ниже: примеч. 39 сл.

¹³ Предполагали, что автор, когда писал евангелие, еще не знал традиции о сорока днях и что «that was a piece of information which he may easily have gained between the publication of the Gospel and of the Acts» (Plummer A. A Critical and Exegetical Commentary on the Gospel According to S. Luke. Fifth Ed. Edinburgh: T. & T. Clark. 1922. P. 564); некоторые допускали, что само событие вознесения является изобретением автора; ср. «in my view it was Luke who invented the Ascension as a physical event involving his Jerusalem centered geography-cosmology...» (Leaney A.R.C. Why

первом сочинении, а именно в евангелии, следуя традиции, отраженной и в Мк 1. 13, и Мф 4. 2, начинает рассказ о начале служения Иисуса с его сорокадневного (ἡμέρας τεσσαράκοντα) искушения дьяволом в пустыне (Лк 4. 2)¹⁴, этим же сроком, широко представленным в библейской традиции, где он, впрочем, никогда не претендовал на хронологическую точность¹⁵, он решил и закончить земную деятельность Иисуса¹⁶.

There Were Forty Days between the Resurrection and the Ascension in Acts 1. 3 // Studia Evangelica. Vol. 4. Berlin: Akademie-Verlag. 1968. P. 417). Гарнак же, заметив, что упоминание о вознесении на сороковой день «findet sich sonst nirgends in der gleichzeitigen Literatur», утверждал, что оно не может быть изобретением самого Луки («...nicht von Lukas selbst»: Harnack A. von. Die Apostelgeschichte. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung. 1908, S. 30), а имеет корни в традиции. Допускали также, что автор, когда говорил о сорока днях, уже забыл то, о чем писал в Лк 24. 51 («...by the time he came to write Acts Luke had quite simply forgotten what he wrote in Lk. 24»: Wilson S.G., The Ascension: A Critique and Interpretation // ZNW. 1968. Vol. 59. P. 271, n. 13); де Йонге называет это предположение «less probable and less satisfactory» (Jonge H.J. de. The Chronology of the Ascension Stories in Luke and Acts // NTS. 2013. Vol. 59. P. 156), чем предположение Пламмера. Впрочем, пожалуй, лучше согласиться с маститыми комментаторами и пока оставить вопрос без ответа; ср.: «Why Luke has dated the ascension of Jesus in these two different ways (см. ниже: примеч. 18) no one will ever know» (Fitzmyer J.A. The Gospel According to Luke. Introduction, Translation, and Notes: X–XXIV [Vol. 2]. New York: Doubleday & Company. 1985 (The Anchor Bible, vol. 28A). P. 1588); «Woher die Zahl vierzig kommt, wissen wir nicht» (Conzelmann H. Die Apostelgeschichte. 2., verbesserte Aufl. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck). 1972. S. 25).

¹⁴ Очевидно, по аналогии с сорокадневным постом Моисея (Исх 34. 28) или пророка Илии (3Цар 19. 8).

¹⁵ В Деян 13. 30–31 автор вкладывает в уста Павла слова, обращенные в синагоге к иудеям: «Бог воскресил Иисуса из мертвых, и тот в продолжении многих дней (ἐπὶ ἡμέρας πλείους) являлся тем, которые вышли с ним из Галилеи в Иерусалим (т.е. апостолам)...»; здесь «в продолжении многих дней» имеет тот же смысл, что и «в продолжении сорока дней» в Деян 1. 3, т.е. многократно (ср. Wilson 1968. P. 270: «It is Luke who chose this round number, based on Biblical and Jewish parallels, but his purpose was not primarily to give an exact date for the Ascension»). За словами Деян 13. 30 сл. стоит та же традиция, что и за собственным высказыванием и Павла в 1Кор 15. 5 сл. о многочисленных явлениях Воскресшего, которые продолжались далеко не один день; ср. Деян 10. 41.

¹⁶ См., например: «Quarante est un nombre cyclique commun à tout l'ancien Orient <...> il est un "chiffre rond" à portée symbolique plus que strictement chronologique» (Menoud Ph. H. Pendant quarante jours (Actes I 3) // Neotestamentica et Patristica. Eine Freundesgabe, Herrn Prof. Dr. Oscar Cullmann zu seinem 60. Geburtstag überreicht. Leiden: Brill. 1962 (Supplement to NT, 6). P. 151); ср. «a round number probably because of its being the approximate length of a generation» (Enslin 1928, 65).

Эта дата вознесения, которая приходится на четверг, очевидно, не сразу прижилась в христианской традиции, и, например, т.н. апостольские

О том, что за этим числом стоит реальная дата см. *Larrañaga V. L'Ascension de Notre-Seigneur dans le Nouveau Testament. Trad de l'Espagnol par G. Cazaux. Rome: Inst. Biblique Pontifical. 1938. P. 633–634* («Enfin le nombre 40 ne peut être pris au sens mythique dans Act 1. 3: il est parfaitement historique dans l'A.T., où il est parfois employé dans un sens approximatif; mais dans le N.T. surtout, son sens historique ne peut être mis en doute <...> En outre, le quarantième jour de Act 1. 3 nous semble le jour précis...»). В *Деян* 1. 3 видели аналогию с рассказом о Моисее: как тот сорок дней пребывал на горе Синай, общаясь с Богом и получая от него заповеди (*Исх* 24. 18), так и ученики должны были сорок дней общаться с Господом, получая от него наставление (Pfleiderer 1902, I. 474), и т.п.; другие примеры см. *Dornseiff Fr. Lukas der Schriftsteller. Mit einem Anhang: Josephus und Tacitus // ZNW. 1936. Vol. 35. P. 136; Menoud 1962. P. 151* сл. Не забудем при этом, что уже такой великий знаток, как *Эдуард Мейер*, грамматически разобрав начальные стихи *Деян*, высказал предположение, что стих *Деян* 1. 3, в котором речь идет о «сорока днях», не принадлежит первоначальному тексту, а является интерполяцией («...daß hier eine große Interpolation vorliegt»: *Meyer E. Ursprung und Abfänger des Christentums. Bd. I. Evangelien. Stuttgart-Berlin: J. G. Gotta'sche Buchhandlung Nachfolger. 1921. S. 36*); частица μέν в первой части предложения (*Деян* 1. 1) требовала бы частицы δέ во второй, т.е. грамматически правильный текст должен был бы иметь вид: «первую (μέν) книгу я написал о ..., *вторую же (δέ) о...», но ожидаемого сообщения о содержании второй книги не последовало, «statt dessen folgt noch einmal eine Erzählung der Himmelfahrt, viel ausführlicher als am Schluß des Evangeliums und keineswegs etwa eine Ergänzung und weitere Ausführung desselben, wie so oft von konziliatorischen Interpreten behauptet wird, sondern mit ihm in stärkstem Widerspruch, und an diese knüpft unmittelbar die weitere Fortsetzung an, ohne daß der Eingangssatz wieder aufgenommen und ergänzt wird. <...> An der Tatsache, daß hier eine große Interpolation vorliegt <...> ist nicht zu rütteln: so wie der Text jetzt lautet, hat nie ein Mensch seine Gedanken formuliert, sei es mündlich, sei es schriftlich...». Об этом же говорили уже и предшественники *Мейера*; см., например, *Gercke A. Der δευτερος λόγος des Lukas und Apostelgeschichte // Hermes. 1894. Vol. 29. S. 373–392; Norden E. Agnostos Theos. Untersuchungen zur Formen-Geschichte religiöser Rede. Lpz.-Berlin: Teubner, 1913. S. 311* сл., который сожалел о том, что глубокий филологический анализ пассажа, проделанный *Герке*, не нашел у богословов заслуженного внимания («...hat bei den Theologen nicht die verdiente Beachtung gefunden»). Жесткую критику теории интерполяции со стороны принципиального традиционалиста см. *Larrañaga 1938, 75* сл.; ср. выразительную и совершенно справедливую оценку этой до сих пор непревзойденной по собранию материала работы: «very fully documented but rather inquisitorial; the reader has mostly the feeling he is a heretic» (*Stempvoort P. A. van. Interpretation of the Ascension in Luke and Acts // NTS. 1958. Vol. 5. P. 30, n. 1; ср. Benoit 1949, 162 n. 1 и подробнее: Zwier 1997, 7–9*).

отцы, т.е. авторы первой половины II в., о ней нигде не говорят, более того, они нигде не упоминают само событие вознесения¹⁷.

В своем более раннем сочинении (в евангелии) автор, однако, утверждал, что вознесение Иисуса произошло в тот же день (ἐν αὐτῇ τῇ ἡμέρᾳ)¹⁸, что и его воскресение (*Лк* 24. 13, 51)¹⁹, хотя в некоторых

¹⁷ «... signalons encore que le même silence sur la scène de l'Ascension dans sa réalité physique se retrouve dans les écrits des Pères Apostoliques. Ni Clément de Rome, ni la Didachè, ni S. Ignace, ni S. Polycarpe, ni Hermas ne la mentionnent» (Benoit 1949, 165); ср. выше: примеч. 7. О том, что церковный праздник Вознесения Господа на сороковой день после Пасхи возник не ранее IV в. и именно «unter dem Einfluß der Chronologie der Apostelgeschichte», см. *Kretschmar G. Himmelfahrt und Pfingsten // ZKG. 1954. Vol. 66. S. 209*; ср.: «...the latter part of the fourth century» (*Moule C. F. D. The Ascension — Acts I. 9 // The Expository Times. 1957. Vol. 68. P. 206*). Впервые эту дату как дату общецерковного праздника находим в «Апостольских постановлениях» (конец IV в.), где читаем: «отсчитав от первого воскресения (т.е. от дня Воскресения Господа — А.Х.) сорок дней, в пятый день от (последнего) воскресения (т.е. в четверг) празднуйте праздник вознесения Господа (ἀπὸ τῆς πρώτης κυριακῆς ἀριθμήσαντες τεσσαράκοντα ἡμέρας ἀπὸ κυριακῆς μέχρι πέμπτης ἐορτάσατε τὴν ἐορτὴν ἀναλήψεως τοῦ κυρίου, в который завершив все домостроительство и устройство (πληρώσας πᾶσαν οἰκονομίαν καὶ διάταξιν, scil. на земле), он поднялся к пославшему его Богу и Отцу...» (*Ap. Cost. V. 20. 2*). До IV в. «observance of Ascensiontide, if it were celebrated at all, was collapsed into commemoration of Pentecost» (*Parsons M. C. The Departure of Jesus in Luke-Acts. The Ascension Narratives in Context. Sheffield: JSOT Press. 1987 (JSNT. Suppl. Ser. 21). P. 13*; ср. ниже: примеч. 32 сл.).

¹⁸ Или даже, как считали некоторые, на утро следующего дня, учитывая, что события, изображенные в *Лк* 24. 13 сл. (начиная с явления Воскресшего двум ученикам по дороге в Еммаус и до его вознесения), физически не могли уместиться в один день (день воскресения): ведь день уже клонился к вечеру, когда Иисус остался с учениками в Еммаусе, отстоящем на 60 (некоторые рукописи: 100) стадий от Иерусалима (*Лк* 24. 13); здесь они, (далеко не сразу) поняв, что перед ними Иисус, «в тот же час» (24. 33, т.е. уже ночью?) отправились в Иерусалим, где беседовали с апостолами и где всем опять явился Иисус; после этого он довел их оттуда до Вифании (24. 50; ок. 5 стадий) и здесь вознесся. На невозможность при нормальном подсчете уместить эти события в один день *Енслин* справедливо заметил: «The author is recounting a series of marvels; why a night parting should have been undesirable I do not know» (Enslin 1928. P. 61); ср. вознесение состоялось «on the evening of the day of the discovery of the empty tomb» (*Fitzmyer J. A. The Ascension of Christ and Pentecost // Id. To Advance the Gospel. New Testament Studies. Second Ed. Grand Rapids: William B. Eerdmans Publ. Co. 1998. P. 272*); «Luke 24: 50–53 is a departure scene that takes place at night of the same Easter day» (Talbert Ch. H. *Reading Luke: A Literary and Theological Commentary on the Third Gospel. Revised Ed. Macon: Smyth & Helwys Publ. Inc. 2013. P. 261*).

¹⁹ Традиционалисты, считая, что Писание не может содержать в себе смысловых противоречий, и не желая видеть в *Деян* 1. 3 и *Лк* 24 две разные даты, доказывают,

древних рукописях (принадлежащих т.н. Западному типу текста) заключительные слова стиха Лк 24. 51 (...ἀνεφέρετο εἰς τὸν οὐρανόν, «...стал возноситься на небо») отсутствуют, и при таком чтении речь здесь уже не может идти о вознесении²⁰. В один и тот же день (хотя прямо

что в Лк 24. 51 речь идет только о «la dernière apparition, c'est-à-dire des ascension après un intervalle de quarante jours», а предшествующие вознесению сорок дней просто опущены автором (Larrañaga 1938, 173); так, впрочем, считал уже Августин: «Лука же, опустив все, что могло случиться с учениками в течение сорока дней после воскресения (praetermissis omnibus quae per quadraginta dies agi potuerunt), к дню воскресения молча присоединяет последний день, в который [Иисус] взшел на небо» (coniungit tacite novissimum diem, quo ascendit in caelum: *De cons. evang.* III. 83). Другую попытку устранить противоречие между Деян 1. 3 и Лк 24 предпринял более века назад Бенджамин Бэкон: ни в одном раннехристианском сочинении, подчеркивает он, нет указания на то, что «вознесение» знаменует собой конец сорокадневного периода явлений Воскресшего ученикам (т.е. нет свидетельств тому, что на протяжении сорока дней после Воскресения он являлся ученикам, а на сороковой вознесся); напротив, есть множество бесспорных указаний на то, что вознесение знаменует как раз начало этих явлений (со ссылкой на Ин 20. 17 и др.), которые продолжались сорок дней (Bacon B. W. The Ascension in Luke and Acts // *The Expositor*. 1909. Ser. VII. Vol. 7. P. 258–259), т.е. Иисус вознесся в день воскресения и затем являлся ученикам на протяжении сорока дней; фраза Деян 1. 3 является «вставкой» автора («the entire verse 3 is interjected parenthetically») с целью «информировать читателя» о том, что явления Господа ученикам продолжались сорок дней после Воскресения и Вознесения (ibid. P. 261); см. также Wilder A. N. Variant Traditions of the Resurrection in Acts // *JBL*. 1943. Vol. 62. P. 312; недавно к этому вопросу вернулся Хенк Ян де Йонге со схожим выводом: «In Acts, Luke dates Jesus' ascension to the day of his resurrection, just as he had done in his Gospel. The forty days mentioned in Acts 1. 3 are viewed by Luke as subsequent to the ascension, not as previous to it» (Jonge 2013. P. 160).

²⁰ Это опущение объясняли или гармонизацией текста, чтобы устранить очевидное противоречие со свидетельством Деян 1. 3 о 40-дневном пребывании Воскресшего на земле, или случайным пропуском пассажира переписчиком (гомеоарктон). Ранее (Westcott B. F. and Hort F. J. A. The New Testament in the Original Greek. Introduction and Appendix. New York: Harper & Brothers. 1881. Appendix. Notes on Select Readings. P. 73 comm. ad Lk 24. 51) считали, что текст без этого окончания был первоначальным (т. наз. Western non-interpolation); в пользу того, что ἀνεφέρετο εἰς τὸν οὐρανόν является интерполяцией (среди прочего хотя бы потому, что этот глагол в Лк ни разу не употребляется, см. Michaelis 1944, 90–91, где автор доказывает, что первоначально рассказ Лк 24. 51 не имел никакого отношения к событию вознесения (стих заканчивался словами: «стал удаляться от них»: διέστη ἀπ' αὐτῶν), и поэтому «der einzige Himmelfahrtsbericht, den Lukas überliefert, steht somit Apg 1. 4 ff» (ibid. 91); схожий вывод см. Conzelmann H. Theology of St. Luke. Transl. by G. Buswell. Philadelphia: Fortress Press. 1982. P. 94 и с новыми аргументами

не сказано, и это можно заключить только из контекста) помещает воскресение и вознесение также и вторичное добавление к Мк 16. 19²¹ (ἀνελήμφθη εἰς τὸν οὐρανόν, букв. «был взят на небо»), отталкивающееся, можно думать, от Лк²². В Ин Иисус говорит о своем предстоящем

Parsons M. C. A Christological Tendency in P. 75 // *JBL*. 1986. Vol. 105. P. 463–479 (это добавление лежит на совести переписчика Р 75, древнейшего (±200 г.) свидетеля пространного текста Лк 24. 51) и Ehrman B. The Orthodox Corruption of Scripture. The Effect of Early Christological Controversies on the Text of the New Testament. New York–Oxford: Oxford Univ. Press. 1993. P. 231–232 («...it is perhaps best to see the longer text of Luke 24. 51 as a secondary addition made in the second century precisely in order to elevate <...> the orthodox emphasis on the bodily ascension of Jesus», т.е. автор увидел в этой вставке «the proto-orthodox confrontation with docetic Christologies»). Подробно о том, что тексты, принадлежащие Западному типу (о нем см. Aland B. Entstehung, Charakter und Herkunft des sog. Westlichen Textes untersucht an der Apostelgeschichte // *ETHL*. 1986. Vol. 62. P. 5–65), сознательно избегают прямого упоминания о вознесении, см. Epp E. J. The Ascension in the Textual Tradition of Luke–Acts // Id. Perspectives on New Testament Textual Criticism. Collected Essays, 1962–2004. Leiden–Boston: Brill. 2005 (Supplement to NT, 116). P. 211–226 (впервые 1981 г.), где автор подчеркивает: если допустить, что Западный тип текста является первоначальным (по крайней мере, для Лк–Деян), тогда можно утверждать, что представление о вознесении воскресшего Христа как о видимом переходе с земли на небо является вторичным и более поздним в развитии раннехристианской мысли («...was only a secondary and later development in early Christian thought»: P. 224). Тем не менее, большинство исследователей высказывается в пользу подлинности пространного текста; подробно см. Metzger B. A Textual Commentary on the Greek New Testament. Stuttgart: United Bible Societies. 1975. P. 189–190 (ad 24. 51); Metzger B. The Ascension of Jesus Christ // Id. Historical and Literary Studies. Pagan, Jewish, and Christian. Leiden: Brill. 2019 (впервые 1968 г.). P. 77–78 (перечень тех, кто защищает пространную версию: 78, н. 1); Fitzmyer 1985, 1590; Zwiép A. W. The Text of the Ascension Narratives (Luke 24. 50–53; Acts 1. 1–2, 9–11) // *NTS*. 1996. Vol. 42. P. 219–244 (в полемике с Парсонсом и Эрманом). Обстоятельный обзор литературы, посвященной проблеме вознесения, см. Zwiép 1997, 1–35, а также Maile J. F. The Ascension in Luke–Acts // *Tyndale Bulletin*. 1986. Vol. 37. P. 29–59 (passim); Sleeman M. Geography and the Ascension Narrative in Acts. Cambridge: Univ. Press. 2009 (SNTS. Monograph ser. 146). P. 3–21.

²¹ О завершающих евангелие стихах (Мк 16. 9–20), возникших гораздо позже основного текста, см. подробно Klostermann E. Markusevangelium. Tübingen: Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck). 1950 (Handbuch zum N. T.). S. 172 сл. («Der unechte Schluss»).

²² Сомнение в том, что это дополнение зависит от Лк и скорее восходит к независимой от него традиции, см. Fitzmyer 1985, 1586 («...differs so much from the Lucan that one is inclined to regard it as a separate tradition. The main difference from the Lucan is that the ascension takes place from indoors, and in Jerusalem itself»;

«восхождении» на небо, используя глагол ἀναβαίνω (Ин 6. 62 и 20. 17), и то, что это восхождение (scil. вознесение) должно произойти сразу же после воскресения, предполагают и слова самого (только что воскресшего) Иисуса, обращенные к Марии, плакавшей у его пустого гроба (Ин 20. 17): «Не прикасайся ко мне, ведь я еще не взшел (οὐπω γὰρ ἀναβέβηκα) к Отцу²³, а иди и скажи моим братьям: “Я (уже) восхожу (ἀναβαίνω) к моему Отцу...”²⁴».

Несколько раннехристианских сочинений засвидетельствовали ту же традицию. Так, в «Послании Варнавы» (ок. 130 г.) читаем: «Поэтому мы и проводим в радости восьмой день (τὴν ἡμέραν τὴν ὀγδόην)²⁵, в который Иисус воскрес из мертвых и, явившись, взшел на небеса» (ἐν ᾗ καὶ Ἰησοῦς ἀνέστη ἐκ νεκρῶν καὶ φανερωθεὶς ἀνέβη εἰς οὐρανοῦς: 15. 9)²⁶; в «Апологии» Аристида (ок. 130 г.) говорится, что Иисус «че-

в Лк же вознесение происходит в Вифании на склоне Елеонской горы); о том, что Мк 16. 19 «überhaupt nicht in geschichtlichen Stil gehalten ist», см. Brun 1925, 93 (под «историческим стилем» имея в виду, что составителя этих стихов время события несколько не интересовало), хотя автор признает зависимость Мк 16. 19 от Лк («die Stelle ruht <...> offenbar auf Lk»: ibid., 96).

²³ Впрочем, чуть далее в том же евангелии (Ин 20. 26 сл.) говорится, что через неделю после воскресения Иисус явился ученикам и Фоме, которому позволил к себе «прикоснуться», дав потрогать свои раны (Иисус воскрес с ранами?). Таким образом, Иисус, вознесшийся в день воскресения, после вознесения несколько раз возвращается на землю (ср. Ин 20. 19; 20. 26 и 21. 1 сл.). Ср. Лк 24. 39, где Иисус до своего вознесения сам предлагает ученикам «потрогать» его; ср. Мф 28. 9.

²⁴ Ср.: «The present tense here means that Jesus is already in the process of ascending but has not yet reached his destination» (Brown R.E. The Gospel according to John (XIII–XXI). A New Translation with Commentary. New York [et al.]: Doubleday. 1970. P. 994); «...ἀναβαίνω may hardly be held to be a present used in a future sense, but must be understood as an already begun and continuing process» (Schnackenburg R. The Gospel according to John. Vol. 3. London [et al.]: Burns & Oates. 1975. P. 319).

²⁵ Т.е. воскресение; ВЗ творение закончилось седьмым днем, субботой, и для христиан следующий, восьмой, день (день воскресения Христа) — это начало новой эры, прообразом которой были восемь человек, спасшиеся с Ноем (1 Петр 3. 20), и это число «является символом (σύμβολον) восьмого дня, в который, восстав из мертвых, явился наш Христос; (этот день) по числу восьмой, но по силе всегда первый» (Iust., Dial. 138. 1).

²⁶ Ср. Barnard L.W. The Day of the Resurrection and Ascension of Christ in the Epistle of Barnabas // Revue Bénédictine. 1968. Vol. 78. P. 107: «... Barn. 15. 9 emphasises the resurrection and ascension as significant events in our redemption without any consideration of chronological interval between them» (курсив — А.Х.).

рез три дня восстал и поднялся на небо»²⁷; в т. н. «Послании апостолов» (1-я половина II в.)²⁸ мы видим ту же картину: в день воскресения светлое облако возносит Иисуса от апостолов после их продолжительной беседы, и вознесение сопровождается громом, молниями и землетрясением (Ер. Ар. 51 (62))²⁹; в апокрифическом «Евангелии Петра» (1-я половина II в.) Мария Магдалина, рано утром в воскресенье подошедшая к гробу распятого, видит перед ним ангела, который сообщает: «Восстал он и ушел туда, откуда был послан» (ἀνέστη γὰρ καὶ ἀπῆλθεν ἐκεῖ ὅθεν ἀπεστάλη: 56)³⁰. В день воскресения помещал вознесение и Ириней: «Учитель наш, воскреснув через три дня, был вознесен» (post triduum resurgens assumptus est: Adv. haer. V. 31. 2)³¹.

²⁷ Μετὰ [δὲ] τρεῖς ἡμέρας ἀνέβη καὶ εἰς οὐρανοῦς ἀνῆλθεν (II. 8: Seeberg R. Die Apologie des Aristides // Forschungen zur Geschichte des neutestamentlichen Kanons u. altkirchlichen Literatur / Hrsg. von Th. Zahn. V. Teil. Erlangen–Leipzig: A. Deichert'sche Verlag. 1893. S. 334); немецкий перевод сирийского текста XV. 2 см. Geffcken J. Zwei griechische Apologeten. Leipzig–Berlin: Teubner. 1907. S. 23; греческий оригинал сочинения дошел во фрагментах, полностью текст сохранился только в сирийском переводе.

²⁸ Текст памятника полностью дошел только в эфиопском переводе (сделанном, по всей видимости, с арабского) и во фрагментах в коптском переводе (сделанном с утерянного теперь греческого оригинала и сохраненном в единственной рукописи на папирусе IV–V в.); о датировке оригинала см. Hornschuh M. Studien zur Epistula apostolorum. Berlin: Walter de Gruyter. 1965. S. 116 сл.

²⁹ Издание текста: Schmidt C. Gespräche Jesu mit seinen Jüngern nach der Auferstehung. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung. 1919; здесь S. 154; комментарий: S. 301–302, где Карл Шмидт называет автора «Vertreter der älteren Anschauungen», представленных в Лк 24. 51, Мк 16. 19 и Ин 20. 17 («...erfolgt doch die Himmelfahrt unmittelbar im Anschluß an das beendete Gespräch, fällt also auf den Auferstehungstag, da nirgends angedeutet ist, daß diese Offenbarungen des Auferstandenen sich auf mehrere Tage erstreckt haben»).

³⁰ Foster P. The Gospel of Peter. Introduction, Critical Edition and Commentary. Leiden–Boston: Brill. 2010. P. 204 и комментарий: P. 493–495.

³¹ Почти сто лет назад Георг Бертрам (Bertram 1927) доказывал, что некоторые пассажи в раннехристианских сочинениях являются свидетельствами очень раннего представления о вознесении Иисуса прямо с креста, минуя воскресение и явления Воскресшего ученикам; среди прочего он ссылается на ЕвПетр 5. 19, где после последних слов Иисуса на кресте, сказано «и, сказав, он ἀνελήφθη», т.е. «был вознесен» (203); критику см. Holzmeister U. Der Tag der Himmelfahrt des Herrn // ZKTh. 1931. Vol. 55. P. 48–50, где автор подробно разобрал употребление глагола ἀναλαμβάνεσθαι в христианской литературе и показал, что глагол и производные от него имеют значение «возноситься, вознесение» только в том случае, если имеют при себе дополнение εἰς τὸν οὐρανόν или т.п., поэтому ἀνελήφθη

Два канонических свидетельства (*Лк* 24. 51 и *Деян* 1. 2–3) не мешали, однако, тому, чтобы кое-где долгое время оставались в ходу и свои местные традиции относительно даты празднования Вознесения. Так, например, в сирийской и палестинской церквях Вознесение праздновалось в один день с Пятидесятницей, т.е. в день сошествия святого Духа на апостолов (*Деян* 2. 1 сл.). В сирийском «Учении апостолов» читаем: «Апостолы постановили: По завершении пятидесяти дней после его воскресения празднуйте его вознесение к славному его Отцу» (IX)³²; подобную практику наблюдала в Иерусалиме в конце IV в. анонимная галльская паломница (Эгерия?), рассказавшая о том, как в день Пятидесятницы, в воскресенье, после обеда все «поднимаются на Елеонскую гору, идут в храм Имвомон, то есть в то место, откуда вознесся Господь на небо», совершают там богослужение и читают «то место из евангелия, где говорится о вознесении Господа»³³, и т.п.³⁴

в *ЕвПепр* не может иметь значение «был вознесен» точно так же, как ἀνάληψις («ohne Objekt <...> an der dunklen Stelle Lk 9. 51»: 49) не может иметь в виду «вознесение», а, скорее всего, подразумевает смерть; ср. Stempvoort 1958, 32 сл. с многочисленными примерами доказывал, что, например, в *Деян* 1. 2 ἀνελήμφθῃ имеет значение не «был вознесен», а просто «был взят», т.е. умер: «...the normal meaning of ἀνάληψις and ἀναλαμβάνεσθαι in the time of Luke and the first centuries: to die, to be taken up in the sense of to pass away, removal out of this world»; категорическое возражение по поводу такого толкования ἀνελήμφθῃ в *Деян* 1. 2 см. Dupont J. ANEΛHMΦΘH (Act. 1. 2) // NTS. 1962. Vol. 8. P. 154–157; ср. также Zwier 1997/. P. 80–86 (о *Лк* 9. 51) и P. 94–97 (о *Деян* 1. 2): оба раза ascension.

³² Английский перевод сирийского текста см. Cureton W. Ancient Syriac Documents Relative to the Earliest Establishment of Christianity in Edessa and the Neighbouring Countries. London: Williams and Norgate. 1864. P. 24–35; здесь 27; ср. Kretschmar 1954. S. 209: «Die älteste Form der Doctrina Apostolorum, die aus dem 4., vielleicht schon 3. Jahrhundert stammt...». Греческая версия этого текста (*Lagarde A. P. de. Riliquiae iuris ecclesiastici antiquissimae. Graece. Wien: Teubner. 1856. P. 91. 8–9*) дает, однако, каноническую дату праздника: «по завершении сорока дней после его воскресения» (ἐπὶ τέλους τεσσαράκοντα ἡμερῶν μετὰ τὴν ἀνάστασιν αὐτοῦ); см. также Holzmeister 1931/ P. 61.

³³ «...ascenditur mons (sic) Olivetti <...> primum itur in Imbomo, id est in eo loco, unde ascendid Dominus in caelis <...> legitur etiam et ille locus de evangelio, ubi dicit de ascensu Domini in caelis post resurrectionem» (43. 4–5). Издание латинского текста, открытого лишь в конце XIX в., см. Geyer P. Itinera Hierosolymitana saeculi III–VIII. Vien [et al.]: F. Tempsky. 1898 (CSEL, 39). P. 35–101 (здесь P. 94. 12–24).

³⁴ Другие примеры празднования Вознесения в последний день Пятидесятницы см. Holzmeister 1931, 61 сл.; Kretschmar 1954, 209 сл.

Каноническая традиция оставила мало свидетельств о том, чему учил Иисус своих учеников, явившись (являясь) им после воскресения. Его короткое пребывание на земле перед вознесением в *Лк* 24. 13 сл., затем ставшее более продолжительным в *Деян* 1. 3, первоначально нужно было, кажется, не для того, чтобы дать воскресшему возможность рассказать последователям что-то новое; здесь факт пребывания и явления ученикам должен был, прежде всего, подтвердить реальность воскресения, т.е. что Иисус воскрес в плоти, а не мнимо³⁵. Довольно скоро, однако, авторы, стоявшие в оппозиции церковному христианству, поняли, что время до вознесения может послужить не для доказательства телесного воскресения (в таких доказательствах они не нуждались, потому что не признавали воскресения «в плоти»), а иным целям: его можно и нужно заполнить беседами Воскресшего с учениками, в которые можно было бы вложить учение, не засвидетельствованное каноническими текстами. Одним из первых сочинений этого жанра, автор которого находился еще в русле магистрального христианства, явилось т.н. «Послание апостолов»: здесь, наряду с настойчивым подтверждением реальности телесного воскресения³⁶, мы находим длинную цепь бесед воскресшего с учениками, посвященных разным темам. Здесь автор ограничивается еще пределами одним днем³⁷, но когда мы выходим за пределы традиционного христианства и вступаем на поле, где уже каждый претендовал на обладание сокровенным знанием, которое было открыто тайно или только ему одному, или несколькими избранным (речь идет о так наз. гностиках и гностицизирующих), то здесь одного дня, и даже сорока или пятидесяти,

³⁵ См. просьбу Воскресшего к двум ученикам: «Потрогайте (ψηλαφήσατε) меня и увидите, что дух плоти и костей не имеет, а я, как видите, имею» (*Лк* 24. 39); этой же цели служит и история с апостолом Фомой (*Ин* 20. 24 сл.). Подробнее см. Хосроев А.Л. Другое благовестие III. Гностические сочинения II–III вв. и некоторые проблемы раннего христианства. СПб.: Нестор-История. 2023, С. 241 сл.

³⁶ О сочинении см. выше: примеч. 28; апостолы начинают свое послание словами: «...мы написали, как мы его слушали и осызали (ἐψηλάφησαν (?), ср. *Ин* 1. 1) после того как он воскрес и как он открыл нам великие и приводящие в изумление вещи» (эфиоп. сар. 12 (13): Schmidt 1919, 26–27); Иисус побуждает их, принявших его за призрак (φαντασία; ср. *Мк* 6. 49), проверить телесность его воскресения: Петра вложить палец в дыры от гвоздей на руках, Фому потрогать рану от копья в боку и т.д. (копт. III сл.: ibid. 41. 8 сл.).

³⁷ См. выше: примеч. 29

оказывается уже крайне мало, чтобы за столь короткое время Спаситель смог изложить свое учение, передать все его своеобразие и глубину (ср. *Ин* 21. 25)...

Подлинная продукция таких христиан до нас дошла далеко не в полном объеме, но по разрозненным свидетельствам оппонентов и случайно уцелевших оригинальных текстов можно видеть, что сроки пребывания Воскресшего на земле в этой литературе значительно увеличились. Так, Иринея, пересказывая учение гностиков-офитов, пишет: они учили, что «после воскресения Иисус оставался здесь *18 месяцев*» и, «поскольку на него сошла способность (особого) понимания³⁸, учил он немногих из своих учеников, о которых знал, что они способны постичь столь великие таинства, и после этого он был взят на небо»³⁹.

О таком сроке ранее было известно только со слов ересиологов, но теперь мы располагаем сочинением, условно названным «Тайное учение Иакова» (которое трудно отнести к какой-то гностической школе, но смело можно назвать гностицизирующим)⁴⁰, где рассказ начина-

³⁸ Видимо, так следует перевести *sensibilitate in eum descendente*, где *sensibilitas* передает, вероятно, νόησις греческого оригинала; см. Irénée de Lyon. Contre les hérésies. Livre I. Édition critique par A. Rousseau et L. Doutreleau. T. 1: Introduction, notes justificatives, tables. T. 2: Texte et traduction. Paris: Les éditions du Cerf, 1979 (Sources Chrétiennes, 263, 264), I. P. 310–311, n. 4.

³⁹ Remoratum autem eum post resurrectionem XVIII mensibus <...> et sic receptus est in caelum (*Adv. haer.* I. 30. 14); о том же сроке пребывания Иисуса на земле после воскресения учили, по другому свидетельству Иринея, и валентиниане (μετὰ τὴν <ἐκ> νεκρῶν ἀνάστασιν δεκάοκτὼ μηνῶν: *ibid.* I. 3. 2; см. ниже: примеч. 42). В катенах на *Лк* Ефрема Сирина, дошедших по-армянски, читаем, что Лука написал свои *Деян* в ответ на измышления анонимных еретиков, составивших такие сочинения, как «Вопросы Марии» или «(Вопросы) учеников Христа», в которых они утверждали, что после воскресения и до вознесения Спаситель 18 месяцев оставался на земле (*Conybeare F.C. The Commentary of Ephrem on Acts // The Beginnings of Christianity. Pt. I. The Acts of the Apostles. Ed. by F. J. F. Jackson and K. Lake. Vol. III. The Text of Acts by J. H. Ropes. London: Macmillan & Co., Ltd. 1926. P. 380*); это свидетельство подразумевает, что обличаемые сочинения были написаны еще до появления *Лк*.

⁴⁰ Сочинение, дошедшее только по-коптски, находится в кодексе I из Наг Хаммади (*NHC* I. 2: 1. 1 – 16. 30); оно оформлено как письмо Иакова Праведного, в котором он описывает, обращаясь к неизвестному адресату (его имя оказалось в лакуне) учение, которое воскресший Господь, не желая открывать его остальным апостолам, передал только ему и Петру. Утерянный греческий оригинал возник, по всей

ется словами: «Вот, явился Спаситель после того, как он от нас ушел, и (явился он) через 550 пятьдесят дней после того, как восстал из мертвых»⁴¹, и заканчивается сочинение вознесением. Из текста не ясно, находился ли Спаситель «после своего воскресения» все время на земле, куда-то уходя от учеников лишь время от времени, или он то возносился, то возвращался на землю. О том, что после воскресения он явился апостолам (по крайней мере, Иакову) не в первый раз, свидетельствуют слова Иакова о другом тайном учении, полученном им от Спасителя за десять месяцев до этого (1. 28 сл.). 550 дней составляют примерно 18 месяцев, о которых говорил Иринея, и чуть дальше в сочинении уже сам Господь говорит ученикам: «после страдания вы вынудили меня оставаться у вас еще 18 <месяцев> из-за притч» (8. 3–4), очевидно, имея в виду что он остался на земле на столь продолжительное время для того, чтобы объяснять ученикам тайный смысл своих высказываний. Происхождение и смысл этих временных отрезков (18 и 550) по-прежнему остаются темными⁴².

В позднейшей гностической традиции время пребывания Иисуса на земле после воскресения еще более затягивается⁴³, очевидно, по той

видимости, ближе к концу II в. Издание коптского текста: *Williams Fr.E. The Apocryphon of James // Nag Hammadi Codex I (The Jung Codex). Editor H. W. Attridge. Vol. 1: Introductions, Texts, Translations, Indices. P. 13–53. Vol. 2: Notes. P. 7–37. Leiden: Brill. 1985 (NHS, 22, 23)*; русский перевод см. Хосроев А.Л., «(1-й) Апокалипсис Иакова» (*NHC* V.3 и *CodTch* 2). Предисловие, перевод, комментарий // Письменные памятники Востока. 2025. Т. 22. № 2 (вып. 61). С. 20–50.

⁴¹ ⲙⲡⲡⲥⲁ ⲧⲟⲩ ⲡⲥⲉ ⲧⲁⲉⲓⲟⲩ ⲡⲣⲟⲩⲩ ⲡⲧⲁⲣⲉϥⲧⲱⲟⲩ ⲁⲃⲁⲗ ⲉⲡⲓⲛⲧⲏⲁⲟⲩⲧ (2. 19–20). необычный срок. Это число дней весьма близко тому, о котором речь идет в *Asc. Jes.* IX. 16 (эфиопский текст): «Он (scil. Христос) поднимется (из мертвых) на третий день и останется в этом мире (до вознесения) на 545 дней».

⁴² Ср., однако, объяснение самих валентиниан в передаче Иринея: тридцать эонов складываются из двенадцати (возраст Христа, когда он беседовал с учителями в Храме, или число апостолов) и восемнадцати (число месяцев пребывания Иисуса на земле после воскресения); на эти восемнадцать эонов ясно указывают две начальные буквы имени Иисус (Ⲓⲥⲟⲩⲥ), ведь Ⲓ имеет числовое значение 10, а ⲥ — 8 (*Adv. haer.* I. 3. 2).

⁴³ При этом гностические свидетельства о многодневном пребывании Иисуса на земле после воскресения можно назвать «вторичными» («sekundär»), поскольку все они покоятся на схеме, предложенной автором *Деян* 1; о том, «daß die Grundstruktur aller gnostischen Schriften, in denen der Auerstandene zu längeren Offenbarungsgesprächen erscheint und am Ende dieser Gespräche in den Himmel auffährt, nach dem Muster von App 1 gebildet und ohne das lukanische Schema überhaupt nicht zu denken ist»,

же причине: истинное учение, которое Иисусу предстоит открыть ученикам после воскресения, не может быть передано в короткий срок. Так, эклектическое сочинение «Пистис София», занимающее несколько сот страниц коптского текста и содержащее причудливую смесь различных эзотерических представлений, начинается словами: «После того, как Иисус восстал из мертвых, он провел 11 лет (на земле), беседуя со своими учениками⁴⁴ и поучая их о местах первого закона и о местах первого таинства...»; спустя 11 лет Иисус возносится, но его вознесение уже никак не соотносится с воскресением (в очевидном противостоянии церковной дате), поскольку происходит в январе⁴⁵. Также из «Второй книги Йеу», которая также содержит тайные беседы воскресшего Учителя⁴⁶ с учениками, мы узнаем, что «они 12 лет следовали за ним»...⁴⁷

Таким образом, не только сроки пребывания Воскресшего на земле менялись в ходе бытования христианской традиции, но и сам смысл этого пребывания с течением времени претерпевал кардинальные изменения.

см. подробнее Lohfink G. Die Himmelfahrt Jesu. Untersuchungen zu den Himmelfahrts- und Erhöhungstexten bei Lukas. München: Kösel-Verlag. 1971. S. 134–136 (зд. 136).

⁴⁴ ⲁⲓⲡⲓ ⲛⲓⲧⲟⲩⲉ ⲡⲣⲟⲡⲉ ⲉⲓⲱⲁⲭⲉ ⲛⲓ ⲛⲉⲓⲙⲁⲛⲧⲏⲥ (ПистСоф I. 1). Издание текста: Schmidt C. Pistis Sophia. Coptica 2. Kopenhagen: Gyldendalske Boghandel-Nordisk Forlag. 1925 (1. 2–3).

⁴⁵ «По мере того, как та светлая сила сходила на Иисуса, она мало помалу его обволакивала. И вот Иисус стал подниматься и взлетать ввысь (ⲁⲓⲥ ⲧⲟⲓⲗⲉ ⲛ ⲁⲓⲓⲱⲁ ⲉⲡⲭⲓⲥⲉ), осветившись безмерным светом. И ученики смотрели ему вслед, и никто из них не говорил до тех пор, пока он не достиг неба (ср. Деян 1. 9–10), но все пребывали в великом молчании. Случилось это в 15-й (день) луны, день, когда она становится полной, в месяце тоби» (ПистСоф I. 3). Тоби (ⲧⲟⲩⲉ ⲧⲟⲃⲓ) — пятый месяц коптского календаря, соответствует в григорианском календаре 9 января – 7 февраля.

⁴⁶ Хотя в сочинении нет никаких указаний на время действия, два обстоятельства, а именно постоянное название Иисуса «Иисусом живым» (ⲓⲥ ⲡⲉⲧⲟⲛⲉ, сочетание, которое применялось, как правило, к Воскресшему), и то, что в других гностических сочинениях тайное знание ученикам Иисус всегда передает после своего воскресения, позволяют считать, что беседы проходили после Воскресения.

⁴⁷ ⲁⲩⲟⲩⲁⲓⲱⲩⲟⲩ ⲡⲓⲱⲓ ⲡⲓⲱ ⲡⲣⲟⲡⲉ (2Йеу 44). Издание текста: The Books of Jeu and Untitled Text in the Bruce Codex. Text ed. by C. Schmidt; Transl. and Notes by V. MacDermot. Leiden: Brill. 1978 (NHS, 13). P 103. 7–8.

В. И. Земскова
Санкт-Петербургский гос. университет

Местоположение церкви Св. Софии на карте доконстантинова Константинополя

Задача настоящей работы — наглядно показать, где на топографической карте доконстантинова Константинополя располагалась Юстианиана Св. София и церкви, ей предшествовавшие (их, как считается, было две). Вроде бы в этой теме нет загадки, однако не всё так просто, история застройки этого места много старше сегодняшнего храма и не имеет удовлетворительного ясного начала, а с другой стороны, отмечено множество особенностей самого здания, и они не сведены в общую картину, чтобы можно было приступить к их изучению системно. В первую очередь, мне представляется, следует акцентировать топографию памятника.

Обратимся к истории оборонительных стен города Византия.

Согласно древним источникам и последующим свидетельствам — Ксенофонта (ca. 430–356 до н. э.), Дионисия Византийского (II в.), Исихия Милетского (VI в.), первые стены соорудили греческие поселенцы ввиду их войн с местными фракийцами (Исихий). Со стороны суши стены были мощными, с моря — невысокими (воины Ксенофонта здесь с лёгкостью проникли в город).¹ Эти укрепления застал историк Геродиан (работал до 239 года): Византий «был окружён мощной, очень высокой стеной, сделанной из мельничных четырёхгранных камней, так плотно соединённых и скреплённых между собой, что всякий счёт бы, что сооружение сделано из единой глыбы, а не составлено

¹ Невская В.П. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М.: АН СССР, 1953 (Причерноморье в классическую эпоху, вып. 4). С. 27, 45, 90–91.

из разных частей».² Стены пострадали и исчезли в 190-х годах вследствие войны между Присценнием Нигером и Септимием Севером, претендентами на римский императорский престол. Осаждённый Византий, где находился Нигер, был взят и разрушен, его лишили театров, бань, всех украшений и отдали в рабство городу Перинф (поддержавшему Септимия Севера).³ Геродиан впоследствии писал о Византии: «Ещё и теперь, когда видишь сохранившиеся обломки и остатки этой стены, удивляешься и искусству первоначальных строителей, и силе последующих разрушителей».⁴ Бесспорно, Геродиан говорил об акрополе города Византия.

Сочетание «крепость (акрополь) — застройка за пределами крепости» характерно для греческих городов, каковым и был Византий. Рим же обстраивался оборонительными стенами лишь дважды за свою историю, и только в ответ на угрозу вторжения. В первый раз это случилось, согласно легенде, при Сервии Туллии (VI в. до н. э.), а на деле в IV в. (очевидно, после нашествия галлов), во второй раз — при императоре Аврелиане в 271–275 гг., по той же причине: для обороны от германских племён. Аврелианова стена (равно как когда-то Сервиева) защищала *весь* город целиком, она охватывала все семь холмов Рима, включая Campus Martius (то есть нежилую застройку), имела протяжённость около 19 км и часто поставленные башни: на расстоянии в 30 метрах друг от друга.

Сооружение новых стен в Византии тоже было реакцией на вторжение — готов в 258 году. В 262-м году стены уже стояли, об этом опосредованно сообщает жизнеописание Галлиена (первого) в *Historia Augusta*: Галлиен опасался, впустят ли его «в стены города».⁵ Поскольку стена Аврелиана в Риме частично сохранилась, она позволяет понять, что могли представляли собою новые фортификации Византия.

Маршрут этих стен известен от Исихия Милетского, византийского автора рубежа V–VI веков: они охватывали почти всю оконечность

² Геродиан. История императорской власти после Марка [Аврелия] / Пер. под ред. А. И. Доватура. СПб.: Алтейя, 1995. III.1.6.

³ Там же. III.6.9. То же у Диона Кассия: Римская история. Кн. lxxiv–lxxx / Пер. А. В. Махлаюка. СПб, 2011. lxxv. 10–14; 11.3; 14.1, 3.

⁴ Геродиан. История императорской власти после Марка [Аврелия]. III.1.7.

⁵ Historia Augusta / Пер. С. Н. Кондратьева под ред. А. И. Доватура. М.: Наука, 1992. XXIII.7.2 (et cum non putaret recipi se posse muris). В этом фрагменте, согласно комментарию, изложение событий намеренно путаное. См.: Mango C. Septème Sèvre et Byzance. P. 595–596.

полуострова, не доходя лишь до берега Мраморного моря. Исихий берёт за ориентиры топографические объекты, известные в его время (рис. 1).⁶ Стена спускалась от стены акрополя в сторону Золотого рога, к башне св. Евгения, от башни поворачивала на юго-запад, между Стратегионом⁷ и банями Ахилла⁸ (и здесь находились ворота), далее поднималась к Халкопратии до Милия (ἕως τοῦ Μιλίου), и здесь были ещё одни ворота,⁹ спускалась к τοὺς Τόλους¹⁰ — и поворачивала обратно к акрополю через Аркадианы (Αρκαδιανῶν, бани Аркадия) и Манганы (τὰ Μάγγανα, дворцовый комплекс на берегу Босфора).¹¹ Источники описывают Τόλοι как некое ступенчатое сооружение,¹² что-то вроде судейского седалища, и поэтому его избрал император Зинон для суда над Василиском.¹³ По догадке же А. Бергера (Berger), эта структура

⁶ См. изд.: *Scriptores originum Constantinopolitanarum* / ed. Th. Praeger. Fasc. 2. *Πάτρια Κωνσταντινουπόλεως*, 52 (= p. 141) (далее: Praeger).

⁷ Район Стратегиона соединял в себе военную (был чем-то вроде плац-парада), торговую (рынок и зернохранилища) и церемониальную функции и располагался неподалёку от двух портов на Золотом Роге; вероятно, значение этого района формировалось с эллинистических времён. О Стратегионе и его местоположении см.: Westbrook N. Notes toward the Reconstruction of the Forum of the Strategion and its Related Roads in Early Byzantine Constantinople // Journal of the Australian Early Medieval Association. 2013. Vol. 9. P. 3–38 (p. 26 — вывод; см. там же рисунки, показывающие соответствие магистралей Константинополя улицам сегодняшнего Стамбула).

⁸ Построены в 433 г., см.: Westbrook N. Notes toward the Reconstruction of the Forum of the Strategion and its Related Roads in Early Byzantine Constantinople. P. 11, n. 32 (Марцеллин Комит. Хроника. 433).

⁹ Сухопутные ворота: ἦν δὲ κάκεῖσε πόρτα τῶν Βυζαντίων χερσαία (Praeger. Fasc. 2, II.26 (10, p. 141)).

¹⁰ Подразумеваются многочисленные сооружения (τῶν βάρων), называемые οἱ Τόλοι; около церкви архистратига Михаила. Перед Τόλοι стоит: «через витые колонны τῶν Τζυκαλαρείων» — последнее слово не имеет ни перевода, ни объяснения, поэтому оставляю его в примечании.

¹¹ В *Πάτρια* последние два объекта переставлены: Аркадианы находились в глубине суши, Манганы — на берегу Босфора: Praeger. Fasc. 2. 27 (= 11–14, p. 164). Далее изложено по: Magdalino P. The Theatre of Byzantium-Constantinople // *Anekdotia Byzantina. Studien zur byzantinischen Geschichte und Kultur Festschrift für Albrecht Berger anlässlich seines 65. Geburtstags* / Hrg. von I. Grimm-Stadelmann, A. Riehle, R. Tocci u. M. M. Vučetić. Berlin—Boston: De Gruyter, 2023. (Byzantinisches Archiv, Bd. 41) P. 429–433.

¹² ἐν τοῖς πλήσιον μέρεσι τῶν βάρων τῶν λεγομένων <Τόπων>: Praeger. Fasc. 2. 27 (= 13, p. 164).

¹³ Praeger. Fasc. 2. 26 (= p. 222–223).

являлась экседрой площади перед церковью архангела Михаила (для раздачи хлеба), но, уточняет эту мысль Р. Magdalino, она стояла на восточном склоне холма, где в древности находился *theatrum minus*, римский театр Византия (*theatrum maius*, амфитеатр, располагался севернее, на границе между Первым и Вторым регионами города, рис. 1), следовательно, «ступени» (βάθροι) — это сиденья-ступени античного театра; слово τόπος, место, принадлежит театральному быту, означает зарезервированные места (для отдельных должностных лиц и зрителей, принадлежащих каким-либо профессиональным группам) и граффити с этим словом встречаются во многих античных театрах.¹⁴ Холм, о котором идёт речь, это холм, с западной стороны которого стоит сегодня церковь Св. Ирины (см. высоты на рис. 2).

Укрепления III века, предположительно, были снесены Константином, так как император начал строить новую стену дальше к западу, а Большой дворец — вне периметра старых стен. Это согласуется с описанием Большого дворца в *Πάτρια* и утверждением, что его территория простиралась до Τόποι,¹⁵ а также означает, что стену в III веке поставили для того, чтобы защитить и оба театра.¹⁶

Следует приглядеться к рельефу Первого и Второго регионов Константинополя, где, соответственно, расположены Юстинианова Св. София и древний акрополь (рис. 1), потому что поворот стены от Милия обратно к северу был обусловлен особенностями местности. Холм древнего акрополя имеет высоту 44 м (рис. 2), вытянут с северо-востока на юго-запад, восточный, западный и северный склоны обрывистые, а с юга пологие.¹⁷ Верхнюю площадку холма ныне занимает султанский дворец Топкапы. Границы акрополя не ясны, предполагают, что стены акрополя образуют основание стен внутреннего двора Топкапы, а, возможно, и северо-западных ворот Fil Kapisi (Слоновьи) дворца (рис. 2).¹⁸

¹⁴ См. подробности: Magdalino P. The Theatre of Byzantium-Constantinople. P. 432–433.

¹⁵ Ibid. P. 430. В точности такой мысли у автора *Πάτρια* нет; Magdalino, похоже, делает своё заключение на том основании, что перечень построек Константина заканчивается на воротах Халки, самом северном объекте Большого дворца и ближайшем к Τόποι.

¹⁶ Ibid. P. 432.

¹⁷ В полном соответствии с описанием в: Notitia urbis Constantinopolitanae. Regio II.

¹⁸ Berger A. Streets and Public Places in Constantinople // DOP. 2000. Vol. 54. P. 163. ср.: Idem. Regionen und Straßen im frühen Konstantinopel // IM. 1997. Bd. 47. S. 359.

Юго-западная оконечность акрополя, сужаясь, плавно спускается до отметки 40 метров (у храма Св. Ирины), далее рельеф поднимается на 2 метра, образуя небольшой холм (с запада в него упирается апсида храма Св. Ирины, с востока находились Τόποι), — и начинается довольно плавный спуск к Св. Софии; сегодняшняя Св. София стоит на мысу, являющемуся продолжением плавного спуска холма, её ось пересекается с отметкой 36 метров (рис. 2). Стена Византия, вероятно, и должна была пересекать этот мыс (огигать? проходить вдоль кромки рельефа?). В любом случае, линия фортификации была вынуждена следовать за рельефом: поднявшись к Халкопратии и дойдя до Милия, она начала спускаться к *theatrum minus* (Τόποι) и замкнула оборону города, вероятно, на берегу Босфора. Стоит обратить внимание, что этот «мыс», отступая, делает вокруг Милия «петлю» по кромке на отметке в 34 м, а в стене середины III века, около Милия, как говорится в *Πάτρια*, были ворота.

Какие из построек могли существовать в Византии к середине III века? Археологические исследования опровергли ещё недавно господствовавшие представления, будто Септимий Север (193—211) и его наследники здесь многое построили. Наоборот, следов такой деятельности нет; в частности, Септимий Север не восстанавливал городских стен, о чём писали некоторые источники IV и VI веков (Зосим и Исихий); вообще нет сравнительных данных, удостоверяющих, что этот император заметно повлиял на облик города. Сегодня уже нельзя приписывать его сыну, императору Каракалле (211—217), строительство бань Зевксиппа (к югу от Св. Софии), и даже относительно ипподрома нет единого мнения (С. Mango полагает, что это создание Константина); собственно в Византии нет ни одного засвидетельствованного сооружения ни императора Септимия Севера, ни Константина.¹⁹ Можно догадываться, пишет W. Müller-Wiener, что закладка Константинополя (324) последовала ранее создания концептуального плана в виде сетки улиц и пересекающей её Месы.²⁰

¹⁹ Müller-Wiener W. Bildlexikon zur Topographie Istanbuls. Tübingen: Ernst Wasmuth, 1977. S. 19; ср.: Mango C. Septème Sévère et Byzance // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 2003. Vol. 147/II. P. 602, 606.

²⁰ Müller-Wiener W. Bildlexikon zur Topographie Istanbuls. S. 19. О топографии Константинополя см. работы А. Бергера: Berger A. 1) Streets and Public Places in Constantinople; 2) Regionen und Straßen im frühen Konstantinopel.

Уровень пола в Юстиниановой Св. Софии — примерно вровень с нынешней улицей и на 3 метра *выше* площади Августеона (за точку отсчёта взят его южный угол), а древняя Меса лежит на 2,84 м ниже улицы Диван-йолу (Divanyolu), проходящей по той же трассе.²¹ Таким образом, Св. София возвышалась над главной улицей Константинополя почти на 6 метров, а значит, как она сама, так и площадь перед нею (Августеон) были построены *на склоне холма*. Это хорошо видно на топографической карте в издании Müller-Wiener'a (рис. 2).²²

Обратимся к северной стороне акрополя. Там до сегодняшнего дня, на отметке 36 метров сохранилась так называемая Готская колонна.²³ Поначалу считали, что её поставил один из императоров Феодосиев; затем, по частично сохранившейся надписи «*fortune reduci ob devictos gothos*» (вновь обрёл удачу, победив готов), отнесли к правлению императора Клавдия II (268–270), имевшего титул «Готский»; форма букв надписи более соответствует времени Константина I или его сына Констанция, тоже побеждавших готов.

Рядом с Готской колонной в 1930-е годы обнаружены богатые археологические останки в виде дворца, портика и стен; в грунте, россыпью — мозаика,²⁴ другие артефакты; были найдены стволы колонн, обломки мраморов (попавшие сюда с ипподрома). Новые раскопки в 1959-м и в 1960-е годы открыли обширные остатки некоего дворца.²⁵

Вкратце история триумфальных колонн такова. Плиний Старший пишет об обычае чтить выдающихся людей статуей на колонне (или же

²¹ *Schneider A.M.* Die Grabung im Westhof der Sophienkirche zu Istanbul. Berlin, 1941. (Istanbuler Forschungen, 12) S. 1, Abm. 2.

²² *Müller-Wiener W.* Bildlexikon zur Topographie Istanbuls. S. 497.

²³ *Ibid.* S. 53, Abb. 31; надпись: CIL. Vol. III. 733; на другой стороне колонны написано: IC XC NIKA.

²⁴ *Schneider A.M.* Byzanz. Vorarbeiten zur Topographie und Archäologie der Stadt. Berlin, 1936. (Istanbuler Forschungen, 8) S. 81, 90, 92 (№ 8, 9), 93 (№ 10); субструкции построек в районе колонны см.: Abb. 44. А. М. Schneider определил дворец временем императора Септимия Севера, мозаику — временем Антонинов; непонятно, подразумевал ли Шнайдер династию Антонинов или императора Каракаллу (211–217) из династии Северов, официальным именем которого было Марк Аврелий Антонин.

²⁵ *Müller-Wiener W.* Bildlexikon zur Topographie Istanbuls. S. 39–40. Позже здесь находился форум императора Льва I (457–471): *Dark K.R., Harris A.L.* The Last Roman Forum: the Forum of Leo in Fifth-century Constantinople // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 2008. Vol. 48. P. 57–69

аркою),²⁶ впервые в Риме статуй удостоился Марк Марий Гратидиан, претор Рима, племянник и сподвижник Гая Мария, убитый во время террора Суллы (82 г. до н. э.). На этом сооружение римских таких колонн, насколько нам известно, обрывается, и вновь возникает в имперскую эпоху. Сохранилось либо подтверждается десять колонн: четыре в Риме, включая колонну императора Фоки (602–610), пять в Константинополе и одна в Александрии (её поставил император Диоклетиан). Четыре колонны повторяют декор первой по времени колонны — Траяновой, их ствол обвивают спиралью рельефы, прославляющие деяния императора;²⁷ стволы пяти колонн — гладкие или с каннелюрами, увенчаны капителями (и, вероятно, когда-то — статуями императора), к последним относится и Готская колонна; колонна Антония Пия (161 г.) в Риме сохранилась лишь пьедесталом.

Примечательнее, что колонны ставили *в центре* (видимо, только столичных) городов — на форумах или, как в Александрии, основанной и распланированной греками, на акрополе. Исключением, на первый взгляд, является колонна императора Маркиана, поставленная префектом Татианом (450–452) и в стороне от центра Константинополя и Месы, на которую «наназаны» все императорские форумы. Новое прочтение посвященной надписи (с исправлением «*forumque*» на «*forumque*») вносит ясность: колонна находилась на императорском форуме.²⁸

Таким образом можно смело говорить, что Готская колонна была поставлена — не столь важно, кем и когда — *в центре* города, каковым для греческого Византия был его акрополь.

Итак, что собою представляла карта города Византия в середине III века после сооружения оборонительной стены? Территория была увеличена почти до берега Золотого Рога и подножия холма акрополя

²⁶ См. подробнее: *Плиний Старший*. Естественная история (по изд.: *Pliny*. Natural History. Vol. IX, lib. XXXIII–XXXV / Ed. by H. Rackham, M. A. Cambr. Mass.—London, repr. 1961 (The Loeb Classical Library)) XXXIV.XIII.27.

²⁷ В частности, как по изображению на этих ленточных рельефах можно определить победителя и побеждённого, см.: *Kaldellis A.* The Forum of Theodosius I in Constantinople: Symbolic Geography and Dynastic Propaganda // Studies in Byzantine History and Culture: A Festschrift for Paul Magdalino / Ed. by Shaun Tougher. Leiden—Boston: Brill 2025. P. 11–24.

²⁸ *Bauer F.A.* Stadt, Platz und Denkmal in Der Spätantike. Untersuchungen zur Ausstattung des öffentlichen Raums in den spätantiken Städten Rom, Konstantinopel und Ephesos. Mainz: Philipp von Zabern, 1996. S. 213–215.

(у Стратегиона), включила район Халкопратию *вплоть до* Милия (ἕως τοῦ Μιλίου; и здесь находились ворота) — а далее стена поворачивала на северо-восток к Босфору. Рельеф местности и маршрут стены, если его проследить по рис. 2, точно и полностью отражается в лексике *Patiria: ἀνέβαινεν* (к Халкопратии до Милия) и *κατέβαινε εἰς τοὺς Τόπους* вниз по восточному склону холма, на котором с другой стороны будет стоять Св. Ирина.²⁹ У Милия, между холмами Халкопратии и (будущей) Св. Софии, ложбина, образующая *площадь*. Следовательно, примерно здесь и должны были находиться ворота, а от них стена поворачивала к Босфору. А это значит, что стена поворачивала на отметке 34–36 метров (где будет стоять Св. София), и на той же отметке 36 метров, с северной стороны акрополя стояла Готская колонна. Расширенная в III веке крепость включила в себя древний акрополь с Готской колонной и... (будущую) Св. Софию на своей южной окраине! Я осознаю, что в этих допущениях есть доля произвольности, но письменные источники и рельеф местности заставляют думать так.

С 2020 года в течение двух лет проводилось сканирование подземных структур вокруг Св. Софии.³⁰ Вдоль эонартекса (внутреннего нартекса) Юстиниановой Св. Софии обнаружили сплошной ряд глухих арок длиной в 47,5 метров и высотой 2 метра, он составляет фундамент внутреннего края эонартекса (рис. 3). Следовательно, около половины атрия Феодосиевой Св. Софии было инкорпорировано в новое здание.³¹ Ещё более важной находкой стала база колонны на внутренней границе Юстинианова эонартекса, в полутора метрах от центральной оси. Диаметр базы 57 см, чуть меньше диаметра баз (примерно 80 см) Феодосиева портика, открытого в 1935 году А. М. Шнайдером, поэтому колонна не могла быть опорной для внутренних

²⁹ *κατέβαινε* может быть переведено как «спускаться к морю»; в данном случае допустим и такой, буквальный смысл.

³⁰ С использованием многопиксельных HDR (High Dinamic Range) камер. См.: *Diker H.F.* Digital documentation of three largest subterranean structures of Hagia Sophia: The passage under the esonarthex, the vaults under the atrium and the hypogeum // *Technical Annals*. 2023. Vol. 1, iss. 3. P. 1, 5, fig. 1, 4, 12, 13.

³¹ Я говорю: атрий, потому что в этом слове мы имеем путаницу латинского *atrium* и слова, образованного от *ἄθροισ* (собрание) от глагола *ἀθροίζω*, собирать, и имеющее отношение к терминологии Храма. См.: *Земскова В.И.* Христианская базилика и Иерусалимский храм: единство традиции и преемство архитектуры. СПб.: Академия исследования культуры, 2012. С. 80–81.

перекрытий, и следовательно, принадлежит портику 415 года. В своё время А. М. Шнайдер реконструировал этот портик по археологическим останкам, но не высказал твёрдого суждения, является ли портик входом в атрий или в церковь. Местоположение и характеристики обнаруженной базы колонны позволяют теперь уверенно говорить, что портик был входом в атрий Св. Софии 415 года.

Ось обоих храмов Св. Софии и высотная отметка в 36 м пересекаются ровно на середине фасада (рис. 2). Пока отметим, что фундамент внутреннего края эонартекса высотой в 2 метра и принадлежащий атрию Феодосиевой Св. Софии сглаживал перепад высот в 2 метра (отметка 34 метра находится у угла сегодняшнего здания).

Юстинианова Св. София довольно резко развёрнута на юго-восток.³² Впервые на эту особенность обратил внимание Е. Н. Swift, он считал отклонение на юг в 33,4°; по его мнению, церковь была ориентирована на Иерусалим.³³ В наши дни Nadine Schibille уточнила это отклонение от широты (33,5°) и доказала, что продольная ось Св. Софии направлена на восход солнца в день зимнего солнцестояния, так чтобы предельно использовать природное освещение и повысить визуальный эффект от освещённости интерьера здания.³⁴ С одной стороны, к цифре 33,5° могли прийти античные астрономы (Менелай и/или Птолемей), поскольку они определяли географическую широту Константинополя в 43° (на самом деле, она 41°). Но, с другой стороны, во время закладки Св. Софии (точнее не говорится) угол солнечного восхода должен был быть 31,55°. Таким образом, сегодняшнее значение в 33,5° отличается от реального движения солнца в день зимнего

³² А не на восток с вполне объяснимыми колебаниями, зависящими от положения солнца относительно горизонта в день закладки церкви. Такие колебания в древнерусской архитектуре были открыты П. А. Раппопортом, см.: *Ориентация древнерусских церквей* // КСИА. 1974. Т. 139. С. 43–48.

³³ *Swift E. H.* Hagia Sophia. New York: Columbia university press, 1940. P. 18–19.

³⁴ *Schibille N.* Astronomical and Optical Principles in the Architecture of Hagia Sophia in Constantinople // *Science in Context*. 2009. Vol. 22/1. P. 27–46, в особ. стр. 27, 31, 36. Далее я излагаю исследование N. Schibille кратко, в пределах необходимого для моей задачи. N. Schibille ссылается на расчёты в другой своей работе, для каковых она использовала современные компьютерные программы и учла изменения положения небесных тел, происходящие с течением времени из-за нерегулярных колебаний и отклонения оси вращения (нутаии и планетарной прецессии, соответственно).

солнцестояния в 532 году н. э. примерно на 2°. N. Schibille делает *важнейшее*, как мне представляется, замечание: разница в 2 градуса достаточно существенна, и поэтому исключает возможность объяснить ориентирование Св. Софии *фактическим* углом восхода солнца в день зимнего солнцестояния.³⁵

Мы знаем, что Юстиниановой Св. Софии предшествовало две церкви. Сообщения о строительстве первой из них и о её освящении совпадают с самыми острыми моментами борьбы против арианских епископов в Константинополе (Македония и Евдоксия),³⁶ так что можно сомневаться, имело ли тогда место «правильное» храмовое строительство; вопрос требует исследования. Около Св. Софии обнаружены следы сооружений, принадлежащих IV веку, и это подаёт надежду на открытия.³⁷

Пока же остановимся на том, что топография (будущей) Св. Софии имеет вполне чёткие показатели — здание находилось *внутри* городских стен, но *на окраине*, рядом с городскими воротами. Нет объяснения, почему церковь ориентирована с большим отклонением на юго-восток (33,5° от северной широты), а зимнее солнцестояние, как обоснование такого ориентирования, отвергнуто самими исследователями.

В статье сделан обзор хорошо известного материала, однако обзор необходимо было сделать, чтобы перейти к исследованию топографии Св. Софии, как важнейшего фактора создания этого храма. То есть интрига только начинается.

³⁵ При этом N. Schibille не комментирует отклонение оси Юстиниановой постройки на юг на 1° от оси Феодосиевой Св. Софии 415 года; эту разницу обнаружил в 1935 году А. М. Schneider: Die Grabung im Westhof der Sophienkirche zu Istanbul. S. 4.

³⁶ *Сократ Схоластик*. Церковная история. М.: Росспэн, 1996. II. 16 (император Константин «создал великий храм, называемый ныне Софией»), 43 («по возведении Евдоксия на епископский престол столицы, освящена была великая церковь, известная под именем Софии, что случилось в десятое консульство Констанция и третье кесаря Юлиана, в пятнадцатый день месяца февраля»).

³⁷ *Dark K., Kostenec J.* Hagia Sophia in Context. An Archaeological Re-Examination of the Cathedral of Byzantine Constantinople. Oxford—Philadelphia: Oxbow books, 2019. P. 12–14.

А. Б. Ванькова
Институт всеобщей истории, Москва

Новелла о монастырях императора Никифора Фоки в контексте законодательства македонской династии по защите мелкого крестьянского и стратиотского землевладения

Знаменитая новелла о монастырях императора Никифора Фоки (963–969 гг.), принятая в первый год его правления (963/964 г.), неоднократно привлекала внимание исследователей, причем если историки византийской Церкви рассматривают, как правило, ее изолированно¹, то исследователи византийского права, экономики и политической истории помещают ее в более широкий контекст законодательства македонской династии (и даже предшествующего периода) по защите мелкого землевладения. Нас будут интересовать следующие вопросы: биография Никифора Фоки; причины, побудившие василевса издать этот закон; связь его с предшествующим законодательством; особенности характерные именно для этого указа;

¹ См., например: *Hussey J.M.* The Orthodox Church in the Byzantine Empire. Oxford, 1990. P. 113, 344–345: «Хотя Никифор [II Фока] был другом монахов и покровителем недавно основанной Лавры на Афоне, он без колебаний осуждал злоупотребления монашеским образом жизни и считал правильным ограничивать строительство новых монастырей. При этом он руководствовался не только заботой о поддержании [духовных] стандартов, но и финансовыми и военными потребностями государства, поскольку налогообложение страдало, когда земли передавались монастырям, а затем оставались необработанными» (P. 113); *Соколов И.И.* Состояние монашества в византийской Церкви с половины IX в. до начала XIII в. (842–1204 г.). Опыт церковно-исторического исследования. Казань, 1894. С.98–108.

последующая судьба этого закона. В приложении приводится перевод на русский язык этой новеллы².

1. Биография Никифора Фоки и содержание новеллы

1.1. Будущий император (ок. 912–969 гг.) был представителем знатного каппадокийского рода Фок, представители которого вошли в число ведущих аристократических семейств Византии на рубеже IX–X веков, в эпоху становления наследственной военной элиты. Его дед — Никифор Фока Старший — занимал высшие военные должности при императорах Василии I Македоняnine (867–886 гг.) и Льве VI Мудром (886–912 гг.), в то время как отец — Варда Фока Старший был одним из ключевых полководцев Константина VII Багрянородного (913–959 гг.). Никифор начал военную карьеру под командованием отца в восточных фемах. В 954 году, в конце правления Константина VII, сменил отца на посту доместика схол, успешно обороняя границы от эмиров Алеппо и Мосула. При Романе II (959–963 гг.) он получил высший чин магистра, став первым лицом в военной иерархии. Его братья также занимали ключевые посты (Лев Фока — второй доместик схол; Константин Фока — стратиг пограничной фемы Селевкия). После смерти Романа II Никифор, отвоевавший Крит (март 961 г.) и Алеппо (962 г.) от арабов, и пользовавшийся огромной популярностью у народа и армии, был провозглашен императором, женился на вдове императора и стал соправителем малолетних детей Романа — Василия и Константина³.

Это один, мирской, аспект деятельности императора. Однако была еще и глубокая внутренняя работа души, которая позволяет говорить о нем, как склонном к аскетическому деланию. Он был племянником выдающегося византийского подвижника прп. Михаила Малеина (гора Кимин), именно дядя познакомил его с прп. Афанасием, будущем

² Существует перевод этой новеллы, сделанный В. Г. Васильевским (Труды В. Г. Васильевского. Ленинград, 1930. Т. 4. С. 323–326), мы же сделали перевод по критическому изданию, подготовленному Н. Своронсом: *Les Nouvelles des empereurs Macédoniens concernant la terre et les stratiotes* / intr., édition, comm. par N. Svoronos. Édition posthume et index établis par P. Gournaridis. Athènes, 1994. P. 157–161.

³ Кузенков П. В. Никифор II Фока // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. 49. С. 642–643.

основателем Великой Лавры на Афоне. Деньги на ее возведение предоставил Никифор, который стал духовным сыном Афанасия⁴.

1.2. Содержание новеллы⁵.

Открывая свою новеллу, император Никифор II Фока обращается к евангельским идеалам, создавая резкий контраст между первоначальным монашеским призванием и современными ему реалиями. Он напоминает о Христовой заповеди «продай имение и раздай нищим» и приводит в пример первых пустынных Египта и Палестины, которые «приблизились к ангельской бесплотности», довольствуясь малым. Однако в X веке, по словам императора, монастыри забыли эти заветы — вместо аскезы они стремятся приобретать тысячи плетров⁶ земли, строят роскошные здания и накапливают скот, ничем не отличаясь от мирских людей в погоне за богатством. Особое негодование императора вызывает мотивация ктиторов, основывающих новые

⁴ «Еще будучи простым военачальником, он вел жизнь самую воздержную — постился, бодрствовал, посещал монастыри; часто бывал он между прочим в монастыре своего дяди Михаила Малеина на горе Кимине. Здесь он познакомился с будущим устроителем афонского монашества — св. Афанасием... Фока даже однажды открыл Афанасию о своем намерении постричься в монашество и о препятствии к тому от царя. Сделавшись императором, Никифор дал было обещание сохранять во всем обычную умеренность, уклоняться от брачного союза и употребления мяса... Когда же один монах предсказал Никифору близкую смерть, он предался большому смирению: спал на полу, подстилая барсовую кожу и покрываясь мантией своего дяди — монаха Михаила Малеина, вел жизнь самую умеренную и т. п... Сопоставляя законодательные распоряжения Никифора Фоки с его личными отношениями к монахам, как они изображаются Афанасием Афонским и отчасти Львом Диаконом, нельзя не заметить некоторого, по-видимому, резкого противоречия между тем и другими» (Соколов И. И. Состояние монашества в византийской Церкви. С. 103–104).

⁵ «Если исключить собрание 113 новелл Льва VI, которые имеют собственную традицию, новеллы других императоров Македонской династии, а также императорские рескрипты, или рескрипты, исходящие от высших должностных лиц, действующих по императорскому поручению и, в силу этого, имеющие силу закона, входят в состав двух приложений (А и В) к *Synopsis Basilicorum Major*. Эти приложения составляют для большинства этих текстов, если не для всех, первоисточник традиции» (Les Nouvelles des empereurs Macédoniens concernant la terre et les stratiotes. P. 1).

⁶ Плетр — полюгера: 1260 м², по другим данным 0, 095 га. (Сорочан С. Б. Римейское царство. Харьков, 2020. Ч. 3. С. 35)

монастыри, вместо того, чтобы восстанавливать старые, обветшавшие. Он обвиняет их в тщеславии и жажде славы, тогда как истинное христианское благочестие требует скрывать добрые дела, и поэтому эта критика становится основанием для радикальных мер.

Никифор запрещает строить новые монастыри и жертвовать им недвижимое имущество (помимо монастырей под запрет попали благотворительные учреждения, митрополии и епископии). Что же касается старых монастырей, то император отмечает, что пожертвованное им недвижимое имущество, в частности поля, зачастую плохо используется, он предписывает снабжать эти обители деньгами, скотом и рабочими руками, но не новыми пожалованиями недвижимости. Тем не менее в законе есть лазейка: если монастыри остались без имений из-за дурного правления, им разрешено покупать имущество, но только с ведома императора. Также не запрещается создание келлий и лавр в пустынных местах, если они не будут расширяться и приобретать поля⁷.

2. Причины, побудившие василевса издать этот закон.

Исследователи нередко задавались вопросом, что побудило монахолюбивого василевса к принятию такого жесткого закона⁸. В следующем параграфе мы рассмотрим другие законы императоров Македонской династии, регулирующие переход недвижимости от одного владельца к другому — от «бедных» (πένυχς)⁹ к динатам (δυνάτοι), среди которых

⁷ Исследователями неоднократно отмечалось, что основание Великой Лавры противоречило духу закона: «Безусловно, Лавра со временем превратилась именно в тот тип монастыря, который император вряд ли одобрил бы. Эта терминологическая неоднозначность учреждения — именуемого «Лаврой», но функционирующего как кинувия — возможно, была преднамеренной, чтобы воспользоваться одной из самых значительных лазеек в законе» (Byzantine monastic foundations documents / edited by J. Thomas and A. Constantinides Hero. Dumbarton Oaks, Washington, 2000. Vol. 1. P. 201).

⁸ «С одной стороны — враждебный монашеству закон, запрещающий строить новые монастыри и делать в пользу старых пожертвования и вклады, а с другой — пламенная любовь к монахам, постройка многих монастырей и самое искреннее тяготение к пострижению» (Соколов И. И. Состояние монашества в византийской Церкви. С. 105); «Благочестивый и аскетичный император-воин Никифор II Фока (963–969 гг.) специально нацелился на монастырские владения, утверждая, что „стяжание многих имуществ становится препятствием ко спасению» (Kaldellis A. The New Roman Empire. A History of Byzantium. Oxford, 2024. P. 561).

⁹ «И всё же всё македонское законодательство, направленное на защиту слабых от сильных (которых оно определяет различными способами), не даёт никакого

были не только светские землевладельцы, но и церковные, в первую очередь, игумены и монастыри.

Умножение в постиконоборческий период монастырей и их землевладений¹⁰ угрожало экономике государства, поступление налогов сокращалось¹¹. Прирост земельных владений происходил несколькими путями. Зачастую крестьяне-общинники при постриге приносили в обитель и принадлежащую им землю. Еще один способ, когда крестьянин на своей земле сооружал часовню и вел при ней монашескую жизнь, иногда к нему присоединялись несколько его соседей, и так образовывался маленький монастырь. После смерти владельца епископ нередко накладывал руку на это имущество и землю под предлогом того, что это церковное имущество и должно принадлежать епископии¹². Знатные лица при основании монастыря также передавали ему принадлежащие им земли. Жертвовали имущество и на помин души.

определения слабого... Слабый — это тот, кто не подпадает под запреты, касающиеся сильных, тот, кто не включён в список сильных. ... Таким образом, человек либо слабый, либо сильный» (Kaplan M. Les hommes et la terre à Byzance du Vie au XIe siècle. Propriété et exploitation du sol. Paris, 1992. P. 369).

¹⁰ «Период с VII по XI век ознаменовался триумфом экономического и социального могущества монастырей. Начав практически с ничего и оставаясь слабо обеспеченными во времена иконоборческих гонений, они воспользовались победой иконопочитания, вдохновителями которого, казалось, и являлись. Это стремление к росту сначала сдерживалось крайне слабыми управленческими навыками византийских монахов, однако к XI веку ситуация изменилась. Монастыри превратились не только в «машины» по приобретению земель, тысячами модиев, но в организации, искусные во всех тонкостях экономической эксплуатации, давления — скрытого или явного — на слабых с одной стороны и на государственную власть с другой» (Kaplan M. Les hommes et la terre à Byzance. P. 294–295).

¹¹ Новелла императора Романа Лакапина 934 г. прямо на это указывает: «Ибо многочисленное поселение явно показывает пользу для государственных нужд — взносы в казну, исполнение воинских повинностей, что неизбежно прекратится с уменьшением населения» (Ἡ γὰρ τῶν πολλῶν κατοίκησις πολλὴν δείκνυσι τῆς χρείας τὴν ὠφέλειαν, τὴν τῶν δημοσίων συνεισφορὰν, τὴν τῶν στρατιωτικῶν λειτουργημάτων συντέλειαν, ἃ πάντως ἀπολείπει τοῦ πλῆθους ἐκλελοιπότης) (Les Nouvelles des empereurs Macédonies. A2. P. 85).

¹² Lefort J. The Rural Economy, Seventh–Twelfth Centuries // The economic history of Byzantium. From the Seventh through the Fifteenth Century / Angeliki E. Laiou, Editor-in-Chief. Dumbarton Oaks, Washington, 2002. Vol. 1. P. 231–310. P. 283; Kaplan M. Les hommes et la terre à Byzance. P. 296.

3. Связь его с предшествующим законодательством¹³

Социальная жизнь Византийского государства в период Македонской династии определялась наличием большого числа общин свободных крестьян — митрокомий¹⁴. Помимо этого, мелкое крестьянское землевладение существовало и у стратиотов¹⁵. На другом полюсе находились крупные землевладельцы — динаты¹⁶, т.е. чиновная и военная аристократия, епископы, игумены и монастыри¹⁷. Динаты

¹³ Нам, к сожалению, осталась недоступной монография *McGeer E. The Land Legislation of the Macedonian Emperors*. Toronto, 2000.

¹⁴ *Charanis P. The monastic properties and the state in the Byzantine Empire // Dumbarton Oaks Papers*. 1948. № 4. P. 51–119. P. 51.

¹⁵ «Воин из свободных коренных крестьян, владелец «военной земли» (стратиотика ктимата), обязанный самостоятельно служить в ополчении фёмы, в тагме, содержать себя, свое вооружение, коня, сбрую, повозку. Владел по месту службы земельным участком определённой ценности» (*Сорочан С.Б.* Ромейское царство. С. 598–599).

¹⁶ Новелла Романа I Лакапина (920–944 г.) от 934 г. дает обширный список этих динатов: «Итак, пусть никто — ни из видных магистров или патрикиев, ни из тех, кто удостоен власти или стратигии или гражданских, либо воинских званий, ни вообще кто-либо из причисленных к сенаторскому совету, ни из фемных архонтов или эпархов, ни из боголюбнейших митрополитов, или архиепископов, или епископов, или **игуменов**, или церковных начальников, ни из тех, кто имеет попечение и управление над благочестивыми или царскими домами, будь то лично или как представитель царской собственности или Церкви, будь то от своего имени или через подставное лицо» (Μηδεὶς οὖν μηκέτι μήτε τῶν περιφανῶν μαγίστρων ἢ πατρικίων, μήτε τῶν ἀρχαῖς ἢ στρατηγίαις ἢ πολιτικοῖς ἢ στρατιωτικοῖς ἀξιώμασι τετιμημένων, μήτε μὴν ὅλως τῶν εἰς συγκλήτου βουλὴν ἀπληριθμημένων, μήτε τῶν θεματικῶν ἀρχόντων ἢ ἀπαρχόντων, μήτε τῶν θεοφιλεστάτων μητροπολιτῶν ἢ ἀρχιεπισκόπων ἢ ἐπισκόπων ἢ ἡγουμένων ἢ ἐκκλησιαστικῶν ἀρχόντων ἢ τῶν τὴν προστασίαν καὶ ἐπικράτειαν τῶν εὐαγῶν ἢ βασιλικῶν οἰκῶν ἔχόντων, ἢ εἰς οἰκεῖον ἢ εἰς πρόσωπον τῆς βασιλικῆς περιουσίας ἢ τῆς ἐκκλησίας, ἢ διὰ ἑαυτῶν ἢ διὰ παρενθέτου προσώπου) (*Les Nouvelles des empereurs Macédonies*. A2. P. 84). Также подобное перечисление содержится в новелле 947 г (?) Константина VII о не отчуждаемости стратиотских участков следующими лицами: «Более того, никто из вышеупомянутых не должен иметь права приобретать [имущество], особенно если это видный сановник или лицо, облечённое достоинством, или митрополит, или епископ, или **монастырь**, или любой другой благочестивый дом, или представитель власти вплоть до школария» (μᾶλλον δὲ μὴ δύνασθαι τινὰ ἐκ τούτων ἀγοράζειν, καὶ μάλιστα περίβλεπτον ἢ ἀξιωματικὸν ἢ μητροπολίτην ἢ ἐπίσκοπον ἢ μοναστήριον ἢ ἕτερον τὸν οἰονδήποτε εὐαγὴ οἶκον ἢ δυνάστην μέχρι σχολαρίου) (*Ibidem*. P. 120).

¹⁷ Новелла Константина VII 947 г. приказывала возвратить имущество, приобретенное динатами посредством дара или наследства в обход закона Романа I Лакапина от времени великого голода (928–929 г.) и до воцарения

стремились разными способами внедриться в крестьянскую общину — путем покупки, дарения, наследования земли. Часто крестьяне и стратиоты в неблагоприятных экономических условиях (неурожай, нападение врагов и т.п.) продавали свою землю динатам и становились зависимыми крестьянами — париками. Главная линия законодательства императоров этого периода заключалась в попытках поставить преграды проникновению динатов в митрокомию и защитить крестьян и стратиотов¹⁸ от потери земли, а государство от потери налогоплательщиков и солдат.

Ж. Лефорт отмечает, что «Как только в провинции восстанавливалась безопасность — теперь обеспечиваемая армией и системой восстановленных крепостей (кастрон), — местная знать, побуждаемая надеждами на более регулярные и высокие сельскохозяйственные доходы, начинала действовать в ущерб интересам деревенских общин и их членов. Эти попытки часто добивались успеха, несмотря на существующие запретительные законы»¹⁹. А. Калделлис делает несколько рискованный вывод, что «по всей видимости главными “агрессорами” были церкви и монастыри, а не военачальники»²⁰.

Этот же исследователь дает негативную оценку имеющейся в историографии концепции, что императоры этой династии боролись не просто с динатами, а с земельной аристократией феодальных магнатов

Константина, без возмещения бедными издержек динатам. Сделки купли-продажи также отменялись, но возврат денег продавцу обставлялся целым рядом условий. От возвращения денег были избавлены, в частности, «самые бедные монастыри» (τὰ δὲ εὐτελέστερα τῶν μοναστηρίων) (*Les Nouvelles des empereurs Macédonies*. Г 2. P. 101).

¹⁸ «В конце 940-х годов Константин VII провёл реформу имущественной основы военной службы... стремясь предотвратить сокращение земельных владений солдат, он закрепил эти земли в качестве “стратиотских наделов” и запретил их отчуждение. Минимальный размер надела составлял участок стоимостью 4 литры золота для кавалериста и 2 литры — для моряка. Воины могли продавать личное имущество сверх этой нормы, а их “стратиотские земли” разрешалось передавать родственникам или наследовать (или оставлять им в наследство, тем самым эти лица брали на себя военные обязанности) или другим солдатам из той же налоговой единицы... Целью этого законодательного вмешательства была защита солдатских земель от поглощения крупными владениями “дината”» (*Kaldellis A. The New Roman Empire*. P. 560–561).

¹⁹ *Lefort J. The Rural Economy, Seventh–Twelfth Centuries*. P. 287.

²⁰ *Kaldellis A. The New Roman Empire*. P. 560.

Малой Азии, бросавших вызов центральной, бюрократически организованной, власти²¹.

Современная исследовательница отмечает, что «аналогичную направленность имеет законодательство ряда императоров X века, касающееся продажи или дарения земель «бедными» или «слабыми» в пользу «сильных» — военных, гражданских или церковных чиновников, а также монастырей, которые могли оказывать на крестьян как экономическое, так и внеэкономическое давление. Поводом для принятия этих законов стали массовые продажи земель после великого голода 927–928 годов»²².

Все императоры Македонской династии — и Лев VI, и Роман I, и Константин VII и Роман II и Никифор II Фока и Василий II Болгаробойца (за исключением Иоанна Цимисхия) — издавали законы²³, регулирующие земельный оборот между «бедными» и «сильными, динатами»²⁴.

²¹ Kaldellis A. The New Roman Empire. P. 561. По всей видимости приверженцем этой концепции является П.В. Кузенков, который пишет: «Во внутренней политике Никифор, как представитель военной аристократии, отошел от мер своих предшественников по сдерживанию разрушительного воздействия на крестьянскую общину т. н. динатов..., фактически взяв курс на их поддержку. Под предлогом необходимости «восстановить справедливость» право протимисиса, введенное для защиты крестьянских общин от скупавших земли богачей, было распространено и на самих динатов, за которыми было признано исключительное право на покупку крупных имений; тем же законом за динатами закрепились все приобретения, сделанные до 927 г. (Les nouvelles des empereurs Macédoniens. P. 180–181)». И далее П.В. Кузенков отмечает, что «В то же время он продолжал меры по сохранению мелкого стратиотского землевладения, запретив скупку земли динатами, проникавшими в крестьянские общины путем получения наследства, а также отчуждение стратиотских участков по суду» (Кузенков П.В. Никифор II Фока. С. 644). Такой видный французский византист, как Ж. Лефорт, также формулируя причины принятия законов, указывает: «Диалектика [взаимоотношений] деревни и поместья в X веке была отражена в новеллах византийских императоров, издававшихся по фискальным или, возможно, политическим причинам (когда императоры опасались восстания крупных землевладельцев Малой Азии)» (Lefort J. The Rural Economy, Seventh–Twelfth Centuries. P. 237).

²² Laiou Angeliki E., Morrisson C. Byzantine economy. Cambridge, 2007. P. 58.

²³ Charanis P. The monastic properties and the state. P. 54.

²⁴ Их подробный анализ смотри в: Kaplan M. Les hommes et la terre à Byzance. P. 399–445 и Les Nouvelles des empereurs Macédonies concernant la terre et les stratiotes. P. 13–33.

Одним из инструментов в руках властей стал протимисис (πρωτίμσις — досл. «предпочтение») — право преимущественной покупки или приоритета при различных имущественных сделках, преимущественно при купле-продаже. Термин чаще всего встречается в законодательстве X века, касающемся сельской общины. Хотя и не используя явно термин протимисис, новелла 114 Льва VI подразумевает, что право соседей на первоочередной выкуп при продаже имущества было установлено в Византии: человек мог продать свое имущество кому угодно, но его соседи имели шесть месяцев, чтобы оспорить продажу, возместить покупателю стоимость и самим вступить во владение имуществом.

В новелле Романа I детально разъяснено: не должно было быть ограничений на безвозмездное отчуждение имущества (т.е. в виде подарков, приданого, завещаний), но имущество, продаваемое, сдаваемое в аренду или передаваемое как легат, должно было сначала предлагаться пяти категориям привилегированных приобретателей, начиная от совладеющих родственников и заканчивая просто соседями²⁵.

Выше, в сноске 21, мы приводили сведения о том, что право протимисиса было препятствием для усиления динатов, и Никифор II Фока запретил бедным осуществлять право протимисиса, когда продавалось имущество дината, входящее в состав общинных земель.

Однако, как показал Н. Своронос, императоры стремились оградить общину от хищников еще при императоре Льве I (457–474 гг.), о чем свидетельствует закон императора Льва и Анфимия 468 г.²⁶, согласно которому запрещается членам сельской округи (митрокомии) передавать свои земли внешним лицам и воспрещает последним их приобретать под угрозой аннулирования продажи, но с правом на возмещение уплаченной цены²⁷.

В конечном итоге императоры проиграли эту борьбу²⁸.

²⁵ Bartusis M.C. Protimesis // The Oxford Dictionary of Byzantium / editor in chief A. P. Kazhdan. Oxford, 1991. P. 1743–1744; Les Nouvelles des empereurs Macédonies concernant la terre et les stratiotes. P. 13.

²⁶ Codex Justinianus // Corpus juris civilis. Vol. 2 / ed. P. Krueger. Berlin, 1906. XI. 56. P. 444.

²⁷ Les Nouvelles des empereurs Macédonies concernant la terre et les stratiotes. P. 15.

²⁸ «Однако даже это законодательство, как и последующие императорские указы, если бы они полностью исполнялись, лишь замедлили бы процесс, корни которого лежали в экономической сфере. В период роста населения хорошие

4. Особенности, характерные именно для новеллы Никифора Фоки о монастырях.

В новелле 963/964 г. в отличие от других новелл императоров Македонской династии речь не идет о защите «бедняков», «пенитов». Запрет дарить монастырям землю обуславливается тем, что эта земля дурно возделывается и зачастую лежит необработанной. Василевс не отказывает монастырям в возможности получать пожертвования, но они должны быть в денежной или натуральной форме (рабы, скот). Еще одно отличие от новелл прочих императоров, запрет на дарение любой земли вообще всеми, а не только бедняками и стратиотами. Также значительное место в новелле отведено и идеологическому обоснованию: монахи приносят обет нестяжания и приобретение ими недвижимости нарушает этот обет. Поэтому нет никакого противоречия между склонностью к аскетизму Никифора и его жесткими мерами. Самодержец не запрещал строительства келлий и лавр в пустынных местах, тем самым выказывая приверженность к отшельничеству и стремясь поддерживать именно этот вид монашества.

Тем самым, как нам кажется, помещать этот закон в число других законов этого времени по защите мелкого крестьянского землевладения не совсем оправданно. Хотя Н. Сворнос и озаглавил свой свод законов Македонской династии «о земле и стратиотах», но в отличие от этих постановлений тональность новеллы Никифора Фоки несколько иная. Еще одним подтверждением нашей точки зрения может косвенно служить отсутствие подробного разбора этой новеллы в фундаментальной монографии М. Каплана²⁹.

5. Последующая судьба этого закона

Уже при жизни Никифора Фоки этот закон нарушался. И первым нарушителем стал сам самодержец. Помимо основания Великой Лавры, вопреки названию первого общежительного монастыря на Афоне,

плодородные земли пользовались большим спросом, и богатые или влиятельные лица стремились их скупать. Императорские законы шли против этой тенденции. Известны отдельные случаи их применения, но в конечном итоге они не достигли цели, поскольку экономические причины давления на землю не только сохранились, но и усилились» (*Laïou Angeliki E., Morrisson C. Byzantine economy*. P. 58).

²⁹ Там ему посвящены лишь два предложения (*Kaplan M. Les hommes et la terre à Byzance*. P. 436).

он основывал и другие монастыри. Исполнение этого закона всячески саботировалось. Окончательно он был отменен в 988 г. императором Василием II Болгаробойцем (976–1025 г.): «Наше от Бога [врученное] царство, узнало и от монахов, засвидетельствованных в благочестии и добродетели, и от многих других, о законодательстве, установленном о церквях Божьих и благочестивых домах (или, вернее, против церквей и таковых домов) вступившим на царство кир Никифором. Это законодательство стало причиной и корнем нынешних зол, всеобщего разрушения и смятения, ибо оно обратилось в несправедливость и надменность не только против церквей и благочестивых домов, но и против Самого Бога. Более того, это подтвердилось на деле: с тех пор, как такое законодательство возымело силу, ничто доброе вплоть до сего дня не свершилось в нашей жизни, но, напротив, не осталось вовсе ни одного вида бедствий, которого бы не случилось. Посему настоящим благочестивым подписанным хрисовулом мы повелеваем, чтобы упомянутое законодательство отныне утратило силу, впредь оставалось недействительным и не подлежало исполнению, а вместо него действовали прежние законы, касающиеся как церквей Божьих, так и благочестивых домов, те, что наилучшим и богоугоднейшим образом установили наш незабвенный дед, и его отец и нашего деда дед»³⁰.

Заключение

Новелла императора Никифора II Фоки о монастырях 963/964 года представляет собой уникальный синтез религиозной идеологии и государственной прагматики, отражающий сложные социально-экономические процессы Византии X века. Будучи одновременно военачальником и аскетом по духу, Никифор предпринял беспрецедентную попытку ограничить монастырское землевладение, руководствуясь как фискальными интересами государства, так и стремлением вернуть монашество к идеалам нестяжательства.

Этот законодательный акт, хотя формально и выпадал из общего ряда защитных мер Македонской династии в пользу мелких землевладельцев, по сути продолжал ту же политику противодействия концентрации земель. Последующая отмена новеллы Василием II в 988 году

³⁰ Les Nouvelles des empereurs Macédoniens concernant la terre et les stratiotes. P. 189.

стала закономерным итогом этого противостояния, показав невозможность долговременного ограничения экономического могущества церковных институтов. Таким образом, изучаемая новелла остается важным свидетельством сложного взаимодействия власти, церкви и общества в Византии, где религиозные идеи становились инструментом земельной политики, а законодательные инициативы часто оказывались заложниками противоречивых интересов различных социальных групп.

Приложение Новелла Никифора Фоки³¹

Предисловие 1. Слово Бога Отца, созидающее некое великое основание нашего спасения, указывает путь к нему: от чего следует воздерживаться и что следует приобрести, чтобы достичь его, и открывает, что богатство и многостяжание создает довольно препятствий для [обретения] спасения, и сказал, что тяжело войти богатым в Царствие [Небесное] (Мф 19:23). Он желает, чтобы мы жили настолько просто, чтобы не имели ни посоха, ни сумы, ни две одежды (ср. Мк 6: 8-9) и саму заботу о пище завтрашнего дня воспрещает (ср. Мф 6:25). Теперь же видя явную болезнь (а болезнью я называю алчность) касательно монастырей и священных этих святынь, я не знаю, какое изобрести лекарство от этого зла или как воспрепятствовать этой неумеренности. Кто из [святых] отцов их убедил или откуда они взяли ложные поводы, быв увлечены к таковой чрезмерности и безумию по слову божественного Давида? Они каждый час тисцатся приобретать тысячи плефр земли, роскошные здания, превосходящее [разумное] число табунов лошадей, стад волов и верблюдов, и других животных, и к этому обращая всю заботу души, так что ни в чем монашеские дела не отличаются от мирской жизни, объятый многими заботами. Разве Божиим слова произнесли нам не противоположное этому, а, именно, повелев совершенно избавиться от таковых забот — не заботьтесь, сказано, что вам есть и пить (Мф 6: 25, ср. Лк 22–23) — полагая нам в бесчестие в качестве примера

бездеятельность птиц (ср. Мф 6:26). А о том же [говорит] и апостол: [нуждам] моим и [нуждам] бывших при мне послужили руки мои сии (Деян 20:34). У нас есть пропитание и одежда — будем довольствоваться этим, [вспомним] теперь жизнь божественных отцов, просиявших в Египте, в Палестине, в Александрии и повсюду в других местах земли, и ты найдешь, что она была проста, настолько свободна от излишеств, что показывала их, живущими почти только одной душой, и прикоснувшимися к ангельской бесплотности.

И в другом месте Христос сказал, Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его (Мф 11: 12; ср. Лк 16:16), и что должно нам входить в него путем многих скорбей. Когда же я вижу, что принешие обет принять такой образ жизни и переменной облика запечатлевающие [перемену] жития, настолько извращают собственный свой обет и противоречат [принятому на себя] внешнему облику, я не знаю, почему я не называю это театральной постановкой и говорю прямо, что она превращается в поругание имени Христа. Поскольку этого нет ни в апостольском установлении, ни у [наших] отцов, а именно стяжание огромных (πολυπλήθων) полей и поместьев, [стяжание], которое рождает чрезмерное множество забот, превосходящее [получаемые от этого] плоды, — ведь как иначе, если усердие их должно проявляться и показывать, что оно в согласии с заповедями Христовыми (τοῦτοις με ἡ σπουδὴ τὸ συνφδὰ πράττειτε καὶ διδάξαι ταῖς τοῦ Χριστοῦ ἐντολαῖς), а заповедь Христова состоит не в приобретении материальных благ, но в диаметрально противоположном: отказе от них, если действительно его [заповедь] состоит в том, чтобы продавать имущество и отдавать его бедным — то ясно, что это [проистекает] ни от любви к добродетели, ни от строгости жизни, но более по причине телесных нужд, приклоняясь, увы, к более житейскому, чем духовному.

2. Нужда со временем перешла в неумеренность, так что приучилась любить худшее по малейшему и даже случайному поводу [и] легко переходить в чрезмерность. Что же случилось с людьми, которые движимы [желанием] сделать что-то угодное Богу и [получить] отпущение грехов, а они пренебрегли легкой этой Христовой заповедью, освобождающей от забот, а именно продавать имущество и отдавать [вырученное] бедным, но как будто специально желая сделать это трудным и в крайней степени затруднительным, они решили

³¹ Les Nouvelles des empereurs Macédoniens concernant la terre et les stratiotes. P. 157–161.

собрать множество забот, и учреждают при монастырях странноприимницы и богадельни (προς το μοναστήρια συνιστάν ξενώνας τε καὶ ὑποκομεία), [тем самым] напрягая себя; в прежние времена, когда еще эти учреждения были редки, основание таковых было делом добродетельным и весьма полезным, и ведь как иначе — добро, сделанное теми, кто учреждал их, было более прочным, поскольку они стремились доставить пищу и заботу телам, в одном случае и в другом, [обратить внимание] на попечение о душах и более возвышенной жизни? Но с того времени, когда эти учреждения умножились в числе и стали превышать потребность и меру, пренебрегли [духовным] и отдалившись от блага, достигаемого с великой легкостью, они прилежали к основанию вышесказанных [учреждений], как можно было бы не счесть, что это благо смешано со злом, а в пшеницу замешалась плевелы? И более того, как не сказать, что любовь к Богу стало ширмой для тщеславия, и те, кто делают добро, словно желают, чтобы это было видимо всеми, и не довольно им, чтобы свидетелями их добродетели были современники, но и последующим поколениям они были бы не безызвестны? И кто [делающие] это? Увы, христиане, которые получили повеление всячески скрывать совершение добрых дел! Как это может не быть совершенно ясно и весьма убедительным (πολλῶ τῷ περιόντι πεπιστευμένον), в то время, когда существуют тысячи других [монастырей], пострадавших от времени и требующих поддержки (χειρός) и помощи, мы не выказываем рвения в расходовании средств на их восстановление и устройство, но подчиняемся властному порыву к созиданию новых, своих [монастырей], дабы мы не только наслаждались новым именем, но и чтобы наше [предприятие] явилось чистым и упорядоченным (ἀποτεταγμένον ἦ), подобно тому как и наши имена полагаются на земную твердь, по слову божественного пророка.

А 1. Поэтому желая подвигнуть вас к исполнению заповедей Христа и вырвать с корнем зло этого ненавистного Богу тщеславия, и ревностно стремясь, что бы доброго мы не делали, совершали только ради Бога, и не примешили к этому человекоугодие, дабы нам вовсе не утратить воздаяние от Него — ведь божественное слово гласит, что они уже получают свою плату (ср. Мф 6:2) — мы предписываем, чтобы желающие быть благочестивыми и совершать добрые и человеколюбивые дела, тем самым последовали заповеди Христа,

продав свое имущество, раздали [деньги] бедным. Ибо Он желает, чтобы мы были щедры (περιττοῦς) и расточительны в том, что касается милосердия, так чтобы мы не только делились (κοινωνεῖν) с нуждающимися нашими деньгами, но и израсходовав их, были готовы обратиться к продаже [нашего] имущества.

2. Если же некоторые, таким образом, любят добро и совершать великие дела — ибо мы называем так их честолубие — что желают устроить монастыри, странноприимницы и богадельни, то никто им не будет препятствовать. Но поскольку, как уже сказано, многие из уже существующих [монастырей] с течением времени обветшали (κεκρίκασι), и практически превратились в руины, пусть [ктиторы] позаботятся о них и прострут руки к лежащим [во прахе] и явят любовь к Богу посредством [восстановления] их. Но пока эти [благотворители] пренебрегают находящимися в таком состоянии [монастырями] и как бы закрывают глаза на них и, говоря словами Евангелия, проходят мимо (ср. Лк 10:31-32), прилагают усилия к основанию других, новых. Я не одобряю такое положение дел, и вовсе не позволю этому свершиться, поскольку я твердо уверен и назову это ничем другим, как любовью к тщеславию и безумием, явленному к ней.

3. Мы предписываем заботиться о уже существующих [монастырях], нуждающихся в помощи, однако без предоставления им полей, каких-либо имений (τόπους) или строений — ибо достаточно ранее перешедших (τὰ φθάσαντα) [к ним имуществ] и того, чем они владеют изначально, но они не заботились о нем, и оно лежит не возделанным и бездейственным из-за недостатка денег. Пусть те, кто имеет поля и имения, продав тем из мирян, кому желают, да удостоят подобающей заботой эти [монастыри], предоставив рабов (οἰκέτας), волов, стада и что еще другое из животных. Ибо если мы предоставим [монастырям], наши поля и имения, поскольку закон не допускает продавать имущество благочестивых домов и церквей, то мы придем к тому же, что и раньше, и [обитатели] в плохом состоянии и обветшавшие оставим неисцеленными, поскольку у них не будет денег, а у настоятелей возможности и способов [действовать] (οὐδὲ τῆς χειρὸς ἐχούσης τι τῶν προεσθηκότων καὶ δυναμένης).

4. Таким образом, отныне не разрешается никому передавать ни поля, ни имения монастырям, богадельням и странноприимницам, но и митрополиям и епископиям, ведь никоим образом им это

неполезно. Если же какие из ранее основанных благочестивых домов или монастырей из-за дурного владычества и попечения остались лишенными имений (ὥς ἔρχεται τόπων καταλελειφθαι), таковым не запрещается по усмотрению императора и после исследования [обстоятельств дела] приобретение достаточного [имущества]. Созидать же желающим в пустынных местах келлии и так называемые лавры мы не запрещаем, если они не расширяются за счет приобретения других полей, но ограничиваются только собственными пределами, напротив, мы находим это весьма достойным похвалы.

Эпилог. Вот я, побуждая и устанавливая это, знаю, что многим я покажусь говорящим тягостное и несогласное с их мнением, но меня это не заботит, поскольку по слову Павла я стремлюсь угождать не людям, а Богу (ср. Гал 1:10). Тем же, кто обладает умом и рассудительностью, и привык смотреть не поверхностно, так что простое столкновение приносит смуту в их рассудок, но он идет далее и способен проникнуть в глубь вещей, мы покажемся говорящими полезное и выгодное как живущим по Богу, так и общине в целом (τῷ κοινῷ παντί)

А. Ю. Митрофанов

Санкт-Петербургская Духовная академия

Правовые аспекты биографии персидского царя Кавада I в творчестве Прокопия Кесарийского

Прокопий Кесарийский, описывая войны императора Юстиниана I (527–565) с персами, неоднократно упоминает различных персидских царей из династии Сасанидов и относительно подробно останавливается на биографии Кавада I (488–496; 498/499–531). Аверил Кэмерон еще в середине 1980-х годов вступила в полемику с Бертольдом Рубином, полагавшим, что Прокопий владел среднеперсидским языком, так как служил при штабе Велизария в период битвы при Даре в должности офицера разведки¹. Аверил Кэмерон отмечала, что в отличие от своего продолжателя Агафия Миринейского Прокопий никогда не ссылается на персидские источники, хотя даже Агафий, использовавший сасанидские летописи в выдержках Сергия, очевидно, прочитал их в переводе на древнегреческий². Новейший исследователь Хеннинг Бёрм с характерной для современной историографии осторожностью суждений приходит к выводу об отсутствии доказательств знания Прокопием среднеперсидского языка, но при этом не отрицает гипотетическую возможность определенного понимания этого языка Прокопием³.

¹ Rubin B. Prokopios von Kaisareia. Stuttgart, 1954. S. 52 (= Pauly-Wissowa RE 23. 1. S. 273–559, 1957).

² Cameron A. Procopius and the Sixth Century. London and New York, Routledge, 1996. P. 153.

³ Börm H. Prokop und die Perser. Untersuchungen zu den römisch-sasanidischen Kontakten in der ausgehenden Spätantike. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2007. S. 148–151.

С нашей точки зрения мнение Бертольда Рубина все-таки более убедительно, ибо отсутствие упоминаний персидских источников в сочинении Прокопия никак не может быть доказательством того, что историк не мог опираться в своих экскурсах в историю Сасанидской династии на устную или эпическую персидскую традицию. Прокопий не ссылается не только на персидских, но также и на сирийских авторов, однако историк был по происхождению сирийцем и как минимум владел сирийским языком, о чем свидетельствуют многочисленные следы использования им как сирийских исторических сочинений, так и сирийской устной традиции⁴. Поэтому предположение Бертольда Рубина о том, что Прокопий как офицер разведки знал также среднеперсидский язык и был знаком с персидской исторической традицией, с нашей точки зрения вполне правдоподобно. Отмеченные Хеннингом Бёрмом интерпретации-разъяснения Прокопием персидских титулов и выражений, предлагаемые историком вместо дословного перевода, не могут свидетельствовать против того, что Прокопий владел языком основного противника империи. Ибо как справедливо отмечал уже упоминавшийся Бертольд Рубин, Прокопий, рассказывая «анекдоты» из персидской истории IV-V веков в первых двенадцати главах первой книги «Войны с персами», подражал древнегреческому историку Геродоту⁵, а, следовательно, ставил во главу угла своего повествования дидактические задачи. Польский историк Дариуш Бродка подчеркивает литературное влияние Фукидида на Прокопия при описании войн с персами⁶, что дает основание предполагать наличие определенного знакомства Прокопия с персидской культурой и обычаями. Относительно уверенное знание Прокопием среднеперсидского языка подтверждается следами использования историком персидского художественного «Романа о Каваде», отредактированная версия которого впоследствии вошла в позднесасанидскую придворную хронику «X^w aday-Namag», а в X веке

⁴ Чекалова А. А. Иешуа Стилит или Прокопий? (к вопросу о манере изображения греческими и сирийскими авторами войны между Византией и Ираном в 502–506 гг.) // Византийский Временник (1981). №. 42 (67). С. 71–77.

⁵ Rubin B. Das Zeitalter Justinians. Berlin, New York: Walter De Gruyter, B. 1. 1960. S. 180.

⁶ Brodka D. Die Geschichtsphilosophie in der spätantiken Historiographie. Studien zu Prokopios von Kaisareia, Agathias von Myrina und Theophylaktos Simokattes. Frankfurt am Main: Lang u. a. 2004. S. 61–71.

была поэтически переработана персидскими поэтами Дакики (935/942–976/980) и Абулькасимом Фирдоуси (935–1020/1026).

Согласно Прокопию, царствование Кавада I стало эпохой эскалации религиозного противостояния между Сасанидским Ираном и Восточной Римской Империей. Поэтому Кавад I в определенном смысле наиболее подробно описан Прокопием из всех прочих персидских царей Сасанидской династии. Римско-персидское религиозное противостояние имело длительную предысторию, которая серьезно повлияла на описанные Прокопием военно-политические события. Как показал И. П. Медведев, Восточная Римская Империя была не просто наследницей, но прямой продолжательницей Великого Рима⁷. Поэтому борьба между восточными римлянами и персами в эпоху Прокопия уходила корнями в предшествующие столетия. За два века до Прокопия Евсевий Кесарийский, христианский епископ, панегирист и историк, в своем знаменитом жизнеописании Константина Великого (306–337) сохранил письмо, написанное Константином и адресованное персидскому шаху Шапуру II (309–379) (Euseb. VC IV. 9–13). В этом письме римский император-христианин требовал от шаха уважения религиозной свободы христианских общин и прекращения гонений на христиан в Иране. Последующие события показали, что это письмо стало прологом к римско-персидской войне, которая длилась несколько десятилетий при преемниках Константина и стоила жизни Юлиану Отступнику (361–363). Шапур II является одним из наиболее ранних персидских царей из династии Сасанидов, описанных в сочинении Прокопия (Просор BP I. 5. 10–40). Это описание основано на древнеармянской традиции, сохранившей предание о Шапуре II (Пакурии), один из вариантов которого представлен в «Армянской истории» Фавста Бузанда.

Сасанидский Иран, созданный закованными в доспехи всадниками Арташира I Папакана (227–240/241) и Шапура I (240/241–271/272), с первых лет своего существования представлял собой серьезную угрозу для могущества Рима. Противостояние с Сасанидской Персией определяло экономическую, социальную и политическую жизнь восточных провинций Римской Империи на протяжении нескольких веков. Неудачи Александра Севера (222–235) в борьбе с Арташиром I, лицемерно

⁷ Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. СПб: Алетея, 2001. С. 19–21.

объявленные в Риме победой, заставили римлян насторожиться. Гибель императора Гордиана III (238–244), а затем разгром и пленение императора Валериана (253–260) показали римлянам, что персы представляют собой несравненно более опасного противника, чем последние парфянские цари, хотя военные успехи первых Сасанидов во многом были обусловлены их союзом с парфянской аристократией и заимствованием парфянских военных традиций⁸.

Современные иранисты Парванех Пуршариати и Хьюн Джин Ким подчеркивают важнейшую роль парфяно-сасанидского континуитета в политической системе Сасанидского Ирана, где высшая парфянская аристократия (Карены, Сурены, Михраны, Испахбеды и т.д.) после битвы при Хормиздагане сохранила свои владения, вассалов и политическое влияние, признав победу Арташира Папакана над последним парфянским царем Артабаном V (216–227)⁹. «Раннефеодальная» структура Сасанидского государства, существовавшая в период правления первых царей Сасанидской династии, при всей условности подобного термина могла способствовать сохранению парфянских традиций княжеского управления отдаленными территориями, которые признали верховную власть Арташира¹⁰. В частности, при первых Сасанидах сохранялась парфянская традиция привлечения в армию среднеазиатских кочевников, которые обладали тяжелой конницей и определяли теперь характер персидского военного искусства¹¹. По свидетельству

⁸ Луконин В.Г. Культура Сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969. С. 50–69; Дмитриев В. А. Всадники в сверкающей броне. Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн. СПб: Петербургское Востоковедение, 2008. С. 162–182; Мирзоев Е. Б. Шапур I. Триумф над Римом. М., 2016. С. 32–33.

⁹ Pourshariati P. Decline and Fall of the Sassanian Empire. The Sassanian-Parthian Confederacy and the Arab Conquest of Iran. London and New-York: I. B. Tauris, 2008. P. 33–59; Hyun Jin Kim. The Huns, Rome and the Birth of Europe. Cambridge: University Press, 2013. P. 9–16.

¹⁰ Pourshariati P. Decline and Fall of the Sassanian Empire... P. 56–59; Christensen A. L'Iran sous les Sassanides. Copenhagen, 1936. P. 79–91; Луконин В. Г. Культура Сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969. С. 27–49.

¹¹ Никоноров В.П. Вооружение и военное дело в Парфии, Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1987. С. 21–236; Никоноров В. П. К вопросу о парфянской тактике (на примере битвы при Каррах) / Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Сборник научных трудов. Кемерово, 1995. С. 53–61.

Геродиана раннесасанидская армия была организована точно также, как и парфянская, то есть по иррегулярному принципу (Herod. VI. 5. 3–4). Ядро этой армии составляла конница, в которую легко вливался кочевой элемент. Влияние этого элемента на персов было столь сильным, что персы усваивали обычаи кочевников. В частности, Геродиан отмечает, что персы с детства упражняются в искусстве верховой езды и никогда не сходят с коней (οὔτε τῶν ἵππων ἀποβαίνοντες). Утверждение Геродиана о том, что у персов женщины принимают участие в боевых походах наравне с мужчинами по приказу царя (ἀλλὰ πᾶν τὸ πλῆθος τῶν ἀνδρῶν, ἔσθ' ὅπῃ καὶ τῶν γυναικῶν, ἐπὶ κελεύσει βασιλέως, ἀθροίζονται) может рассматриваться как дополнительное свидетельство наследования персами сакских военных традиций, уходящих корнями в эпоху сарматской гинекократии¹². Как известно, гинекократия существовала не только у древних савроматов¹³, но также у центральноазиатских саков, что зафиксировано в древнейшем иранском эпосе о сакских царицах Зарине (Ctes. Fragm. 7. 8a) и Спаретре (Ctes. Fragm. 9. 3), пересказанном Ктесием и Харесом Митиленским¹⁴.

Рассказ Прокопия о Каваде представляет собой краткий пересказ персидского «Романа о Каваде», в котором описывалось его заточение в «замок забвения», чудесное спасение из замка женой (и/или же сестрой согласно ат-Табари), бегство к эфталитам, женитьба на дочери эфталитского царя и триумфальное возвращение¹⁵. Версия «Романа о Каваде», использованная Прокопием, отличалась от более позднего варианта, отредактированного в эпоху Хосрова II Парвиза (591–628) и включенного в «Xwaday-Namag». Фирдоуси, опиравшийся на этот официальный позднесасанидский текст, рассказывает, что Кавад был обязан своим спасением не своей жене (сестре), а юноше Размехру, сыну сановника

¹² Граков Б.Н. Гυναкократούμενοι: пережитки матриархата у сарматов // ВДИ 3, (1947) С. 100–121.

¹³ Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., Наука, 1964. С. 198–215.

¹⁴ Пьянков И.В. Саки / Средняя Азия и Евразийская степь в древности. СПб: Петербургское лингвистическое общество. 2013. С. 512–513; Бартольд В.В. К истории персидского эпоса. Петроград: Изд-во Императорской Академии Наук, 1915. С. 2–4.

¹⁵ Pourshariati P. Decline and Fall of the Sassanian Empire. The Sassanian-Parthian Confederacy and the Arab Conquest of Iran. London and New-York: I. B. Tauris, 2008. P. 78–80; Touraj D. Sasanian Persia. The Rise and Fall of an Empire. London, New York: I. B. Tauris, 2009; P. 25–28; Christensen A. L'Iran sous les Sassanides. Copenhagen, 1936. P. 344.

Суфрая, казненного по приказу Кавада¹⁶. Под Размехром, вероятно, подразумевается вельможа Кавада по имени Сиявуш, который был упомянут Прокопием¹⁷. Официальные позднесасанидские историографы времен Хосрова II Парвиза включили в придворную летопись такую версию «Романа о Каваде», которая восхваляла верность подданного, спасающего своего государя даже несмотря на несправедливую казнь своего отца по приказу этого государя. Подобное новшество было связано с политической ситуацией, характерной для начала царствования Хосрова II Парвиза, когда Хосров боролся против узурпаторов Бахрама Чубина, Виндоия и Вистахма, выдвинутых мятежной парфянской аристократией, и по этой причине нуждался в преданных соратниках. В тоже время Прокопий использовал более ранний рассказ, автор которого ставил в пример читателям не преданность раба, а святость семейных уз. Спасение Кавада женой и/или сестрой (в контексте сасанидского семейного права это непринципиально (Agath. II. 24)), которая по-видимому была матерью старшего царевича Кавуса, было важным аргументом в защиту традиционной семьи против иранского квазикоммунистического движения маздакитов, выступавшего за упразднение семьи и за «социализацию» женщин. Нельзя исключать, что этот сюжет представлял собой актуализацию старинного персидского предания о спасении из темницы Хормизда, брата Шапура II, собственной женой, который сохранился в сочинении Зосима (Евнапия) (Zos. II. 27).

Брак Кавада с эфталитской царевной из старого варианта «Романа о Каваде», который использовал Прокопий, в модернизированной позднесасанидской версии «X^w aday-Namag» заменен историей женитьбы Кавада на дочери некоего дихкана, которая впоследствии станет матерью Хосрова I Ануширвана (531–579). Фирдоуси упоминает это событие до прибытия Кавада ко двору эфталитского царя¹⁸. В действительности Кавад женился на матери Хосрова Ануширвана, парфянской княжне из рода Испахбедов, уже после своего возвращения на престол, приблизительно в 500/501 году, а эфталитская царевна, на которой Кавад женился после своего бегства из Ирана, но до возвращения на трон, стала матерью Джамаспа, впоследствии отстраненного от престолонаследия

вследствие физического увечья. По свидетельству Прокопия, брат Кавада, также Джамасп (Замасп) (498/499–501), возведенный на престол его противниками, был ослеплен: несчастному залили в глазницы кипящее масло. Эта версия не подтверждается продолжателем Прокопия — Агафием Миринейским, который на основании выписок Сергия из сасанидских летописей утверждает, что Джамасп добровольно оставил престол и предпочел жизнь частного человека (Agath. IV. 28)¹⁹, а также поздними арабо-персидскими источниками. Как отмечает Аверил Кэмерон, Прокопий просто перепутал Джамаспа с Балашем — предшественником Кавада, который был ослеплен мобедами. Прокопий отмечает, что Кавад нуждался в деньгах для выплаты жалованья эфталитским наемникам, которые восстановили его на престоле. Шах обратился к императору Анастасию с требованием дать денег на эти выплаты, причем по сообщению Прокопия Кавад просил денег взаймы, а согласно Феофану, требовал дани²⁰. По мнению А. А. Чекаловой, Кавад опирался на мирный договор 441 года, заключенный правительством Феодосия II (408–450) с шахом Йездигердом II (440–458), который отказался соблюдать Анастасий. Как утверждает Фиона Хаарер, римско-персидский конфликт 440/441 годов представлял собой серию персидских рейдов в Римскую Армению в поисках добычи и был лишен того размаха, который был характерен для военной кампании Пульхерии против Бахрама V Гура в 421–423 годах. Исследовательница полагает, что та война была спровоцирована непереносимостью персов по отношению к христианскому прозелитизму²¹, оставляя при этом вне поля зрения, что как раз наоборот правительство Пульхерии реагировало на репрессии против персидских христиан и армян, которые развязал захвативший престол при помощи арабских наемников Бахрам V Гур после относительно веротерпимого правления Йездигерда I (399/400–420/421) (Socr. Schol. HE VII. 18)²².

¹⁹ Cameron A. Agathias on the Sassanians // *Dumbarton Oaks Papers* 23 (1969–1970). P. 128–130, 154–155 (67–183).

²⁰ Чекалова А.А. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. Пер., комм. М: Наука, 1993. С. 464.

²¹ Haarer F. Anastasius I. Politics and Empire in the Late Roman World. Cambridge: Francis Cairns, 2006. P. 48.

²² Holm K. G. Pulcheria's Crusade A.D. 421–422 and the Ideology of Imperial Victory // *Greek-Roman and Byzantine studies*. 1977. № 18. P. 153–172; Holm K. G., Vikan G. The Trier Ivory, "Adventus" Ceremonial, and the Relics of St. Stephen. *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 33 (1979). P. 113–133.

¹⁶ Фирдоуси. Шахнаме. Т. VI. (Пер. Ц. Б. Бану-Лахути и В. Г. Берзнева). М: Наука, 1989. С. 27–28.

¹⁷ Christensen A. L'Iran sous les Sassanides... P. 344.

¹⁸ Фирдоуси. Шахнаме. Т. VI... С. 28–29.

Как бы там ни было, но на сей раз Анастасий попытался избежать столкновения и отправил к Каваду посла Руфина с приказом выплатить шаху требуемую им сумму. Однако Руфин, добравшись до Кесарии Каппадокийской, оставил деньги у местной администрации, а сам прибыл к Каваду и по-видимому занялся интригами, целью которых было спровоцировать эфталитов напасть на Иран. О наличии подобных интриг, вызвавших гнев Кавада, сообщает Псевдо-Захария Ритор²³. Кавад приказал арестовать Руфина.

Война между Анастасием и Кавадом, продолжавшаяся с 502 по 506 годы, достаточно подробно описана в сирийских источниках: в первую очередь в утраченном сочинении Евстафия Эпифанийского (писавшего на греческом языке), Иешуа Стилитом и Псевдо-Захарией Ритором, а также более поверхностно Прокопием Кесарийским (на основании сведений сирийских историков), Иоанном Малалой, Иоанном Лидом, Евагрием Схоластиком, латинским писателем Марцеллином Комитом, и поздним хронистом Феофаном (=Георгием Синкеллом). Мы не будем подробно останавливаться на ходе боевых действий, который неоднократно реконструировался исследователями в первую очередь на основании сведений сирийских авторов²⁴. Отметим только, что в начале Кавад без объявления войны вторгся в Римскую Армению, взял и разграбил Феодосиополь (Эрзурум), что по сообщению Иешуа Стилита и Феофана стало возможным в результате предательства сенатора Константина, являвшегося командиром римского подразделения иллирийцев²⁵. Затем персы опустошили Софену и овладели Мартирополем, где Каваду сдался местный наместник Феодор, выдавший шаху собранные в окрестностях римские налоги за два года (Procop. De aed. III. 2. 6)²⁶. Римляне были разбиты персами под Теллой. Затем Кавад

вторгся в Римскую Месопотамию и в октябре 502 года, следуя примеру Шапура II в 359 году, осадил Амиду, которая вскоре, 11 января 503 года, пала из-за халатности или предательства сирийских монахов. Согласно сирийским источникам: Иешуа Стилиту и Псевдо-Захарии, персы истребили в Амиде до восьмидесяти тысяч человек, включая римский гарнизон и местных жителей. Вероятно, Кавад отдал город на разграбление своим наемникам — эфталитам, желая возместить таким образом невыдачу обещанного им жалованья. В известной степени здесь повторилась ситуация 359 года, описанная Аммианом Марцеллином, когда в осаде Амиды вместе с войсками Шапура II принимали участие кочевники хиониты Грумбата, мстившие за своего погибшего царевича. Вскоре Кавад осадил Эдессу.

Под влиянием этих трагических событий император Анастасий направил на Восток подкрепления под командованием Ареобинда, готского аристократа, мужа знаменитой дочери западно-римского императора Олибрия (472) Юлианы Аниции²⁷, Ипатия (племянника Анастасия) и Патрикия, а также гвардейский отряд Юстина, будущего императора, и другие подразделения. Эти соединения были лишены единого командования и несмотря на ряд первоначальных успехов, например, на разгром Патрицием и Ипатием эфталитского отряда в восемьсот конных воинов, находившегося на службе у Кавада (Procop. BP. I. 8. 13), не взирая на победы Ареобинда под Нисибисом, все-таки не смогли изменить ход борьбы в пользу римлян. После одной из локальных побед Ареобинд по сообщению Феофана (=Синкелла) отправил в Константинополь в подарок императору Анастасию меч и браслет одного из персидских военачальников, сраженного неким готским воином, служившим в римской армии (Theoph. AM. 5997)²⁸. Патриций и Ипатий в конечном итоге были застигнуты врасплох Кавадом и потерпели тяжелое поражение (Procop. BP. I. 8. 14–18). Только после назначения талантливого полководца, магистра оффиций Келера, главнокомандующим над всеми римскими силами ситуацию удалось переломить. Впрочем, Прокопий называет главную причину изменения хода боевых действий в пользу римлян: северная граница Ирана была в этот момент атакована

²³ Чекалова А.А. Прокопий Кесарийский.... С. 464.

²⁴ Пигулевская Н.В. Месопотамия на рубеже V-VI вв. н.э. Сирийская хроника Иешуа Стилита как исторического источника / Труды института востоковедения XXXI. М., Л., Издательство Академии Наук СССР, 1940. С. 81–130; Чекалова А.А. Иешуа Стилит или Прокопий? (к вопросу о манере изображения греческими и сирийскими авторами войны между Византией и Ираном в 502–506 гг.) // Византийский Временник (1981). №. 42 (67). С. 71–77; Greatrex G., Lieu N.C. The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars, Part II AD 363–630. A narrative sourcebook. London and New York: Routledge, 2005. P. 62–77.

²⁵ Чекалова А.А. Иешуа Стилит или Прокопий?... С. 73.

²⁶ Пигулевская Н.В. Месопотамия на рубеже V-VI вв. н.э.... С. 94.

²⁷ Speck P. Juliana Anicia, Konstantin der Grosse und die Polyeuktoskirche in Konstantinopel / Ποικίλα Βυζαντινά 11. Bonn, Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1991. S. 133–147.

²⁸ Чекалова А.А. Иешуа Стилит или Прокопий? ... С. 74.

кочевниками-гуннами, и Кавад должен был перебросить туда основные силы (Просор. ВР. I. 8. 19). Вероятно, под этими гуннами Прокопий подразумевает не эфталитов, которых он в описании войны называет их собственным этнонимом и владения которых к тому же располагались не к северу, а к северо-востоку от Ирана, а какие-то иные группировки кочевников. Такими группировками могли быть аланы Предкавказья или же сабиры (сяньбийцы), контролировавшие в это время степи Западного Прикаспия. Вскоре римляне перешли в наступление, и Келер совершил набег на персидскую Арзанену (Просор. ВР. I. 8. 21). Арсеобинд был отозван в Константинополь, а римляне осадили Амиду, где засел персидский гарнизон (Просор. ВР. I. 9. 1). В ходе этой второй осады Амиды, начавшейся зимой 503–504 года, персы дошли до последней крайности и по свидетельству Иешуа Стилита к концу сидения поедали экскременты. Глон, начальник персидского гарнизона, попал в засаду и погиб во время неудачной вылазки, доверившись засланному римлянами проводнику (Просор. ВР. I. 9. 5–7). Прокопий излагает эти события, возможно, опираясь на сведения Иешуа Стилита. Наконец, удалось достичь перемирия, по условиям которого персы сдали Амиду римлянам за выкуп в 11 кентинариев золота. После этого Келер и Испахбед от лица Анастасия и Кавада заключили мир (в 506 году), на который Кавад был вынужден пойти из-за тяжелой войны на севере с гуннами (Просор. ВР. I. 9. 24). Мир зафиксировал довоенный статус quo, однако Анастасий отдал приказ немедленно начать сооружение на границе, в двадцати верстах от Нисибиса, новой крепости Дара, которой впоследствии суждено будет сыграть значительную роль в истории римско-персидского противостояния.

А. А. Чекалова подчеркивала важность сведений Прокопия о войне Анастасия и Кавада наличием в его повествовании интересных деталей, которые историк мог почерпнуть только от жителей армянских и месопотамских городов, ставших свидетелями боевых действий, т.е. из устной традиции²⁹. Об этом по мнению исследовательницы свидетельствуют такие яркие эпизоды, как встреча Кавада с отшельником Иаковом в Ендиелоне в окрестностях Амиды (Просор. ВР. I. 7. 5–11). Прокопий восхищается доблестью Кавада, который во время осады Амиды обнажил «акинак», т.е. в данном случае длинноклинковую спату, и угрожал

смертью своим отступающим воинам (Просор. ВР. I. 7. 28). Прокопий, описывая в «Истории войн» вторжение Кавада в Римскую Армению, не упоминает о взятии персами Феодосиополя (Просор. ВР. I. 7. 3), хотя этот факт был хорошо известен историку и упомянут им в трактате «О Постройках» (Просор. De aed. III. 5. 3). Последнее обстоятельство А. А. Чекалова объясняет риторическим мастерством Прокопия. С нашей точки зрения причины подобной «фигуры умолчания» историка относительно взятия Феодосиополя в «Истории войн» следует искать в темной истории пленения патриция Константина, которого Иешуа Стилит и Феофан обвиняют в предательстве. Возможно, Прокопий знал детали этого дела, которые могли каким-либо образом повредить родственникам обвиняемого, и поэтому предпочел молчать, не провоцируя упоминанием Феодосиополя ненужных вопросов.

После завершения войны между Анастасием и Кавадом, в последующие годы, стороны соблюдали относительный мир, который не был поколеблен даже мятежом фракийских тагм, преданных халкидонскому вероисповеданию, вспыхнувшим под командованием Виталиана в 514–516 годах. Мир между римлянами и персами до определенного момента сохранялся и при преемнике Анастасия, Юстине I (518–527). Юстин I, комит экскувиторов, т.е. командир гвардейского подразделения, которое выполняло функции императорского конвоя, был участником войны с персами и уже весьма немолодым человеком. По свидетельству Прокопия, Юстин еще при жизни отдал бразды реального правления своему племяннику Флавию Юстиниану, который вскоре после своего восхождения на Олимп власти обратил внимание на Южный Кавказ, где в это время определялся характер будущего противостояния с персами.

Как справедливо отмечает Прокопий, еще предшественники Кавада вели упорную борьбу с восставшими армянами т.н. Персармении, т.е. той части Армянского государства Аршакидов, которая отошла к Ирану после раздела Армении в 387 году. Армяне самоотверженно боролись за христианскую веру и всячески сопротивлялись попыткам насильственного обращения в зороастризм. Эта борьба имела длительную предысторию, связанную с парфянским происхождением армянской царской династии. Прокопий уделяет два небольших комментария древней парфянской истории и тому, каким образом парфянский царевич Аршак (Արշակ), сын Артабана III (12–38), стал в 35 году

²⁹ Чекалова А.А. Иешуа Стилит или Прокопий? ... С. 76.

армянским царем (Procop. De aed. III. 1. 5–6). Важно отметить, что Артабан III принадлежал к династии Аршакидов по матери, в то время как по отцу он был сыном вождя кочевого племени дахов. Как уже отмечалось, некогда, в III веке до Р.Х. дахи стояли у истоков создания Парфянской державы; из этого племени происходили основатели дома Аршакидов: Аршак и Трдат. Современные исследователи в большинстве признают, что дахи были ираноязычным кочевым племенем массагетского круга, до вторжения в Парфию кочевавшим в степях Приуралья и тесно связанным своим происхождением с завожскими и приуральскими сарматами³⁰. Парфянская родословная армянских царей, их связь с аланами и массагетами: кочевниками Предкавказья и Восточного Прикаспия, после падения Парфии сделала армянскую аристократию ярким противником Сасанидской династии. Предшественники Юстина I не могли оказать восставшим армянам никакой помощи, так как Империя была связана с персами мирным договором 441 года и испытывала затруднения в Европе, прежде всего на дунайской границе, где в царствование Анастасия шли войны с гуннами (протобулгарами) и славянами, а затем вспыхнул мятеж Виталиана (514 год). Но с приходом к власти Юстина I ситуация резко изменилась. С нашей точки зрения вполне возможно связывать начало активной поддержки христианства на Южном Кавказе правительством Юстина I с тем влиянием, которое оказывала на молодого Юстиниана его жена, бывшая гетера и актриса Феодора, которая после прекращения театральной карьеры стала ревностной христианкой, симпатизировала монофизитам, т. е. армянскому духовенству и переписывалась с Севиром Антиохийским (Euaug. Schol. HE IV. 10–11). Легенда, известная из сирийских источников, приписывала Феодоре происхождение из духовного звания и объявляла ее дочерью монофизитского священника из Месопотамии³¹.

³⁰ Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., Наука, 1984. С. 115–118; Пьянков И. В. Некоторые спорные вопросы «этногеографии Турана»: полемика археолога с филологами? (По поводу книги Б. И. Вайнберг «Этногеография Турана в древности VII в. до н.э. — VIII в. н.э.». М.: Изд. Фирма «Восточная литература» РАН, 1999) / Средняя Азия и евразийская степь в древности. СПб., Петербургское лингвистическое общество, 2013. С. 598–616.

³¹ PLRE 1992: 1240–1241.

Прокопий Кесарийский рассказывает, что вскоре после восшествия на престол Юстина I Кавад обратился к новому императору с предложением усыновить одного из своих сыновей от парфянской княжны из рода Испахбедов, будущего шаха Хосрова Ануширвана³². Подобное предложение было обусловлено тем, что Кавад не желал видеть своим преемником старшего сына Кавуса, а следующий в порядке престолонаследия сын Джамасп потерял глаз и по персидским обычаям не мог быть шахом. Как сообщает Прокопий, Кавад дважды писал восточно-римскому императору и надеялся, что усыновление Хосрова в соответствии с процедурой римского права впоследствии гарантирует его права на престол в Иране (Οὐ δίκαια μὲν πεπονθέναι πρὸς Ῥωμαίων ἡμᾶς καὶ αὐτὸς οἶσθα, ἐγὼ δὲ ὑμῖν τὰ ἐγκλήματα πάντα ἀφεῖναι παντελῶς ἔγνωκα, ἐκεῖνο εἰδὼς, ὡς οὗτοι ἂν μάλιστα τῶν ἀνθρώπων νικῶεν, οἳ γε, προσόντος αὐτοῖς τοῦ δικαίου, εἴτα ἐλασσοῦμενοι ἐκόντες εἶναι τῶν φίλων ἡσπῶνται. χάριν μέντοι αἰτοῦμαι σε ὑπὲρ τούτων τινά, ἣ ἂν οὐχ ἡμᾶς αὐτοὺς μόνον, ἀλλὰ καὶ τὸ ἑκατέρου ὑπήκοον ἅπαν ἐς τε τὸ ζυγγενές, συνδέουσα καὶ τὴν ἀπ' αὐτοῦ ὡς τὸ εἰκὸς εὐνοίαν, ἐς κόρον δὴ πού τῶν τῆς εἰρήνης ἀγαθῶν καταστήσασθαι ἱκανὴ εἴη. λέγω δὲ ὅπως ἂν Χοσρόην τὸν ἐμὸν, ὃς μοι τῆς βασιλείας διάδοχος ἔσται, εἰσποιητὸν παῖδα ποιήσαιο) (Procop. BP I. 11. 7). Но квестор Прокл отговорил Юстина I от подобного усыновления, сославшись на то, что, став сыном императора по римскому праву, Хосров сможет со временем претендовать на императорскую порфиру и на власть над Римской Империей. Не желая портить отношения с персами, Прокл посоветовал Юстину I предложить Каваду компромисс: а именно усыновить Хосрова «per arma» (по оружию) в соответствии с восточно-германским обычаем, возможно, заимствованным готами у гуннов или у сарматов, ибо подобное усыновление не влекло за собой никаких правовых последствий с точки зрения римского права (καὶ τότε δὴ Πρόκλος ἔτι μᾶλλον ἢ πρότερον τὴν Περσῶν πείραν διέβαλλε, μέλειν τε αὐτοῖς ἰσχυρίζετο, ὅπως δὴ τὸ Ῥωμαίων κράτος σφίσιν αὐτοῖς ὡς ἀσφαλέστατα προσποιήσωνται. καὶ γνώμην ἀπέφαινε τὴν μὲν εἰρήνην αὐτοῖς αὐτίκα δὴ μάλα περαίνεισθαι, ἄνδρας δὲ τοὺς πρώτους ἐκ βασιλέως ἐπ' αὐτῇ στέλλεσθαι, οὓς δὴ δεήσει πυνθανομένῳ τῷ Καβάδῃ

³² Christensen A. L'Iran sous les Sassanides. Copenhagen, 1936. P. 350; Мишин Д. Е. Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха и его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха. М.: ИВ РАН, 2014. С. 322–328.

καθ' ὃ τι δεῖ τὴν ἐσποίησιν Χοσρόη γενέσθαι, διαρρήδην ἀποκρίνασθαι ὅτι δεῖ, ὡς βαρβάρῳ προσήκει, δηλῶν ὅτι οὐ γράμμασιν οἱ βάρβαροι τοὺς παῖδας ἐσποιοῦνται, ἀλλ' ὅπλων σκευῇ) (Procop. BP I. 11. 22–23). Но Кавад воспринял предложение Юстина I как оскорбительный отказ и начал очередную войну против ромеев. Историю несостоявшегося усыновления Хосрова со ссылкой на Прокопия кратко сообщает также Евагрий Схоластик, который подобно своему первоисточнику видит причину, побудившую Кавада выдвинуть предложение об усыновлении, в его желании гарантировать права на персидский престол младшему сыну (Euagr. Schol. HE IV. 12).

Классическое римское право знало две формы усыновления: *adrogatio*, публичное усыновление решением народного собрания (Sueton. Aug. 65.) или же, начиная с эпохи принципата, рескриптом императора (App. BC III. 94. Tac. Ann. XII 26. 41; Hist. I 15. 12–19. Sueton. Galba 17. Dio Cass. LXX 1. LXXIX 17. Hist. Aug. Nadr. 4. 24; Pius 4; Phil. 5; Aur. 14. 15.), а также *adoptio*, частный юридический акт, уходящий своими корнями к Законам XII Таблиц, предполагавший смену усыновляемым *paterfamilias* и семьи (Gai. I. 134; Inst. I. 11; Dig. I. 7. CJ VIII. 47 (48)). В византийском церковном праве усыновление с течением времени перестало быть исключительно юридической процедурой и приобрело характер священнодействия. Император Лев VI Философ (886–911) именовал усыновление «детотворением» (Novell. Leo. 24. 89.). Евхологий Стратигия (Paris. Coislin 213, 1027 г.), содержит молитвы усыновления (неполный текст), которые священник читал над усыновляющим и усыновляемым³³.

Очевидно, что поздние Евхологии отражают чин усыновления, сложившийся уже в пост-иконоборческий период. В ранневизантийскую эпоху усыновление еще представляло собой юридический акт, совершаемый в полном соответствии с нормами классического римского права. Как показала Г. Е. Лебедева, динамика социальной структуры общества Ранней Византии была тесно связана с постепенным размытием сословия городских куриалов и с попытками императорской власти сохранить это сословие, в рамках которого передача

³³ Арранц М. Таинства Византийского Евхология. Рим, Москва. 2003. Т. III. С. 54; Соколов И.И. Усыновление и его отношение к браку в Византии и на современном греческом Востоке: Историко-правовой очерк. СПб., 1910. С. 25–127.

собственности и прав по наследству очень часто была сопряжена с усыновлением наследника³⁴. Таким образом, доводы Прокла против предложения Кавада были весьма весомы.

В итоге было решено отклонить просьбу Кавада об усыновлении Хосрова при помощи процедуры римского права и предложить шаху усыновить Хосрова по восточно-германскому (по-видимому готскому) обычаю, т.е. посредством вручения усыновленному оружия и доспехов, который не имел у римлян юридической силы или же во всяком случае не влек за собой тех юридических последствий, которые влекло обычное усыновление (Procop. BP. I. 11. 3–22). Но нельзя исключать, что персидский обычай усыновления, описанный Прокопием, представлял собой одну из форм процедуры «*pusakanih*», известной из сасанидских юридических источников. Как отмечала А. Г. Периханян, усыновление взрослого человека другим взрослым человеком сопровождалось произнесением усыновляющим особой формулы: «ты мной усыновлен» (*pat pus-am kart heh/pusakan-am kart heh*)³⁵. С другой стороны, если усыновление в сасанидском праве предполагало произнесение особых юридических формул точно таким же образом, как и в римском праве, в таком случае не исключено, что предложение Юстина I усыновить Хосрова посредством вручения оружия и доспехов в действительности было завуалированным отказом, а сам обычай вручения оружия и доспехов усыновляемому был готским или гуннским обычаем и не имел к персам никакого отношения.

Известно, в частности, что остготская королева Матасунта, насильно выданная замуж за узурпатора Витигеса (Iord. Get. 81, 311–313; Procop. BG I. 11. 27), была дочерью королевы Амаласунты (526–534) и вестгота (визигота) Эвтариха, консула и сына по оружию (*filius per arma*) императора Юстина I (518–527) (Cass. Var. VIII. 1. 3)³⁶. По матери же Матасунта

³⁴ Лебедева Г.Е. Динамика социальной структуры ранневизантийского общества // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2, История, языковедение, литературоведение. 1990. Вып. 3. С. 12–22; Лебедева Г.Е. К вопросу о социальной структуре ранневизантийского общества: (По данным кодексов Феодосия и Юстиниана) // Византийский временник. 1992. Т. 53 (78). С. 10–19; Лебедева Г.Е. К истории сословия куриалов в Византии // Средневековый город. Саратов, 1998. Вып. 12. С. 169–176.

³⁵ Периханян А.Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983. С. 120–123.

³⁶ PLRE 1980: 438.

приходилась внучкой Теодориху Великому (470–526) (Iord. Get. 80–81, 313–313)³⁷. Как справедливо отмечал Фридрих Лоттер, гуннская политическая культура оказала во многом определяющее влияние на остготов в период их позднего этногенеза³⁸, а, следовательно, и на формирование остготских политических традиций, одной из которых, вероятно, и было усыновление *reg agma*. Усыновление *reg agma* практиковалось константинопольским двором и было формой установления патронатских отношений с представителями германской, в случае с Эвтарихом, готской аристократии. Не исключено также, что за упоминанием обычая вручения оружия и доспехов в рассказе Прокопия скрывается встречное предложение Юстина I совершить побратимство Юстиниана и Хосрова, известное в более поздней византийской традиции церковного права как «братотворение» (ἀδελφοποίησις)³⁹. По мнению А. А. Ткаченко, некоторые рукописи византийского Евхология, в частности, Vat. Barb. gr. 336, VIII века и Sinait. gr. 957, X века содержат молитвы братотворения, отражающие доиконоборческую практику, т.е. церковный чин, который уже мог сложиться к эпохе Юстиниана или же вскоре после нее⁴⁰. Подобное братотворение, совершенное при помощи обмена оружием и доспехами, как нельзя лучше позволяло бы устранить возможные претензии Хосрова в будущем на императорскую диадему и одновременно заложить основы военного союза двух держав.

Побратимство было издревле хорошо известно иранским народам. Древнегреческий историк Геродот (484–425 до Р.Х.) описывал обряд побратимства у древних скифов (Hrdt. IV. 70.). Греческий писатель римского времени Лукиан Самосатский (125–180), опираясь на исторические произведения, созданные в Боспорском царстве, также рассказывал об обычае побратимства, который существовал у скифов и в более позднее время. В диалоге «Токсарид» два друга, скифские воины Дандамид и Амизок, совершают обряд побратимства, выпивая крови друг друга

³⁷ PLRE 1992: 851–852; Wolfram H. Mathasunta Dizionario Biografico degli Italiani — Volume 72 (2008).

³⁸ Lotter F. Völkerverschiebungen im Ostalpen-Mitteldonau-Raum zwischen Antike und Mittelalter (375–600). Berlin: Walter de Gruyter, 2003. S. 99–132.

³⁹ Арранц М. Таинства Византийского Евхология. Рим, Москва. 2003. Т. III. С. 42–43, 355–356.

⁴⁰ Ткаченко А.А. Братотворение / Православная Энциклопедия. Т. VI. <https://www.pravenc.ru/text/153343.html>

(Lucian. Toxar. 37. 39–40.). А. М. Хазанов связывал распространение побратимства у скифов с развитием дружинной культуры, которая, возможно, приобретала аналогичные формы и у более поздних кочевников: сарматов и гуннов⁴¹. Особые формы побратимства существовали в архаическую эпоху также и у древних римлян (Vergil. Georg. 2. 510.). В период Тетрархии эти формы, возможно, еще сохранялись как рудимент, повлиявший на политическую теорию императорской власти времен Диоклетиана (284–305) и Константина (306–337). Знаменитая скульптурная группа из константинопольского Филадельфия (начало IV века), вывезенная крестоносцами в 1204 году в Венецию, изображает обнявшихся тетрархов и свидетельствует в пользу интерпретации власти тетрархов как одной из поздних юридических форм побратимства. Примечательно, что каждый из тетрархов вооружен спатой, рукоять которой оформлена в виде птичьей головы — явный сасанидский мотив Симурга. Константин в письме персидскому шаху Шапуру II именовал шаха «брат мой» (Euseb. VC IV. 11.). В связи с этим, далеко не случайно, что Кавад был серьезно разгневан фактическим отказом Юстина I от усыновления (=братотворения) Хосрова согласно процедуре римского права и начал боевые действия против римлян.

Интерпретируя рассказ Прокопия, А. А. Васильев вслед за Артуром Кристенсеном обоснованно отмечал, что Кавад, возможно, опирался на прецедент императора Аркадия (395–408), который перед смертью, по словам того же Прокопия, завещал персидскому шаху Йездигерду I (399–420/21) стать опекуном своего сына Феодосия II (408–450)⁴². А. А. Васильев также высказал весьма обоснованное предположение, что проект усыновления Хосрова Юстином I родился в голове Кавада под влиянием интриги 522 года, в которой оказался замешан хан гуннов (сабиров?) Зилгиби. По мнению ряда современных специалистов, сабиры представляли собой ветвь протомонгольских кочевников сяньбийцев и на определенном этапе, в первой половине VI века, превратились в гегемона причерноморских степей и особенно степей Предкавказья; причем отдельные сяньбийские племена пережили тюркское завоевание и дожили

⁴¹ Хазанов А.М. Обычай побратимства у скифов // Сов. археология. 1972. № 3. С. 68–75.

⁴² Vasiliev A. Justin the First. An Introduction to the Epoch of Justinian the Great. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 1950. P. 265.

до времен половецкой экспансии в XI веке⁴³. Современник Прокопия Кесарийского, историк Иоанн Малала раскрывает ту роль, которую играли сабиры (сяньбийцы) в римско-персидских отношениях, на примере хана Зилгиби, который сперва нанялся на службу Юстину I, а затем вместе со своей дружиной перешел на сторону Кавада. Тогда Юстин сообщил Каваду, что Зилгиби уже был связан с ним федератским договором. Кавад заподозрил хана в двойной игре, вызвал его в свою палатку во время очередного военного похода и зарезал, после чего орда Зилгиби рассеялась: часть кочевников была перебита персами, часть же бежала обратно в степи (Ioan. Malal. 341. 95–98–342.4–7). Предложение Кавада об усыновлении Хосрова призвано было способствовать не только укреплению позиций самого Хосрова в Иране, но и заключению договора с Юстином, направленного против кочевников, в первую очередь против опасных эфталитов. При этом более логично, что Зилгиби перешел на сторону Кавада во главе двенадцати тысяч конных воинов уже после разрыва между римлянами и персами и началом новой войны между ними. Если предательство Зилгиби датируется примерно 522 годом, то история несостоявшегося усыновления Хосрова Юстином I должна была произойти вскоре после его вступления на престол, т.е. во второй половине 518 года или же на протяжении 519 года. Джефффри Грейтрекс и Сэмюэл Лье полагают, что переговоры об усыновлении Хосрова проходили позднее, в 524/525 годах, однако эти исследователи не приводят в пользу столь поздней датировки никакой серьезной аргументации⁴⁴.

Впоследствии гунны сабиры будут неоднократно принимать участие в войнах римлян с персами, причем на обеих сторонах. Так по сообщению Иоанна Малалы и Иоанна Никиусского, в 527/528 году Юстиниан I подкупил гуннскую (сабирскую) царицу Боа (Βόα ῥήγισσα), которая атаковала и разгромила орды других сабирских ханов Тюрангса (Τύρανξ) и Глома (Γλῶμ), шедших на соединение с Кавадом (Ioan. Mal. XVIII. 13; Ioan. Nic. 90. 61–5)⁴⁵. Позднее, уже после смерти

Кавада, царь Лазики Губаз⁴⁶, союзник Юстиниана, заключил договор с аланами и сабирами и просил Юстиниана прислать сумму в размере трех кентинариев для уплаты новым союзникам, которые обязались не только оборонять Лазику от персов, но также опустошить Иберию, дабы лишить снабжения персидскую армию (Procop. BP II. 29. 29). Когда римляне осаждали персидскую крепость Петру, сабиры строили для римлян осадные машины, например, переносные тараны. Позднее, весной 551 года, персидский военачальник Мер-Мерое приказал сабирам, которые оказались на персидской стороне, построить аналогичные переносные тараны для штурма римской крепости Археополь (Procop. BG IV. 14. 4–5). По всей видимости подобная роль сабиров объясняется тем, что эти кочевники, являясь выходцами из северного китайского степного приграничья, владели какими-то навыками китайской полиоркеттики.

Необходимо отметить, что история несостоявшегося усыновления Хосрова Ануширвана императором Юстином I, рассказанная Прокопием, возможно, имеет литературный прообраз или же правовой прецедент, лежащий в исторических событиях, связанных с историей последней римско-парфянской войны. Выше уже отмечалось важное значение для византийцев правопреемства старинных римских договоров и юридических актов, которое подчеркивалось в исследованиях Г. Е. Лебедевой и И. П. Медведева. Геродиан, прославившийся среди современников не столько как историк, сколько как умелый рассказчик, сохранивший устную традицию своего времени, оставил нам драматическое повествование о начале последней римско-парфянской войны (Herod. IV. 10–11). Как сообщает историк, в 216 году император Каракалла (198–217), в жилах которого кипела сирийская кровь жрецов Баала⁴⁷, обратился к парфянскому царю Артабану V (213–224) с дерзким предложением. Император замыслил объединить две великие мировые монархии: Рим и Парфию, дабы общими усилиями завоевать варварские племена, прекратить бесконечные войны между римлянами и парфянами, а затем даровать населяющим их народам мир и процветание. Римская тяжелая пехота и парфянская тяжелая конница, объединившись, могли

⁴³ Golden P. The Kaepiči [Каепичи] // Historical Linguistics and Philology of Central Asia. Essays in Turkic and Mongolic Studies. By Bayarma Khabtagaeva, Zsuzsanna Olach. Leiden, Boston: Brill, 2022. P. 39–89.

⁴⁴ Greatrex G., Lieu N.C. The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars, Part II AD 363–630. A narrative sourcebook. London and New York: Routledge, 2005. P. 82.

⁴⁵ Митрофанов А.Ю. Гуннская царица Боа и Юстиниан: Христианизация за кулисами дипломатического протокола // Христианское чтение (2022). № 3 С. 249–260.

⁴⁶ PLRE 1980: 559–560.

⁴⁷ Мать Каракаллы, императрица Юлия Домна, происходила из сирийского города Эмеса и принадлежала к семейству жрецов Баала (Хели-Габала).

бы покорить весь мир. Этот проект по замыслу императора мог быть легко воплощен в жизнь посредством брачного договора между ним, римским августом, и парфянским царем. Каракалла просил Артабана дать ему в жены свою дочь, парфянскую царевну, которая стала бы римской августой. Парфянский царь был шокирован подобным неслыханным предложением. Как можно было сочетать браком двух молодых людей, которые разговаривали на разных языках, получили абсолютно непохожее воспитание, носили различную одежду и вели образ жизни, столь между собой различавшийся?

Не исключено, что недоумение Артабана не было лишь банальным следствием культурного антагонизма между парфянами и римлянами, но имело более серьезные причины. Парфянские госаны издревле сложили страшную легенду о царице Музе, римской рабыне и любовнице императора Октавиана Августа (27 г. до Р.Х.-14 г. по Р.Х.), который подарил красавицу парфянскому царю Фраату IV (37–2 до Р.Х.) в знак заключения мирного договора (ок. 20 г. до Р.Х.). Иосиф Флавий называет ее Формусой (Ios. Flav. Iud. Antiq. XVIII. 2. 4). Фраат IV вернул тогда в обмен на подарок римские орлы легионов Красса, захваченные закованными в доспехи парфянскими всадниками в битве при Каррах (53 г. до Р.Х.) (Arr. Parth. Fragm. 20)⁴⁸. Царь пленился прекрасной рабыней. Через некоторое время Муза, объявленная царицей Парфии, родила Фраату сына, названного Фраатаком, а когда Фраатак подрос и мог быть объявлен наследником престола, царица обнаружила свой коварный нрав. Сперва Муза убедила наивного супруга отправиться в Рим для получения классического образования его сыновей от других жен. Прежние жены Фраата: Оленнейра, Клеопатра, Басейрта и Бисфейбанапс давно уже потеряли свое бывшее влияние, а их сыновья: Сераспадан, Фраат, Родасп и Бонон с двумя женами и четырьмя сыновьями одного из них были переданы Марку Титию, наместнику Сирии, который отправил царевичей в Рим. Там они жили за государственный счет, окруженные царскими почестями, соответствовавшими их положению, в качестве заложников (Strab. VI. 4. 2; XVI. 1. 28; Tacit. Annal. II. 1; Vell. Paterc. II. 94. 4; Ios. Flav. Iud. Antiq. XVIII. 2. 4;

⁴⁸ Пьянков И.В. К этнической истории саков Припамирья / Средняя Азия и евразийская степь в древности. СПб., Петербургское лингвистическое общество, 2013. С. 516–530.

Res Gestae divi Augusti XXXII. 2). Дорога к трону для Фраатака была расчищена. Под влиянием Музы политика Фраата IV приобретала все более и более проримский характер, вызывая недовольство военной аристократии. Позднее престарелый Фраат был отравлен Музой, которая провозгласила своего сына царем, а сама осталась при нем правящей царицей (2 г. до Р.Х.).

Иосиф Флавий свидетельствует о том, что новый царь Фраатак, более известный как Фраат V (2 г. до Р.Х.- 4 г. по Р.Х.), и его мать Муза находились в преступной кровосмесительной связи, что повлекло за собой возмущение парфянской знати и государственный переворот (Ios. Flav. Iud. Antiq. XVIII. 2. 4). Трудно заподозрить Иосифа Флавия в преднамеренной клевете на парфянскую царскую семью. Скорее всего, историк просто пересказывал слухи, навеянные пропагандистскими балладами парфянских госанов, сторонников патриотической антиримской партии и ненавистников «италийской наложницы» Фраата IV. Царь и его мать были убиты, а парфяне посадили на престол Орода III (4–6/7), которого они затем вскоре зарубили мечами (ибо парфяне по замечанию Иосифа Флавия всегда носят мечи) после чего призвали из Рима царевича Бонона (6/7–12) (Res Gestae divi Augusti XXXII. 3). Через шесть лет правления или даже по прошествии менее длительного срока Бонон был низложен партией парфянских патриотов, которая выдвинула аршакидского принца Артабана, воспитанного в кочевой орде дахов, родственной династии Аршакидов и парфянскому правящему классу (Tacit. Annal. II. 2).

Трагическая история Фраата V и его матери по-видимому не давала покоя Артабану V, когда он прочитал послание Каракаллы. Если прецедент брака парфянского царя с римлянкой однажды уже навлек на Парфию смуту и гражданскую войну, то можно ли теперь было доверять предложениям римского императора и отдавать ему в жены не рабыню, как поступил некогда Октавиан с Фраатом, а принцессу царской крови? Не объявит ли себя Каракалла после этого брака парфянским царем и не начнет ли новую войну, дабы захватить Парфию, уже несколько десятилетий изнывавшую от непрекращающегося противостояния с Римом в Месопотамии и от внутренних смут? Как рассказывает Геродиан, после серии отказов Артабан V все же решился рискнуть, за что и поплатился. Каракалла во главе военного отряда вступил на территорию Парфии и вероломно атаковал Артабана, когда царь выехал

из приграничной крепости с небольшой дружиной, дабы встречать дорогого жениха. Чудом Артабан сумел спастись. Царские дружинники, рискуя жизнью, смогли посадить растерявшегося царя на лихого коня, которыми столь славились парфяне, и вывезли своего государя из кипевшего со всех сторон боя⁴⁹. Следствием этих событий стала новая кровопролитная война между Римом и Парфией, которая повлекла за собой смуту в Римской Империи и гибель Парфянского царства.

Кем же была обманутая невеста Каракаллы кроме того, что она была парфянской принцессой и дочерью Артабана V? Геродиан не сохранил ее имени, а монеты с ее профилем не чеканились, так как она никогда не правила. Некоторые историки предполагают, что история обручения Каракаллы с парфянской принцессой представляет собой фрагмент из приключенческого романа, сочиненного Геродианом или заимствованного им для усиления драматизма своего исторического повествования⁵⁰. Я полагаю, что подобная критика ничем не обоснована и в сущности повторяет аналогичные аргументы тех, кто отвергает историчность сообщения Приска Панийского об обручении августы Юсты Граты Гонории с Аттилой (449 г.) или рассказа патриарха Никифора об обручении августы Елифании, дочери императора Ираклия (610–641), с тюркским ханом (627 г.)⁵¹.

⁴⁹ Поведение Каракаллы в рассказе Геродиана напоминает аналогичный поступок аварского кагана Баяна II, который в 617 году также вероломно атаковал императора Ираклия (610–641), выехавшего на переговоры с каганом за стены Константинополя. Ираклий чудом спасся тогда на быстром коне подобно Артабану. Не исключено, что автор Пасхальной хроники и источник Феофана (=Георгия Синкелла), рассказавшие об инциденте с аварским каганом, находились под влиянием литературного таланта Геродиана (Theoph. A.M. 6110).

⁵⁰ Patterson L. Caracalla's Armenia // *Syllecta Classica* 24 (2013). P. 193–194 (173–199); Chaumont M.L., Schippmann K. BALĀŠ, in *Encyclopaedia Iranica*, III/6, 1988. P. 574–580; Ziegler K.H. Die Beziehungen zwischen Rom und dem Partherreich, Wiesbaden, 1964. S. 133; Schur W. Parthia II B, in Pauly-Wissowa, XVIII/4, 1949. S. 2028.

⁵¹ King Charles W. Attila, Honoria, and the Nature of Hunnic Rule / Radical Traditionalism. The Influence of Walter Kaegi in Late Antique, and Medieval Studies. Ed. by Christian Raffensperger and David Olster. London, 2019. P. 97–114; Zuckerman C. Au sujet de la petite Augusta sur les monnaies d'Héraclius // *Revue Numismatique*, 1997. P. 473–478; Speck P. Epiphania et Martine sur les monnaies d'Héraclius // *Revue Numismatique*, 1997. P. 457–465; Zuckerman C. La petite Augusta et le Turc. Epiphania-Eudocie sur les monnaies d'Héraclius // *Revue Numismatique*, 1995. P. 113–126; Митрофанов А.Ю. Брак августы Елифании с тюрком: исторический факт или глава приключенческого романа / Сб. Памяти Галины Евгеньевны Лебедевой (1935–2021) // *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*, 2022. Vol. 6 (2). P. 81–145.

Римляне всегда умели переступать через этно-культурную обособленность варваров для достижения конкретных политических целей, поэтому в самом существовании брачного проекта Каракаллы (также как Юсты Граты Гонории и Елифании) нет ничего невероятного. Кроме того, в отличие от гуннов Аттилы и древних тюрков парфянская царская династия была в значительной степени эллинизирована, парфянские аристократы как правило владели греческим языком и знали произведения древнегреческих трагиков, поэтому культурные различия между римлянами и парфянами не представляли собой непреодолимого препятствия для заключения династического брака.

Впрочем, нельзя также исключать, что Каракалла, предлагая Артабану династический брак, просто искал повода для новой войны. Об этом нам прямо сообщает Кассий Дион, согласно которому в итоге Артабан все-таки отказал Каракалле, ибо понимал, что династический брак нужен римскому императору лишь в качестве обоснования последующего захвата Парфии (Cass. Dio LXXIX : 1. 1). Война была нужна Каракалле в первую очередь для укрепления своего политического авторитета внутри Римской Империи, ибо Каракалла, расправившийся со своим братом Гетой в покоях несчастной матери Юлии Домны в конце декабря 211 года (Cass. Dio LXXVIII. 2. 1–6), уже успел прославиться в Риме как братоубийца. Террор Каракаллы в Александрии (Cass. Dio LXXVIII : 22, 1–3 ; 23, 1–4 ; Euseb. HE VI, 19, 16), от которого был вынужден бежать знаменитый христианский богослов Ориген, также не прибавлял популярности сумасбродному императору. Каракалла искал воинской славы как психологической компенсации за ненависть подданных. Он не только желал продолжить парфянские походы Марка Аврелия, Луция Вера, Кассия Авида и своего отца Септимия Севера, но мечтал уподобиться самому царю Александру III Македонскому (Cass. Dio LXXVIII : 8. 1–3; LXXVIII : 9. 1). Как полагает А. В. Махлаюк, проект брака с парфянской принцессой был нужен Каракалле как элемент подражания Александру, женившемуся в свое время на ахеменидских принцессах Статире и Парисатиде, а также на сакской княжне Роксане⁵². Действительно,

⁵² Махлаюк А.В. Кассий Дион Коккейян. Римская история. Книги LXIV–LXXX. СПб., Нестор-История, 2015. С. 305; Vogt J. Die Tochter des Großkönigs und Pausanias, Alexander, Caracalla — Wiederkehr großer Konstellationen // *Satura: Früchte aus der antiken Welt O. Weinreich... dargebracht*. Baden-Baden, 1952. S. 163–182; Timpé D. Ein Heiratsplan Kaiser Caracallas // *Hermes*. 1967. Bd. 95. Hft. 4. S. 470–495.

Александр не только сам брал в жены иранских принцесс, но и всячески поощрял браки со знатными иранками своих пажей и гетайров несмотря на популярность нетрадиционных отношений в этих подразделениях⁵³. В 211 году Каракалла, только что ставший самостоятельным правителем, захватил царя Осроены Абгара IX и аннексировал его владения, а затем поступил точно также с царем Армении, который принадлежал к династии Аршакидов, что подвигло армян на вооруженную борьбу против Рима (Cass. Dio LXXVIII : 12. 1–1²). Наконец, в 213 году Каракалла, возможно, спровоцировал гражданскую войну в Парфии между сыновьями покойного Вологеза IV (191–207/208). Против Вологеза V (207/208–222/223), правившего в Месопотамии, поднял восстание его брат Артабан, наместник Мидии, чеканивший монеты в Экбатанах. К 216 году Артабан захватил значительную часть Месопотамии, хотя Вологез продолжал чеканить монеты в Селевкии⁵⁴.

Обстановка, сложившаяся к этому времени в самой Парфии, как будто бы питала надежды честолюбивого и беспринципного римского августа. Парфия времен Каракаллы представляла собой «больного человека» Передней Азии и была желанным объектом для завоевания. Союзнические отношения Парфии с дахами и другими среднеазиатскими кочевниками массагетского круга в позднеаршакидское время были подорваны как политической ориентацией последних парфянских царей на оседлую аристократию Гиркании и Армении, так и необходимостью противостоять гегемонии аланов, утвердившихся в степях Предкавказья и Восточного Прикаспия еще во II веке⁵⁵. Таким образом, парфянские цари лишились традиционной поддержки своих бывших вассалов из числа сарматских и массагетских племен, которые способствовали возвышению Парфии в эллинистическую эпоху. Борьба с аланами на Севере, с кушанами на Востоке и с Римом на Западе раздирала силы некогда могущественной державы. Царский престол стал яблоком раздора

⁵³ *Нефедкин А.К.* Конница эпохи эллинизма. СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. 2019. С. 131–138.

⁵⁴ *Дибвойз Н.К.* Политическая история Парфии. Пер. науч. ред. и библиографическое приложение В. П. Никонорова. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2008. С. 221–224.

⁵⁵ *Olbrycht M.J.* Parthia et ultiores gentes. Die politischen Beziehungen zwischen dem arsakidischen Iran und den Nomaden der eurasischen Steppen. Muenchen, 1998. S. 196–208, 231–324.

в борьбе между Вологезом и Артабаном. Тем не менее, новая война между Римом и Парфией, которую спровоцировал Каракалла завершилась убийством Каракаллы собственными офицерами, узурпацией Макрина (217–218), разгромом римской армии в трехдневной битве при Нисибине и мирным договором, выгодным для Артабана⁵⁶.

Скандал с усыновлением Хосрова Юстином I привел к войне точно также, как и аналогичный скандал с несостоявшимся парфянским браком Каракаллы в III веке. Если история несостоявшегося усыновления Хосрова не является лишь частью персидского «Романа о Каваде», на который опирался Прокопий, а действительно отражает реальные события, становится очевидно, что эти события могли послужить предлогом для возобновления борьбы, подготовленной каким-то более серьезным фактором. Этим фактором была активная христианизация Южного Кавказа и кочевников степей Северного Причерноморья, которую начал Юстин I.

В заключение отметим, что научная лаборатория Прокопия представляла собой собрание часто весьма разрозненных документов и сведений, полученных им во время разведывательной деятельности в ходе военных походов Велизария. Историк непосредственно общался с персидскими военнопленными и перебежчиками, записывал устное предание и придворные слухи, что позволило ему создать исторический портрет Кавада в широком контексте истории римско-персидского противостояния. Важную роль в работе византийского историка играли правовые аспекты, связанные с римско-византийскими взаимоотношениями. К этим правовым аспектам следует безусловно отнести упомянутые Прокопием мирные договоры с персами, описанное историком правовое и политическое устройство государства эфталитов, проблему несостоявшегося усыновления Юстином I Хосрова Ануширвана и лежащие в его основе правовые прецеденты, столкновение христианской и зороастрийской миссии на Кавказе. Прокопий сделал очень много для реконструкции политической биографии Кавада, и во многом благодаря Прокопию специфика данной биографии позволяет современному иранисту вполне убедительно признать этого персидского государя воплотившимся идеалом Макиавелли⁵⁷.

⁵⁶ *Дибвойз Н.К.* Политическая история Парфии... С. 224–226.

⁵⁷ *Schindler N.* Kawād I i. Reign, in *Encyclopaedia Iranica*, 2013. Vol. XVI, Fasc. 2, P. 136–141.

М. В. Грацианский
Московский гос. университет им. М.В. Ломоносова

Подготовка папы Льва Великого к участию в Эфесском соборе 449 г. по материалам его переписки

Одним из наиболее значительных событий, отметивших понтификат папы Льва Великого (440–461)¹, было дело константинопольского архимандрита Евтиха, ставшее причиной проведения двух Вселенских соборов: 449 года в Эфесе и 451 года в Халкидоне. Несмотря на то, что Эфесский собор 449 г. благодаря папе Льву получил в истории устойчивое прозвание «разбойничьего», изначально он был созван и проведен как Вселенский с соблюдением всех правил и атрибутов, необходимых для этого статуса². Таковым он считался вплоть до того

¹ О нем см.: *Perthel E.* Papst Leo's I. Leben und Lehren. Jena, 1843. *Caspar E.* Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft. Bd. 1. Tübingen, 1933. S. 525–555; *Jalland T.* The Life and Times of St. Leo the Great. L., 1941; *Haller J.* Das Papsttum. Idee und Wirklichkeit. Bd. 1. Stuttgart, 1950. S. 152–202; *McShane P.A.* Romanitas et le pape Léon le Grand. Tournai; Montréal, 1979. *Ullmann W.* Gelasius I. (492–496). Das Papsttum an der Wende der Spätantike zum Mittelalter. [Päpste und Papsttum 18]. Stuttgart, 1981. S. 88–103; *Wessel S.* Leo the Great and the Spiritual Rebuilding of a Universal Rome. [Supplements to Vigiliae Christianae. Texts and Studies of Early Christian Life and Language; 93]. Leiden; Boston, 2008.

² Об этом соборе см.: *Hefele Ch.J.* Histoire des conciles d'après les documents originaux. T. 2. Pt. 1. Paris: Letouzey et Ané, 1908. P. 499–621; *Schwartz E.* Der Prozess des Eutyches // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Abteilung. Jahrg. 1929. H. 5. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1929. S. 53–93; *Camelot P.-Th.* Éphèse et Chalcédoine. Paris: Éditions de l'Orante, 1962. P. 70–114; *De Vries W.* Das Konzil von Ephesus (449), eine Räubersynode? // *Orientalia Christiana Periodica*. 1975. Vol. 41. S. 357–398; *Horn St.O.* Petrou Kathedra. Der Bischof von Rom und die Synoden von Ephesus (449) und Chalcedon. [Konfessionskundliche und kontroverstheologische Studien; 45]. Paderborn: Verlag

момента, когда император Маркиан (450–457) на основании прошения участников Халкидонского собора в 451 г. отменил своим распоряжением вселенский статус Эфесского собора.

Активное участие римской кафедры в событиях на всем протяжении евтихианского кризиса отражено, среди прочего, в многочисленных посланиях папы Льва, направленных основным участникам этих событий, прежде всего — императорам Феодосию Младшему (408–450) и Маркиану, а также августу Пульхерии. Содержание этой переписки дает в совокупности весьма объемную картину того, как Лев Великий выражал видение собственного места и места Римской Церкви относительно других Церквей и институций Римского государства в рамках масштабного общеимперского мероприятия, отношение к которому как современников, так и потомков в конечном итоге оказалось сформировано в значительной мере именно им.

Константинопольский архимандрит Евтих, осужденный в 448 г. на Константинопольском соборе во главе со столичным архиепископом Флавианом, не согласился с соборным приговором, направив ряд апелляций, прежде всего императору Феодосию, который запросил в том числе и мнение римского папы о сути этого дела. После некоторых колебаний папа Лев встал на сторону константинопольского предстоятеля и даже попытался вникнуть в богословскую подоплеку конфликта, в результате чего появилось знаменитое учительное послание к Флавиану, известное как «Томос» Льва.

Дело казалось исчерпанным, однако события начали развиваться не в пользу Флавиана. Совместные усилия Диоскора Александрийского, самого Евтиха и царского кубикюлярия Хрисафия³ привели в апре-

Bontfatius-Druckerei, 1982. P. 50–71; *Leuenberger-Wenger S.* Das Konzil von Chalcedon und die Kirche. Konflikte und Normierungsprozesse im 5. und 6. Jahrhundert. [Supplements to Vigiliae Christianae; 153]. Leiden; Boston: Brill, 2019. P. 46–56; *Menze V.L.* Patriarch Dioscorus of Alexandria. The Last Pharaoh and Ecclesiastical Politics in the Later Roman Empire. Oxford: Oxford University Press, 2023. P. 98–140.

³ О нем см.: *Hopkins K., Hopkins M.K.* Eunuchs in Politics in the Later Roman Empire // *Proceedings of the Cambridge Philological Society*. 1963. № 9 (189). P. 62–80; *Millar F.* A Greek Roman Empire. Power and Belief under Theodosius II (408–450). Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2006. P. 192–207; *Brodka D.* Priskos von Panion, Chrysaphios und die Macht der Eunuchen // *Eos*. 2019. Bd. 106. S. 77–95; *Acerbi S.* Chrysaphius, A Eunuch in the Court of Theodosius II: Intrigues and Diplomacy between East and West // *Habis*. 2022. Vol. 53. P. 145–163.

ле 449 г. к повторному разбирательству всего дела в присутствии духовных лиц и представителей императора, которые приняли решение о необходимости пересмотра дела Евтиха⁴, а затем к решению провести Вселенский собор для пересмотра осуждения, вынесенного ноябрьским Собором 448 г. в Константинополе⁵.

Достаточно оперативно об этом был поставлен в известность и папа Лев, в результате чего он был вынужден переключиться на подготовку к действиям в рамках объявленного императором Феодосием нового Собора. На протяжении 13–20 июня 449 г. Львом были направлены многочисленные документы, среди которых обращение к императору Феодосию, два письма к августу Пульхерии, послание к архимандритам Константинополя, обращение к Собору, а также письма его отдельным видным участникам, таким как Флавиан Константинопольский и Ювеналий Иерусалимский⁶. К сожалению, в нашем распоряжении имеются только исходящие письма самого Льва: посланий к нему, составленных накануне Собора, и в частности, приглашения Льву на Собор от императора не сохранилось.

В послании к императору Лев по обычаю прежде всего отмечает ведущую роль императора в делах веры и заявляет свою позицию относительно основной повестки дня предстоящего Собора: «Насколько божественный Промысел благоволит заботиться о земных делах, демонстрирует попечение Вашей милости, побужденной Духом Божиим, которая не желает, чтобы в кафелической Церкви было что-либо неумиротворенное, что-либо различное, ибо вера, которая может быть только единой, ни в чем не может быть неподобной себе. Отсюда,

⁴ См.: Caspar E. Geschichte des Papsttums... Bd. 1. S. 473–474; Jalland T. The Life and Times... P. 224–225; Horn St. O. Petrou Kathedra. Der Bischof von Rom und die Synoden von Ephesus (449) und Chalcedon. [Konfessionskundliche und kontroverstheologische Studien; 45]. Paderborn: Verlag Bontfatus-Druckerei, 1982. S. 18–19; May G. Das Lehrverfahren gegen Eutyches im November des Jahres 448. Zur Vorgeschichte des Konzils von Chalkedon // Annuario historiae Conciliorum. 1989. Vol. 21. S. 1–61 (здесь: S. 55–58); Bevan G. A., Gray P. T. R. The Trial of Eutyches: A New Interpretation // Byzantinische Zeitschrift. 2008. Bd. 101. S. 617–657 (здесь: P. 649–657).

⁵ Анализ этих событий, как он представлен в переписке Льва, см. в: Грацианский М. В. Римская кафедра в преддверии Эфесского собора 449 г. // Византийский клуб. Альманах. 2025. К 60-летию профессора Н. Н. Болгова / Отв. ред.-сост.: И. В. Денисова. Белгород: ООО «Эпицентр», 2025. С. 86–98.

⁶ См.: Caspar E. Geschichte des Papsttums... Bd. 1. S. 475–481.

хотя Евтих, насколько это явствует из порядка епископских деяний (gestorum episcopaliū ordo), был из-за неопытности и неразумия уличен в заблуждении и обязан отступить от своего убеждения, за которое заслуженно порицается, однако же [поскольку] Ваше благочестие, которое к чести Божьей в высшей степени набожно почитает кафелическую истину, учредило в Эфесе соборный суд (synodale iudicium) для того, чтобы неопытному старцу (imperito seni)⁷ стала ясна истина, которая для него слишком затуманена, я послал своих братьев епископа Юлия, пресвитера Рената и моего сына диакона Илара, которых, замещающих мое присутствие (ad uicem praesentiae meae), будет достаточно для существа дела...»⁸.

Цель назначенного Собора Лев видит в том, чтобы дать возможность Евтиху признать свои заблуждения и покаяться перед собранием епископов. В завершении папа, имея в виду свой «Томос», указывает, что направил Флавиану писания, «которые более полно содержат то, что кафелическая Церковь повсеместно верует и учит о таинстве воплощения Господня»⁹.

Близким по содержанию, хотя и иным по структуре, оказывается послание Льва сестре императора августу Пульхерии. Особенность рукописной традиции этого документа состоит в том, что он представлен в коллекциях писем папы Льва в двух редакциях: более краткой и более пространной. Проблема, какая редакция была окончательной и кто ее осуществил, не может быть решена. Издатели и исследователи, в основном, придерживаются того мнения, что более краткая редакция сделана на основе более поздней, однако ее смысл и назначение не могут быть установлены¹⁰. Пространная редакция, включающая практиче-

⁷ В. де Фриз отмечает, что богословские высказывания Евтиха не были столь наивны, как их пытался представить папа Лев. См.: De Vries W. Das Konzil von Ephesus (449), eine Räubersynode? // Orientalia Christiana Periodica. 1975. Vol. 41. S. 357–398 (здесь: S. 372, 375).

⁸ Acta conciliorum oecumenicorum / Ed. E. Schwartz. T. II. Vol. IV. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter, 1932. P. 9.18–27. (Далее: АСО. II.4).

⁹ АСО. II.4. P. 9.32–10.2. См.: Wojtowycz M. Papsttum und Konzile von den Anfängen bis zu Leo I. (440–461). Studien zur Entstehung der Überordnung des Papstes über Konzile. [Päpste und Papsttum; 17]. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1981. S. 320–321.

¹⁰ Примечание Э. Шварца к краткой редакции: АСО. II.4. P. 10.4–6. См. еще: Jalland T. The Life and Times... P. 228. No. 101; Hoskin M. Prolegomena to a Critical Edition of the Letters of Pope Leo the Great. A Study of the Manuscripts. PhD Thesis.

ски всё содержание краткой, содержит больше подробностей. Наиболее примечательная ее часть — богословское рассуждение, в котором Лев излагает правильный, с его точки зрения, взгляд на богословие двух природ во Христе. Отметим, что греческие акты знают и приводят это письмо только в краткой версии, что в свою очередь породило среди исследователей подозрение в том, что пространная версия может быть подложной. Впрочем, другие данные письма, относящиеся к обстоятельствам участия легатов Льва в работе Эфесского собора, являются весьма ценными для прояснения позиции римского понтифика и его намерений. Хотя относительно них также возможны подозрения в подлинности, однако следует признать, что они достаточно хорошо дополняют сведения, известные из других писем. Ниже мы предлагаем анализ пространной версии послания.

Папа восхваляет ревность августы в делах веры, говоря, в частности, что «Вы научились через наставление Святого Духа и во всем подчиняете Вашу власть Тому, благодаря дару и покровительству Кого Вы правите»¹¹. Показательно, что Лев считает Пульхерию полновластной императрицей, разделяющей власть со своим братом Феодосием: Святой Дух покровительствует и ведет ее в той же мере, что и последнего. Понтифик сообщает, что узнал о деле Евтиха от Флавиана Константинопольского, не указывая на предшествующую переписку по этому вопросу с императором¹². Вина Евтиха, по его мнению, вызвана, скорее, наивностью (*imperitia*), нежели злонамеренностью (*uersutia*), и состоит в неверном мнении о плоти Иисуса Христа, которая, по мнению Евтиха, была лишь «подобна и согласна» (*similis atque conformis*) нашей, представляя только «образ» (*imago*) последней. Евтиху следует отказаться от своих мнений, дабы избежать «обвинительного приговора» (*sententiam damnationis*). Далее Лев указывает на особую роль в этом деле римской кафедры: «Ведь управление (*moderatio*) римского престола сохраняет такой настрой (*temperantiam*), что довольно строго поступает с упорствующими, но желает предоставить прощение

The University of Edinburgh, 2015. P. 32–33, 373–374. Наиболее основательный современный анализ см. в: *Drecoll V.H.* Leo an Pulcheria // *Kirche und Kaiser in Antike und Spätantike. Festschrift für Hanns Christof Brennecke zum 70. Geburtstag* / Hrsg. von U. Heil, J. Ulrich. Berlin; Boston: De Gruyter, 2017. S. 305–319.

¹¹ АСО. II.4. P. 12.24–25.

¹² См. о ней: *Грацианский М.В.* Римская кафедра... С. 86–98.

исправившимся»¹³. Вслед за этим папа обращается к августу с просьбой лично воздействовать на обвиняемого с той целью, чтобы он изменил свою позицию: «Итак, поскольку большая у меня есть уверенность относительно весьма возвышенной и крепкой веры твоего благочестия, заклиная я твою милость, чтобы как твоим святым усердием всегда оказывалась помощь кафолической проповеди, так и ныне также да окажешь ты благоволение ее свободе, которую Господь, пожалуй, для того попустил подвергнуться ударам сего искушения, чтобы могли быть узнаны те, которые таятся внутри Церкви и излечением которых не следует пренебрегать, дабы не ввела нас в скорбь их утрата»¹⁴.

Далее Лев считает необходимым объяснить, по какой причине он не может лично прибыть на назначенный императором «епископский Собор» (*episcopali concilio*), который должен был начаться 1 августа 449 года¹⁵. Причина состоит в том, что римский епископ только 16 мая получил от Феодосия соответствующее послание, что, по его мнению, оставляло для подготовки лишь «краткое и ограниченное время», большую часть которого следует потратить на то, чтобы «назначить отставку священников (*sacerdotum*), которые пригодны для дела»¹⁶. Затем Лев приводит важное разъяснение уже относительно себя лично: «Ведь хотя его благочестие считало, что и я должен присутствовать на Соборе, даже если бы это требовалось в соответствии с неким имевшим место ранее примером, ныне всё же никак не могло бы быть исполнено, поскольку чрезвычайно неопределенное состояние нынешних дел не позволило бы мне отлучиться от народов такого города, [так чтобы] души мятущихся обратились к некоему отчаянию, если окажется, что по случаю церковного дела я захочу покинуть родину и апостольский престол. Стало быть, поскольку Вы осознаете, что послужит общественной пользе, если благодаря здравому позволению Вашей милости я не откажу любви и мольбам граждан, считайте, что в этих моих братьях, которых я послал вместо себя, я также присутствую вместе с прочими, кто придут»¹⁷. Папа сообщает, что ввел своих легатов в курс дела, ознакомив их с присланными Флавианом актами, и дал им инструкции, соответствующие

¹³ АСО. II.4. P. 14.7–9.

¹⁴ АСО. II.4. P. 14.9–1.

¹⁵ АСО. II.4. P. 14.16: *indixit diem Kalendarum Augustarum ... conuentui...*

¹⁶ АСО. II.4. P. 14.17–18.

¹⁷ АСО. II.4. P. 14.18–23.

важности дела: «Ведь вопрос стоит не о некоей малой толике (*portiuuncula*) нашей веры, которая оказывается недостаточно проясненной, но нелепейший наскок дерзает затронуть то, о чем Господь в Своей Церкви никого из обоего пола не пожелал оставить в неведении»¹⁸. Речь идет о Символе веры, «полноты» (*plenitudinem*) которого если бы Евтих желал неукоснительно придерживаться, то не отклонился бы от постановления Никейского собора.

В завершении Лев обращается к Пульхерии с просьбой оказать решительное влияние на то, чтобы это дело завершилось покаянием Евтиха: «И потому в соответствии с обычаем Вашего благочестия соблаговолите сделать так, чтобы то, что богохульное недомыслие выставило против единственного [в своем роде] таинства человеческого спасения, было отогнано от душ всех, и если тот, кто сам впал в такое искушение, одумается, так чтобы осудить собственное заблуждение посредством письменного заявления, ему не будет отказано в общении его сана (*communio ei sui ordinis non negetur*)»¹⁹.

Таким образом, пространная версия послания к августу, даже несмотря на наличие некоторых сомнений в его подлинности, представляет существенный интерес. В представленном нами выше изложении был опущен достаточно развернутый пассаж, в котором Лев излагает собственные богословские воззрения. Как таковые они не являются предметом настоящего исследования и должны быть сопоставлены с рядом других посланий, в которых Лев излагает свое видение богословских проблем, актуализированных спором вокруг мнений Евтиха²⁰. Что же касается церковной политики и представления Льва о своем месте в ней, это послание интересно в гораздо большей степени, чем представленное выше письмо императору Феодосию.

Влияние Пульхерии как на церковно-политические дела, так и в целом на своего брата, хорошо известно²¹. Само по себе послание,

¹⁸ АСО. II.4. Р. 14.28–30.

¹⁹ АСО. II.4. Р. 15.5–9. См.: *Horn St.O. Petrou Kathedra...* S. 43–44. III. Хорн полагает, что Пульхерия была особенно заинтересована в личном прибытии Льва, в силу чего он поясняет свое отсутствие именно для нее.

²⁰ Прежде всего речь идет о «Томосе» Льва Флавиану и, к примеру, еще более позднем послании Льва от 15 июня 453 г. к палестинским монахам (АСО. II.4. Р. 159–163). Данным вопросам посвящена объемная литература.

²¹ О Пульхерии см.: *Goubert P. Le rôle de Sainte Pulchérie et de l'eunuque Chrysaphios // Das Konzil von Chalkedon / Hrsg. von A. Grillmeier, H. Bacht. Bd. I: Der Glaube*

обращенное к ней Львом, является ярким тому свидетельством. Оно содержит моменты, которые понтифик не считал нужным или возможным написать императору. Прежде всего, обращает на себя внимание обстоятельное изложение причин неявки папы на Собор. Здесь впервые достаточно четко заявляется та позиция, что личное присутствие римского епископа на Соборе вне Рима не имеет «прецедента» (*praecedens exemplum*): поскольку папа не именует созываемый императором Собор вселенским, очевидно, он имеет в виду то, что у папы в принципе не в правилах отлучаться из Города «по церковному делу» (*per occasionem causae ecclesiasticae*). Посредством данного рассуждения он ставит себя вне ряда всех остальных церковных иерархов, беспрекословно подчинявшихся императорскому повелению явиться на Собор в назначенное время и место. С другой стороны, папский престол находился вне территориальной юрисдикции восточного императора и, очевидно, в этом вопросе он мог проявлять определенную вольность. К сожалению, как и в случае с Эфесским собором 431 г., приглашительное послание императора папе от 449 года не сохранилось, в силу чего невозможно судить, в каком тоне оно было выдержано и содержало ли, к примеру, упоминание о наказании заслушание, каковое присутствовало в приглашениях императора восточным митрополитам. Можно предположить, что в отношении папы речь о санкциях за неповиновение не шла, коль скоро в свое время Целестин, а теперь и Лев достаточно спокойно указали на то, что лично прибыть не смогут и дадут себя представлять легатам. Показательно, впрочем, что Лев в данном случае считал необходимым объясниться: не исключено, что от Пульхерии было отдельное приглашительное послание, и специфика отношений папы с августой потребовала отдельных разъяснений.

В письме константинопольским пресвитерам и архимандритам, из которых поименно упоминаются Фавст и Мартин, Лев представляет легатов, посланных «с его стороны» (*de latere meo*). В нем папа

von Chalkedon. Würzburg: Echter, 1953. P. 303–321; *Holum K.G. Theodosian Empresses. Women and Imperial Dominion in Late Antiquity*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1982. P. 79–111; *Chew K. Virgins and Eunuchs: Pulcheria, Politics and the Death of Emperor Theodosius II // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 2006. Bd. 55. H. 2. P. 207–227; *Александрова Т.Л. Византийская императрица Афинаида-Евдокия. Жизнь и творчество в контексте эпохи правления императора Феодосия II (401–450)*. СПб.: Алетейя, 2018. С. 43–52.

призывает их воздерживаться от общения с Евтихом, покуда тот не раскается и не осудит своих прежних воззрений, а также указывает на свой «Томос» к Флавиану, с которым те через своего епископа могут ознакомиться²².

Наиболее важным наряду с посланиями императору и августу среди всего «пакета» корреспонденции 13 июня является послание Льва к участникам Эфесского собора²³. В данном случае следовало бы ожидать обращения Римского собора, однако это никак не явствует из данного послания, автором которого в надписании обозначен только Лев. Это послание содержит весьма важное свидетельство римской петриологии — учения о роли и месте святого Петра как создателя епископата и учредителя римского престола.

Соответствующая декларация содержится в самом начале обращения к Собору: «Набожная вера милосерднейшего государя, зная, что будет способствовать ее славе, если внутри католической Церкви не возникнет никакого зародыша заблуждения, воздала божественным установлениям такое уважение, что к действию святого распоряжения (*sanctae dispositionis*)²⁴ присовокупила и авторитет апостольского престола, как будто желая (*tamquam ... superet*), чтобы самым блаженнейшим Петром было заявлено то, что было похвально в его исповедании, когда на слова Господа *за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?*²⁵, ученики упомянули различные мнения разных [людей], а когда был задан им вопрос, как они веруют сами, глава апостолов, охватив кратким словом полноту веры, сказал: *Ты Христос, Сын Бога живого*²⁶; то есть — Ты, который поистине Сын Человеческий, Ты же поистине и Сын Бога живого, значит Ты — истинный в божестве, истинный во плоти, и с сохранением свойства двойной природы — един в том и в другом»²⁷.

²² АСО. II.4. Р. 11.32–12.19. Э. Каспар утверждает, что письмо к столичным архимандритам было написано Львом ввиду возможности рассмотрения дела в Константинополе. Ср.: *Caspar E. Geschichte des Papsttums...* Bd. 1. S. 476. Согласно нашим наблюдениям, этот вывод никак не вытекает из текста письма.

²³ Кратко о нем: *Jalland T. The Life and Times...* Р. 229.

²⁴ Имеется в виду указ императора о созыве Собора.

²⁵ Мф. 16:13.

²⁶ Мф. 16:16.

²⁷ АСО. II.4. Р. 15.13–22. См. об использовании здесь Львом новозаветных сюжетов: *Horn St.O. Petrou Kathedra...* S. 47–48.

Из процитированного пассажа выясняется, что императорская воля, — «святое распоряжение», — имеет прерогативу созыва Собора священников, и что именно император пожелал «присовокупить» к своей воле «авторитет апостольского престола». Отсюда логично вытекает, что Лев считает действие императора в этом деле вполне самостоятельным, в то время как добавление к нему римского авторитета оказывается всего лишь вспомогательной мерой. Далее, Лев через выражение «как будто» приписывает императору мотив приглашения папы: якобы желание услышать мнение святого Петра. Вводя образ святого Петра, Лев дает представление и о других учениках Господа, среди которых Петр выделяется своим исповеданием. Это исповедание затем Лев толкует в духе своих воззрений на дебатруемую проблему двух природ во Христе. Тем самым иносказательно сам Лев сопоставляется с Петром, а участники Собора — с прочими учениками, среди которых представлены «разные мнения». При таком раскладе нам остается только домысливать аналогию месту императора, который явно оказывается выше метафорически описанного Львом собрания епископов.

Сделав тем самым намек на возможную ассоциацию римского епископа с первоверховным апостолом, Лев в дальнейшем несколько размывает этот образ. Указав, что Евтих должен равняться на исповедание Петра и никоим образом не вступать с ним в противоречие, он подчеркнул еще раз, что «христианнейший император» повелел провести «епископский собор» (*episcopale concilium*), чтобы «более полным судом могло быть устранено заблуждение»²⁸. И именно ради этого Лев посылает теперь своих легатов епископа Юлия, пресвитера Рената и диакона Илара в сопровождении нотариуса Дульциция, дабы те «присутствовали во святом собрании (*sancto conuentui*) вашего братства и общим с вами приговором постановили то, что будет угодно Господу»²⁹. Из сказанного следует, что папские представители никоим образом не выделяются Львом

²⁸ АСО. II.4. Р. 15.32: *ut pleniore iudicio omnis possit error aboleri...* Ряд католических исследователей считает, что указание Льва на *plenius iudicium* означает, что папа видел в новом Соборе реализацию 7-го «канона» Сардикийского собора об апелляции. См.: *Caspar E. Geschichte des Papsttums...* Bd. 1. S. 477–478; *Klinkenberg H.M. Papsttum und Reichskirche bei Leo dem Großen // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kanonistische Abteilung.* 1952. Bd. 38. Heft 1. S. 37–112 (здесь: S. 59); *Horn St.O. Petrou Kathedra...* S. 39; *Woitowytsch M. Päpste und Konzile...* S. 320. Anm. 83; *Jalland T. The Life and Times...* P. 227. N. 100.

²⁹ АСО. II.4. Р. 16.2–3.

из среды прочих участников Собора: им однозначно не приписывается председательство, их положение не обозначается как более высокое. Их задача — вместе с прочими епископами вынести «общий приговор», на основе которого, как это далее поясняет Лев, Евтих должен принести покаяние и получить вновь общение епископата. Тем самым, голос Петра — это, по сути, общий голос всех присутствующих епископов, что, впрочем, Лев уже не проговаривает. Возникает образ полноты апостольского собрания, где роль Петра символизируют представители папы, в то время как роль прочих учеников — другие епископы-участники Собора, воспроизводя в итоге образ апостольского собрания во главе с Христом, причем Христа, если доводить аналогию до конца, символизирует сам император. Тем самым метафорическая связь римского престола с апостолом Петром, заявленная в послании, не дает никакого преимущества его представителям и не делает их голос решающим или хотя бы более значимым. В этой связи приведенный в письме петринологический пассаж едва ли стоит толковать иначе, нежели как попытку римского епископа как-то выделиться в ситуации, в которой для него не было предназначено ведущей или решающей роли, но в которой он неизбежно должен был принять участие.

Сохранившиеся послания Льва не дают четкого представления о том, насколько ясно он представлял себе настроения при дворе, в широких общественных и церковных кругах относительно воззрений Евтиха. Вероятно, он полагал, что, поддержав решения Константинопольского собора 448 года и лично столичного предстоятеля Флавиана, он способствовал окончательному улаживанию, в сущности, довольно мелкого конфликта. Пожалуй, впервые на протяжении V в. римский епископ лично высказался по сути богословских расхождений на Востоке, выдвинув положительные богословские тезисы, и этот факт имел весьма неоднозначные как краткосрочные, так и долгосрочные последствия. Важность своего исповедания Лев отметил и в завершении письма к Собору: «Получив письма нашего брата и соепископа Флавиана мы достаточно полно отписали ему о том, что он, как можно видеть, нам доложил, дабы с устранением того заблуждения, которое казалось зародившимся, в восхваление и славу Божию по всему миру была одна вера и одно и то же исповедание»³⁰.

³⁰ АСО. II.4. Р. 16.8–11.

Не только в «Томосе» к Флавиану Лев подробно излагает свои взгляды на вопрос воплощения Спасителя, но и в послании своему доверенному лицу в Константинополе епископу острова Кос Юлиану³¹. Именно от последнего Лев получал определенные сведения о состоянии дел в столице, однако в какой степени он был о них информирован, оценить, как уже говорилось, невозможно. Тем не менее, он хвалит Юлиана за то, что тот присылал ему письма, которые ему «очень понравились пылом католической мысли»³². Чтобы полнее ввести Юлиана в курс дела, папа составляет в его адрес еще одно письмо, где кратко излагает суть проблемы и ход событий, что, по всей видимости, может свидетельствовать о том, что Юлиан, хотя и находился в Константинополе, однако не был вполне осведомлен о ходе процесса Евтиха и замысле императора провести для его пересмотра Собор. Следует полагать, что схожая фраза из этого письма, в которой Лев хвалит «духовную любовь к католической вере» (*spirituali catholicae fidei amore*) Юлиана, свидетельствует о том, что Юлиан переписывался с римским епископом по большей части на духовные темы³³.

Неделей позже, 20 июня 449 г., папой было составлено краткое обращение к Флавиану. В новом письме Лев сообщал, что всё необходимое столичному архиепископу передадут его легаты. Письмо примечательно следующей фразой: «И так как всемилостивейший император, озабоченный церковным миром, пожелал собрать синод, хотя с очевидностью явствует, что дело, о котором идет речь, никоим образом не нуждается в соборном рассмотрении, тем не менее, дражайший брат, я указываю на [ниже]следующих, кого на это дело было угодно отрядить»³⁴.

³¹ О Юлиане см.: Wille A. Bischof Julian von Kios, der Nunzius Leos des Großen in Konstantinopel. Kempten; München: Jos. Kösel'sche Buchhandlung, 1910. (о происхождении и личности: Ibid. S. 1–8) Мы, впрочем, считаем совершенно необоснованной аргументацию А. Вилле (Ibid. S. 5–6), согласно которой Юлиана следует считать епископом не города Кос на одноименном острове в Эгейском море, а городка в Вифинии под названием Κίος, отчасти принятую в научной литературе. Ср., к примеру: Caspar E. Geschichte des Papsttums... Bd. 1. S. 481; Jalland T. The Life and Times... P. 229, 235–236; Winkelmann F. Papst Leo I. und die sogenannte Apostasia Palästinas // Klio. 1988. Bd. 70. S. 167–175.

³² АСО. II.4. Р. 16.13: quae multum nobis catholici sensus feruore placuerunt... Пересказ данного письма к Юлиану см. в: Wille A. Bischof Julian... S. 24–25. См. также: Jalland T. The Life and Times... P. 229–230.

³³ АСО. II.4. Р. 16.17–17.6.

³⁴ АСО. II.4. Р. 17.10–13.

Беспрекословное повиновение римского епископа в деле выполнения императорских требований даже вопреки собственному мнению является, на наш взгляд, весьма показательным. Это мнение, впрочем, он считал возможным изложить без обиняков лично государю, обозначив те рамки, в которых он готов выполнить его повеление. В письме, составленном тогда же, 20 июня 449 г.³⁵, он восхваляет стремление императора к единству и единообразию веры, говоря, что оно является предметом радости «Вселенской Церкви» (*uniuersali ecclesiae*) и идет на пользу «делам человеческим» (*rebus humanis*). Единство веры будет обеспечено «полной преданностью священников и всех верных» (*sacerdotum et cunctorum fidelium ... plena deuotio*). Далее, хотя и с другими акцентами, нежели в письме к Пульхерии, Лев излагает причины невозможности лично прибыть на объявленный императором Собор: «Отсюда, хотя ко дню, который Ваше благочестие установило для епископского Собора (*concilio episcopali*), никакая возможность не позволяет мне прибыть, поскольку и никаких примеров в этом отношении ранее не имелось, и обстоятельства времени не допускают, чтобы я покинул город, тем более что дело веры настолько очевидно, что было бы разумнее воздержаться от созыва Собора (*ab indicenda synodo*); однако поскольку господин благоволил приказать, я направил свое усердие к тому, чтобы постановления Вашей милости в какой-то степени выказать повиновение, и отрядил отсюда своих братьев, которых будет достаточно для усекновения соблазнов согласно существу дела и которые будут исполнять мое присутствие, поскольку не таков возник вопрос, относительно которого может или должно быть сомнение»³⁶.

Тональность письма представляется нам гораздо менее почтительной нежели в письме августе Пульхерии³⁷. Понтифик не уточняет, какие конкретно причины удерживают его в Риме, однако не скрывает, что, во-первых, прибытие епископа Римского на Собор не в обычае и не имеет прецедентов, а во-вторых — он не считает проведение

³⁵ См.: *Caspar E. Geschichte des Papsttums...* Bd. 1. S. 482; *Jalland T. The Life and Times...* P. 231–232.

³⁶ АСО. II.4. P. 17.25–18.3. Немецкий перевод пассажа см. в: *Caspar E. Geschichte des Papsttums...* Bd. 1. S. 482.

³⁷ Противоположного мнения придерживается, к примеру, Ш. Хорн: *Horn St.O. Petrou Kathedra...* S. 44 («Тон письма, особенно, конечно, во вступлении, ... был в высшей степени вежливым и заискивающим»).

Собора целесообразным и соответствующим важности дела. Несмотря на указание, что от императора поступило повеление, он не спешит исполнить его в предписанном виде, удовлетворяясь отсылкой легатов: именно маловажность и несомненность дела, по мнению Льва, делает достаточным присутствие его представителей. Без сомнений, такой подход характеризует восприятие римским епископом своего места: он считает себя вправе самому регулировать способ своего участия в соборных разбирательствах. В то время как остальные приглашенные предстоятели были обязаны явиться лично под угрозой наказания, римский епископ считал допустимым выбирать, в какой мере он подчинится повелению Феодосия. Можно понимать это так, что Лев считал себя выше прочих иерархов, однако здесь имеется и другой момент: формально римский епископ находился в юрисдикции западного императора и тем самым исполнение повелений восточного, тем более, касающихся территорий под его юрисдикцией, было для него факультативным. Впрочем, полное пренебрежение такими повелениями было бы ненужным вызовом восточному императору со стороны папы и, кроме того, выводило бы территории восточной империи целиком из-под влияния римского понтифика. Тем не менее, нельзя не отметить, что его вовлечение в дела Востока происходило либо по прямому повелению императора³⁸, либо в тех рамках, которые император задавал. Письмо Льва к Феодосию от 20 июня 449 г., так же, как и всё дело Евтиха, является, по нашему мнению, яркой иллюстрацией именно этого принципа.

На этом заканчивается сохранившаяся серия писем, составленных в период 13–20 июня 449 г.³⁹ За время до начала Собора в Эфесе, открытие которого было назначено императором на 1 августа 449 г., в нашем распоряжении имеются еще два коротких письма Льва к Флавиану Константинопольскому. В первом, от 23 июля 449 г., Лев сообщает о получении писем последнего после того, как посланники папы отбыли на Восток. По словам папы, письмо столичного предстоятеля содержало мало нового, а то, что было нового, передал на словах посланник Флавиана диакон Василий. Лев ободряет Флавиана и еще раз кратко озвучивает свою позицию по делу Евтиха, напоминая, что основное он изложил

³⁸ Вмешательство в дело Иоанна Златоуста, к примеру, имело место с подачи западного императора Гонория.

³⁹ Ее краткую характеристику см. в: *Horn St.O. Petrou Kathedra...* S. 41.

в своем «Томосе». Большой тревогой отмечено следующее письмо, составленное папой уже 11 августа: «Твое молчание увеличивает нашу озабоченность, — писал папа, — поскольку уже долго мы не получали никаких писаний твоей любви, хотя мы, участники твоих усилий, будучи озабочены защитой веры, часто по удобным поводам отправляли твоей любви письма, чтобы помогать тебе утешениями наших ободрений (*adhortationum nostrarum consolationibus*), дабы ты в защите веры не уступал уязвлениям противников, одобряя нас как участников твоего труда»⁴⁰. Лев напоминает ему о письмах и устных инструкциях, отправленных с константинопольским диаконом Василием, и просит «со всей поспешностью» (*tota celeritate*) сообщить ему «о твоих действиях, [действиях] наших [посланников] и об исходе всего дела»⁴¹.

В заключении отметим, что послания папы Льва Великого, составленные летом 449 г. в самом преддверии уже объявленного императором Феодосием Вселенского собора в Эфесе, четко обозначают позицию римского епископа в отношении предстоящих событий. В посланиях лета 449 г. Лев подтверждал приверженность своей позиции относительно дела Евтиха, зафиксированной в переписке первой половины года: Евтих должен отказаться от своих заблуждений и принести покаяние; решение лежащего в основе дела Евтиха вероучительного спора должно было произойти на основе послания Льва к Флавиану — пресловутого «Томоса». Сам папа не намеревался прибывать на Собор, однако его посланники должны были наравне с прочими участниками Собора произвести суд в желательном для римского епископа духе. Председательство легатов в соборных заседаниях не предполагалось, однако их особый статус как представителей «престола святого Петра» должен был придать собранию особый авторитет. Руководящая роль во всем процессе признавалась за императором.

⁴⁰ АСО. II.4. Р. 18.30–19.3.

⁴¹ АСО. II.4. Р. 19.7–8: *de tuis actibus nostrorumque et de totius causae absolute...* См. в: *Horn St.O. Petrou Kathedra...* S. 41–42.

Д. А. Черноглазов
Санкт-Петербургский гос. университет

Почему монархия не должна быть наследственной? Византийская политическая мысль XIII в. в изложении Георгия Пахимера

Византийский историк Георгий Пахимер (1242 – ок. 1310) — одна из интереснейших фигур в византийской литературе эпохи первых Палеологов, историограф, оратор и ученый-гуманист. Его исторический труд, написанный в конце первой декады XIV в., хорошо известен, опубликован в критическом издании, переведен на французский, а частично и на русский язык, но в то же время остается малоизученным¹ — как в плане интерпретации отдельных эпизодов, так и в оценке мировоззрения, политических и философских взглядов историка, наконец, его литературных вкусов. В рамках настоящей статьи мы обратимся к концу первой и началу второй книги «Истории»² Пахимера,

¹ Изд. с французским переводом: *Georges Pachymères. Relations historiques*. Vol. 1–2 / Edd. A. Failler, V. Laurent. Paris: Les Belles Lettres, 1984; Vol. 3–4 / Ed. A. Failler. Paris: Institut Français d'Études Byzantines, 1999. Далее сокр.: ГР. Русский перевод: Георгий Пахимера история о Михаиле и Андронике Палеологах, т. 1 : Царствование Михаила Палеолога, 1255–1282 / перевод под ред. проф. Карпова. — Санкт-Петербург : в Тип. Департамента уделов, 1862. О жизни и творчестве Георгия Пахимера см.: *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. Bd. 1. München: Beck, 1978. S. 447–453; *Λαμπάκης Σ. Γεώργιος Παχυμέρης. Προτοέκδικος και Δικαιολόγος*. Εισαγωγικό Δοκίμιο. Αθήνα: Εθνικό Ίδρυμα Ερευνών, 2004.

² Полное название труда Пахимера, *Συγγραφικαὶ ἱστορίαι*, следует понимать, вероятно, как «Обстоятельная / подробная история», но мы, следуя традиции, сложившейся в отечественной научной литературе, будем пользоваться кратким наименованием «История».

где автор подробно рассказывает о спорах, предварявших возведение на престол Михаила VIII Палеолога (GP. 1. 95.14–115.6; 129.2–135.20). Напомним, что никейский император Феодор Ласкарис умер в 1258 г., оставив малолетнего наследника — сына Иоанна, и властью овладел влиятельный военачальник и вельможа Михаил Палеолог: сперва он был назначен великим дуксом и василеопатором, затем деспотом, а потом уже венчан императором. После этого Иоанн IV Ласкарис был вскоре ослеплен, и Михаил VIII сделался единовластным правителем.

Итак, если верить Пахимеру, по мере восхождения Палеолога на императорский престол среди представителей знати и духовенства шли ожесточенные споры о том, следует ли величать его василеопатором, должно ли давать ему высочайший титул деспота и, наконец, надлежит ли венчать его василевсом. Эти дискуссии — если верить рассказу Георгия Пахимера — вылились в теоретические рассуждения о преимуществах монархии над остальными формами государственного устройства (GP. 1. 107.23–111.12), об изъянах наследственного принципа передачи власти (GP. 1. 129.2–131.6), об опасностях двоевластия, сопряженных с назначением соправителя, и, вообще, о психологии правителя (GP. 1. 133.7–25). Содержание прений, детально изложенных Пахимером, еще не становилось предметом исследования в контексте византийской политической мысли. В данной статье мы сконцентрируемся лишь на одном тезисе, высказанном в пользу коронации Михаила Палеолога: императорская власть должна не передаваться по наследству, а вверяться по воле подданных и в награду за подвиги и добродетели. Очевидно, этот тезис призван был подчеркнуть превосходство Михаила Палеолога, которого предстояло избрать на царство, над Иоанном IV Ласкарисом, получившим власть по наследству от отца. Мы постараемся показать, что эта мысль была новаторской для своего времени, но предвосхищала дальнейшее развитие византийской политической мысли, и что сам этот пассаж в «Истории» Пахимера, писавшийся уже в начале XIV столетия, приобрел в это время новую актуальность, недвусмысленно указывая на современные политические реалии.

Процитируем весь пассаж истории, где излагается и аргументируется этот тезис:

«[Они говорили]³, что лучшая царская власть — не родовая (τὴν ἀπὸ γένους) и не наследственная (τὴν κληροτήν), которая по некоему скольжению судьбы (ὀλίσθῃ τύχῃ τινί) может достаться и недостойному и которой зачастую тайно овладевают даже наихудшие люди, каких хороший правитель не счел бы пригодными даже оказаться в числе подданных. [Так вот, лучшая царская власть — не такая], а которая дается исходя из добродетели и самой тщательной проверки со стороны тех, кем [правителю] предстоит управлять. Такое правление и полезно множеству, ибо получившие власть выказали то, ради чего их призвали. Того, кто стал врачом по случаю или по происхождению, мы не почитаем заслуживающим доверия в том, чтобы излечить страждущих. А если мы судя по происхождению выберем кормчего, то мы поставим во главе корабля, скорее, потопителя, чем кормчего. Есть опасность, что тот, кто для того, чтобы хорошо царствовать, особенно нуждается в очищении, или же в воспитании, будет в высшей степени нечист, ибо, только родившись, он оказывается среди царской неги и роскоши, лезть подстерегает его, истина изгоняется и наихудшее восхваляется как наилучшее. Когда, как гласит древнее слово, от льстецов можно было услышать, что правящий и одновременно страждущий и кашляет благозвучно, то стоило кому-нибудь сказать хоть слово в наставление, его обвиняли в безрассудстве и порочности, понимая поучение как приказание. Те же, кто недоволен происходящим, ничуть не меньше льстят, сверх меры возвеличивая правителя и приумножая его гордыню. Те же, [то есть, правители], словно на сцене надевая различные маски, считают происхождение залогом наилучшего царствования, будто уже в самом зачатии содержатся некие царственные силы, [приводящие] к лучшему правлению» (GP. 1. 129.8–131.6).

Итак, утверждается, что выборная монархия для государства и подданных полезнее, чем наследственная. Критика наследственной власти подкрепляется двумя аргументами. Во-первых, сын императора может оказаться как достойным человеком, так и не достойным, его качества зависят от случая — равно как сын врача не обязательно будет

³ Такого мнения придерживались «многие и значительные» (GP. 1. 129.6) лица, выступавшие за то, чтобы Михаил Палеолог был венчан императором — Пахимер не уточняет, идет ли речь о мирянах, о духовенстве, или о тех и других.

хорошим врачом, а сын кормчего — не обязательно хорошим кормчим. Второй аргумент еще более весомый: дети правителей часто не получают правильного воспитания, поскольку растут в атмосфере роскоши и лести. Не вдаваясь в античные и ранневизантийские корни этой позиции, отметим лишь, что первый из двух приведенных аргументов был изложен Аристотелем в «Политике» как изъян монархии вообще — философу не кажется вероятным, что правитель воздержится от передачи власти собственным детям:

«Если кто-либо признал бы, что наилучший вид правления для государств — царская власть, то возникает вопрос, как быть с царскими детьми. Что же, и потомство также должно царствовать? Но ведь если среди него окажутся такие люди, каким уже случалось быть, то это будет пагубно. В этом случае пусть царь, раз он имеет в своих руках полноту власти, не передает власть таким детям. Однако в этом деле не так легко ему довериться, ибо оно затруднительно само по себе и требует от человека большей добродетели, чем это свойственно человеческой природе»⁴.

Однако обратимся к византийским памятникам XI–XIII вв. и попытаемся выяснить, насколько такая идея присуща политической мысли комниновской, никейской и раннепалеологовской эпохи.

Сразу следует отметить, что в историографии и риторических текстах — в основном, в энкаммах императорам — можно обнаружить ряд параллелей с приведенным пассажем из «Истории» Пахимера: тоже допускается, что императорская власть может, а иногда и должна передаваться в награду за добродетель и в результате волеизъявления подданных; тоже противопоставляются два принципа передачи власти — по наследству и в награду за достоинства или подвиги; в некоторых речах, в основном, посвященных Михаилу VIII Палеологу, подчеркивается, что он был избран на престол своими подданными⁵. Однако даже на этом фоне идея, выраженная в процитированном отрывке, воспринимается как необычная и новаторская. В чем

⁴ Arist. Pol. 1286b, цит. в переводе С. А. Жебелева.

⁵ Некоторые из этих параллелей указаны в кн.: *Angelov D. Imperial Ideology and Political Thought in Byzantium, 1204–1330*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 125–132.

рассуждение, переданное Георгием Пахимером, расходится с предшествующей традицией, покажут три примера.

Первый пример, к которому мы обратимся, относится еще к самому началу комниновской эпохи — это трактат «Царское воспитание» Феофилакта Охридского, который, противопоставляя законного василевса тирану, утверждает, что законный монарх «обретает власть не силой, обогрив одежды кровью, а по благоволению множества [людей] и при стечении народа благоразумном и благожелательном — ведь он принимает царство как награду за добродетель и все уступают лучшее лучшему. Так и у пчел царь обладает природным преимуществом и все множество [пчел] назначает его правителем»⁶. Как и в тексте Пахимера, в трактате Феофилакта формулируется идеал правителя, избираемого подданными в награду за свои достоинства, но этот правитель противопоставляется отнюдь не наследнику престола, получившему власть от отца, а тирану, захватившему ее силой. Вопрос о правомерности наследственной монархии в этом тексте вовсе не обсуждается.

Вторым примером, относящимся уже к XII в., станет известный пассаж из исторического труда Иоанна Киннама. Пространное рассуждение о престолонаследии вкладывается в уста императора Иоанна II Комнина, который на смертном одре обращается с речью к подданным и разъясняет, почему императорская власть будет передана младшему сыну Мануилу в обход старшего Исаака. Иоанн говорит следующее:

«Поскольку уже и многим другим из правивших у нас царей было угодно передавать власть своим детям как некое отеческое наследие (ὁπότερ τινα κληρον πατρῷον) — и я сознаю, что воспринял эту власть от отца-царя, да и каждому из вас известно об этом то же, что и мне — потому, стало быть, вы и считаете, что я, как вы видите, достигнув предела настоящей жизни, передам эту власть и престол тому из двух оставшихся у меня сыновей, который обладает первенством по возрасту, как это принято у людей (ὥστερ ἀνθρώποις νόμος ἐστίν). Я же настолько пекусь о вас, что даже если это дело исходя из добродетели не подобало бы ни одному из упомянутых сыновей, я бы избрал того, кто пришелся бы по душе и мне, и вам. Ведь ни давшему, ни воспринявшему не будет

⁶ Theophylacte d'Achrida. Discours, Traités, Poésies / Ed. P. Gautier. Thessalonica: Association for Byzantine Research, 1980. P. 199. 28–32.

полезно, если кормчий по невежеству потопит корабль, или же, скорее, погибнет сам вместе с даром, а обвинит того, кто не к добру одарил его. Я считаю, что одаривать невежество — безрассудно и вовсе не здраво. Вот как я к вам расположен, а свидетельство тому — что ради вашей пользы я готов нарушить даже закон природы (φύσιν ἀδικήσων ἰδοὺ λόρεται)! Оба мои сына хороши, но один из них опережает другого по возрасту. Мысль же [моя], отринув старшинство, ищет наилучшего и убеждает меня сопоставить добродетель с добродетелью... А так как наилучшему должно быть и воздаваемо наилучшее — выше же царства что иное можно поставить? — то, хоть я желал бы, мужи-соратники, чтобы к старшинству по времени присоединялось еще и совершенство в добродетели, но мнение склоняется к [избранию] младшего, ведь и мерилу царской власти он соответствует лучше»⁷.

Далее император выражает опасение, что его суждение может оказаться пристрастным, и призывает собравшихся вместе обсудить кандидатуру Мануила. Речь завершается краткой похвальной характеристикой будущего самодержца и упоминанием о знамениях, указавших на его воцарение.

Итак, в речи Иоанна II Комнина представлены две «конкурирующие» модели престолонаследия — передача власти от отца к старшему сыну и избрание на престол «исходя из добродетели» и при участии подданных (в данном случае — высших должностных лиц, вельмож и военачальников, собравшихся у царской постели). Император склоняется ко второй модели и потому предлагает кандидатуру своего младшего сына Мануила, причем, как смело утверждает Иоанн II, будь и Мануил не способен управлять государством, на престол мог бы быть избран любой иной достойный человек⁸. При этом, если

⁷ Joannis Cinnami epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum / Ed. A. Meineke. Bonn: Weber, 1836. P. 26. 6–27.8.

⁸ Следует отметить, что в передаче Никиты Хониата речь Иоанна II не содержит того допущения, что власть могла бы быть передана кому-либо другому, помимо сыновей. Но косвенное указание на принцип выборной монархии можно усмотреть и здесь: Иоанн II говорит, что подданные «возлагают выбор» между двумя его сыновьями «не на себя, а на его решение» (Nicetae Choniatae historia, pars prior / Ed. J. van Dieten. Berlin: De Gruyter, 1975. P. 44. 3–4). О соотношении текстов исторических сочинений Иоанна Киннама и Никиты Хониата, в частности, в этом эпизоде, см.: *Каждан А.П.* Еще раз о Киннаме и Никите Хониате // BS. 1963. Т. 24. С. 4–31.

принцип «власть как воздаяние за добродетель» подкрепляется двумя аргументами (не следует доверять корабль плохому кормчему, «наилучшему следует воздать наилучшее»), то принцип передачи власти от отца к старшему сыну не подвергается критике и не ставится под сомнение — он трактуется как природный закон, чья правомерность признана и императором, и его окружением, и отступление от этого закона возможно лишь в исключительном случае — если наследник не обладает качествами хорошего правителя — и понимается как знак особой заботы императора о подданных, что Иоанн II подчеркивает дважды.

Третьим примером послужит пассаж из речи Никиты Хониата, адресованной Феодору I Ласкарису. Рассуждая о том, как Феодор стяжал императорскую власть, Никита говорит следующее:

«...не по преемству рода, а в награду за добродетель, труды и ранения воспринял ты от Бога царскую власть. Ведь и свойство с императором, и блеск и знатность рода, и то, что ты лишь немного уступал Ангелам, владевшим скипетром — все это призывало тебя к царской власти и ставило выше всех; но, когда дела сложились иначе и пестрая смесь народов Запада овладела первейшим и прекраснейшим из городов, и наша знать рассеялась кто куда — все заботились о спасении жизни и одни переселились, а иные остались на родине, но не помогали ей, а скорее наносили ущерб и еще больше себя позорили тем, что они добровольно склонялись пред господствующими народами и ради куска хлеба и пригоршни монет подло продавали свободу — и время разве что не словами вещало, подобно громогласному глашатаю, что царская власть [ныне] являет собой не игральное судьи, не наследство по роду, а дар за мужество и награду за многие труды, [когда все это произошло], ты единственный из всех противостал всеобщим настроениям»⁹.

Вновь, как и в речи Иоанна II Комнина, противопоставляются два принципа наследования императорской власти — по преемству рода и в награду за добродетель. Подчеркивается, что Ласкарис получил власть по второму принципу, то есть в награду за добродетель, но это не значит, что первый принцип, по преемству рода,

⁹ Nicetae Choniatae orationes et epistulae / Ed. J. van Dieten. Berlin: De Gruyter, 1972. P. 130.28–131.7.

является ошибочным или порочным. Феодор Ласкарис мог бы претендовать на престол и в силу своего происхождения (Никита намекает на то, что он был женат на дочери Алексея III Ангела), но трагическая судьба империи сложилась так, что власть предстояло завоевывать трудами и мужеством, и Ласкарис стал единственным, кто на это отважился. В отличие от Пахимера — вернее, персонажей его «Истории», ратовавших за венчание Палеолога — Хониат не произносит ни слова критики в адрес наследственной монархии. Для него это столь же закономерный путь к власти, как и выборная монархия или монархия как награда за труды и доблесть. Сходным образом дело обстоит и с другими подобными суждениями, которые можно найти в речах Михаила Хониата, Мануила Оловола и других ораторов¹⁰.

Итак, идея наследственной монархии, глубоко укоренившаяся в сознании византийцев того времени¹¹, все же не безраздельно господствовала в идеологии и политической мысли XII–XIII вв., и параллельно с ней существовал принцип «власть как награда за добродетель», зачатку соединявшийся с идеей выборной монархии. Но мысль, выраженная в «Истории» Пахимера — мысль об ущербности наследственного принципа как такового и превосходстве монархии выборной — для риторики XII и XIII вв. совершенно нетипична. Размышления на ту же тему, приводящие к сходным выводам — насколько мы можем судить — появляются лишь в текстах середины и второй половины XIV в. В первую очередь, это «Ромейская история» Никифора Григоры и жизнеописание Иоанна III Дуки Ватаца, составленное малоизвестным автором Георгием Пелагонийским во второй половине XIV столетия¹².

¹⁰ Михаил Хониат в энкомии Исааку II Ангелу противопоставляет два способа престолонаследия, по преемству рода и в награду за добродетель или волею судеб, но ни один из них не ставится выше другого: Μιχαὴλ Ἀκομινάτου τοῦ Χωνιάτου τὰ σοφώμενα / Ἐκδ. Σ.Π. Λάμπρος. Τ. 1. Ἀθήνα, 1879. Σ. 170.27–171.7. В речи Мануила Оловола и в речи неизвестного оратора, адресованных Михаилу VIII Палеологу, наследственный принцип вообще не упоминается, а власть, обретенная в награду за добродетель, противопоставляется власти, полученной случайно: Manuelis Holoboli orationes / Ed. M. Treu. Potsdam 1906. P. 38. 3–5; Previale L. Un Panegirico inedito per Michele VIII Paleologo // BZ. 1943–49. Bd. 42. S. 20. 6–7.

¹¹ Об идее наследственной монархии в Византии см.: *Медведев И.П.* Правовая культура Византийской империи. СПб: Алетейя, 2001. С. 43–57.

¹² Помимо сочинений Никифора Григоры и Георгия Пелагонийского см. также энкомий Матфею Кантакузину, написанный Николаем Кавасилой. По словам

В «Ромейской истории» критика престолонаследия от отца к сыну выражена косвенно — она формулируется не от имени автора, а излагается как мнение Иоанна III Дуки Ватаца, никейского императора, который для Георгия Пахимера, Никифора Григоры и других авторов XIV в. служил парадигмой идеального правителя¹³. Строго говоря, критика касается не наследственной монархии как таковой, а института соправительства, но следует иметь в виду, что эта практика и служила в Византии основным механизмом передачи власти в пределах одной семьи¹⁴. Итак, по воле Иоанна III, его сын Феодор — будущий император Феодор II Ласкарис — не был назначен соправителем при его жизни, «пока еще не было известно добровольное решение и произволение подданных», но был провозглашен уже после его смерти «при стечении всего войска и всех, кто были знатны и благородны»¹⁵. Это необычное решение (которое император, возможно, и не принимал¹⁶) объясняется так:

«...он не счел должным сам, еще при жизни, назначить сына императором — устранением надежды укрощая непостоянство юности, а также потому, что многие по малодушию и желанию [завладеть] наследством, тяготились долгожительством отцов, а затем, не дождавшись неизбежного, пресекали жизненный путь отца и лишали его настоящей жизни. Кроме того, и большинство народа много раз называли тираном того, кто

Николая, Матфей получил власть намного в большей степени благодаря добродетели, чем благодаря происхождению — ведь хвалиться царственными предками приусе и порочным людям, а «те, кто выпендрено разглагольствуют о своем роде, устыдились бы и вопроса о нравах и подобающей правителям добродетели» (*Jugie M. Nicolas Cabasilas, Panegyriques inédits de Mathieu Cantacuzène et d'Anne Paléologue // ИРАИК. 1911. Т. 15. С. 117. 6–10*). Так принцип «власть в награду за добродетель» отчетливо ставится выше династического принципа передачи власти.

¹³ В эпоху ранних Палеологов сформировался также культ императора «Иоанна Милостивого» как святого. См.: *Angelov D.* Imperial Ideology... P. 267–269.

¹⁴ Об институте соправительства в поздней Византии см.: *Куц Т.В.* Соправительство и проблема престолонаследия в контексте династической борьбы в Византии XIV в. // Византийские очерки: Труды российских ученых к XXIII Международному конгрессу византистов. СПб., 2016. С. 121–133.

¹⁵ *Nicephori Gregorae historiae Byzantinae / Ed. I. Bekker, L. Schopen. T. 1. Bonn: Weber, 1829. P. 53. 3–5; 9–10.*

¹⁶ Источники содержат противоречивые свидетельства о том, был ли Феодор II провозглашен императором до смерти отца. См. *Angelov D.* Imperial Ideology... P. 117.

пришел к власти, если он не был избран их добровольным решением, и потому ему завидовали и оскорбляли его поначалу сквозь зубы и исподтишка, а затем, наконец, доходили до злоумышлений и убийств»¹⁷.

Итак, по мнению Иоанна III Дуки (как его представляет Никифор Григора), сын не должен назначаться соправителем отца еще при его жизни — ибо тогда он может замыслить переворот — и, что наиболее важно, его кандидатура обязательно должна быть поддержана подданными. То, что наследник — сын императора, еще не достаточное условие его легитимности в глазах подданных. Если их мнения не спросят, они будут считать его тираном, то есть узурпатором. Ватац отказывается от сугубо наследственного принципа передачи власти, и этот отказ подробно аргументируется: наследственная монархия представляется непрочной — как для отца, который назначил себе сына соправителем, так и для самого преемника, которого подданные могут низложить как тирана. Так, в «Ромейской истории» Никифора Григоры — устами Иоанна III Дуки Ватаца — тоже звучит критика наследственного принципа передачи власти, хотя его недостатки представлены иначе, нежели в «Истории» Георгия Пахимера, и на первое место выдвигается монархия выборная: кандидатура должна быть одобрена волеизъявлением подданных.

Наиболее ярко и отчетливо критика наследственной монархии звучит в жизнеописании того же самого Иоанна III Дуки Ватаца, написанном Георгием Пелагонийским¹⁸. Георгий восхваляет Иоанна III, который, по его словам, стал царем благодаря своим достоинствам, телесным и душевным, и был избран на престол всем народом, и противопоставляет его правителям, получившим власть по наследству. С его точки зрения, «похвалы достоин не тот, кто воспринял власть от отца, а тот, кто был частным человеком, а потом показал себя достойным той должности, которой он по справедливости достиг, будучи избран во власть правотой мысли тех, кто проголосовал за него, а не ворвавшись в нее тираннически»¹⁹. Георгий крайне негативно относится к наследствен-

ной монархии, называя ее «неразумной преемственностью, всю [власть] родителей передающей детям» и «нелепым обычаем». Это негативное отношение обусловлено двумя причинами.

Во-первых, полагает Георгий, сыновья правителей, как правило, дурно воспитаны и развращены: «чаще всего оказывается, что сыновья царей обладают дурным нравом, испорчены роскошью, низкой лестью, пустым тщеславием, рабским безволием и постыдной изнеженностью, и потому нисколько не нужны тем, кто имеет с ними дело, и бесполезны для подданных...»²⁰. Во-вторых, даже у человека, наделенного достоинствами, может быть бездарный сын: «если у кого-то достойный отец, это не означает по необходимости, что и сам он такой же, но можно видеть, что и дети героев, по словам поэта, приносят горе и не достойны не только управлять людьми, но даже пасти скот»²¹. Свою позицию автор противопоставляет мнению, которого придерживаются многие:

«Многие восхищаются царями, [родившимися] от царей, поскольку они наделены благородным происхождением и их род издревле прославлен. Мне же все представляется наоборот — меня восхищает не тот, кто воспринял царство от отца, поскольку в этом отношении господствует нелепый обычай. Ведь многим уже случалось самим незаслуженно облечься этим достоинством, а потом детям, которые еще хуже их, передать по наследству то, что им никоим образом не подобает, поскольку они — как я уже говорил — неумеренны, беспутны, невоспитанны, трусливы, немужественны и одержимы отвратительными наслаждениями»²².

Нетрудно заметить, что для критики наследственной монархии Георгий использует те же аргументы, которые в «Истории» Пахимера звучали в устах тех, кто поддерживал Михаила Палеолога. Однако в сочинении Георгия эти рассуждения помещены в совершенно новый контекст: обличение наследственной монархии, очевидно, обращено против Палеологов, которые к этому времени уже сто лет как владели империей, и власть передавалась по наследству, от отца к сыну.

¹⁷ Ibid. P. 54. 13–23.

¹⁸ О Георгии Пелагонийском и его сочинениях см.: PLPZ. 4117; *Moravcsik G.* Der Verfasser der mittelgriechischen Legende von Johannes dem Barmherzigen // BZ. 1927. Bd. 27. P. 36–39; *Angelov D.* Imperial Ideology... P. 263–267.

¹⁹ *Heisenberg A.* Kaiser Johannes Batatzes der Barmherzige. Eine mittelgriechische Legende // BZ. 1905. Bd. 14. S. 193–233. § 5. 39–43.

²⁰ Ibid. § 5. 7–12.

²¹ Ibid. § 5. 14–17.

²² Ibid. § 5. 31–39.

Итак, критика наследственного принципа передачи власти — если верить Георгию Пахимеру — впервые появляется в политических спорах в середине XIII в., а затем развивается уже в середине следующего столетия. Но можем ли мы полностью полагаться на свидетельство историографа? Нам неизвестно, в какой мере его «История», которую он писал уже в XIV в., то есть полвека спустя, отражала реальную полемику пятидесятилетней давности. Мог ли он по-новому изложить те дискуссии или как-нибудь переставить акценты? Конечно, мог, но не в наших силах об этом сколько-нибудь точно судить. Мы можем утверждать лишь две вещи. Во-первых, историк уделил этой теме много внимания, потому что она была явно ему интересна и важна в контексте его обширного исторического полотна. Во-вторых, рассуждение о недостатках наследственной монархии в XIV в. приобрело новую актуальность, совершенно отчетливую в устах критика династии Палеологов, такого как Георгий Пахимер, а затем Георгий Пелагонийский. Ведь «родовая и наследственная власть», которую в «Истории» Пахимера обличают сторонники Михаила VIII Палеолога — тот самый принцип передачи власти, который впоследствии в полной мере использовался самими Палеологами: Михаил VIII в 1272 г. венчал на царство своего сына Андроника II, а Андроник II уже в 1294 г. назначил соправителем своего сына Михаила IX, а потом, около 1310 г. — и своего внука Андроника III, что в дальнейшем привело к междоусобной войне между внуком и дедом. Альтернативный принцип престолонаследия — путем избрания достойнейшего — Пахимер формулирует, но не от первого лица: он вкладывает эту идею в уста сторонников воздвижения Палеолога. То есть, получается, что против системы престолонаследия, укоренившейся в эпоху Палеологов, свидетельствуют сторонники основателя этой династии, Михаила VIII. Столь явный парадокс придает словам Пахимера особенно яркий риторический эффект. Потому, наверное, историк и уделяет внимание этой теме — высказывания сторонников Палеолога превращаются в слабо завуалированную критику основанной им династии.

Н.П. Чеснокова
Институт всеобщей истории РАН (Москва)

Томос патриарха Михаила Анхиала 1171 г. в династической политике Мануила Комнина

Один из разделов монографии И.П. Медведева «Правовая культура Византийской империи» озаглавлен так: «Был ли в Византии закон о престолонаследии?»¹. Он посвящен постановлению Константинопольского собора 24 марта 1171 г.² о принесении письменной присяги патриархом и архиереями на верность императору Мануилу I (1143–1180), а также его наследнику Алексею II (1180–1183). Греческий текст акта был издан еще в конце XIX в.³, однако, по свидетельству Игоря Павловича, он не привлекал внимания исследователей в качестве писаного закона о наследовании высшей власти⁴. Ученый перевел основные положения томоса патриарха Михаила Анхиала (1170–1178) и тщательно проанализировал его. Суть постановления сводится к следующему.

Высшие иерархи вслед за патриархом поклялись хранить верность императору Мануилу Комнину, в случае же его кончины без новой присяги — его сыну и наследнику Алексею. Если на момент смерти

¹ Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. СПб.: Алетея, 2001. С. 43–57.

² Grumel V. Les registres des actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. I: Les actes des patriarches. Fasc. II et III: Les registres de 715 à 1206 / 2ème éd. par J. Darrouzès. P., 1989. № 1120.

³ Павлов А. Синодальный акт константинопольского патриарха Михаила Анхиала 1171 г. о приведении к присяге на верность императору Мануилу Комнину и его новорожденному сыну Алексею с формой присяги // ВВ. 1895. Т. 2. С. 388–393; Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α. Ανάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας. Ἐν Πέτρουπόλει, 1897. Τ. 4. Σ. 109–113.

⁴ Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. С. 51.

Мануила наследнику не исполнится 16 лет, архиереи обещали повиноваться воле его матери, августы Марии Антиохийской, при условии, что та примет постриг и будет опекать сына до совершеннолетия. Если в будущем у Алексея не окажется детей, а у Мануила останется другой наследник мужского пола, то автократом (даже до коронования) будет считаться последний. В случае если августа скончается или если она не выполнит оговоренных выше условий, то патриарх освобождается от присяги на верность вдове императора, но сохраняет преданность его преемнику и обязуется подчиняться воле людей, которым правящий ныне василевс доверит воспитание сына. Если и назначенных им людей не останется в живых, то патриарх будет подчиняться тем, кого изберут общим решением. Здесь И.П. Медведев задается вопросом, могло ли такое решение быть принято синклитом.

Когда же не останется наследников по мужской линии, патриарх должен подчиниться письменному или устному распоряжению Мануила I относительно его старшей дочери Марии, или другой дочери, которая, возможно, появится на свет. При этом право на престол для дочерей обуславливалось браком с человеком, который должен быть верным ромейскому государству и церкви. В целом, И.П. Медведев считал, что несмотря на «привязанность к конкретным персонам»⁵, постановление 1171 г. является законом о престолонаследии, предусматривавшем переход императорской власти по мужской линии в соответствии со старшинством, а в случае ее пресечения — к наследницам-женщинам той же семьи.

Обращаясь еще раз к томосу патриарха Михаила III, необходимо ответить на несколько вопросов: какова была конкретная ситуация в императорской семье, были ли у подписантов акта, начиная с патриарха, условия для выполнения клятвы, и наконец, можно ли считать данное постановление законом о престолонаследии, хотя и с некоторыми оговорками.

Факт утверждения в Византии наследственной монархии со времен Македонской династии в историографии сомнений не вызывает. Исследователи справедливо отмечают также укоренившееся в общественном сознании предпочтительное право на престол первородного сына, хотя и старшие дочери могли претендовать на власть. И последнее обстоятельство, на наш взгляд, весьма немаловажно в династической

практике Комнинов, особенно в правление второго и третьего императоров династии.

Появление акта 1171 г. было продиктовано стремлением Мануила I оградить наследственные интересы своего сына, особенно, если учесть конкретные обстоятельства в императорской семье: наследнику василевса на тот момент было полтора года, а самому Мануилу больше пятидесяти двух лет. Кроме того, у Мануила была старшая дочь от первого брака, порфирородная кесарисса Мария. Ей и ее жениху Алексею Венгерскому уже была принесена присяга как преемникам власти автократора. После рождения сына эта клятва утрачивает силу, император расстраивает помолвку дочери, а обещание верности он «переносит» (μετατίθησι), как выразился Никита Хониат, на наследника⁶. В семье должны были хорошо помнить борьбу за власть отца Мануила, Иоанна II, со старшей сестрой Анной, а также открытую неприязнь последней к брату Иоанну и его сыну Мануилу. С другой стороны, и старшего сына василевса судьба не всегда приводила на трон. В вопросах престолонаследия определяющую роль играла воля императора-отца. Сам Мануил получил власть именно таким образом.

Умирая в военном походе от раны, Иоанн II уже потерял старших сыновей — Алексея (1106–1142)⁷, своего соправителя, и Андроника (1108–1142)⁸. В этих условиях он предпочел назначить наследником престола Мануила, родившегося в 1118 г., который оставался при отце в войсках, в обход его брата Исаака (1113 – после 1154)⁹, находившегося в Константинополе. Принято считать, что Мануил I достиг власти без проблем¹⁰. Однако это утверждение не вполне справедливо. Как пишет Никита Хониат, именно Исаак имел право на трон по своему рождению, т.к. пережил других старших братьев. К тому же он обитал

⁶ Nicetae Choniatae Historia / Rec. I. A. Van Dieten. Berlin; New York: De Gruyter, 1975. Vol. 1. P. 169. 6–8. Об обычае принесения присяги в Византии см.: Svoronos N.G. Le serment de fidélité à l'empereur byzantin et sa signification constitutionnelle // Revue des Études Byzantines. 1951. Vol. 9. P. 106–142.

⁷ Здесь и далее подробные биографии Комнинов см. в монографии К. Варзоса (Βαρζός Κ. Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν. Τόμ. Α'. Θεσσαλονίκη, 1984. № 74).

⁸ Βαρζός Κ. Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν. № 76.

⁹ Βαρζός Κ. Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν. № 78.

¹⁰ См., например: Bellinger A. R., Grierson P. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Dumbarton Oaks, 1996. Vol. IV. P. 244–245.

⁵ Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. С. 55.

в столичном дворце, где хранилась казна и царские инсигнии. Поэтому во избежание возможной борьбы за власть Исаак был на время удален в монастырь Пантократора, и только ограничивался жалобами на несправедливое решение своего отца.

Что касается Марии, старшей дочери Мануила I, то в отличие от Анны Комнины, сестры своего деда, она не высказывала претензий на власть, по крайней мере, историки ее в этом не обвиняют. Но не кто иной как Мария выступила против своей мачехи и ее фаворита, а затем вызвала из провинции в столицу двоюродного дядю Андроника. Причины такого решения источники не объясняют, между тем будущий император Андроник I не только приходился Алексею II двоюродным дядей, но оставался единственным ближайшим к юному василевсу и по родству, и по старшинству. Он был сыном Исаака Комнина¹¹, дяди Мануила I, и являлся единственным последним потомком основателя династии по мужской линии в третьем поколении.

Других мужчин этого поколения рода Алексея I в источниках мы не встречаем. Упомянутый выше родной брат Мануила I, Исаак Комнин, считавшийся до 1143 г. наследником трона, но лишенный этого статуса по воле Иоанна II, в дальнейшем не появляется на страницах исторических сочинений как соискатель престола. Да и Иоанн Комнин¹², старший брат Андроника I и двоюродный брат Мануила I, также не упоминается источниками в этом качестве. Он бежал к сельджукам и, по всей видимости, в начале 80-х годов XII в. вообще отсутствовал в Византии.

При первых трех императорах династии Комнинов представления о передаче власти от отца к сыну стали нормой и были распространены не только среди византийской знати. Согласно источникам, общество в основном принимало установленный порядок престолонаследия. Так, жители провинциальных городов активно поддерживали движение нескольких самозванцев, появившихся один за другим после гибели Алексея II и принявших его имя. Они считали обоснованными права Алексея на отеческий престол как полученные от трех поколений предков¹³.

¹¹ *Varçáz K. 'H γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν.* № 36.

¹² *Varçáz K. 'H γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν.* № 84.

¹³ Чеснокова Н.П. Византийская династическая идея эпохи Комнинов и Ангелов (конец XI—начало XIII в.) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002. М.: Восточная литература, 2004. С. 194–196.

Интересно отметить, что при переходе власти — от Алексея I к Иоанну II, а затем к Мануилу I — потенциальное соперничество со стороны других членов императорской фамилии было практически исключено, поскольку любые попытки оспорить высшую власть, если таковые предпринимались, вели к утрате политического влияния внутри рода. Во всех случаях единственным гарантом прав наследника престола оставался отец-автократор и его ближайшее окружение.

Акт 1171 г., который И.П. Медведев называет «громом с ясного неба»¹⁴, возможно, был не единственным в своем роде. Известно, что Андроник I поддержал избрание патриархом Василия II Каматира (1183–1186), который, как утверждает Никита Хониат, в свою очередь дал письменную клятву во всем повиноваться воле Андроника¹⁵. О сути этого документа можно судить только по краткому и весьма критичному упоминанию историка, хотя вряд ли можно сомневаться в том, что преданность действующему василевсу со стороны патриарха должна была подразумевать и верность его преемнику.

Как известно, письменная клятва патриарха Михаила не спасла жизни Алексею II. Трудно сказать, могла ли она вообще повлиять на судьбу сына Мануила. Текст присяги предусматривал все варианты развития событий с наследниками в императорской семье. Но какими полномочиями обладал патриарх, если указанные в акте требования не будут соблюдены? По-видимому, никакими, кроме морального воздействия на их нарушителей. Во всяком случае, когда бежавшие от гнева вдовы Мануила кесарисса Мария с мужем укрылись в Великой церкви, реакцией со стороны патриарха (уже не Михаила Анхиала, а Феодосия Вордиота, 1179–1183) стало сочувствие к ним и призыв к примирению, хотя иногда патриарх и бранил кесариссу за нежелание идти на уступки мачехе и сводному брату¹⁶. В связи с возникшим волнением в столице никто и не вспомнил, что в соответствии с томосом 1171 г. вдове Мануила надлежало принять постриг и руководить сыном до его совершеннолетия. Вместо этого Мария Антиохийская вступила в связь с племянником покойного мужа, протосевастом Алексеем, усугубив сложные отношения между ближайшими родственниками.

¹⁴ Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. С. 51.

¹⁵ *Nicetae Choniatae Historia.* P. 262. 3–6.

¹⁶ *Nicetae Choniatae Historia.* P. 233. 66–69.

В тексте присяги 1171 г. оговаривалось, что в случае смерти августы или ее недостойного поведения, патриарх должен хранить верность наследнику и тем людям, которым его поручит император Мануил. Но состоялись ли уже эти назначения, или же это ещё только предстояло осуществить? Также не был чётко прописан порядок вступления на престол старшей дочери Мануила. Предполагалось, что император издаст специальное распоряжение по данному вопросу — будь то в письменной или устной форме. Таким образом, в определенных аспектах даже подписанный архиереями акт требовал дополнительных указаний василевса для своей полной легитимности.

Но вернемся к вопросу о том, можно ли соборное решение 1171 г. считать законом о престолонаследии, как полагал И.П. Медведев? При этом он уточнял, что данный акт являлся для Мануила I «обходным маневром»¹⁷. Действительно, император не имел возможности отступить от римской идеи власти¹⁸, например, выпустив по поводу своего преемника императорский хрисовул, составив духовное завещание или добившись некоего постановления синклита. В такой ситуации Мануилу оставалось только заручиться клятвой верности патриарха и высшего духовенства.

Соборный акт 1171 года, как справедливо отмечал И.П. Медведев, действительно представляет собой уникальный памятник византийского права. Особого внимания заслуживает содержащаяся в нем детализация норм наследования престола. Он последовательно регулирует все потенциальные династические коллизии, которые могли возникнуть в семье после кончины Мануила I при несовершеннолетнем наследнике Алексее и при наличии старшей замужней дочери от первого брака кесариссы Марии.

Однако, несмотря на внешние признаки юридического документа, рассматриваемое постановление обладало существенным нормативным недостатком. В отличие от закона оно не содержало конкретных механизмов правового обеспечения, что лишало его положения обязательной силы как для общества в целом, так и для членов императорской фамилии. Неспособность подписантов томоса в силу отсутствия властных полномочий обеспечить исполнение установленных в нем положений, по-видимому, не позволяет рассматривать соборное постановление 24 марта 1171 года в качестве законодательного акта о преемстве высшей власти в Византии.

¹⁷ Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. С. 55.

¹⁸ Там же.

М.В. Бибииков
Институт всеобщей истории РАН (Москва)

Политическая мысль в системе византийской культуры

Византийская культура, как своеобразный феномен в системе мировых цивилизаций, впитала в себя, по крайней мере, три историко-культурных традиции — римского цезаризма, эллинской античной словесности и ближневосточного христианства. Первое сказывалось в самоназвании византийцев — «ромеи» (т.е. дословно «римляне») и их государства — Ромейская (т.е. «Римская») империя, в опоре византийской юридической системы на нормы классического римского права и в особом культе императора, унаследованном из Древнего Рима. Второй момент определялся тем, что Византия занимала территорию греческой культуры или эллинизированных земель — в Малой Азии, на Ближнем Востоке, на островах Средиземноморья и др., что византийская литература в основном, за исключением доюстиниановой поры, была литературой грекоязычной, а с начала VII в. греческий язык становится повсеместно государственным, вытеснив из официального употребления латынь (уже «Новеллы» Юстиниана были созданы по-гречески). Особая роль христианства как государственной религии, начиная с IV в., времени Константина I Великого, проявлялась в византийских периодизациях истории — и в ранневизантийской Хронике Евсевия Кесарийского, и в поздних так называемых Кратких, или Малых, Хрониках, — начинавших «свою» историю со времени правления Константина как историю «христианских императоров» и унаследовавших основные библейские категории в вырабатывавшейся идеологии православия.

Пространство византийской культуры определялось, с одной стороны, постоянными изменениями государственных границ Византийской

империи: они то сужались до пространства балканских территорий и островов в Европе и Анатолии в Малой Азии с утратой Италии и Африки уже в доюстинианову эпоху, Сирии, Палестины, Египта — в эпоху персидского, а затем арабского нашествия, наконец, Малой Азии — под натиском сельджуков, а позже османов, а накануне падения Константинополя в 1453 г. не превышали размеров государства на проливах, включая столицу, и небольших владений на Пелопоннесе и отдельных островах, то вновь раздвигались после отвоеваний Юстинианом итальянских и североафриканских территорий, или после прекращения натиска с востока арабов, персов, аваров, как и после реконкисты Василием Македонянином Подунавья, Армении, Малой Азии с Каппадокией, Антиохией, Иверии, или после восстановления византийской государственности на землях бывших крестоносных империй, графств и княжеств, образовавшихся на византийских территориях после IV Крестового похода и латинского завоевания Константинополя в начале XIII в.

Но это пространство не определялось лишь политическими границами. При всех иноземных вторжениях эллинистическая культура большинства населения региона продолжала жить и развиваться: и Иоанн Дамаскин, творивший при дворе халифа в Дамаске, и богословские традиции отцов-каппадокийцев в подвергавшейся военным вторжениям с востока Каппадокии, как и юридические — в рано утраченном для Византии со всей Сирией Бейруте, а также монашеская практика от киновийного общежития до индивидуальной духовной аскезы исихазма на Афоне при всех многочисленных внешних набегах и завоеваниях, — все это оставалось явлениями византийской культуры, прорывавшей все политические границы.

Византийская культура не только унаследовала от эллинизма пространственную протяженность диаспоры взамен полисной конкретности древнегреческой классики¹, но культивировала и христианский «ойкуменизм». Апеллирующая к ойкумене антитеза мира христиан миру непосвященных не стала прямой заменой оппозиции категорий «эллины» — «варвары». Определенность, стабильность понятия полиса уступила место в византийской мысли неконкретности, абстрактной локализации постулируемой ойкумены. Таков дихотомический

(ромеи — неромеи) принцип описания мира у Константина Багрянородного. Это пространство — будь то у Скилицы, Никиты Хониата или Анны Комниной, — потеряв полисные связи, не обрело подобной четкости и адекватной структуры в средневековом понимании. Оно дифференцировано и противоречиво в своем построении. Так, можно установить несколько уровней воззрений, например, на Древнюю Русь у византийских историков XII–XIII вв.²

Пространство в византийской историографии индивидуализируется в восприятии. Символичность и неконкретность ойкуменической установки восполняется пристальным вниманием к «своей», индивидуальной точке вселенной. Именно это средоточие в пространстве становится лично окрашенным местом притяжения интересов византийского историка. Так, Иоанн Малала особое внимание уделяет Антиохии, Иоанн Каминиат сосредоточен на Солуни, Пселла интересуется императорский двор в Константинополе, Никита Хониат не преминет упомянуть родные Хоны, для Иоанна Киннама придунайские области, где он оказался в военных походах с императором, конкретнее и ближе, чем центр империи. И всё же основной центр пространственных ориентаций, политических интересов — столица на Боспоре. Центром мира назовет ее Дука [Douk. 385.11–14]. И эта гипертрофированная исключительность сама превращается в символ императорской власти, всемирного центра культуры.

Пространство несет и «этическую» нагрузку. Мир земной представляется миром борьбы, противоречий, наконец, миром, являющимся в целом антитезой «небесной гармонии». Дуалистично само восприятие космоса как арены борьбы добра и зла, подвижничества и греха, небесного и земного, духовного и материального.

Итак, историческое пространство византийской культуры при внешнем тождестве этно-географической номенклатуры представляет собой отличную от классической античности систему. На смену скульптурно осязаемому полису, являвшемуся основой пространственных оценок и атрибуций³, приходит доходящий до символизма унивесализм — оборотная сторона партикуляризма. Личное, дифференцированное

² Напр., Бибилов М.В. Древняя Русь и Византия в свете новых и малоизвестных византийских источников // Восточная Европа в древности и средневековье. Сборник в честь В.Т. Пашуто. М., 1978. С. 296–298.

³ Лосев А.Ф. Античная философия истории. М., 1977. С. 49 и след.

¹ Ср.: Beck H.-G. Das byzantinische Jahrtausend. München, 1978. S. 8.

восприятие пространство отражает новый характер социальных связей средневекового общества.

Политическая определенность отчетливо проявляется в социальной составляющей культуры Византии. Эта культура была по преимуществу культурой элитарной, где такие феномены, как «народноязычная» поэзия XII в. Михаила Глики или Феодора (Псевдо-) Продрома, или так называемая Птохопродромика с ее апелляцией к монаршей милости, тоже составляли элементы этой культуры. Придворный этикет византийского менталитета, его концентрация на вкусах двора, на объединение всей греческой культуры средневековья, как в границах империи, так и вне их, идеологемой «ромейского» (а в последние века византийского тысячелетия и реабилитированного «эллинского») патриотизма обуславливают элитарность памятников как византийской изящной словесности, включая поэзию и риторику, или шедевров мелкой пластики, в том числе эмальерного искусства, резьбу по слоновой кости, шелкоткачество и золотое шитье, так и церковно-монастырское искусство создания мозаик и фресковых росписей, архитектурно-строительной техники сооружения дворцов, храмов и монастырей, иллюминирование рукописных книг.

Характер византийской культуры определялся во многом принципами политической идеологии, к которой восходили в Византии основные идеологемы, отличавшиеся от принципов западноевропейского менталитета. Когда в XII в. византийская и западная (в лице крестоносцев) культуры непосредственно сошлись «в очной ставке», то не только рыцарей удивляла размытость социальных границ между властью (в частности, церковной) и паствой, но и византийцы, как например, очевидец событий писатель и императорский секретарь Иоанн Киннам, поражались иерархичностью социальной структуры латинян. Византийская общественная мысль словесно моделируется патриархом Николаем Мистиком, у которого империя представляется общиной, где все жители связаны общностью судьбы, а законодатели относятся к подданным как к детям одного отца — императора. Император, или по-гречески василевс, и его власть были той осью, вокруг которой обращалась культура империи, а ее элитарный характер тем самым не создавал непреодолимых преград для широких слоев общества.

Утверждение императорского культа в Византии, представлявшего собой известную сублимацию идеи власти царя земного, восходящей

к власти Высших сил, в условиях углубления и укоренения христианства в византийской повседневности воплощалось в последовательной христианизации и сакрализации культа василевса. Образы императоров представлялись «священными» и «божественными», мозаичные и рукописные портреты византийских правителей сопровождалась изображениями нимба, освещавшего монаршую главу, а сами василевсы изображались на фресках, мозаиках, миниатюрах, изделиях из слоновой кости, на тканях вместе с Иисусом Христом, Богородицей или святыми Апостолами⁴

Парадигматический образ василевса формировался в Византии благодаря атрибутам — прилагательным при упоминавшемся императоре — в актах ли, в панегириках ли, в церковных здравицах или уличных праздничных аккламациях, которые составляли своего рода категориальный аппарат идеи императорской власти⁵.

Если многие из этих определений имеют античную генетику, то особое значение в византийской императорской идеологии получили христианские атрибуты правителя, правда, отнюдь не сразу. Уже в IV в. Грациан отказывается от сакрального титула *pontifex maximus*, ассоциируемого с языческим культовым термином, но только Юстиниан I в *Edictum de recte fide* 529 г. обретет ту формулу в *intitulatio*, которая станет универсальной маркировкой вероисповедания носителя власти, — «филохристос» (христолюбец). И только его преемник — Юстин II воспримет еще более категоричное определение — *fidelis in Christo*, «верный во Христе». Обе эти категории станут обязательными в течение всего византийского тысячелетия.

Идея божественного происхождения верховной власти, будучи сама по себе римским дериватом, обретает в условиях христианизации новый смысл и форму. Позднеантичная категория *divus*, «божественный», уступает место в прооимонах императорских эдиктов, в легендах императорских печатей и монет формуле *imperator ex Deo*, «император от Бога» (Юстин II, Юстиниан, затем Константин IV, Лев III и др.). Реальным воплощением этого принципа становится двухместный византийский императорский трон, одно из мест

⁴ Грабар А. Император в византийском искусстве. М., 2000. С. 114 и след.

⁵ Röscher G. ONOMA BASILEIAS. Studien zum offiziellen Gebrauch der Kaisertitel in Spätantiker und frühbyzantinischer Zeit. Wien, 1978. S. 41–67.

которого предназначено для осязаемого в проскинезе царя земного, другое — для умозрительного Царя Небесного.

Однако, возвращаясь к Константину Великому, ясно становится видно, что парадигма идеального правителя не была воспринята из позднеантичного арсенала в готовом виде⁶. Можно утверждать, что идея верховной власти христианского императора была выстрадана Византией.

Христианская сакрализация идеи императорской власти подчас приводит к неким раннехристианским уравнилельным реминисценциям: для Агапита — создателя своего рода «Царского зеркала» для Юстиниана, император есть «со-раб» Божий, так же как в общем и все подданные, заверяет диакон Великой Церкви (Agapetus. *Expositio capitum admonitoriorum* [PG 86. 1865. Col. 1184 D]). Идея христианского смирения вырабатывается в связи со становлением православной идеи власти в обстановке борьбы с императорами-иконоборцами. Иоанн Дамаскин — идеолог того, что Г.-Г. Бек определил как «политическая ортодоксия» — понимал благочестие («евсевия») как православие. Не гордись ни происхождением, ни властью, рассуждает он: император, помни о ничтожности своего существования и о том, что и у богатого и у бедного один праотец. Подданные, как и император, — все со-рабы Господа⁷.

Итак, «благочестие», столь нехарактерная категория в самоопределениях времен Константина I, получает широкое распространение в императорской титулатуре V–VII вв., становясь официальным «титолом» при Льве I, который принимает еще и новый царственный атрибут — «теостептос», «боговенчанный», после того, как в 457 г. он был первым из василевсов венчан на царство константинопольским патриархом в столице, что стало с тех пор элементом императорского ритуала, ставшего затем *conditio sine qua non* понятия легитимности власти; а с середины VI в. эта церемония должна была происходить непременно в столичном храме св. Софии.

При иконоборце Льве III (717–741) из «каталога царских достоинств» постепенно исчезают как традиционные римские ценности, так

и христианское благочестие⁸. Тем более показательной в этих условиях становится апелляция к ним православного оппозиционера Феофана Исповедника: для него, как и для Феофилакта Симокатты, Юстин II — прежде всего смиренный правитель и «эвергет», «благодетель».

Существенна и другая решительная перемена образа власти. «Благородство происхождения» императора, столь важная категория в ранней Византии, теперь, с VII–VIII вв. сходит на нет⁹.

Итак, византийская политическая идеология претерпевает существенные изменения уже в первые столетия своей истории. Понятийный, категориальный континуитет императорской номенклатуры обнаруживает, при внимательном рассмотрении динамики взаимоотношений во времени элементов имперской идеологии, сущностный системный дисконтинуитет с наследием эллинистически-римской античности.

Магия власти, импозантность фигуры византийского автократора, высоко возвышавшегося над пирамидой социальной иерархии, — всё это в Византии могло так легко обратиться в прах. И это осознавали, как видно, и сами носители власти. Власть являла собой знак, символ: не случайно каждый византийский император никогда не называл себя (в официальных ли хрисовулах, в частной ли переписке или даже в домашней беседе) в первом лице. О себе он всегда говорил «моя Царственность», словно «отстраняя» (воспользуемся брехтовской терминологией в описании этой исторической драмы) саму идею власти от ее носителя. Характерно, что византийская политическая литература, отнюдь не замыкаясь в рамках сервизма, как это принято порой считать, внесла немалый вклад в критику императоров¹⁰. Однако критике может подвергаться конкретный император — тот или иной человек, но не принцип, не идея, не символика монархической власти.

Осуществляя присущие только ему функции, византийский император символизировал саму власть, ее божественное происхождение: земной правитель был воплощением в земной жизни Высшей власти (двухместный трон, на одной части которого восседал монарх, а на другой лежал крест, был визуальным олицетворением этой

⁶ Чичуров И.С. Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV – начало IX в.) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1981. С. 5–146. 1983, 64–116; *Его же*. Политическая идеология средневековья. Византия и Русь. М., 1990. С. 34 и след.

⁷ Чичуров И.С. Политическая идеология... С. 26–27.

⁸ Там же. С. 30–31.

⁹ Бибилов М.В. Проблемы генезиса и эволюции византийской аристократии // Е.А. Молев (ред.). Медиевистика и социальная работа. Нижний Новгород. С. С. 58.

¹⁰ Tinnfeld F. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Prokop bis Niketas Choniates. München, 1971. Passim.

символики). Император имел эксклюзивное право, как сказали бы теперь, на определенные цвета: пурпур (цвет царской обуви, личной подписи на документах, элементов одежды), золото (блестящих доспехов, парчовых одеяний, императорской печати) и белоснежная чистота (от туники до цвета чистого лица и всего облика, излучающего свет) были идеальными цветами царской власти. Императрицы рожали в специальной палате дворца, стены которой были украшены порфиром. В соответствии с этим дети, рожденные от царствующих династов, назывались Порфирогенитами — Багрянородными, что придавало дополнительный акцент в вопросе о легитимизации власти того или иного правителя.

Апогеем выражения царского величия был византийский императорский церемониал приемов — с глубокой проскинезой визитеров, с использованием техники (рычащие механические львы и поющие искусственные павлины, вздымающийся горе трон и т.п.: кажется, весь византийский технический гений ушел на усовершенствование этих придворных игр). Лиутпранд Кремонский прекрасно описал впечатление от царского приема в византийском дворце (*Liudprandi Antapodosis*. VI.6). Допуск к императору был особой церемонией, включавшей в себя прохождение через многочисленные залы, портики, колоннады дворца, и лишь в самом конце процессии посол устаивался лицезрения правителя.

Обо всем в императорской канцелярии велись подробные записи — о ходе приемов, о суммах дарственных выплат, о ритуальных перемещениях из одной залы в другую, что было аккумулировано в трактате середины X в. под именем императора Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора» [*Const. Porph. Cerem.* I-II. Paris, 1935–1939]. Составлялись и специальные *тактиконы* — обрядники, предписывавшие, кто из придворных чинов и в каком порядке должен занимать места на царских обедах или приемах¹¹.

Василевс выполнял и административно-законодательные функции. Но он не только был законодателем, он сам был воплощением закона, гарантией от произвола: нарушение равновесия между монархической властью и властью закона превращало царскую власть в тиранию.

¹¹ *Oikonomidès N.* Les listes de préséance byzantines des IX-e et X-e siècles. Paris, 1972.

Поддержание законопорядка было равнозначно сохранению традиций. Вот почему, даже осуществляя фактически реформы, византийские императоры называли их так: в нарративной части постановлений указывалось на некие древние традиции, которые почему-то были забыты, но теперь-де восстанавливаются в своих правах. Государственно-юридическая идеология была ориентирована на прошлое, на традиционализм.

В соответствии со своими полномочиями император осуществлял и исполнительные функции. По его приказу творились казни и увечья — отсечение носа, ушей, языка, выжигание волос и бровей, усекновение конечностей (в зависимости от тяжести преступления), о чем подробно написано, например, в 17-ом титуле законодательного текста «Эклоги»¹². Император смещал с должностей, отправлял в ссылку, имел, кажется, неограниченную власть над индивидуумом. Но при этом его власть сама часто бывала желанной мишенью для узурпаторов.

Византийское военное триумфальное шествие отличалось от древне-римского: у Золотых ворот столицы император спешил с колесницы, на которую водружалась икона Богородицы-Одигитрии, и далее монарх пешком или верхом на коне шествовал по Месе вслед за образом, демонстрируя всем, кто был истинным предводителем в бою. Именно таково изображение триумфа на одной из миниатюр рукописи знаменитого Мадридского списка хроники Иоанна Скилицы¹³.

Византийский императорский портрет — на церковных стеновых росписях или мозаиках, в книжных ли миниатюрах или на буллах и аверсах монет — строг и соответствует определенным условным требованиям¹⁴. Он воплощает не столько человеческую индивидуальность, хотя черты внешнего сходства с героем присутствуют, сколько идею — идею императорской власти. Поэтому ничего удивительного с византийской точки зрения не было в знаменитой истории с одной из парадных мозаичных композиций на хорах константинопольского храма св. Софии. Были заказаны и выполнены парные ктиторские портреты

¹² *Das Gesetzbuch Leons III. und Konstantins V* // Hrsg. L. Burgmann. Frankfurt am Main, 1983 S. 226–242.

¹³ *Божков А.* Миниатюры от Мадридский рукописи на Иоан Скилица. София, 1972. С. 113, илл. 67.

¹⁴ *Грабар А.* Император в византийском искусстве. М., 2000. С. 25–50; *Spatharakis I.* The Portrait in Byzantine Illuminated Manuscripts. Leiden, 1976.

в рост императорской четы — багрянородной императрицы Зои и ее мужа-императора. Но Зоя трижды была замужем — за Романом III Аргиром (1028–1034), за Михаилом IV (1034–1041) и, наконец, за Константином VIII. При всех изменениях ни лик, ни фигура не изменялись мозаичистами, — менялась только надпись с именем императора. Это хорошо видно, т.к. длинное слово «Константин» с трудом умещалось в пространстве прежнего соскобленного имени или имен¹⁵ Несответствие формы и толщины букв в написании имени не смущало: таковы были «законы жанра».

Завоевание Константинополя османами во главе с султаном Мехметом II Фатихом 29 мая 1453 г. положило конец истории Византии как государственного организма. Однако этим не была исчерпана история византийской культуры, продолжавшей свою жизнь в новых условиях «туркократии» в поствизантийский период. Продолжала жить Церковь, монастыри Афона, Метеор, Синая. Греческая диаспора принесла плоды византийской образованности, культуры, искусства в страны Средиземноморья, в ренессансную Италию, к славянам, на Русь, в Закавказье.

А. Ю. Виноградов

НИУ Высшая школа экономики (Москва)

Генезис перечней митрополитов России (предварительные наблюдения)

Благодаря Византии на Русь, среди прочего, попал и жанр перечней церковных иерархов, причем сразу в двух вариантах: в составе синодиков¹ и исторических произведений. И как самостоятельные тексты, и как части иных, они оказывали важное влияние на представления о прошлом Русской Церкви. Наиболее ранние из них известны с XIV–XV вв., возникнув в интеллектуальной среде Позднего Средневековья, которую блистательно исследовал И. П. Медведев.

Самые распространенные — несомненно, перечни русских митрополитов: нами их просмотрено более 300. Однако как самостоятельный феномен те мало интересовали историков Церкви, от Е. Е. Голубинского до А. Поптэ²: их оценивали с точки зрения достоверности содержания — и приходили к неутешительному выводу. Но чтобы реально понять значение этих перечней (как и иных), необходимо сперва реконструировать их генезис и выявить их источники, что даст возможность и лучше оценить их данные. Поэтому цель настоящей заметки — дать предварительный обзор традиции перечней митрополитов России, а также попробовать установить взаимоотношения текстов и их возможные источники.

Благодарю за помощь А. Г. Боброва, А. М. Введенского, А. А. Гиппиуса, Д. В. Каштанова, М. В. Корогодину, А. В. Кузьмина, С. В. Полехова, А. В. Сиренова и хранителей рукописных собраний.

¹ Самый пространный, но не исчерпывающий перечень синодиков и их изданий см. в: Дергачева И.В., Коняевская Е.Л. Материалы к справочнику произведений танатологической тематики // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. № 4.

² Обзор см. в: Толочко А.П. Замечания о первых митрополитах киевских // Вертоград многоцветный. Сборник к 80-летию Б. Н. Флори. Москва, 2018. С. 73–90.

¹⁵ Efe A. Hagia Sophia. Istanbul, 1987. P. 52.

Перечни такого рода материально фиксируются с 1440-х гг., заканчиваясь на имени митр. Герасима († 1435). Исходя из этого, мы ограничимся материалом до середины XV в.: с одной стороны, именно тогда прекращает свое существование единая митрополия России в составе Константинопольского патриархата; а с другой, перечень митрополитов после Ионы не имеет существенных разночтений. По этой причине мы не рассматриваем и перечни, начинающиеся только с митрополитов владимиро-московского периода: Максима, Петра, Феогноста или Фотия.

Предварительный обзор полных перечней митрополитов России позволяет нам выделить 6 их редакций, которые можно условно обозначить по месту их возникновения и бытования.

Новгородская редакция. Начинается с имени митр. Феопемпта (упом. в 1039 г.) и представлена преимущественно памятниками новгородского происхождения, делящимися на 5 изводов: Летописный (статья 989 г. Новгородской I летописи младшего извода (Н1Лмл989) и варшавская рукопись BOZ 124 (Зам)), с текстовой вставкой; Синодичный (обладающие порой индивидуальными чтениями синодики Св. Софии Новгородской (СинСофН; РНБ Соф. 1549, 1550, 1552), Ново-Иерусалимского монастыря (СинВос; ГИМ Воскр. 65, 67, 68), Покровской пустыни на Перевестье (СинПер; ГИМ Муз. 265), неизвестного храма (СинУв; ГИМ Увар. 1110), кн. Б. М. Лыкова (СинЛык; РГБ Муз. 4116), А. В. Кафтырева (СинКаф; ГИМ Муз. 25), Ф. И. Веригина (СинВер; РГБ Муз. 10640) и с родом Плещеевых (СинПлещ; ГИМ Син. 665)), где опущен Пимен (кроме СинСофН и СинАнт); Монастырский (синодики патр. Никона (ГИМ Воскр. 64) и обителей: Ковалевской (СинКов; РГАДА МГАМИД 633), Лисьей (СинЛис; ГИМ Увар. 239/1), тихвинской Введенской (СинТих; ГИМ Барс. 954)), с доп. Феогностом после Алексия и Ионой; Весьегонско-Белозерский (синодики Весьегонского собора (ГАТО ф. 1409, оп. 1, д. 1241), с. Телятино (СинТел; РНБ F.I.745) и Куствова под Белозерском (СинКус; РГБ Муз. 10579), Мценского собора (СинМц; ГИМ НВ 81) и Н. И. Беклемишева (СинБек; РГБ Овч. 694)), где добавлены Леонтий (в начале), Митрофан и Киприан (после Никифора II) и Иона, опущены Иоанн IV, Николай и Дионисий II, Георгий превращен в Геронтия, а Иоанн II — в Иону.

Судя по отсутствию Феодора, Гавриила, Иосифа и Кирилла II, сюда же относится Нехронологический извод. Самый ранний его список — синодик новгородской церкви Бориса и Глеба в Плотниках

1552–1560 гг.³, где в начале добавлены некий Иоанн и Климент с поставленным между ними Ефремом, а на место после Иоанна I перенесены Кирилл I, Максим, Филипп I и Феогност (вероятно, из-за ошибки при копировании). Во 2-й половине XVI в. этот перечень был несколько модифицирован и дополнен по Северо-западной редакции (РГБ Вол. 551, Нижегород. 35, Писк. 31, РНБ Тит. 520), а затем еще раз изменен и обогащен во второй половине XVII в. в ряде синодиков из Москвы (РГБ ГТГ 5034, ОИДР 233, Тит. 675) и монастырей: Николо-Угрешского (МГОМЗ А-719) Александро-Свирского (БАН Алекс.-Свирск. 55, Арх. Д. 200) и Иаково-Железоборовского⁴. Параллельно имена из расширенного перечня были переставлены в синодике новгородского Вязищского монастыря (РГБ Един. 216) и, наоборот, выправлены по Московской редакции и летописи в синодике М. И. Москвитина (ГИМ Щук. 843).

Особенности Новгородской редакции, по сравнению с другими, — начало с Феопемпта и пропуск Ефрема, Феодора, Константина II, Гавриила, Иосифа и Кирилла II. Эту специфику можно объяснить лишь обращением к летописи, причем новгородского типа, судя по началу с Феопемпта — первого митрополита, упомянутого в «Повести временных лет»⁵, но не в летописях Новгородской I и Новгородско-Софийской группы (далее — НСГ), а также по отсутствию знакомых последним Ефрема и Константина II и присутствию не известного им (кроме Софийской I) Николая. Судя же по пропуску Феодора, упомянутого лишь в Киевском своде, это была северо-восточная летопись. Присутствие Дионисия I, известного остальным редакциям (см. ниже), но не иным источникам, указывает на обращение либо к неизвестной летописи, либо к некоему перечню. Пропуск соседних Иосифа и Кирилла II можно объяснить лишь путаницей двух Кириллов при переписывании протографа, известной и в списках всех других редакций. Дионисий II и Герасим включены как рукополагавшие новгородских архиепископов (см. ниже).

Материально Новгородская редакция фиксируется не позднее 1440-х гг. (Н1Лмл989). Но в Зам перечень митрополитов заканчивается

³ Шляпкин И.А. Синодик 1552–1560 гг. Новгородской Борисоглебской церкви. Белоостров, 1911. С. 5.

⁴ <https://kostromamitropolia.ru/upload/iblock/699/69998d33858816acf-989c11e868cf562.pdf>

⁵ Ср.: Милютенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. СПб., 2008. С. 215–216.

на Максиме († 1305), а новгородских архиепископов — на Давиде († 1325; как в Н5Л и Вос), что указывает на составление его ядра до конца 1326 г., когда умер следующий митрополит — Петр. Судя по тому, что в Новгороде XIV в. за богослужением поминались лишь местные иерархи (ср. рукописи РГБ Дур. 56.2, Рум. 399), перечень митрополитов предназначался для архиерейской службы: вероятно, он был получен архиеп. Моисеем во время его рукоположения митр. Петром 9 февраля 1326 г. в Москве (что объясняет и северо-восточный характер его источника)

Северо-западная редакция. Ее представители тоже связаны прежде всего с Новгородской землей, где фиксируются 2 летописных извода: Первый (Комиссионный список Новгородской I летописи младшего извода (Н1ЛК), Новороссийский список Новгородской IV летописи (Н4ЛН) и Новгородская V летопись (Н5Л; РНБ Пог. 1404а, СПбИИ Арх. 252)) и Второй (Виленский список Летописи Авраамки (АврВил), Синодальный список Псковской II летописи (П2ЛСин) и псковский сборник РГБ Рум. 358 (Рум358)), где пропущены Иосиф и Кирилл II (ср. выше). К последнему примыкают синодики новгородского Антониева монастыря (СинАнт; РГБ Рум. 387) и опускающие также Иоанна III синодики храмов св. Стефана в Спасо-Мирожемском монастыре⁶ (Син-Мир) и Успения с Пароменья (СинПар; РНБ Тихан. 169) в Пскове и св. Николая в Острове (ГАТО ф. 1409, оп. 1, д. 718), в которые перечень, возможно, попал из П2ЛСин при создании Псковской епархии в 1589 г., а также синодик Суздальского собора (СинСузд; ГИМ Увар. 252/2), где имена переставлены (Леонтия, Михаила I, Иоанна I и IV, Феогноста), опущены (Иосифа, Пимена) или добавлены (Феодора, Сергия, Симона, Климента, Лонгина, Ионы). Другие искажения дает синодик Николо-Коряжемского монастыря (СинКор; ГИМ Щук. 1134): переносит в начало Петра, Алексия, Иону и Киприана, удваивает Максима и заменяет Герасима на Тимофея. Но эта редакция отразилась и в памятниках московского летописания XVI–XVII вв., как примыкающих к первому летописному изводу (Вифанский список Русского хронографа (РХВиф; РГБ МДА проч. 44) и Медоварцевский летописец (Мед; ГИМ

Син. 939)), так и образующих отдельный, Третий летописный извод (Воскресенская летопись (Вос) и летописец ГИМ Син. 940 (Син940)), где удвоено имя Никиты.

Особенность данной редакции, по сравнению с Новгородской, — вставка в начале перечня Леонтия, Михаила I, Иоанна I, а также Ефрема (после Илариона) и Феодора, который, вместе с загадочным Афанасием, помещен, однако, не на своем историческом месте (после Константина I), а между Никифором I и Никитой, следовавшими, согласно летописям, друг за другом в 1121–1122 гг. Кроме того, перед Дионисием I стоит Гавриил, известный тоже лишь перечням (см. ниже). Аналогичные пропуск Константина II, помещение Киприана после Пимена и особенно присутствие Дионисия II и Герасима показывают, что в основе Северо-западной редакции лежит перечень Новгородской, куда было вставлено 4 ранних митрополита, взятых из различных источников: Леонтий (из летописей НСГ), Ефрем (из НСГ или другого перечня), Михаил (вероятно, из перечней: вне их он впервые упоминается в источниках лишь с 1460-х гг., см. ниже) и Иоанн I, который мог быть взят и из памятников борисоглебского цикла, но его ошибочная вставка перед Феопемптом (первый упоминается под 1051 г., а последний — под 1039 г.), указывает скорее тоже на влияние другого перечня (ср. ниже)⁷. Феодор был вставлен из Киевской летописи или иного перечня, а Гавриил — точно из последнего (см. выше и ниже). Таким образом, Северо-западная редакция была создана в том же Новгороде не позднее 1440-х гг. (Н1ЛК), скорее всего, на основе Новгородской (обратное влияние невероятно, в т.ч. хронологически), с добавлением имен из НСГ и некоего иного перечня.

Белозерская редакция. Известна в «Роуском летописце» из рукописи Ефросина Белозерского, созданной ок. 1463 г. (РНБ Пог. 1554)⁸, и 4 синодиках из кирилловского круга (РНБ Кир.-Бел. 755, 757–758 (СинКБ2), 759 (СинКБ1)), подвергшихся влиянию Московской редакции. Ее отличают от Северо-западной перестановка Феодора на правильное место (под влиянием Киевской летописи или другого перечня), добавление

⁶ Помянник великих князей, княгинь, митрополитов и архиепископов новгородских / Публ. Л. В. Столяровой // Восточная Европа в древности и средневековье. 2001. С. 212.

⁷ Это опровергает и так уже устаревшую гипотезу о заимствовании их из Полихрона (*Шахматов А.А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков. СПб., 1900. С. 77–79).

⁸ *Кустерев С.Н.* Ефросин и «Роуский летописец» // Летописи и хроники. Новые исследования. 2008. М., 2008. С. 123.

Ионы, упоминание Исидора (как еретика), пропуск Афанасия (возможно, сознательный, как легендарного), Иосифа и Кирилла II (случайный или под влиянием Новгородской редакции, см. выше), а также Дионисия II, Пимена и Герасима, считавшихся каноничными в Новгороде, но не признаваемых в Москве (см. ниже, об МРЗ). Перечень Северо-западной редакции попал к Ефросину, очевидно, в составе Н1Лмл (ср. т.н. Мусин-Пушкинский сборник).

Московская редакция. Самая распространенная и вариативная, она связана с Великим княжеством Московским и делится, как минимум, на 15 изводов. Два из них — летописные. Первый (с упоминанием Исидора) представляют перечень «Митрополите Русьския земля» (МРЗ; ГИМ Муз. 1218, Вахр. 778, РГБ Троиц. 408, Вол. 468, 623, РНБ Пог. 1571, Сол. 860/970, Соф. 1418, 1454, БАН 4.3.15, РГАДА Маз. 616), Беляевский список Хронографа 1493 г. (ХрБел), Владимирский (ВлЛет) и Пискаревский (РГБ Писк. 176) летописцы, сборники БАН Плиг. 45 (Плиг45) и родственные ГИМ Барс. 1395 (Барс 1395) и РГБ Вол. 529 (Вол529) и синодики московского Златоустова (СинЗл; ГИМ Син. 1172) и новгородского Кириллова (СинКир; ГИМ Щук. 595) монастырей и Ильинской церкви с. Решма (СинРеш; ГИМ Муз. 307), а второй — Симеоновская (Сим), Никоновская (Ник) и Уваровская (Увар; ГИМ Син. 645) летописи, Русский хронограф 1512 г. (РХ) и сборники РГБ Муз. 5408а (Муз5408а) и РНБ Пог. 1577 (Пог1577), с текстовыми вставками и пропуском Николая.

Остальные изводы представлены синодиками, удаляющими второе упоминание Киприана и чаще всего — Николая, но обычно восстанавливающими Пимена. Самый древний их извод (5 списков) восходит к синодику Торжества Православия Успенского собора Московского кремля (СинУсп; ГИМ Син. 667), с пропуском Иоанна III и Пимена и Алексием перед Феогностом. Другой извод — синодики тверской традиции (СинТв; 19 списков, причем 5 точно из-за пределов Тверской епархии), которые опускают Михаила I и II, Николая и Константина I, Никифора I заменяют на Кирилла и Максима — на Иоакима, помещают Петра, Алексия, Киприана и Иону после Никифора II, а Пимена — после Фотия. Выделяются и другие региональные изводы: Ростовский (СинРос; синодики Авраамиева (ГИМ Увар. 410/2) и Карашского (ГИМ Вахр. 1112) монастырей), с Иосифом и Кириллом II перед Дионисием I и без Петра; Волоцкий (СинВол; РГАДА Вол. 561, ГИМ Епарх. 412, 413,

Барс. 953), с пропусками и Иосифом после Максима; Вологодский (СинВлг; синодики Кохтыжской пустыни (ГИМ Щук. 574) и рода Едемских из Шенкурска (ГИМ Щук. 459)), с Михаилом I после Феоппемпта; Северный (СинСев; синодики Соловецкого (ГИМ Епарх. 944), Ферапонтова (РНБ НСРК F.325, ГИМ Барс. 55) и Ипатьевского (КМЗ ВХ 560) монастырей), где в начало сдвинут Иларион и добавлены Иона (после Феоппемпта) и — в конце — Дионисий II и Герасим (из Новгородской редакции), а в последних двух после Леонтия — еще Климент, Григорий, Зосима (или Николай) и Петр. Существуют также надрегиональные синодичные изводы (все без Николая): с пропуском половины перечня (СинМос5; 4 списка) или (под влиянием Синодика Торжества Православия) только Петра, Алексия и Ионы (СинМос2; 12), с пропуском тех же имен и Максимом перед Иосифом (СинМос3; 16), с Петром перед Ионной (СинМос6; 8) или после Фотия (СинМос1; 12) и с Пименом после Фотия (СинМос4; 16). Отдельные варианты дают синодики Торжества Православия (ГИМ Усп. бум. 64, РГБ Шибан. 99, РНБ Ф.п.IV.1, Пог. 1596), монастырей: Симонова (ГИМ Сим. 2), Владычного в Серпухове (ГИМ Щук. 543), Антониево-Сийского (БАН Арх. Д. 200), Николо-Пешношского (ГИМ Муз. 4024), Истобенского (РГБ Един. 22), Калязинского (ТГОМ КП-920), Крестного на Онеге (РНБ Q.I.1561) и неизвестного Благовещенского (РГБ Тих. 578), церквей: Димитрия на Славковой улице в Новгороде (РГБ Рум. 387), Николы на Глинищах в Ярославле (ГИМ Вахр. 339), Николы в Яндове под Тулой (ГИМ ПС 6 762), Петропавловской в Белозерске (ГИМ Барс. 971) и с. Спасского Пошехонского уезда (ГИМ Барс. 959), и анонимный (РГБ Писк. 31).

Особенности Московской редакции, по сравнению с Белозерской, — постановка Михаила перед Леонтием (под влиянием редакции Устава Владимира, отразившейся в «Летописце русских царей»), добавление перед Иларионом, чьим непосредственным предшественником был Иоанн I, загадочного (искажение Илариона?) Кирилла и пропуск не только Дионисия II и Герасима, но и Пимена (восстановленного, впрочем, в большинстве синодиков), как неканоничных, на что прямо указывает МРЗ. Такой перечень, с Феодором на правильном месте, можно объяснить лишь происхождением от «Роуского летописца» Ефросина.

Московская редакция фиксируется с 1470-х гг. (ГИМ Муз. 1218). Выдвигалась гипотеза о ее происхождении от Синодика 1411 г.

или даже 1389 г.⁹, из киприановской редакции чина Торжества Православия, но в самом раннем списке последней (1485–1503 гг.; ИРЛИ оп. 23 № 52) перечень митрополитов начинается лишь с Петра.

Степенная редакция. Ее списки прослеживаются с XVII в., но сама она восходит к 1560-м гг. Тогда был создан извод Степенной книги (СК), представленный ее оглавлением («краегранесованием») и заголовками степеней в древнейших списках (СКЗ), перечнями митрополитов по степеням в рукописях ГИМ Чертк. 238 (СКЧер), РНБ F.XVII.19 (СКГол), СПбИИ Вор. 648 (СКВор) и близкородственных ГИМ Забел. 262 (СКЗаб) и Син. 963 (СКСин; переставлены местами Феодор и Иоанн IV, опущены Никифор II и Дионисий I, Иосиф назван гречином, а Киприан — Кириллом), а также Кратким летописцем русских митрополитов (ГИМ Увар. 743, РГБ Унд. 603). Не позднее первой трети XVII в. этот перечень попадает в синодики, где образует два извода, добавляющие Константина II: Северный (синодики Ильинско-Тихоновской (СинЯИТ; РГБ Рум. 386) и Похвальской (ГИМ Муз. 203) церковью Ярославля, Череповецкого Воскресенского монастыря (ГИМ Барс. 963), Ниловой пустыни (РГБ Нил. 78), Сводный старообрядческий (СинСтар)¹⁰ и Поморский (СинПом; РГБ Унд. 161)), с пропуском Гавриила; и Юго-западный (синодики Св. Софии Киевской (СинСофК; РГБ Рум. 387) и поздней смоленской традиции (СинСмол): Супрасльского (бумажный) и Троицкого Слуцкого монастырей (БАН Литвы F19–89, F21–799); ср. синодик Торжества Православия из Киевской митрополии (СинТПК; ГИМ Син. 290)), с перестановкой местами Климента и Константина I.

При создании СКЗ на основании текста самой СК в перечень Московской редакции были вставлены Ефрем Переяславский и Клим Смолятич (в 2 списках МРЗ XVI в. добавлялся в число неканоничных, но был внесен в перечень уже в Барс1395 конца XV в.) и убраны ранние Кирилл и Ефрем (а в древнейших списках СК — также Гавриил и Дионисий I). Однако затем этот новый перечень был выправлен по Московской редакции: восстановлены Кирилл (впервые в СКЧер),

Гавриил (впервые в списках СК), Дионисий I, причем после Матфея (впервые в СКВор и СКЧер). В синодиках XVII в. в отредактированный перечень был возвращен также Ефрем Киевский и внесен (из летописи или Юго-западной редакции) Константин II. Из СинСофК, где перед Иосифом был добавлен еще один Кирилл, он перешел в первые печатные перечни («Оборону унии» Льва Кревзы, «Палинодию» Захарии Копыстенского, «Патерикон» Сильвестра Косова и др.).

Юго-западная редакция. Делится на 3 извода. Смоленский представлен двумя списками начала XVI в.: архиерейским служебником (СлСмол; ГИМ Син. 310) и пергаменным синодиком Супрасльского монастыря (СинСупП)¹¹, доведенным до 1630 г. и замененным на бумажный (где приведен перечень Степенной редакции, см. выше); следующий далее перечень епископов Смоленских указывает на их связь с традицией этой епархии. Перечень СинСупП отличает искажение Климента в Кирилла и Пимена (не признававшегося в Великом княжестве Литовском) — в Филиппа и случайный пропуск Иоанна III, известный и спискам других редакций, а СлСмол в начале добавляет Леонтия и Кирилла (под влиянием Московской редакции) и выпускает имена с Никиты до Феодора (случайно) и Пимена (на его полях есть взятая из МРЗ помета о неканоничных митрополитах, хотя Герасим присутствует в самом тексте). В XVII в. в очень вариативном Южном изводе (синодики монастырей: киевских Иоанно-Богословского (СинКИБ; РГБ Лук.-Марк. 24) и Печерского (Введенской пещерной церкви¹²; СинВКП) и полтавского Крестовоздвиженского (СинПолт; МГУ 1374)), был удвоен Никита и, под влиянием Московской редакции, добавлены ранние Леонтий и Кирилл. Судя по наличию Климента при отсутствии Ефрема Переяславского, сюда же относится Рязанский извод (СинРяз; синодики Спасского монастыря в Муроме (СинМур; ГИМ Щук. 139) и Зарайского Никольского собора (СинЗар; РГБ Унд. 153)), где был добавлен Леонтий (под влиянием Московской редакции), опущены Иоанн III и IV, Никифор I и II, Никита, Константин II, Михаил III, Кирилл I и II и Герасим, переставлены

⁹ Булычев А.А. Поминание павших на Куликовом поле во Вселенском Синодике Русской митрополии конца XV в. // Верхнее Подонье. Природа. Археология. История: Сборник статей в 2-х т. / Под ред. А. Н. Наумова. Тула, 2007. Т. 2: История. Вып. 2. С. 39–47.

¹⁰ Пытин А.Н. Сводный старообрядческий синодик. Второе издание Синодика по четырем рукописям XVIII—XIX вв. (ПДПИ; 44). СПб., 1883. С. 16.

¹¹ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 9. Вильна, 1870. С. 456; Subotnik ili pominnik monasteru supraskiego / Ed. A. Mironowicz. Białystok, 2015. S. 74–75.

¹² Поменник Введенської церкви в Ближніх печерах Києво-Печерської лаври. Публікація рукописної пам'ятки другої половини XVII ст. / Упоряд. О. Кузьмук. К., 2007. С. 14–15.

местами Климент и Константин I, Дионисий I и Матфей, Иосиф превращен в Сифа, а Петр заменен на Никифора и Николая.

Главная особенность Юго-западной редакции — ее полнота (пропущены лишь по политическим причинам Дионисий II и Киприан): здесь присутствуют не только Гавриил и Дионисий I (знакомые только перечням), но и Константин II (есть лишь в части списков Степенной редакции с XVII в.) и Михаил III, известный исключительно по греческому акту 1171 г. Эти обстоятельства заставляют возводить ее к древнему помяннику, не зависящему от остальных древнерусских перечней (вероятно, из-за бытования в Великом княжестве Литовском): в нем есть, по сути, лишь одна историческая ошибка — повлиявшая и на другие редакции древняя перестановка местами ранних митрополитов Иоанна I и Феопемпта. Одновременно это ставит вопрос о реальности существования митрополитов, известных преимущественно по перечням и считающихся обычно фантомами средневековой историографии: Михаила I, Гавриила и Дионисия I. В отличие от заведомо недостоверных Афанасия из Северо-западной редакции и Кирилла из Московской, правление этих первоиерархов приходится на те периоды, в которые древнерусские летописи молчат о митрополитах: на полвека перед Феопемптом (когда по греческому источнику известен лишь Феофилакт (назначен до 1025 г.), возможно, первый иерарх Руси) и на десятилетие между Никифором II († 1198–1199) и Матфеем (упом. с 1210 г.).

Заключение. Даже предварительный анализ традиции средневековых перечней митрополитов Руси показывает, что они могут исследоваться не только как отражение представлений о прошлом Русской Церкви, но и как исторический источник. Само же их развитие можно предварительно реконструировать следующим образом. К началу XIV в. (судя по Зам) перечень митрополитов Киевских точно существовал в виде помянника (известного по Юго-западной редакции), в котором были имена, не отразившиеся в других русских источниках (Михаила I и III, Гавриила и Дионисия I), и который постепенно пополнялся.

На основе этого древнего перечня на рубеже XIII–XIV вв. возник новый, который был отредактирован по летописи, скорее всего, северо-восточной, т.е. во Владимире или Москве, после переноса туда митрополии из Киева. Однако распространение он получил с 1326 г. в Новгороде, став ядром Новгородской редакции и в дальнейшем также пополняясь. Не позднее 1440-х гг. он попал в состав младшего извода Новгородской I летописи.

Параллельно, видимо, ок. 1423 г., при создании перечней Н1ЛмлК (князей, посадников, тысяцких, архиепископов и архимандритов) в подражание историческим сочинениям вроде «Летописца вскоре», он был дополнен именами ранних (легендарного Леонтия, Михаила I, Иоанна I и Ефрема) и более поздних (Феодора, Гавриила, Иосифа и Кирилла II) митрополитов, взятыми, судя по всему, из древнего помянника (кроме Леонтия — из НСГ). Так возникла Северо-западная редакция, где Феодор был удревнен и к нему добавлен Афанасий; вне летописей ее перечень использовался только в 6 синодиках.

Вскоре, ок. 1463 г., за счет перестановки в нем на правильное место Феодора и элиминации легендарного Афанасия образовалась Белозерская редакция, отразившаяся в «Роуском летописце» Ефросина Белозерского и синодиках круга Кирилло-Белозерского монастыря.

Из этого исправленного перечня очень быстро, не позднее 1470-х гг. (МРЗ), в Москве — видимо, в связи с провозглашением автокефалии — возникла Московская редакция, где перед Иларионом был ошибочно добавлен Кирилл. В конце XV в. ее перечень стал включаться в московские летописи, а не позднее середины XVI в. — в синодики Московской митрополии (вместо киприановского, начинавшегося с Петра), которая стремилась подчеркнуть свое преемство Киевской. В этой редакции, наиболее распространенной и повлиявшей на списки других редакций, перечень митрополитов подвергался максимальным искажениям, что привело к появлению множества изводов.

Позднее, при составлении СК в 1560-х гг., появилась Степенная редакция, куда из текста СК были добавлены имена Ефрема Переяславского и Климента Смолятича. С XVII в. эта редакция фиксируется, с добавлением Константина II, и в синодиках, перейдя из СинСофК в ранние печатные перечни митрополитов.

Итак, мы видим, что все новые редакции перечней митрополитов Руси создавались в поворотные моменты истории Русской Церкви: переезд митрополита из Киева во Владимир и Москву в начале XIV в. (Новгородская), отвержение унии и провозглашение автокефалии в 1440–1460-е гг. (Северо-восточная, Белозерская и Московская), церковный кризис после смерти митр. Макария в 1560-е гг. (Степенная). Основой для всех них был пополнявшийся древний помянник митрополии Руси, данные которого соединялись с материалом русских летописей.

Табл. 1. Редакции перечня митрополитов Росии

Новгородская	Северо-западная	Белозерская
[Леонѣа add. СинЛис СинВБ]	[Пръвыи add. Рум358; Первый митрополитъ в Киевѣ add. Вос; Петра, Алексиа, Іоны, Кипріана add. СинКор] Леонтии	Леонъ
[Аѡанасіа СинКус; Михаила add. СинЛис СинВос; Феогнаста add. СинМц]	Михаиль [Л., М. СинПар; Владимирскаго add. СинОст]	Михаиль
[Иѡанна add. СинЛис]	Иоан [Л. — И. om. СинСузд],	Іѡанъ
пръвыи митрополит рускый [п. м. р. om. Син] Феопентъ [om. СинКус]	Феопентъ	Феѡпентъ [Кирила add. СинКБ2]
Ларионъ	Ларион [Феодора, Сергіа add. СинСузд]	Ларіѡнъ [Л., І. СинКБ1]
	Ефремъ	Ефремъ
Георгий [Геронтия СинВБ]	Георгий	Георгіи [Григоріа СинКБ1]
Иоан [Іоны СинВБ]	Иоаннъ	Іѡанъ
Иоан [om. СинЛис СинТел _{СинМц} СинКаф]	Иоан [om. СинМир СинПар СинСузд СинОст]	Іѡанъ [om. СинКБ1; скопецъ add. s.l. СинКБ2]
Никола [И., Н. om. СинВБ]	Никола [Феодора add. СинСузд]	Никола [om. СинКБ2]
Никифоръ [Дионисія, Никифора add. СинЛык]	Никифоръ	Никиѡоръ
	Афанасии	
	Феодоръ [Феогнаста add. СинСузд]	
Никита [om. СинКаф]	Никита [om. СинМир; Никита add. Вос Син940]	Никита [Николы СинКБ1]
Михаиль	Михаиль	Михаиль

Московская	Степенная	Юго-западная
[Въ лѣто 6496 add. Ник Сим РХ; Ларіѡна add. СинСев; Настасъ s.l. add. ПискЛет] Михаилъ [om. СинТв СинМос5; Ларіѡнъ add. Вол529]	Михаила	[Леонтіа add. СинРяз]
Леонтии [(Первыи митрополит add. ВлЛет) Л., М. Увар ВлЛет СинКир]	Леонтіа	Михаила [Леонтіа add. СлСмол]
Ивань [om. СинМос5]	Іоанна [om. СинТПК СинСмол]	Іоана [om. СинВКП]
Ѧеопемтъ [Михаила add. СинВлг; Іѡну add. СинСев]	Ѧеопемпта	Ѧеопента
Кириль	[Кириль add. et del. СКЧер]	[Кврила add. СлСмол СинКИБ СинПолт]
Иларіѡнъ [om. Вол529 СинСев; Ил., Л. — К. Барс1395]	Ларіѡна	Иларіѡна
Ефрѣмъ	[Ефрема add. СинЧер СинСофК]	Ефрема
Георгіи [Григоріе ПискЛет Соф1454; Геронтіа СинРеш]	Георгіа	Георгія
Ивань	Іоанна	Іоана [Георгія add. СинПолт]
Иоаннъ скопец [om. МРЗ Вол529 СинУсп СинРеш]	Іоанна [om. СКГол СинЯПх СинЯИТ СинТПК; скопца add. СинПом]	Іѡана [om. СинСупП СинРяз; Георгія add. СинКИБ]
	Ефрема [скопца add. СинСофК]	
Николае [om. ВлЛет Плиг45 Сим Ник Увар РХ Муз5408а Пог1577 СинЗл СинКир СинРеш СинВлг СинТв СинРос СинМос; Николу add. СинПош]	Николаа	Николы
Никифоръ [om. СинДав; И. с. — Н. om. СинВол; Кирила СинТв; Іѡанна add.]	Никифора [Никиѡора add. СинЯПх]	Никифора
Никита [om. Муз5408а]	Никиты [om. СинЯИТ]	Никиты [Н., Н. om. СинРяз; Никиту add. СинКИБ СинВКП]
Михаиль	Михаила [Кириллѣ СКЗаб СКСин]	Михаила [Никиту add. СинПолт]
	Климента	Климента [om. СинКИБ СинПолт; Кврила СинСупП]

Новгородская	Северо-западная	Белозерская
Костянтинъ	Костянтинъ [К., Н., М. СинПар]	Константинъ
[Михаила add. СинКов]		[Климентъ add. СинКБ1]
		Феодоръ
Иоанн [от. Зам]	Иоан [К., И. от. СинСузд]	Іоанъ
Никифоръ [от. Зам СинЛык; Митрована, Киприана СинВБ; Никифора СинПер]	Никифоръ [И., Н. от. СинПар; Афанасіи add. Н4ЛН]	Никиѳоръ [І., Н. от. СинКБ1]
	Гаврилъ [Кирила СинСузд]	Гаврииль
Деонисии [от. СинЛык; Кипріяна add. СинТел СинПлещ СинВес]	Дионисии	Діѳонисіе
Матфѣи	Матфеи [от. СинПар]	Матфѣи [М., Д. СинКБ1]
Кирилъ [от. СинПер; М. — К. от. СинВес]	Кирилъ [от. Рум358; Михаила СинСузд; Макаріа, Филиппа, Павла add. et expl. СинПар]	[Кирила add. СинКБ2]
	Есифъ	[Іосифа add. СинКБ2]
	Кирилъ [Е., К. от. Рум358 Син940 Син]	Кирилъ
Максимъ [expl. Зам]	Максимъ [М., К. АврВил П2ЛСин; Максима add. СинКор; той въ Володимеръ прѣвѣй митрополитъ прииде изъ Кіева add. Вос]	Максимъ
Петръ	Петръ [от. СинКор]	[великаго святая и чудотворца Руси add. СинКБ1] Петръ [чюд add. СинКБ2]

Московская	Степенная	Юго-западная
Константинъ [М., К. от. СинВол СинТв; Никит. — К. от. СинРеш]	Константинъ [Кл., Ко. от. СинТПК; Ко., Кл. СинСофК СинСмол]	Константина [Ко., Кл. СинМур]
	[Костянтина add. СинСофК; Никифоръ add. s.l. СКЗаб]	
Феодоръ [Феодосія СинРеш]	Феодора [от. СинНил]	Феодора [Ф., Ко., Кл. СинЗар]
Иванъ	Іоанна [от. СинНил; І., Ф. СКЗаб СКСин]	Іоанна [Н. — І. от. СлСмол; К. — І. от. СинКИБ; Никифора add. СинПолт]
	[Константина add. СинЧер СинСтар СинПом СинСофК СинСмол]	Костантина
		Михаила [от. СинВКП; Никифора add. СинКИБ; Іліи add. СинПолт]
Никифоръ [Никиты СинЗл; Климантъ add. Вол529; Климъ add. Барс1395; Петра, Алексѣя, Іоѳну, Кипреяна add. СинТв]	Никифора [от. СКЗаб СинЯИТ СинЯПх]	Никифора [І. — Н. от. СинРяз; Никифора add. СинКИБ]
Гаврилъ	[Гавріла add. СК(red.) СинСофК]	Гавріла [Никифора add. СинПолт]
Діонисей [И. — Д. от. СинРеш]	Дионисии [del. СК3(red.); от. СКТол СКЗаб СКСин Син]	Дионисея [Г., Д. от. СинВКП]
Матѳей	Матфея [М., Д. СКВор СКЧер]	Матфѣа [М., Д. СинРяз]
Кирилъ	Кѳрилла [Кирилл add. СинСмол]	Кѳріла [от. СинРяз]
Іоснѳъ	Іосифа [от. СинЯИТ; гречинъ add. СКЗаб СКСин]	Іосифа [Сифа СинРяз]
Кирилъ [от. СинТв; І., К. от. СинРеш; М., К., І., К., Д. СинРос]	Кирилл [от. СинЯИТ СинЯПх; К., І. СинСтар СинСофК]	Кѳріла [от. СинРяз; К., І. СинВКП]
Максимъ [И. с. — М. от. СинМос5; Іѳоакима СинТв; К., М., І. СинВол; М., К., І. СинМос3 СинМос6]	Максима [от. СКТол]	Максима
[въ лѣто 6816 add. Сим Ник РХ Муз5408а Увар Пог1577] Петръ [от. СинТв СинРос СинВол СинМос1 СинМос2 СинМос3 СинМос6; К., Н. — П. от. СинБлз; чудотворецъ add. Соф1454 ПискЛет ВлЛет ХрБел СинЗл СинКир; чудотворецъ Московскій add. Вол529 Плиг45 Сим Ник РХ Муз5408а Увар Пог1577]	Петра [от. СинЧер; чудотворецъ add. СКТол СКЧер СКЗаб СКСин]	Петра [от. СинКИБ СинПолт; Никифора, Викулы СинЗар; Никифора, Николы, Кирила, Іоанна, Кирила, Іоанна, Никиты, Никифора, Максима add. СинМур]

Новгородская	Северо-западная	Белозерская
Феогнасть [дважды add. СинКаф]	Феогностъ [Леонтія, Иванна, Симона, Иванна СинСузд]	Феогнасть
Алексѣи [от. СинСофН СинВер СинПлещ СинПер; А., Ф. СинВос; Феогнаста add. СинЛис СинЛык; Петра, Феогнаста add. СинКов СинТих]	Алексии [от. СинКор]	Алексѣи [чюд add. СинКБ2]
	[Климент, Логина, Гаврила, Герасима add. СинСузд]	
Дионисии [от. СинВБ СинПер]	Дионисии [от. СинОст;],	[Діонисіа, Матвеа add. СинКБ1]
Пуминъ [от. Син (exс. СинСофН) СинПер]	Пимень [от. СинСузд]	Киприанъ
Киприянь [от. СинПлещ; Пароения add. СинБек СинМц]	Киприанъ [от. СинКор]	Пимина [от. ЛР]
Фотии [К., Ф. СинВос],	Фотии	Фотѣи
		Исидоръ [от. СинКБ1; ересникъ согнаныи съ престола add. ЛР]
[Иону add. СинВБ]	[Иона add. Мед Вос Син940 СинСузд]	Іюна
Герасимъ [от. Н1Лмл989(АТ) СинБек СинВес СинМц; Іюны add. СинКов СинЛис СинВос СинКаф СинПлещ СинПер]	Герасимъ [от. Н4ЛН Н5Л РХВиф Вос Син940; Ф. — Г. от. СинОст; Тимоѳеа СинКор; Иона add. СинАнт]	

Московская	Степенная	Юго-западная
Феогностъ	Феогноста [Феодорита add. СинСофК]	Феогноста
Алексѣй [от. СинВол СинМос2 СинМос3; А., Ф. СинУсп; чудотворецъ add. Соф1454 ХрБел ВлЛет ПискЛет Плиг45 РХ Увар Пог1577 СинЗл]	Алексѣя [от. СинЧер; чудотворецъ add. СКГол СКЧер СКЗаб СКСин; Романа add. СинСофК]	Алексѣа [от. СинМур СинКИБ СинВКП СинПолт; Діѳонисія СинЗар]
Кипріанъ [от. Вол529 Барс1395; А., К. от. СинТв СинСев]	Квпріана [от. СинЧер СинЯИТ; Кирилль СКЗаб СКСин]	Кипріана [от. СинЗар СинВКП]
[Діонисія add. СинСев]		
[Пимень add. ВлЛет ХрБел Вол529 Барс1395 Сим Ник РХ Увар Муз5408а Пог1577 Син (exс. СинЗл СинУсп СинМос2 СинМос3 СинМос5); Пимина, К. СинРеш]	Пиміна [от. СинТПК СинСмол; Діонисія add. СинСофК]	Пимена [К., П. от. СлСмол СинЗар СинКИБ СинПолт; Филиппа СинСупП; Михаила add. СинВКП]
[и паки той же add. Сим Ник РХ Увар Муз5408а; и паки add. ХрБел Пог1577] Кипріанъ [от. Син (exс. СинЗл СинСев); патріархъ ХрБел]	[Киприана, Дионисия add. СинЧер СинЯИТ СинЯПх]	Киприанъ
Фотѣй [К. — Ф. от. СинМос5; Ф., П. СинТв СинМос4; Петра add. СинМос1 СинМос6; expl. Барс1395]	Фотѣа	Фотѣа [Феогноста СинВКП]
[Исидоръ add. ХрБел ВлЛет ПискЛет (s.l.) Плиг45 Муз5408а Пог1577 СинКир СинРеш; Исидора, Іюанна, Феоносія add. СинЗл]		
Иона [от. СинВол СинМос2 СинМос3 СинРеш; чудотворецъ add. ПискЛет СинЗл]	Іюны [от. СинЧер СинСмол; чудотворецъ add. СКГол СКЗаб СКСин]	Іону [от. СлСмол СинКИБ СинПолт; Діонисія СинВКП]
[Герасима add. СинСев]	[Герасима add. СинСофК]	Герасима [от. СинРяз]

Д.И. Макаров

Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Санкт-Петербург)

Энергийная сотериология и «принцип поворота»: из размышлений о парадоксах III и IV книг трактата св. Григория Паламы «О ложных писаниях Григоры»¹

*Мирской я человек и не мирской...**Юрий Аврех*

1. Введение

Как ни парадоксально, но трактат Паламы, известный под кратким названием «Четыре слова против Григоры» и который точнее было бы называть «О ложных писаниях Григоры» (Περὶ τῆς τοῦ Γρηγοῦρα ψευδογραφίας)², остался практически неизвестным современной науке³. Между тем, трактат интересен не только строгим

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00251 «Византийский Ренессанс: институциональные основания и теолого-метафизические истоки религиозно-политического дискурса второй половины XI–XV вв.» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), <https://rscf.ru/project/23-18-00251/>.

² S. Gregorii Palamae De falsis Gregorae operibus // Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Συγγράμματα. Τ. Δ' / ἐκδ. Π. Κ. Χρήστου, Β. Δ. Φανουράκης, Β. Σ. Ψευτογκᾶς. Θεσσαλονίκη: Κυρομάνος, 1988. Σ. 231–379. В дальнейшем при ссылках на трактат будем использовать римскую цифру для указания книги, а арабскую — главы текста, сопровождая их указанием номера (номеров) страницы (страниц) по изданию Христу в основном тексте статьи.

³ Так, в «Аннотированной библиографии исихазма» указание на него не сопровождается ни малейшим комментарием: Исихазм. Аннотированная библиография / под общей и науч. ред. С. С. Хоружего. М.: Издательский совет РПЦ, 2004. С. 385. Из современных работ, специально посвящённых памятнику, можно назвать разве

доказательством — как с использованием (явным) аристотелевской логики, так и с имплицитным обращением к логикам более гибким, параконсистентного типа — ошибочности исповедуемого Григором номинализма (в вопросе о природе Фаворского света), но и с чисто литературно-стилевой точки зрения. Принцип парадокса, изначально внутренне присущий таинству веры (ср. икос 9 Акафиста: *Ветия многовещанная яко рыбы безгласныя видим о Тебе, Богородице...*), выступает организующим элементом идейного и даже образно-стилевого (поскольку он также наличествует в произведении) уровней текста. Наша цель в данной заметке — на избранных примерах доказать справедливость данных утверждений — как путём обращения к присущей умозрениям Солунского архиепископа логике, так и с помощью помещения «Четырёх слов» в минимальный историко-литературный контекст.

В гл. IV, 50 Палама сообщает читателю, что им уже неоднократно говорилось и писалось о Свете Фаворском как о «Свете боговидных ангелов и человеков» (IV, 50: р. 367.30), «ведь *духотворная Муза всячески наставляет святых богословов* (πανταχοῦ τῆς πνευματοκινήτου μόσης ἐξαρχούσης τῶν ἱερῶν θεολόγων), так что у них не остаётся ни малейшего повода впасть в нечестие. Ибо здесь⁴ всё изложено чётко и ясно для тех, кто сознательно не впадает в [пучину] зла и не подвигается к разного рода козням. *Ведь для тех, кто вступил на [путь] козней [и интриг], и спасительное оборачивается погибелью* (ἀπωλείας πρόξενα καὶ τὰ σωτήρια γίνεται) (здесь и далее курсив в цитатах наш, если не оговорено иначе. — Д. М.)» (IV, 50: р. 367.30–368.7, цит. р. 368.2–7).

Рассмотрим данную цитату (отличающуюся подчёркнутой афористичностью и *литературностью* в смысле Р. О. Якобсона) в историко-литературном контексте, в который давно уже пора начать вписывать — хотя бы с осторожностью и в предельно обобщённом плане — произведения византийской словесности периода Исихастских споров. Этому будет посвящена первая часть предлагаемого эссе. Затем попытаемся формализовать на современном логическом языке

что: Chitoiu D. St. Gregory Palamas' Critique of Nominalism // Triune God: Uncomprehensible but Knowable — The Philosophical and Theological Significance of St Gregory Palamas for Contemporary Philosophy and Theology / ed. C. Athanasopoulos. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2015. P. 124–131.

⁴ Т. е., надо полагать, в тех трактатах св. Григория, которые бегло упоминались выше (р. 367.30–368.2).

хотя бы часть основных утверждений о соотношении в Боге непознаваемой сущности и Фаворского Света как являемой Им в мир энергии, — тем самым способствуя осмыслению парадокса на различных уровнях — от текстового и интертекстуального до богословского и металогического.

2. «Принцип поворота» и парадоксы сотериологии у Паламы и во вневизантийских традициях

Если Х. Ортега-и-Гассет считал немецкую литературу, «по-видимому, ...первой литературой мира»⁵, то это не только из-за Гёте, но и благодаря наличию в ней таких произведений, как «Патмос» Ф. Гёльдерлина (1803). В самом начале поэмы содержатся знаменитые строки — своего рода *locus atoenus* для философов и литературных критиков:

*Nah ist
Und schwer zu fassen der Gott.
Wo aber Gefahr ist, wächst
Das Rettende auch*⁶.

(«Бог невдалеке, // но трудно его (Его? — Д. М.) постижение. // Но там, где опасность, растёт // И спасенья начало»)⁷.

Сходное восприятие Бога, отмеченное переплетением языческих и христианских традиций — и очень характерное для магистральной линии западноевропейской культуры Нового и Новейшего времени — встречаем (чтобы привести лишь ещё один немецкий пример) в «Записных книжках» Пауля Клее (1879–1940):

«Я хочу искать своего Бога поверх звёзд. Когда я стремился к земной любви, я не искал Бога. Теперь, когда я её обрёл, я должен найти

⁵ Ортега-и-Гассет Х. В поисках Гёте [1932] / пер. с исп. А. Б. Матвеева // Ортега-и-Гассет Х. Бесхребетная Испания: сб. / пер. с исп. М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2003. (Философия. Психология). С. 167–207, с. 192.

⁶ Hölderlin F. Patmos. Dem Landgrafen vom Homburg [1803] // <https://www.ge-dichte7.de/patmos.html> (дата обращения — 29.01.2025).

⁷ Грубый подстрочник принадлежит нам; из других переводов ср., например: *Близок есть // И с трудом постижим бог. // Но там, где угроза, растёт // И спаситель.* (Пер. В. Куприянова, цит. по: <https://stihi.ru/2012/04/06/5019>) (дата обращения — 1.02.2025). В этом переводе не отдаётся должного ср. роду немецкого *das Rettende*.

Того, Кто мне благодетельствовал, пока я отвергался от Него. Но как Его познать (курсив наш. — Д. М.)?»⁸

Прежде, чем комментировать высказывания немецких мыслителей (а Гёльдерлин — поэт-мыслитель) и контурно наметить точки смыслового (а в случае Гёльдерлина, быть может, и генетического) соприкосновения их идей с Пушкиным и Достоевским, подчеркнём, что как в рассуждении Паламы из гл. IV, 50, так и в мыслях Гёльдерлина и Клее находит выражение очевидный принцип диалектики контрастов и противоположностей бытия, взаимного соприкосновения и — в случае Гёльдерлина — пожалуй, даже взаимного перехода противоположных начал дня и ночи⁹, света и тьмы, равно как и духовных и физических качеств; применительно к «Истории» Никиты Хониата А. П. Каждан назвал этот принцип «принципом поворота», имея в виду резкий переход описываемых Хониатом действий и ситуаций — к их противоположностям¹⁰. Нетрудно видеть *инверсию смысла пропозиции*

⁸ Запись 176 (Берн, лето 1901 г.): Klee Paul. Tagebücher, 1898–1918. Textkritische Neuedition / bearb. W. Kersten. Stuttgart–Teufen: Gerd Hatje; Arthur Niggli AG, 1988. S. 72.

⁹ Из платоновских подтекстов у Гёльдерлина здесь важны: *Plat. Soph.* 254ab; [*Phil. Opunt.*] Epin. 990a (об истинном астрономе, созерцающем звёздное небо, как величайшем мудреце); см.: Мочалова И.Н. Символика ночи в философии Платона // *Vir hermeneuticus*. Сборник статей к 60-летию проф. Р. В. Светлова / под ред. Л. Е. Артамошкиной и др. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского, 2024. С. 27–38, с. 32, 35.

¹⁰ Каждан А.П. Книга и писатель в Византии. М.: Наука, 1973. (Из истории мировой культуры). С. 111–112. Так и Григора из философа стал явным антихристом, пишущим против Света Преображения Господня (III, 2: р. 322.24–28), и «анти-философом» (III, 16: р. 330.28; cf. III, 21: р. 333.10–14), а также лжемонахом. Поэтому не случайно, что в Синодике в Неделю Православия — в тексте анафемы Григоре — читаем: «Лжемонаху Никифору, именуемому Григорой (Ἰὴ ἀνομάχῳ Νικηφόρῳ καλοῦμένῳ Γρηγόρῳ)...» (*Gouillard J. Le Synodicon de l'Orthodoxie: édition et commentaire* // TM. 1967. Vol. 2. P. 1–316, p. 85.640; см. также: *Rigo A. La professione di fede di Niceforo Gregoras e la risposta di Nilo Cabasilas* // JÖB. 2022. Bd. 72. P. 445–457, p. 450; выделено нами. — Д. М.). Григора, впад в ересь, погряз свой второй, заключаемый всяким монахом завет с Богом. В кратком же ответе св. Нила Кавасилы «как бы от лица священного собора» Григора традиционным для паламитской литературы образом именуется «философом» (*Rigo A. La professione... P. 454.Π.2*). Богословский комментарий к указанным местам см. также: Макаров Д.И. Столкновение исихастов и их противников в Византии XIV века: идейная полемика в эпоху Исихастских споров и её логические аспекты. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского, 2023. С. 224–225.

о спасении при переходе от мысли св. Григория Паламы к мысли Гёльдерлина (как спасительное может стать гибельным, так и наоборот). Примеров же актуализации данной мысли в мировой культуре — неисчислимо количество; из наиболее интересных отметим этическую максиму Ортеги-и-Гассета:

«Человек — существо несчастливое, и именно поэтому в счастье заключается его судьба. Поэтому всё, что человек делает, им делается для того, чтобы быть счастливым»¹¹.

Вопрос о счастье для византийцев (как и для Гёльдерлина в «Патмосе») — это, прежде всего, вопрос о Боге как о предельном основании всякого гуманизма, пусть для людей прагматически мыслящих порой и невидимом. Более чем вероятно, что одним из подтекстов процитированного отрывка «Записных книжек» Клее также выступает начало «Патмоса». Одним из вопросов, который поможет связать проблематику этой философской поэмы начала XIX в. с тематикой Исихастских споров, является вопрос о возможности видения Бога (или богов — в случае Гёльдерлина). М. Н. Соколов убедительно опроверг тезис Г. Зедльмайра о «смерти света» в искусстве XIX–XX вв.¹² «Патмос» позволяет подтвердить и развить наблюдения учёного; ср.: *...es sahe der achtsame Mann // Das Angesicht des Gottes genau...* («и бдящий непосредственно // видел лик того Бога...»)¹³.

Весь вопрос в том, о каком Боге говорят нам Гёльдерлин и — похоже, что вслед за ним — Клее. Как бы то ни было, Он (он?) характеризуется светом. Правда, здесь может крыться и намёк на ситуацию архаических мистерий (включая, быть может, и те, в которых довелось участвовать Платону), с характерными для них переходами от тени к свету или игрою теней на стенах (возможно, подобные практики послужили истоком мифа о пещере); сама же *тень* в древних обществах могла мыслиться как единственная телу, как его непосредственное продолжение¹⁴.

¹¹ *Ortega y Gasset J.* La idea de principio en Leibniz y la evolución de la teoría deductiva. § 5 // *Ortega y Gasset J.* Obras completas. T. VIII. Madrid: Revista de Occidente, 1965. P. 61–356, p. 86.

¹² *Соколов М.Н.* «Из искры пламя». Эстетика и идеология света в новоевропейском искусстве // Огонь и Свет в сакральном пространстве. Материалы международного симпозиума / ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Индрик, 2011. С. 160–162, с. 161.

¹³ *Hölderlin F.* Patmos. Ibid. (см. прим. 6).

¹⁴ *Przyłuski J.* Le théâtre d'ombres et la caverne de Platon // Byz. 1938. Vol. 13. P. 595–603, p. 600.

Далее, видящие Бога праведники, описанные в смешанном языческо-христианском духе, «...отпускать не хотели // Лик Господень, что родиной // стал им» (*und lassen wollten sie nicht // Vom Angesichte des Herrn // Und der Heimat*). И наконец, самое главное у поэта: «Ибо жив Христос» (*Denn noch lebt Christus*). И в то же время речь — и об *античных* богах: «Давно, весьма давно уж // Невидима честь тех, кто правит небом» (*Zu lang, zu lang schon ist // Die Ehre der Himmlischen unsichtbar*). Подобного рода колебания-перетекания между полюсами гуманизма более чем характерны; они формируют ту атмосферу неопределённости и поисков обновлённой, синкретической духовности, которые были столь характерны как для Гёльдерлина, Гёте и Шиллера, так и для романтического движения.

В свою очередь, «Патмос» Гёльдерлина был чем-то вроде пророческого сна-видения в духе Синезия Киренского¹⁵. Со своей стороны, Палама явно знал, готовясь к полемике с Григорой, что именно Никифор написал комментарий к Синезию¹⁶. Наконец, и сам Палама мог иметь довольно чёткое представление о Синезии, поскольку определённое внимание этому мыслителю — епископу-философу — уделил его наставник Феодор Метохит в «Памятных заметках» (между 1317–1328)¹⁷.

¹⁵ «Синезий твёрдо верил в пророческую силу снов... Перенеся источник снов в недра человеческого существа, ...Синезий... переместил в нашу душу сферу Божественного» (*Monticini F.* The Inner Source of Dreams: Synesius of Cyrene's Reception in the Palaiologan Era // *Dreams, Memory and Imagination in Byzantium* / ed. B. Neil & E. Anagnostou-Laoutides. Leiden; Boston: Brill, 2018. (Byzantina Australiensia, 24). P. 82–95, p. 90, 91).

¹⁶ Это был один из двух комментариев на Синезия, дошедших до нас от эпохи Палеологов и составленный ок. 1325 г. (второй — анонимный), издававший должное античной магии: *Monticini F.* The Inner Source..., *passim*; *Guilland R.* Essai sur Nicéphore Grégoras. L'homme et l'oeuvre. Paris: Librairie orientale Paul Geuthner, 1926. P. 11. Григора упоминает в прооимии, что Синезий был ревностным участником «всех халдейских оргий» (*Nicephori Gregorae Explicatio in librum Synesii de insomniis* // PG. 149. Parisiis: Apud J.-P. Migne editorem, 1863. Col. 521–642, col. 524A), что дополняет более нейтральную характеристику Киренского епископа как великого эрудита, стилиста и труженика на ниве изящной словесности, данную Метохитом.

¹⁷ *Theodori Metochitae Semeioseis Gnomikai*, 18.2.8–9 // *Theodore Metochites on Ancient Authors and Philosophy. Semeioseis gnomikai* 1–26 & 71. A Critical Edition with Introd., Translation, Notes, and Indexes by K. Hult; with a Contribution by B. Bydén. Göteborg: Acta Universitatis Gothoburgensis, 2002. (Studia Graeca et Latina Gothoburgensia, LXV). P. 168.4–13; *Makarov D.I.* Some Elements of Communication

Наряду с Гёльдерлином, другой важнейший новоевропейский (точнее — русский) контекст, в который имело бы смысл поместить высказывание Паламы, — «Преступление и наказание» Достоевского (1866), ч. VI, гл. 4 (речь Свидригайлова, обращённая к Раскольникову):

«А когда сердцу девушки станет *жаль* (курсив автора. — Д. М.), то уж, разумеется, это для неё *всего опаснее* (выделено нами. — Д. М.). Тут уж непременно захочется и «*спасти*» (выделено нами. — Д. М.), и образумить, и воскресить, и призвать к более благородным целям, и возродить к новой жизни и деятельности, — ну, известно, что можно наметать в этом роде».

Смысловой контекст высказывания Свидригайлова — раннехристианская (и, возможно, византийская) агиография, доступная автору через посредство Четых-Миней и изданий Оптиной пустыни¹⁸.

В свете построения образа Авдотьи Романовны Раскольниковой как потенциальной мученицы — новой св. Агафии/ Феодулы — такое рассуждение стремящегося её соблазнить (и тем самым подвести под мученический венец) Свидригайлова более чем уместно. Если продолжить сопоставление, то Григора и Акиндин встают в один ряд не только с Каифой (по св. Григорию Паламе¹⁹), но и со Свидригайловым, а сам Палама

Theory in Theodore Metochites' *Memorable Notes (Semeioseis gnomikai)* // Theodore Metochites. *Statesman and Philosopher, 1270–1332* / ed. F. Lauritzen. Steubenville, OH: Franciscan University Press, 2024. P. 108–127, p. 115.

¹⁸ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / отв. ред. В. Г. Базанов. Т. 6. Преступление и наказание: Роман в 6 ч. с эпилогом / текст подгот. Л. Г. Опульская. Л.: Наука, 1973. С. 365; Назиров Р.Г. О прототипах некоторых персонажей Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1974. Т. 1 / ред. В. Г. Базанов, Г. М. Фридендер. С. 202–219, с. 207–209; Тихомиров Б.Н. Примечания // Достоевский Ф. Преступление и наказание. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2024. (Азбука-классика). С. 663; см. также: Макаров Д.И. Достоевский и Житие Андрея Юродивого: возможное заимствование? // Историческая роль Константинополя (в память о 550-летию падения византийской столицы). Тезисы докладов XVI Всероссийской научной сессии византистов. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2003. С. 71–72.

¹⁹ Палама отталкивается от Мф. 26: 65; Мк. 14: 63. См.: S. Gregorii Palamae Adversus Acindynum Antirrheticus II, 9, 27 // Γρηγορίου τοῦ Παλαμῆ Συγγράμματα. Т. Γ' / ἐκδ. Α. Κωντογιάννης, Β. Φανουράκης. Θεσσαλονίκη: Κυρομάνος, 1970. Σ. 85–160, σ. 104.18–24; рус. пер. А. Г. Дунаева: Св. Григорий Палама. К тому же Акиндину — еретику [и стороннику] дурного мнения Варлаама, написавшему сочинение в защиту этого [зломыслия] после бегства одного [Варлаама] и его соборного осуждения, — опровержение второе / пер. с древнегреч. и прим. А. Г. Дунаева //

и монахи-исихасты — со святой великомученицей и сонмом христианских мучеников в целом. Раскольников же и Соня (конструируемая в духе Жития св. Марии Египетской) оказываются образами возрождённого и спасаемого во Христе человечества.

В самом деле, очень скоро таким спасаемым, подобно заблудшей овце, оказывается Раскольников; ср. фрагмент из беседы Свидригайлова с Авдотьей Романовной (ч. VI, гл. 5): «[Свидригайлов.] ...его ещё можно спасти... — [Авдотья Романовна.] ...Разве его можно спасти?»²⁰

В «Преступлении и наказании» мы встречаем и другие, не менее примечательные примеры претворения в тексте произведения «принципа поворота» (А. П. Каждан); см., например: «Наконец, когда она (Соня. — Д. М.) уж дошла до совершенного убеждения в смерти несчастного, — он вошёл в её комнату»²¹.

Знал ли Достоевский Гёльдерлина? Из письма Достоевского брату Михаилу № 52 от 24 марта 1845 г. явствует, как отметила О. В. Золотко, по крайней мере, частичное знакомство писателя с биографией великого немца (в контексте жизненных историй других немецких поэтов) и с перипетиями его жизненной драмы²². Всё это, несомненно, повлияло (пусть и косвенным образом) на продумывание образа Раскольникова («Преступление и наказание» писалось, как известно, в 1865–1866 гг.) и других персонажей писателя. Эти перипетии (бедность, невзгоды, сумасшествие — но и конечная, итоговая тяга к свету) стали одной из основ для наполнения данного образа.

Проводимое нами сопоставление высказывания св. Григория Паламы, построенного в примерном соответствии с присущим византийской и всемирной литературе «принципом поворота» (А. П. Каждан), с текстами Гёльдерлина, Клее и Достоевского не случайно — с точки

Византийские исихастские тексты / сост., общая и науч. ред. А. Г. Дунаева. М.: Издательство Московской Патриархии РПЦ, 2012. (Творения святых отцов и учителей Церкви). С. 218–296, с. 238.

²⁰ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений... Т. 6. С. 379.

²¹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений... Т. 6. С. 402.

²² Достоевский Ф.М. Письмо № 52 М. М. Достоевскому от 24 марта 1845 г. // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / отв. ред. В. Г. Базанов. Т. 28. Кн. 1 / под ред. И. Л. Битоговой. Л.: Наука, 1985. С. 107–109, особ. 109; Золотко О.В. Образ «золотого века» в творчестве Достоевского и его источники в творчестве Шиллера, Гёльдерлина, Новалиса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 119–125, с. 120.

зрения русского читателя всех указанных авторов. Дело, помимо прочего, в том, что романтики, Шиллер и Гёльдерлин, как правило, помещали «золотой век» в эпоху Древней Греции, чем повлияли и на Достоевского²³.

Ироническое переосмысление этого топоса спасения мы встречаем в ряде произведений постмодернистской литературы, например:

«Он только озирался по сторонам, должно быть, в ожидании, что из тумана появится спасение (курсив наш. — Д. М.). Но спасение не появлялось. Да и как оно могло появиться? К тому же из тумана»²⁴.

Помимо отсылок к классике модернистской литературы («Туман» М. Унамуно, 1914²⁵), фоном — и притом неоднозначным — здесь служит и библейская образность.

В сходном (и ещё более заострённом) варианте мы видим гёльдерлиновский парадокс со- и противопоставления в пушкинской песне Вальсингама из «Пира во время чумы» (1830; опубл. 1832). Здесь не место приводить хрестоматийно известные строки (*Всё, всё, что гибелью грозит...*); отметим лишь (вслед за осторожным Е. М. Мелетинским²⁶), что религиозный контекст здесь не просматривается с такой очевидностью, как у Паламы и Гёльдерлина; сам же фон — рыцарской культуры Средневековья — также отличается амбивалентностью²⁷; Пушкин же стремится, разворачивая этот фон, к «нарочитой «объективности»»²⁸.

²³ Золотко О.В. Образ «золотого века»... С. 122–123.

²⁴ Новакович М. Страх и его слуга [2000] / пер. с сербск. Л. Савельевой. М.: Эксмо, 2025. (Магистраль. Главный тренд). С. 11.

²⁵ Существуют два русских перевода романа: 1) Унамуно М. де. Туман / пер. с исп. А. Грибанова // Унамуно М. де. Избранное: В 2 т. Т. 1 / пер. с исп. Л.: Художественная литература, 1981. С. 216–391; 2) Унамуно М. де. Туман / пер. с исп. М. Смирновой. М.: Эксмо, 2024. (Магистраль. Главный тренд).

²⁶ Мелетинский Е.М. Тема «пограничной» ситуации между жизнью и смертью в поздних произведениях Пушкина // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию В. Н. Топорова / отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Индрик, 1998. С. 567–578, с. 573.

²⁷ Цветаева (как известно, блистательно переведшая «Пир во время чумы» на французский язык) воспринимала строчку: *Бессмертья, может быть, залог!* — как языческую (Иванов Вяч. Вс. О цветаевских переводах песни из «Пира во время чумы» и «Бесов» Пушкина // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. II. Статьи о русской литературе. М.: Языки русской культуры, 2000. (Язык. Семиотика. Культура). С. 664–684, с. 674).

²⁸ Мелетинский Е.М. Тема «пограничной» ситуации... С. 573.

В заключение раздела хочется подчеркнуть, как кажется, определённую близость представленного хода рассуждений мышлению и мировосприятию Игоря Павловича Медведева, на книжных полках которого (как памятно автору) притаился и томик Гёте — на языке оригинала...

Оценивая же саму мысль св. Григория Паламы о возможной гибельности спасительного и обратную — Гёльдерлина и Достоевского — о близости спасительного и гибельного — в контексте вопроса о гуманизме и высшем смысле жизни, следует вспомнить проницательное рассуждение В. М. Лурье:

«Гуманизм никогда не мог превращаться в действительную веру (курсив автора. — Д. М.) в человека, т. е. в религию, не получив подкрепления в теософии и оккультной практике. Подобная практика открывает рядом с человеческим нечеловеческое, чем создаёт иллюзию сверхчеловеческого, т. е. как будто достойного поклонения. Но это состояние одержимости. Так было в итальянском Возрождении, в языческом эллинизме, и так же было в России»²⁹.

В конечном счёте, образ Музы у Паламы восходит к той же — в значительной степени неоплатонической — традиции, на которую ориентировался и Гёльдерлин (и — не без его посредства — Клее), поскольку воспеваемый поэтом Бог/ бог — в первую очередь, источник вдохновения для поэта. Такая фигура, как Синесий Киренский, епископ-поэт, философ и богослов, могла быть центром встречи обеих традиций — святоотечески-аскетической (через посредство Метохита и опровергаемого Паламой Григория) и философско-гуманистической.

Если св. Григорий Палама предостерегает против возможных искушений, то творцы литературы новоевропейской — к дерзанию в надежде обрести спасение (Достоевский — более явно, немецкая традиция — скорее, опосредованным образом). Как же, согласно учению св. Григория, выраженному им и в полемике с Григорой, достигается само это спасение?

²⁹ Лурье В.М. Догматика «религии любви». Догматические представления позднего Достоевского // Христианство и русская литература. Сб. второй / отв. ред. В. А. Котельников. СПб.: Наука, 1996. С. 290–309, с. 309. См. также: <https://hgr.narod.ru/dost.htm> (дата обращения — 31.01.2025).

3. Парадоксы энергийной сотериологии: нет энергии Божией — нет и Бога

В третьей книге труда Паламы «Против ложных писаний Григория» содержится одно из наиболее развёрнутых в паламитском корпусе описаний Фаворского Света в его универсальной — сверхвременной и сверхпространственной — значимости:

«Итак, поскольку сей Свет, [явленный] на [горе] Фаворской, — Свет будущего века³⁰, а Свет будущего века существовал до устройства окружающего [нас] чувственного и тленного мира, являя Собой Свет истинный, непреходящий и вечный³¹, как нас чуть выше и научил великий Василий, споспешествуемый [в этом] пророками, апостолами и [бывшими] вслед за ними возвестителями [воли] Божией, — постольку, стало быть, сей Свет Преображения Господня, увиденный апостолами на Фаворе, был, есть и будет, пребывая превыше всякого чувства и всякого слова; и [Свет этот] (который Григора, будучи, воистину, по-мрачённым в том, что касается истинного Света, нечестиво описывает, осмысляет и подаёт [в своих писаниях] как измышление рассудка, как пустое имя и [пустой] глагол (ῥῆμα μόνον)³², исчезающий вместе с колебанием воздуха; относительно которого [Григора] не в силах понять, что Он — по ту сторону всех [разновидностей] чувственного света³³; отрицая и то, что [Он] и есть [те блага], что уготованы в обетовании благоугодившим Богу, а ныне им даются и заранее демонстрируются (προδεικνύμενα), как бы в задатке; не веря и не принимая того, что [эти блага] как неотмирные и прежде мира сущие — превыше

³⁰ Догматические положения о том, что Фаворский Свет нетварен и что это — Свет Второго Пришествия Господня во славе (каковой природной славой нетварной сущности Божией он и является), вошли в заключительную часть Синодика в Неделю Православия: *Gouillard J. Le Synodicon...* Р. 91.744–751.

³¹ Поэтому Он светил, светит и будет светить «единой Церкви истинно верных [Богу] — ангелов и людей» (III, 28: р. 337.4–5). Всё рассуждение Паламы эллиоцентрично; ср. IV, 35–36: р. 359.19–27.

³² Это и есть в чистом виде проявление номинализма в учении Григория о Фаворском Свете (не отмеченное в статье Д. Шицойю).

³³ В противном случае получается, что Лик Господень на Фаворе (Который — в силу единства Богочеловеческой Ипостаси Христа — и излучал через посредство Его обоженной плоти Фаворский Свет) был хуже тьмы над бездной (Быт. 1: 2), — раз этот Лик был чем-то низшим чувственного света — или вовсе не существующим (III, 23: р. 334.19–23).

чувства и ума)[; так вот, Свет этот] — пренебесный, нетленный и вечный» (III, 31: р. 338.28–339.15).

Мы можем записать (исходя из общеизвестного паламитского и православного положения о том, что Свет Фаворский есть энергия Божия, т. е. Сам Бог³⁴) простейшую формулу опытного богопостижения — энергия Божия, будучи Богом, и являет Бога верным, оказываясь (для их ума) лучшим доказательством реальности Его сверхбытия:

$$E_G \supset G \text{ (1).}$$

Это доказательство — абсолютно убедительное и не требующее в этой жизни (для достигших высот богосозерцания) чего-либо иного:

$$E_G \supset \Box G \text{ (2).}$$

(«Раз есть энергия Божия, то Бог с необходимостью существует/не может не существовать»).

В начале четвёртой книги Палама говорит, что Фаворский Свет не может быть отделённым от сущности Божией; «ибо то, что отделено от Божественной сущности, не может быть нетварным» (IV, 13: р. 348.3–4). «Ибо этот Свет есть Сам Бог — и ничто иное (курсив наш. — Д. М.)» (IV, 36: р. 359.28); сущность же Божия — «превыше всякого явления (ὐπὲρ πάντων ἑκφανσιν)» (IV, 19: р. 350.24). Таким образом, явление нетварного Бога не сводится к Его сущности (как иногда, противореча сам себе, полагал Григора [IV, 22–23: р. 352.19–21. 27–29]). Но иногда Никифор называет сей Свет несуществующим (IV, 23: р. 352.30). А ведь, согласно закону исключённого третьего Аристотеля (*Arist. Metaph. II, 3 1005b 20–21*), одно и то же не может быть сразу в одном и том же отношении и непосредственным, и опосредованным (р. 353.15–16)!

Утверждая, что Свет Преображения — то отношение, т. е. «пустой звук и пустое имя, растворяющееся с дуновением воздуха (φωνὴν μόνον καὶ ὄνομα μόνον, ὁμοῦ τῷ πληγέντι ἀέρι διαλυόμενον)³⁵; несуществующее измышление рассудка (ἀνύπαρκτον διανοίας ἀνάπλασμα)» (IV, 37: р. 359.32–360.2), то некий тварный, однодневный (αὐθημερινόν) и непоклоняемый призрак (τι φάσμα), не совечный Христу (IV, 37: р. 360.2–5), Григора выдаёт свою близость традиции александрийских комментаторов на Аристотеля. В самом деле, перечитаем начало Комментария Аммония на «Первые аналитики»:

³⁴ Ср. прим. 30. Нетварен только один Бог.

³⁵ Эквивалент схоластического выражения *flatus vocis*.

«Философ (т. е. Аристотель. — Д. М.), рассуждая о словах (звучаниях, φωνῶν), ведёт речь не о бессмысленных, но о таких, которые обладают значением (τῶν σημαντικῶν), ибо его цель — исследование самих вещей. А в [достижении] этой [цели] ему ничуть не содействуют слова бессмысленные, но — обозначающие [реальные] вещи (αἱ σημαντικαὶ τῶν πραγμάτων). Что проку ему рассуждать о звуке лопнувшей струны и о прочих нелепицах? Поэтому он и провёл в «Категориях» рассуждение не о словах, лишённых смысла, но о тех, что посредством понятий[, выработанных] умом, обозначают [реальные] вещи (περὶ φωνῶν σημαντικῶν τῶν πραγμάτων διὰ μέσων τῶν νοημάτων)»³⁶.

Свет же Фаворский является даже не реальной вещью, πράγμα, а более того — Самим Богом, Творцом и Создателем вещей. В этом рассуждении Паламы проступают следы его занятий философией Аристотеля с Метохитом.

Из сказанного вытекает и та главная формула, которой мы и хотели бы завершить наше изложение, — *если Света Фаворского/энергии Божией нет, то нет и Бога*:

$\sim E_G \supset \sim G$ (3).

Вопросы логико-философской интерпретации полемики Никифора Григоры и св. Григория Паламы требуют дальнейшего углублённого истолкования. Однако её актуальность для понимания Исихастских споров в целом не вызывает ни малейшего сомнения.

О. А. Родионов

Институт всеобщей истории РАН (Москва)

«Послание Макарию»: еще один малоизвестный текст Каллиста Ангеликуда. Editio princeps и русский перевод

Каллист Ангеликуд (ок. 1325 – ок. 1380) — выдающийся представитель поздневизантийской исихастской традиции¹, младший современник (и последователь) Григория Паламы и патриарха Константинопольского Филофея Коккина. Ему принадлежит обширный корпус текстов, значительная часть которых попала в поле зрения исследователей лишь в последние десятилетия XX – начале XXI в.²

Произведения эпистолярного жанра в наследии Каллиста Ангеликуда занимают весьма скромное место. До нас дошло лишь два послания

¹ См. о нем: *Rigo A.* Callisto Angelicude Catafugiota Meleniceota e l'esicasmismo bizantino del XIV secolo. Una nota prosopografica // *Nil Sorskij e l'esicasmismo*. Magnano, 1995. P. 251–268; *Родионов О.А.* Каллист Ангеликуд // *Православная энциклопедия*. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2012. Т. 39. С. 545–554; *Он же.* Исихастское возрождение? Византийское монашество второй половины XIV века глазами Каллиста Ангеликуда // *Каптеревские чтения* — 22. Сборник статей / Отв. ред. Н. П. Чеснокова. М.: ИВИ РАН, 2024. С. 94–109.

² *Syméon Koutsas.* Callistos Angelicoudès. Quatre traités hésychastes inédits. Introduction, texte critique, traduction et notes. Athènes, 1998; *Виноградов А.Ю.* Существует ли «Исихастское утешение» Каллиста Ангеликуда? Предварительные замечания о рукописной традиции текста // *Богословские труды*. М., 2012. Вып. 43–44. С. 367–380; *Родионов О.А.* К вопросу о составе корпуса сочинений Каллиста Ангеликуда // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2019. Т. 10. Выпуск 3 (77). URL: <https://history.jes.su/s207987840004679-5-1/>. DOI: 10.18254/S207987840004679-5; *Rodionov O.* The Literary Legacy of Kallistos Angelikoudes: An Attempt at Systematization // *Studia Universitatis Babeş-Bolyai: Theologia Orthodoxa*. 2022. Vol. 67. N 2: Hesychasm: Theology and Praxis from Late Byzantium to Modernity. P. 43–57.

³⁶ *Ammonii In Aristotelis Analyticorum Priorum Librum I Commentarium* / ed. M. Wallies. Berolini: Typis et impensis Georgii Reimeri, 1890. (CAG, IV/6). P. 1.2–9.

этого автора: «Некоему боголюбивому монаху о внезапной смерти Комнинуца» (Vat. gr. 736, f. 447^r–449^v; в этой рукописи текст представлен в качестве Слова 30 в собрании, известном как «Исихастское утешение») и «Некоему новопостриженному», адресованное монаху по имени Макарий (Barb. gr. 420, f. 353^r–355^v, далее будем именовать его «Послание Макарию»)³. Из исследователей рукописной традиции сочинений Каллиста Ангеликуда ранее только два, архим. Симеон Куцас и А. Ю. Виноградов, обратили внимание на этот текст, однако ограничились кратким его упоминанием при описании рукописи Barb. gr. 420⁴. Архим. Симеон Куцас привел даже небольшую характеристику послания, отметив, что никаких исторических сведений в нем не содержится, а А. Ю. Виноградов отождествил адресата послания с Макарием Катафигиотом (по-видимому, автором Канона умиленного, о котором пойдет речь ниже⁵).

«Послание Макарию», как явствует из заглавия и содержания, адресовано молодому новопостриженному монаху. Об учениках Каллиста Ангеликуда нам известно немного. Тем не менее недавно изданные акты афонского монастыря Ватопед свидетельствуют, что в числе братии обители Каллиста Ангеликуда в Мелениконе (она носила название Катафигион (Καταφύγιον)) был иеромонах Макарий Маникис. Речь идет о комплексе из четырех документов, связанных с тяжбой между монастырем Катафигион и метохом Ватопеда, обителью Спилеон: актов N 158 (1377 г.), 164 (1386 г.), 171 (1394 г.) и 173 (1395 г.)⁶. Этот земельный спор можно назвать также «делом Макария Маникиса», поскольку именно его действия отчасти послужили причиной для многолетнего разбирательства⁷. В двух актах (N 158, l. 5–6; N 164, l. 20) обитель Катафигион упоминается как монастырь Каллиста (в первом приведено и его фамильное прозвище в форме «Антиликуд»). Остальные два, N 171 и 173, повествуют о продолжении перипетий тяжбы.

³ Rodionov O. The Literary Legacy of Kallistos Angelikoudes. P. 54–55.

⁴ Syméon Koutsas. Callistos Angelicoudès. Quatre traités hésychastes inédits. P. 80; Виноградов А. Ю. Существует ли «Исихастское утешение» Каллиста Ангеликуда? С. 373.

⁵ Родионов О. А. «Канон умиленный ко Господу нашему Иисусу Христу» Макария Катафигиота: неизвестный памятник исихастской гимнографии XIV в.? // Каптеревские чтения — 17. Сб. статей / Отв. ред. Н. П. Чеснокова. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 49–75.

⁶ Actes de Vatopédi. III, De 1377 à 1500 / éd. diplomatique par J. Lefort, V. Kravari, Ch. Giros, K. Smyrlis et R. Estangüi Gómez (Archives de l'Athos XXIII), Paris 2019. P. 60–64 (N 158); 87–93 (N 164); 121–125 (N 171); 128–133 (N 173).

⁷ Ibid. P. 61; Rigo A. Callisto Angelicude Catafugiota Meleniceota. P. 266–267.

По рукописям монастырей Св. Пантелеимона и Каракалл на Афоне (Pantel. 299(5806), с. 359–365 и 811(6318), с. 205–229; Karakall. 40β', с. 25–33⁸) нам известен также Макарий Катафигиот — автор «Канона умиленного ко Господу нашему Иисусу Христу». В рукописи Pantel. 299 канон представлен как «Творение Макария Катафигиота, подвизавшегося в том же исихастирии “Катафигион”, где безмолвствовал и Каллист Катафигиот, получивший [от этого] такое именование»⁹. Название Катафиги/Катафигион встречается в византийский и поствизантийский периоды, в том числе на Афоне, довольно часто. Очевидно, само именование составителя канона Катафигиотом не может служить доказательством, что рассматриваемое произведение в самом деле было создано в монастыре Катафигион, игуменом которого был Каллист Ангеликуд. В то же время, ряд внутренних свидетельств текста этого гимна позволяет предположить, что он был создан в кругу учеников Каллиста, хорошо знакомых с его учением, а потому мог принадлежать действительно перу Макария Катафигиота, возможно даже — известного нам по актам Ватопеда Макария Маникиса.

В любом случае, не вызывает сомнений, что у Каллиста Ангеликуда-Катафигиота был ученик по имени Макарий. Этот Макарий, безусловно, мог именоваться Катафигиотом, как и его наставник.

«Послание Макарию» представляет собой достаточно типичное обращение настоятеля к новопостриженному монаху, однако содержит и целый ряд особенностей, присущих сочинениям Каллиста Ангеликуда. Прежде всего, следует отметить характерный для большинства текстов этого автора стиль, хотя и не столь усложненный, как, например, в Словах «Исихастского утешения»¹⁰. Послание затрагивает большинство аскетических и богословских тем, более подробно изложенных в других произведениях Каллиста¹¹. Обращает на себя внимание описание уподобления человека в различных его состояниях различным животным, что напоминает

⁸ См.: Родионов О. А. «Канон умиленный ко Господу нашему Иисусу Христу» Макария Катафигиота. С. 49–52.

⁹ Там же. С. 50, 56.

¹⁰ Об особенностях языка Каллиста Ангеликуда см.: Родионов О. А. Каллист Ангеликуд. С. 549–550.

¹¹ См.: Там же. С. 550–552; Rodionov O. The Chapters of Kallistos Angelikoudes. The Relationship of the Separate Series and Their Main Theological Themes // Byzantine Theology and its Philosophical Background / Ed. by A. Rigo. Turnhout, 2011. P. 141–159;

популярные в Средние века повествования «Физиолога». Тем не менее, следует отметить, что все упоминаемые Каллистом животные встречаются на страницах Библии, откуда, по-видимому, и перекочевали в увещание новопостриженному. Необычным представляется сквозной образ «прилепления, приклеивания» ученика к новой, духовной жизни, заимствованный из практики так называемой «иксевтики» — ловли птиц при помощи специального клея. Известны византийские переработки античных сочинений о подобной охоте¹², откуда, возможно, Каллист и позаимствовал материал для своей нетривиальной метафоры.

Настоящая публикация призвана ввести в научный оборот оригинальный греческий текст «Послания Макарию». Editio princeps послания подготовлено по рукописи Barb. gr. 420, f. 353^r–355^v. Сочинение дошло до нас в составе единственной рукописи, однако необходимо учитывать, что эта рукопись представляет собой автограф Каллиста Ангеликуда¹³. В рукописи имеются незначительные утраты текста, отмеченные в издании с помощью угловых скобок. В тех случаях, когда очевидно ошибочное написание требовало исправления, чтения рукописи выносились в критический аппарат издания. Ссылки к библейским цитатам и аллюзиям, содержащимся в послании, приведены в примечаниях к русскому переводу. В силу того, что византийская пунктуация наилучшим образом передает смысловые оттенки текста, как недавно было блестяще показано Ж. Норе и другими исследователями¹⁴, в настоящем издании знаки препинания находятся на тех же местах, что и в рукописи, хотя сама система знаков несколько упрощена и приближена к общераспространенной. Сохранены и особенности византийской акцентуации¹⁵.

¹² См., напр.: *Garzya A.* Dionysii ixeuticon seu de aucupio libri tres in epitomen metro solutam redacti. Leipzig, 1963.

¹³ *Виноградов А.Ю.* Существует ли «Исихастское утешение» Каллиста Ангеликуда? С. 374; ср.: *Rigo A.* Callisto Angelicide Catafugiota Meleniceota. P. 256.

¹⁴ *Noret J.* Notes de punctuation et d'accentuation byzantines // *Byzantion*. 1995. T. LXV. Fasc. 1. P. 69–88; *Bourbouhakis E. C.* Not Composed in a Chance Manner. The Epitaphios for Manuel I Komnenos by Eustathios of Thessalonike. Uppsala, 2017 (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Byzantina Upsaliensia 18). P. 195*–209*.

¹⁵ *Noret J.* Quand donc rendrons-nous à quantité d'indéfinis prétendument enclitiques l'accent qui leur revient? // *Byzantion*. T. LVII (1987). Fasc. 1. P. 191–195; *Idem.* L'accentuation Byzantine: En quoi et pourquoi elle diffère de l'accentuation «savante» actuelle, parfois absurde // *The Language of Byzantine Learned Literature* / Ed. by M. Hinterberger. Turnhout: Brepols, 2014. P. 96–146.

Каллист Ангеликуд

Послание Макарию

Editio princeps

B — Barb. gr. 420, f. 353^r–355^v

Πρός τина νεόκουρον εἰλό<ντα> <...>

<M>ακαρίφ, τῷ τὴν μακαρίαν ζωὴν καὶ ὁδὸν ἐλομ<ένω> τὴν θεοειδῆ καὶ ἀκήρατον, διὰ τῆς τοῦ καλέσαντός σε Ἰησοῦ Χριστοῦ χάριτος ἐν δόξῃ, τέκνω ὑπερλίαν πνευματικῶς ἡγαπημένω, χαίρειν χαρὰν οὐράνιον καὶ ἄφθαρτον, καὶ μακαρίαν τῶντι. Εὐχαριστῶ τῷ θεῷ καὶ πατρὶ τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, τῷ ἐκλεξαμένω καὶ καταλέξαντί σε μετὰ τοῦ κλήρου τῶν ἁγίων ἐν Χριστῷ, εἰς ζωσαν καὶ ἀκήρατον εὐφροσύνην καὶ κληρονομίαν σφόδρα ὑπερφυᾶ καὶ ἀμάραντον. Διὸ δὴ ἀγαλλιάσεως οὐκ οὐκ δῆτα μετρίας ἢ ψυχὴ μου πεπλήρωται· καὶ μάλιστα ἐφ' ᾧ ἰξεύθης ὡς ἔφης ἰξῶ λογικῶ τοῦ πνεύματος· ἐφ' ᾧ οὐ παρήκε κύριος ἐπιχαρῆναί σοι ὁ κοινὸς ἡμῶν τοῦ γένους ἐχθρὸς διάβολος, ἀλλὰ σου τὸν νοῦν διήνοιξεν ἐπιβραχύ, διαγῶναι τὸ παροδικὸν τοῦ παρόντος, καὶ τὸ τοῦ μέλλοντος αἶδιον βίου, καὶ μὲν γε, πῶς ᾧδ' ¹⁶ ἄντικρυς ὀνειρώττουσιν ἄνθρωποι, καὶ σκιάς που διώκειν εἰκόασι, τοῖς παροῦσι προσκείμενοι. Ὅσοι δὲ δὴ περ ἦραν ἀγαθῇ τῆς χάριτος ὁδηγία τοὺς ὀφθαλμοὺς αὐτῶν εἰς τὰ ὄρη τὰ νοητὰ τοῦ θεοῦ, καὶ τὴν ἐν αὐτοῖς οὖσαν θεῖαν ἀλήθειαν ὡς ἐνὸν ἐγνώσαν, καὶ τῶν ὁρατῶν τὴν προσπάθειαν ἀπεστράφησαν ὅλῳ μένει ψυχῆς, ἥκεν ἐκεῖθεν αὐτοῖς βοήθεια· καὶ τοιαύτη γέ τοι, οἷα ἐληλυθέναι εἰκὸς ἐκ θεοῦ τοῦ ποιήσαντος τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν. Ἰξεύθης υἱὲ τῷ τῆς ἀληθείας πνεύματι, οὐκ εἰς ||f. 353^v|| ἀπώλειαν, ἀλλ' εἰς περιποίησιν, καὶ ὑπερουρανίων χρημάτων ἐπικτησιν. Ἰξεύθης ἀληθῶς, ἀλλ' οὐχ ἵνα ἡ νοερά σου πτηνότης ὑπὸ δεσμὸν γένηται, ἀλλ' ἵνα μᾶλλον πρὸς πτῆσιν ἀλώβητον καὶ ἐοικυῖαν ¹⁷ λογικῇ ψυχῇ ἀποκαταστή· καθ' ἣν μαρτύρομαι σοι τὸν τῶν ἀρρήτων χαρίτων κύριον καὶ χορηγὸν ἀκολούθως, ὑπεράνω τῶν νώτων τοῦ οὐρανοῦ ὑπερίπταται ὁ ἀνθρώπινος νοῦς, πνευματικὰ ἐργαζόμενος, κὰν τῷ θεῷ τοῦ οὐρανοῦ μελετῶν ἐξαΐσια· καὶ ὄντως ἀγγελικῆς ἀξίας μέτοχος γίνεται παραδόξαν· καὶ ἄνεισιν εἰς θείας καὶ ὑπὲρ νοῦν λαμπρότητας, καὶ μυστηρίων γεύεται

¹⁶ ᾧδ'·] ᾧδ'· B

¹⁷ ἐοικυῖαν] ἐοικυῖαν B

θαυμασίων αισθήσει ψυχῆς, καὶ τρυφᾷ διηνεκῶς ὑπερκόσμια, πᾶσαν κτίσιν τῷ λογισμῷ ὑπερاناβὰς ἐν ἀγία ροπῇ τοῦ πνεύματος, καίτοιγε, γεῶδει σώματι συνών, καὶ τούτῳ βαρούμενος. Ἀλλὰ ταυτὶ μὲν, ὕστερον ἢ χάρις διανέμει, καὶ οἷον τακτηδὸν εὐδοκεῖ. Νυνὶ δὲ νεόλεκτον τῆς τοῦ Χριστοῦ ποιμνῆς καὶ εὐλογίας ἀρνίον, τῷ πνευματικῷ γάλακτι τράφηθι· τῇ τῆς χάριτος ἐλπίδι διαθερμάνθητι· καὶ ὑπὸ τὸν νόμον καὶ τὴν νομὴν τῆς θείας ποιμάνσεως, δηλαδὴ τῆς διδασκαλίας, εὐθύμως καὶ ἀκάκως πορεύθητι· ὡς ἂν δῆπουθεν ἢ τρυφερίᾳ σου διαφύγῃ τὸ τῆς φθορᾶς στόμιον, καὶ τὸν ὡς λέοντα δεινῶς ὠρυόμενον¹⁸ διάβολον, καὶ ζητοῦντα τίνα εὐρόντα τῆς ποιμνῆς ἄπω, καταπῇ ὁ ἐξωλέστατος. Ἐπεὶ δὲ ἀρνία τὰ λογικὰ οὐμενουν φύσις ἅ||f. 354^r|| <γει>ν πέφυκε, πόρρω γὰρ τοῦτο λόγου, ἀλλ' ἄγειν λόγος <...> τὸ αἰρετὸν καὶ φευκτόν, ᾧ μὲν, προσίεσθαι, ὃ δὲ ἀπωθεῖσθαι, φέρε ἀντιπαντός τινος ποιμαντικῆς ράβδου¹⁹, τῷ ἀληθεῖ καὶ πνευματικῷ καὶ ἀνεπιθολώτῳ λόγῳ καθοδηγησώμεν σοι διὰ τῆς χάριτος· ἵν' ἐν τούτῳ ἐπινεύσης τοῖς δέουσιν, καὶ ἀπονεύσης τῶν οὐ δεόντων, αὐξήσης τὲ κατὰ τὸ εἶκος, καὶ μεταβιβασθῇς ἐφαμίλλως ἀπὸ τῆς ἐκμυζήσεως, ἐπὶ τὸ ἐπιβόσκεσθαι πνευματικῶς καὶ προσφόρως τὰ ἐπιβάλλοντα· ἀλλοιούμενος πάντως, καὶ ἀπὸ δόξης εἰς δόξαν ἀγόμενος ἀρμοζόντως. Δήλου καὶ γὰρ ὄντος παντὶ νουνεχεῖ, ὡς ἀπαρχὴ πάσης αἰσθητῆς καὶ νοητῆς κτίσεως, καὶ οἷον εἰπεῖν πάντων θαυμαστῶς μεθόριον ὁ ἄνθρωπος πανσόφως πλασθεὶς ὑπὸ τοῦ θεοῦ, καὶ φύσει καὶ λόγῳ, καὶ αισθήσει καὶ προβουλίῳ ἀγόμενος, δεδύνηται γιγνομένως ἐν ὁποιοδηποτοῦν ἦθει²⁰ καὶ τρόπῳ τῶν ὄντων μιμητικῶς διαζῆν, καὶ μὲν δὴ διαβαίνειν ἀπὸ τουδὶ τῆς καταστάσεως, εἰς ἀλλοίαν κατάστασιν· ὑψηλοτέραν τάχα, ἢ δήπου ταπεινοτέραν· ἀναντεστέραν, ἢ περιπεζωτέραν· ἐπαναβεβηκυῖαν²¹, ἢ χθαμαλωτέραν· καὶ που τίς προβάτου ἢ ἀρνίου τρόπον τινὰ φέρειν διάθεσιν· ἢ δὴ ἐν μόνῃ δορᾷ προβάτου, τὸ ἀρπακτικὸν καὶ ἄγριον ὑποκεκρυμμένον ἄγειν ἴσως τοῦ ἀραβικοῦ λύκου, ἢ τὸ δολεργὸν τῆς ἀλώπεκος, ἢ τὸ τοῦ λέοντος βλοσυρόν²² τε καὶ σκεπαστικὸν τῆς ἰδίας ὁδοῦ ||f. 354^v|| καὶ τὸ φίλαρχον· καὶ ἀπλῶς φάναι, τοῦδε ἢ τοῦδε ζώου ἐνός ἢ καὶ πολλῶν ιδιώματα μιμητικῶς εἰς ἄνθρωπος φέρειν δυνατόν, καὶ ταῦθ' ὑπ' ἔπαινον ἢ κατηγορίαν νομιζόμενα. Οὐ μὴν δέ, ἀλλὰ καὶ ἄγγελος ἄλλος, ἢ ἵν' εἴπω καὶ χερουβίμ, προσθήσω δ' ὅτι καὶ θεός, τὸ πάνυ θαυμάσιον,

¹⁸ ὠρυόμενον] ὠρυόμενον **B**

¹⁹ ράβδου] ραύδου **B**

²⁰ ἦθει] εἶθει **B**

²¹ ἐπαναβεβηκυῖαν] ἐπαναβεβηκυῖαν **B**

²² βλοσυρόν] βλοσυρόν **B**

οὐ πόρρω τῆς ἐν αὐτῷ σὺν τῇ χάριτι δυνάμεως. Πάντα γὰρ ἐστὶν ἰδιότητος τρόπον διὰ τὸ διπλοῦν τῆς φύσεως καὶ τὴν εἰκονικὴν χάριν, τὰ ὄντα καὶ τὰ νοούμενα δυνάμει ὁ ἄνθρωπος· καὶ πολλὴν ὄσιν καὶ ἀνέκφατον εἴληγεν ἐκ θεοῦ τὴν τιμὴν καὶ τῆς δόξης τὸ ἡλίκον οἷον μέγεθος. Καὶ γὰρ οὖν, ὑπὲρ ξύμπαντα κτιστὰ οὗτος ἔτυχε τῆς τιμῆς καὶ δεδόξασται λίαν ὑπερφῶς, εἰ ἄρα δῆθεν τοὺς θεῖους τύπους τῶν ἀγαθῶν καὶ καλῶν ἀναμάττεσθαι δύναται, καὶ ὑπὲρ ἡμῶν ὁ λόγος ὃ τοῦ θαύματος, σὰρξ ἐγένετο καὶ ἐσκήνωσεν ἐν ἡμῖν, καὶ κατὰ πάντων μόνον πιστῶν, ἐξέχεε τὴν μετουσίαν τοῦ ἀγίου καὶ ζωοποιοῦ πνεύματος, ὡς τελεῖν ἀληθείᾳ κληρονόμους μὲν, θεοῦ, συγκληρονόμους δὲ τοὺς μετόχους, Χριστοῦ. Διατοῦτο μακάριος οὐχ ἅπαξ οὐδὲ δις ἢ τρίς, ἀλλὰ καὶ πολλάκις καὶ μυριάκις ὁ πρὸς τὰ ἀληθῆ ἀγαθὰ καὶ καλὰ ἐπιστρέψας τὸν ἑαυτοῦ νοῦν μετὰ τῆς ἰδίας ψυχῆς· παράδεισος γὰρ οὖν ἄλλος ἔσται πνευματικὸς ἢ καρδία αὐτοῦ, καὶ μυρίων ὅσων ἀγαθῶν καὶ καλῶν ἔμπλεως. Ἀμέλει τοίνυν υἱὲ Μακάριε γνήσιε ἐν Χριστῷ, τοπρὶν πτηνὸν τρόπῳ γέ τῳ τυγχάνων αὐτὸς τῇ ἀστασίᾳ καὶ εὐτρεψίᾳ τοῦ νοῦ, τοῖς τε εἰκαίοις καὶ ὑψηλόροις φρονήμασιν, ἰξεύθης ||f. 355^r|| <...> τῆς ἀληθείας θεϊότητι, κατ' εὐθύς <ἀρ>νίον Χριστοῦ· ἔπειτ' οὖν καὶ πρόβατον γένοιο ἂν τῆς <με>ρίδος αὐτοῦ, καὶ φωνῆς ἀκούσῃς τῆς εὐλογημένης, καὶ μὲν τάξιν ἀετοῦ μετελεύσει, τῶν χαμαιζήλων ὑπεραρθεὶς καὶ ὑπεραναβὰς τὸ σῶμα τῆς ταπεινότητος· τὰ ἄνω ἐφέσει πάσῃ ζητῶν, τὰ ἄνω φρονῶν, οὗ ὁ Χριστὸς ἐστὶν ἐν τῇ τοῦ πατρὸς καθήμενος δεξιᾷ· ὅτε καὶ κληρονόμος θεοῦ ἐπειχθήσῃ γενέσθαι ταχεῖ τῷ τῆς διανοίας πτερῷ· καὶ ἀετώδει τρόπῳ τὰ πόρρω καὶ πολλοῖς μὴ ὁρώμενα κατίδοις ἂν· καὶ μεγάλων τινῶν θεαμάτων καὶ ἀλέκτων θεατῆς γενέσθαι ἀξιωθήσῃ διὰ τῆς τοῦ κυρίου Ἰησοῦ χάριτος· καὶ δὴ δυσάλωτος τοτηνικάδε τοῖς ἐρηπηστικοῖς καὶ ἰοβόλοις ἔση θηρίοις τοῖς νοητοῖς, καὶ πρὸς τροφὴν τὴν ζωοποιοῦν ὁξὺν ἔξεις τὸ νοερὸν ὄμμα καὶ ἀδιάστροφον· καὶ πολλῆς τινος καὶ προσηκούσης τῇ πνευματικῇ σου ἀγωγῇ ἐλευθερίας πλησθήσῃ, καὶ ἀγγελικῶς ὡσανεὶ βιώσῃ, καὶ τῆς θεοποιοῦ χάριτος μεθέξεις, καὶ ζησεις ἀληθῶς ὑπὲρ ἄνθρωπον· φαινόμενος μὲν, καὶ τοῖς ἀγνοοῦσι λογιζόμενος ἄνθρωπος, τῇ ἀληθείᾳ δέ, καὶ μυστικῷ τινι πράγματι, ὑπὲρ τὸν οὐρανὸν ἀνιπτάμενος καὶ ἐν οὐρανίοις περιπολῶν χρήμασι, καὶ τρυφῶν αἰῶνια καὶ ὑπερκόσμια, καὶ μὲν γε λέγων μετὰ τοῦ ὁσίου Δαυὶδ, «Εγὼ δὲ ἀγαλλιάσομαι ἐπὶ τῷ κυρίῳ, χαρήσομαι²³ ἐπὶ τῷ θεῷ τῷ σωτῆρι μου· καὶ μεθυσθήσομαι ἀπὸ πύοτος οἴκου αὐτοῦ, καὶ τὸν χειμάρρουν ||f. 355^v|| <τῆς τρ>υφῆς αὐτοῦ ποτιεῖ με»· εἰς τὰ θεῖα τε πλουτῶν,

²³ χαρήσομαι] χαρίσομαι **B**

καὶ μετὰ Π>αύλου βοῶν· «Ὡ βάθους πλούτου καὶ γνώσεως θεοῦ»· καὶ ὅτι «Ἔχομ<εν> δὲ τὸν θησαυρὸν τοῦτον, ἐν ὀστρακίνοις σκεύεσιν»· ὑπὲρ λόγον γέ τοι μετεωρίζομενος καὶ δοξαζόμενος, πάλιν μετὰ τοῦ Δαυίδ, «Σὺ δὲ κύριε ἀντιλήπτωρ μου εἶ, δόξα μου, καὶ ὑψὼν τὴν κεφαλὴν μου»· καὶ μετὰ Σολομῶνος, «Δόξα κυρίου καλύπτει λόγον»· οὐ γάρ ἐστι διῆνενα λόγος, τὰ μὴ μόνον ὑπὲρ λόγον, ἀλλὰ καὶ ὑπὲρ νοῦν θεωρούμενα μυστικῶς, καὶ εἰς ἀπόλαυσιν καὶ τρυφὴν γιγνόμενα καὶ εἰς δόξαν ἀναχρῶννύμενα, καὶ εἰς κτῆσιν τοῦ πνευματικῶς θεωροῦντος μετατιθέμενα. Εἶεν δὴ οὖν. Ἀλλὰ σύ γε νῦν ἤδη ἐλπίσι τῆς ἀληθείας ὑπείξας χρησταῖς, τὸ τριμερὲς τῆς ψυχῆς σου, οὕτως ἰάτρευε· τὸ μὲν λογιστικόν, προσευχῇ καὶ θεωρίᾳ ἐν ἀγρύπνῳ ἀναγνώσει· τὸ δὲ θυμικὸν πραότητι καὶ ταπεινώσει ἐν διαπύρῳ ὑποταγῇ· τὸ δὲ ἐπιθυμητικόν, κόπῳ καὶ νηστείᾳ συμμέτρῳ, καὶ τῇ τῶν αὐτῶν καὶ κρειττόνων ἐφέσει καὶ μελέτῃ καὶ ἀνατάσει. Τοῦτον δῆτα τὸν τρόπον, ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ τῷ κυρίῳ ἡμῶν, κατὰ τὸ ἐνόν σοι τῆς δυνάμεως ἀτενῶς ἀφορῶν, καὶ τὰς ἀγίας αὐτοῦ ἐντολὰς μονοῦ ἐν χερσὶν ἔχων, τῷ τῆς ἐκπράξεως αὐτῶν ἐτοίμῳ κατὰ καιρὸν, γρηγόρησον κατὰ τῶν παθῶν, ἀνθίστάμενος καὶ ἀντιπράττων αὐτοῖς διὰ προσευχῆς καὶ πάσης καθηκούσης πράξεως, καὶ διὰ πάντων πόρρῳ ὠθῶν αὐτὰ τῆς καρδίας σου, τῇ ἐπαρωγῇ τοῦ Χριστοῦ, ἀμήν.

Каллист Ангеликуд

<Послание> к некоему новопостриженному <...>

Макарию, избравшему блаженную жизнь и путь боговидный и непорочный, благодатью призывавшего тебя Иисуса Христа во славе, чаду, сверх всякой меры духовно возлюбленному, [желаю] радоваться радостью небесной, и нетленной, и поистине блаженной. Благодарю Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа, избравшего и причислившего тебя к уделу святых во Христе для живого и непорочного веселия и наследия весьма сверхприродного и неувядающего. Поэтому-то душа моя исполнилась ликования безмерного, и особенно о том, что, как ты [сам] сказал, ты прилепился разумным клеем Духа; о том, что Господь не попустил потешиться над тобою общему врагу нашего рода диаволу, но немного приоткрыл твой ум, чтобы ты распознал преходящий [характер] настоящей и присносущий — будущей жизни, и [постиг], как люди здесь буквально пребывают во сне и уподобились

гоняющимся за теньями, будучи привержены настоящему. А те, кто благим путеводительством благодати *возвел очи* свои к мысленным *горам*²⁴ Божиим, и сущую на них божественную истину, насколько это возможно, познал, и всей силой души отвратился от пристрастия к видимому, — *пришла* оттуда им *помощь*²⁵; и притом столь великая, какой и подобает прийти от Бога, *сотворившего небо и землю*²⁶. Ты уловлен, словно клеем, сын, Духом истины, [уловлен] не на гибель, но для приобретения и стяжания вышненебесных благ. Ты уловлен, словно клеем, поистине, но не для того, чтобы твоя мысленная окрыленность оказалась в узах, а скорее для того, чтобы возродить ее к безукоризненному и подобающему разумной душе полёту, в каковом [полёте], — призываю тебе в свидетели Господа, а следовательно и подателя неизреченных благодатей, — человеческий ум взлетает выше небесных сводов, летит, занятый духовным и в Боге небесном изучая необычайное, и во истину паче чаяния становится причастным ангельскому достоинству, и восходит к божественным и превосходящим разумение блистаниям, и вкушает дивных таинств чувством души, и наслаждается непрестанно надмирным, превзойдя помыслом всякое творение в святом веянии Духа, хотя и сопряжен с [созданным] из земли телом и отягощен им. Но это все благодать подает потом и как бы постепенно являет благоволение. Ныне же, новоизбранный агнец Христова стада и благословения, напитайся духовным молоком, согрейся надеждой на благодать, и под законом и управлением божественного пастырства, то есть учения, выйди в путь радостно и незлобиво, — так, чтобы твой нежный возраст избежал пасти тления и льва — гибельнейшего диавола, страшно *рыкающего* и *ищущего*, *кого поглотить*²⁷, найдя вне стада. А поскольку разумные агнцы водимы отнюдь не природой, — ведь это далеко от разумного, — но водимы разумом к желаемому или к тому, чего следует избегать, так, чтобы к одному приступать, а от другого отвращаться, считай, что вместо всякого пастушеского посоха мы наставим тебя на путь истинным, и духовным, и незамутненным словом, с помощью благодати: чтобы благодаря этому [слову] ты склонился к должному и уклонился от недолжного, возрос надлежащим образом и

²⁴ Ср. Пс. 120, 1.

²⁵ Там же.

²⁶ Пс. 120, 2.

²⁷ 1 Пет. 5, 8.

постепенно перешёл от младенческого вскармливания к питанию на пастбище, как подобает, в духовном и благопристойном смысле, конечно, претерпевая изменение и будучи сообразно ведом от славы к славе. Ведь ясно всякому разумному, что начаток всякого чувственного и умного творения и, так сказать, дивно [устроенная] граница всего [сущего] — человек, всепремудро созданный Богом и руководствующийся и природой и разумом, и чувством и произволениями, — поистине может подражательно прожить в каком бы то ни было нравственном состоянии и способе существования сущего и даже перейти из одного состояния в иное состояние, возможно, более высокое или, скажем, более низкое; более возвышенное или более приземлённое; высоко превознесённое или более униженное. И кто-то может неким образом являть расположение овцы или агнца, или же, только [облеченный] овечьей шкурой²⁸, скрывая хищный и дикий нрав, вести себя подобно аравийскому волку²⁹; или [являть] коварство лисы, или грозный облик, и умение скрывать свои следы, и властолюбие льва. И попросту говоря, один человек подражательно может нести в себе свойства того или иного животного, одного или даже многих, и притом [свойства] достойные похвалы или заслуживающие осуждения. Но не только это: стать новым ангелом или, скажем, даже херувимом, прибавлю же еще, и богом, что весьма дивно, — не чуждо сущей в [человеке] силы, сопряженной с благодатью. Ибо человек особенным образом в возможности есть всё сущее и умопостигаемое, благодаря двойственности природы и благодати образа; и столь великую и несказанную честь и безмерное величие славы получил он от Бога. Ведь он обрел честь и был прославлен весьма сверхъестественно больше, чем все творения вкупе, коль скоро он может запечатлевать [в себе] божественные отображения благого и прекрасного, и ради нас Слово, — о чудо! — *стало плотью и обитало с нами*³⁰, и на всех, [но] только верных, [Бог] излил причастие Святого и Животворящего Духа, чтобы поистине сделать причастников наследниками Божиими, сонаследниками же Христу³¹. Поэтому блажен не единожды, и не дважды или трижды, но многократно и великое множество раз, тот, кто обратил свой ум со своею душой

к истинному благу и прекрасному. Ведь его сердце станет новым духовным раем и наполнится столь премногим благим и прекрасным. Итак, безусловно, Макарий, подлинный сын во Христе, прежде неким образом уподобившийся птице непостоянством, и переменчивостью ума, и пустыми и высокомерными помышлениями, ты прилепился, словно клеем, к божественной истине, — и затем тотчас да станешь агнцем Христовым, а потом и овцой Его удела, и услышишь Его благословенный глас, и достигнешь чина орла, превозносясь над низменным и превзойдя тело смирения, ища горнего всем своим устремлением, *помышляя о горнем*³², где пребывает Христос, восседая одесную Отца, и устремись быстрым крылом разума стать наследником Божиим, и наподобие орла увидишь далёкое и для многих невидимое, и удостоишься стать зрителем неких великих и невыразимых видений, благодатью Господа Иисуса. И тогда ты будешь трудноуловим для пресмыкающихся и ядовитых мысленных зверей, и будешь иметь умный взор острым и нерассеянным, [направленным] к животворной пище, и исполнишься некой великой и присущей твоему духовному образу жизни свободой, и будешь жить словно ангельски, и причастишься боготворящей благодати, и будешь жить поистине превыше человека. Ты будешь казаться человеком, и несведущие будут считать тебя [человеком], но истинно и в некой таинственной действительности ты будешь взлетать выше неба, и странствовать среди небесных достояний, и наслаждаться вечным и надмирным, и говорить с преподобным Давидом: *«Я же возликую о Господе, возрадуюсь о Боге Спасителе моем»*³³, и *опьянюсь от тука дома Его, и потоком сладости Его Он напоит меня»*³⁴, обогащаясь божественным³⁵ и с Павлом вопия: *«О, глубина богатства и ведения Божия!»*³⁶ и *«Имеем же сокровище это в глиняных сосудах»*³⁷, превыше слова возносясь и прославляясь, и снова с Давидом [возглашая]: *«Ты же, Господи, заступник мой, слава моя и возносящий голову мою»*³⁸, и с Соломоном: *«Слава Господа*

²⁸ Ср. Мф. 7, 15.²⁹ Ср. Авв. 1, 8.³⁰ Ин. 1, 14.³¹ Ср. Рим. 8, 17.³² Ср. Кол. 3, 2.³³ Ср. Авв. 3, 18.³⁴ Ср. Пс. 35, 9.³⁵ Ср. Лк. 12, 21.³⁶ Рим. 11, 33.³⁷ 2 Кор. 4, 7.³⁸ Пс. 3, 4.

скрывает слово»³⁹. Ведь слово не может проникнуть в то, что превосходит не только слово, но и ум, созерцаемое таинственно, и становящееся [предметом] вкушения и наслаждения, и окрашиваемое славою, и переходящее во владение созерцающего духовно. Итак, да совершится [это]! Но ты, уже ныне покорившись благим надеждам истины, так врачуй троичность своей души: разумную [часть] — молитвой и созерцанием в неусыпном чтении; яростную [часть] — кротостью и смирением в пламенном подчинении [наставнику], а вожделеющую [часть] — соразмерным трудом и постом, и желанием, и изучением, и устремлением к нематериальному и лучшему. Именно таким образом, во Христе Иисусе Господе нашем, насколько это тебе по силам, пристально взирая, и святые Его заповеди едва ли не в руках имея своевременным их исполнением с готовностью, бодрствуй против страстей, противостоя и противодействуя им молитвой и всяким надлежащим деланием, и всегда изгоняй их прочь из своего сердца с помощью Христовой. Аминь.

³⁹Притч. 25, 2.

С.П. Карпов
Московский гос. университет им. М.В. Ломоносова
Научно-исследовательский Институт истории и
археологии Византии и Причерноморья СевГУ (Севастополь)

Что нужно для выживания фактории: запросы и реальные возможности снабжения венецианской Таны в XV веке

XV век был временем мучительного и трудного восстановления венецианской фактории после её разгрома Тимуром в 1395 г.¹ и прерывавшегося новыми разрушительными атаками² в обстановке постоянной опасности и изменившейся не к лучшему торговой конъюнктуры.

В начале XV в. Тана еще не оправилась от нанесенного ей ущерба. Дом консула, церковь св. Марка, палисад и укрепления находились в руинированном состоянии и требовали ремонта. В 1409 г. вновь отправляемому в Тану консулу Даниэлю Лоредану было разрешено израсходовать на починку всех этих сооружений минимально необходимую сумму из поступлений казны фактории в пользу коммуны Венеции³.

Подробное описание топографии фактории, ее состояния и мер по ремонту и строительству укреплений содержится в детальной инструкции Сената, данной консулу Таны и его советникам 3 марта 1411 г.⁴ В документе говорится о разрушениях в 1395 г. Сенат авансировал консулу

¹ Карпов С.П. От Латинской Романии к империи Газарии. СПб., Алетея, 2024. С. 215–226.

² Карпов С.П. От Латинской Романии к империи Газарии, С. 243–254.

³ Archivio di Stato di Venezia, Senato, Misti (далее-ASV, SM), XLVIII, f. 93v – 18/VII 1409.

⁴ ASV, SM, XLIX, f. 1r-v (Thiriet F. Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie. Paris - La Haye. 1959. T.2.-далее: RS, N 1403; Iorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle // Revue de l'Orient Latin (далее- ROL) 1896. T.4. P. 506–507) – 3/III 1411.

и советникам 1500 дукатов на проведение срочных работ. 1000 дукатов было выделено из средств баюлата Константинополя⁵.

В 1414 г. Сенат отмечал в своем постановлении, что много домов фактории оставалось необитаемыми и разрушались, а участки были заброшены, и своим постановлением обязал консула объявить в Тане собственникам и наследникам прошлых собственников, что если в течение 2 лет они не обустроят дома и участки, то последние должны быть проданы с аукциона желающим их приобрести венецианцам, при этом четверть стоимости покупки шла в казну консулу, а $\frac{3}{4}$ возвращались покупателю с условием приведения в жилое состояние этих сооружений в течение 2 лет⁶.

На возвышении, доминируя над другими холмами, находилась небольшая каменная крепость с двумя башнями, где проживал и сам консул, и которая служила центром обороны фактории. В конце XIV в. консул Андреаццо Джустиниан (1397–1399) окружил ее рвом и палисадом с портиком и построил здания для складирования «легких» (т.е. дорогих) товаров. Однако деревянные постройки разрушились, строения оставались без крыш, и в качестве первоочередной меры Сенат в 1414 г. предписывал укрепить эти сооружения, рвы и палисады и отремонтировать дома и склады. Внешний периметр ограды фактории составлял деревянный частокол и рвы с тремя подъемными мостами на крюках и на прочных каменных основаниях (именно их следовало соорудить). Первый мост был у верхних, морских ворот. Сенат рекомендовал использовать его только при острой необходимости. Два других выходили на противоположные стороны – к кварталу Джудекки и к генуэзскому поселению. Позднее Сенат уточнил, что для удобства купцов ворота, выходящие к порту и к торговой площади (*illa de pontile et illa de comercio*) могли открываться и закрываться⁷. Сенат поручил сделать мосты с крюками, металлическими и деревянными механизмами в самой Венеции, изготовить там же 50 засовов из брусков лиственницы и 300 досок и отправить все это первым же отходящим в Тану кораблем. Палисад со стороны реки возводился на каменном фундаменте и имел высоту от 7 до 9 piedi (2,44–3,13 м). В будущем на этом месте

предполагалось возвести каменные стены. А пока каменные дома, прилегающие к ограде должны были иметь проходы с бойницами – мерлатуры (для стрелков). По середине фактории, напротив лоджии, находилась деревянная башня, именуемая *Zardaco di comerchieri* («чердак мытарей»), видимо, там собирали и хранили налоговые поступления. Сенат предполагал соорудить там каменную башню, пригодную для защиты территории со стороны реки, что и сделал консул Андреа Контарини (1411–1413). В 1414 г. по его же предложению, Сенат обязал воинов-баллистариев постоянно проживать в ней, имея при себе арбалеты, доспехи, стрелы и все необходимое⁸. В том же постановлении содержится принятый план фортификации поселения, для финансирования которого был увеличен налог на товары и имущество купцов в Тане с 2 до 3%. В постановлении отмечено, что вдоль берега реки от уже построенной Андреа Контарини башни должна быть протянута стена высотой не менее 2 павов (3,5 м) и такой шириной, чтобы там была галерея для арбалетчиков. Протяженность этой стены от квартала генуэзцев до района Джудекки составляла 80,5 павов (140 м). По углам стены следовало соорудить башенки высотой не менее 1 паво (1,74 м) и от них, на юг, вдоль рвов, возводились стены длиной 130 м. каждая. Периметр замыкала поперечная стена длиной 125 м, так что вся фактория, с церковью, лоджией и старым замком, была опоясана стенами. И западная, и восточная стены имели ту же высоту, галереи и амбразуры, мосты с башнями и воротами. Южная стена, со стороны холма и татарского города, также имела башню и ворота, которые можно было открывать только по приказу консула. Таким образом, это уже была настоящая крепость, в форме трапеции общей площадью 14972,5 кв.м. или 1,5 га. Текущие расходы по строительству консул мог покрывать через камбий, не дожидаясь поступления всей суммы налога. Необходимость таких работ вызывалось, как значилось в постановлении, смутами в самой «империи Татарии» и опасностями для фактории («*per le cose che accadevano in lo imperio de Tartaria*»; «*per le gravi novitate che acadeno in quel païse e per li gran pericoli che semper stanno i nostri*»)⁹.

Оборона фактории должна была осуществляться профессиональными арбалетчиками-баллистариями, и Сенат выделил средства на наём

⁵ ASV, SM, XLIX, f.14r (RS, N 1414) – 13/IV 1411; 14v – 17/IV 1411.

⁶ ASV, SM, L, f. f.113r-24/V 1414.

⁷ ASV, SM, XLIX, f.14r – 13/IV 1411.

⁸ ASV, SM, L, f. f.112r (RS, N 1530; *Iorga N. Notes et extraits*, P. 534) – 24/V 1414.

⁹ Ibid.

20 таких воинов (в числе которых были и ремесленники — 2 плотника и 2 каменотеса). Они должны были служить по найму 2 года, а затем меняться (с правом при желании продолжать службу и проживать в Тане). Плату за 6 месяцев они получали в Венеции, а затем консул обязан был платить им ежемесячно из поступлений от двухпроцентного налога, взимаемого в Тане. Командовал этим отрядом специальный «офицер» — соций консула¹⁰. Зарплата баллистариев была 4 дуката в месяц, а каменотесам — 5 дукатов¹¹. Закупку вооружения и строительных материалов на сумму в 200 дукатов поручалось произвести отправляющемуся в Тану консулу Андреа Контарини¹². Отправка избранного консула и его свиты, баллистариев и материалов осуществлялась на «круглом» судне — кокке под командой Базилио Тирапелло с отплытием её не позднее 19 апреля 1411 г.¹³

Взимание консулом дополнительных сумм по раскладке вызывало неудовольствие купцов. И для регулирования и проверки этой деятельности Сенат принял специальное решение, обязывавшее консула под угрозой высокого штрафа регистрировать получаемые суммы и их расходование в 3 отдельных тетрадах и подводить итоги в четвертой тетради в течение 5 дней после совершения трат для демонстрации их купцам¹⁴. Постановление отражало как рачительность торговцев, так и скрупулезность государственного регулирования. Впрочем, и то, и другое, как обычно, не было совершенным.

После опустошительного набега Керима-берды в 1418 г. и пожара фактории работы по ее укреплению пришлось проводить заново. И на этот раз Сенат решил сразу же окружить поселение каменными стенами, чтобы предотвратить риск внезапного нападения. Финансировать эти работы предполагалось из сумм государственного займа¹⁵: Однако предложение советника Андреа Джустиниани выделить на эти работы фиксированную сумму 4000 дукатов было отклонено¹⁶:

¹⁰ ASV, SM, XLIX, f.1v (RS, N 1403) — 3/III 1411; f. 9r — 31/III 1411 (первоначально на эти цели авансировалось 50 дукатов); *ibid.*, f.173v (RS N 1479) — 8/IV 1413.

¹¹ ASV, SM, XLIX, f.13v — 7/IV 1411.

¹² ASV, SM, XLIX, f.7r (RS, N 1408) — 24/III 1411.

¹³ ASV, SM, XLIX, f. 14r — 13/IV 1411.

¹⁴ ASV, SM, XLIX, f. 9r (RS, N 1410) — 31/III 1411.

¹⁵ ASV, SM, LII, f.143v — 12/I 1419.

¹⁶ ASV, SM, LII, f.178v — 19/VI 1419.

В конечном счете Сенат дополнительно выделил 2000 дукатов, затребовав от консула точный отчет об уже проведенных работах и поручив контроль за этим капитану регулярной эскадры галей «линии», направлявшейся в Черное море¹⁷. Консул Андреа Контарини прислал в 1419 г. подробный отчет о состоянии дел и затребовал дополнительные ассигнования, в частности — для завершения им же самим начатого в 1414 г. строительства стен для защиты фактории от набегов и ограблений. Сенат выделил ему на это дополнительно 1000 дукатов и ввиду срочности работ поручил их доставить не галейм «линии», прибывавшим в Тану осенью, а торговой наведе под командой Пасквалино Таралло, отправлявшейся в Тану в апреле 1420 г.¹⁸ Таралло поручалось нанять по пути следования в Короне, Модоне, Константинополе или Каффе 4 профессиональных строителей-каменщиков. К 1421 г. значительные работы по укреплению фактории уже были проведены, но внешний пояс стен все еще не был достроен. Кроме периметра в 600 пассов (1044 м.) предстояло соорудить еще 265 пассов стены (461 м.) по направлению к возвышенности, и главной задачей в 1422 г. Сенат считал постройку поперечной стены по склону возвышенности от генуэзского квартала до Джудекки. Первоочередными мерами были сочтены постройки стен вдоль генуэзского квартала и вдоль Джудекки по направлению к возвышенности, «горе», как сказано в документе, так и поперечной стены, примерно по 50 пассов. Примечательны два момента: во-первых, периметр укреплений фактории значительно превышал тот, что был в XIV столетии, в частности на основании пожалования Узбека (379 пассов)¹⁹. Во-вторых, в постановлении Сената отмечено, что оборонительные сооружения предназначались для защиты не только венецианцев, но и местного населения, проживавшего на этой, расширенной территории фактории («ut saraceni et alie generationes, que habent voluntatem habendi dictum locum nostrum Tane possint cum securitate illum habitare»). Главной же опасностью считалась возможность нападения как хана, так и неконтролируемых разбойных племен («non timeant, quod imperator vel alie generationes prave voluntatis possint dictum locum demolire et destruere»). Намерением Сената было последующее

¹⁷ ASV, SM, LII, f.186v — 18/VII 1419.

¹⁸ ASV, SM, LIII, f.40v — 17/IV 1420.

¹⁹ См. Карпов С.П. История Таны (Азова) в XIII–XV вв. Том 1. Тана в XIII–XIV вв. СПб: Алетейя, 2021. С.71.

завершение строительства периметра стен вокруг замка-центральной башни на возвышенности — нужной высоты и ширины и окруженного рвами. Забота об этом поручалась консулу под угрозой высокого штрафа в 500 дукатов при небрежении. На цели строительства ассигновывалось 3000 дукатов. С первым же конвоем судов в Тану предписывалось отправить 25 баллистариев, часть из которых должна была быть одновременно и каменщиками, получая дополнительный оклад. Материалы для проведения работ должен был поставить Арсенал Венеции. Они включали заступы и молоты для раскалывания камней, тазы для известки, арматуру для подъемных мостов и прочее. Решение это было принято 84 голосами после жаркого обсуждения, в ходе которого предлагались и иные меры, в частности срочную отправку в Тану 5 апреля специальной галей, матросы которой на стоянке в Тане должны бы были работать на строительстве укреплений за дополнительную плату по 3 аспра в день, а число профессиональных каменотесов было бы увеличено с 10 до 15 человек. Предлагалось также отправить из Константинополя в Тану на этой галее и строительный лес. За это решение проголосовало 24 сенатора. Другое предложение — увеличить расходы на строительство до 16 000 дукатов в 4 транша собрало 9 голосов и также было отклонено²⁰. Примечательно, однако, что при всей рачительности венецианских властей на этот раз укрепление Таны было сочтено приоритетной задачей в интересах как купцов, так и всего государства. 12 марта того же 1422 г. было принято дополнительное решение об отправке в Тану для строительных работ еще 12 работников и 2 ремесленников, специалистов по приготовлению известкового раствора для цементирования кладки стен²¹. На строительные работы консул Эрмолао Валарессо израсходовал более 2400 дукатов, заняв их у купцов по камбию. Возмещение этого займа заняло немало времени²². Денег постоянно не хватало, и в начале 1424 г., не дожидаясь отправки очередной эскадры галей, Венеция посылает консулу Таны на эти работы еще 1000 дукатов на идущей в Тану торговой наведе²³. Ассигнования 2000 дукатов в год на строительство укреплений в Тане становятся

²⁰ ASV, SM, LIV, f.3r–5r (RS, N 1834) – 3/III 1422.

²¹ ASV, SM, LIV, f.8 v – 12/III 1422.

²² ASV, SM, LIV, f. 167r – 29/XII 1423; f.178v -10/II 1424; SM, LV, f. 54v – 13/IX 1424.

²³ ASV, SM, LV, f. 5v – 21/III 1424.

регулярными²⁴, правда выплачивались они с задержками, но по мере завершения строительных работ, из этих сумм разрешалось авансировать оплату труда консула и камерариев при их отплытии из Венеции в Тану, к месту службы²⁵. Основным источником платежа был налог в 2 и 3% с фрахта кораблей. Для стимулирования его регулярного поступления в 1427 Сенат установил 10% штраф за его просрочку²⁶. Когда в 1432 г. основные плательщики — чиновники-экстраординарии — не успевали собрать деньги из этих источников, так как срок уплаты налога — 10 августа — был позднее, чем срок отправки галей в Черное море, Сенат предписал чиновникам выделить эти средства в виде займа, а затем погасить их при последующем поступлении платежей 2 и 3%.²⁷

К лету 1424 г. была уже построена стена в 300 павсов (522 м), защищавшая факторию со стороны татарского и черкесского окружения, *ad frontieras Tartarorum et Cerchasiorum*, как сказано в документе. Обороняли же ее лишь 25 воинов, к тому же не всегда в должной боеготовности, как отмечалось в том же документе: «*que sunt forte non ita in ordine, ut esse possent*». Знавший ситуацию советник Андреаццо Джустиниан, бывший консул Таны (1397–1399), предлагавший комплекс относящихся к Тане решений, рекомендовал послать в Тану компетентного командира этого отряда, вместе со слугой, но рачительные сенаторы не приняли этого предложения²⁸.

В 1424 г. Сенат одобрил новую инструкцию консулу Таны по строительству укреплений. Консулу Марко Веньеру предписывалось завершить строительство стены вокруг Трессы²⁹ и соорудить три башни: одну над воротами Трессы, другую — со стороны Джудекки, фланкируя крытую стену Трессы, третью — со стороны генуэзского квартала, а затем окружить стенами холм. Башни предписывалось строить

²⁴ ASV, SM, LV, f. 36v – 28/VI 1424 — часть этих денег, 1000 дукатов, взаимнообразно была направлена в осажденные османами Салоники. Посылка 2000 дукатов из налога на фрахт всех прибывающих в Венецию судов: SM, LV, f.130r (RS, N1993) – 28/VI 1425.

²⁵ ASV, SM, f. 62v-63r – 3/VII 1431.

²⁶ ASV, SM, LVI, f.112r – 22/VII 1427.

²⁷ ASV, SM, LVIII, f.133r – 18/VII 1432.

²⁸ ASV, SM, LV, f.40v (RS, N 1945; *Iorga N. Notes et extraits...// ROL, 1897. T.V, P.171) – 7/VII 1424.*

²⁹ Вероятно, как предполагал Н. Йорга, это поперечная стена фактории — *Iorga N. Notes et extraits...// ROL, 1897. T.V, P.177, note 1.*

вровень со стенами, и возводить башни выше них только после завершения строительства стен, чтобы не тормозить работу. Затем у дома Томмазо Черьеца следовало построить крепкую башню, с подъемным мостом и барбаканом для защиты ворот и вокруг башни вырыть рвы. Сенаторы полагали, что когда эти работы будут завершены, то для защиты этого участка стен будет достаточно четырех баллистариев³⁰. Ход и планы строительства отражены в следующем постановлении Сената 1428 г. Сенат считал излишним сооружение третьей срединной башни на стене Трессы, на что планировалось потратить немалую сумму — 4000 дукатов, и предписал завершить прежде всего возведение башни со стороны генуэзского квартала. Железные ворота этой башни близко подходили к генуэзскому кварталу и их было запрещено отпирать, кроме как в экстренных случаях. Зато ворота посередине стены Трессы должны были быть такой ширины, чтобы через них проходила бочка. Они выходили на главную дорогу и нужно было укрепить их для защиты барбаканом. Для охраны башен по меньшей мере 4 баллистария должны были в них постоянно проживать (что ранее не выполнялось), а камерарий должен был жить в башне, выходящей к берегу³¹.

Работы по фортификации требовали все новых и новых трат, в том числе — на закупку необходимых строительных материалов. Но даже на малые дополнительные расходы консул должен был спрашивать согласия Сената³². Тем не менее, в 1426–27 гг. на строительные работы в Тане, покупку материалов и зарплаты воинов и каменотесов Сенат ассигновывал 3000 дукатов в год³³. Часть материалов для строительства доставлялась из Венеции, и патроны нав ждали получать за фрахт максимальные суммы. Сенат принял тогда постановление, что они обязаны перевозить эти материалы вообще без взимания фрахта³⁴. К 1429 г. основные фортификационные работы были завершены, и Сенат рассматривал вопрос о возможности отмены части ассигнований в 3000 дукатов по результатам доклада консула Таны и капитана

галей «линии»³⁵. В результате в 1430 г. было решено сократить ассигнования на работы в Тане до 2000 дукатов, а 1000 дукатов направить на нужды порта и кораблей в Модоне³⁶. Та же сумма, к тому же нерегулярно выплачиваемая, была предусмотрена и в 1431 г., когда в Орде было беспокойно³⁷.

Многие жилища на территории фактории имели крыши из тростника (*sunt cohorte canis*). Сенат справедливо считал это пожароопасным и предписал консулу запретить эту практику и усилить работы по фортификации и каменному строительству³⁸. Разрешалось строить дома только если они имели плоские крыши («*de supra in culmine plane ad modum terratiam*»), как это практиковалось в Каффе³⁹. С участков домов их собственники или арендаторы платили 1% налог до тех пор, пока фактория была окружена палисадами и от 5 до 6,5% с тех пор, когда она стала быть защищенной стенами (*soluebant unum quando erat circumdata spalto nunc solvent quinque et sex cum dimidio quia erat circumdata muro*). Эти платежи составляли от 20 до 25 тысяч безантов в год и из этой суммы платилась часть земельного налога ордынцам — *терратикума*⁴⁰. Однако далеко не всегда купцы информировали власти фактории о строительстве домов и складов (*non dant aliquam recognitionem dominio nostro*), и потребовалось специальное решение Сената, чтобы капитан галей Романии вместе с отбывающим и прибывшим ему на смену консулом провели ревизию арендных платежей и предложили Сенату ставку налога и долю поступлений в бюджет Венеции. В том же случае, если была бы выявлена самовольная застройка, то она конфисковывалась в пользу венецианской коммуны⁴¹. В 1440 г. Сенат принял строгое решение распределять участки земли под строительство в Тане только с аукционов, при том получаемые деньги шли в пользу венецианской коммуны. За все постройки уже имевшиеся на земле

³⁰ ASV, SM, LV, f.62v (RS, N 1955; *Iorga N. Notes et extraits...// ROL*, 1897. T.V, P.177) – 17/X 1424.

³¹ ASV, SM, LVII, f. 20v – 19/VII 1428.

³² ASV, SM, LV, f. 91r – 22/II 1425.02.22: 200 дукатов для «*certas res sibi omnino necessariis pro laboreris Tanis*».

³³ ASV, SM, LVI, f. 93v – 29/IV 1427.

³⁴ ASV, SM, LV, f. 98v – 16/III 1425.

³⁵ ASV, SM, LVII, f.134r [RS, N 2151; *Iorga N. Notes et extraits...// ROL*, 1898. T.VI, P.60] – 14/VII 1429.

³⁶ ASV, SM, LVII, f.211r (*Sathas C. Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen âge*. Paris, 1882. T.3. P. 377) – 3/V 1430.

³⁷ ASV, SM, LVIII, 69r (RS, N 2251) – 30/VII 1431.

³⁸ ASV, SM, LV, f.14v (RS, N 1928; *Iorga N. Notes et extraits...// ROL*, 1897. T.V, P.163) – 10/IV 1424.

³⁹ ASV, SM, LV, f.62v (*Iorga N. Notes et extraits...// ROL*, 1897. T.V, P.177) – 17/X 1424.

⁴⁰ ASV, SM, LVII, f. 133v [RS, N 2151] – 14/VII 1429.

⁴¹ ASV, SM, LVII, f.134r [RS, N 2151; *Iorga N. Notes et extraits...// ROL*, 1898. T.VI, P.60] – 14/VII 1429.

фактории надлежало вносить ежегодный платеж. Строительные работы в Тане продолжались и в 40-е годы, свидетельство чему было то же решение Сената, обязывающее всех владельцев судов, прибывающих в Тану привозить туда 2 вегеты (около тонны) известки⁴². В 1448 г. консулу Таны разрешалось закупить в Константинополе на ремонтные работы в Тане известку, доски и железные изделия на сумму в 50 дукатов. Расходы погашались из суммы фрахта галей⁴³.

Для сохранности дорогих товаров, привозимых купцами в Тану, Сенат разрешил складировать их во внутреннем дворе консульского дома, предписав консулу одновременно углубить рвы у моста, отделявшего венецианский квартал от генуэзского⁴⁴.

Особой мерой защиты фактории и поддержания ее было предписание Сената консулу постоянно держать в поселении запас зерна и проса не менее, чем на 15 дней, периодически обновлять этот запас, тратя на это по 200 дукатов (довольно значительная сумма, указывающая и на значительную численность проживавших за стенами фактории)⁴⁵.

В начале 1450-х укрепления Таны разрушались, что создавало угрозу нападения на факторию соперничавших ханов Большой Орды и Крыма (*sicut dubitat locus ille propter debilitatem ipsorum murorum apertissimo periculo*). Вице-консул отметил в письме Сенату в 1452 г., что часть стен обрушилась, а оставшиеся содержатся в плохом состоянии (*certa pars murorum illius loci minatur ruinam et residuum satis male in ordine reperitur*). Сенат поручил отправлявшемуся в Тану консулу закупить в Венеции и отправить на первых же судах, плывущих в Тану, камни, известь, деревянные доски для моста, ворот и настилов на стены, железные засовы и другие материалы, потратив на это до 100 дукатов (очевидно, сумма недостаточная), а также замены кирас и железных пластин для них, пороха для бомбард и прочего снаряжения⁴⁶. Возможно, разрушения Таны были связаны с произошедшим там пожаром. Идет ли речь о пожаре 1441 г. или о другом, позднее, мне пока не ясно. В постановлении Сената 1457 г. сказано только о нехватке строительных материалов «*propter illius concremationem*» и о приказе патронам Арсенала Венеции закупить

необходимые материалы на сумму от 30 до 40 дукатов. В их числе указываются гвозди, болты, еловые балки для настилов стен, а из закупаемых орудий труда — мотыги, лопаты, заступы и топоры. Но что особенно примечательно — предусматривается покупка деревянной колоды (*un zocho grosso*) и флагштока для флага св. Марка (*una antenella per san Marco*), который, как видим, должен был развиваться над стенами фактории. Все это должны были отправить с ближайшим отплывающим в Тану кораблем⁴⁷. В 1457 г. доставить эти предметы не удалось, и в 1458 г. Сенат вновь повторяет свое решение, уточняя, что закупить надо 8 засовов и ключей, 2 больших балок, 50 досок, 20 настилов на крепостные стены, 100 еловых балок и флагшток для поднятия знамени св. Марка (*antenellam unam pro levando vexillum sancti Marci*)⁴⁸. В 1462 г. деревянные настилы и балки было опять предписано отправить из Венеции консулу в Тане для продолжения строительства⁴⁹. Нехватка на месте, в Тане, деревянных строительных материалов была постоянной.

В 1461 г. Сенат предписал Арсеналу выделить для оборонявших Тану баллистариев с отправлявшимся в Тану консулом Никколо Контарини специальное вооружение: 8 аркбаллист с пружинами и болтами, щиты, 25 длинных копий, 15 кольчуг, 6 бочек с порохом для бомбард, колчаны с дротиками и стрелами. Словом, предпринимались меры для отражения внезапного нападения на факторию⁵⁰. Разумеется, этими средствами нельзя было противостоять армиям противников, будь то Крымский хан или османы, но можно было уберечься от возможного и спонтанного нападения степняков.

С начала войны с турками в 1463 г. всякое морское сообщение Венеции с Таной было прервано. Фактория была блокирована, что не могло не отразиться на ее торговле и на самом её существовании. Неминуемо она «сжималась» в размерах и в числе жителей. Но удивительно, что даже в тех условиях она выживала. Более того, узнав об угрозе турецкого легкого флота (кораблей *фуст*) в 1472 г., вице-консул Таны возводит укрепление перед воротами и крепостным рвом — равелин, чтобы затруднить подход флота к стенам Таны⁵¹. Османским завоевателям в 1475 г. это не помешало.

⁴² ASV, SM, LX, f.236r – 30/VII 1440.

⁴³ ASV, SMar, III, f.57v (RS, N 2771) – 16/IV 1448.

⁴⁴ ASV, SM, LV, f. 40v – 7/VII 1424.

⁴⁵ ASV, SM, LV, f. 40v – 7/VII 1424.

⁴⁶ ASV, Senato, Mar (далее – SMar), IV, f.181r (RS, N2916) – 22/III 1453.

⁴⁷ ASV, SMar, VI, f.5v (RS, N 3034) – 16/III 1457.

⁴⁸ ASV, SMar, VI, f.63r (RS, N 3053) – 20/III 1458.

⁴⁹ ASV, SMar, VII, f.58r – 26/IV 1462.

⁵⁰ ASV, SMar, VII, f. 4r (RS, N 3127) – 30/III 1461.

⁵¹ ASV, SMar, IX, f.165r – 26/IV 1473.

Р. Шукуров
Австрийская Академия Наук (Вена)

Византийский антиквариат и персидские дарики

Проблемы византийского интеллектуализма находились неизменно в центре исследовательского интереса Игоря Павловича Медведева. Именно его многочисленные работы, посвященные византийской интеллектуальной жизни, сделали эпоху не только в отечественной, но и мировой историографии. Нижеследующая краткая заметка о византийском коллекционировании, как бы она ни была скромна в объеме и охвате материала, призвана отметить с благодарностью огромный вклад Игоря Павловича в изучение Византии — прежде всего как великой культурной державы.

Византийцы занимались коллекционированием. Они собирали разнообразные древние предметы, которые воспринимались ими как объекты искусства и носители культурной информации о прошлом. Ключевая работа, посвященная византийскому коллекционированию, принадлежит перу Марлии Манделл-Манго¹. Британская исследовательница проводит различие между накоплением и коллекционированием. Накопление было широко распространено в бытовой сфере, что обильно подтверждается данными археологии. Это могли быть древние слитки драгоценных металлов, серебряная посуда, древние монеты, ювелирные украшения, которые хранились в семьях из поколения в поколение как финансовая инвестиция². Однако во многих других случаях предметы именно коллекционировались в силу их

престижа, т. е. ценности, проистекающей из исторических, военных и религиозных ассоциаций, а также из сугубо эстетических свойств объекта. М. Манделл-Манго, в частности, дает следующую систематизацию византийского антиквариата: гражданская эмблематика (Палладиум из Трои), военные трофеи (например, вывезенные из Иерусалима в Рим), многочисленные христианские реликвии, древние манускрипты и, наконец, предметы искусства как то древняя скульптура (включая статуи, колонны и обелиски), художественная драгоценная посуда, древняя глиптика, живописные панно (как религиозного иконоческого, так и светского характера)³.

Обсуждаемые в современной науке объекты антикварного интереса относятся не только к произведениям греческих, римских и византийских мастеров, но также и иудейским, захваченным в Иерусалиме из храма Соломона⁴. Однако, как представляется, византийцы могли коллекционировать и другие иностранные предметы, созданные за пределами греко-римского и иудейского мира.

В данной заметке я хотел бы развить сюжет, касающийся коллекционирования иранских по происхождению предметов, к которому мне уже приходилось обращаться вкратце⁵. Михаил Пселл рассказывает об увлечениях двух сестер-императриц — старшей Зои (1042—1050) и младшей Феодоры (1042—1056). Если Зоя обожала экзотические ароматы и выращивала растения, то Феодора «ежедневно [любовалась] тысячами своих дариков, для которых приказала изготовить бронзовые ларцы»⁶. Другими словами, Феодора целенаправленно собирала золотые «дарики», накопила тысячи их и хранила их в специальных ларцах. Императрица весьма часто открывала ларцы и любовалась «дариками».

Несомненно, под «дариком» Пселл имел в виду ахеменидскую золотую монету, впервые введенную в обращение Дарием I

³ *Mundell-Mango M.* “Art Collecting”... P. 141, 144—150. О коллекциях статуй, колонн и обелисков следует добавить: *Bassett S.* The Urban Image of Late Antique Constantinople. Cambridge, 2004.

⁴ См., например: *Iafrate A.* The Wandering Throne of Solomon: Objects and Tales of Kingship in the Medieval Mediterranean. Leiden, 2015. P. 33—41.

⁵ *Shukurov R.* Byzantine Ideas of Persia, 650—1461. London, 2024. P. 89—90.

⁶ *Psellus Michel.* Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976—1077) / Ed. Émile Renauld. T. 1—2. Paris, 1926—1928. T. 1. P. 146 (VI, 62): «ἡ δ' ἐτέρα καὶ νεωτέρα δαρεϊκῶν ὀσμηραὶ μυρίων, ὧν δὲ καὶ θήκας χαλκὰς ἐπέποιήτο». Ср.: *Михаил Пселл.* Хронография / Перевод и примеч. Я. Н. Любарского. М., 1978. С. 87 (LXII).

¹ *Mundell-Mango M.* “Art Collecting” in *Byzantium* // *Études balkaniques*. 1995. T. 2. P. 137—160.

² *Mundell-Mango M.* “Art Collecting”... P. 140.

(521—486 до н. э.) и чеканившуюся его преемниками на протяжении последующих веков⁷. В X—XII вв. термин *дареи́κος* (дарик) считался устаревшим и применялся исключительно к древним персидским монетам, но никак не к современным деньгам⁸.

Очевидно также, что Феодора именно *коллекционировала* дарики в силу их особой для нее ценности. Собранное в ларцах золото никак не могло иметь сугубо финансовую значимость для императрицы, которая располагала государственной казной и всеми другими финансовыми ресурсами империи. Это следует и из контекста сообщения Пселла, повествующего именно о «хобби» двух сестер.

По всей видимости, дарики имели для Феодоры ценность эмблематическую. Как известно, Феодора была последней представительницей Македонской династии на византийском троне. Нам приходилось уже говорить о том, что знаменитая легенда о происхождении Василия I, основателя Македонской династии, связывала его не столько с армянскими и парфянскими царями, сколько с Ахеменидами Древнего Ирана. Армянские и парфянские Аршакиды играли в этой легенде второстепенную роль связующего звена между Ахеменидами и Василием I⁹.

Принимая во внимание ахеменидский аспект македонской легенды, можно усмотреть в увлечении Феодоры дариками символический смысл. Собранные ею дарики могли восприниматься как древние персидские царские регалии, символизирующие верховную власть над миром и собственное знатное происхождение императрицы. Коллекционирование вовлекает в активное перформативное взаимодействие с древностью, устанавливая связь между коллекционером и воссоздаваемым прошлым. Именно эта воображаемая связь со славной персидской династией Ахеменидов, по всей видимости, и была важна для императрицы Феодоры.

Важно также подчеркнуть, что дарики имели коллекционную ценность не только для Феодоры. Судя по сообщению Пселла, ещё в XI в. эти золотые монеты циркулировали в значительном количестве на византийском рынке. Тот факт, что они не были к этому времени

переплавлены в золото, указывает на то, что на протяжении веков дарики ценились именно как артефакты. Это также означает, что их владельцы были достаточно любознательны и осведомлены, чтобы поместить эти предметы в надлежащий исторический контекст и дать им верную атрибуцию. Именно историческая значимость делала дарик более ценным, а значит, скорее всего, и более дорогим, чем составляющее его золото.

Можно также осторожно предположить, что дарики были не единственным древним персидским объектом коллекционирования, известным византийцам. Имея в виду современные музейные собрания, можно допустить, что и другие персидские древности, такие как сасанидское серебро (блюда, чаши, кувшины), ювелирные изделия, ткани, оружие и тому подобное, могли привлекать византийских антикваров.

Игорю Павловичу не раз приходилось затрагивать «восточные», «персидские» мотивы в мировоззрении знаменитого интеллектуала Георгия Гемиста Плифона¹⁰. Настоящая заметка продолжает эту тему, позволяя, как мы надеемся, обозначить еще одну из граней «персидского» присутствия в византийской культуре.

⁷ *Afram M. Daric* // *Encyclopaedia Iranica* / Ed. E. Yarshater. London; Boston, 1994. Vol. VII/1. P. 36—40 (online version: <http://www.iranicaonline.org/>).

⁸ *Suidae Lexicon* / Ed. A. Adler. Vol. 1—5. Leipzig, 1928—1938. T. 2. P. 6—7 (872, 873).

⁹ *Shukurov R. Byzantine Ideas...* P. 98—102.

¹⁰ См., например: *Медведев И.П.* Мистра. Очерки истории и культуры поздне-византийского города. Л., 1973. Глава 6; *Медведев И.П.* Византийский гуманизм XIV—XV вв. СПб., 1997. С. 188, 190; *Medvedev I. P. Solar Cult in Plethons Philosophy?* // *Βυζαντινά*. 1985. Т. 13. Σ. 737—749.

М.А. Курышева
Институт всеобщей истории РАН, Москва

Византийский частнопрововой акт 1032 г. в собрании Государственного Исторического музея

В греческой рукописи из Государственного Исторического музея в Москве *Влад. 355* (Син. греч. 391) нами выявлен оригинальный греческий частнопрововой акт на пергамене, текст которого был смыт, а сам документ сложен пополам и использован в качестве защитного листа бумажного блока этой рукописи¹. Особо отметим, что в российских собраниях это пока единственный сохранившийся в оригинале афонский акт частного характера столь раннего времени — XI в. Хронологически следующие еще два оригинальных документа византийского времени из собрания РНБ относятся уже к XIII в. и были изданы Игорем Павловичем Медведевым².

¹ См. предварительную публикацию описания, атрибуции и расшифровки текста акта: *Курышева М.А.* Новонайденный акт афонской Лавры св. Афанасия в греческой рукописи из собрания ГИМ // *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. VIII Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис (Севастополь, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 30 мая – 4 июня 2016 г. Мат. науч. конф.)*. Севастополь: ГМЗ «Херсонес Таврический», 2016. С. 61–63; *Kuryshcheva M.A.* The Discovered Charter from Great Lavra (Athos) of XIth century: a Guard-Sheet in the Manuscript from Moscow State Historical Museum (Vlad. 355) // *23th International Congress of Byzantine Studies, Belgrade, 22–27 August of 2016*. 2 p. [<http://www.byzinst-sasa.rs/eng/congress/37/2013/09/12/international-congress-of-byzantine-studies.html>]

² *Granstrom E., Medvedev I., Papachryssanthou D.* Fragment d'un Praktikon de la région d'Athènes (avant 1204) // *Revue des Études Byzantines*. 34. 1976. P. 5–44; *Медведев И.П.* Очерки византийской дипломатики (частнопрововой акт). Л.: Наука, 1988. С. 229–235.

Рукопись *Влад. 355* происходит из Эсфигменского монастыря на Афоне, поскольку на л. 2 имеет помету эсфигменского библиотекаря 1654 г.: τοῦ Σημένου³. Помета Арсения Суханова находится на нижнем поле того же листа: «Арсеніи ѿ». То есть рукопись под номером 10 была куплена Арсением Сухановым и в числе 18-ти манускриптов этого афонского монастыря и привезена в Москву в середине XVII века. По содержанию — это Пролог с сентября по март (Συνάξιον Σεπτ.–Μαρτίου).

Рукопись среднего формата — 293 x 215 мм, написана на бумаге двумя писцами. Бумага рукописи имеет филиграни — «ножницы», «три горы», «единорог», — которые относятся к 1430 – 1440/1450 гг. и имеют распространение в Константинополе. Филиграни идентифицируются по альбому филиграней греческих рукописей и документов Д. Харлфингера, а также по подборкам Р. Станковича: находят аналогии в греческих рукописях XV в. из Центра проф. И. Дуйчева и из Хиландарского сербского монастыря на Афоне⁴.

Первые 17 тетрадей написаны *первым* писцом. Первый писец (он никак не маркировал окончание своей работы и не оставил записи) пишет темно-коричневыми чернилами первые 137 листов рукописи (с лл. 2 по 137 об.). На данный момент его не удастся идентифицировать по почерку и установить его имя. Его сдержанный и аккуратный почерк можно назвать каллиграфическим, его индивидуальные особенности видны в написании β, ζ и ξ. Из украшений у него практически только одно — тонкая заставка балканского стиля на л. 2 в самом начале рукописи, по-видимому, выполненная самим писцом с использованием красных чернил (которыми написаны заголовки), а также синей и красной краски. Второй образец его почерка был идентифицирован

³ Описание рукописи, см.: Владимир (Филантропов В. И.), архим. Систематическое описание рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки. Ч. 1. Рукописи греческие. М.: Синодальная типография, 1894. С. 539–540; Фонкич Б.Л., Поляков Ф.Б. Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки: Палеографические, кодикологические и библиографические дополнения к каталогу архимандрита Владимира (Филантропова). М., 1993. С. 117–118, 193 (Григорий Аллиатис).

⁴ *Harlfinger D. & J.* Wasserzeichen aus griechischen Handschriften. I. Berlin, 1974. Schere, 1432; Станковић Р. Филигранолошки опис и албум грчких рукописа XV–XIX века Центра за Словенско-византијска проучавања «проф. Иван Дујчев». Софија, 2006. С. 312–316 (№ 558–579, 1430–1440/1450 гг.); *Станковић Р.* Водены знаци хиландарских српских рукописа XIV–XV века. Београд, 2007. С. 416–417 (№ 185–193, 1425/1435 гг.).

нами в собрании Российской Государственной Библиотеки в Москве: этим писцом написаны лл. 155–161 и 300 в греческой богослужебной рукописи афонского происхождения из собрания П. И. Севастьянова, РГБ ф. 270 I а. № 36 (Греч. 49; Ин. 492)⁵.

Далее в рукописи ГИМ *Влад. 355* с 18 по 39 тетрадь пишет *второй* писец, по колофону которого вся рукопись датируется 1433 г., — Григорий Бунис Алиат (Γρηγόριος Μπουίνης ὁ Ἀλύατης) — иеромонах, византийский мелург и будущий протопсалт Великой Церкви середины XV в. По письму второй части *Влад. 355* видно, что это почерк еще молодого человека, начинающего переписчика книг, зависимого от первого писца — более опытного протокаллиграфа. Молодой Григорий Бунис Алиат на последнем л. 316 оставил тройной колофон — тайнописный, нотируемый и в виде монокондила, написанного полуугасшими красными чернилами. Рукопись *Влад. 355* — самый ранний из известных датированных автографов Григория Алиата⁶.

Среди восьми написанных Григорием Алиатом рукописей имеется одна из библиотеки монастыря св. Екатерины на Синае — *Sinait. gr. 1262*, содержащая Кондакарь и Акафист (Κοντάκια καὶ Ἀκάθιστος ὕμνος). В ней в колофоне писца на л. 179 об. прямо сказано, что она «написана в монастыре Эсфигмен, а переплетена в Лавре» в 1437 г.⁷ Это означает, что, по крайней мере, в 1430-е гг. в Лавре существовала переплетная мастерская, которая могла использовать в своей практике старый пергамен для переплета новых рукописей монастырского обихода.

⁵ Описание всей рукописи-конволюта с многочисленными необоснованными допущениями и ошибками, см.: *Щеголева Л.И.* Греческие рукописи в фондах Российской государственной библиотеки. Ч. 7: Собрание П. И. Севастьянова (ф. 270Iа) // *Вестник церковной истории*. № 1/2 (49/50). 2018. С. 345–351.

⁶ См. подробнее о рукописи *Влад. 355* и ее втором писце: *Курьшева М.А.* Автограф протопсалта Великой церкви XV в. Григория Алиата (ГИМ, *Влад. 355* / Син. греч. 391) // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 2015. Вып. 1 (34) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000963-8-2>.

⁷ *Бенешевич В.Н.* Описание греческих рукописей монастыря Св. Екатерины на Синае. Т. I. Замечательные рукописи в библиотеке Синайского монастыря и Синае-Джуванийского подворья (в Каире), описанные архимандритом Порфирием (Успенским). СПб., 1911. С. 139–140; *Μπαλαγέρογος Δ., Κρητικού Φλ.* Τὰ χειρόγραφα βυζαντινῆς μουσικῆς, Σινᾶ: Κατάλογος περιγραφικός. Αθήνα, 2008. Σ. 236.

Таким образом, участвовавший в 1433 г. в написании одной рукописи *Влад. 355* будущий протопсалт Св. Софии в Константинополе другую рукопись *Sinait. gr. 1262* написал в 1437 г. в монастыре Эсфигмен на Афоне, а переплет она получила в Лавре св. Афанасия. Более детально реконструировать эту историю пока невозможно.

Бумажная рукопись *Влад. 355* имеет кожаный переплет с тиснением, а для защиты бумажного блока в ее начало был вшит сложенный вдвое пергаменный лист со смытым текстом. Предпринятое нами исследование этого листа в ультрафиолетовых лучах дало возможность сделать заключение о том, что на внутренней поверхности листа из довольно грубого и толстого пергамена был написан, а затем смыт и обрезан подлинный частноправовой акт византийского времени. Размеры документа в том виде, в котором он дошел до нас, составляют приблизительно 380 x 294 мм. Документ хранился как сложенный свиток: на нем остались видны следы заломов по всей ширине листа с расстоянием между заламами примерно 35 мм, на некоторых местах этих заломов — утраты от грызунов. Самая значимая (с именем завещателя и основным содержанием документа) верхняя часть акта обрезана. Сохранилось только 19 плохо различимых строк и 5 строк подписей свидетелей. Нижняя часть документа также обрезана при изготовлении переплета. Писец акта имеет быстрый почерк с небольшим наклоном вправо. Текст этого документа написан почерком типа *Perlschrift*, который использовался для переписки книг и документов в Византии со второй половины X и до конца XI столетия.

Нам удалось установить, что это смытый текст завещания, названного в тексте документа «*φαυερὰ διατύπωσις*» (имеется в виду «открытое» завещание, содержание которого было доведено до сведения свидетелей)⁸. Завещание составлено, по-видимому, от имени некоего человека, принявшего монашескую схиму и завещавшего свое наследство в монастырь. Возможно, тот человек, от имени которого составлено завещание, стоит во главе братии какого-то монастыря. Об этом говорят такие читаемые в документе фразы, как стихи из Пророка Исайи (8: 18), цитируемые также в Послании Апостола Павла к евреям (2: 13): «*ἰδοὺ ἐγὼ καὶ τὰ παῖδιά ἃ μοι ἔδωκεν ὁ Θεός*»

⁸ О подобных документах, см.: *Медведев И.П.* Очерки византийской дипломатики (частноправовой акт). С. 47–48, 169.

(«Вот я и дети, которых дал мне Бог»), и из Евангелия от Иоанна (5: 24) «ὅτι ὁ τὸν λόγον μου ἀκούων καὶ πιστεύων τῷ πέμψαντί με ἔχει ζωὴν αἰώνιον, καὶ εἰς κρίσιν...» («что слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит...»), а также выражения «...ἐν Χριστῷ ἀδελφῶν...» (во Христе братьев), «...μέχρι τέλους ζωῆς αὐτοῦ...» (к концу моей жизни), «ὅτι ἐν ψυχικῇ αὐτοῦ σωτηρίᾳ» (о его душевном спасении). Упоминается некий «ὁ μακάριος μου ἡγούμενος ... Θεόδωρος» «блаженный игумен Феодор»⁹.

Несмотря на общее плохое состояние этого документа, все же оказалось возможным прочитать имя писца и дату составления документа (на 17–19 строках)¹⁰: «[...] ἔγραφον φανερά διατύπωσις [...] ἐμὴ χειρὶ Ἰω(άννου) μ(ονα)χ(οῦ) (καὶ) πρ(εσβύτερου) μονῆς τῆς ὑπεραγίας Θεοτοκ(ου) τοῦ[...]... μῆ(νι) ἰουνίου ἱ [...] ἔτους ,ζωμ´ ἐνοπιον τῶν ὑπογραψάντων μ(α)ρ(τύρων)» / «написанное открытое завещание ... моей рукой Иоанна монаха и священника монастыря Пресвятой Богородицы ... месяца июня 10...года 6540 (=1032 г.) в присутствии нижеподписавшихся свидетелей»). По-видимому, в колофоне писца под «μονῆς τῆς ὑπεραγίας Θεοτοκ(ου) τοῦ[...]» имеется в виду Лавра св. Афанасия.

С большой долей вероятности можно говорить, что писец этого акта — тот же монах Иоанн, который поставил свою подпись как писец акта о дарении земли двух монахов Игнатия и Гавриила в акте из архива Лавры в 1030 г.¹¹. Совпадает не только имя и подпись писца, время и место его работы, общий стиль письма, но и индивидуальные особенности в написании им некоторых букв: κ, δ, лигатур с ρ, аббревиатуры καὶ.

Среди свидетелей нами с разной степенью точности были идентифицированы, по крайней мере, пять подписей. Все они написаны разными почерками, что, несомненно, подтверждает, что перед нами оригинал этого завещания. Среди удостоверивших документ вполне

⁹ Возможно, имеется в виду настоятель Лавры Феодор, который почти не оставил следов в источниках и время игуменства которого неизвестно, см.: Actes de Lavra: I. Des origines à 1204 / Éd. par P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos, avec la collaboration de D. Papachryssanthou. [Archives de l'Athos, 5]. Paris: P. Lethielleux, 1985. P. 55, n. 222.

¹⁰ Здесь и далее мы передаем особенности правописания и синтаксиса оригинала, не приводя текст к условной грамматической норме.

¹¹ Actes de Lavra: I. Des origines à 1204. N 28.

уверенно могут быть прочитаны подписи пяти свидетелей:

1) Первая самая верхняя подпись — «[+ Γεώ]ργιος (μον)αχ(ός) ο Ἰβηρ» — Георгий монах Ивира. Это будущий прогречески настроенный игумен Ивирского монастыря Георгий II, поставленный греческими монахами Ивира грузин. Известно, что он подписал два акта (один издан, но без фотографии, а другой только упомянут в акте 1056 г.) из Афонской Лавры¹², датируемых соответственно 1030 и 1035 г. Его игуменство ограничено 1035–1041 гг. — временем, когда монастырь потерял императорскую поддержку: часть его земель была конфискована государством, часть отторгнута монахами Лавры св. Афанасия¹³.

2) Следующая за ним подпись маюскульными буквами — «+ Νηφών μ(ονα)χ(ός) του Ζυγού» — монаха Нифона. Он являлся игуменом монастыря тоῦ Ζυγοῦ, известным с конца X в. Нифон представляет свой монастырь в разного рода имущественных сделках с апреля 1015 г. по апрель 1035 г.: он как свидетель подписал три акта Ивира, один Ксиропотама, один Ватопеда, два Лавры и один Эсфигмена¹⁴.

3) «[+ Ἰγ]νάτιος μο(να)χ(ός) της μονῆς αἰ(ο)υ Νικολάου»: Игнатий, монах и игумен монастыря святого Николая, вместе с монахом Гавриилом в 1030 г. жертвует земли игумену другого монастыря в актах Лавры¹⁵.

4) «+ Θεόδουλ(ος) (μον)αχ(ός) κ(αὶ) πρ(εσβύτερος) μο(νῆς) Ὑπ(ερ)αγί(ας) Θε(οτό)κου τῶν Καλαμιτζί(ων)»; Монах Феодул фигурирует как свидетель, подписавший один акт о продаже неводеланных земель 1034 г. в Эсфигмене¹⁶, а также один документ из Лавры, датируемый 1037 г.¹⁷.

¹² Actes de Lavra: I. Des origines à 1204. N 29.

¹³ Actes d'Iviron: I. Des origines à 1204 / Éd. par P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos, avec la collaboration de D. Papachryssanthou. P. 45–46.

¹⁴ Actes d'Iviron: I. Des origines à 1204. N.º20, 21, 24; Actes de Xéropotamou / Éd. par J. Bompair. [Archives de l'Athos; 3]. Paris : P. Lethielleux, 1964. N 3, 55; Actes de Vatopédi. 1: Des origines à 1329 / Éd. par J. Bompair, J. Lefort, V. Kravari, C. Giros. [Archives de l'Athos; 21]. Paris: P. Lethielleux, 2001. N. 5; Actes de Lavra: I. Des origines à 1204. N 25, 29; Actes de Esphigménou / Éd. par J. Lefort. [Archives de l'Athos; 6]. Paris: P. Lethielleux, 1973. N 1; о нем см.: Actes de Chilandar. 1: Des origines à 1319 / Éd. par M. Živojinović, V. Kravari, C. Giros. [Archives de l'Athos; 20]. Paris: P. Lethielleux, 1998. P. 21–22.

¹⁵ Actes de Lavra: I. Des origines à 1204. N 28.

¹⁶ Actes de Esphigménou. N 1.

¹⁷ Actes de Lavra: I. Des origines à 1204. N 30.

5) «+ [H]σαῖας μοναχὸς τῆς Χρομ(τίσσης) μ(арту)ρ(ῶν) υπεγραψα»; Монах Исаяя подписал один акт из Лавры¹⁸, датируемый 1030 г., и акт из Эсфигмена 1034 г.¹⁹

Причем, как в актах Лавры, так и в документе из Эсфигмена монахи Нифон, Феодул и Исаяя фигурируют в числе других свидетелей одновременно в двух актах. Личность писца Иоанна и состав свидетелей-монахов Георгия, Нифона, Игнатия, Феодула и Исаяи показывает, что документ относился к архиву Лавры св. Афанасия на Афоне, где, по-видимому, и была переплетена рукопись, в которой он сохранился.

Выявленный нами в рукописи ГИМ *Влад.* 355 акт Лавры св. Афанасия на Афоне является завещанием, написанным в 1032 г. и заверенным оригинальными подписями свидетелей. Дата документа приходится на время крупного передела земельной собственности между афонскими монастырями²⁰, в которую были вовлечены перечисленные в этом документе монахи. Этот девятнадцатый по счету происходящий из Лавры византийский документ является вторым завещанием из ее архива. Спустя 400 лет древний и, по-видимому, давно потерявший актуальность текст завещания 1032 г. было тщательно смыт, а дорогостоящий в XV в. пергамен применен для переплета следующей книги.

¹⁸ Ibid. N 28.

¹⁹ Actes de Esphigménou. N 1.

²⁰ Actes de Lavra: I. Des origines à 1204. P. 45–51, 56–81.

Г. М. Воробьев
Гентский университет (Бельгия)

Греческие почерки круга Димитрия Халкокондила: Петр Ипсила

Изучая рукописи, созданные в Италии во второй половине XV и начале XVI века византийским гуманистом Димитрием Халкокондилом, приходится иметь дело и с рукописями, созданными переписчиками его круга, чье письмо похоже на письмо Халкокондила: это его сын Василий Ромул Халкокондил, Димитрий Дамила (Дамилас), Якоб Аурель Квестенберг, Дзаноби Аччайоли, Петр Ипсила и др.

Переписчик Петр Ипсила (Ипсилас, Гипселас — Πέτρος Ὑψηλᾶς), родом с Эгины, создал несколько десятков рукописей в Италии в третьей четверти XV и начале XVI века¹. Он сотрудничал с Димитрием Халкокондилом во Флоренции, где тот жил в 1475–1491 гг.²

Письмо Ипсила можно отнести к выделенному Дитером Харлфингером гнезду «Sgurooulos-Schrift» (названному по имени Димитрия Сгуропула), к которому близок и почерк Халкокондила. Вероятно, письмо Ипсила сформировалось еще до его знакомства с почерком Халкокондила. В его письме заметно значительное количество округлых начертаний и «барочных» элементов, характерных для Сгуропула,

¹ См., по меньшей мере, RGK, 1 n° 349, 2 n° 478, 3 n° 558; Wilson N. A descriptive catalogue of the Greek manuscripts of Corpus Christi College, Oxford. Cambridge 2011. P. 23 (и илл. 50), 24 (и илл. 51). Особенно интересны лл. 1с–4 в рукописи Vat. gr. 2181: здесь Ипсила привел образцы начертаний отдельных букв и лигатур и сопроводил этот «рекламный набор» письмом, в котором рекомендуется как отличный каллиграф (*Bianconi D. Paleografia: riflessioni su concetto e ruolo // Idem (a cura di), Storia della scrittura e altre storie. Roma 2014. P. 13).*

² Существенно, что Ипсила по просьбе Халкокондила брал рукописи в библиотеке Медичи: *Protocolli del carteggio di Lorenzo il Magnifico per gli anni 1473–74, 1477–92 / A cura di M. Del Piazzo. Firenze 1956. P. 448).*

но отсутствующих в более сухом письме Халкокондила. Впрочем, нельзя исключать, что, когда Ипсила начал переписывать кодексы по заказу и/или под руководством последнего, он перенял некоторые элементы, характерные для почерка Халкокондила³.

В первом томе «*Repertorium der griechischen Kopisten*» (RGK) зафиксировано два варианта почерка Ипсилы⁴. Описание почерка, данное в RGK, основано на воспроизведении листа одного из двух известных подписанных им кодексов, а именно Vat. gr. 1939 (Гефестион). При этом второй кодекс с подписью Ипсилы, Париж, BnF, grec 1399 (Павсаний), скопирован другим типом письма, более близким к почерку Халкокондила. Существование этого второго почерка Ипсилы, который не проиллюстрирован в RGK, породило путаницу: этот тип его письма не раз принимали за почерк самого Халкокондила.

Кроме Par. gr. 1399 этот тип письма Ипсилы засвидетельствован по меньшей мере в следующих рукописях: Вена, ÖNB, phil. gr. 274 (*Грамматика* Халкокондила и др.); Комо, Biblioteca comunale, 1.4.41 (Филострат); Мадрид, BNE, 4714 (Ксифилин); Оксфорд, CCC, 96 (Платон, Прокл), 112 (Аристотель) и 113 (Аристотель, Феофраст)⁵; Флоренция, BML, Plut. 5.11 (Псевдо-Дионисий Ареопagit) и 87.1 (Аристотель)⁶; Эскориал, Real Biblioteca, Rho.I.16 (Аполлоний Родосский). Возможно, Ипсилой переписана и парижская рукопись Париж, BnF, grec 2921 (Гермоген). Деятельность Ипсилы, разновидности его письма и кодикологические особенности его рукописей еще ждут подробного исследования, а ниже будет лишь предпринята попытка перечислить основные отличия рассматриваемого типа его письма от письма Халкокондила и опровергнуть несколько предложенных атрибуций.

³ «Некоторое сходство» почерков Ипсилы и Халкокондила отмечает мимоходом Антонио Браво Гарсия (*Bravo García A. En torno a algunos mss. de Apolonio de Rodas conservados en bibliotecas españolas: notas de paleografía // Emerita. 1983. Vol. 51/1. P. 97–117, 111*).

⁴ RGK, 1A, 178 n° 349.

⁵ Cp. *Wilson N. A descriptive catalogue...* P. 15, 23, 24 (и илл. 31–32, 50–51).

⁶ Cp. *Speranzi D. Identificazioni di mani nei manoscritti greci della Biblioteca Riccardiana // La descrizione dei manoscritti: esperienze a confronto / Coord. scient. di E. Crisci, M. Maniaci, P. Orsini. Cassino 2010. P. 177–202: 191–193 (и илл. Va–c).*

К основным чертам, отличающим этот тип письма Ипсилы от письма Халкокондила, можно отнести следующие. Помимо уже упомянутого общего более округлого облика⁷ и большего количества «барочных» элементов⁸ у Ипсилы, бросается в глаза начертание маюскульной беты. Она используется так же редко, как у Халкокондила, но имеет иную форму: у Ипсилы она шире, контраст между шириной нижней и верхней половиной буквы не такой сильный, как у Халкокондила, при этом выносная может достигать очень низкого уровня под строкой или заменяться петлей — в этом случае буква приближается к форме беты «сердечком». Ипсила использует маюскульную каппу того же начертания, что и Халкокондил, примерно с такой же частотой, однако пропорции этой крупной буквы у Ипсилы иные: вертикальный элемент значительно короче двух косых, которые могут быть сильно удлинены, особенно верхний, тогда как маюскульная каппа Халкокондила более пропорциональна, ближе к квадратной форме. Кроме того, Ипсила часто использует такие лигатуры с Krückstocktau и Fahnentau (особенно то и та), у которых соединительная дуга находится под строкой, тогда как Халкокондил выполняет эти сочетания букв другими способами.

Еще одна характерная черта рукописей Ипсилы — это заполнение петлей, декоративных хвостиков, а иногда и округлого тела небольших букв чернилами: такие элементы фактически превращаются в жирные точки. Это происходит, например, с центральной петлей в минускульной эпсилон и с петлей в нижней части минускульной пи, с декоративным завитком на конце вертикального элемента ро; превращаются в жирные точки и основной округлый элемент минускульных альфы и ро, и нижний элемент минускульной беты, и закрытый вариант эпсилон «крючком» в лигатурах вроде кеχ, и омикрон в лигатуре ло, где гласная образована петлей в правой части горизонтального элемента маюскульной пи.

Кроме того, буквы с большими округлыми элементами Ипсила часто украшает особым образом: он полностью или частично заполняет эти элементы красными чернилами. Ничего подобного

⁷ В первую очередь, из-за большого количества лигатур, выполненных при помощи дуги (ansa).

⁸ В отличие от Халкокондила, Ипсила время от времени увеличивает размер той или иной буквы, особенно в начале строки.

в кодексах, переписанных рукой Халкокондила, не засвидетельствовано. Наконец, для второстепенных заголовков, рубрик или колофонов Ипсила применяет особый минускул увеличенного размера, с такой шириной букв, какая невозможна для Халкокондила. При этом для основных заголовков Ипсила использует каллиграфический маюскул. Он отличается от того, которым пользуется Халкокондил: из всех более чем тридцати известных рукописей Халкокондила каллиграфический маюскул в заголовках встречается только в двух (Vat. Barb. gr. 11 и Vat. gr. 2659), и его вид далек от каллиграфического маюскула Ипсила.

Также надо отметить, что заголовки и колофоны у Ипсила сопровождаются особым украшением, какое у Халкокондила не встречается: это серия сокращений слова *télos*, которые перемежаются крестами, написанными попеременно красными чернилами и чернилами текста, иногда с двуцветными простыми или орнаментированными жирными точками между крестами и знаками *télos*. Кроме того, Ипсила часто подчеркивает рекламы (всегда вертикальные) одинарной или двойной красной чертой с несколькими небольшими группами декоративных «пузырьков», расположенных по два, три или четыре⁹.

В нескольких кодексах исследователи ошибочно приписывали Димитрию Халкокондилу почерк Петра Ипсила.

В рукописи Мадрид, BNE, 4714 (Ксифилин) в 1983 году Антонио Браво Гарсия справедливо опознал почерк Ипсила¹⁰. Однако в 2011 году Инмакулада Перес Мартин отвергла это отождествление и с уверенностью приписала почерк руке Халкокондила¹¹. Поскольку

⁹ Схожая орнаментация реклам встречается в рукописи Парма, Biblioteca Palatina, 355, которая переписана другим почерком, близким почерку Халкокондила. У самого Халкокондила орнаментированных реклам не засвидетельствовано.

¹⁰ Bravo García A. En torno a algunos... P. 110–111. Его атрибуция попала и в каталог Грегорио Де Андреса, который, правда, сопроводил ее вопросительным знаком; он не исключал, что переписчиком мог быть Джорджо Мерула (*De Andrés G. Catálogo de los códices griegos de la Biblioteca Nacional. Madrid 1987. P. 280*).

¹¹ «Переписчик — это ни Петр Ипсила, ни Джорджо Мерула, как предполагает Де Андрес, а Димитрий Халкокондил, которому мы и обязаны переводом Эпитомы Ксифилина» (*Pérez Martín I. El helenismo en la España moderna: libros y*

ку Браво Гарсия утверждал, что почерк Matr. 4714 идентичен почерку в рукописи Эскориал, Real Monasterio de San Lorenzo, Rho.I.16 (Аполлоний Родосский)¹², то читатели Перес Мартин могли экстраполировать ее новую идентификацию руки Халкокондила и на эскориальский кодекс. На деле ни один из двух испанских кодексов нельзя приписать руке Халкокондила. Почерк этих рукописей, несомненно, принадлежит, как уже предполагал Браво Гарсия, руке Ипсила. Поскольку в эскориальской рукописи содержится стихотворный текст, облик письма Ипсила здесь несколько отличается от письма Мадридского кодекса, и все же здесь, безусловно, речь идет о том же варианте письма Ипсила.

Сходство этого типа письма Ипсила с почерком Димитрия Халкокондила побудило Рудольфа Штефеца приписать еще одну рукопись руке афинского ученого, однако кодекс Комо, Biblioteca comunale, 1.4.41 (Филострат), несомненно, переписан Ипсилой. Здесь его почерк представлен в том же варианте, который засвидетельствован в двух вышеупомянутых испанских рукописях¹³.

Кодекс Вена, ÖNB, phil. gr. 274, содержащий греческую грамматику Халкокондила, Кристиан Гастгебер с уверенностью приписывает руке автора¹⁴, но на проверку выясняется, что и этот кодекс переписан Ипсилой. Кроме деталей письма основного текста, здесь обращают на себя внимание особое письмо заголовков, характерные заставки, декор реклам. На л. 1r Ипсила собственноручно добавляет трехцветный декор, тогда как неизвестно ни одной рукописи, созданной Халкокондилем, где бы использовались какие-либо цветные чернила кроме красных.

manuscritos griegos de Francisco de Mendoza y Bovadilla // *Minerva*. 2011. Vol. 24. P. 59–96, 84 n. 89).

¹² Bravo García A. En torno a algunos... P. 110–111. Де Андрес высказывается с меньшей уверенностью, чем Браво Гарсия, о тождестве почерка в двух рукописях. Он считает, что они писаны похожими почерками, а не одной и той же рукой (*De Andrés G. Catálogo...* P. 280). Изучение кодексов в подлиннике и сравнение фотовоспроизведений не оставляют сомнений, что Браво Гарсия был прав и речь идет об одной и той же руке.

¹³ Stefec R. Die Handschriften der Sophistenviten Philostrats // *Römische historische Mitteilungen*. 2014. Bd. 56. S. 137–206, 155, 183.

¹⁴ Gastgeber G. Miscellanea codicum Graecorum Vindobonensium II. Die griechischen Handschriften der Bibliotheca Corviniana in der Österreichischen Nationalbibliothek. Provenienz und Rezeption im Wiener Griechischhumanismus des frühen 16. Jahrhunderts. Wien 2014. S. 71.

Таким образом, почти вся рукопись, лл. 1r–243r, переписана Ипсилой. Лл. 244r–252v, где содержатся другие тексты (пифагорейские «Золотые стихи» и элегии Фокилида), атрибутировать сложнее, но вполне вероятно, что здесь мы имеем дело с другой разновидностью почерка того же Иписилы.

Наконец, можно предположить, что рукой Иписилы писан и кодекс Париж, ВнF, грес 2921 (Гермоген)¹⁵. Аннаклара Кательди Палау указывает, что почерк здесь во многом похож на письмо Халкокондила¹⁶. О руке самого Халкокондила, однако, тут не может быть речи: значительно вероятнее, что кодекс переписан Ипсилой.

¹⁵ Судя по воспроизведению л. 320r в: *Cataldi Palau A.* Gian Francesco D'Asola e la tipografia aldina. La vita, le edizioni, la biblioteca dell'Asolano. Genova 1998. P. 804 (и илл. 81).

¹⁶ Она опирается на образец его письма из Par. gr. 2023 (ibid., 581–582).

К. А. Жуков

Санкт-Петербургский гос. университет

«Турецко-византийская история» Дуки о восстании Бёрклюдже Мустафы (переводы и толкования)¹.

Мелочи, мелочи главное!..

Ф. Достоевский. «Преступление и наказание»

В современной Турции мятеж Шейха Бедреддина в Румелии, а также восстание в Анатолии, главой которого был его бывший эконо (кетхюда) и ученик (мюрид) по имени Бёрклюдже Мустафа, это не только тема для научных исследований, но и предмет общественной полемики. Показательным в этом отношении стал 2016 г., когда, в связи с предполагаемой 600-летней годовщиной казни мятежного шейха, в стране были проведены разнообразные мероприятия, приуроченные к этой дате. Оба восстания уже давно стали частью исторической памяти турецкого народа², во многом сформированной в 20 веке

¹ Вариант доклада «О переводе фразы *Dede sultan, eriş!* из сочинения византийского историка XV века Дуки» // Междунар. науч. конф. «XX Ивановские чтения» (СПбГУ, 20 мая 2018 г.). По сути дела, данная статья является продолжением наших работ прошлых лет. См. *Жуков К.А.* Восстание Берклюдже Мустафы и Торлака Ху Кемалья в Турции в начале XV в. / Общественные движения и их идеология в добуржуазных обществах Азии. М., 1988. С. 118–128; *Он же.* Эгейские эмираты в XIV–XV вв. М., 1988; *Он же.* К истории религиозных движений в Восточном Средиземноморье в XIV–XV вв.: новая интерпретация восстания Берклюдже Мустафы в Турции (около 1415 г.) // Православный Палестинский Сборник, 1998. Т. 98 (35). С. 84–98; *Он же.* Берклюдже Мустафа, был ли он новым Маздаком? / Османский мир и османистика. Сб. ст. к 100-летию со дня рождения А. С. Тверитиновой (1910–1973). М., 2010. С. 282–287.

² Подробнее см. *Ocak A. Ya.* Osmanlı Toplumunda Zındıklar ve Mülhidler yahut Dairenin Dışına Çıkanlar (15–17. Yüzyıllar). İstanbul, 1998. S. 139–143.

выдающимися литературными деятелями, преимущественно левой политической ориентации. Среди них были такие громкие имена, как «турецкий Маяковский» Назым Хикмет (поэма «Дастан о Шейхе Бедреддине», 1936 г.), и «турецкий Шекспир» Орхан Асена (историческая драма «Шейх Бедреддин из Симавны», 1969 г.). Однако за десятилетия, предшествующие упомянутой юбилейной дате, в турецком обществе укрепились иные, в том числе исламистские тенденции, которые в нашем случае ярко проявились в книге, претенциозно озаглавленной «Последнее слово о Шейхе Бедреддине»³. Шабан Эр, автор этой антологии, сопроводил свою подборку релевантных отрывков из исторических источников предисловием (стилистически иногда выходящим за академические рамки), в котором рассматривает Шейха Бедреддина исключительно как крупного суннитского богослова, оклеветанного недругами, но на деле не имеющего никакого отношения ни к «социалистической» идеологии, ни к мятежу против османского султана Мехмеда Челеби (1413–1421). Понятно, что у сторонников этого взгляда преобладает стремление как можно дальше отстранить шейха от его бывшего ученика, ставшего еретиком и бунтовщиком, своего рода «турецким Дольчино».

Цель данной статьи — обратить внимание на те места из сочинения Дуки, в которых встречаются вкрапления ориентализмов, а именно: Bürklüje, zerkulâh, “dede sultan erîş”, и таким образом расширить смысловое поле для изучения восстания Бёрклюдже Мустафы, которое во многих отношениях остается загадкой для специалистов в области османской истории⁴.

1) Значение полного имени предводителя бунтовщиков. В настоящее время господствующий взгляд заключается в том, что прозвище

³Er Ş. Edirne-Simâvne Kâdisı ve Emîri İsrâ'îl Oğlu Şeyh Bedreddîn Hakkında Son Söz. İstanbul, 2016.

⁴Применена транскрипция, использованная в: Moravcsik G. Byzantinoturcica. Bd. 2. Sprachreste der Türkvölker in den Byzantinischen Quellen. Berlin, 1983. S. 20–21; 129, 251. В нашей статье, помимо особо оговоренных, примеры из текста даны по изданию: [Ducas]. Historia Byzantina. Recognovit et interprete Italo addito supplevit Immanuel Bekkerus. Bonn, 1834. Также использован (с поправками) русский перевод С. К. Красавиной (Византийский историк Дука о восстании Бёрклюдже Мустафы // Общество и государство на Балканах в Средние века. Калинин, 1980. С. 40–43). Список новой литературы по истории восстаний см. в: Stoyanov Yu. Christian heretical participation in the rebellion of Börklüce Mustafa and Sheikh Bedreddin — reappraising the evidence // Studia Ceranea. 2021. Vol. 11. P. 443–461.

Мустафы (Börklüce -- турец.) является производным от турецкого слова *börk* («головной убор»). К этой основе присоединены два аффикса: - *lû*, с помощью которого образуется имя со значением обладания чем-либо, и аффикс - *ce*, функционирующий как словообразовательный элемент, употребляющийся для придания имени уменьшительного значения. Однако при переводе данной конструкции возникают определенные трудности. Например, у одного и того же автора мы можем встретить два варианта перевода прозвища Мустафы, а именно: «Маленький носитель колпака»⁵ и «Носитель маленького колпака»⁶. Первый вариант мало вразумителен, второй коряв с точки зрения правил словообразования, присущих османско-турецкому языку. По мнению Фр. Бабингера, *приблизительное* [курсив наш. — К. Ж.] значение прозвища Мустафы «Маленький человек в колпаке»⁷.

Если мы обратимся к самому раннему османскому источнику, в котором упоминается полное имя Мустафы, а именно: к стихотворному «Сказанию о Шейхе Бедреддине, сыне кадия Симавны» (862–863 г. х./1458–1459 гг.), автором которого является внук шейха Халил бин Исмаил, то обнаружим, что автор жизнеописания своего деда именует Мустафу в двух вариантах: а) в традиционной для османской историографии форме (Бёрклюдже) в том случае, когда ведет рассказ об антиосманском восстании; б) без прибавления уменьшительного аффикса, а именно: Мустафа Бёрклю, когда вспоминает о подробностях своей частной жизни, имевших место за несколько лет до восстания (Мустафа, как известно, стал воспитателем внуков шейха после смерти Исмаила в 813 г. х./1410–1411 гг.)⁸. Данное обстоятельство дает нам основание предположить, что аффикс -*ce*, мог быть поздним

⁵Новичев А.Д. История Турции. Т. 1. Эпоха феодализма (XI–XVIII века). Л., 1963. С. 39.

⁶Новичев А.Д. Турция // История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 388. Позже ученый вернулся к первоначальному варианту (К истории народного восстания в Турции под руководством Шейха Бедреддина Симави (к историографии движения) // Общество и государство на Балканах в Средние века. Калинин, 1980. С. 25. Примеч. 1).

⁷Babinger Fr. Schejch Bedr-ed-din, der Sohn des Richters von Simav. Ein Beitrag zur Geschichte des Sektenwesens im Altosmanischen Reich // Der Islam. Berlin; Leipzig, 1921. Bd 11. S. 55–56.

⁸Halîl bin İsmâîl bin Şeyh Bedrüddîn Mahmûd. Simavna Kadısıoğlu Şeyh Bedreddin Manâkıbı. Yayınlayanlar: A. Gölpınarlı ve İ. Sungurbey. İstanbul, 1967. S. 117, 143.

прибавлением к прозвищу Мустафы, причем прибавлением, несущим определенную смысловую нагрузку. Известно, что этот уменьшительный аффикс в турецком языке может придавать именам собственным уничижительный оттенок. Представляется, что здесь мы имеем дело именно с таким случаем. Историческая аналогия — имена русских бунтовщиков: Стенька Разин, Емелька Пугачев⁹.

Итак, Бёркю Мустафа. Оправданным было бы усмотреть в этом прозвище указание на происхождение Мустафы — Мустафа из Бёрка. Но поскольку такой топоним нам неизвестен, в научной литературе утвердилось толкование со значением «Колпаконосец».

2) Тема головного убора. Прежде всего обращает на себя внимание характерный внешний вид сторонников Мустафы: подобно итальянским Апостоликам из секты Дольчино, они ходили босиком (без сандалий) и облачались лишь в одну короткую накидку (хитон). Таким образом, оставаясь в нижней льняной рубаше, мятежники отказались от ношения верхней накидки из шерсти. Отметим, что верхняя залатанная накидка (хырка) рассматривалась в суфийской практике как чрезвычайно важный атрибут: впервые она надевалась на ученика во время церемонии его посвящения в дервиши¹⁰. Перечисляя со слов своего информатора (им был очевидец тех событий, греческий монах-отшельник, обитавший на острове Хиос) поступки сторонников Мустафы, Дука упоминает также об отказе мятежников носить головной убор, который именуется *zarkoulās*: «Затем люди Берклюдже Мустафы <...> воспели его в гимнах превыше пророка и приняли решение никогда больше не надевать войлочный головной убор, который зовётся заркулан¹¹,

⁹ Представляется, что в случае с Мустафой важно то обстоятельство, что аффикс *-се* присоединяется к прозвищу, а не к имени собственному. Дело в том, что в турецком языке есть еще один уменьшительный аффикс (*-cik* с вариантами), который в сочетании с именами собственными привносит уменьшительно-ласкательный оттенок. Например, Mehmetcik «Мехмедка, Мехмедушка» (народное прозвище турецкого солдата).

¹⁰ Подробнее о дервишском одеянии см. Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе. М., 1989. С. 240–241.

¹¹ Представляется, что перешедшее из турецкого в «просторечный язык ромеев» (Дука) персидское слово *serkulāh* «головной убор/колпак» образовано по той же словообразовательной модели, что и заимствованное османо-турецким языком из персидского языка слово *serbend* «головная повязка, тюрбан». *Ser* по-персидски «голова», *kulāh* — «колпак конической формы». В греческом языке

но ходить с непокрытой головой и в одном хитоне и ощущать себя более привязанными к христианам, нежели к туркам»¹².

На первый взгляд, отказ последователей Мустафы носить конический головной убор дервишей (кюлах) и таким образом бродить по миру с непокрытой головой выглядит вполне логичным. Ведь, как известно, кюлаху приписывалось божественное происхождение, поскольку по своей форме он был подобием того сосуда из света, в который, согласно исламской традиции, Создателем была помещена душа пророка Мухаммеда¹³. А коль скоро мятежники, по сообщениям османских авторов (Шюкрулла и др.), отвергали пророческую миссию Мухаммеда и считали пророками своих шейхов, версия информатора Дуки выглядит совершенно непротиворечивой. И тем не менее, точный смысл этого поступка сторонников Мустафы остается загадкой. Дело в том, что известен аналогичный случай в Турции в середине 15 в., когда произошел раскол в суфийском братстве Байрамия, в результате которого выделилось самостоятельное братство (тарикат), получившее название Маламатия-Байрамия. Внешне этот раскол

в заимствованной лексике известны случаи озвончения начального турецкого согласного “s”. Например, турецкое слово *salhāne* «скотобойня» передавалось как *zalahānās* (Moravcsik G. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 129). В турецком языке слову *kulāh* (вариант с компонентом «голова»: *serkulāh*) имеются синонимы, а именно: уже знакомый нам *börk*, а также *taç* («корона, венец, головной убор шейха»). Укажем на случай употребления (с персидским изафетом) слова «тач/тадж» в развернутой (уточняющей) форме с компонентом «голова» в «Сказании о Шейхе Бедреддине»: *tâc-ı ser* (Halîl bin İsmâîl bin Şeyh Bedrüddîn Mahmûd. Simavna Kadısioglu Şeyh Bedreddin Manâkıbı. S. 142).

¹² [Dukas]. Chronographia. Byzantiner und Osmanen im Kampf um die Macht und das Überleben (1341–1462). Herausgegeben von Reinsch, Diether Roderich; Reinsch–Werner, Ljuba H. Berlin — Boston, 2020. S. 219; Красавина С.К. Византийский историк Дука о восстании Берклюдже Мустафы. С. 40–41. Вот как описывает кюлах Дм. Кантемир: «Покрывало главы, которое они особливим дервишским речением кюллаг называют есть убо тесное, во еже главу токмо вместити, долгое же по меньшей мере на поллокты из шерсти овчия или власов верблюжьих нешвенное, но валяное» (Кантемир Дм. Книга Систима, или Состояние мухаммеданския религии / *Cantemir D. Opere complete*. Т. VIII/2. Bucureşti, 1987. P. 460).

¹³ Brown J.P. The Darvishes or Oriental Spiritualism / Ed. with an introduction and notes by H. A. Rose. London, 1968. P. 99. Подробный экскурс Брауна в символический мир дервишского костюма на русском языке изложен в книге: Позднеев П.А. Дервиши в мусульманском мире. История, учение, повседневная жизнь. Изд. 2-е. М., 2012. С. 157–186, первым изданием вышедшей в Оренбурге в 1886 г.

выразился в отказе членов нового братства от ношения дервишских одежд: рубища и колпака. О сути разногласий, приведших к расколу, источники ничего не сообщают¹⁴. Очевидно, таким образом, что в истории турецкого суфизма поступок сторонников Берклюдже Мустафы не был уникальным явлением¹⁵.

Известно, что в суфизме таким предметам, как хырка и тач (кюлах) придавалось такое важное значение, что знаменитый турецкий поэт Юнус Эмре (умер в 1320/21 г.) чувствовал необходимость предостеречь своих современников: «Суть дервишества заключена не в облачении и не в головном уборе!»¹⁶. Его известное стихотворение «То, что называют дервишеством, не хырка и не тач...» (*Dervişlik dedikleri hırka ile taç değil...*) для нашей темы представляет особый интерес, поскольку являет собою спор поэта с неким заблудшим оппонентом. Вот отрывок из этого произведения в переводе В. Б. Куделина:

Ты говоришь: на пути к шейху должны быть босыми ноги и непокрыта голова,

А есть святые, которые живут и не босыми, и не голодными.

Мой Юнус Эмре, стоит он, открывает тайны блаженным,

С мужем тариката он вместе идет, беспутным он не товарищ (*yolsuza yoldaş değil*)¹⁷.

¹⁴ Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм. Краткая история. М. — СПб., 2004. С. 316. Основатель ордена Байрамия Хаджи Байрам умер в 1429 г. Члены этого братства, которое поначалу было активно в районе Анкары, занимались коллективным крестьянским трудом (*İnalcik H. The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600. London, 1995. P. 191–192*).

¹⁵ В турецком языке слово кюлах («колпак») имеет еще и переносное значение -- «обман, плутовство» и широко используется во фразеологических оборотах. В частности, оборот с глаголом *giydirmek* («заставить надеть, покрывать») означает «одурачить, обмануть, окопачить». Соответственно, решение мятежников прекратить носить кюлах, помимо всего прочего, могло быть воспринято как символический жест, как демонстрация искренности своих намерений. Разумеется, это всего лишь зыбкое предположение, однако следует иметь в виду, что, по версии османских летописцев (Ашикпашазаде, Оруч-бей) именно обман и лицемерие, наряду с потаканием низменным человеческим наклонностям, объясняют первоначальные успехи Берклюдже Мустафы, который «заставил называть себя пророком».

¹⁶ Шиммель А. Мир исламского мистицизма. М., 1999. С. 186.

¹⁷ Куделин В.Б. Поэзия Юнуса Эмре. К вопросу о гуманизме в литературе средних веков. М., 1980. С. 148.

В нашу задачу не входит оценка этого перевода с точки зрения его буквальной точности. Важно то, что он более-менее верно передает мировоззренческую позицию автора [принадлежность стихотворения Юнусу Эмре никем не оспаривается. — К. Ж.]. Святость, в понимании Юнуса Эмре, совсем необязательно должна подразумевать такие качества, как бедность и аскетизм: «А есть святые, которые живут и не босыми, и не голодными»¹⁸. Для нас в данном случае чрезвычайно важным является вполне земное противопоставление благополучных зажиточных святых тем, кто «бос, и чья голова непокрыта». *Dersin şeyhim aşk ile yalın ayak, baş açık* («Ты говоришь, мой шейх, что [дервиши] должны быть обуяны [божественной] любовью, босы и с непокрытыми головами...»)¹⁹. Нетрудно заметить, что последняя характеристика полностью совпадает с описанием у Дуки внешнего вида сторонников Мустафы.

3) Предсмертные слова приверженцев Берклюдже Мустафы. После подавления восстания османскими войсками «монохитонники» были схвачены вместе со своим лжеотцом [Дука называет Мустафу псевдо-аббатом. — К. Ж.]. «Пленив и связав их, войско пришло в Эфес. Там Мустафу подвергли бесконечным пыткам, но он остался неизменным и непоколебимым в своих представлениях. Тогда они распяли его, растянув ему руки и прибив их гвоздями к доскам, затем водрузили его распятого на верблюда и с триумфом провезли через центр города. Его учеников, не отрехшихся от воззрений своего наставника, они закололи на глазах у их учителя. Те ничего не промолвили, кроме одного: Деде султан ерис, то есть: «Господин отец, поспеши». А потом с радостью приняли они смерть», — так описывает Дука подавление восстания со слов старца-отшельника²⁰.

¹⁸ Об этой тенденции в истории суфизма (условно ее можно назвать «оправдание богатства») см. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV веках. СПб., 2007. 2-е изд. С. 366–368.

¹⁹ М. Татчи, знаток творчества Юнуса Эмре, в своем специальном комментарии к этому стихотворению по не известной нам причине предпочитает трактовать отсутствие головного убора и обуви как атрибуты сумасшествия, в которое иногда впадали переусердствовавшие в радениях аскеты (*Tatçı M. Dervişlik dedikleri — Yunus Emre'nin Bir Şiirinin Yorumu // 1. Ulusal Yunus Emre Sempozyumu. 22–23 Mayıs, 2009. Karaman. "Yunus Emre'yi Anlamaya Doğru". Bildiriler Kitabı. Karaman. 2010. S. 123*).

²⁰ Красавина С.К. Византийский историк Дука о восстании Берклюдже Мустафы. С. 42.

Дука передает последние слова мятежников греческими литерами по-турецки: *teté sūltan eṛḫs*, то есть “Dede sultan, eṛiṣ!”, сопровождая его переводом (*kūrie ābbās fḥāsou*). Среди исследователей нет единства в вопросе о том, кого считать адресатом этих слов: например, Фр. Бабингер полагал, что это обращение к Бедреддину, а известный турецкий историк И. Х. Узунчаршылы — к Бёрклюдже Мустафе²¹. По-разному переводят и сам возглас. Для нас очевидно, что он был адресован именно Мустафе, поскольку, согласно османским хроникам (Анонимная [изд. Гизе], Молла Челеби), в которых цитируются собственные слова Шейха Бедреддина, мятежники называли своего лидера Мелик Мехди²² («Правитель, идущий по верному пути»). Иными словами, они видели в Шейхе Бедреддине мусульманского (суннитского) Мессию (Махди). Кроме того, четко прослеживаются политические амбиции Шейха, который, называя себя «великим завоевателем» (*sahibhuruc*), заявлял, что отныне именно ему принадлежат власть и трон²³. Полезным источником по нашей теме является сочинение Идриса Битлиси. Эта персоязычная хроника была завершена автором в 1515 г., а в 1733 г. появился ее османо-турецкий перевод. Отрывок из старого турецкого перевода опубликован Фр. Бабингером по рукописи Австрийской Национальной библиотеки. Кроме того, соответствующий раздел хроники переведен с персидского на современный турецкий язык Ш. Эром и помещен в его Антологию. В этой летописи о восстаниях говорится в форме прямой речи Шейха Бедреддина. Так, в частности, сообщается, что отправленный в Айдынскую землю Мустафа (равно, как и Торлак Кемаль) является его заместителем (халифе), миссионером (даи), уполномоченным на то, чтобы пригласить народ постичь истинную веру (*halkı hidayetе davet için*). В намерения Шейха входило упразднение законов притворно верующих (*ehl-i taklid*) [различных религиозных] общин и толков. Добиться этой цели Шейх рассчитывал при помощи тайных истин единобожия и силой науки.

²¹ Новичев А.Д. Крестьянское восстание в Турции в начале XV в. // Проблемы востоковедения. 1960. № 3. С. 76.

²² Babinger Fr. Schejch Bedr-ed-din, der Sohn des Richters von Simav. S. 29; Er Ş. Edirne-Simâvne Kâdîsı ve Emîri İsrâ'il Oğlu Şeyh Bedreddîn Hakkında Son Söz. S. 417, 426.

²³ Neşri Mehmed. Kitâb-ı Cihan-Nümâ. Hazırlayanlar: F. R. Unat, M. A. Köymen. Cilt 2. Ankara, 1957. S. 545–547.

Речь шла, таким образом, об обновлении веры и, возможно, о создании универсальной религии²⁴.

Обратимся теперь к переводам на европейские языки упомянутого предсмертного возгласа сторонников Мустафы. На сегодняшний день нам известны следующие варианты переводов:

а) На немецкий: “Vater Sultan, komme herbei!”, “Vaterchen Sultan, komme!” (Фр. Бабингер / Fr. Babinger); “Herr Sultan, komme an!” (Д. Моравчик / Gu. Moravcsik); “Vater Sultan, komm herbei!” (Э. Вернер / E. Werner); “Herr Sultan, komm”, “Herr Abbas, komm!” (Д. Райнш / D. Reinsch);

б) На французский: “Viens, Seigneur Père!” (М. Баливе / M. Balivet); “Seigneur abbé, arrive!” (Ж. Даянтис / J. Dayantis);

в) На румынский: “Doamne părinte, vino!”, “Părinte sultan, ajunge!” (В. Греку / V. Grecu);

г) На латынь: “domine Abbas, accelera!” (Им. Беккер / Im. Bekker);

д) На английский: “Lord Father, hasten to us!” (Г. Магулиас / H. Magoulías);

е) На русский: «Господине отче, ускорь!» (А. С. Степанов); «Прииди скорей, дэдэ султан!» (А. Д. Новичев); «Господин отец, поспеши!» (С. К. Красавина).

Итак, известные нам переводы ориентируются на греческий, а не на турецкий текст и при этом четко распадаются на две группы. Авторы переводов, упомянутых в рубриках от а) до в) включительно, делают акцент на пространственном перемещении (без ответа: зачем), вторая группа переводов -- от г) до е) — делает акцент на ускорении (без объяснения: чего, с какой целью). Такое различие в переводах использованного глагола объясняется тем обстоятельством, что словарное значение турецкого глагола *eṛişmek* — «достигать, приходить вовремя, успевать, постигать», а греческий глагол *φθάω*, употребленный Дукой, помимо значения «приходить, достигать», имеет также значение «приходить с опережением, упреждать». Между тем, Дука, по всей видимости, совсем не случайно включил в свой текст предсмертные слова сподвижников Мустафы в турецком варианте. И по этой причине

²⁴ Babinger Fr. Schejch Bedr-ed-din, der Sohn des Richters von Simav. S. 47; Er Ş. Edirne-Simâvne Kâdîsı ve Emîri İsrâ'il Oğlu Şeyh Bedreddîn Hakkında Son Söz. S. 404; Жуков К.А. Бёрклюдже Мустафа, был ли он новым Маздаком? С. 287.

именно этот последний должен рассматриваться переводчиками в качестве приоритетного.

Исходя из суфийской практики, можно сделать вывод, что обращение в возгласе приговоренных к казни в передаче Дуки имеет несколько усеченный характер. Вот пример из повседневной жизни дервишей в описании Дм. Кантемира: «Егда в келии своей или читати, или иное какое дело делати или отпочинути хочет дервиш, дверей не заключает. Кто-либо или от братий, или от иностранных приидет нетолкая в двери, кротко восклицати обычай имеют, Гу деде султан (то есть «О, божественный дядя султане») емуже еще он ответствует Гу, гу, входит приходящий. Еще не отдаст гласа, мимо проходит...»²⁵ Турецкое слово *dede* («дед, старец, предок») в суфийском лексиконе означает «шейх»; арабское *Hi* — «Он, Аллах» используется среди дервишей как приветственная формула: «О!», «Эй!» (последняя у Дуки отсутствует).

Основную трудность для перевода предсмертных слов восставших представляет использованный ими турецкий глагол. Использование глагола *erişmek* «достигать, доходить, приходить, приходить вовремя, успевать, постигать» исключительно в значении «простое перемещение в пространстве» в принципе возможно, но в данном случае нам представляется не совсем оправданным. Для этой функции вполне ожидаемым было бы употребление гораздо более частотного глагола *gelmek* в значении «прибывать, приходить». Кроме того, привычный порядок слов скорее подразумевал бы употребление глагола без зависимых слов в повелительном наклонении в начале фразы, а не в конце. Таким образом, гипотетически можно предположить наличие какой-нибудь лакуны, либо пропуска по умолчанию чего-то по тем временам хорошо известного сподвижникам Мустафы, иными словами для понимания этой фразы требовалось фоновое знание.

Особняком от упомянутых выше переводов стоит версия анонимного переводчика сочинения Дуки на итальянский язык, которая опубликована Им. Беккером: *domine abbas auxiliare*²⁶. В тексте этого перевода вместо итальянского глагола *accelerare* «ускорять» употреблен латинский глагол *auxilior* «помогать». Представляется, что переводчик,

видимо, не уяснив себе, в чем смысл данной «спешки» (для чего?) или же простого «прибытия» (с какой целью?), решил руководствоваться простым здравым смыслом, учитывая предельный трагизм описываемой ситуации, которая, по его оценке, заставляет приговоренных к смерти взывать о помощи (спасении). Итальянский перевод сделан венецианцем или далматинцем и датируется 15 веком. Все известные греческие списки сочинения Дуки относятся к более позднему периоду. Рукопись этого перевода обнаружил в Библиотеке Марчиана Л. Фон Ранке, автор знаменитой максимы: «Задача историка — восстановить факты и показать, как всё происходило на самом деле»²⁷. Перевод выполнен в свободном стиле и местами содержит дополнения и отличия от греческого текста.

Одно из таких отличий мы находим в тексте перевода непосредственно за описанием казни мятежников (см. выше). Переводчик решил следующим образом объяснить читателю причину «радостного приятия смерти» сторонниками Мустафы: «*Alhora dolcemente riceviano la morte, perchè havevano opinione che fine a tempo, come non morono, ma viveno*»²⁸. «Тогда они с тихой радостью принимали смерть, потому что у них было мнение, что пока они будто не умирают, но живут». Этот комментарий замещает такую фразу в оригинальном греческом тексте о казненном Мустафе: «До некоторого времени имело силу у многих его сподвижников мнение, что учитель не умер, а жив»²⁹.

На наш взгляд, своим комментарием автор итальянского перевода обнаруживает знакомство с милленаристскими представлениями, широко распространенными среди сектантских религиозных движений в Средние века. Идейной основой таких движений был хилиазм — еретическое учение на основе Апокалипсиса (Откр. 20: 1–6) о втором пришествии Иисуса Христа, первом воскресении праведников и установлении на земле тысячелетнего царства справедливости и благоденствия до Судного дня³⁰.

²⁷ *Ducas*. Istoria Turco-bizantină (1341–1462) / ed. V. Grecu. Bucureşti, 1958. P. 17.

²⁸ [*Ducas*]. Historia Byzantina. Recognovit et interprete Italo addito supplevit Immanuel Bekkerus. P. 409.

²⁹ Красавина С.К. Византийский историк Дука о восстании Берклюдже Мустафы. С. 43.

³⁰ В общем плане аналогии с европейскими милленаристскими движениями (Апостольские Братья, табориты и др.) проводил Е. А. Черноусов (*Черноусов Е.А.*

²⁵ Кантемир Дм. Книга Систима, или Состояние мухаммеданския религии. Р. 460.

²⁶ [*Ducas*]. Historia Byzantina. Recognovit et interprete Italo addito supplevit Immanuel Bekkerus. P. 409.

Понятно, что, приступая к изучению восстания Бёрклюдже Мустафы, исследователи сталкиваются с искушением рассматривать рассказ Дуки в рамках христианских эсхатологических представлений. Во-первых, свое воздействие оказывает тот факт, что это восстание, в котором также принимал участие бродячий дервиш (торлак) Кемаль, имело место на территориях некоторых из семи церквей Апокалипсиса (Ефесская и Смирнская церкви — первые в списке Откровения). В самом Эфесе, куда османцами были доставлены плененные мятежники, находится гробница св. Иоанна Богослова. Мыс Карабурун (центр восстания) географически в два раза ближе к Смирне, чем к Эфесу (примерно 100 против 200 км). Возникает вопрос, что заставило османцев выбрать такой протяженный маршрут? Во-вторых, существует опасность впасть в зависимость от интерпретации тех событий информатором Дуки, который воспринимает их с точки зрения православного монаха-отшельника. Например, евангельский мотив прослеживается в «чудесном» (Дука) рассказе отшельника о ночных переходах Мустафы на остров Хиос для ведения совместных богословских бесед: неслышным шагом по морю аки посуху. Иногда такой дискурс приводит к искажению реальной картины. Так, «распятие Мустафы», строго говоря, таковым не являлось. На Ближнем Востоке подобные казни не были в диковину. Казнь состояла из двух этапов и завершалась разрубанием палачом приговоренного на две части³¹. Важным, однако, является то обстоятельство, что казнь Мустафы воспринималась отшельником именно как распятие (гвозди и пр.), как аллюзия на казнь Иисуса Христа. В целом, однако, Дуке удастся избежать зависимости от своего информатора, особенно в тех случаях, когда тот начинает высказывать явно неортодоксальные взгляды. Так, о дальнейшей судьбе Мустафы Дука пишет: «Когда я встречался с упомянутым отшельником, — уже после того, как все это случилось, — я спросил его, что он думает о том человеке, и он сказал мне, что тот не умер, а, переправившись

Дука, один из историков конца Византии // Византийский временник. 1914. Т. 21. С. 196–199.). Подробнее см. Жуков К.А. К истории религиозных движений в Восточном Средиземноморье в XIV–XV вв.: новая интерпретация восстания Берклюдже Мустафы в Турции (около 1415 г.).

³¹ Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV–XV вв. С. 153–154. Примеч. 113; Он же. Восстание Берклюдже Мустафы и Торлака Ху Кемалья в Турции в начале XV в. С. 123.

на остров Самос, обосновался там, как вначале. Но я ничему не поверил и не понял его фантазий»³². В-третьих, при анализе текста можно обнаружить формальное сходство между предсмертным возгласом захваченных в плен сторонников Мустафы, с одной стороны, и призывом из Откровения Иоанна: «Ей, гряди, Господи Иисусе!» (Откр. 22:20), с другой. В свое время эта параллель была отмечена Фр. Бабингером в самом начале его работы о Шейхе Бедреддине³³.

Перечисленные совпадения, специфика религиозного и историко-культурного контекста, в условиях которого имело место восстание Мустафы, а также поведение приговоренных к смерти мятежников, позволяют нам предположить, что своими сподвижниками Бёрклюдже Мустафа мог уподобляться одному из Ангелов Апокалипсиса, а именно Ангелу Смирнской церкви. Вспомним в этой связи, что в свое время ересиарх Дольчино, объявив себя Ангелом Фиатирской церкви, утверждал, что получил откровение от самого Бога. В этом же ключе, видимо, можно истолковать слова Дуки о том, что Мустафу его приверженцы «воспели в гимнах превыше пророка». В Апокалипсисе говорится: «И Ангелу Смирнской церкви напиши: <...> Не бойся ничего, что тебе надо будет претерпеть. <...> Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни. <...> Имеющий ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит церквям: побеждающий не потерпит вреда от второй смерти» (Откр. 2: 8, 10–11). Далее читаем: «Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет» (Откр. 20: 6). Представляется, таким образом, что данные хилиастические идеи вполне адекватно могут объяснить феномен «радостного приятия смерти» сторонниками Бёрклюдже Мустафы.

При таком понимании общего смысла предсмертных слов мятежников, допустимы обе группы переводов, рассмотренные выше, но при условии, что к этому времени Мустафа и его сторонники уже полностью отказались от ислама. В пользу такой версии, как представляется, говорят следующие фразы, разбросанные по разным местам истории Дуки: «Он, — пишет Дука, — тайно завязывал дружбу

³² Красавина С.К. Византийский историк Дука о восстании Берклюдже Мустафы. С. 43.

³³ “Veni, domine Jesu, veni!” (Babinger Fr. Schejch Bedr-ed-din, der Sohn des Richters von Simav. S. 4).

с христианами, потому что распространилось такое мнение: “кто из турок скажет, что христиане не являются благоверными, тот сам неверный”. И все последователи этого учения согласно поддерживали дружелюбные отношения с христианами, почитая их, словно ангелов божьих. <...> люди Бёрклюдже Мустафы <...> воспели его в гимнах превыше пророка и приняли решение <...> ощущать себя более привязанными к христианам, нежели к туркам»³⁴. Итальянский переводчик на свой манер прояснил последнюю фразу: «...общаться более с христианами, чем с турками»³⁵.

Итак, достаточно эклектичная доктрина Мустафы в изложении Дуки выглядит чрезвычайно пластичной, поэтому, приступая к ее рассмотрению, надо учитывать эволюцию взглядов Мустафы Бёрклюдже в период восстания³⁶. Если на начальном этапе в лице Мустафы мы видим проповедника добровольной бедности и общности имущества, то затем в его проповеди все громче звучит мотив Спасения, усиливается крен в сторону христианской эсхатологии. В этот период в среде его тариката, по всей видимости, происходит уподобление этого бывшего шейха турецкого суфийского братства апокалиптическому Ангелу Смирнской церкви. И, наконец, на финальной стадии этого процесса в учении Бёрклюдже Мустафы мы обнаруживаем проявление еретических хилиастических идей о втором пришествии Иисуса Христа с последующим первым воскресением праведников и установлением тысячелетнего царства справедливости и благоденствия.

³⁴ Красавина С.К. Византийский историк Дука о восстании Берклюдже Мустафы. С. 40–41. [Dukas]. Chronographia. Byzantiner und Osmanen im Kampf um die Macht und das Überleben (1341–1462). S. 217–219.

³⁵ [Dukas]. Historia Byzantina. Recognovit et interprete Italo addito supplevit Immanuel Bekkerus. P. 408.

³⁶ Идрис Битлиси пишет, что Мустафа вначале тайно, а затем открыто стал побуждать своих последователей считать запретное дозволенным и, следуя указующему ему путь шайтану, в короткие сроки собрал вокруг себя до десяти тысяч приспешников и беспрекословно подчиняющихся ему людей (*Er Ş. Edirne-Simâvne Kâdîsi ve Emîri İsrâ'il Oğlu Şeyh Bedreddîn Hakkında Son Söz*. S. 402).

С.Н. Гукова
Санкт-Петербургский институт истории РАН
Istituto Teologico Ortodosso “Santa Eufemia” (Италия)

Моносандализм в византийском искусстве

Тема моносандализма в византийском искусстве практически не изучена, и потому может показаться необычной. Тем не менее, она представляет немалый интерес как с точки зрения особенностей византийской культуры эпохи Палеологов, так и с точки зрения христианской иконографии. Моносандалом (гр. *μονοσάνδαλος* или *μονοκρίλις*) называют персонажа, обутого лишь на одну ногу. Этот культурно-антропологический феномен известен с древнейших времен, о чем свидетельствует спинка знаменитого золотого трона Тутанхамона (ок. 1325 г. до н. э., Египетский национальный музей, Каир), где фараон изображен восседающим на троне и обутом лишь в одну сандалию. Гораздо более известен и распространен этот мотив был в древнегреческой культуре, где он представлен во многих литературных источниках и памятниках искусства, начиная с V века до н. э. В западноевропейском средневековом искусстве моносандализм встречается преимущественно в каменной пластике,¹ известен он и в итальянском искусстве позднего Возрождения². В западноевропейском искусстве Нового времени изображения персонажей,

¹ А. Lebeuf исследовал эту тему, взяв за основу мраморный рельеф XII в. из Музея августинцев г. Тулузы. См. *Lebeuf A.* Stopa bosa stopa obuta: semantyka motywu ikonograficznego. Kraków: Nomos, 2003.

² В росписях церкви Санта-Мария-делла-Стекката в Парме, законченных в 1539 году художником Пармиджанино, в изображении притчи о мудрых и неразумных девах (Мф:25,1–13), включенной в сцену Коронования Девы Марии, одна из неразумных дев обута лишь в один башмак.

обутых на одну ногу, получили широкое распространение, особенно в ранней нидерландской и немецкой живописи.³

Феномен моносандализма представляет сложную и чрезвычайно поливалентную семантическую систему. В каждой культуре он обретал свое особенное значение и символику, обусловленные историческим и духовным развитием общества. Если в античной цивилизации моносандализм ассоциировался преимущественно с обрядами инициации или пограничным состоянием между жизнью и смертью, то в искусстве североευропейских мастеров раннего Нового времени он использовался для обозначения инаковости, ереси, глупости и шутовства. При этом его корни в культуре смеха восходят к античным дионисийским мотивам дисбаланса.⁴

Прежде чем обратиться к византийским примерам, рассмотрим значение моносандализма в греко-римской культуре, наследницей которой была Византия. Моносандализм издавна привлекал внимание исследователей-антиковедов, рассматривавших его в контексте культурной антропологии и искусства. Этой теме посвящена обширная литература, и интерпретации ее нередко разделяют исследователей. Отметим лишь общие его черты: моносандализм имел ценность ритуального характера, относящегося к границе между жизнью и смертью, между земным и подземным миром. Он представлял собой инструмент, с помощью которого владелец обуви заявлял о своей преданности божеству и его таинствам, надеясь получить его доброжелательность в загробном мире. Эта тема встречается не только в росписях ваз, но и в различных погребальных памятниках, где умерший представлен с одной сандалией, чтобы подчеркнуть статус посвященного в надежде на спасение.⁵

³ Сошлемся прежде всего на замечательное исследование М. А. Рогова: *Рогов М. А.* Инаковость и правовой символизм жестов попраания в мотивах разувания, снятой обуви и моносандализма в раннем нидерландском и немецком искусстве // Актуальные проблемы теории и истории искусства / Под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. СПб., 2018. Вып. 8. С. 50–60; *Il monosandalos nella storia dell'arte*. Milano: Fondazione Italo Zetti, 2010. URL: <https://www.fondazioneitalozetti.it/il-monosandalos-nella-storia-dellarte/> (дата обращения: 20.03.2025).;

⁴ *Рогов М. А.* Инаковость и правовой символизм. Указ. соч. С. 52.

⁵ *Carboni R.* Divagazione sul tema del sandalo, significato e valenza tra la sfera celeste e quella ctonia // *Gaia. Revue interdisciplinaire sur la Grèce ancienne*. 2013. T. 16. P. 114.

Следует отметить, что в древности обувь имела не только практическую ценность, но и важное символическое и метафорическое значение. Моносандализм героя или простого смертного указывал на переходное состояние, воспринимаемое как предварительная фаза обряда инициации или посвящения. Этот процесс мог быть связан со смертью – реальной или символической — или с началом нового жизненного этапа. В случае божеств моносандализм становился выражением вечной природы, присущей бессмертным существам и их способности свободно перемещаться как в небесном, так и в земном и подземном мирах.

Мы остановимся лишь на некоторых аспектах этого явления, наиболее значимых для понимания трансформации древних идей в восточно-христианской иконографии. Обычно выделяют несколько жизненных ситуаций, связанных с моносандализмом. Можно было бы условно разделить их на две группы. В первой моносандализм является признаком дисбаланса и переходного состояния.⁶ Это ситуация лиминальности (лат. *līmen* – «порог»), то есть переходный этап ритуала, когда участник находится между прежним и новым статусом. В этот период социальная роль его ещё не закреплена, а личность переживает испытания. В мифологии это особенно заметно в историях Ясона, Персея и Тесея: их путешествия, полные трудностей, представляют собой путь инициации, в конце которого герой приобретает новый статус. Так Ясон, возвращаясь в Иолк, теряет одну сандалию во время переправы через реку и становится моносандалом. С одной стороны, это фатальное предзнаменование, знак грядущей трагической судьбы правителя Иолка, с другой — знак испытаний и смертельной опасности, ожидающих героя в поисках Золотого руна. Преодолев трудности, Ясон завершает переход от статуса подростка к статусу взрослого мужчины.⁷ Само путешествие здесь становится обрядом посвящения. Этот путь включает и посещение потустороннего мира, куда Ясон спускается во время путешествия в Колхиду, как и Тесей, который отправляется в подземный мир, чтобы спасти Персефону, получив сандалию и оружие Эгея. Персей же, обладая лишь одной волшебной сандалией,

⁶ *Lapensée V.* Le symbolisme du monosandalisme et de la claudication dans l'Antiquité gréco-romaine. Université du Québec à Montréal, 2011. P. 38.

⁷ *Carboni R.* Divagazione sul tema del sandalo. Указ. соч. P. 116–117.

сражается с Горгоной Медузой, стражем подземного мира. Исследователи подчеркивают мифологическую перспективу, которая связывает путешествия, моносандализм и опыт инициации.⁸

Моносандализм может указывать на ситуацию радикального разрыва с предыдущим экзистенциальным статусом и обретения нового. Это касается обрядов посвящения в мистерии, перехода от полового созревания к взрослой жизни или вступлению в брак. Примером здесь может быть знаменитая роспись виллы Мистерий в Помпеях, изображающая сцены посвящения девушки в дионисийские таинства. Однако моносандалом здесь выступает не посвящаемая, а сам Дионис. Бог виноделия и плодородия изображен вальяжно раскинувшимся, опираясь на колени Ариадны. Его правая нога обнажена, а слева, рядом с тирсом, лежит его сандалия (илл. 1). Моносандализм Диониса символизирует участие в обряде инициации девушки, переходе из одного состояния в другое и статусное изменение героини, посвящающей себя его мистериям. Героиня проходит путь, который, с одной стороны, означает переход между жизнью и символической смертью, а с другой – метафорически выражает процесс испытаний и роста. Пережив состояние нестабильности, посвященная выходит на новый социальный уровень.⁹

К практике моносандализма прибегали и в преддверии смерти. Вспомним историю царицы Дидоны (конец IX в. до н.э.), легендарной основательницы Карфагена и возлюбленной Энея, которая в отчаянии убивает себя после его отъезда. Вергилий пишет в Энеиде (IV, 517–520):

*«Рядом царица стоит, муку священную держит,
Ногу разувши одну, распустив на одежде завязки;
К смерти готова, зовет в свидетели звезды, которым
Ведомо все, и молит богов, – если бог справедливый
Мстит вероломным в любви и печется о тех, кто обманут.»*¹⁰

Перед смертью Дидона разувает одну ногу. Этот акт позволит ей получить контакт с богами подземного мира, в который она собирается вступить. Ее моносандализм указывает на пограничную ситуацию

⁸ Там же. P. 121; Grassigli G.L. La fede di Astion. Per un'interpretazione del cratere di Derveni // Ostraka. Rivista di antichità. 1999. Anno VIII. P. 122.

⁹ Grassigli G.L. La fede di Astion. Ук. соч. P. 123.

¹⁰ Вергилий. Энеида. IV, 517–520. Перевод с лат. С. А. Ошерова

между жизнью и смертью. Поведение и жесты Дидоны, согласно свидетельству Овидия, находят точное соответствие с совершавшимися действиями Медеи в ходе ее магических практик. Разувание одной ноги представляет собой ритуальный акт, связанный с призыванием хтонических божеств.¹¹ «Этот обычай посвящался хтоническим богам, почитателям, посвященным в их культ, служителям приносящим им жертвоприношения, умершим. Он использовался, когда взывали к этим богам посредством магических, погребальных и аграрных обрядов. Он относился к подземным силам, представлявшим Диониса inferнального, элевсинские божества, Асклепия, Гекату», – писал W. Deonna.¹²

Моносандализм часто ассоциируется с военной деятельностью. Как свидетельствуют многие источники, воины обнажали одну стопу, пытаясь установить контакт с землёй. Босая нога, соприкасающаяся с землёй, обеспечивала связь с хтоническими силами. Фукидид в *Истории* (II, 22, 2) описывает ритуал платейцев во время Пелопоннесской войны: «На них было лёгкое вооружение, и только левая нога обута, чтобы безопаснее ступать по грязи.». Вергилий в Энеиде (VII, 690) говорит о сельском ополчении, отправившемся на войну: «босою левой ногою пыль попирают они – лишь на правой сапог сыромятный». Подобные примеры встречаются и в других текстах. В основе этих обычаев могут лежать ритуальные мотивы, связанные с войной, её опасностью и нестабильным положением воина, балансирующего на грани жизни и смерти. Как и в обрядах инициации, моносандализм воинов символизирует стремление к контакту с хтоническими божествами.¹³ К этому контексту можно отнести и римские изображения гладиаторов, обутой лишь на одну ногу (илл. 2).

В Византии феномен моносандализма в искусстве можно обнаружить с конца XIII века. Палеологовский период отмечен новым возрождением эллинистических традиций, глубоко укоренённых в византийской культуре. Так называемые «византийские ренессансы»

¹¹ Vannucci G. Malato di retorica: i Discorsi Sacri di Elio Aristide. Tesi di dottorato. Università degli Studi di Milano. 2014–2016. P. 51–52. (354 p.) URL: https://air.unimi.it/retrieve/handle/2434/488743/815963/phd_unimi_R10591.pdf (дата обращения: 01.02.2025)

¹² Deonna W. «Μονοκρήτιδες» // Revue de l'histoire des religions. 1935. Vol. 112. P. 66.

¹³ Vannucci G. Malato di retorica. Ук. соч. P. 51–52.

представляют собой не столько повторное открытие античного наследия, сколько усиление и углубление связей византийской элиты с античностью, которые никогда полностью не прерывались. Возрождение эпохи Палеологов стало одним из этапов этой непрерывной традиции, усиленной рецепцией и переосмыслением античного наследия.¹⁴ О.С. Попова как нельзя лучше охарактеризовала этот новый духовный взлет византийской культуры: «Византийское искусство раннего XIV в., тонкое и изысканное, было ветвью камерной придворной культуры, возникшей при дворе Андроника II Палеолога. Одна из характерных его черт — влюбленность в античное прошлое, изучение всевозможных произведений античной классики, литературных и художественных, и подражание им. Все это сопровождалось прекрасной образованностью, совершенным вкусом и высоким профессиональным мастерством всех творцов этой культуры, в том числе и художников. Тематика этого искусства, разумеется, была церковной, влечение к античности проявлялось только в стиле и формах, для которых классическая модель стала почти обязательным образцом.»¹⁵

Церковь Христа Спасителя в Хоре (Кахрие-джами)

Образы персонажей-моносандалов мы находим в росписях знаменитого столичного монастыря в Хоре. Таков образ святого воина Феодора Стратилата, расположенного в парекклесии. Реставрация монастыря связана с именем Феодора Метохита (1270–1332), выдающейся личности своего времени. Талантливый и энциклопедически образованный, искусный дипломат, ближайший соратник императора Андроника II Палеолога, он сделал блестящую политическую карьеру, достигнув её вершины в 1321 году, когда был назначен великим логофетом. О широте его интересов и образованности свидетельствуют отзывы современников, его философские труды, комментарии к Аристотелю и Птолемею, а также внушительная библиотека, собранная им в любимом монастыре. Однако свержение Андроника II в 1328 году повлекло за собой и падение Метохита: он лишился власти, состояния

(нажитого, во многом, за счёт коррупции) и был отправлен в ссылку в Дидимотику. В 1330 году ему разрешили вернуться, после чего он принял монашеский постриг под именем Феолепта, поселился в монастыре Хора, где и почил в 1332 году.¹⁶

Обновление построек монастыря и его декоративного убранства было завершено в 1321 году. Метохит активно участвовал в планировании внутреннего оформления храма и парекклесии, своей погребальной часовни, как показывают особенности иконографической программы.¹⁷ Нижний регистр росписей украшен изображениями святых, среди которых значительное место занимают воины. Это соответствует общей практике храмовой декорации данного периода и отражает особую роль, которую воины-святые играли в греческой агиографии и литургии. Как отмечает Сирарпи Дер-Нерсисян, «в обряде проскомидии, когда священник отделяет частицы евхаристического хлеба, поминая поочерёдно Богородицу, архангелов, пророков, апостолов и святых, воины Димитрий, Георгий и Феодор упоминаются сразу после отцов Церкви и перед всеми остальными святыми. Их высокое положение в литургии нашло отражение и в византийском искусстве: на триптихах из слоновой кости в Риме и Париже, реликвариях в соборе Лимбург-на-Лане и библиотеке Марциана в Венеции воинские святые либо следуют непосредственно за отцами Церкви, либо оказываются единственными избранными наряду с апостолами. В этой группе также сложилась определённая иерархия: в числе наиболее почитаемых воинов-святых византийской традиции были свв. Георгий, Димитрий, два Феодора, Меркурий и Прокопий».¹⁸

Изображение св. Феодора Стратилата расположено на южной стене (илл.3), слева от аркосолия, где были захоронены конставл Михаил Торник и его жена.¹⁹ Святой изображён в рост в воинском облачении, ле-

¹⁶ О жизни Метохита см.: Ševčenko I. Theodore Metochites. Указ. соч. Р. 17–91.

¹⁷ Шмунт Ф.И. Мозаики и фрески Кахрие-Джами // ИРАИК. VIII 1–2, 1903. С. 141–152; Nelson R. S. Heavenly Allies at the Chora // Gesta. 2004. Vol. 43.1. Р. 31–40; Kordi S. The Chora parekklesion as a space of becoming. University of Leeds. School of Fine Art. History of Art and Cultural Studies. February 2014. URL: https://www.academia.edu/6055007/The_Chora_parekklesion_as_a_space_of_becoming (дата обращения: 05.03.2025).

¹⁸ Der Nersessian S. Program and Iconography of the Frescoes of the Parekklesion // Kariye Djami. / Ed. P. Underwood. London, 1975. Vol. IV. Р. 320.

¹⁹ Друг Феодора Метохита, один из богатейших и могущественнейших вельмож своей эпохи, Михаил был родственником и одним из ближайших советников

¹⁴ Ševčenko I. Theodore Metochites, the Chora, and the Intellectual Trends of His Time // The Kariye Djami, 4: Studies in the Art of the Kariye Djami and Its Intellectual Background. / Ed. Paul A. Underwood. Princeton: Princeton University Press, 1975. Р. 17.

¹⁵ Попова О.С. Византийские иконы VI–XV веков // История иконописи. Истоки. Традиции. Современность. Москва: Арт-БМБ, 2002. С. 76.

вая часть его фигуры частично скрыта вставкой скульптурного декора, относящегося к более позднему времени, правой рукой он поддерживает копье. Феодор обут в мягкие кожаные сапоги, перевязанные обмотками, однако правая стопа святого полностью обнажена.²⁰ Пол Андервуд, исследователь мозаик и фресок Кахрие-джами, впервые связал эту необычную для византийской живописи деталь с древним мотивом моносандализма. Он указал на аналогичные изображения в кафоликоне Великой Лавры на Афоне, где Феодор Стратилат предстает с обнаженными пальцами ног, подобно Артемию/Никите(?) в парекклесионе Хоры, тогда как у Феодора Тирона обнажена вся правая стопа. Андервуд ссылается на древние обычаи, упоминая историю Ясона и платейцев, которые, согласно Фукидиду (см. выше II, 22), носили обувь только на левой ноге. Он также отмечает, что в христианском искусстве изображение святых воинов в виде моносандалов связано с классическим пониманием этого мотива как атрибута их миссии, хотя изначально он мог иметь магическое значение, служа защитным знаком против злой судьбы.

Феодор Метохит, несомненно, был знаком с древней традицией моносандализма. Но что побудило его обратиться к этой теме для росписи погребального придела? Здесь следует обратить внимание на несколько факторов. В палеологовский период вопросы смерти занимали особое место в умах людей интеллектуальной среды, к которой принадлежал Метохит. Исследователи отмечают, что именно в это время строительство церквей и часовен, предназначенных для погребения и молитв о душах усопших, достигло своего расцвета. Изучение письменных источников, в особенности писем и стихов, созданных представителями высших слоев общества, обнаруживает глубокий страх перед тем, что совершенные при жизни грехи могут стать препятствием к спасению. В своих стихах Метохит говорит о причинах, побудивших его восстановить монастырь: он надеялся, что Хора станет для него залогом будущей жизни. Многочисленные монахи, которых от собрал

императора Андроника II. После свержения императора в 1328 г. супруги приняли постриг. На стенах у погребения изображены их фигуры в светских одеждах и после принятия пострига, уже в черных монашеских одеяниях, см.: *Underwood P.A. Fourth Preliminary Report on the Restoration of the Frescoes in the Kariye Djami at Istanbul by the Byzantine Institute, 1957–1958 // DOP. 1959. Vol. 13. P. 538–539, описание росписи P. 276–280.*

²⁰ Там же, илл. 255.

в монастыре, должны были возносить молитвы о спасении его души. Погребение в монастыре имело и практическое значение: монастырская гробница заключала усопших в защищенную среду, которая была в относительной безопасности от грабителей гробниц.²¹ На помощь усопшим были призваны и небесные силы: образы святых воинов, изображенных в нижнем регистре стен парекклесиона, которые вынимают мечи из ножен для защиты погребенных.

Великомученик Феодор Стратилат, с конца IX в. почитавшийся покровителем христианского воинства, вероятно, был и небесным покровителем Феодора Метохита, это объясняло бы и особое внимание к его иконографии, и использование необычной иконографической детали – обнаженной ступни. Как и у всех воинов, его деятельность несла с собой опасность для жизни и представляла постоянное состояние дисбаланса между жизнью и смертью. Аналогичные мотивы использования темы моносандализма применимы и к св. Артемию/Никите (?), изображенному на северной стене нижнего яруса парекклесиона. Полное исчезновение надписи не позволяет определенно идентифицировать святого воина.²² Он изображен в рост в воинском облачении, в правой руке держит наклоненное вправо копье, в левой руке – щит. Плащ, накинутый на плечо, завязан узлом на груди. Необычной особенностью изображения является обнаженная стопа. Однако, в отличие от св. Феодора, у него обнажена лишь передняя половина правой стопы.

Сербия, храмы Печского патриархата

Другие примеры моносандализма можно увидеть в монументальном искусстве Сербии конца XIII – начала XIV века. Этот период стал началом величайшего могущества и процветания Сербского государства. Правление Стефана Уроша II Милутина (1282–1321)

²¹ *Gerstel S.E.J. The Chora Parekklesion, the Hope for a Peaceful Afterlife, and Monastic Devotional Practices // The Kariye Djami Reconsidered. / Eds. H. A. Klein, R. G. Ousterhout, B. Pitarakis. Istanbul Research Institute Symposium Series, Vol. 1. Istanbul, 2011. P. 136 и сл.*

²² П. Андервуд идентифицировал святого по иконографическим признакам как Артемия или Никиту. Описание см.: *Underwood P.A. Fourth Preliminary Report. Указ. Соч. P. 205–206; Underwood P.A. Kariye Djami, v. 3, Princeton University Press, 1967, илл. 264.*

сопровождалось значительным расширением границ, главным образом за счет присоединения византийских территорий. В 1299 году император Андроник II, стремясь восстановить мир, выдал за Милутина свою младшую дочь Симониду, положив конец военным конфликтам. Все эти события имели следствием более близкие контакты короля с византийским двором, заимствование административных, правовых институтов и константинопольских церемониалов. Феодор Метохит, посетивший Сербию в 1298 году в качестве императорского посланника, отмечал: «Все было устроено по ромейскому вкусу и по церемониалу императорского двора». Укрепление византийско-сербских связей привело к активному усвоению византийских традиций культуры, свободному передвижению художников и распространению художественных тенденций палеологовского возрождения, черпавших вдохновение в культуре античного мира.²³

Самым значительным памятником XIII века является фресковый ансамбль Печского патриархата. В церкви во имя Свв. Апостолов, возведенной в 30-х годы XIII века архиепископом Сербским Арсением I и расписанной около 1250–1260 годов, мы находим два изображения святых воинов моносандалов. Храм был задуман как усыпальница сербских архиепископов по образцу церкви Свв. Апостолов в Константинополе.²⁴ На южной стене в нижнем ярусе представлены в рост воины великомученики, среди которых Меркурий Кесарийский и Никита Готфский.

Святой Меркурий служил в римской армии и принял мученическую смерть в середине III века при императорах Деции и Валериане. Он изображен облаченным в короткую тунику, поверх которой надет пластинчатый панцирь. На правое плечо накинута концы красного плаща, за спиной святого виден щит, правой рукой он вкладывает меч в ножны, которые поддерживает левой рукой, на голове его – шлем необычной формы, украшения которого по конфигурации напоминают перья (отголоски крыльев на шлеме античного Меркурия?). Размотанные на правой ноге обмотки до щиколотки обнажают развернутую

вправо стопу (илл. 4). Св. Меркурий пользовался широким почитанием в Византии и странах византийского культурного круга. Обращение к мотиву моносандализма в его иконографии, помимо причин, указанных в случае со св. Феодором, возможно, связан и с ассоциативными воспоминаниями одноименного античного божества. В древнегреческой мифологии Гермес (римский Меркурий) почитался как вестник богов и проводник душ умерших. Он был посредником между двумя мирами – земным и небесным, богами и людьми. «Представление о Гермесе как сопровождающей душу до царства мертвых божественной силе нашло развитие у пифагорейцев. В сочинениях Плутарха содержится указание на то, что через 30 дней после смерти человека его родственникам следует принести жертвы Гермесу, так как он «так же принимает души умерших, как земля — их тела». Таким образом, Гермес является хранителем точки соприкосновения мира живых и мертвых, и в более общем плане — хранителем переходных пространств, но отвечает также за лиминальные и переходные состояния различных типов – рождение, брак, смерть», — писал А. Тахо-Годи.²⁵ Как известно, в христианской культуре нередко происходило перенесение черт античных богов на почитаемых святых. В этом контексте образ св. Меркурия как проводника душ соответствует функции погребальных пространств христианских храмов, хотя, конечно же, прежде всего он почитался как христианский великомученик.

В том же храме Свв. Апостолов на южной стене изображен св. великомученик Никита Готфский (илл. 5). Он родился и жил на берегах Дуная, принял мученическую смерть за Христа в 375 году.²⁶ Образ Никиты в воинском облачении был особенно популярен в сербском искусстве и с XIII века и часто включался в роспись балканских церквей. Святой изображен в рост, правой рукой он опирается на копье, левой придерживает ножны, за плечо перекинут лук, а за спиной виден

²³ *Vojvodić D.* Serbian Art from the Beginning of the 14th Century till the Fall of the Nemanjić State // *Sacral Art of the Serbian Lands in the Middle Ages*. Belgrade, 2016. P. 271–297.

²⁴ *Виноградов А.Ю., Виноградова Е.А.* Печская патриархия // *Православная энциклопедия*. Т. 56. С. 342–343.

²⁵ *Тахо-Годи А.* Гермес // *Мифы народов мира: Энциклопедия*. Гл. ред. С. А. Токарев. М., 1980. С. 241–242. Среди античных памятников Меркурия как моносанда можно назвать небольшую статуэтку из Сен-Реверьен Ньевр (Saint-Révérien Nièvre) во Франции.

²⁶ Никита Готфский довольно рано в греческой, а впоследствии и в славянской традиции отождествлялся с одноименным вымышленным мучеником, якобы пострадавшим в Никомидии... В византийском и греческом церковных календарях память Никиты Никомидийского отсутствует. См.: *Крюкова А.Н.* Никита Готфский // *Православная энциклопедия*. Т. 49. С. 525–535.

щит. Никита облачен в короткую тунику, поверх которой надета кираса. На плечо наброшен алый плащ. На груди святого изображен древний апотропический знак – голова Медузы Горгоны, чей устрашающий лик, согласно античным верованиям, обращал людей в камень и служил защитным изображением – мотив широко распространенный в античном искусстве, следы которого можно найти и в контексте христианской иконографии. Особенностью изображения является развернутая вправо обнаженная правая ступня святого, на которой обмотки размотаны до щиколотки.

В храме Св. Димитрия Печского патриархата мы находим еще один пример моносандализма. Здание храма было пристроено к северной стене нартекса церкви Свв. Апостолов, на месте старого парекклисиона при архиепископе Никодиме (1316–1324). Роспись была выполнена в 1322–1324 годах по заказу самого Никодима, который задумал храм как свою усыпальницу. На западной стене, слева от входа, изображен архангел Михаил, облаченный в воинские доспехи (илл. 6). Архангел словно только что вынул из ножен и занес над головой меч, которым намерен поразить врага, другой рукой он поддерживает приподнятые ножны. Как и в предыдущих примерах, на правой ноге обмотки размотаны до щиколотки, обнажая правую стопу архангела. С противоположной стороны входа изображен архангел Гавриил с поднятым мечом, облаченный в воинские одеяния.

В интерпретации образа Михаила как моносандала важны два аспекта: его роль в христианской традиции и местоположение образа в системе росписи храма. Культ архангела Михаила, как и его образы, составляют огромный культурный универсум, и мы рассмотрим лишь несколько его ключевых аспектов, связанных с темой моносандализма. Прежде всего, он выступает как воин, защитник справедливости и борец с силами зла. В Писании он именуется «князем», «вождем воинства Господня», «архистратигом». Его образ стал важным символом последнего противостояния Бога с Его противником, что особенно подчеркивается в изображениях Страшного суда.

Архангел Михаил исполняет и роль вестника Второго пришествия Христа, а также психопомпа — проводника душ умерших. Традиция сопровождения душ в загробной жизни божествами или ангелами уходит корнями в древние представления. Уже в V веке эта функция была приписана Михаилу, он является связующим звеном между земным

и небесным мирами, свободно перемещаясь между различными уровнями существования. В связи с этим аспектом культа архангела возник обычай посвящать ему погребальные часовни и оссуарии, как на христианском Востоке, так и на Западе.²⁷

Михаилу приписывают и роль стража врат, он охраняет вход в рай, подобно тому, как Гермес стоял у порога Олимпа или врат Аида, являясь, таким образом, хранителем точки соприкосновения мира живых и мертвых, и в более общем плане - хранителем переходных пространств. Фигура архангела Михаила, таким образом, обнаруживает черты древних языческих божеств, унаследовав некоторые их свойства. Для нашего случая особенно важен параллелизм фигуры архангела Михаила с древнегреческим Гермесом (римский Меркурий, см. выше) с которым его роднят многие характеристики. Античное божество, так же как и архангел, - посланник и прислужник богов, посредник между богами и людьми. Гермес выполняет одну из своих древнейших функций проводника душ умерших в Аид, психопомпа на пути в царство мёртвых.

Для интерпретации образа Михаила важно и расположение образа – у входа в храм, служащим местом погребения. В церковной традиции входную дверь охраняют архангелы, призванные поддерживать порядок между небесным и земным мирами. Это соответствует словам Псалма 90:11: «Ибо Ангелам Своим заповедает о тебе – охранять тебя на всех путях твоих». Их расположение соотносится и с Псалмом 120:8: «Господь сохранит выходение твое и входение твое, отныне и до века». Этот стих читается во время богослужения полуночницы, напоминающей о Втором пришествии Христа.²⁸ Таким образом, соединение литургического действия и изображений архангелов придает композиции эсхатологическое измерение.²⁹

Христианское искусство сохранило древнее символическое значение врат как входа в иной мир: это изображение небесных врат,

²⁷ См. *Добиаш-Рождественская О.А.* Культ Св. Михаила в Латинском средневековье V–XIII века. Петроград, 1917.

²⁸ *Mercenier E., Paris F.* La prière des églises de rite byzantin. T. I: L'office divin, la liturgie, les sacrements. Amay-sur-Meuse, 1937. P. 84.

²⁹ *Maréva U.* Images et passages dans l'espace ecclésial à l'époque médiobyzantine // Visibilité et présence de l'image dans l'espace ecclésial Byzance et Moyen Âge occidental. / Sous la direction de S. Brodbeck et A.-O. Poilpré. Paris, 2019. P. 303–328.

которые нередко можно видеть в сцене Успения Богоматери, врата Рая в композиции Страшного суда, врата преисподней в Сошествии Господа во ад. Символика дверей как места перехода обусловила их использование в обрядах, знаменующих вступление в новое пространство существования. Христос определяет себя как «дверь в Царство Божие»: «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется» (Ин. 10: 9). Так христианин входит в мир божественных откровений. Вход (или дверь) обозначает порог, границу между двумя пространствами разного значения. Это символический рубеж. Святые образы напоминают входящим о сакральном характере места, в которое они входят.³⁰ Главная функция двери или места прохода состоит в том, чтобы позволить перейти из места мирского в священное или из менее священного к более священному пространству,³¹ поэтому оно должно быть отмечено соответствующими изображениями, необходимыми для передачи осязаемости степени святости сакрального пространства.

Архангелы, охраняющие вход, соотносятся с прообразом сторожевой башни у врат Небесного Иерусалима, куда вход разрешён только тем, чьё сердце чисто, а жизнь исполнена благословений. Один из коптских текстов, хранящихся в Турине, содержит интересное упоминание о роли архангела Михаила как стража между чувственным и интеллектуально-трансцендентным мирами. Он описан как прозрачный, светящийся барьер между людьми и Богом. Эта охранительная функция Михаила в литургической традиции сравнивается с катапетасмой (завесой) небесной иерархии. Функция стража предопределяет его постоянное присутствие у этого барьера, а также его роль хранителя врат небесных, райских и церковных дверей.³²

³⁰ *Spieser J.-Michel. Réflexions sur décor et fonctions des portes monumentales // Le porte del Paradiso. Arte e tecnologia bizantina tra Italia e Mediterraneo (XI–XII secolo). A cura di A. Iacobini. / Campisano Editore (Milion. Studi e ricerche d'arte bizantina, 7). P. 69.*

³¹ *Jolivet-Lévy C. Au seuil du sacré: les portes et leur décor dans l'architecture religieuse du monde byzantin et de l'Orient chrétien // Archéologie religieuse du monde byzantin et arts chrétiens d'Orient. Annuaire de l'École pratique des hautes études. Section des sciences religieuses. 2010. N 117. P. 265–272.*

³² *Tatic-Djuric M. Archanges gardiens de porte à Decani // Dečani i vizantijska umetnost sredinom XIV veka: međunarodni naučni skup povodom 650 godina manastira Dečana, septembar 1985. Urednik: Vojislav J. Đuric. Beograd, 1989. P. 364.*

Изображения архангелов у входа в храм известны с середины V века (в монастыре Алахан в Исаурии).³³ В XIII в. два архангела начинают приобретать разные функции: Михаил охраняет вход, а Гавриил записывает имена входящих. Эта композиция получила впоследствии название «Ангелы Господни, записывающие имена входящих в храм».³⁴ Однако в печской росписи Гавриил представлен не с писчим инструментом и свитком, как было принято в этой композиции, а в облике воина с занесённым над головой мечом, что усиливает коннотацию защиты пространства.

Таким образом, моносандализм архангела Михаила в росписях храма Св. Димитрия является осознанным художественным приемом, подчеркивающим особые функции архангела, которые отражают указанные выше ключевые аспекты его почитания, гарантируя покой и вечную жизнь тем, кто упокоен в храме.

Пророк Исаия

В той же церкви Св. Димитрия Печской Патриархии, на южной половине западной арки, изображен пророк Исаия (илл. 7). Он предстает в пол-оборота в рост, в традиционном облике бородастого старца. Пальцы его правой руки, расположенной перед грудью, сложены в жесте «рожки», означающем исполнение пророчества,³⁵ в левой руке пророк держит свиток, в котором записаны его пророчества. Правая нога Исаии заведена за левую и слегка приподнята, образуя неестественную конфигурацию, имеющую целью показать развернутую к зрителю обнаженную ступню. Однако в этом случае речь не может идти о моносандализме пророка, поскольку он не лишен обуви, как в рассмотренных выше случаях. На щиколотке правой ноги видны ремешки, закреплявшие сандалию, а сама спадающая сандалия изображена чуть ниже обнаженной подошвы пророка. Таким

³³ *Maréva U. Images et passages. Ук. соч. P. 317.*

³⁴ О сложении иконографии стоящих при вратах ангелов см.: *Геро Г. Ангелы – пазители на входа // ZRVI. 2009. Т. 46. P. 435–442. О влиянии византийских богослужебных практик на развитие композиции см.: Силина О.В. Архангелы в стенописи фасада собора Ферапонтова монастыря. К вопросу о становлении изобразительной традиции // Манускрипт. 2017. N 10–2 (84). С. 148–152.*

³⁵ *Гукова С.Н. Иконография Иисуса Христа в восточнохристианской традиции. М.: БуксМАРТ, 2022. С. 418–419.*

образом, основной задачей художника было представить зрителю обнаженную стопу пророка. Попытаемся объяснить эту иконографическую деталь.

Исаия является, как известно, одним из четырёх великих пророков Израиля. Основные его пророчества касаются пришествия Мессии. Наиболее значимым считается предсказание о рождении Иисуса от Девы: «...се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил» (Ис. 7:14). Исаия пророчествует о Мессии (Ис. 9:6), предсказывает страдания и смерть Его за грехи мира, а также Его воскресение (Ис. 53:4,7). Исследователь экзегетики мессианских пророчеств Исаии И. Григорьев отмечал: «Мессианские пророчества Исаии... изображают по преимуществу природу грядущего Искупителя. Бесконечная божественная сущность и конечное естество человеческое при этом соединяются в Его личности самым теснейшим образом, где Мессия является истинным Богом, там представляется и действительным человеком; где изображается человеком, там является и Богом.»³⁶ Для нашего случая особенно важно то, что Исаия был тем пророком, которому было явлено чудесное рождение Христа от Девы.

Жест правой ноги Исаии – нарочито повернутая к зрителю обнаженная стопа, с которой соскользнула сандалия, – является важнейшим семантическим акцентом образа. Художник, изобразивший Исаию, посредством жестов ноги и перстосложения правой руки пророка пытается передать зрителю содержание пророчеств. Аналогичный жест ноги представлен в образах Христа Младенца на руках Богородицы Страстной (илл. 8), Кардиотиссы и других. Мотив потери сандалии появляется в живописи мастеров критской школы с середины XV века. Заимствованный из западноевропейской живописи, он был введен в обиход критских иконописцев Ангелосом Акотантосом (†1457 г.) и через его образцы перенят в мастерской Андреаса Рицоса (1422–1492).³⁷ В этот период в художественную ткань критской живописи проникают многие иконографические элементы западного искусства.

³⁶ Григорьев И. Пророчество Исаии о Мессии и Его Царстве: библейско-экзегетическое исследование. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1901. С. 4.

³⁷ Тема обнаженных ножек Христа Младенца и спадающей сандалии рассмотрена на примерах критских икон XV века: *Μπατοριάννη Χρ. Εἰκόνες Μῆτηρ Θεοῦ. Αθήνα: Αδάμ – Πέργαμος*, 1994, особенно С. 131 и сл.

Основным источником заимствования в XV в. была венецианская готика XIV века и искусство раннего Возрождения.³⁸

В русской иконописи жест спадающей сандалии Младенца появился под влиянием критских образцов, вместе с почитанием иконы Богородицы Страстной.³⁹ Значение жеста спадающей сандалии соотносится с богочеловеческой природой Христа, его крестными страданиями и искупительной миссией. В русле этой иконографической линии могут быть рассмотрены целый ряд образов, таких, к примеру, как изображения свв. евангелистов Марка (миниатюра из рукописи Евангелия начала XIV в.)⁴⁰ или Луки (роспись конца XIII в. кисти Мануила Панселина в храме Протат в Карее на Афоне, илл. 9). В русском искусстве можно назвать псковскую икону XVII века из пророческого ряда иконостаса, изображающего прорицателя Валаама (илл. 9). Он предстает с тем же жестом спадающей сандалии, удерживаемой шнурком, и обнаженной ступней, обращенной к зрителю. Однако икона относится к более позднему времени и создана в ином культурно-историческом контексте. Тема спадающей сандалии и обнаженной стопы весьма обширна, и более детальное ее освещение выходит за рамки задач данной статьи.

Пророк Моисей

В литературе порой цитируется образ пророка Моисея, снимающего обувь перед неопалимой купиной, как пример моносандализма в христианском искусстве. Можно ли отнести такие изображения Моисея к рассматриваемому явлению моносандализма? Видение неопалимой купины – один из важнейших образов теофании Ветхого

³⁸ Евсеева Л. Греческая икона после падения Византии URL: <https://azbyka.ru/otechnik/ikona/istorija-ikonopisi-6-20-veka-sbornik/4> (дата обращения: 05.03.2025); Cattapan, M. I pittori Andrea e Nicola Rizo da Candia // *Thēsaurismata*, t. 10 (1973) p. 238–282.

³⁹ О бытовании Богородицы Страстной в русском искусстве и особенностях ее иконографии см.: Кулакова И.П. Тема Страстей Господних и культ Страстной Богородицы в российском историко-культурном контексте // *Исторический журнал: научные исследования* № 6 (30). 2015. Культурное наследие – памятники истории и культуры. URL: http://www.hist.msu.ru/Strastnoy/Texts/Kulakova_01.pdf (дата обращения: 05.03.2025); Сидоренко Г.В. Чудотворный образ «Богородицы Страстной» в России // *Искусство христианского мира: Сб. статей*. М., 1999. С. 96–103.

⁴⁰ Patmos: Treasures of the Monastery / red. A. Kominis. Athens: Ekdoteke Athenon. 1988. P. 318, fig. 39.

Завета – ознаменовал призвание Моисея на служение. В христианской экзегезе Богоявление на горе Хорив трактуется преимущественно в мариологическом ключе как один из ветхозаветных прообразов непорочного зачатия Богоматерью Христа. Моисей, как правило, предстает рядом с пылающим, но не сгорающим терновым кустом в момент снятия обуви. В некоторых изображениях он уже снял одну сандалию, что трактуется как пример моносандализма. Так, в синайских памятниках – на мозаике базилики монастыря Св. Екатерины на Синае (ок. 565–566) или на иконе начала XIII века из собрания того же монастыря – Моисей предстает с одной разутой ногой (сандалия расположена рядом). На мозаике базилики Сан-Витале в Равенне (546–547) пророк изображен в начале действия: он только начинает развязывать шнурок сандалии, тогда как другая нога ещё обута. Эти изображения фиксируют различные моменты разувания.

Изображения пророка Моисея перед неопалимой купиной достоверно следует тексту Исхода 3:1–5. Согласно библейскому повествованию, когда Моисей пас скот у подножия горы божией Хорив, его внимание привлек куст, пылавший огнем, но не сгорающий. Подойдя ближе, он услышал голос, «воззвал к нему Бог из среды куста, и сказал: Моисей! Моисей! Он сказал: вот я! И сказал Бог: не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая.» Этот эпизод ясно указывает, что снятие обуви является знаком почтения к священному месту – древняя практика при входе в святое место. Прямое наставление на снятие обуви мы находим и в другом библейском эпизоде – книге Иисуса Навина 5:15. Перед взятием Иерихона Навину явился «вождь воинства Господня», сказав: «сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, свято». Таким образом, жест снятия обуви чтит святость этой земли, этой горы и этого Бога. Пророк снимает обувь, поскольку она может осквернить священное место, причем он должен разуть обе ноги. Таким образом, контекст библейского эпизода исключает всякую ситуацию, которую можно было бы отнести к явлению моносандализма. Снятие обуви в этом случае восходит к древнейшему обычаю снимать ее перед входом в освященные места во избежание внесения в них нечистоты и скверны. С этим обычаем связаны и изображения другого эпизода – получения Моисеем скрижалей. Пророк обычно предстает в них шествующим босым на гору Синай, оставив сандалии у ее подножия, хотя в библейском тексте на это нет указания.

Подводя итог, отметим, что эта статья представляет собой лишь первую попытку осмыслить и объяснить столь сложное явление, как моносандализм в византийской культуре. Дальнейшие исследования неизбежно внесут коррективы как в перечень персонажей-моносандалов, число которых, вероятно, окажется значительно больше, так и в интерпретации самого феномена. Тем не менее, даже немногие рассмотренные здесь примеры существенно расширяют наше представление о культуре и художественном восприятии эллинистического наследия в образованных кругах византийского общества эпохи Палеологов, а также о том, насколько глубоко интеллектуалы и художники того времени сумели переосмыслить его в христианском ключе. Немаловажно также, что многие изображения, которые, казалось бы, можно было бы определить как влияние античного моносандализма, на деле имеют иную семантическую парадигму.

Е.В. Степанова
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Поздние печати патриархов Константинополя (из собрания Эрмитажа)

В состав сфрагистической коллекции Эрмитажа входят печати патриархов Константинополя разного времени: от VI до XIX века, что дает возможность проследить всю историю развития патриаршей печати в византийское и поствизантийское время. Как и любой памятник материальной культуры, она была отражением политических и культурных процессов, происходивших в обществе. Менялись сфрагистические типы и иконография, постепенно складывалась формула легенды. В. Лоран, наиболее полно и последовательно проследивший историю печатей патриархов Константинополя¹, выделял четыре основных этапа формирования этой формулы: 1. V–IX века (примерно до 857 года): ἐπισκόπῳ Κωνσταντινουπόλεως, πατριάρχῳ; 2. IX–XI века (более точно 857/67–1054/58): ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως Νέας Ῥώμης; 3. XI век (между 1054 и 1058 годом): ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως Νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης; 4. с XI века (третья четверть) и до наших дней: ἐλέφ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως Νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης. Что касается иконографии, то устойчивым изображением стало только при Константине III Лихуде (1059–1063): это был образ Богородицы с Младенцем, первоначально — на троне, а в поствизантийское время — поясное изображение Богородицы Одигитрии.

¹ *Laurent V. Le Corpus des sceaux de l' Empire byzantin: L' Église. Paris, 1963. Vol. V, 1. P. XV–XXV.*

В. Лоран не рассматривал подробно историю поствизантийских печатей константинопольских патриархов, не опубликованы они и в V томе его Корпуса, посвященном церковным печатям. Такой подход характерен также для многих других каталогов по византийской сфрагистике. Не существует в настоящее время обобщающего исследования по этой тематике или хотя бы полноценного реестра такого рода сфрагистических памятников. Отдельные экземпляры включены в каталоги византийских моливдовулов, им посвящен ряд статей². Важным дополнением могли бы служить печати, прикрепленные к разного рода документам, хранящимся в архивах разных стран, однако, как правило, поскольку предполагается их вспомогательная роль по отношению к собственно тексту документа, дается лишь общая характеристика этих моливдовулов. В связи с неполнотой подобного рода информации, будущий реестр поствизантийских печатей константинопольских патриархов необходимо пополнять. В эрмитажной коллекции хранится четыре печати патриархов Константинополя второй половины XV–XIX вв., три из которых публикуются впервые³.

1. Максим (III Философ), патриарх Константинополя (1476–1482) (рис.1)⁴

² См., например, Лихачев Н.П. Печати патриархов Константинопольских // Труды Московского Нумизматического Общества. М., 1899. Т. 2. С. 43–45; *Laurent V. Les sceaux byzantins du Médaillier Vatican. Vatican, 1962. No. 155; Leontiadis I. Lead seals of the Museum of Byzantine Culture. Thessalonike, 2006. No. 87; Stavrakos Ch. Die Byzantinischen Bleisiegel der Sammlung Savvas Kophopoulos. Eine Siegelsammlung auf der Insel Lesbos. Turnhout, 2010. Nr. 3.2; Алексеенко Н.А., Озерянская И.М. Печать Константинопольского патриарха Софрония II (1775–1780) из Одесского историко-краеведческого музея // Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею. Одеса, 2012. Вып. 11. С. 80–85 (библиографию см. в прим. 2).*

³ Сведения о патриархах и основную литературу см. в соответствующих разделах Православной энциклопедии: Православная энциклопедия / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси. Москва: Церковно-науч. центр «Православная энцикл.», с 2000 г. Т. I–LXXIII.

⁴ Инв. № М-9053. Дм. — 38 мм (общий), 33 мм (поля). Из собрания Н. П. Лихачева. Сохранность: щербин, сильно потерта, особенно в верхней части оборотной стороны. Публикуется впервые. Аналогии: *Лихачев Н. П.* Историческое значение итало-греческой иконописи: Изображения Богородицы в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых прославленных русских икон. СПб., 1911. С. 99. Рис. 222.

Л. с. Богоматерь на троне без спинки, на двух пышных подушках, края которых украшены кружками. На руках у Богоматери Младенец Христос, которого она придерживает обеими руками. По сторонам от изображения титла: $\text{MP} — \overline{\Theta\text{V}} = \text{M}\eta(\tau\eta)\rho\ \Theta(\epsilon\omicron)\delta$, под ними $\overline{\text{IC}} — \overline{\text{XC}} = \text{'I}(\eta\sigma\omicron\upsilon)\varsigma\ \text{X}(\rho\text{ισ}\tau\acute{o})\varsigma$

О. с. Надпись в восемь строк:

..|ΜΟΣΕΛΕΩ|Θ̅ΝΑΡΧΙΕΠΙΣΚΟ|ΠΟΣΚΩΝΣΤΑΝ|ΤΙΝΟΝΠΟΛΕΩΣ|
ΚΟΙΚΟΥΜΕΝΙ|ΚΟΣΠΡΙΑΡ|ΧΗΣ

В конце надписи украшение из трех кружков, расположенных треугольником.

[Μάξι]μος ἐλέω Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως καὶ οἰκουμενικὸς π(α)τριάρχης

Имя патриарха почти стерто. Однако, несмотря на некоторые сомнения, предполагаю, что печать принадлежит Максиму III, занимавшему патриарший престол с 1476 по 1482 гг. Ряд признаков иконографии Богоматери на троне с Младенцем характерен для патриарших печатей с конца XIV в.: Богоматерь держит Младенца перед собой, трон без спинки, две пышные подушки, изображения края которых завершаются кружками, определенное расположение надписей⁵. Однако наиболее близкая аналогия издана в монографии Н. П. Лихачева.

⁵ *Laurent V.* Le Corpus des sceaux de l' Empire byzantin. Vol. V, 1. N 45–47; *Laurent V.* Le Corpus des sceaux de l' Empire byzantin: L' Église. Paris, 1972. Vol. V, 3. N 1634–1636 bis; *Zacos G.* Byzantine Lead seals. Berne, 1984. Vol. II. N 50–54; Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art / Ed. by J. Nesbitt with assistance of C. Morrisson. Washington, 2009. Vol. 6: Emperors, Patriarchs of Constantinople. Addenda. N 126.1–128.1.

Автор указывает, что печать привешена на голубом шнуре к грамоте Максима III, находящейся в венецианском архиве⁶. Лицевая сторона эрмитажного экземпляра детально совпадает с лицевой стороной венецианской печати. Следует особо отметить, что в это время еще сохраняется традиция помещения на патриарших печатях изображения Богородицы на троне, характерного для византийского времени.

2. Иеремия II, патриарх Константинополя (1572–1579, 1580–1584, 1587–1595)(рис.2)⁷

Л. с. Поясное изображение Богоматери Одигитрии с Младенцем Христом на левой руке. Правую руку она протягивает к Христу. Христос благословляет правой рукой. Нимб у Христа крестчатый. Слева от изображения титла: $\text{HP} - \overline{\Theta\text{V}} = \text{M}\eta(\tau)\eta\rho \Theta(\epsilon\omicron)\delta$

О. с. Надпись в шесть строк выполнена буквами витиеватой формы со множеством сокращений, частично стерта, воспроизводится по изданию Н. П. Лихачева:

ΙΕΡΕΜΙ|ΑΣΕΛΩ»ΑΡΧΙΕΠΙ|ΣΚΟΠΟΣ ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥ ΠΟ|ΛΕΩΣ ΝΕ
ΑΣΡΩΜΗΣ|ΚΑΙ ΟΙΚΟΥΜΕΝΙΚΟΣ|ΠΑΤΡΙΑΡΧΗΣ

В конце первой строки орнаментальный мотив прямоугольной формы.
Ἱερεμίας ἐλέω Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως Νέας Ῥώμης
καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης.

⁶ *Лихачев Н.П.* Историческое значение итало-греческой иконописи. С. 99. Рис. 222.

⁷ Инв. № М-8150. Дм. — 39 мм (общий), 28 мм (поля). Из собрания Н. П. Лихачева. Сохранность: сильно потерта. Издана: *Лихачев Н.П.* Моливдовулы греческого Востока / Сост. и авт. коммент. В. С. Шандровская. М., 1991. Табл. LXIX, 15.

В определении владельца печати Н. П. Лихачев ссылается на грамоту Иеремии II, патриарха Константинополя, 1590, хранившуюся в конце XIX в. в Московском архиве министерства иностранных дел, к которой привешена печать с надписью, аналогичной той, что мы видим на эрмитажном экземпляре⁸. По всей видимости, автор имел в виду знаменитую грамоту Константинопольского собора об основании Московского патриархата 1590 г., к которой на зеленом шнуре подвешена печать патриарха Иеремии II⁹. Содержание надписи и эпиграфика этого моливдовула полностью совпадает с эрмитажным экземпляром.

Интересным элементом обеих печатей стало включение в конце первой строки легенды орнаментального мотива прямоугольной формы — плетенки, или «узла счастья».

3. Неофит VII, патриарх Константинополя (1789–1794, 1798–1801)(рис.3)¹⁰

⁸ *Regel W.* Lettres des patriarches grecs envoyées en Russie (1557–1613) // *Analecta Byzantino-Russica*. Petropoli, MDCCCXCI. P. CIII; *Лихачев Н.П.* Печати патриархов Константинопольских // *Труды Московского Нумизматического Общества*. М., 1899. Т. 2. С. 43–44; *Лихачев Н.П.* Моливдовулы греческого Востока. С. 174.

⁹ В настоящее время грамота хранится в РГАДА. Ф. 52 «Сношения России с Грецией». Оп. 2. Ед. хр. 5.

¹⁰ Инв. № М-12371. Дм. — 67 мм (общий). Возможно, копия. Из собрания Н. П. Лихачева. Сохранность: нижняя часть оборотной стороны сильно потерта. Публикуется впервые.

Л. с. Поясное изображение Богоматери Одигитрии с Младенцем Христом на левой руке. Правую руку она протягивает к Христу. Христос благословляет правой рукой, в левой держит свиток. Нимб у Христа крестчатый. По сторонам от изображения помещены изображения веточек с цветками, в том числе в форме тюльпанов. Слева и справа от Богоматери титла: $\overline{MP} — \overline{OV} = M(\acute{\eta}\tau\eta)\rho \Theta(\epsilon\omicron)\tilde{\upsilon}$, справа от Христа надпись: $\overline{IC} — \overline{XC} = \text{I}(\eta\sigma\omicron\tilde{\upsilon})\varsigma \text{X}(\rho\iota\sigma\tau\acute{o})\varsigma$

О. с. Надпись в восемь строк:

ΝΕΟΦΥΤΟΣ|ΕΛΕΩΘΕΟΝ|ΑΡΧΙΕΠΙΣΚΟΠΟΣ|ΚΩΝΣΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΕΩΣ|Ν
ΕΑΣΡΩΜΗΝΣΚΑΙΟΙ|ΚΟΝΜΕΝΙΚΟΣ|ΠΑΤΡΙΑΡΧΗΣ|...

В начале и в конце второй и шестой строк крестики.

Νεόφυτος ἐλέω Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως Νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμένικὸς πατριάρχης....

В словах «Κωνσταντινουπόλεως» (середина) и «πατριάρχης» литера «С» передана латинской «S». На последней строке размещалась дата, прочесть которую не удалось. Памятник датируется временем патриарха Неофита VII при сравнении с двумя печатями, одна из которых хранится в Афинском нумизматическом музее — в легенде фигурирует дата — 1789, другая в собрании Ватикана с датой 1799¹¹. Эрмитажный экземпляр по оформлению очень близок ватиканскому моливдовулу, хотя имеются и небольшие различия.

Некоторые иконографические и эпиграфические элементы, характерные для печати Неофита, можно видеть на печати Софрония II (1775–1780)¹², в том числе по целому ряду параметров: расположению титлов на лицевой стороне, появлению растительных мотивов, очень характерных для турецкого искусства того времени, среди начертаний букв особенно выделяется «П» с выступом посередине горизонтальной части буквы.

4. Агафангел, патриарх Константинополя (1826–1830)(рис.4)¹³

Л. с. Поясное изображение Богоматери Одигитрии с Младенцем Христом на левой руке. Правую руку она протягивает к Христу.

¹¹ *Laurent V.* Les sceaux byzantins du Médailleur Vatican. N 155.

¹² *Алексеев Н.А., Озерянская И.М.* Печать Константинопольского патриарха Софрония II.

¹³ Инв. № М-12372. Дм. — 62 мм (общий), 59 мм (поля). Возможно, копия. Из собрания Н. П. Лихачева. Сохранность: потерта. Публикуется впервые.

Христос благословляет правой рукой, в левой держит свиток. По сторонам от изображения помещены по одному цветку. Слева и справа от Богоматери титла: ΜΡ — ΘΥ = Μή(τη)ρ Θ(εο)ῦ. Справа от Христа надпись: ΙC — ΧC = Ἰ(ησοῦ)ς Χ(ριστός)

О. с. Надпись в семь строк:

ΓΑΘ·ΑΓΓΕΛΟ·|ΕΛΕΩ·ΘΕΧ·ΑΡ|ΧΙΕΠΙΣΚΟΠΟΣ·ΚΩΝ|STANTIN
ΧΠΟΛΕΩΣ·|NEAS ΡΩΜΗΣ·Κ·ΟΙΚΧ|ΜΕΝΙΚΟ·ΠΑΤΡΙΑΡ|ΧΗΣ·1826

[Ἄ]γαθάγγελο[ς] ἐλέω Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως Νέας
Ῥώμης καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης •1826

Шрифт легенды оборота «типографский». Слова разделены точками или пробелами. В легенде используются многочисленные лигатуры, греческая литера «С» передана латинской «S». Следует отметить также замену обозначения даты с греческих букв на арабские цифры.

В канцелярии константинопольского патриархата в поствизантийский период практика опечатывания документов подвесными свинцовыми печатями постепенно исчезает, вместо них официальные бумаги начинают скреплять печатями, используя сургуч, воск или краску, которые ставили прямо на документе¹⁴. Моливдовулы, вероятно, применяли только в особых случаях. К сожалению, об употреблении эрмитажных экземпляров ничего конкретного сказать невозможно: места

их находки и обстоятельства использования неизвестны. Можно только констатировать ряд интересных особенностей: по сравнению с византийским периодом печати константинопольских патриархов становятся больше по размерам и тяжелее; изменяется иконографический тип (вместо Богоматери на троне появляется образ Богоматери Одигитрии), но стиль изображения становится заметно грубее и схематичнее; появляются художественные элементы, прежде не свойственные печатям патриархов — растительные мотивы, типичные для турецкого искусства, плетенка, или «узел счастья»; формула надписи оборота остается прежней, но эпиграфика усложняется, напоминая в каких-то моментах арабскую вязь, заменяются греческие буквы на латинские, появляются даты, которые в какой-то момент начинают обозначаться арабскими цифрами.

¹⁴ Tchentsova V. A Corpus of Post-Byzantine Seals: Research cataloguing project // Byzantine and Rus' Seals. Proceedings of the International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography. Kyiv, Ukraine, 13–16 September 2013. Kyiv: The Sheremetievs' Museum, 2015. P. 263–279

В. И. Мажуга
Санкт-Петербургский институт истории РАН

Аллегория юриспруденции в юридической рукописи XIV в.

В архиве СПбИИ РАН хранится кодекс XIV в., содержащий комментарий Бартоло да Сассоферрато (1314–1357) к книгам 39–50 Дигест императора Юстиниана¹. Автор настоящей статьи уже рассмотрел в ряде своих работ состав кодекса и историю его создания², но до сих пор оставались неисследованными многочисленные глоссы и рисунки на полях этой рукописи. Часть рисунков служит всего лишь иллюстрацией к разнообразным предметам, называемым Бартоло в его комментарии, но в большинстве случаев рисунки служат символами, указывающими на более глубокое содержание текста Бартоло, причем одни и те же рисунки могут играть роль иллюстрации и в то же время служить символом. Рисунки составляют ряд достаточно определенных тематических циклов, каждый из которых заслуживает самостоятельного изучения. Как удалось установить, решительное большинство рисунков выполнено двумя основными переписчиками названной

¹ Западноевропейская секция, Карт. 590, №1.

² Мажуга В.И. 1) Болонский список комментария Бартоло да Сассоферрато к *Digestum Novum* в Научном архиве СПбИИ РАН // Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа (Труды Эрмитажа, LXXI). СПб., 2014. С. 91–108; 2) Об истории создания комментария Бартоло да Сассоферрато к *Digestum Novum* (по данным болонского списка 1370 г. из собрания Архива Санкт-Петербургского института истории РАН) // Италия и Европа. Сборник статей памяти В. И. Рутенбурга. СПб., 2014. С. 97–116; 3) О создателях болонского списка 1370 г. комментария Бартоло да Сассоферрато к *Digestum Novum* в собрании Санкт-Петербургского института истории РАН // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2022. — Т. 13. — Выпуск 8 (118). URL: <https://history.jes.su/s207987840022684-1-1>.

рукописи. Один из них, Карло де Баччакомари, сам назвал себя в записи на последнем листе кодекса о завершении своей работы в Болонье в день Пятидесятницы 4 (12) июня 1370 г. В период работы над кодексом наш писец был, по-видимому, уже немолод, как можно судить по тексту завещания Карло Баччакомари, составленного неполными четырьмя годами позднее этой даты³. Из текста завещания мы узнаем, что он был лицензиатом римского права и человеком, близко связанным с Болонским университетом. Из другого источника мы знаем, что Карло принадлежал к видному патрицианскому роду, обладавшему одной из самых высоких родовых башен Болоньи. Но названное завещание, похоже, свидетельствует и о том, что сам Карло был небогат, хотя и пускался в денежные операции. Что касается второго писца, которого условно обозначим Manus II, то можно утверждать, что он тоже был человеком образованным. Как свидетельствует его запись на последнем листе кодекса, он выкупил кодекс для собственного пользования у педеля Болонского университета, Томазо де Малатакис. Его глоссы и рисунки, наполнившие в разное время весь кодекс, с несомненностью свидетельствуют о последующей судебной деятельности писца и глоссатора.

В статье мы рассмотрим пятнадцать изображений женских полуфигур и фигур, выполненных Баччакомари в переписанных им частях кодекса. В женских образах рисовальщик тонко передал различные психические состояния, от меланхолического до горделивого, представляя всякий раз тот тип фигуры и возраст, которому известное состояние соответствовало в наибольшей мере. Характерный для средневекового искусства символизм не был чужд обоим нашим рисовальщикам, но интересующие нас женские фигуры не обнаруживают явной связи с какой-либо иконографической традицией и лишены атрибутов известных персонажей, например аллегии Правосудия. Можно сказать, что этим изображениям свойственна свобода форм, характерная для искусства Проторенессанса. Вместе с тем не следует считать эти изображения простым порождением мечты писца, будто бы пожелавшим немного развлечь себя во время трудной работы. Чтобы лучше

³ Chartularium Studii Bononiensis. Documenti per la storia dell'università di Bologna dalle origini fino al sec. XV. Pubblicati per opera della Commissione per la storia dell'Università di Bologna. Vol. I. Bologna: Presso la Commissione, 1909. P. 265–266, CCXXXVII.

понять смысл этих изображений, скажем еще несколько слов об их авторе и его работе с текстом, который он переписывал.

Насколько нам удалось установить, Карло де Баччакомари во всех случаях предпочитал формы нотариального курсива, что, очевидно, свидетельствует о его профессии нотариуса как основной. Есть и другие причины думать, что переписка книг не была главным родом его деятельности и могла приносить ему лишь дополнительный заработок. Сравнение частей работы, выполненных в нашем кодексе разными писцами, показывает, что, например, киноварные рубрики вносил в текст, переписанный Карло, обычно его коллега, названный нами Manus II. Последний выполнил и всю разметку более частных разделов комментария Бартоло с помощью выделения киноварными штрихами малых прописных букв в начале этих разделов или путем вставки киноварных же скобок перед каждым новым разделом. Manus II провел такую разметку лишь частично, прежде всего в им самим переписанных тетрадах, но хорошо видно, как он ее распространял на соседние тетради, переписанные Карло. Судя по сходству форм характерных красочных инициалов в разных частях кодекса, эти инициалы, если не все, то большей частью были выполнены тоже рукой второго писца. Пожалуй, об отсутствии у Карло данных и умений, необходимых для переписчика книг, говорят, кроме того, ломаные и как бы сдавленные формы петель выносных элементов в его письме, в чем проявилась скованность движений его пера.

Но, если Карло де Баччакомари и не был профессиональным переписчиком книг, то все же в деле переписки нашего кодекса он отнюдь не был безучастным переписчиком текста, которого интересовал только заработок. В конце кодекса он оставил запись об окончании своей работы со словами об упокоении души автора переписанного им текста, в чем можно усмотреть как сознание важности ученых трудов Бартоло, так и выражение личной привязанности Карло де Баччакомари к Бартоло, возникшей в годы деятельности последнего в Болонье:

«Закончена вторая часть комментария к *Digestum novum* господина Бартоло де Сассо Феррато, превосходнейшего доктора права, душа коего да упокоится в мире»⁴.

⁴ Explicit secunda pars lecture super Digesto novo domini Bartholi de Sasso Ferrato legum doctoris excellentissimi, cuius anima requiescat in pace (f. 222rb.65–67).

Будучи образованным юристом, как и второй писец, Карло де Баччакомари не обнаруживает, в противоположность второму писцу, какого-либо интереса к частным вопросам права. Тогда как второй писец оставил в разное время множество специальных глосс, нередко самого практического свойства, по всему кодексу, от Карло мы имеем лишь единичные и предельно краткие словесные глоссы. Карло тем не менее глубоко вникал в содержание переписываемого им текста, но его увлекали не столько конкретные решения вопросов права, сколько сам ход рассуждений Бартоло, работа его мысли, а впечатления от прочитанного текста давали пищу его художественному воображению. И надо отметить, что собственное его патрицианское воспитание и богатая, взыскательная художественная среда современной ему Болоньи способствовали развитию у Карло тонкого вкуса, введению им антикизирующих мотивов в свои композиции. Можно предположить, кроме того, что он развил свой первоначальный художественный талант, развлекая себя рисованием в конспектах во время слушания лекций.

В тех частях кодекса, которые переписал Карло де Баччакомари, причем только в них, мы часто встречаем изображения лоз или гирлянд, пущенных по внешним краям столбцов. Листья аканфа — обычный для таких гирлянд мотив, а техника кьяроскуро придает гирляндам рельефность и особую выразительность. Нет, однако сомнений в том, что эти лозы и гирлянды служили не столько украшению рукописи, сколько выделению значительных частей текста. Так, например, Карло выделял сравнительно короткими лозами те места, которые одновременно помечал сокращенным написанием слова *Argumentum*, иногда в подобных случаях вместо лозы мы встречаем у Карло антропоморфные или зооморфные изображения. Подобного рода примеры со словом *Argumentum* в других частях кодекса мы не встречаем. Как удалось установить, этими пометами отмечены те особые части комментария Бартоло, где предложенное Бартоло толкование того или иного положения римского права применялось к решению вопросов, с которыми Бартоло сталкивался в своей юридической практике, причем только что изложенное толкование представлялось как довод

Название *Digestum Novum* получили в XII в. двенадцать последних книг Дигест (39–50) вследствие более позднего обнаружения их списка Ирнерием, основоположником болонской юридической школы.

в пользу соответствующего решения. В этом специальном употреблении термина *argumentum* Карло де Баччакомари следовал соответствующим примерам у самого Бартоло⁵, но для нас важно отметить, что Карло считал нужным всякий раз указывать на особо умелое применение Бартоло положений римского права к современным ему итальянским правовым казусам.

Если не тщательно проработанные гирлянды, как у Карло, то лозы более простой формы мы встречаем во многих юридических рукописях. Пытаться объяснить их связь с содержанием значительных частей текста было бы делом едва ли оправданным, хотя бы по причине масштабности задачи, но можно все же отметить некоторые немаловажные связи у Карло де Баччакомари. Так случилось, что наш Manus II, работавший с теми же текстами после Карло, остановил свое внимание на многих из отрывков текста, которые его предшественник выделил изображением лозы или гирлянды, и, определяя их основное содержание, Manus II написал у их начала глоссы в форме вопроса, ответ на который можно было найти в выделенном отрывке. Обычно такой вопрос начинается вопросительной частицей *An*, а текст глоссы и ее рамка порой слегка наезжают на лозы Карло, тем самыми обнаруживая временную последовательность, в которой появились эти элементы изобразительного и словесного комментария к тексту Бартоло. В немалом числе случаев у начальной части выделенных отрывков мы встречаем написание слова *Distinctio*, сокращенное до четырех начальных букв, непосредственно перед глоссой, а чаще — вместо глоссы. Этим словом было принято обозначать ту последовательность рассуждений, когда общий вопрос членился на частные, причем разные аспекты предмета рассматривались в их противопоставлении⁶. Из-за трудной различимости кратких написаний слова можно допустить, что не только Manus II, но в ряде случаев и сам Карло определял так род рассуждений Бартоло.

⁵ Странным образом понятия *argumentum* осталось неотмеченным в справочниках и научной литературе, где рассматривается такое употребление понятия *argumentum*. Ср.: *Otte G. Dialektik und Jurisprudenz (Ius commune, Sonderhefte 1)*, Frankfurt a. M., 1971. S. 61–64.

⁶ См.: *Seckel E. Distinctiones glossatorum. Studien zur Distinktionen-Literatur der romanistischen Glossatorenschule // Festschrift der Berliner Juristischen Fakultät für Ferdinand von Martitz*. Berlin: Verl. von Otto Liebmann, 1911. S. 281. *Cortese E. Le grandi linee della storia giuridica medievale*. Roma: Il Cigno Galileo Galilei, 2001. P. 291.

Более половины встреченных нами в кодексе женских образов, 8 из 15, сплетены с лозами и гирляндами, и такие композиции несравнимо более богаты смыслом, чем простое выделение частей текста, хотя уже и в нем вполне обнаруживается интерес Карло де Баччакомари к самому ходу мысли Бартоло, к ее особым поворотам. Женские образы на полях переписанных им страниц кодекса можно истолковать как художественную интерпретацию живой мысли правоведа в виде аллегории Юриспруденции, подобной аллегорическим фигурам Свободных искусств — излюбленному сюжету итальянского искусства XIII–XIV вв.

В зависимости от содержания иллюстрируемого текста и характера изображений рассматриваемые примеры можно разделить на три основные группы. Одну из этих групп составят изображения, относящиеся к текстам, где так или иначе затрагиваются общие темы ученого права, такие как критика текста правового памятника, соотношение норм гражданского общего права и канонического права, источники права. В решительном большинстве примеров речь идет, однако, об участии подвергнутых судебному преследованию, и тут можно выделить значительную группу примеров, где речь идет о правовых способах смягчения судебного приговора или освобождении от судебного преследования. Наконец, третью группу составят примеры, где смягчение приговора признается невозможным с позиции права и морали. Итак, представим наши примеры в порядке названных групп.

Первое изображение (Рис. 1), с которым мы сталкиваемся уже на втором листе рукописи (f. 2va.70–80; Com. I⁷, f. 4rb.2–3), поражает своим откровенным сарказмом. Рисунок относится к тому месту в комментарии Бартоло, где речь идет об одном из суждений римского юриста Ульпиана о преторском эдикте, которым устанавливался запрет на новые строительные работы, наносящие ущерб общественному или частному имуществу, как и право заявлять исковое требование о запрещении новых работ. Отметив, что этот эдикт имел прямую силу только в отношении будущих работ, Ульпиан указал ряд преторских

⁷ Здесь и далее ссылка на издание, где можно прочесть текст, соответствующий тексту в петербургском кодексе: *Bartolus a Saxoferrato. Commentaria in Primam Digesti Novi partem*. Venetiis: Apud Iunta, 1595.

интердиктов (приказов), на которых мог быть основан иск относительно уже выполненных работ (D.39.1.1.1). Но рисунок относится, очевидно, не к суждению Ульпиана и его толкованию у Бартоло, а к спорам относительно допустимости отмеченной в некоторых рукописях интерполяции наречия *olim* ('некогда, когда-либо') при глаголе в форме будущего времени *erit* в одном из приведенных Ульпианом интердиктов. В своей *Glossa ordinaria* Аккурсий выразил предпочтение чтению без этого слова, в то же время допустив и чтение с интерполяцией, но в этом случае счел нужным придать глаголу, с которым было связано наречие *olim*, форму прошедшего времени *erat* (Gl.⁸, f. f. 1va, l). Бартоло резонно заметил, что само по себе наречие *olim* не нарушало смысл фразы при сохранении формы будущего вре-

мени у этого глагола, и не без оттенка насмешливости указал на бесполезность интерпретации Аккурсия: "Domini, ista expositio non est necessaria" ('Господа, это толкование не является необходимым'). Карло де Баччакомари в свою очередь представил дело так, что в своем споре с Глоссой Бартоло оставил последнюю «с носом», имея в виду, очевидно, итальянское выражение *andarsene con il naso*, и наделил изображаемую им даму необычайно длинным вздернутым носом.

В другом примере (f. 39ra.34–50; Com. I, f. 105rb.1–105va.2) дело касалось расхождения между гражданским правом, которое у Бартоло здесь представляли Глосса Аккурсия и он сам, и каноническим правом в фундаментальном вопросе о времени, когда судебное решение по делу можно было считать вступившим в силу (*Res iudicata dicitur*; D.42.1.1). Согласно каноническому праву, этот момент наступал по истечению того десятидневного срока, когда можно было подать апелляцию на объявленное решение судьи, а согласно общему гражданскому праву, этот момент наступал сразу после вынесения судебного решения. Корень этого расхождения Бартоло усмотрел в многозначности понятия *res iudicata*: "Respondendum credo quod inter nos et Canonistas sit

discordia in aequivocatione" ('Полагаю, надо отвечать, что несогласие между нами и канонистами заключено в многозначности (выражения)'). Исходя из этой мысли, Бартоло предложил решение, которое могло удовлетворить обе стороны: утверждение Глоссы можно признать истинным в том случае, если понимать выражение *res iudicata* совпадающим по значению с понятием «приговор» (*sententia, causa decisa*), а если же *res iudicata* мыслить как исполнение приговора, то надо принять во внимание, что в определенных случаях, например в деле о бесчестии (*in infamia*), исполнение приговора могло быть чисто правовым (*a iure fit executio*), а в других случаях — практическим (*effectus facti*), и в отношении последних учение канонистов представлялось Бартоло в той или иной мере оправданным. Спокойным и достойным рассуждениям Бартоло в рукописи соответствует изображение степенной дамы во весь рост (Рис. 2).

Третий пример (f. 59va.49–58; Com. I, f. 134ra) затрагивает тему источников права и, особо, тему правотворчества в сфере городского статутного права. Бартоло комментирует норму преторского права, согласно которой воспрещалось строительство в публичных местах, причиняющее этим местам какой-либо ущерб, за исключением того строительства, которое позволялось по закону, по постановлению сената, по эдикту или по декрету императоров (D.43.8.2. pr.). С нормой римского права он связывает случай из собственной практики, когда городская коммуна пожелала продать под застройку участок, используемый для общественных нужд, и в итоге своих рассуждений предлагает правовое решение, допускающее подобную продажу. Уже в начале своего толкования римской нормы Бартоло находит опору в комментарии Аккурсия, предложившего характерное уточнение к понятию «закон»: «lege, scilicet municipali, vel dic scripta» ('т. е. по закону муниципальному, или говори: писанному') (Gl., f. 104ra, c). В своих рассуждениях Бартоло коснулся и других норм, содержащихся в Дигестах, которые составляли препятствие для решения о допущении

⁸ Здесь и далее ссылка на издание: *Franciscus Accursius. Glossa ordinaria*. In: *Digestum Novum*. Venetiis: Baptista de Tortis, 1487..

строительства, в частности той, которой исключались ссылки на возможный пересмотр действующих законов (D 45.1.137.6). Но в норме, которой непосредственно посвящен его комментарий, он все же находит достаточное основание для использования муниципального законотворчества тогда, когда необходимо продать под застройку участок, находящийся в общественном пользовании: сначала, советует Бартоло, должен быть принят муниципальный закон, позволяющий совершить продажу, а затем совершена сама продажа. Гибкому решению Бартоло вполне соответствует изображение горожанки привлекательной внешности (Рис. 3).

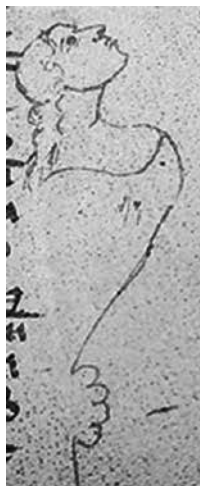
Как уже было отмечено, наиболее многочисленные изображения женских фигур относятся к тем местам в комментарии Бартоло, где речь об ограничении претензий к ответчику и о процессуальных гарантиях для него. В этой группе изображений мы встречаем особенно выразительные рисунки, тонко передающие различные душевные состояния, особенно там, где Бартоло находит наиболее действенные формы правовой помощи ответчику или проигравшему судебный спор.

Параграф Дигест о присуждении залогов должника в случае, если они не находят покупателя, имеет двойственный характер (D.42.1.15.3). С одной стороны, утверждается, что тот, кому что-либо присуждено, получает залог, соответствующий присужденной сумме, а с другой, кредитор, которого удовлетворило владение залогом, считался как бы заключившим соглашение о ссуде и не мог держать залогов и сверх того требовать остального. В Глоссе Аккурсия указывались правовые основания для лучшего удовлетворения кредитора (Gl., f. 84rb-84va). С опорой на комментируемый им параграф Бартоло приводит основания, напротив, для защиты от дополнительных требований того, кто признан по суду должником, в случае если кредитор уже владеет его залогом (f. 42vb.54-70; Comm. I, f. 111va). Как важнейшее общее основание для отказа от переоценки произведенной выплаты он выдвигает максиму: «*officium iudicis exequentis sit totaliter finem imponere litibus*» ('обязанность действующего судьи состоит в том,

чтобы полностью полагать конец спорам'). Фигура молодой женщины с очаровательно склоненной головой, как бы выражающая смирение и надежду (Рис. 4), вполне отвечает установке правоведа на поддержку того, кто нуждается в защите.

Простое по форме суждение Ульпиана о том, что «не является признавшимся тот, кто делает это по ошибке, если он не знал (свои) права» (D.42.2.2. Пер. А. М. Сморгочкова), в Глоссе Аккурсия получило такую же простую трактовку: основное внимание здесь было направлено на установление подлинности факта незнания своих прав с учетом извинительности этого незнания (Gl. f. 88va, t, u). Вслед за своими предшественниками Бартоло провел различие между отзывом чужого признания, где достаточно было указания на факт ошибки, и отзывом своего собственного признания, как в отношении чужого дела, так и в отношении собственного. Тема отзыва своего признания в отношении собственного дела получила у Бартоло тонкую разработку по методу дистинкции, причем в ней опять-таки отчетливо проявилась его установка на смягчение участи проигравшей судебный спор стороны. Рассматривая здесь вариант отказа от признания, сделанного вне суда, с которым были связаны особые сомнения, Бартоло допускал безусловную презумпцию ошибки в признании, когда тот, кто отказывался от признания, в силу собственной ошибки понес ущерб, выплатив в качестве долга то, что таковым не являлось. Если же для стороны, сделавшей ошибочное признание, дело грозило лишь потерей возможной выгоды (*lucrum*), или, во всяком случае, она не оказывалась в проигрыше перед другой стороной по причине этого признания, то здесь Бартоло считал необходимым дополнительное изучение обстоятельств дела (*nisi aliqua circumstantia probetur*). Эти рассуждения Бартоло вызвали у Баччакомари живое сопереживание проигравшей в силу ошибочного признания стороне, надеющейся тем не менее на исправление последствий этого признания, и Карло превосходно передал свое чувство в образе молодой женщины с запрокинутой головой, как будто

произнесшей слова признания и ожидающей понимания со стороны того, к кому они были обращены (Рис. 5).

Изображение волевой и решительной женщины (Рис. 6) мы видим там, где речь идет об искомом заявлении о выплате компенсации за ущерб, понесенный владельцем недвижимости за время насильного изгнания из своего владения (D.43.16.6). Исходя из допущения, что реальные потери мог знать только сам владелец, Аккурсий в Глоссе советовал подтверждать искомое заявление клятвой (Gl. f. 110rb, z). Хотя Бартоло не возражал

прямо против этой меры, все же, как можно вывести из его слов *Casus est in hac lege* ('Суть дела содержится в этом законе'), предлагал точнее следовать комментируемому закону, не прибегая к такому средству, как клятва (f. 64ra.37–52; Com. I, f. 138vb). Возможно, мысль Бартоло о достаточности собственных средств правоведа, которые он ставит в распоряжение того, чьи права были нарушены, породила у Карло де Баччакомари образ волевой женщины с зорким взглядом.

Изображение женщины с резко очерченным прямым носом, выражающее определенность и спокойное достоинство (Рис. 7), иллюстрирует комментарий Бартоло к суждению Ульпиана о различии двух видов введения во владения чужим имуществом. Речь шла, с одной стороны, о введении во владение недвижимым имуществом соседа при его отказе обеспечить выплату компенсации за причиненный вред в случае обрушения его постройки (*cautio damni infecti*), а с другой стороны, о введении кредитора во владение имуществом должника как залогом в обеспечение долгового требования кредитора (*pignus praetorium*). В первом случае укрепление постройки вменялось в обязанность введенного во владение, во втором же случае, по мнению Ульпиана, кредитор не должен был отвечать за возможное обрушение постройки, и к нему

нельзя было предъявить иск о компенсации ущерба, причиненного таким обрушением (D.39.2.15.30). Бартоло отмечает, что другие ведущие римские правоведы все же считали, что и во втором случае введенное во владение лицо было обязано восстановить постройку, а Аккурсий в Глоссе не сумел предложить в этом отношении определенного решения (f. 19vb, 27–46; Com. I, f. 34.va; Gl. f. 11va, a–c). Сам Бартоло отвергает возможность иска к такому лицу по поводу возможного или уже случившегося обрушения и попутно указывает, что в отношении кредитора уместен лишь иск по поводу обмана (*dolus*) или непростительной неосторожности, допущенной по грубому незнанию (*culpa lata*). В строгом выражении лица представленной на рисунке дамы хорошо передан характер суждений Бартоло.

Следующий наш пример (f. 68va.19–29; Com. I, f. 113ra, c–d) затрагивает опять общую тему владельческих прав одного лица в отношении собственности другого лица, а именно прав обладателя суперфиция, т. е. наследственного владения строением на чужой земле. В силу преторского эдикта наследственный арендатор такого строения получал такое же право отстаивать свои интересы в суде, каким обладал владелец, приобретший суперфиций путем покупки (D.43.18.1.1). В отличие от уже рассмотренных нами примеров, Бартоло не предлагает дополнительных определений в своем комментарии к суждению Ульпиана по поводу этого эдикта, но примечательным образом подчеркивает важность римского правового установления для современных ему правоотношений и заявляет, что слова Ульпиана надо приводить ежедневно — и это делается — при заключении договоров (*Quotidie ponuntur in contractibus, quod in contractibus debeant poni*), что их надо отнести к собственному трактату Бартоло в форме *quaestio disputata* под названием "Publicanus quidam"⁹

⁹ Ср. его список в кодексе, датируемом третьей четвертью XV в.: Eichstadt, Universitätsbibl., UEI, Cod. St. 583, *Consilia*, f. 56v–58v. *Quaestiones disputatae* создавались в рамках дополнительных университетских занятий как более подробное рассмотрение затрагиваемым в общем курсе тем, см.: Мажуга В.И. Об истории создания комментария Бартоло да Сассоферрато. С. 99.

и что названная норм превращала покупателя или арендатора суперфиция в его защитника в судебных спорах (*faciens eum procuratorem in rem suam*). Тема защиты и пафосное ее изложение в этой части труда Бартоло породили в сознании Карло де Баччакомари привлекательный образ молодой женщины (Рис. 8).

Как особую подгруппу в ряду примеров, выражающих идею судебной защиты, можно выделить те примеры, где дело касается формальной стороны и технических деталей процессуальной поддержки, оказываемой участнику судебного спора. Так, в комментарии к суждению юриста Помпония о том, что «судья или посреднический судья не могут вынести судебное решение против безумного» (D.42.1.9. Пер. А. М. Сморгкова), Бартоло определяет правовое значение присутствия в суде собственника имущества, явившегося предметом спора, когда все ведение дела передано попечителю собственника. Бартоло ставит вопрос буквально так: «Будет ли он (т. е. собственник) обладать предметом спора?» (*An habeat quod agitur?*) (f.41ra.26–39; Com. I, f. 108vb, c–d). Очевидно, признание присутствия такого собственника в суде должно было придать больший вес судебному решению, ведь даже собственник, находившийся под опекой, мог привлекаться к суду в обычном порядке как свидетель. Сообразуясь с римской нормой, Бартоло предлагает средний вариант основного ответа: такой собственник может считаться присутствующим в суде, если суд принял решение в его пользу (*si quidem sententia fuit lata pro eo*), если же принято решение против него, то ответ иной (*si contra eum, secus*). Предмету рассуждений Бартоло соответствует безвольный наклон головы и безучастное выражение лица женщины на рисунке (Рис. 9).

Прямой взгляд широко раскрытых глаз дамы зрелых лет с немного крупноватым носом выражает, как можно думать, уверенность в основательности своих прав (Рис. 10). Комментарий Бартоло относится к суждению юриста Фульциния Приска (I в. н.э.) о лишении имущественных прав лиц, имущество которых было отдано во временное владение кредитору, в случае если они не являются в суд и скрываются с целью обмана (D.42.4.7.1–2). Римский юрист полагал, что в иске к таким лицам указание на факт укрывательства себя непременно должно было дополняться указанием на факт обмана, указание на одно из двух этих деяний было недостаточно для предъявления иска на основе преторского эдикта. В суждении римского юриста Бартоло нашел повод для нового обращения к особо занимавшей его теме встречного иска против ложных показаний подкупленных свидетелей (f. 50ra.18–45; Com. I, f. 123rb). Он отмечает, что и в таком иске указание на обман и указание на подкуп свидетелей могли быть представлены как связанные взаимно таким образом, что одно не могло быть принято без другого, и тем самым одно ограничивало действительность другого, для обозначения чего у Бартоло служили термины *limitative* и *cum limitatione*. Но оба указания, замечает Бартоло, могли быть представлены в иске и как дополняющие друг друга таким образом, что каждое из них было достаточно для возбуждения судебного разбирательства. В отношении этой формы искового заявления (*libellum*) Бартоло применяет термин *cumulative*. Ход дальнейшего разбирательства, по мысли Бартоло, определялся тем, как, собственно, был составлен иск против ложного свидетельства подкупленных свидетелей. Внимательное выражение лица дамы на рисунке и здесь оказывается в полном соответствии с рассуждениями Бартоло, заканчивающимися полезным советом.

Некрасивую, с толстым носом, но острым взглядом немолодую женщину (Рис. 11) Карло де Баччакомари изобразил там, где простые максимы римского юриста Ульпиана Бартоло предлагает записать золотыми буквами (*‘litteris aureis’*). Действие преторского эдикта «Кто силой

Карло де Баччакомари изобразил молодую женщину, что, возможно, ему казалось соответствующим более простому содержанию комментария Бартоло к названному параграфу (Рис. 12).

или тайно» (*Quod vi aut clam*, D.43.24.1), которым предписывалось восстановление по суду первоначальных отношений там, где они были изменены насильно или тайно, Ульпиан отнес к сознательным нарушениям при заявлении иска и вызове в суд. Как тайные квалифицировал он вообще действия, которые не были упомянуты в публичном заявлении и наносили ущерб интересам того, к кому это заявление относилось, но особо выделил те случаи, когда ответчик неожиданно для себя получал вызов в суд, а истцу было известно, что именно в это время ответчик не мог выставить защиту или явиться в суд. Бартоло здесь считал достаточным передать своими словами основное содержание суждений Ульпиана и указал лишь на один конкретный случай, к которому приложима излагаемая им норма (f. 72ra.28–39; Com. I, f. 147vb).

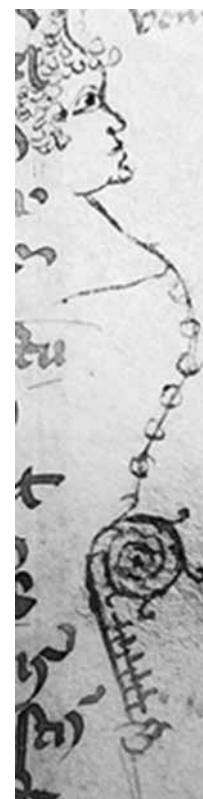
Бартоло возвращается к теме судебного иска в комментарии к последнему параграфу титула, где речь идет о порядке заявления о новом строительстве (D.43.24.22.5), а Бартоло находит повод для того, чтобы вновь сказать о порядке подачи исковых заявлений (f. 73ra.23–28; Com. I, f. 149.ra). На этот раз

В иных женских обликах выступает аллегория Юриспруденции у Карло де Баччакомари там, где Бартоло комментирует тексты, в которых речь идет о преступлениях, а именно о кражах и порче имущества, совершаемых рабами. От такого рода преступлений сам Бартоло переходит к случаям членовредительства и убийства или захвата

имущества безотносительно к социальному положению виновников преступления. Здесь на полях нашего кодекса мы видим внушительные полуфигуры, помещенные как бы на консоли и создающие впечатление самой неприступности (Рис. 13–14).

В комментарии к параграфу о двух рабах, оказавших друг другу помощь при побеге, где утверждается, что каждого из них можно обвинить в похищении другого (D.47.2.36,3),

Бартоло приводит случай нанесения ран в разных частях тела жертвы двумя преступниками, как пример двух взаимосвязанных преступлений. Каждый из преступников, по мнению Бартоло, наряду с обвинением в прямом нанесении раны здесь должен отвечать дополнительно за помощь другому в подобном же преступлении (f. 160va.39–75; Com. II¹⁰, f. 115rb). В то же

время Бартоло считает, что дополнительное обвинение в содействии преступлению может получить силу лишь при условии, что будет определенно указано на такое содействие в общем обвинении, представляемом в суд, либо в заключении по расследованию дела (*in accusatione vel inquisitione*), в ином же случае не последует осуждение в содействии преступлению, так как «слова должны пониматься в более благоприятном смысле» (*verba debeant intelligi in benigniorem partem*)¹¹. Возможно, послед-

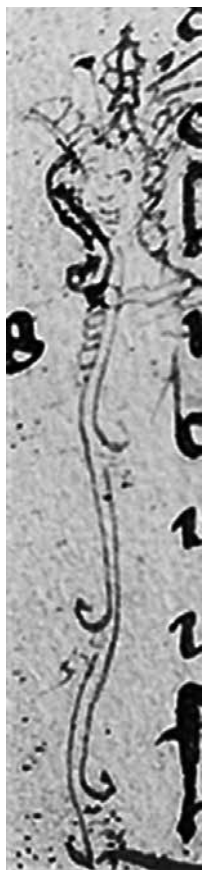

¹⁰ Здесь и далее ссылка на издание: *Bartolus a Saxoferrato. Commentaria in Secundam Digesti Novi partem*. Venetiis: Apud Iunta, 1590.

¹¹ Здесь Бартоло ссылается на суждение Ульпиана: *Sed si utriusque legis crimina obiecta sunt, mitior lex ... erit sequenda* ('Но если предъявлены обвинения на основании и того, и другого закона, то надо следовать более мягкому закону'. D.48.19.32, пер. А. Л. Смышляева)

нее замечание Бартоло побудило Карло изобразить женщину с мягкими очертаниями фигуры и головы, хотя и в неприступном положении (Рис. 13).

Гордую даму с двойным подбородком, напоминающую нам образы известных императриц Нового времени (Рис. 14.), Карло де Баччакомари изобразил там, где вслед за Ульпианом Бартоло высказывает строгие суждения о действиях, совершенных с дурным умыслом (f. 164vb.40–62; Com. II, f. 122ra). Прежде всего он ставит в заслугу римскому юристу, что тот дал выражение теме злого умысла (*dolus*) как предмету судебного разбирательства, хотя в соответствующем преторском эдикте о нем прямо не сказано. Отталкиваясь от суждений Ульпиана о правовых последствиях растраты, умышленно допущенной рабом после смерти го-

сподина и до своего освобождения по завещанию (D.47.4.1.2), Бартоло обращается к современным ему статутам и в зависимости от того, что в них говорится и говорится ли вообще о злом уме, указывает на достаточность судебного осуждения за грубую небрежность (*lata culpa*), если оно совершено в отношении имущества. Если же такое действие совершено в отношении личности, то в этом случае презумпция действия с умыслом представляется Бартоло обязательной.

Между двумя только что рассмотренными изображениями мы встречаем в нашем кодексе еще одно изображение женской фигуры, не самое удачное по исполнению и едва ли представляющее аллегорию Юриспруденции, но все же любопытное само по себе и достойное нашего внимания (Рис. 15). На нем и завершим обзор галереи женских образов в петербургском списке комментария Бартоло да Сассоферрато к *Digestum novum*. Изображение иллюстрирует рассуждения Бартоло по поводу содержания параграфа, где рассматривается случай с кражей малолетнего раба, успевшего подрасти у похитителя. Римский юрист Цельс полагал, что размеры выплаты за такое похищение следует определять, исходя из цены раба-юноши

без добавления к ней цены малолетнего раба (D.47.2.68.2). Мысль Бартоло получила здесь игривый поворот, и вместо рассуждений об возможности или невозможности многократного наказания мы находим у него рассуждения о возможности или невозможности удвоения одной забавлявшей его самой нормы, установленной статутами города Пизы, где в свое время он должен был даже разбирать спор по поводу этой нормы (f. 164.ra.42–51; Com. II, f. 120vb.8). В Пизе число замужних женщин, которые могли присутствовать на свадьбе, было ограничено двенадцатью. Бартоло ставит вопрос, как быть, если одновременно в одном доме женятся отец и сын? Сославшись на пример Ульпина с завещаниями отца и сына, где одно завещание признавалось достаточным (D.28.6.20), Бартоло приходит к решению, что нельзя в таком случае удваивать норму приглашаемых дам. На рисунке запечатлена дама с несколько странным головным убором, весьма похожим, однако, на те венцы в виде миниатюрных оленьих рог, которые мы видим на участницах сцены бракосочетания в кодексе из Библиотеки соборного капитула города Верчелли (Vercelli, Bibl. cap., Cod. V, c. 188v)¹². Изображение в нашей рукописи можно было бы считать простой иллюстрацией к тексту Бартоло, но то обстоятельство, что изображение вплетено в гирлянду в виде виноградной лозы, которой отмечено достаточно пространное рассуждение Бартоло, заставляет нас видеть в этом рисунке еще один пример художественного отображения самой мысли правоведа.

¹² Monaco G. Nuove riflessioni su due manoscritti giuridici trecenteschi miniati a Bologna: le *Decretales* e le *Institutiones* della Biblioteca capitolare di Vercelli // Bollettino storico Vercellense. 2019, Anno XLVIII, 93. P. 38, Fig. 4.

Раздел 3.

*Μεταβυζαντινά и история
византинистики*

Ю.Э. Шустова
(РГГУ, РГБ, НИО редких книг)
В.Г. Ченцова
(Париж)

Греческие тексты в «Букварях» второй половины XVII — начала XVIII в. типографии Львовского братства¹

Первый учебник для обучения чтению на восточнославянских землях был издан в 1574 г. во Львове основателем типографии, первопечатником Иваном Федоровым². Издание именно в этом городе книги для обучения грамоте было не случайным: православная школа существовала там по меньшей мере с 40-х гг. XVI в. О «Руськой школе» (*Rutenorum schola*), организованной при Богоявленской церкви Галицкого предместья, имеется запись во Львовских градских актах за 1546 г.³ А в 1572 г. православное население Львова добилось подтверждения королевским мандатом права посылать своих детей в школы Львова и других городов для изучения «свободных искусств»⁴.

15 января 1586 г. Львовское Успенское братство получило грамоту антиохийского патриарха Иоакима, ставшую для львовских

¹ Авторы сердечно благодарят Н. Хриссидиса (Нью-Хейвен) за ценные замечания и помощь.

² Рамазанова Д.Н., Шустова Ю.Э. Кириллические Буквари из собрания Научно-исследовательского отдела редких книг Российской государственной библиотеки: описание изданий и экземпляров. Москва, 2018. С. 11–20 (см. там же библиографию).

³ Крип'якевич І.П. Львівська Русь в першій половині XVI ст.: дослідження і матеріали. Львів, 1994. С. 39, 310. № 833; Капраль М. Богоявленське братство у Львові у XVIII ст.: дослідження та матеріали. Львів, 2016. С. XII, LXIII–LXIV.

⁴ Monumenta Confraternitatis Staupigianae Leopoliensis: Diplomata et epistolae Confraternitatis Staupigianae Leopoliensis ab anno 1518 usque ad annum 1600 / Ed. W. Milkowicz. Leopoli, 1895 (Далее: MCS). Р. 63–64. № 54.

православных горожан уставным документом, определяющим статус братства. В грамоте особое внимание уделялось созданию школы и типографии: «Хотят с помочю Божею панове мешчане лвовские школу закладати для наученья дѣтемъ христіянськимъ вшелякого стану, которые бы мѣли учитися писма светого грецького и словенського, да не будетъ родъ ихъ христіянський аки безсловесень ненаучения ради. И теж купили друкарню писма словенского и греческого, ку той же школѣ потребную»⁵. Именно Львовская братская школа послужила образцом для создания многочисленных братских школ на украинских и белорусских землях. Деятельности этого учебного заведения посвящена обширная литература⁶, однако, многие ее аспекты

⁵ Центральный государственный исторический архив Украины, г. Львов (Далее: ЦГИА). Ф. 129. Оп. 1. Д. 72. Оpubл.: MCS. Р. 119–120; Першодрукар Іван Федоров та його послідовники на Україні (XVI – перша половина XVII ст.): Збірник документів / Упор. Я.Д. Ісаєвич та ін. Київ, 1975. С. 82–83; Привілеї національних громад міста Львова XIV–XVIII ст.: Збірник документів / Упоряд. М. Капраль. Львів, 2000. № 2 (171). С. 504–505.

⁶ Харлампович К.В. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви. Казань, 1898; Крыловский А.С. Львовское Ставропигиальное братство. Киев, 1904; Крип'якевич І.П. Львівська братська школа XVI–XVII в. // Українська школа. 1926. № 17–18; Ваврик В.Р. Школа и бурса Львовского Ставропигиона // Временник Ставропигийского института. Львов, 1932. С. 25–54; Крип'якевич І.П. Дещо зі звичаїв у львівській школі та бурсі // Життя і знання. 1934. № 6; Возняк М.С. Школа Успенського братства у Львові. Львів, 1936; Медынский Е.М. Братские школы Украины и Белоруссии в XVI–XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией. М., 1954; Митюров Б.Н. Из истории Львовской братской школы // Советская педагогика. 1954. № 2. С. 82–89; Шокотко В. До питання про історію братств і їх шкіл на Україні в кінці XVI — на поч. XVII ст. // Наукові записки Донецької педінституту. 1956. Вип. 4; Ісаєвич Я.Д. Братства та їх роль в розвитку української культури XVI–XVIII ст. Київ, 1966; Шустова Ю.Э. Школа Львовского Успенского Ставропигийского братства в конце XVI – начале XVII в.: взаимодействие греко-славянских культурных традиций // Россия и Христианский Восток. Вып. II–III. М., 2004. С. 163–185; Шустова Ю.Э. Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства: (1586–1788): источниковедческое исследование. М., 2009. С. 159–194; Киричук О., Орлевич І. Система української громадської освіти у Східній Галичині (на прикладі Ставропигийської школи у Львові) // Galicija. Studia i materialy. 1. Czasopismo Instytutu Historii Uniwersytetu Rzeszowskiego. 2015. S. 176–198; Лазорак Б. Школи церковних братств львівсько-галицько-кам'янецької єпархії (XVIII ст.) // Актуальні питання гуманітарних наук. 2015. Вип. 13. С. 53–62.

до сих пор остаются малоисследованными. Среди таких недостаточно проясненных вопросов — используемые учебники и степень владения учениками греческим языком, обязательность изучения которого упомянута в патриаршей грамоте.

В 1591 г. в типографии Львовского братства для нужд школы была издана славяно-греческая грамматика «Ἀδελφότης», составленная архиепископом Арсением Элассонским⁷, ректором школы в 1586–1588 гг., вместе с учениками-«спудеями»⁸. Книга стала первым печатным произведением собственной типографии Львовского братства. В том же году были опубликованы декламации учеников школы на славянском и греческом языках, — «Просфонима»⁹. Стихи читались перед киевским митрополитом Михаилом Рогозой 17 и 18 января 1591 г. Арсений Элассонский подготовил и первую программу обучения в школе, о чем свидетельствует сохранившийся ее автограф, принадлежавший руке ректора¹⁰. На основании этого документа были разработаны новая программа обучения и правила поведения для учителей и учеников¹¹. В 1592 г. эта программа была положена в основу устава школы — «Порядка школьного»¹². Однако о том,

⁷ Зилитинкевич В.С. Арсений Элассонский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. СПб., 1992. С. 108–110; Маишафаров А.В., Флоря Б.Н. Арсений Элассонский // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 3. С. 442–446.

⁸ Фонкич Б.Л. Греческие рукописи и документы в России. М., 2003. С. 32–34, 46–56; Лильо І. Греки на території Руського воєводства у XV–XVIII ст. Львів, 2019. С. 153–156; Тимошенко Л. Феномен Берестейської унії (XVI – початок XVII ст.). Дрогобич, 2024. С. 153–160.

⁹ Προσφώνημα: Текст і контекст / За ред. Б. Криси. Львів, 2013 (Львівська медієвістика, вип. 4).

¹⁰ ЦГИА Украины, г. Львов. Ф. 129. Оп. 1. Д. 81. Оpubл.: Diplomata Statutaria a Patriarchis Orientalibus Confraternitati Stauropigianae Leopoliensi a. 1586–1592 data, cum aliis litteris coaevis et appendice / Ed. I. Kristiniacki. Leopoli, 1895. Т. 2 (Далее: DS). Р. 19–20; Δημητράκοπουλος Φ. Αρ. Ἀρσένιος Ἐλασσόνος (1550–1626). Βίος, ἔργο, ἀπομνημονεύματα Ἀθήνα, 2007. Σ. 94–112; Фонкич Б.Л. Исследования по греческой палеографии и кодикологии IV–XIX вв. М., 2014. С. 637.

¹¹ ЦГИА Украины, г. Львов. Ф. 129. Оп. 1. Д. 87. Оpubл.: DS. Р. 21–29.

¹² Львовский исторический музей. Отдел фондов (собрание рукописей). Инв. № 135: «Альбом Ставропигийского братства». С. 446–448. Оpubл.: DS. Р. 30–34; Головацкий Я.Ф. Порядок школьный или устав Ставропигийской греко-русской школы во Львове 1586 года. Львов, 1863; см.: Шустова Ю.Э. Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства. С. 232–236.

как соблюдалось патриаршее предписание «учиться писма светого» не только «словенского», но и «грецького» в более позднее время, почти ничего не известно.

Из напечатанных в XVII в. в типографии Львовского братства изданий букварей сохранились экземпляры всего двух — 1671 г. и 1692 г.¹³, причем первое известно лишь в одном экземпляре (ныне в РНБ), а второе — в четырех (в РНБ, Государственном Эрмитаже, Британской библиотеке, Славянском институте в Гейдельберге)¹⁴. О еще пяти букварях, вышедших в 1662, не ранее 1665–1666, в 1698 и 1701 гг., упоминается в архивных документах¹⁵. В XVIII в. (до преобразования братства в Ставропигийский институт в 1788 г.) было

¹³ Издания: Букварь языка славенска, писаний чтения учиться хотящим в полезное руковождение. Львов: Тип. Ставропигийского братства, типограф Степан Половецкий, 1671. РНБ. Отдел редких книг. IV.8.17. Инв. № 1491; Букварь языка славенска, писаний чтения учения хотящим в полезное руковождение. Львов: Тип. Ставропигийского братства, типограф Симеон Ставницкий, 1692. РНБ. Отдел редких книг. V.8.7. Инв. № 1848. См.: Запаско Я.П., Ісаєвич Я.Д. Пам'ятки книжкового мистецтва: каталог стародруків, виданих на Україні. Львів, 1981. Кн. 1: 1574–1700. № 478, 672; Немировский Е.Л., Шустова Ю.Э. Кириллические Азбуки и Буквари XVI–XVIII вв.: библиографический свод изданий // «В России надо жить по книге». Начальное обучение чтению и письму: становление учебной книги в XVI–XIX вв. Сб. науч. ст. и материалов. М., 2015. № 74, 103; Шустова Ю. Львівські підручники для навчання грамоти («Букварь языка славенскаго») XVII–XVIII століття: православна і греко-католицька традиції // Освіта національних меншин в Україні: історичні традиції, правові засади, сучасні виклики (XX – початок XXI століть). Львів, 2018. Кн. 1. С. 35–37.

¹⁴ Шустова Ю. Львівські підручники. С. 36–37. Р. Клеминсон различает два издания Букваря 1692, основываясь на количестве строк в изданиях. В экземпляре из Британской библиотеки их 16, а в экземпляре из Российской национальной библиотеки — 15. См.: Cleminson R., Thomas C., Radoslavova D., Voznesenskij A. Cyrillic books printed before 1701 in British and Irish Collections: A Union Catalogue. London, 2000. Р. 142–144; Клеминсон Р. Еще раз о букварях // История книжной культуры XV–XX вв.: К 100-летию ННО редких книг (Музея книги) РГБ. М., 2018. Ч. 1. С. 129. Примеч. 21.

¹⁵ ЦГИА Украины, г. Львов. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1088. Л. 16; Д. 1093. Л. 1–2 об.; Д. 1138. Л. 8 об., 23; Д. 1146. Л. 2; Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссией для разбора древних актов, выс. учрежд. при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе (Далее: АЮЗР). Киев, 1904. Ч. 1. Т. 11. С. 484; Т. 12. С. 354, 355, 407, 413; Шустова Ю.Э. Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства. С. 369.

напечатано по меньшей мере семь изданий букварей, из которых сохранились экземпляры трех — 1710, 1754 и 1766 г., — а об изданиях 1720¹⁶, 1723¹⁷ и 1733¹⁸ г. нам известно по упоминаниям в документах. Плохая сохранность букварей, несмотря на большие тиражи, объясняется востребованностью подобных книг у современников, которые «зачитывали» их до полного исчезновения¹⁹. Проанализировать состав и содержание букварей, вышедших в православный период истории Львовского братства, мы можем на основании сохранившихся букварей 1671 и 1692 гг.²⁰ Впрочем, и после того как в 1708 г. братчики приняли унию с Римом, содержание печатавшихся во Львове в начале XVIII в. учебников для обучения грамоте оставалось прежним, о чем свидетельствует сохранившийся экземпляр «Букваря» 1710 г.

Состав букварей 1671, 1692 и 1710 гг. практически одинаков. Отличия прослеживаются иногда в употреблении букв, имеющих

¹⁶ Запаско Я.П., Ісаєвич Я.Д. Пам'ятки книжкового мистецтва: каталог стародруків, виданих на Україні. Львів, 1984. Кн. 2. Ч. 1: 1701–1746. № 968. См.: АЮЗР. Т. 12. С. 431.

¹⁷ ЦГИА Украины г. Львове. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1106. Л. 34 об.; *Шептицкий Афанасий*. [Послание об исправлении богослужебных книг. 3 мая 1738 г.]. Львов: Тип. братства, [1738]. № 15. Л. [10]; *Шустова Ю.Э.* Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства. № 133. С. 625; *Она же*. Книга контрактов Львовского Ставропигийского братства с типографами (1680–1757): проблемы источниковедческого исследования // Вестник РГГУ: Серия «Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований». 2009. № 4. С. 120. № 58; *Немировский Е.Л., Шустова Ю.Э.* Кириллические Азбуки и Буквари... № 141.

¹⁸ ЦГИА Украины в г. Львове. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1170; Д. 1172. Л. 2; *Шустова Ю.Э.* Продажа и распространение книг типографии Львовского Успенского братства в 20–30-х гг. XVIII в. // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Книга в історії і культурі : міжвузівський збірник наукових праць. Дніпропетровськ, 2012. С. 171–201.

¹⁹ О тиражах букварей см.: *Шустова Ю. Э.* Книга контрактов Львовского ставропигийского братства с типографами (1680–1757): Проблемы источниковедческого исследования // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2009. № 4. С. 108–123; *Рамазанова Д.Н., Шустова Ю.Э.* Кириллические Буквари. С. 19–20.

²⁰ *Шустова Ю.* Львівські підручники. С. 32–51; *Она же*. Львовские кириллические буквари XVII–XVIII вв.: от православной к греко-католической традиции // Источники исследования о педагогическом прошлом: Интерпретация проблем и проблемы интерпретации. М., 2019. С. 299–307.

одинаковое произношение, или в орфографии некоторых слов. Помимо упражнений, предназначенных для обучения чтению по слогам, в книги включены и довольно пространные тексты разного, в основном нравоучительного содержания, важное место среди которых занимают молитвы, изложение Символа веры и т. п. Во всех этих букварях в конце содержатся тексты нескольких молитв, напечатанных кириллическими буквами на греческом языке. Это свидетельствует о сохранении остатков былой традиции обучения греческому языку во Львовской братской школе, превратившейся, скорее, в заучивание небольших текстов молитв. Ничего подобного тем изданиям, которые были сделаны во времена Арсения Элассонского для изучения студентами греческой грамматики или представляли результаты их риторических упражнений, во Львове уже не издавалось.

В буквари 1671, 1692 и 1710 гг. вошли так называемые «начальные молитвы» по-гречески в славянской транскрипции фонетическим письмом от «Молитвами святых отец...» до «Отче наш», после которых следует окончание молитв «Достойно есть» с припевом «Честнейшую Херувим», и с подзаголовками по-славянски. В напечатанном кириллицей тексте расставлены, хотя и не систематически, ударения, все (за редким исключением) слова, начинающиеся с гласной, имеют также придыхания. В распоряжении наборщика, впрочем, были лишь «тонкие» придыхания. Ударения же часто расставлены неверно, особенно в начале текста (в приводимой здесь таблице он передан без надстрочных знаков).

Транслитерированный кириллицей текст молитв на греческом языке
по изданию «Букваря» 1671 г. с параллельным греческим текстом
и переводом на церковнославянский язык:

Транслитерированный текст	Нормализованный текст	Перевод
(л. 30 об.) ¹ Се же молитвы ² албо вещи нѣкоторѣ, дла ³ цвѣчена дѣтей. по греческу, ⁴ лѣтрами рускими, располо ⁵ жихомъ. а найпервѣй: ⁶ за м(о)л(и)товъ:		
⁷ Ди евхон тон агіон Па ⁸ терон имон: Кирие Ису ⁹ Х(рист)е о Θεος имон, елеисон ¹⁰ имас: амин.	Δι'εὐχὼν τῶν ἁγίων πατέρων ἡμῶν· Κύριε Ἰησοῦ Χ(ριστ)έ, ὁ Θεὸς ἡμῶν, ἐλέησον ἡμᾶς. Ἀμήν.	Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас. Аминь.
¹¹ Ц(а)рю н(е)б(с)ный:		
¹² Василев уранѣ параклите ¹³ то (л. 31) ¹ то пневма тис алиниас, ² о пандаху парон, ке та ³ падна ²¹ плирон. О θ̅ς̅аврос ⁴ тон агатон, ке зоиc хориγος ⁵ елθε ке енскиносон ен имѣн ⁶ ке каварисон имас, апо па ⁷ сис книдос ке сосон агаѣ ⁸ тас ψихас имон.	Βασιλεὺ οὐράνιε, παράκλητε τὸ πνεῦμα τῆς ἀληθείας, ὁ πανταχοῦ παρὼν καὶ τὰ πάντα πληρὼν, ὁ θησαυρὸς τῶν ἀγαθῶν καὶ ζωῆς χορηγός, ἐλθέ καὶ ἐνσκήνωσον ἐν ἡμῖν καὶ καθάρησον ἡμᾶς ἀπὸ πάσης κηλίδος καὶ σῶσον, ἀγαθέ, τὰς ψυχὰς ἡμῶν.	Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша.
С(вя)тый Б(о)же:		
⁹ Ἀγίος ο θεος, Ἀγίος исхи ¹⁰ рос, Ἀγίος аѡанатос елеи ¹¹ сон имас.	Ἄγιος ὁ Θεός, ἅγιος ἰσχυρός, ἅγιος ἀθάνατος, ἐλέησον ἡμᾶς.	Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас
Слава о(т)цу, и с(ы)ну:		
¹² Доѡа патри, ке ю, ке ¹³ агіо пневмати. ке нин, ¹⁴ ке аѣ, ке ис тус еонас ¹⁵ тон еонон, амин.	Δόξα Πατρὶ καὶ Υἱῷ καὶ Ἀγίῳ Πνεύματι, καὶ νῦν καὶ ἀεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰῶνων. Ἀμήν.	Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь.
Г(оспод)и пом(и)луй:		
¹⁶ Кирие елеисон, Кирие елеи ¹⁷ сон, (л. 31 об.) ¹ сон, Кирие евлот<и>сон ²² .	Κύριε ἐλέησον, Κύριε ἐλέησον, Κύριε εὐλόγησον.	Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, благослови.
² С̅оче н(а)шъ:		

³ Патер имон о ен тис уранѣ ⁴ агіастито то онома су. ⁵ Елфето и василѣа су. ⁶ Генѣфито то ѡелѣма су, ⁷ ос ен оурано, ке епѣ ⁸ тис гис. Тон артон ⁹ имон тон епѣусион дос ¹⁰ имин симерон. Ке ¹¹ афес имѣн та офилѣма ¹² та имон, ос ке имѣс ¹³ афѣмен, тис офилетес ¹⁴ имон. Ке ми исенегис ¹⁵ имас ис пѣразмон, алла ¹⁶ рисе (л. 32) ¹ рисе имас апо ту пониру. ² Аминь.	Πάτερ ἡμῶν ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς, ἁγιασθήτω τὸ ὄνομά Σου, ἐλθέτω ἡ Βασιλεία Σου, γενηθήτω τὸ θέλημά Σου, ὡς ἐν οὐρανῷ καὶ ἐπὶ τῆς γῆς. Τὸν ἄρτον ἡμῶν τὸν ἐπιούσιον δὸς ἡμῖν σήμερον· καὶ ἄφεσ ἡμῖν τὰ ὀφειλήματα ἡμῶν, ὡς καὶ ἡμεῖς ἀφίεμεν τοῖς ὀφειλέταις ἡμῶν. Καὶ μὴ εἰσενέγκῃς ἡμᾶς εἰς πειρασμόν, ἀλλὰ ῥύσαι ἡμᾶς ἀπὸ τοῦ πονηροῦ. Ἀμήν.	Отче наш, Иже еси на Небесех, да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на Небеси и на земли. Хлеб наш насушный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. Аминь.
³ Достойно есть:		
⁴ Ἀξιὸν ἐστιν ὡς μακαρίзин се тин Θεοτο ⁶ кон, тин аѣмакарисон ⁷ ке панамомитон, ке ми ⁸ тера ту Θеу имон.	Ἄξιόν ἐστιν ὡς ἀληθῶς μακαρίζειν σέ τὴν Θεοτόκον, τὴν ἀειμακάριστον καὶ παναμώμητον καὶ Μητέρα τοῦ Θεοῦ ἡμῶν.	Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего.
Ч(е)с(т)не:		
⁹ Тин тимѣотеран тон хе ¹⁰ рувим ке ендѡѡтеран асин ¹¹ гритос тон серафим. тин ¹² адіафѡрос Θεон логон ¹³ текусан. тин ондос ¹⁴ Θεοτοкон се мегалиномен».	Τὴν τιμιωτέραν τῶν Χερουβείμ καὶ ἐνδοξοτέραν ἀσυγκρίτως τῶν Σεραφείμ, τὴν ἀδιαφθόρως Θεὸν Λόγον τεκοῦσαν, τὴν ὄντως Θεοτόκον, σέ μεγαλύνομεν.	Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу, Тя величаем.

Помимо обычных итацизмов, переданных в кириллической азбуке, наборщик также систематически использовал букву «ять» для обозначения звука «i», как это было принято в местной кириллической графике²³, передавая так самые разные сочетания букв (итацизм): ι (οὐράνιε = уранѣ, ἡμῖν = имѣн, ἐπιούσιον = епѣусион, ἀφίεμεν = афѣмен, τιμιωτέραν = тимѣотеран), η (θησαυρός = θѣсаврос, γενηθήτω = генѣфито, θέλημά = ѡелѣма, ὀφειλήματα = офилѣмата), ει (ἀεὶ = аѣ, βασιλεία = василѣа, πειρασμόν = пѣразмон, ἀειμακάριστον = аѣмакарисон), οι (οὐρανοῖς = уранѣс).

Омега довольно редко используется для обозначения звука или буквы «о». Указывается озвончение «т» после «н», произносимое и, соответственно, переданное в тексте как «д»: πανταχοῦ = пандаху, ὄντως = ондос; озвончается буква «с» перед звонким согласным: πειρασμόν =

²¹ В исследованном экземпляре из РНБ в слове «падна» две буквы зачеркнуты и исправлены сверху на правильное: «панда».

²² Буква «i» плохо пропечаталась.

²³ Исаевич Я.Д. Издательская деятельность Львовского братства в XVI–XVIII веках // Книга. Исследования и материалы. М., 1962. Сб. 7. С. 199–238, особ. с. 202.

пѣразмон. Замену буквы «фита» (θ) на «ферт» (φ) в некоторых случаях, видимо, можно объяснить неразличимостью в произношении этих букв в славянских языках: ἐλθέτω = елфето, γενήθῃτω = генѣфито. Возможно, желанием лучше воспроизвести произношение греческого слова следует объяснять замену «фиты» на «т»: ἀγιασθήτω = агиастито. Идентичный текст был опубликован во львовском «Букваре» 1692 г., для которого, очевидно, образцом послужил «Букварь» 1671 г. В новом издании изменены лишь в нескольких случаях буквы «он» на «от», а также в «Царю небесный» вместо «пандаху» читается «падаху».

Молитвы на греческом языке с параллельным славянским переводом появились уже в изданной Иваном Федоровым в Остроге в 1578 г. «Азбуке»²⁴. Источником для воспроизведения их текста мог послужить какой-то греческий «Часослов» («Орологион»), текст которого начинается с утренних молитв. Во львовские буквари 1671, 1692 и 1710 гг. включены не все тексты, опубликованные Иваном Федоровым, но лишь «Молитвами святых отец», «Царю небесный», «Святый Боже», «Слава отцу и сыну...», «Господи помилуй», «Отче наш». При этом окончание молитвенного правила («Достойно есть» и «Честнейшую Херувим»), которым завершается переложение молитв в «Букваре» 1671 г., у Ивана Федорова отсутствует.

Некогда для издания греческих текстов Иван Федоров использовал те же шрифты, которыми печатались и греческие тексты Острожской Библии 1581 г.²⁵ Типографам братства напечатать тексты молитв па-

²⁴ Grasshoff H., Simmons J.S.G. Ivan Fedorovs Griechisch-Russisch / Kirchenslawisches Lesebuch von 1578 und der Gothaer Bukvar' von 1578/1580. Mit einem Beitrag von H. Claus. Berlin, 1969. S. 3–29, Taf. 1–33; Острожская Азбука Ивана Федорова, 1578. Факсимильное издание / Подгот. изд., иссл. Е. Л. Немировского, словоуказатель А. М. Молдована, ред. Е. А. Смирнова. М., 1983. Экземпляр этого издания имеется в библиотеке в Копенгагене и два фрагмента — в Готе и Москве. См. также: Лукьяненко В.И. Переиздания первопечатной азбуки Ивана Федорова // Книгопечатание и книжные собрания в России до середины XIX в. Л., 1979. С. 24–25; Круминг А.А. Первопечатные славянские буквари // Федоровские чтения. 1983. Великий русский просветитель Иван Федоров. М., 1987. С. 83–87; Рамазанова Д.Н., Шустова Ю.Э. Кириллические Буквари. С. 178–182. О традиции включения молитв в учебники см.: Корзо М.А. Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI–XVIII вв. Становление, эволюция и проблема заимствований. М., 2007. С. 477–555.

²⁵ О шрифтах Острожской Библии см.: Фонкич Б.Л. Греческие тексты Острожской Библии // Федоровские чтения. 1981. М., 1985. С. 110–116; Исаевич Я.Д. Першодрукар Иван Федоров і виникнення друкарства на Україні. Львів, 1983.

раллельно на греческом и на славянском языке соответствующими шрифтами, как это сделал Иван Федоров, не удалось. Греческих шрифтов, которые использовались ранее в Остроге и во Львове при издании грамматики «Ἀδελφότης», в распоряжении братчиков уже не было. Еще в 1602 г. по просьбе князя Константина Острожского братство послало Острожской типографии имевшийся у них греческий шрифт для издания трудов александрийского патриарха Мелетия Пигаса²⁶. А в 1642 г. шрифт отправили в Яссы, где молдавский господарь Василий Лупу предполагал начать печатать книги на греческом языке в типографии при церкви Трех святителей²⁷. Видимо, эти шрифты обратно во Львов не вернулись, так что греческие тексты пришлось печатать в кириллической транслитерации. Такой пример издания греческих текстов не имеет аналогов в украинской книжности XVII–XVIII в. Зато любопытный аналог издания греческого текста молитв не только с параллельным переводом, но и с транскрипцией текста кириллицей обнаруживается в изданном в Москве в 1701 г. «Букваре» Федора Поликарпова. Приводимая транскрипция греческого текста более понятными буквами кириллицы позволяла при чтении следить за правильным произношением слов²⁸.

С. 70–71; Исаевич Я.Д. История издания Острожской Библии // Острожская Библия: Сб. статей. Отв. ред. А. А. Алексеев. М., 1990. С. 3–17.

²⁶ ЦГИА Украины, г. Львов. Ф. 129. Оп. 1. Д. 372. Оpubл.: MCS. Р. 855–856; Першодрукар Иван Федоров та його послідовники на Україні. С. 127–128; Киселев Н.П. Греческая печать на Украине в XVI веке. Иван Федоров и его последователи // Книга. Исследования и материалы. М., 1962. Сб. 7. С. 171–198, особ. с. 197–198; Шустова Ю.Э. Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства. С. 211; Тимошенко Л.П. Київський митрополит Михайло Рагоза та церковні братства Львівської єпархії: порозуміння і конфлікт // 3 історії західно-українських земель. 2015. Вип. 10–11. С. 29–30.

²⁷ ЦГИА Украины, г. Львов. Ф. 129. Оп. 1. Д. 550, 557, 558, 559. Оpubл.: [Письма из Молдавии Львовскому Ставропигийскому братству о помощи в восстановлении Успенской церкви] / Изд. А. С. Петрушевич // Временник Ставропигийского института. Львов, 1883. С. 174–175; Голубев С.Т. Киевский митрополит Петр Могила. и его сподвижники (опыт церковно-исторического исследования). Киев, 1898. Т. 2. Приложения. С. 203–204; Першодрукар Иван Федоров та його послідовники на Україні. С. 198–200; Шустова Ю.Э. Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства. С. 211–212.

²⁸ Поликарпов-Орлов Ф.П. Букварь славено-греко-латинский. Москва: Синодальная тип., [Печатный двор], июнь 7209 [1701]. Л. 40–51. См. описание: Рамазанова Д.Н., Шустова Ю.Э. Кириллические Буквари. С. 97–119, 289–313.

Обращают на себя внимание и небольшие отличия текста молитв в «Букваре» 1671 г. по сравнению, в том числе, и с приведенными Иваном Федоровым: в «Царю небесный» вместо ἐσκήνωσαν / «вселися (в ны)», как в книге 1578 г., употреблено «енскиносон». Идентичное употребление обнаруживается в изданном Ж. Гоаром в 1647 г. в Париже «Евхологионе» Восточной церкви²⁹. «Господи, помилуй», которое по изданию 1578 г. повторяется трижды, как принято в православной греческой традиции, в «Букваре» 1671 г. повторяется дважды, после чего следует «Господи, благослови» («Киріе елеисон, Киріе елеисон, Киріе евлог<i>i>сон»). Употребление здесь «Киріе евлог<i>i>сон», как представляется, подтверждает то, что приведенные молитвы предназначались для домашнего чтения в отсутствие священника: этим определялось произнесение самими верующими после «Слава отцу...» и формулы «Господи, помилуй» не просто «благослови», а «Господи, благослови».

Дважды произносимое «Господи помилуй» употреблялось в России в дониконовское время до церковной sprawy, которая привела русские богослужебные тексты в соответствие с существующей греческой практикой троичного произнесения этой формулы³⁰. В «Букваре» 1671 г. в текстах молитв на славянском языке «Господи помилуй» повторяется трижды перед «Слава» и «Отче наш»³¹, так что «Киріе елеисон» в греческом тексте, повторенное лишь дважды, могло быть случайной ошибкой, перекочевавшей в текст «Букваря» 1692 г. Но столь необычная формула в букварях 1671, 1692 и 1710 гг. могла быть и результатом копирования какого-то источника на греческом языке («Орологиона»). Так, например, идентичный порядок обнаруживается в римском издании «Νέον Ἀνθολόγιον» Антонио Аркудия, вышедшем

²⁹ Goar I. *Εὐχολόγιον sive rituale graecorum*. Lutetiae Parisiorum: Apud Simeonem Piget, 1647. P. 64.

³⁰ Сазонова Н.И. Литургическая реформа патриарха Никона (1654–1666 гг.): теологический аспект (на материале никоновской sprawy Требника и Часослова) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. Вып. 9. С. 192–196. «Господи, помилуй» повторялись трижды или же 30 и 40 раз. См.: Goar I. *Εὐχολόγιον*. P. 46.

³¹ См. также другие буквари этого времени, где «Господи помилуй» всегда утраивается (или же произносится еще большее число раз: 12 и т. д.), как и принято в православной традиции, например: Грамматика албо, сложеніе писмена... Вильна: Тип. Леона Кузьмича Мамонича, 1621. Изд. 3-е. Л. 45 об.

в 1598 г.: в текстах начальных молитв «Орологиона» в нем также имеется повторенное лишь дважды «Господи, помилуй», после чего следует «Господи, благослови»³². Пока что можно лишь сделать наблюдение, что именно в западных изданиях обнаруживаются текстологические совпадения с молитвами, вошедшими во львовский букварь. Как ни странно, опубликованный Иваном Федоровым в соседнем со Львовом Остроге образец домашних молитв, не был использован издателями «Букваря» 1671 г., поскольку приводимые в обоих изданиях тексты не во всем совпадают. Образцом для тех, кто подготовил транскрибированные кириллицей греческие тексты «Букваря» 1671 г., возможно, послужило какое-то привозное западное издание.

Во львовской братской школе в конце XVI столетия учебная программа предполагала изучение греческого языка, а также тесную связь с Восточной церковью и Константинопольским патриархом, в непосредственном подчинении которому находилось ставропигиальное Львовское Успенское братство. Но настоящий подъем, переживавшийся братством в конце XVI в. до Брестской унии, его тесные контакты с Константинополем, начатое издание греческих текстов специально созданным типографским шрифтом, был недолгим, хотя именно в это время во Львове оказались изданы и славяно-греческая грамматика «Ἀδελφότης», и небольшая «Азбука» с молитвами на греческом и славянском языках Ивана Федорова³³. Надежды на то, что во Львове или Остроге удастся создать учебное заведение для православных, выпускники которого могли бы владеть греческим языком — важнейшим для обращения как к подлинным евангельским и святоотеческим текстам, так и для понимания современного греческого богословия, полемики с католическими теологами и издания книг на греческом — не оправдались. Упоминания о преподавателях греческого языка в православных школах Речи Посполитой встречаются и в XVII столетии, но их деятельность явно не была постоянной³⁴. Позже обучение в пра-

³² [Arcudius A.] *Νέον Ἀνθολόγιον πλήρεσταιον τε καὶ ἀκριβέσταιον εἰς τὸ τὰς ψαλμῶν κανονικῶς ὥρας τε καὶ δεήσεις ἀναγινώσκειν*. Ἐκ τῆς Βατικανῆς τυπογραφίας, 1598. P. 117–118 («Орологион»). За сведения об этом тексте сердечно благодарим проф. Стефано Паренти (Рим).

³³ Киселев Н.П. Греческая печать на Украине. С. 171–198; Шустова Ю.Э. Документы Львовского Успенского ставропигийского братства. С. 171–176.

³⁴ Лильо I. Греки. С. 156.

вославных учебных заведениях Киева, Острога и других городов стало полностью основываться на западных моделях, предполагавших изучение в первую очередь латинского языка. П. В. Знаменский высказывал мнение, что уже во времена киевского митрополита Петра Могилы образование в братских школах велось «по образцу иезуитских коллегий» с преобладанием латыни³⁵.

Несмотря на то, что и книга для чтения Ивана Федорова, и львовские буквари 1671, 1692 и 1710 гг. были рассчитаны на один и тот же контингент учащихся-читателей³⁶, которые должны были знать основные молитвы и по-гречески, обучение греческому языку в братской школе, по-видимому, в сколь-нибудь существенных объемах не велось. Львовское Успенское братство не имело возможности издавать новые пособия для обучения учащихся даже с самыми элементарными греческими текстами нужным шрифтом. Ученики, таким образом, оказались вынуждены учить молитвенное правило «по-греческу лѣтерами рускими», и их знания вряд ли превышали объемы, требовавшиеся для запоминания молитв. После 1723 г. издание греческих текстов даже в таком виде во львовских букварах прекратилось, причем существенно изменилось и содержание букварей, которые начали ориентироваться на латино-католическую букварную традицию³⁷.

³⁵ Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881. С. 3–4.

³⁶ По мнению М.А. Корзо, «очевиден учебный характер данного раздела»: Корзо М.А. Украинская и белорусская катехетическая традиция. С. 534.

³⁷ Возобновление изучения греческого языка происходит лишь позже уже в Российской империи. См.: Посохова Л.Ю. Православні колеґіуми України наприкінці XVII – на початку XIX ст. Дис... д. і. н. Харків, 2011. С. 136–137.

Т.А. Матасова

Московский гос. университет имени М.В. Ломоносова

К вопросу о деятельности греков-эмигрантов «второго поколения» в России в первой четверти XVI века

Один из ключевых этапов взаимодействия России с греческим миром пришелся на время правления великого князя Ивана III (1462–1505) и пребывания в России его второй супруги Софьи Палеолог (1472–1503). Вместе с ней из Рима в Москву приехали многие греки¹. Иные потом возвратились в Италию², но часть греков осталась в России служить великому князю³. По именам известны лишь немногие: «бояре великой княгини Софьи»⁴ Дмитрий Мануилович и Юрий Мануилович Траханиоты, князь Константин Мангупский (прп. Кассиан Учемский⁵),

¹ ПСРЛ. Т. 25. М., 2001. С. 296.

² ПСРЛ. Т. 25. С. 299–300.

³ Комплексное осмысление деятельности греков в России этого времени см.: Флоря Б.Н. Греки-эмигранты в русском государстве второй половины XV — начала XVI в.: Политическая и культурная деятельность // Руско-балкански културни врѣзки пред Средневековието. София, 1982. С. 120–140. См. также: Матасова Т.А. Великая княгиня Московская Софья Палеолог (1472–1503) и ее окружение // Русские княгини и их дворы в XIXVI веках / Отв. ред. А.Л. Корзинин. М.; СПб., 2023. С. 287–288.

⁴ Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1790. Ч. 13. С. 4–5; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 16.

⁵ О нем и об основанной им обители см. подробно: Голейзовский Н.К. Начало деятельности Кассиана Учемского по письменным источникам // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2002. № 4. С. 20–27; Матасова Т.А. Прп. Кассиан Учемский — грек из окружения Софьи Палеолог и его канонизация при Михаиле Романове: доверие духовным авторитетам // Управленческое консультирование. 2022. № 2. С. 153–164; Матасова Т.А. Прп. Кассиан Учемский — грек из окружения Софьи Палеолог и чудотворец «от Итталийския страны»: К истории церковного почитания святого в XVI–XIX вв. // История и культура Ростовской земли.

и, вероятнее всего, Мануил Ангелов и братья Дмитрий и Мануил Ралева. Некоторые греки прибыли позднее: в 1485 г. в Москве оказался Иван Раль «Палеолог»⁶, в 1496 — Федор Ласкарь (Лыскарь, Ласкарев, Ласкирев)⁷. Широко известна их дипломатическая, а также книжная (в т.ч. переводческая) деятельность, иные нашли себя в церковном служении. Все они были людьми разного возраста и уникального жизненного опыта, но их объединяло то, что они оплакивали падение Византийской империи и постигли сложности эмиграции. Те из них, кто на каком-то этапе своей жизни оказался в Италии, внимал проповедям кардинала Виссариона (1403–1472) о необходимости искать способы противостояния османам и спасения их родины. Известно, что Виссарион — и вслед за ним греки! — возлагали большие надежды на Россию и лично на Ивана III, который, будучи «зятчем деспота Фомы Палеолога»⁸, должен, как надеялся кардинал, стремиться отвоевать свое византийское наследство у султана, а значит, мог бы стать опорой в борьбе европейского мира с турецкой агрессией. Именно этими надеждами объясняется искреннее стремление греков служить московскому государю верой и правдой на самых разных поприщах⁹.

Материалы XXIX научной конференции. Ростов, 2020. С. 43–52; Матасова Т.А. Монастырь и мир: Кассианова Ученская пустынь во времена Петра Великого (исследование материалов рукописи из Собрания Н.С. Тихонравова № 234) // Источники по истории русского средневековья. М., 2022. Вып. 1. С. 219–292.

⁶ ПСРЛ. М., 2001. Т. 8. С. 216; М., 2000. Т. 12. С. 216 («Иван Рало Палеолог»). Этот грек отношения к Палеологам, конечно же, не имел. См.: Скржинская Е.Ч. Кто были Ралева, послы Ивана III в Италию? // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 267–281.

⁷ ПСРЛ. Т. 12. С. 241; Пг., 1921. Т. 24. С. 241; М.:Л., 1959. Т. 26. С. 289.

⁸ Эти слова из «Дневников» венецианского сенатора Доменико Малипьеро широко известны. См.: Annali Veneti dall'anno 1457 al 1500 del senatore Domenico Malipiero, ordinate ed abbreviate dal senatore Francesco Longo // Archivio storico italiano. Vol. VII. Parte 1. Firenze, 1843. P. 106. Рус. пер. отрывка см.: Скржинская Е.Ч. Русь, Италия и Византия в средневековье. СПб., 2000. С. 281. Совершенно понятно, что Московская Русь, едва освободившаяся от зависимости от Орды, была не в состоянии противостоять Османской империи, располагавшей в тот период сильнейшей армией мира, и Иван III вовсе не собирался воевать с турками. Тем не менее, надежды венецианских греков были столь сильны, что в Венеции выдавали желаемое за действительное.

⁹ Матасова Т.А. Влияние или молчание? Еще раз о роли Софьи Палеолог при дворе Ивана III и степени ее участия в привлечении итальянских мастеров в Москву // Исторический вестник. 2020. Вып. 33. С. 301 и др.

Некоторые греки «первого поколения» приехали с сыновьями: Дмитрий Траханиот — с Юрием и Мануилом, Мануил Ангелов — с Микулой¹⁰, Федор Ласкирев — с Дмитрием. В отличие от родителей, прибывших на Русь уже взрослыми людьми, становление греков «второго поколения» происходило в России¹¹. Их активная деятельность пришлась на время правления сына Ивана III и Софьи — Василия III (1505–1533) «Палеолога» (как его назвал в 1518 или 1519 г. Максим Грек¹² и позднее Антонио Поссевино¹³).

Греки «второго поколения» в гораздо большей степени оказались интегрированы в русскую служилую аристократию¹⁴, они сами больше ассоциировали себя с русским миром, разделяя его традиции и устремления. Интереснейшие наблюдения в этом отношении сделала Л.В. Мошкова, которая обратила внимание, что даже почерки греков второго (и особенно третьего!) поколения уже в меньшей степени обнаруживают привычки к греческому письму (или не обнаруживают ее вовсе)¹⁵. Но главное — они уже не питали иллюзий относительно участия русских государей в антитурецкой борьбе (хотя римские папы

¹⁰ Нередко Микула воспринимается братом Мануила, но это не так. См. подробно: Русские княгини... Приложение 2 (подготовка материалов и вступительной статьи Т.А. Матасовой). С. 483–484.

¹¹ Дмитрий Ласкирев, впрочем, явно учился писать еще до приезда в Россию и до зрелых лет писал «грецизированными буквами». Но его сын, однако, уже писал в русских традициях. Мошкова Л.В. Почерки «второго и третьего поколения» // Палеография, кодикология, дипломатика: Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Материалы Международной научной конференции в честь 80-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской Академии Бориса Львовича Фонкича. Москва, 27–28 февраля 2018 г. М., 2018. С. 152–153.

¹² Преподобный Максим Грек. Сочинения / Отв. ред. Н. В. Сеницына. М. 2008. Т. 1. С. 119.

¹³ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 216.

¹⁴ Об этом говорит даже их вовлеченность в земельные отношения, в куплю-продажу своих имений. См., напр.: Кустерев С.Н. Акты Московского Чудова монастыря 1507–1606 гг. // Русский дипломатарий. М., 2003. Вып. 9. С. 63.

¹⁵ Мошкова Л.В. Почерки «второго и третьего поколения» // Палеография, кодикология, дипломатика: Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Материалы Международной научной конференции в честь 80-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской Академии Бориса Львовича Фонкича. Москва, 27–28 февраля 2018 г. М., 2018. С. 152–160.

продолжали на это надеяться и в первой четверти XVI в.¹⁶). Сохраняя естественную для любого человека память о своем происхождении¹⁷, потомки приехавших в Россию греков в своей деятельности исходили, по-видимому, из тех же идей, что и их русские современники.

В последние годы больше всего новых фактов удалось выявить о фигуре, существование которой еще десятилетие назад лишь предполагалось. Речь идет о Мануиле Дмитриевиче Траханиоте, которого недавно и во многом благодаря открытию и анализу письма Андрея Палеолога 1475 г. удалось отождествить с епископом Тверским Нилом († 1521)¹⁸. Отметим здесь, что интерес Мануила, по-видимому, с юных лет был направлен на сугубо богословские сюжеты. Так, он был причастен к переводу «с римского языка» «Прения Афанасия с Арием»¹⁹ — текста, сыгравшего важную роль при разгроме «ереси жидовствующих» конца XV в.

Уже будучи в епископском сане, Мануил-Нил написал два послания, которые обнаруживают как его широчайший кругозор, так и его знакомство с преданиями Святой Горы Афон. Одно из этих посланий, об артосе, адресовано некоему вельможе Георгию Дмитриевичу²⁰, по мнению В.С. Иконникова — Юрию Тютину²¹, по мнению

¹⁶ Об этом красноречиво свидетельствует тон папских посланий, адресованных Василию III, и если Лев X обращается к московскому государю «благородный муж», то Климент VII называет его «возлюбленный сын». См.: *Григорович И.* Переписка пап с российскими государями в XVI в., найденная между рукописями в Римской Барбериниевской библиотеке. СПб., 1834. С. 3–15; см. также: *Шмурло Е.Ф.* Рим и Москва. Начало сношений Московского государства с папским престолом. 1462–1528 // Записки Русского исторического общества в Праге. Нарва. Прага Чешская. 1937. Вып. 3. С. 91–136

¹⁷ Особенно поражает сложившаяся, видимо, ранее XVII в. легенда о роде Ласкиревых, которая возводит род этих московских греков ко времени императора Константина и связывает с императорской династией Ласкарисов. См.: *ВОИДР.* Кн. 10. С. 176–178.

¹⁸ См.: *Матасова Т.А., Воробьев Г.М.* Новый документ по истории связей греческого мира и России последней четверти XV в. // *Византийский временник.* 2016. Вып. 100. С. 256–270; *Матасова Т.А.* Нил Грек (Траханиот), еп. Тверской // *Православная энциклопедия.* М., 2018. Т. 51. С. 164–166.

¹⁹ *Матасова Т.А., Воробьев Г.М.* Указ. соч. С. 264–265.

²⁰ *Никольский Н.К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности // *Христианское чтение.* 1909. № 8–9. С. 1115–1119.

²¹ *Иконников В.С.* Максим Грек и его время. Киев, 1915. С. 460.

А.А. Турилова — Юрию Дмитриевичу Траханиоту (брату Нила)²². Другое адресовано князю Дмитровскому Юрию Ивановичу (1480–1536), второму сыну Ивана III и Софьи Палеолог²³. Несмотря на то, что эти произведения довольно хорошо изучены, взглянемся в их содержание.

В послании об артосе, несправедливо названном архиеп. Филаретом (Гумилевским) «незначительным сочинением»²⁴, представлена первая в русской книжности краткая версия рассказа о посещении Пресвятой Богородицей Афона (пространное «Воспоминание отчасти Святыя Горы Афонския...», появляется в русской книжности в первой трети XVI в.²⁵). Послание Нила Грека в одном из своих сочинений использовал прп. Максим Грек²⁶. Иными словами, русский мир познакомился с образом Святой Горы как удела Пресвятой Богородицы благодаря еп. Нилу.

Второе послание, адресованное князю Юрию Ивановичу, представляет собой ответ на письмо князя. Во время возведения церкви в селе Покровском (недалеко от города Кашина) погиб плотник, и князь не знал, как правильно совершить чин погребения над человеком, умершим внезапной смертью. Желая успокоить князя, Нил рассказал о внезапной смерти прп. Афанасия Афонского и изложил вариант апокрифического сказания о Лоте, взрастившем крестное древо. Мотив включения рассказа о Лоте пока неясен. Но на значимости для русской культуры сведений о том, что плотника следует «поминати, яко про прочем христианине»²⁷, стоит сказать особо.

²² *Турилов А.А.* «Воспоминание отчасти Святыя Горы Афонския, како наречена бысть Святая Гора и коих вин [дел] ради тако прозвася» // *Православная энциклопедия.* Т. 9. М., 2005. С. 467–468.

²³ *Ржига В.Ф.* Новый вариант сказания о Лоте // *Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.* 1928. Т. 1. Кн. 2. С. 504–506. Этот памятник был вторично издан В.Г. Брюсовой (См.: *Брюсова В.Г.* Тверской епископ грек Нил и его Послание князю Георгию Ивановичу // *ТОДРЛ.* Л., 1974. Т. 28. С. 186–187.) Текст сохранился в единственном списке из Мазуринского собрания РГАДА. (Ф. 196. № 642. Лл. 349–350). Отметим, что датировка кодекса, где содержится этот памятник, сегодня пересмотрена. По мнению И.В. Жучковой, это первая половина XVII столетия, а не XVI в., как полагала В.Г. Брюсова. Благодарю Л.В. Мошкову (РГАДА) за предоставление этих сведений о рукописи.

²⁴ *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Обзор русской духовной литературы. Кн. 1–2. СПб., 1884. С. 136.

²⁵ *Турилов А.А.* Указ. соч.

²⁶ См.: *Брюсова В.Г.* Указ. соч. С. 185.

²⁷ Там же. С. 187.

Нил повествует, как прп. Афанасий Афонский осматривал уже построенный храм в честь Пресвятой Богородицы в Великой Лавре, поднялся для этого на самый верх, оступился и упал. «И ныне — продолжает Нил, — в церкви той есть башмак и полон крови его, иже был на ноге его и от тех мест и доныне православным на исцеление»²⁸. Этим рассказом Нил подчеркивает, что умершие внезапной смертью не только не оказываются автоматически во власти дьявола (как не исповедовавшиеся и не причастившиеся перед смертью), а могут достичь великой святости.

Эти детали особенно значимы, поскольку в то время в русском обществе не было однозначного мнения, можно ли вообще отпевать тех, кто умер внезапной смертью (отсюда и вопрос князя). Из жития прп. Даниила Переславского († 1540) известно, что на рубеже XV–XVI вв. этот праведник тайно и ночью (то есть чтобы не быть узнанным и пойманным) собирал вдоль дорог и в лесах тела внезапно умерших людей и отпевал их²⁹. Это противоречило народной традиции отношения к таким смертям. По наблюдениям И.А. Афанасьевой, народный обычай не-почитания внезапно скончавшихся покойников, нежелание их поминать и хоронить на общих кладбищах нашли яркое отражение в фольклоре. Нередко люди находились в плену суеверий и остатков языческих представлений, согласно которым души людей, не успевших принести покаяние перед смертью и причаститься, могли стать «душами-скитальцами», не нашедшими покоя. Подобных призраков боялись, полагая, что они могли причинить вред живым³⁰.

²⁸ Там же. С. 187

²⁹ «Когда [Даниил. — Т.М.] слышал, что где-нибудь лежит поверженным на распутии какой странник, или умерший от мраза, или заеденный зверями, или убитый от разбойников, или скончавшийся другою какою внезапною смертию, то сам он, тайно от всех, ночью исходил из монастыря и, по сказанию поведующих, отыскивал тело несчастно погибшего, лобызал его, проливал над ним горькие слезы, и на раменах своих относил в скудельницу, называвшуюся дом убогих; здесь совершал он над ним надгробное пение и полагал в скудельную гробницу. У себя в Горицком монастыре преподобный служил за тех несчастных божественную литургию и со всем усердием заботился, чтобы христианские тела не оставались без погребения поверженными на земле и обреченными на снадение лютым зверям и кровожадным птицам». См.: Житие прп. отца нашего Даниила, Переславского чудотворца / Сост. архим. Модест. СПб., 1901. С. 7.

³⁰ Афанасьева И.А. Прп. Даниил Переславский — предвестник перемен в практике поминовения внезапно скончавшихся покойников. Доклад на круглом

Прп. Даниил Переславский боролся против этих предрассудков, «понимал необходимость поминовения “нечаянно скончавшихся” покойников и хотел построить церковь для совершения заупокойной молитвы рядом со скудельницей [где таких мертвецов хоронили в общих могилах. — Т.М.]»³¹. Это стоило преподобному больших трудностей. Только в 1548 г. установлением «общей памяти» митрополитом Макарием было узаконено общее поминовение покойников умерших «нечаянной» смертью³².

Как видим, рекомендация Нила отпеть погибшего плотника по общему чину — важный момент на пути складывания этой нормы. Примечательно, что прп. Даниил Переславский был духовником великого князя Василия III и крестным отцом Ивана Грозного. Прп. Даниил наставлял великого князя, а Нил давал совет его родному брату. Несомненно, еп. Нил входил в уникальную духовную и культурную среду близких двору интеллектуалов, которая сформировалась на рубеже XV–XVI вв. и — более того! — оказал влияние на характер и устремления этой среды.

Показательно и по-своему неожиданно, что в текстах о деятельности еп. Нила Тверского не обнаруживается (во всяком случае, пока) какого-либо интереса к западному миру и/или ренессансной традиции, что отличало его отца и особенно дядю — Юрия Мануиловича Траханиота, не раз ездившего в латинские страны, в т.ч. к миланскому (1486 г.)³³ и имперскому дворам (1489, 1490 и 1493 гг.). Нельзя исключать, что Юрий Мануилович мог быть причастен и к переводу на русский язык совершенно

столе «Русская Церковь в XV–XVI вв.: вызовы эпохи», состоявшийся 17.12.2018 на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. См.: <http://www.hist.msu.ru/departments/8813/news/46247/> Дата обращения: 24.11.2024. См. также: Алексеев А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 2016. С. 145–147; Сорокин А.Н. Скудельницы древнего Новгорода (к вопросу об особенностях погребального обряда в чрезвычайных ситуациях) // Исторические исследования. М., 2015. № 3. С. 239. Благодарю И.А. Афанасьеву за консультации по этому вопросу.

³¹ Афанасьева И.А. Прп. Даниил...

³² Алексеев А.И. Установление «общей памяти» при митрополите Макарии. Исторический экскурс: церковное поминовение умерших «напрасною» смертью // Макарьевские чтения. Вып. 6: Канонизация святых на Руси. Материалы VI Российской научной конференции, 10–12 июня 1998 г. Можайск, 1998. С. 102–122.

³³ Barbieri G. Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Bari, 1957. P. 43–49; 90–95; Рус. пер. см.: Гуковский М.А. Сообщение о России Московского посла в Милан (1486). // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М., Л., 1963. С. 648–655.

уникального произведения — Первой книги «Географии» Помпония Мелы³⁴. Епископ же Нил полностью отстранился от тех задач и настроений, которые развивали в своей деятельности его отец и особенно дядя. Если нет сомнений, что он знал латынь, то владел ли он, например, итальянским, остается загадкой. А ведь отличительной чертой эпохи Василия III является продолжение (и, можно думать, даже укрепление!) связей с ренессансной Европой³⁵. Если ранее это направление внешней политики было нереализуемо без участия греков, то теперь оказывалось вполне возможным обходиться без них³⁶.

Как кажется, сфера применения талантов и знаний греков «второго поколения» сместилась с дипломатии и переводов на знакомство с традициями греческого православия. Знакомство это не ограничивалось текстами. Показательно, что на правление Василия III приходится как продолжение динамичных связей с Римом и Венецией, так и активизация сношений с Афоном: великий князь не раз обменивался посольствами со святогорскими обителями, в т.ч. щедро жертвовал Пантелеимонову монастырю, чтобы там «по вся дни» поминали его отца и мать-гречанку³⁷. По справедливому мнению С.М. Каштанова, «упоминание Софьи было очень важно, так как с ней связывалось обоснование преемственности Василия III от византийской династии Палеологов»³⁸. А епископу Нилу Тверскому принадлежит инициатива возобновления связей с Константинопольским патриархом: в 1515 г. он отправил ему роскошные дары, состоявшие из северных диковин. Нил также контактировал с игуменом Ватопедского монастыря Мартирием, посол которого старец Нифонт в 1515 г. посетил Москву.

³⁴ См. подробно: Матасова Т.А. Античный географический трактат в Московской Руси: Первая книга «Географии» Помпония Мелы в древнерусском переводе // Средневековая Русь. 2016. Вып. 12. С. 305–307.

³⁵ М.Б. Плюханова даже утверждает, что к 1526 г. Василий III «был как никогда близок к союзу с Римом». (См.: Плюханова М.Б. Образы символического перемещения церкви в Италии и в России в XV в. // Царский храм: Благовещенский собор Московского Кремля в истории русской культуры. М., 2008. С. 389) Но даже если это признать преувеличением, сложно не заметить западную ориентацию Василия III, характеризующую целый ряд явлений русской культуры эпохи его правления.

³⁶ Так, посольством в Рим 1525 г. руководил Дмитрий Герасимов, посольством 1527 г. — Еремей Трусов и Шарап Лодыгин.

³⁷ Россия и греческий мир в XVI в. М., 2004. Т. 1. С. 147.

³⁸ Там же. С. 27.

Интересно, что Траханиоты — и первого, и второго поколения, вне зависимости от степени интеграции в «западную тематику» — перед смертью принимали иноческий постриг. В одном из недавно введенных в научный оборот синодиков Успенского собора Московского Кремля содержатся уникальные свидетельства: вечная память провозглашается «Димитрию Мануиловичю, нареченному во иноцех Дионисию, и брату его Юрию Мануиловичю, нареченному во иноцех Герману, Юрию Дмитриевичю, нареченному во иноцех Геннадию, Траханиотом»³⁹.

Отмеченную тенденцию трансляции на Руси афонских преданий подтверждает и пример Дмитрия Ласкирева, приехавшего (видимо, юношей) в Россию в 1496 г., по-видимому, все-таки не из Венгрии, а из Литвы⁴⁰ с отцом Федором. Дмитрий Ласкирев сделал успешную придворную карьеру в Москве. В отличие от Нила Тверского, он неоднократно ездил в Европу⁴¹ (в т.ч. в Священную Римскую империю в 1514 г.⁴²), но гораздо

³⁹ Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А.В. Антонов. М., 2011. С. 175–176.

⁴⁰ Иногда исследователи упоминают о том, что Федор Ласкарь с сыном Дмитрием прибыл из Венгрии (см., напр., Брюсова В.Г., Щанов Я.Н. Новгородская легенда о Мануиле, царе греческом // Византийский временник. М., 1971. Вып. 32. С. 92, прим. 41) в 1496 г. от двора Матяша Корвина, однако это ошибка: король Матяш Корвин умер в 1490 г. С.М. Каштанов предполагает, впрочем, что они сначала служили Матяшу Корвину, но потом перебрались в Литву, откуда и приехали в Москву. См.: Каштанов С.М. Возвращение Обрюты // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2020. Вып. 25. С. 50, прим. 32. Некоторые летописи содержат сведения, что Федор и Дмитрий прибыли «из Царяграда» (ПСРЛ. Т. 12. С. 241; Пг., 1921. Т. 24. С. 241; Т. 26. С. 289). Вероятно, такие сведения так или иначе связаны с упомянутым в генеалогии Ласкиревых фактом, что «Федор Дмитриев сын был тысяцкого Царегородского» (ВОИДР. Т. 10. С. 121).

⁴¹ Вологодско-Пермская летопись ошибочно сообщает, что в 1504 г. Дмитрий Ласкирев вместе Митрофаном Карачаровым вернулись из Италии (ПСРЛ. Т. 26. С. 296). На самом деле, речь шла о Дмитрие Ралева («Лареве»). О посольстве в Италию 1498–1504 гг. см. очень подробно: Матасова Т.А. Русские посланники в Венеции на рубеже XV–XVI столетий (по известиям Марино Сануто // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2. С. 64–74.

⁴² ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 397, 404; Т. 12. С. 17, 23; Т. 8. С. 254, 258; Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851. С. 176; Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым. СПб., 1897. С. 6. (Нередко исследователи совершают ошибку, называя Дмитрия Ласкирева послом в Данию. В Данию в 1514 г. отправились Иван Микулин Заболоцкий и Василий Александров, и в документах датского посольства упомянуто посольство в Империю в 1514 г., которым действительно руководили Дмитрий Ласкирев и Елизар Суков.)

более важно то, что он сохранил память о значимых для греческого мира после 1453 г. преданиях. Так, с его слов было записано «Сказание о чудотворном явлении Спасова образа» византийскому императору Мануилу, которое представляет собой предысторию иконы «Спас на престоле» из новгородского Софийского собора⁴³. Сын же Дмитрия — Михаил — стал совершенно обрусевшим представителем служилой аристократии.

Брат же епископа Тверского Нила — Юрий Дмитриевич Траханиот («Юшка Малой») — широко известная фигура, как прославившаяся на государственной службе, так и проявившая себя в книжной деятельности⁴⁴. Известно, что он общался с Сигизмундом Герберштейном и, по всей видимости, сыграл свою роль в том, что габсбургский дипломат упомянул о значительной роли Софьи Палеолог при московском дворе⁴⁵ (хотя в действительности эту роль не стоит преувеличивать⁴⁶). Но и он не обнаружил каких-либо уверенных «западных» устремлений.

Но особенно показательным в этом отношении является пример семьи Ангеловых. Если Мануил Ангелов дважды ездил в «Италийские страны» (в 1483–1484 и 1493–1494 гг.), то его сын Микула «во Фрязах» не был ни разу, не известны и какие бы то ни было его инициативы, которые можно было бы хоть как-то интерпретировать как связанные (хотя бы косвенно) с ренессансной традицией и ее трансляцией. Он верой и правдой служил «государю всея Руси» (в т.ч. ездил в 1487 г. к Пермскому епископу Филофею в затерянную среди зырянских лесов Усть-Вымь⁴⁷, а позже участвовал во многих придворных церемониях и государевых выездах, с 1509 г. он имел титул «печатника»

⁴³ ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 211. См. также: Брюсова В.Г., Щапов Я.Н. Указ. соч. С. 92–94; Кириллин В.М. Предание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия»: текстологическое и историко-литературное исследование // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2005. Вып. 12. С. 119.

⁴⁴ Буланин Д.М. Траханиот Юрий Дмитриевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI вв. Вып. 2. Л–Я. С. 437–438.

⁴⁵ См.: Матасова Т.А. Софья Палеолог. М., 2016. С. 145–146.

⁴⁶ Матасова Т.А. Влияние или молчание?..; Матасова Т.А. Участие Софьи Палеолог в придворных церемониях // Средние века. 2023. Вып. 84. № 3. С. 85–10.

⁴⁷ Эта исключительно важная поездка подробно рассмотрена здесь: Матасова Т.А. Епископ Пермский Филофей и московские греки в последней четверти XV – начале XVI в. // Четвертые Мяндинские чтения. Сборник материалов. Сыктывкар, 2024. С. 252–266.

Василия III⁴⁸). За свою службу Микула получил во владение подмосковное село Ангелово⁴⁹. Впрочем, несомненно, что он был образованным человеком, и эти интеллектуальные традиции он, вероятно, передал своему сыну Андриану (Адриану, ум. после 1563 г.), который впоследствии стал известным книжником и келарем основанной прп. Сергием Троицкой обители. Примечательно, что в деятельности Андриана Ангелова следов знакомства с гуманистическими исканиями и тенденциями (и тем более их развития) также пока не замечено⁵⁰.

Итак, вектор устремлений и самореализации греков «второго поколения» в России несколько отличался от характера деятельности их отцов. Сыновья греков-эмигрантов «первого поколения» не менее ревностно служили московскому государю, но в гораздо большей степени (и вполне закономерно!) оказались включены в систему служебных отношений русской аристократии. Они в большей степени были ориентированы на богословскую традицию, на трансляцию традиций и преданий афонских обителей. В эпоху становления идеологии Московского государства и сопровождавшей его рефлексии о месте православной России в мире сведения и настроения, содержащиеся в этих текстах, заняли не последнее место в русской культуре. Важной характеристикой службы греков «второго поколения» в Москве является почти полное отсутствие свидетельств об их роли в развитии связей с Западом, что отличало греков «первого поколения». Вполне закономерно, что нет сведений о вовлеченности сыновей и внуков греков, прибывших с Софьей, в распространение в России каких бы то ни было ренессансных традиций.

⁴⁸ См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 44. Подробнее о карьере Микулы Ангелова см.: Русские княгини... С. 484–486; Кузьмин А.В. На пути в Москву: Очерки генеалогии военно-служилой знати. М., 2015. Т. 2. С. 137.

⁴⁹ Веселовский С.Б. Подмосковье в древности. Названия, связанные с выходами из южных стран // Веселовский С.Б. Московское государство XV–XVII вв. Из научного наследия. М., 2008. С. 66–67.

⁵⁰ См. о нем: Макарий (Веретенников), архим. Келарь Троице-Сергиевой обители — старец Адриан Ангелов // Альфа и Омега. М., 1995. № 2 (5). С. 117–128; Адриан Ангелов // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 314–315; Кучкин В.А. Завещание С.Д. Пешкова-Сабурова и Евангелие Андриана Ангелова // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 139–145.

П.В. Крылов
Санкт-Петербургский институт истории РАН

Документы Конгрегации Пропagанды Веры о положении францисканцев на Балканах в 1670-е гг. из коллекции Н.П. Лихачёва в Архиве СПбИИ РАН

Территория Боснии со времён высокого средневековья отличалась своеобразной религиозной ситуацией, выражавшейся в широком распространении дуалистической богомильской ереси, покровительство которой оказывали не только местные магнаты, но и правители, что заставляло авиньонского папу Урбана V (1362–1370) сокрушённо называть Боснию «мировым средоточием еретиков». ¹ Помочь печальному состоянию дел, особенно усугубившемуся в период правления сербского короля Стефана Душана (1331–1355) из-за опасений католической иерархии перед усиливавшимся влиянием православия, должно было активное внедрение в Боснию братьев ордена Святого Франциска. Число францисканских монастырей достигло 35 менее чем за столетие активной миссионерской работы против богомилов. Впрочем, попытка князя Твртко II (1404–1409, 1421–1443) опереться на поддержку францисканцев ради сохранения княжеской короны и организации сопротивления турецкой экспансии оказалась неудачной. В 1463 г. Босния была завоёвана османами, в правление которых богомилство полностью потеряло свои позиции, уступив исламу и православию. Положение боснийских католиков было тем более шатким, чем более упорной была борьба Оттоманской Порты с австрийскими Габсбургами за власть над балканскими народами, что привело к уменьшению числа францисканских монастырей более чем втрое.

¹ *Runciman Steven*. The medieval Manichee. A study of the Christian dualist heresy. N-Y., 1961. P. 111.

Епископ Мариан Маравич, объехавший Боснию с визитацией в 1655 г. насчитал всего 10 обителей, ² констатируя при этом, что лишь небольшое число приходов содержат собственные церкви, между тем как мессы совершаются главным образом на кладбищах или у верующих на дому. ³ Братья были вынуждены объезжать известные им католические семьи верхом на лошадях в одеждах мирян и преподавать причастие своей пастве в ходе частных богослужений. Такая практика оказалась весьма живучей, сохранившись до начала XIX в., о чём с удивлением сообщал побывавший тогда на Балканах французский дипломат и путешественник Жан-Батист Шометт де Фоссэ. ⁴ Тем не менее, католическая община Боснии оставалась довольно крупной.

По свидетельству Петера Масареки, албанского католического священника и апостолического визитатора, она насчитывала в 1624 г. 150 тысяч человек, то есть католиков было вдвое больше, чем православных (75 тысяч), хотя и втрое меньше, чем мусульман (450 тысяч). ⁵ Главной угрозой существованию францисканских монастырей была необходимость выплачивать постоянные и чрезвычайные подати в пользу турецких властей. Так в 1603 году за право продолжить свою деятельность орден получил требование выплатить 3000 империалов, ⁶ притом, что ввиду крайней бедности боснийских католиков, единственным источником средств провинции Босна Сребрена были пожертвования заграничных единоверцев. Ещё одна опасность исходила от православной Печской патриархии, воссозданной в 1557 году при османском покровительстве. С ведома османских властей, патриархи считали для себя возможным осуществлять епископскую власть над местными католиками, рассматривая себя в качестве полноправных пастырей всех христиан живущих «во всей сербской земле и поморской и в северных странах и остальных», как звучал их титул. ⁷

² *Malcolm Noel*. Bosnia: a short history. N-Y., 1994. P. 56.

³ *Ibid*. P. 99.

⁴ *Chaumette-des-Fossés Amedée*. Voyage en Bosnie dans les années 1807 et 1808. Berlin, 1812. P. 7.

⁵ *Draganović Krunoslav*. Izvješće apostolskog vizitatora Petra Masarechija o prilikama katoličkog naroda u Bugarskoj, Srbiji, Srijemu, Slavoniji i Bosni g. 1623 i 1624 // *Starine jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti*. vol. 39 (1938). P. 10.

⁶ *Malcolm Noel*. Bosnia: a short history. N-Y., 1994. P. 56.

⁷ Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М.: Наука, 1984. С. 224.

Боснийские францисканцы бомбардировали своё начальство тревожными известиями о том, что православные иерархи стремятся подчинить их себе с целью насаждения восточного богослужебного ритуала, и просили денег для решения проблемы перед турецкими властями при помощи взяток.⁸ На протяжении XVI–XVII вв. права католиков Боснии неоднократно подтверждались султанскими фирманами, которые едва ли могли всегда быть получены без денежных подарков османским чиновникам.⁹

Полностью вписываются в описанный выше контекст представленные к публикации документы, отложившиеся в коллекции Н.П. Лихачёва, которая сегодня хранится в фонде западноевропейской секции Архива Санкт-Петербургского института истории РАН. Фонд представляет собой входящую корреспонденцию Галеаццо Марескотти (1627–1726), титулярного архиепископа Коринфа, занимавшего пост апостолического нунция в Испании в 1671–1675 гг. Автор публикуемых текстов — кардинал Палуццо Альтиери (1623–1698), племянник папы Климента X (1670–1676). В годы понтификата последнего он занимал несколько важнейших постов при Святом Престоле, в том числе, пост префекта Конгрегации Пропagанды Веры и камерария (камерленго) Римско-католической Церкви. Первым от 15 февраля 1672 г. следует сопроводительное письмо с изложением плачевного положения дел в Кральевой Сутице и написанный на латинском языке бланк рекомендации на право сбора пожертвований с пропущенным именем служителя, которому он будет поручен. Письмо от 11 мая 1673 г., судя по его тексту, было ответом на некое сообщение нунция в Мадриде в адрес префекта от 4 мая 1672 г. по поводу организации благотворительной кампании на испанской территории. Наконец, письмо от 9 января 1674 г. содержит имя брата Франциска Злачевича, уполномоченного боснийским провинциалом Петаром Травничанином на проведение сбора.

Очередная попытка печского патриарха Максима I Скоплянца (1655–1674) навязать францисканцам своё покровительство пришлось

⁸ *Malcolm Noel*. Bosnia... P. 99.

⁹ Перечень актов турецких властей в пользу францисканских монастырей в Боснии см.: *Gavran Fra Ignacije*. Suputnici bosanske povijesti. Svjetlo riječi. Sarajevo, 1990. Str. 45–64. <https://www.bosnasrebrena.ba/povijest-provincije/od-podjele-provincije-do-opsade-beca-1514-1683> Последний вход 09.02.2025.

на 1661 г. Фоном стала изнурительная Кандийская война между Венецией и Османской Портой за обладание Критом (1645–1669).¹⁰ Публикуемые документы свидетельствуют о том, что план не был забыт и после окончания войны и временной нормализации отношений с Венецией. Так или иначе сумма претензий турецких властей к монастырю в Кральевой Сутьеске в размере 5000 тысяч империалов подтверждается в книге Франьо Судича Варадинаца *Libellus hoc nomine Pastor bonus*, увидевшей свет в Венеции в 1679 г. Между тем, в деле внесения выкупа за боснийских францисканцев автор особенно выделял заслуги римского папы Иннокентия XI (1676–1689, в миру Бенедетто Одескальки, 1611–1689).¹¹ Документы из фонда СПБ ИИ РАН показывают, что их защитой был всерьёз озабочен и его предшественник на Святом Престоле.

Все документы выполнены канцелярским курсивом на основе минускула, коричневыми угасающими чернилами на итальянском и, в случае бланка рекомендации, на латинском языке на листах плотной бумаги. Подпись префекта сделана более толстой линией и ярким цветом, чем основной текст документов.

¹⁰ *Malcolm Noel*. Bosnia: a short history. N-Y., 1994. P. 99.

¹¹ *Gavran Fra Ignacije*. Suputnici bosanske povijesti. Svjetlo riječi. Sarajevo, 1990. Str. 45–64. <https://www.bosnasrebrena.ba/povijest-provincije/od-podjele-provincije-do-opsade-beca-1514-1683> Последний вход 09.02.2025.

I.

Архив СПБИН РАН. ЗЕС. Фонд 9. Карт. 311. Ед. хр. 1. № 8
f. 36, recto

На ит. яз. Бумага 262 x 200 мм чернила коричневые угасающие
ll[ustrissi]^{mo} et Rev[erendissi]^{mo} S[igno]^{re}

Il Provinciale e diffinitori min[o]^{ri} oss[erva]^{ti} della Provincia di Bosna Argentina hanno supplicato di lettera commendatoria g[e]n[er]ale, col mezzo della quale sia loro permezzo de questuare in coteste parti a beneficio del Convento di S.Gio:[vanni] Bat[tis]ta di Sutica indebitato di cinque mila pezzeda otto per l'angarie insoffribili, que loro è convenuto di pagare à Ministri Turchi, per non soggiacere al Patriarca de Greci, che pretendezza di sottoporli al suo rito. E sebene questa Sacra Congr[egatio]^{ne} è condescesa benignamente à compiacerneli, dubitando nulladimeno, che le limosine possino essere impiegate ò in uso proprio di parti ó in altro diverso da quello, per il quale devono spendersi, ha ordinato che s'inuii l'aggiunta lettera a V[ostra] S[ignoria] col nome in bianco del Religioso di quest'ordine il quale dourà ella scieghiere, e deputare per far questa cerca, e procurare colla sua attentione, che le limosine da raccogliarsi siano depositate apresso Persona di sperimentata Fede, dalla quale poi con ordine di V[ostra] S[ignoria] si dauranno trasmettere à qual Provinciale per impiegarle nell'opra accennata. Dia avviso del seguito, e mele offro, Roma 15 febr[ar]o 1672.
D[io]V[os]S[alve]

Aff[ectissi]^{mo} per serv[ir]^{la}

P[aluzzo] Card[inal]^e Altieri

Подпись секретаря: f[ederico] Arc[ivesco]^{vo} di Ces[are]^a Seg[retari]^o

Внизу: Mons[ignor]^e Nun[ti]^o / Madrid con l[ette]^{ra}

f. 37, recto

На лат. яз. Бумага 265 x 197 мм чернила коричневые угасающие

Palutius Alterius Archiep[iscopu]s Ravennas S[anctae] R[omanae] E[cclesi-
ae] Cardinalis Camerarius et S[acrae] Congreg[atio]^{nis} de Propaganda fide
Prefectus

Cum S[acrae] Congr[egatio]ⁿⁱ de Prop[agan]^{da} fide ex parte fr[at]r[um]
S[ai]ctum[n]cti fr[anc]is[ci] minoris observ[an]t[ie] Proū[inci]e Bosnae Argenti-
nae expositum fuerit, Ecclesiam et Conventum S[ancti]. Joannis Bapt[ist]ae
de Sutica eiusdem Proū[inci]e nuncupate propter tributa, aliasq[ue] gravio-
rem

Turcharum impositiones magno ore alieno obstrictum esse cum maximo
tam dictae Ecclesiae, quam illorum Catholicorum detriment, qui huiusmo-
di debitum soluere non valent. Cumq[ue] supplicatum fuerit pro litteris com-
mendatiis apud Principes tam Eccl[esiast]icis, quam Seculares, ut manus
adiutrices p[re]stent ad hoc ut piis ipsorum fidelium eleemosynis Ecclesiam
et Conventum p[re]dictum liberare possint. Emin[emissi]^{mi} Patris Charitatis
rationi consonum indicantes, atq[ue] huiusmodi supplicationibus inclinati lis-
ce p[re]sentibus f[ratr]em p[re]fati Ordinis ad Subsidiu[m] in auxilium p[re]dicti
Conventus querendum de mandato Sacro Congr[egatio]^{nis} omnibus Princi-
palibus, Archiepiscopis, Episcopis, Ordinum superioribus ceterisq[ue] Christi
fidelibus enixè commendamus, et pro commendato haberi cupimus, ut ipsi
omne auxilium et fauorem in opus p[re]dictum p[re]stent pro gratia D[ivi]n[us]
mercedem recepturi. Datum Romę die 15 februariis 1672. P[alutius] Car-
d[inalis] de Alteriis Praef[ectus]^{us}

Подпись секретаря: F[edericus] Archiepiscopus Cesareis Seg[retari]^{us}.
f. 39, verso

Адресат: All ll[ustrissi]^{mo} et Rev[erendissi]^{mo} S[igno]^{re} Mons[ignor]^{re}
Marescotti Nunzio Ap[osto]lico Madrid

Печать под кустодой

Перевод:

Сопроводительное письмо:

Сиятельный и Достопочтеннейший господин¹²,

Провинциал¹³ и меньшие братья обсерванты провинции Босна
Сребрена¹⁴ испросили общие рекомендательные письма, посредством
которых им было бы разрешено собирать пожертвования в этой части
христианского мира в пользу обители Святого Иоанна Крестителя
в Сутьеска¹⁵, на который невыносимым бременем был наложен платёж

¹² Адресат письма — титулярный архиепископ Коринфа Галеаццо Марескотти (1627–1726), который являлся апостолическим нунцием в Испании в 1670–1675 гг., 27 мая 1675 года папа Климент X (Эмилио Альтери (1590–1676), понтификат 1670–1676) возвёл Марескотти в кардинальское достоинство.

¹³ Петар Травничанин занимал пост провинциала в 1672–1675 гг.

¹⁴ Провинция Босна Сребрена (*Bosna Argentina*) братства Святого Франциска Ассизского была в 1517 г. учреждена решением папы Льва X. (Джованни Медичи, 1475–1521, понтификат 1513–1521).

¹⁵ Францисканский монастырь Святого Иоанна Крестителя в Кральева Сутьеска известен с середины XIV в. В 1658 году монастырь серьёзно пострадал

в пять тысяч песет, подлежащий выплате Турецким Властям, чтобы не подпасть под руку Патриарха Греков¹⁶, который постарается навязать им своё богослужение. И поскольку означенная Священная Конгрегация¹⁷ благожелательно снизошла к удовлетворению просьбы, нисколько не сомневаясь, что милостыня могла бы быть использована, как для удовлетворения этой потребности, так и для какой-нибудь другой, на которую она будет собираться, и для того было приказано, как написано в прилагаемом письме к Вашей Милости с незаполненным именем того представителя указанного Ордена, которому будет поручено её собирать, определённым для того, чтобы её искать и заботиться со всем возможным тщанием, чтобы собранная милостыня была передана Персоне испытанной веры, посредством которой, по распоряжению Вашей Милости, она будет переведена названному Провинциалу для употребления в означенном деле. Что мною и предложено, Рим, 15 февраля 1672.

Спаси Вас Господи! Рад услужить Вашей Милости, Палуццо, кардинал Альтиери¹⁸, префект.

Адресат: Монсиньор нунций, Мадрид с письмом

Подпись секретаря: Федерико, архиепископ Кесарийский.¹⁹

Рекомендательное письмо:

Палуццо Альтиери, камерленго Святой Римской Церкви и Префект Священной Конгрегации Пропagанды Веры.

Священной Конгрегации Пропagанды Веры от имени меньших братьев Святого Франциска обсервантов Провинции Босна Сребрена

в результате разрушительного пожара, уничтожившего, в том числе, библиотеку и древлехранилище. В 1664 году было построено новое здание монастыря и монастырской церкви.

¹⁶ Имеется в виду Максим I Скоплянец (ум. 29.10.1680), носивший титул патриарха Печского всех сербов и болгар. Годы патриаршества 1655–1674.

¹⁷ Конгрегация Пропagанды Веры, существовала в 1622–2022 гг., в 1671–1698 гг. префектом являлся автор письма кардинал Палуццо Альтиери (1623–1698).

¹⁸ Кардинал Палуццо Альтиери (1623–1698), приёмный племянник папы Климента X — Эмилио Альтиери, занявший в понтификат своего дяди несколько важных церковных постов. В момент написания письма он являлся камерленго (камерарием) Римско-католической Церкви, префектом Конгрегации пропagанды веры и префектом Конгрегации Индекса запрещённых книг.

¹⁹ Федерико Бальдески Колонна (02.09. 1625 – 04.10. 1691), в 1668–1673 гг. секретарь конгрегации Пропagанды Веры, титулярный архиепископ Кесарии.

(Босна Аргентина) было сообщено о дани, наложенной на церковь и обитель Святого Иоанна Крестителя в Сутьеске означенной провинции, а также о прочих турецких притеснениях многочисленно попирающих названную церковь и тамошних католиков, которые не в состоянии погасить указанную задолженность. В связи с этим были испрошены рекомендательные письма в адрес государей церковных и светских, дабы они подали руку помощи и благочестивыми своими верными пожертвованиями смогли бы освободить вышеназванную церковь и обитель. Согласно милостивому решению и указанию высокочтимых отцов, снизошедших к данному прошению, дозволяем названному брату (пробел) указанного ордена собирать помощь для вышеназванной Обители, обращаться, в соответствии с мандатом Священной Конгрегации во всем Государям, архиепископам, епископам, начальствующим над Орденами и к прочим верующим, в чём его направляем и печёмся о том, чтобы его считали направленным, дабы все названные выше оказывали ему всякий возможный почёт и помощь в вышеозначенном деле ради обретения благодати и милости Божией. Дано в Риме 15 февраля. Палуццо, кардинал Альтиери.

Подпись секретаря: Федерико, архиепископ Кесарийский.

II

Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Фонд 9. Карт. 311. Ед. хр. 1. № 20 f. 62, recto.

На ит. яз. Бумага 272 x 200 мм чернила коричневые угасающие
ll[ustrissi]^{mo} et Rev[erendissi]^{mo} S[igno]^{re}

A questo P[ad]^{re} Min[istr]^o G[e]n[er]ale de Minori ord[ina]^{ti} si sono fatte significare le prudenti riflessioni di V[ostra] S[ignoria] partecipate con sua letters de 4 maggio 1672 circa il mandare costà qualche Religioso della Proū[inc]ia di Bosna Argentina a far la cerca per il Convento di S.[an] Gio:[vanni] Bat[tis]ta di Sutica indebitato per l'auarie de Turchi d'una somma considerabile di Moneta i onde all'arrivo di questo potrà ella farli tutte quelle gratie, che merita un'opera così vantaggiosa al Servizio di Dio, e mele offro. Roma 11 maggio 1673.

D[io]V[os]S[alve]

Af[fectissi]^{mo} per serv[ir]^{la}

P[aluzzo] Card[inal]^e Altieri

Подпись секретаря: Urbano Cerri Proseg[retari]^o

Внизу: Mons[ignor]^e Nun[ti]^o / Madrid

f. 63, verso.

Адресат: All Il[ustrissi]^{mo} et Ben[issi]^{mo} S[igno]^{re} Mons[ignore]
Marescotti [Arcivescovo di] Corinto Nun[zi]^o Ap[ostoli]^{co} Madrid

Печать под кустодой

Перевод:

Сиятельнейший и Достопочтеннейший господин,

По сообщению Отца Генерального Министра²⁰ меньших братьев обсервантов я отметил мудрые соображения Вашей Милости, участливо сделанные в письме от 4 мая 1672 года относительно того, чтобы направить некоего служителя Церкви из провинции Босна Сребрена с целью произвести сбор в пользу обители Святого Иоанна Крестителя в Сутьеске, которая, по причине жадности турок, была обременена платежом в крупной денежной сумме, и по прибытии указанного лица, можно сделать для неё сделать всё то добро, которое заслуживает это столь достойное дело на Службе Господу, что мною и предложено. Рим, 11 мая 1673.

Спаси Вас Господи! Рад услужить Вашей Милости, Палуццо, кардинал Альтиери

Адресат: Монсиньор нунций, Мадрид

Подпись секретаря: Урбано Черри, про-секретарь.²¹

III

Архив СПБНИИ РАН. ЗЕС. Фонд 9. Карт. 311. Ед. хр. 1. № 28

f. 78., recto.

На ит. яз. Бумага 268 x 200 мм чернила коричневые угасающие

Il[ustrissi]^{mo} et Rev[erendissi]^{mo} S[igno]^{re}

Il P[adre] f.[ra] francesco Zlacevich eletto dal suo P[ad]re Proū[incia]le di Bosna a far la cerca in coteste parti in beneficio del Convento di S.[an] Gio:[vanni] Bat[tis]ta di Sutica grauato di somma considerabile di debiti, hà supplicate la S.[acra] Congr[egatio]ne a raccomandarlo à V[ostra] S[ignoria]; onde questi Emin[emissi]^{mi} miei s[igno]^{ri} hanno stimato di rimetterli alla prudenza, et alla pietà di lei il farli godere l'assistenza e i fauori suoi,

²⁰ Генеральным Министром ордена францисканцев обсервантов в 1670–1674 гг. являлся Франческо Мария Рини (1624 – 04.08.1696)

²¹ Урбано Черри (ум. 1679), просекретарь конгрегации в 1673 г.

con que me le ofro, Roma, 9 Genn[ar]o 1674

D[io]V[os]S[alve]

Af[fectissi]^{mo} per serv[ir]^{la}

P[aluzzo] Card[inal]^e Altieri

Подпись секретаря: f[rancesco] Arciv[escov]^o di Sid[oni]a Seg[retari]^o

Внизу: Mons[ignor]^e Nun[ti]^o Ap[ostoli]^{co} / Madrid

f. 79, verso.

Адресат: All Il[ustrissi]^{mo} et Ben[issi]^{mo} S[igno]^{re} Mons[ignore]
Marescotti [Arcivescovo di] Corinto Nun[zi]^o Ap[ostoli]^{co} Madrid

Печать под кустодой

Перевод:

Сиятельнейший и Достопочтеннейший господин,

Отец брат Франческо Злачевич, избранный его отцом Провинциалом Боснии²², чтобы произвести в указанных землях сбор в пользу обители Святого Иоанна Крестителя, обременённой значительными суммами долгов, ходатайствовал перед Священной Конгрегацией быть направленным к Вашей Милости; в чём высокие мои господа решили рекомендовать, чтобы он мог воспользоваться Вашей помощью и благорасположением, что мною и предложено. Рим, 9 января 1674.

Спаси Вас Господи! Рад услужить Вашей Милости, Палуццо, кардинал Альтиери

Адресат: Монсиньор апостолический нунций, Мадрид

Подпись секретаря: Франческо, архиепископ Сидона.²³

²² Петар Травничанин.

²³ Франческо Равицца (1615–1675), титулярный архиепископ Сидона, являлся апостолическим нунцием в Португалии с 08 апреля 1670 по 12 апреля 1673 г., по окончании нунциатуры занимал пост секретаря Конгрегации Пропagанды Веры до своей кончины 22 мая 1675 г.

И.В. Тункина
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
Институт истории материальной культуры РАН

Археолого-эпиграфические исследования РАИК в Македонии (1898, 1899)¹

Летом и осенью 1898 г. члены РАИК предпринял две экскурсии в Македонию для знакомства с археологическими памятниками этого малоизвестного региона². Инициатива поездки принадлежала высланному из России П.М. Милюкову³, потерявшему профессорскую кафедру в Высшем училище в Софии. Зимой 1898 г. ученый решил совершить

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ (проект № 24-18-00202, <https://rscf.ru/project/24-18-00202/> «Эпиграфические памятники Греции и Малой Азии в коллекции эстампажей Научного архива ИИМК РАН (атрибуция, комплексное изучение и создание электронной базы данных)» в ИИМК РАН.

² Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе в 1898-м году // ИРАИК. 1899. Т. IV. Вып. 3. С. 122–131.

³ Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — политический деятель, историк и публицист, один из организаторов кадетской партии; магистр русской истории (1892); почетный доктор Кембриджского университета (1916). Выпускник Московского университета (1882), оставлен для приготовления к профессорскому званию, приват-доцент кафедры русской истории Московского университета (1886–1895), уволен с запрещением преподавать из-за «вредного влияния на молодежь» пропагандируемых им идей. Выслан в Рязань (1895–1897), затем за границу, профессор кафедры всеобщей истории в Высшем училище в Софии. Отстранен от преподавания под давлением российского дипломатического представительства. Путешествовал по Малой Азии и Македонии в составе экспедиций РАИК, вел раскопки в Патели (1898). Летом 1899 г. вернулся в Россию. См.: Тункина И.В. Милюков Павел Николаевич // С.А. Жебелёв. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Сост. и отв. ред. И.В. Тункина. М., 2017. С. 435.

путешествие в спорную область между болгарскими и сербскими — османскую Македонию. Из Софии он отправился в Константинополь, посетил РАИК и познакомился с его директором Ф.И. Успенским⁴, по приглашению которого нашел приют в помещении библиотеки РАИК «Секиз Соксе», где останавливались приезжие специалисты и прикомандированные к институту магистранты — стипендиаты Министерства народного просвещения. Затем П.Н. Милюков отправился в Салоники для знакомства с западными и частично восточной пограничными частями Македонии, вверх от долины Вардара, в Водену, мимо озера Острово и Флорины (болг. Лерины) в столицу вилайета Битоля. Здесь он познакомился и быстро подружился с русским вице-консулом А.А. Ростковским⁵ и его семьей.

Весной 1898 г. П.Н. Милюков принял участие в экскурсии РАИК под руководством Ф.И. Успенского и его молодых помощников О.Ф. Вульфа⁶ на южный берег Мраморного моря, к развалинам Никеи и Никоидии в поисках новых греческих надписей, изучения дохристианских и христианских памятников, в том числе ц. Успения Богородицы в Никее, где проходили заседания Первого Вселенского собора⁷.

⁴ Успенский Федор Иванович (1845–1928) — историк-византист, славист; доктор всеобщей истории (1879); член-корреспондент (1893), ординарный академик (1900) Императорского Академического университета (1879–1894) Новороссийского университета. Основатель, директор и редактор «Известий» РАИК (1894–1914); руководил раскопками и экспедициями РАИК. Редактор «Византийского временника» (1915–1928); профессор ЛГУ (1922–1927). См.: Басаргина Е.Ю. Русский археологический институт в Константинополе. СПб., 1999. С. 72–87; Тункина И.В. Успенский Федор Иванович // С.А. Жебелёв. Русское археологическое общество... С. 585–586.

⁵ Ростковский Александр Аркадьевич (1860–1903), русский дипломат, с 1895 г. служил в Османской империи на территории Северной Македонии, до 1899 г. — вице-консул в Битоли (Монастире), до 1901 г. — консул в турецком Ускюбе (болг. Скопие, серб. Скопље), консул в Битоли (1901–1903). Застрелен постовым жандармом, что едва не привело к очередной русско-турецкой войне.

⁶ Вульф (Wulff) Оскар (1864–1946) — немецкий историк и теоретик искусства, византист, исследователь раннехристианской художественной культуры; магистр классической филологии (1892), доктор философии Лейпцигского университета (1894). Выпускник Дерптского университета, прикомандирован к РАИК для занятий по истории и древностям Византии (1895–1899). Впоследствии директор Отделения древнехристианских и византийских древностей Берлинского музея, профессор философского факультета Берлинского университета. См.: СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 1. Д. 12 (личное дело).

⁷ Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе в 1898-м году // ИРАИК. 1899. Т. IV. Вып. 3. С. 122.

«Заметив в институте хиттитский [хетский. — *И.Т.*] сосуд и узнав место этой находки, я даже произвел разведку в глубине Малой Азии, в окрестностях Конии, в местах, не имевшихся на карте. Наткнувшись там в турецкой деревне на небольшое подземелье — вероятно, христианских времен, я спустился туда и составил план лабиринта⁸», — вспоминал П.Н. Милюков⁹.

Ф.И. Успенский сам собирался посетить Македонию для изучения христианских древностей славянского периода, поэтому экспедиция РАИК в составе директора, П.Н. Милюкова и при эпизодическом участии вице-консула А.А. Ростовского с 1 июня 1898 г. обследовала Салоники с окрестностями¹⁰, Водену, Веррию, Битоль (Битола, древн. Гераклея Линкестис), Прилеп, Охрид, Преспу, Скопье¹¹, причем наибольшее количество неизданных эпиграфических памятников дали Веррия, Битоль и Водена, а наиболее интересные надписи были обнаружены в Веррии. М.И. Ростовцев¹², по просьбе Ф.И. Успенского в мае-июне

⁸ В личном фонде П.Н. Милюкова сохранилось дело: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3462. Описание пещеры в д. Биледжике. Автограф.

Биледжик (тур. Bilecik; др.-греч. Λινόη), до 1302 г. визант. Белокома (греч. Βηλοκόμια) — город в современной Турции на западе Малой Азии, центр ила Биледжик. В XIII в. византийская крепость Белокома имела важное стратегическое значение как одно из звеньев в цепи крепостей для защиты Никеи и Вифинии от набегов турок. Она контролировала продвижение по нижнему течению р. Сангарий (Сакарья), три дороги на Никею и две на Пруссу.

⁹ Милюков П.Н. Воспоминания: В 2-х т. М., 1990. Т. 1 (1859–1917). С. 196.

¹⁰ См. полевые дневники Ф.И. Успенского с записями и рисунками рукой П.Н. Милюкова и Арслан-оглу: СПбФ АРАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 169. 1898–1899, 1908 гг. Солунь, Охрид и др.; Д. 169а. «Македонская поездка 1898 г.» Записная книжка № 1. С 1 июня 1898 г.; Р. IV. Оп. 1. Д. 805. Л. 104а–142а. Записная книжка № 5. «Уксюб». 6 июля–12 июля 1898 г.: Уксюб, монастырь Люботен, с. Кучевишты, мон. Св. Архангела, Марков монастырь, руины церкви в албанском с. Мальшиште, Нереский монастырь св. Пантелеймона, Салоники, подземная церковь с фресками в 2-х часах от Солуни близ дер. Алганы-киси, Веррия.

¹¹ Успенский Ф.И. 1) О находке близ д. Наршис-Киой, в двух часах пути от Салоник — колонны с греческой надписью // Древности. Труды Имп. Московского археологического общества. 1901. Т. 18. Проток. 504. С. 133; 2) Сообщение о результатах экспедиции Русского археологического института в Константинополе в Македонию летом 1898 г. // Там же. Проток. 524. С. 257–258.

¹² Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952), историк античности, археолог, папиролог, эпиграфист; магистр (1899), доктор (1903) римской словесности; член-корреспондент (1908), действительный член (1917) РАН. Приват-доцент (1899–1903), профессор (1903–1918) кафедры классической филологии Петербургского

1899 г. в РАИК изучивший полевые материалы поездок в Македонию и издавший античные эпиграфические памятники, отметил, что «некоторые копии с надписей доставлены были участникам экспедиции местными учеными [...] Значительную... часть античного материала составляют надписи, с которых членами экспедиции сделаны были копии, а с важнейших бумажные оттиски¹³ и фотографии»¹⁴.

Летом 1898 г. Ф.И. Успенский и П.Н. Милюков объехали восточный берег Охридского озера: «Этот путь мне памятен по одной из важнейших находок, которую мы сделали на этом берегу около селения Герман. У входа в старинную церковь лежала правильно отесанная плита. Я велел ее перевернуть, — и на обратной стороне обнаружилась надпись болгарского царя Самуила¹⁵, признанная потом древнейшим памятником

университета. См.: Тункина И.В. Ростовцев Михаил Иванович // С.А. Жебелёв. Русское археологическое общество... С. 521–522.

¹³ Подробнее о коллекции эстампажей РАИК см.: Тункина И.В., Бондарь Л.Д., Поникаровская М.В., Павличенко Н.А., Чернова Н.В. Эстампажи Русского археологического института в Константинополе (1895–1914) в собрании Санкт-Петербургского филиала Архива РАН: Научная реставрация, комплексное изучение, создание высокоточных цифровых 3D-моделей. // Петербургский исторический журнал, 2020. № 4(28). С. 194–203; Адаксин, М.К., Балахванцев А.С., Бондарь Л.Д., Виноградов А.Ю., Коган Л.Е., Лявданский А.К., Павличенко Н.А., Поникаровская М.В., Тункина И.В., Чернова Н.В. Эстампажи Русского археологического института в Константинополе (1895–1914) в собрании Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // История письма от Античности до Нового времени. Очерки по эпиграфике, палеографии и дипломатике / отв. ред. А.В. Сиренов. М.; СПб., 2022. С. 101–126. См. эстампажи надписей из Македонии: <https://estampage.ranar.spb.ru/estampages/macedonia>; <https://estampage.ranar.spb.ru/estampages/nadpisi-neizvestnogo-proishojdeniya/heraclea-lyncestis>.

¹⁴ Ростовцев М.И. Надписи из Македонии // ИРАИК. 1903. Т. 4. Вып. 3. С. 166. Подробнее о взаимоотношениях М.И. Ростовцева с РАИК см.: Тункина И.В. Русский археологический институт в Константинополе и М.И. Ростовцев // ВДИ. 2025. Т. 85. № 1. С. 163–185.

¹⁵ Речь идет о надписи болгарского царя Самуила (Преспанская надпись) 993 г. из 11 строк — древнейшем из кириллических памятников с точно установленными датами. Плита была найдена Ф.И. Успенским и П.Н. Милюковым в 1898 г. в селе Айос Германос (до 1926 г. с. Герман), находящемся близ Преспы над озером Большая Преспа, на границе между Грецией и Македонией, недалеко от Охридского озера (ныне хранится в Национальном историческом музее Болгарии). Надпись имеет большое палеографическое значение. Впервые опубли.: Успенский Ф.И. Надпись царя Самуила // ИРАИК. 1899. Т. 4. Вып. 1. С. 1–4; Флоринский Т.Д. Несколько замечаний о надписи царя Самуила // Там же. С. 5–13; Милетич Л. Към Самуиловия надпись отъ 993 година // Там же. С. 14–20.

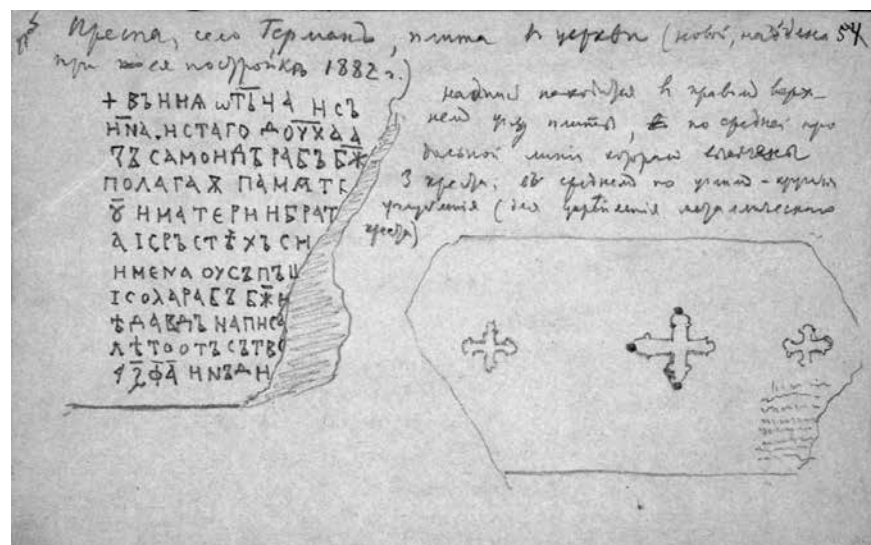

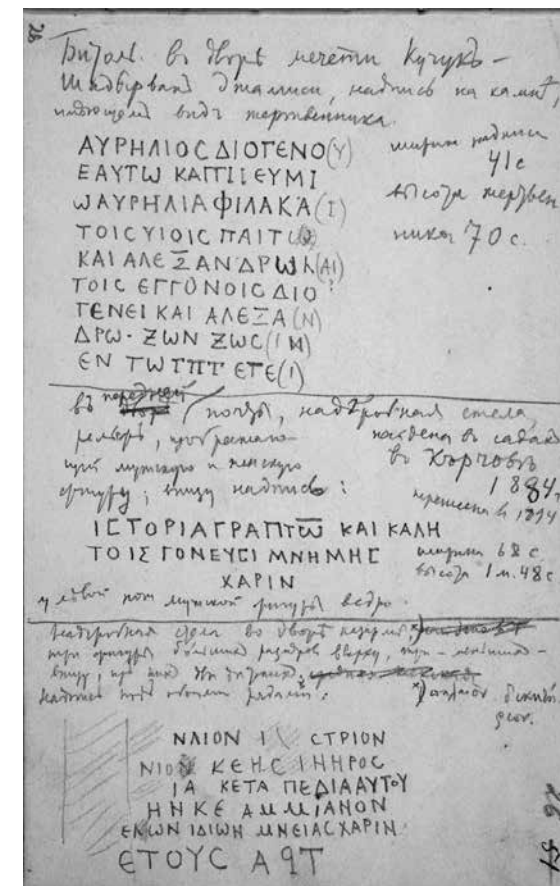
Рис. 1. Список надписи болгарского царя Самуила (Преспанская надпись) 993 г.
Полевой дневник Ф.И. Успенского поездки в Македонию летом 1898 г.
Автограф П.Н. Милюкова. ©СПбФ АРАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 169а. Л. 27 об.
Публикуется впервые.

славянского языка! (рис. 1) Помню также наш заезд на соседнее озеро Пресба, где стояли развалины собора древнейшей болгарской митрополии. Я записал выцветшие обрывки надписей, свидетельствовавших о территориальном распространении власти древнейшей болгарской епархии»¹⁶. Свои наблюдения о памятниках VII–XIX вв. П.Н. Милюков обобщил в обширной статье «Христианские древности Западной Македонии: По материалам, собранным Русским археологическим институтом в Константинополе в течение летней экскурсии 1898 года»¹⁷, рисунки к которой были сделаны по наброскам автора художником Л. Биненбаумом. П.Н. Милюков характеризует памятники Салоник, откуда началась экскурсия, а также результатов поездок по окрестностям

¹⁶ Милюков П.Н. Воспоминания: В 2-х т. М., 1990. Т. 1 (1859–1917). С. 199.

¹⁷ Милюков П.Н. Христианские древности Западной Македонии // ИРАИК. 1899. Т. IV. Вып. 1. С. 21–151.

Рис. 2. Битола. Списки греческих надписей во дворе мечети Кучук-Шадрван, в передней почты, во дворе казармы.
Полевой дневник Ф.И. Успенского поездки в Македонию летом 1898 г.
Автограф П.Н. Милюкова. ©СПбФ АРАН. Ф. 116.
Оп. 1. Д. 169а. Л. 26.
Публикуется впервые.

города. Он отправился к северу от Салоник к д. Нарыш-кей и озеру Аджи-гёль, описал и составил план местности, где были найдены два парных пограничных столба, на которых сохранилась пограничная надпись Симеона¹⁸. Далее им охарактеризованы античные и раннехристианские памятники столицы македонский царей Водены (древняя Эдесса), в том числе мраморная агисма в церкви Воденской греческой митрополии, памятники по пути из Битолы (рис. 2) на озера Преспу и Охрид, об открытии надписи царя Симеона в селе Герман и пр., описаны древности

¹⁸ Успенский Ф.И. Две исторические надписи. 2. Пограничный столб между Византией и Болгарией при Симеоне // ИРАИК. 1898. Т. III. С. 184–194.

по пути в долину Корчи и к Охридскому озеру, памятники города Охрид и осмотренные в время поездки из Охрида через Ресень в северную часть восточного берега Преспы, Слимницкий монастырь, Монастырь Слепче возле Битоля, Прилеп, монастырь Трескавец, Скопье и монастыри в его окрестностях, церкви в Любитене, Кучевиште, монастыри Св. Архангела, Марков и Нерешский¹⁹. Эта поездка привела к открытиям эпиграфических памятников, важных для истории Болгарской церкви в эпоху царя Самуила, неизданных славянских и греческих надписей XIV–XV вв., имен духовных лиц, пополнивших списки местных иерархов и помогающих установить их хронологию, имена церковных донаторов XVII–XVIII вв. и пр.

Во время путешествия П.Н. Милюков повздорил с Ф.И. Успенским: «В одном болгарском монастыре, который мы посетили, Федору Ивановичу понравился один рукописный сборник; он, по старой привычке русских славистов, положил его в карман и запрятал в чемодан. Я никак не мог допустить, чтобы нашу экспедицию обвинили в воровстве, и протестовал против этого поступка. Успенский не сдавался... Я тогда не вытерпел и сказал провожавшему нас настоятелю монастыря, что мы взяли из монастырской библиотеки одну рукопись для изучения и, конечно, ее вернем по миновании надобности. Успенский взбесился и, к моему изумлению, велел открыть один из чемоданов, вынул из него сборник и отдал настоятелю. Получился порядочный скандал...»²⁰.

Еще во время весенней поездки П.Н. Милюков узнал об интересном археологическом открытии: при прокладке железной дороги Салоники (Селяник) — Битола (Монастырь) близ селения Патели (с 1926 г. село Айос-Панделеимонас, подобласть Флорина, Греция) был обнаружен древний могильник с предметами из бронзы. Участковый мастер сообщил об этом П.Н. Милюкову: «На пути, на станции Острово,

¹⁹ См. полевые дневники П.Н. Милюкова: СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 805. Л. 44–87. Записная книжка № 2. Димницы, Охриды, Ресень, с. Арвати, с. Претор, церковь в Слимницком монастыре, монастырь Слепче, монастырь Трескавец, Прилеп, Варош, Марковы Кули; Там же. Л. 88–104. Записная книжка № 4. Беловодица, надписи в акрополе Скопье, церкви при с. Любичене, с. Кушевишта, в монастыре Св. Архангела, рисунки и копии надписей в Веррии (частично аннотации на новогреческом языке рукой Арслан-оглу 12 июля 1898 г.).

²⁰ Милюков П.Н. Воспоминания: В 2-х т. М., 1990. Т. 1 (1859–1917). С. 197. О рукописях, осмотренных Ф.И. Успенским в Северной Македонии, см.: Отчет... С. 131–149.

я сделал находку, отвлекшую меня от современных этнических разысканий, — вспоминал П.Н. Милюков. — Железнодорожный мастер принес мне несколько бронзовых вещичек, найденных в осыпи, при нивелировке уровня для железнодорожного пути. При выемке земли было найдено много каменных плит, правильно отесанных. Достаточно было взглянуть на форму бронзовой застёжки между вещами, чтобы узнать в ней “очковую фибулу” (Brillenfibel), а в плитах — остатки погребений в каменных ящиках. Следовательно, тут вскрыт был случайно некрополь первого каменного века, который датируется 1300–800 лет до Р.Х. Я вспомнил родственные находки в Гла-синце²¹, — и моя археологическая страсть разгорелась. Нельзя было упускать такую находку; надо было копать. По возвращении в Константинополь я старался убедить в этом Успенского. Но он был совсем незнаком с археологией, видел в моей фибуле римскую (!) находку, долго упирался — и, наконец, уступил, добывши султанское ираде для раскопок»²². Годом ранее, в 1897 г. РАИК при содействии почетного председателя института, русского посла в Константинополе А.И. Нелидова получил разрешение (*ираде*) султана Абдулхамида II проводить раскопки на территории всей Порты с условием передачи половины открытых памятников в Оттоманский музей²³. Музей был главным правительственным учреждением Стамбула, занимавшимся вопросами древностей, обладал монополией на археологическую деятельность в Османской империи с момента принятия в 1884 г. постановления о древностях.

²¹ Речь идет о Гласинацком поле, плато (Glasinac, к востоку от Сараево, современная Республика Сербская в составе Боснии и Герцеговины) — археологическом памятнике, впервые исследованном в 1886–1891 гг. К сегодняшнему дню открыто около поселений и более 1200 курганов и могильников, сконцентрированных в группы и некрополи с медного и раннебронзового века до гласинацкой культуры железного века (галыштатский период, Гласинац IV, 800–500 г. до н.э.; латенский период, Гласинац V, 500–200 гг. до н.э.).

²² Милюков П.Н. Воспоминания: В 2-х т. М., 1990. Т. 1 (1859–1917). С. 194.

²³ Императорский Оттоманский (Османский) музей, Музей древностей, ныне Археологический музей в Стамбуле, был открыт в новом здании в 1891 г. Первым хранителем и директором (с 1881) стал Осман Хамди-бей (1842–1910), художник и археолог, приемный сын великого визиря Османской империи Ибрагима Эдема-паши; основатель и директор (с 1882) Академии изящных искусств; почетный член РАИК. В 1884 г. добился постановления, запрещавшего вывоз исторических артефактов за границу.

По настоянию П.Н. Милюкова летом 1898 г. Ф.И. Успенский с большим трудом добился у властей возможности начать раскопки близ Патели в Западной Македонии²⁴, т.к. село и вокруг лежащая земля считались *эмляк* (личным уделом султана), поэтому помимо правительственных и местных властей нужно был получить согласие управления султанскими имениями. Ф.И. Успенский обратился к губернатору Монастира Абдулкерим-паше через российского консула в городе А.А. Ростовского. Губернатор заявил, что он должен направить запросы как в Стамбул, так и в Административный совет вилайета Монастир (Битола) для обсуждения. Совет, не знавший об *ираде* султана, направил властям Порты запрос о законности археологической деятельности русских в Патели. Абдулкерим-паша пообещал, что когда он получит официальную ноту от Порты, вопрос будет обсужден на Административном совете, а ответ — немедленно доведен до сведения РАИК. Он конфиденциально сообщил Ф.И. Успенскому, что Административный совет вряд ли рискнет выдать разрешение на раскопки без официального одобрения Стамбула, поскольку деревня Патели и прилегающая к ней территория считаются *эмляком*. Наконец, в сентябре 1898 г. РАИК получил разрешение от Министерства внутренних дел Османской империи начать раскопки в этом районе, но их строго контролировали местные представители османского правительства. Власти дали разрешение при условии, что находки будут выставлены в Императорском Османском музее в Стамбуле²⁵.

Исследование могильника у озера Острово близ с. Патели (недалеко от ст. Сорович, вилайет Монастир) стали первыми официальными раскопками РАИК на территории Османской империи. Они проводились в два этапа — летом было осмотрено место будущих раскопок, «в виду чрезвычайной важности факта нахождения некрополя гальштатского периода в Македонии, где до сих пор ничего подобного находимо не было»²⁶. От Солуни (Салоник) Патели находились в 153,8 км, место раскопок — в получасе ходьбы от села Патели. Первым делом РАИК прибрел случайные находки у железнодорожного техника Эрлмайера (№ 127a-d по описи Кабинета древностей РАИК).

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 1. Д. 118. Л. 8.

²⁵ Üre P. Reclaiming Byzantium: Russia, Turkey and the Archaeological Claim to the Middle East in the 19th Century. London, 2020. P. 92.

²⁶ Отчет... в 1898 г. С. 150.

На производство раскопок член РАИК З.Е. Ашкенази пожертвовал 3 тыс. франков. Полевые исследования производились с 14 октября по 14 ноября 1898 г., помимо П.Н. Милюкова, в них принял участие недавно назначенный на должность ученый секретарь РАИК Б.В. Фармаковский²⁷, мечтавший принять участие в раскопках²⁸. Он присоединился к П.Н. Милюкову 21 октября и 30 октября написал матери: «Пишу с места раскопок... Раз приезжал и Успенский. Раскопки интересны: доисторическая эпоха гальштатского периода. Интересно и то, что в Македонии вообще никто и никогда исследований не проводил. Хорошо, что начинаем мы, русские [...] мы копаем между Петровским и Островским озерами... Местность наша лежит на 500 метров над уровнем моря. Сначала надо приехать из Солуни по железной дороге до станции Сорович, а оттуда час в экипаже до Патели»²⁹.

П.Н. Милюков так вспоминал о начале раскопок: «Мы пришли на место, указанное мною: ровная возвышенность над песчаным берегом озера Острово. Федор Иванович уселся в сторонке и с скептическим видом стал ожидать последствий. Я не без страха поставил рабочих на места, выбранные наугад, и велел копать. На мое счастье первые каменные плиты могил обнаружились на двух-трех

²⁷ Фармаковский Борис Владимирович (1870–1928) — историк античности, историк искусства, археолог; магистр истории искусств (1902); член-корреспондент (1905), действительный член (1911) Германского археологического института, член-корреспондент Имп. АН (1914). Выпускник Новороссийского университета (1892), ученый секретарь РАИК (1898–1900). Член Имп. Археологической комиссии (1901–1918), по заданию которой проводил систематические раскопки в Ольвии. Приват-доцент (с 1905), профессор (с 1919) Петроградского-Ленинградского университета. Один из создателей, действительный член (1919), ученый секретарь (1921–1928) РАИМК-ГАИМК; хранитель Античного отделения и член Совета Эрмитажа (1924–1928). См.: *Фармаковская Т.И.* Борис Владимирович Фармаковский. Киев, 1988; *Тункина И.В.* 1) Фармаковский Борис Владимирович // *С.А. Жебелёв. Русское археологическое общество...* С. 587–588; Фармаковский Борис Владимирович // *Большая российская энциклопедия.* М., 2017. Т. 33. С. 200.

²⁸ Утверждение турецкой исследовательницы Пынар Юре (Üre P. Reclaiming Byzantium... P. 96), что в раскопках Патели осенью 1898 г. принял участие М.И. Ростовцев, ошибочно — в это время он находился в Петербурге, стал приват-доцентом Высших женских курсов и готовился к защите магистерской диссертации в университете.

²⁹ *Фармаковская Т.И.* Борис Владимирович Фармаковский... С. 96.

сантиметрах от поверхности, и через несколько минут мы уже наткнулись на доисторическое погребение. Я торжествовал, велел снять верхнюю плиту и сам начал снимать земляные пласты в могиле маленьким скребком, пока не добрался до костяка в непо потревоженном виде. Вопрос о том, римское это или не римское погребение, остался для Ф.И. все-таки неразрешенным; но факта наличия некрополя он отрицать не мог. Начались правильные раскопки с участием молодого специалиста по греческим вазам, Фармаковского, оставленного мне на подмогу. Мы поселились в деревенской лачуге, вставали с восходом солнца и приходили на место раскопок вместе с крестьянами-рабочими. Полдень был оставлен для отдыха, а затем мы опять принимались за работу, до солнечного заката. Я препарировал скелеты, записывал находки, мерил костяки, снимал фотографии. [...] Фармаковский все искал драгоценности и раз показал мне, потихоньку от рабочих, крепко зажатый кулак: в нем было золотое колечко, единственная из всех находок, состоявших исключительно из бронзовых изделий. Не нравились Фармаковскому и элементарная крашенная орнаментика сосудов, находимых в изобилии. Я обратил внимание на черепа; мы погрузили их в ящики и отправили Анучину³⁰ в Москву. К сожалению, в дороге или уже в Москве эти ящики пропали, и единственным свидетельством о черепах остались мои фотографии с части черепов, настолько поврежденных, что их нельзя было отправить в дальнюю дорогу. Я снял их в трех видах: лицо, верх черепа и затылок. В праздничные дни мы устраивали себе отдых, отправляясь в Битоль к Ростовским. В эти дни было весело; расцветал даже сумрачный Фармаковский»³¹. Члены РАИК навещали семью консула по субботам и вместе музицировали с Ростовскими. П.Н. Милюков и Б.В. Фармаковский осмотрели западную Македонию по направлению на Ресен до гор Охрида, объехали кругом Охридское озеро по западному албанскому берегу, мимо горы

³⁰ Анучин Дмитрий Николаевич (1843–1923), антрополог, археолог, этнограф, географ, доктор географии *honoris causa* Московского университета (1889), ординарный академик по зоологии (1896–1898), почетный член (1898) Императорской Академии наук, ординарный профессор кафедры географии и этнографии, заведующий Географическим и Антропологическим музеями Московского университета. Подробнее см.: Тункина И.В. Анучин Дмитрий Николаевич // С.А. Жебелёв. Русское археологическое общество... С. 187–188.

³¹ Милюков П.Н. Воспоминания: В 2-х т. М., 1990. Т. 1 (1859–1917). С. 198.

Иван, через город Поградца до города Корицы (Горицы). Только 3 декабря 1898 г. Б.В. Фармаковский закончил работы в Македонии, вернулся в Константинополь и написал матери: «Главное значение раскопок некрополя в Патели заключается в том, что он являлся посредником между примитивными культурами Северной и Средней Европы и стран около Средиземного моря»³². После экспедиции П.Н. Милюков провел несколько месяцев в Стамбуле, чтобы организовать доставку материалов из Македонии и изучить находки.

К сожалению, материалы раскопок могильника в Патели 1898 г. остались неизданными, хотя в «Известиях» РАИК планировалась публикация отчета о раскопках, дневника, описи находок и исследование найденных предметов. Согласно отчету института, в грунтовом могильнике было раскопано 154 погребения на прямоугольной площади 30х9 сажень (63,9х19,7 м) к югу от рельсового пути. Конструкция могил, находившихся на глубине от 0,15 до 2 м, была одинакова: грунтовые ямы с каменной обкладкой по периметру (рис. 3), иногда дно погребения перекрывала плита, иногда дно было устлано мелкими камнями (П.Н. Милюков ошибочно их именует «каменными ящиками», современные западноевропейские специалисты — цистами³³). Могилы содержали одиночные или групповые труположения на спине (как правило, с вытянутыми или согнутыми в локтях руками) с черепом, ориентированным к центру могильника. Могилы перекрывались каменной плитой и присыпались землей. Одно погребение найдено скорченным на боку в маленькой могиле (подобные могилы предназначались для детских погребений). Кремаций встречено не было. Коллективные ингумации содержали до 12 черепов или больше, сложенных в кучу в ногах последнего погребенного. Иногда кости находились в больших сосудах (оссуариях), перекрытых каменной плитой, либо из-за отсутствия места для костей рядом выкапывалась ямка, или к погребению пристраивался «каменный ящик» (костница), примыкавшая тремя сторонами к погребению или возводившаяся рядом. Одна и та же могила использовалась неоднократно (до 12–14 раз) для последующих

³² Фармаковская Т.И. Борис Владимирович Фармаковский... С. 97.

³³ Hammond N.G.L. A History of Macedonia. Vol. I. Oxford, 1972. P. 340–344; The Cambridge Ancient History. 2 ed. Vol. III, Part 1: The Prehistory of the Balkans, and the Middle East and the Aegean world, tenth to eighth centuries B.C. / Eds. J. Boardman, I.E.S. Edwards, N.G.L. Hammond, E. Sollberger. Cambridge, 1982. P. 645–647.

подзахоронений — кости предыдущего погребенного складывались в кучу или в самом «ящике», или отдельно; черепа, как правило, оставались в «ящиках». При раскопках открыли каменную ограду, ограждавшую одну группу могил (50–70 в каждой). Могилы располагались радиальными кругами (группами) относительно незанятого пространства, разделявшимися либо пустым пространством, либо каменной оградой из стоячих камней. Погребальный инвентарь (всего 593 находки) относился к гальштатскому периоду: бронзовые спиральные фибулы, бусы и привески, кольца, браслеты, пуговицы, шпильки и другие мелкие украшения, сосуды, прорезной диск; железные браслеты, шпильки и стержни, щипчики, мечи, ножи, стрелки, наконечники копий; золотые серьги, бусы из сплава бронзы и свинца, из глины, из янтаря и камня, точильный камень, кружки из камня для крепления бронзовых пуговок, глиняная керамика³⁴.

«По возвращении в Константинополь ближайшей задачей становилось привести в порядок привезенные из Острова находки — вещей и керамики — и составить им инвентарь. Это необходимо было и потому, что, по условию, мы должны были половину найденного сдать в Османский музей. Не знаю, сохранился ли этот материал на том месте, где я его видел в музее; что касается половины, оставленной для института, она исчезла безвозвратно при разгроме института в войне 1914–1918 гг. Копии фотографий, вместе с дневником и планом раскопок остались у меня, но своевременно отпечатать этот материал у меня уже не хватило времени, а с приходом большевиков мой архив был ими захвачен. Мои попытки добыть оттуда мой дневник, план и фотографии раскопок остались тщетны»³⁵. К счастью, полевые дневники П.Н. Милюкова и его предварительный анализ погребального инвентаря в черновиках дошел до наших дней в составе личного архивного фонда видного члена кадетской партии³⁶.

³⁴ Отчет... в 1898 г. С. 149–152.

³⁵ Милюков П.Н. Воспоминания: В 2-х т. М., 1990. Т. 1 (1859–1917). С. 199.

³⁶ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3539. Дневник I-й раскопок некрополя возле селения Патели в Македонии в черновой записи П.Н. Милюкова. 1898 г.; Д. 3540. Дневник II-й раскопок некрополя возле селения Патели в Македонии в черновой записи П.Н. Милюкова. 1898 г.; Д. 3343. Описание спиральных фибул и сосудов из глины, извлеченных из могил во время раскопок; Д. 3550. Дневник П.Н. Милюкова с черновыми записями по археологическим раскопкам.

Ф.И. Успенский сообщил губернатору Монастыря Абдулкерим-паше о своем желании продолжить систематические раскопки в Патели. Однако в марте 1899 г. Министерство иностранных дел Османской империи через российское посольство предупредило РАИК, что проводить раскопки без предварительного получения необходимых разрешений от Министерства образования империи, связанного с Османским музеем, незаконно. Это означало, что *ипраде* Абдулхамида II было недостаточно для начала археологических работ РАИК и необходимо согласие Османского музея, который не получил предметов из экспедиции в Патели, несмотря на то, что 16 ящиков с предметами были уже доставлены в российское посольство в Стамбуле. МИД Порты потребовал выполнить предыдущее соглашение и разделить находки между РАИК и Османским музеем. В ответном письме Ф.И. Успенский сослался на указ султана, давший право РАИК проводить исследования в любой точке империи и отметил, что в октябре 1898 г. проинформировал местные власти, включая губернатора Монастыря Абдулкерима-пашу, о своей экспедиции. По словам директора, РАИК помогали центральные и местные власти: министр внутренних дел связался с губернаторами Селаника (Солуни) и Монастира (Битола) по поводу предоставления институту разрешений на раскопки. Губернатор Монастира Абдулкерим-паша приказал полицейскому помочь директору, направил чиновника для наблюдения за раскопками и составления описи найденных предметов. Ф.И. Успенский утверждал, что этот чиновник никогда не приказывал им отправлять половину экспонатов в Османский музей ни во время раскопок, ни во время отправки экспонатов в Стамбул, что находки не имели особой денежной ценности, поэтому он сделал вывод, что Османское правительство не было заинтересовано в половине древностей. Имея разрешение на раскопки от султана, директор не считал нужным повторно запрашивать разрешение у Министерства образования Османской империи, тем более что раскопки проводились на частной земле султана. Ф.И. Успенский недоумевал, как его могли обвинить в нарушении существующих правил, и был уверен, что Министерство образования Османской империи поставили региональные власти в известность о разрешении РАИК на проведение раскопок в Патели. Присутствие полицейского, который внимательно следил за ходом раскопок, подтвердило его догадку, что офицер был представителем центральных властей Османской империи, в то время

как оказалось, он был уполномочен местным губернатором. Недоразумение возникло из-за того, что несмотря на заявление Оттоманского музея о полной монополии на археологическую деятельность в Османской империи, российские археологи уведомили об этом только Министерство внутренних дел Порты, а не Османский музей, и, следовательно, нарушили бюрократическую цепочку. Из 16 ящиков, отправленных в российское посольство в Стамбуле, только в трех были артефакты, найденные во время раскопок (в двух ящиках керамика, в третьем бронзовые и железные артефакты). Остальные ящики еще не были вскрыты: в них находились кости и черепа из могильника. Ф.И. Успенский пригласил директора музея, почетного члена РАИК Османа Хамди бея лично осмотреть содержимое ящиков, когда тот пожелает, и подчеркивал, что раскопки в Патели проводились исключительно ради археологических и «чисто научных целей». Ф.И. Успенский попросил оставить в распоряжении РАИК эти предметы до тех пор, пока они не будут полностью изучены: «Я смею надеяться, что просвещенное правительство Османской империи сочтет ниже своего достоинства настаивать на передаче половины материалов до того, как они будут исследованы и опубликованы институтом»³⁷.

Летом 1899 г. срок высылки П.Н. Милюкова из России истек, он решил вернуться в Россию. «В Константинополе обработать собранные данные не было возможности, и я решил сделать это при помощи богатого археологического отдела библиотеки Naturhistorisches Museum в Вене. Хранителем этого отдела был известный археолог Шомбати»³⁸, к которому я и обратился. Ознакомившись с характером моих находок, он охотно оказал мне содействие в их разработке. К нему я неоднократно обращался за содействием для разрешения сомнительных для меня вопросов. В общем итоге для меня выяснилось, что некрополь у озера Острово представляет в очень чистом виде раннюю стадию этого типа погребений, — раннюю не хронологически, но... типологически; сохранность же этого типа, независимо от времени, объясняется провинциализмом этой находки. Антропологическая сторона находок так и осталась неразъясненной; я мог лишь констатировать, на основании

³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 1. Д. 147. Л. 7–15; Üre P. Reclaiming Byzantium... С. 93–95.

³⁸ Имеется в виду Й. Сомбати.

своих фотографий черепов, что население того времени было антропологически смешанное, с преобладанием длинноголовия, но и с заметной примесью типов, склонявшихся к среднеголовью»³⁹. П.Н. Милюков значительно удревнил находки и предварительно датировал могильник 1500–1300 гг. до н.э., приписав его иллирийцам; его австрийские консультанты Hörmes⁴⁰ и Szombaty⁴¹ отнесли памятник к 800–700 гг. до н.э., что более соответствует современным датировкам.

На XI Всероссийском археологическом съезде в Киеве (1–20 августа 1899 г.) Б.В. Фармаковский сделал доклады о византийском пергаменном свитке конца XI–начала XII в., приобретенном летом 1898 г. у продавца древностей на стамбульском базаре⁴², и о последних научных мероприятиях РАИК, а П.Н. Милюков 9 августа — доклад с общей характеристикой могильника у Патели, проиллюстрировав его фотографиями погребений и находок. «Критики я не ожидал, — вспоминал он в эмиграции, — ввиду одиночности моей находки и полной неразработанности этого края в археологическом отношении. Некоторые замечания графа А.А. Бобринского, председателя петербургской Археологической комиссии, пользы мне не принесли. Отчет мой сделан был устно и в печать попал в очень кратком виде»⁴³. Исследователи и до сих пор

³⁹ Милюков П.Н. Воспоминания: В 2-х т. М., 1990. Т. 1 (1859–1917). С. 199–200.

⁴⁰ Хёрнес Мориц (Hörmes Moritz; 1852–1917), австрийский историк первобытного общества, археолог, этнограф и культуролог; член-корреспондент Венской АН (1916), приват-доцент (1892), профессор (с 1899) Венского университета, основатель отдела первобытной истории человека при университете; в рамках типологического метода представил классификацию вещей Гальштатского могильника.

⁴¹ Сомбати (Шомбати) Йозеф (Szombathy Josef; 1853–1943), австрийский археолог, заведующий отделом доисторического и раннеисторического периода Музея естественной истории в Вене (1882–1919), первооткрыватель известной палеолитической статуэтки «Венера Виллендорфская» (1908).

⁴² Фармаковский Б.В. Византийский пергаменный рукописный свиток с миниатюрами, принадлежащий Русскому археологическому институту в Константинополе // ИРАИК. 1901. Т. 6. Вып. 2–3. С. 253–359.

⁴³ Отчет... в 1898 г. С. 149–152; Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. 1899. Т. VII. № 8–10. С. 275–277; Известия XI Археологического съезда в Киеве. Киев, 1899. № 9. С. 96–98; Милюков П.Н. О результатах раскопок, предпринятых Русским археологическим институтом в Константинополе осенью 1898 г. возле с. Патели у оз. Острово, в Македонии // Труды XI Археологического съезда. Киев, 1902. Т. 2. Проток. С. 99–102. Заметка без подписи автора о раскопках в Патели: Русский вестник. 1900. Т. 265. № 2. С. 668.

жалуются, что мои материалы остались неопубликованными: к большому моему сожалению, как сказано, все мои усилия получить их из рук большевиков до сих пор оказались бесплодными»⁴⁴.

В августе 1899 г. Ф.И. Успенский запросил разрешение на продолжение раскопок в Патели через почетного председателя РАИК, русского посла И.А. Зиновьева. Он просил принять все меры, чтобы избежать подозрений со стороны Османского правительства в утаивании древностей и проконсультироваться с Оттоманским музеем, чтобы избежать каких-либо недоразумений. Порта направила комиссара музея и специалиста по древностям А. Тевхид бея в Монастир для наблюдения за раскопками, параллельно отправив ноту в посольство России с просьбой уточнить долю Османского императорского музея. Во время второй экспедиции РАИК подтвердил, что институт отправит артефакты в музей после завершения раскопок. Министерство внутренних дел предупредило местных чиновников в Монастыре, что русские археологи должны действовать в рамках османского законодательства. Благодаря личным контактам Ф.И. Успенского с директором Османского музея Османом Хамди беем ящики с находками экспедиции в Патели были открыты в Османском музее, а их содержимое было разделено поровну. РАИК пришлось передать материалы сотрудникам Османского музея, прежде чем они были изучены в институте⁴⁵. 18 октября 1899 г. Б.В. Фармаковский писал родителям: «Было целое дипломатическое дело из-за наших раскопок. Успенский все это дело возложил на меня. Благодаря горячему содействию моих молодых приятелей в посольстве... все устроилось хорошо»⁴⁶.

Исследования в Патели со второй половины октября 1899 г.⁴⁷ продолжили Б.В. Фармаковский и прикомандированный к РАИК А.А. Васильев⁴⁸.

⁴⁴ Милоков П.Н. Воспоминания: В 2-х т. М., 1990. Т. 1 (1859–1917). С. 200.

⁴⁵ СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 1. Д. 147. Л. 15; Д. 150. Л. 5–7; *Üre P. Reclaiming Byzantium...* Р. 95.

⁴⁶ *Фармаковская Т.И.* Борис Владимирович Фармаковский. С. 101.

⁴⁷ Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе за 1899 год // ИРАИК. 1901. Т. 6. Вып. 2–3. С. 472–477.

⁴⁸ Васильев (Vasiliev) Александр Александрович (1867–1953) — историк-византист, основатель американской школы византиноведения; магистр (1901), доктор (1902) всеобщей истории; член-корреспондент РАН (1923). Выпускник Петербургского университета (1892), совершенствовал образование в Европе как стипендиат Министерства народного просвещения (1897–1900), прикомандирован к РАИК, принял участие в раскопках в Патели (1899). Профессор Юрьевского университета

Последний проявил себя не только как археолог, но и как агиолог и агиограф: 5 апреля 1899 г. он выступил с докладом и затем издал в «Известиях» РАИК греческий текст жития преподобного Филарета Милостивого IX в. по рукописи Национальной библиотеки в Париже⁴⁹.

Раскопки велись с 20 октября по 17/29 ноября 1899 г. с помощью 20 рабочих. «Уже более недели копаем, — сообщал Б.В. Фармаковский матери 28 октября 1899 г. — Находок у нас тоже уже много (около 300 номеров описи). Шефом на раскопках состою я... Состоит при нас... депутат министерства народного просвещения Тевхид-Эффенди, очень милый турок, но который ничего не делает и должен нас контролировать, чтобы мы ничего не утаили. Но, как всегда в Турции, мы с ним устроились так, что его полномочия сводятся к нулю, и он очень доволен. Посол при прощании советовал обходиться с ним как с добрым малым»⁵⁰.

Целью раскопок являлось установление границ некрополя: местность исследовалась по обе стороны железнодорожного пути. На южной стороне (А) была вскрыта прямоугольная площадь, примыкающая к участку прошлого года 40х11 м. Для выяснения границ могильника были заложены четыре траншеи до материка: первая, перпендикулярная к исследованной площади (6,1х20 м), в которой на глубине около метра по всей ее длине оказался материк; вторая (4х60 м), перпендикулярная первой; третья (4х47 м) и четвертая (4х38 м), параллельные второй на расстоянии 37 и 13 м от раскопа 1898 г. Б.В. Фармаковский пришел к выводу, что некрополь на стороне А не может продолжаться

(1904–1912), приват-доцент (1901–1904, 1912–1917), экстраординарный профессор (1917–1925) кафедры всеобщей истории Петроградского университета, декан славяно-исторического факультета Петербургского женского пединститута (1912–1922). После Октября 1917 — профессор новогреческой литературы ямфака ЛГУ (до 1925), заведующий разрядом археологии и искусства раннехристианского и византийского Археологического отделения (1919 — осень 1926), председатель (1920–1921) РАИМК. В 1925 уехал в заграничную командировку в Европу от АН СССР и эмигрировал в США, профессор кафедры древней истории Висконсинского университета в Мэдисоне (1925–1939), работал в исследовательском центре Гарвардского университета Dumbarton Oaks в Вашингтоне (1944–1953). См.: *Тункина И.В.* 1) Васильев Александр Александрович // *С.А. Жебелёв.* Русское археологическое общество... С. 231–232; 2) Александр Александрович Васильев (1867–1953) // *Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку / науч. ред.-сост. В.А. Горончаровский.* СПб., 2022. С. 16–32.

⁴⁹ *Васильев А.А.* Житие Филарета Милостивого // ИРАИК. 1900. Т. 5. С. 49–86.

⁵⁰ *Фармаковская Т.И.* Борис Владимирович Фармаковский. С. 101.

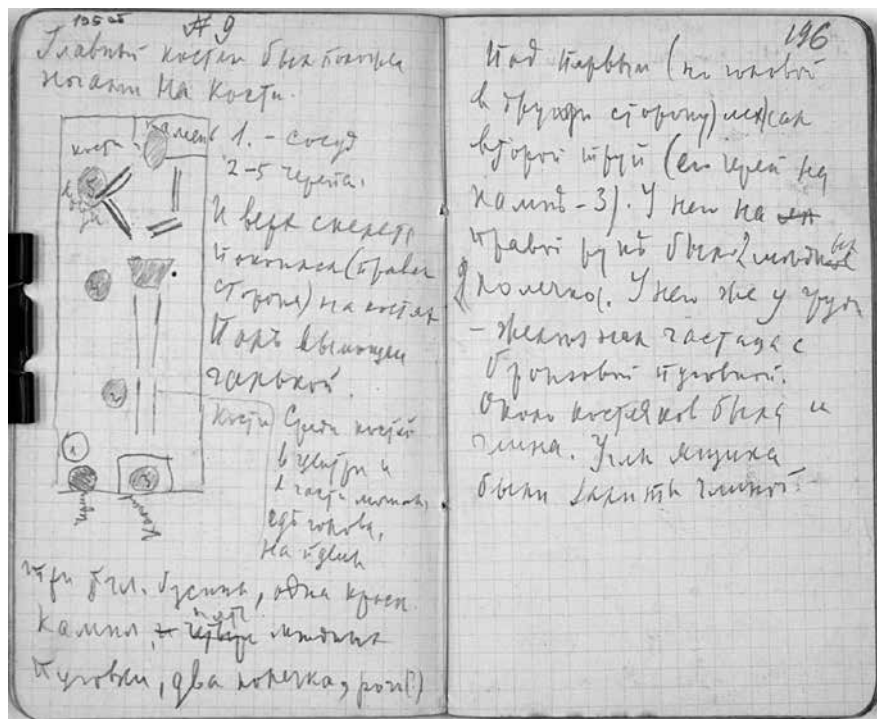

Рис. 3. Полевой дневник Б.В. Фармаковского. Могильник Патели. Погребение А № 9. 21 октября 1899 г. ©СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 805. Л. 195 об.–196. Публикуется впервые.

более, чем на 37,2 м и 13 м от раскопа 1898 г. Найденные здесь могилы оказались однотипны прошлогодним по способу погребения и погребальному инвентарю (рис. 3–4).

Сторона Б к северу от железной дороги оказалась гораздо богаче на находки. Сотрудники РАИК заложили прямоугольный раскоп широкой площадью 29,2х130 м, показавший, что далее на запад могильник не распространяется, а продолжается восточнее. Перпендикулярная раскопу траншея, заложенная на расстоянии 34,6 м от северного конца раскопа, наткнулась на дугообразную монументальную каменную стену высотой до 1,5 м, образовавшую круг диаметром 24 м. Внутри круга, по предположению Б.В. Фармаковского, «должны

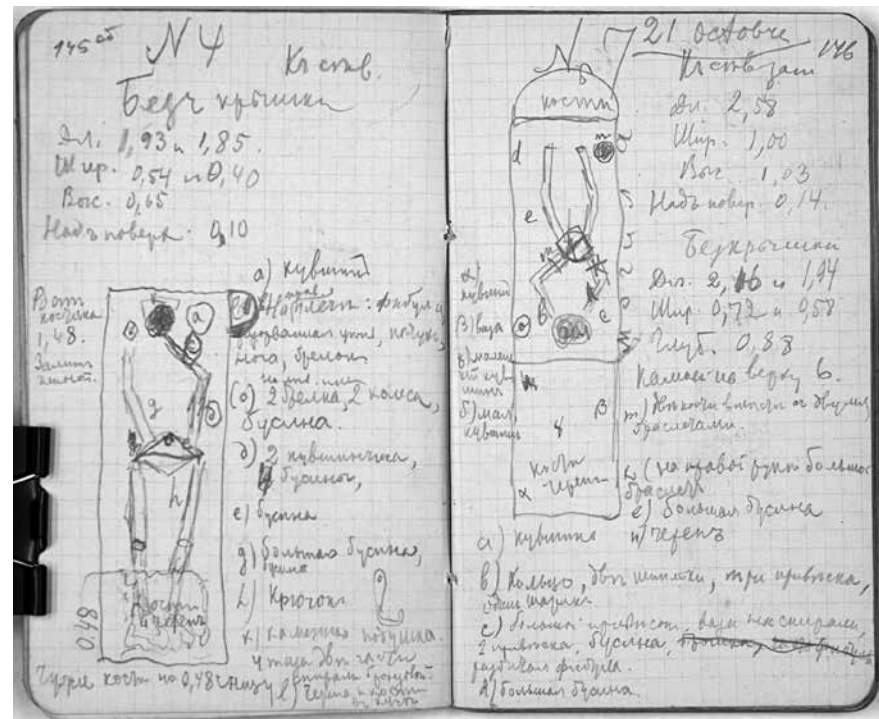

Рис. 4. Полевой дневник А.А. Васильева. Могильник Патели. Погребения В № 4 и В № 7. 20–21 октября 1899 г. ©СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 805. Л. 145 об.–146. Публикуется впервые.

были находиться могилы вождей того народа, от которого остался некрополь близ Патели»⁵¹. Около стены, вне круговой стены, обнаружено несколько больших сосудов с костями. Каменный круг оказался более чем наполовину пустым⁵² и включал всего 14 погребений: в одном

⁵¹ Отчет... С. 474.

⁵² Предположение профессора Бристольского университета Н.Д.Л. Хаммонда, что при раскопках «русские не упомянули курганы», которых якобы было один или даже несколько, не находят подтверждение в полевых материалах членов РАИК: «На этот курган указывают раскопки толстой круглой стены, окружавшей четырнадцать могил, — писал Хаммонд. — В одной из этих могил был найден единственный при раскопках бронзовый меч». Он же увеличил количество

случае кости были сложены в большом сосуде, в других случаях — в «небольших каменных ящиках». В некоторых могилах при костях лежали черепа и кости, разложенные при погребении, что свидетельствует о семейном характере последовательных захоронений: «Очевидно, обычай требовал, чтобы погребаемый покоился вместе со своими предками и поблизости членов своего рода». Этим обычаем он объяснял погребения в оссуариях — в сосудах легче всего было переносить кости предков. «Совершенно одиноко стоящий сосуд с костями, найденный в круге, очевидно, заключал в себе кости предка, еще бывшего в живых члена рода». Могила в центре круга, открытые практически на поверхности, отличались особой монументальностью, но пострадали больше всего. Погребальный инвентарь таких могил не отличался от остальных, в них найдены массивные и тяжелые бронзовые предметы, но «даже лучшие вещи были находимы и в других гробницах»⁵³. Могила одной семьи образовывали родовые группы, которые распределялись кругами около центрального пустого пространства. Б.Ф. Фармаковский предположил, что существовали не только ограды из камней, отделявшие одну группу погребений от другой, но и ограды из дерева. «Каменные ящики» были аналогичны тем, что исследовались в 1898 г., причем несколько были сложены из плит пурпурного цвета; несколько раз встретились скорченные погребения. Всего было исследовано 222 погребения: 36 на стороне А, 186 на стороне В. Среди 1206 находок — бронзовые очковидные (Brillenfibel) и дугообразные (Bogenfibel) фибулы, бусы, кольца, диадемы, браслеты, пуговицы, шпильки, серьги, шипчики, сосуды, в том числе бронзовая чаша в виде полушара, статуэтка лошади, привески в форме птиц, спирали и пр., бронзовые меч и нагрудник, миниатюрные модели бронзовых кувшинчиков; четыре золотых украшения; железные наконечники копий, ножи, кинжалы, стержни и шпильки, браслеты, шипчики, мечи; предметы из камня и кости (в том числе каменный идол), предметы из дерева (в том числе рукоятка с орнаментом), керамика, мелкие предметы из глины и камней, краниологический материал⁵⁴.

погребений, якобы исследованных в 1898–1899 гг. — 576 гробниц. См.: The Cambridge Ancient History. P. 645.

⁵³ Отчет... С. 475.

⁵⁴ Отчет... С. 476.

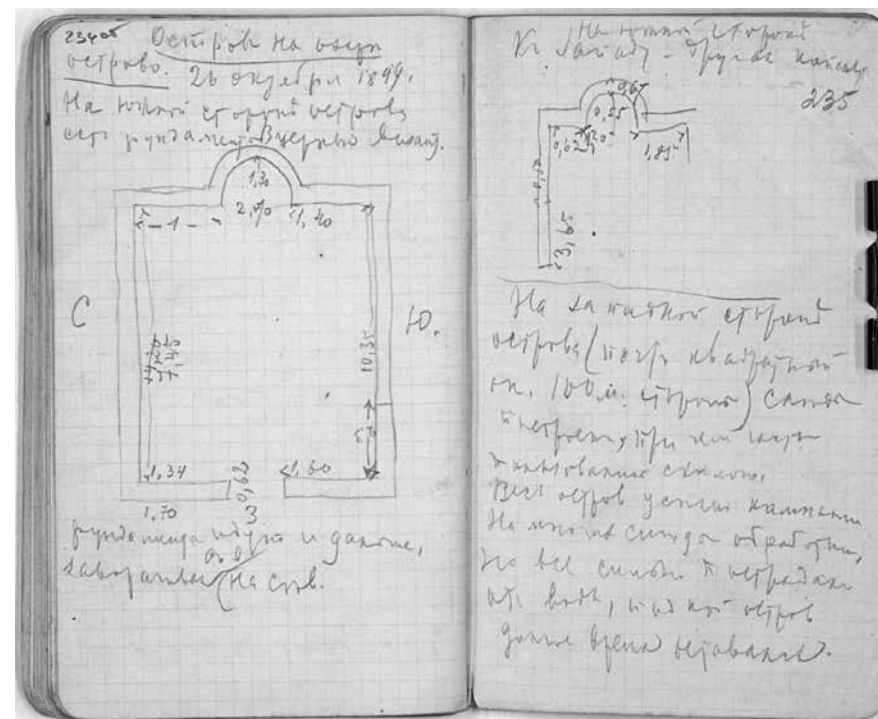

Рис. 5. Полевой дневник Б.В. Фармаковского. «Остров на озере Острово. 26 октября 1899 г.». Зарисовки фундаментов византийских церквей с указанием размеров. ©СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 805. Л. 234 об.–235. Публикуется впервые.

Разведки местности близ некрополя показали, что рядом расположены два аналогичных могильника. Одну могилу в 15 минутах ходьбы к югу, у проезжей дороги из с. Патели в с. Сорович, раскопал А.А. Васильев. Другой могильник располагался к северу в 300 м на холме за обрывом. Проверка предположения П.Н. Милокова о наличии свайных построек на маленьком островке в озере Острово напротив одноименной железнодорожной станции показала, что там находятся только развалины византийских церквей (рис. 5)⁵⁵.

⁵⁵ Отчет... С. 477.

Члены РАИК за 1898–1899 гг. исследовали в общей сложности 377 погребений. Полевые материалы раскопок 1899 г. также остались неопубликованными. М.И. Ростовцев, объехавший музеи и университеты славянских стран, 1 августа 1910 г. с укором писал Ф.И. Успенскому: «Побывав в славянских землях, я понял..., как важно было то, что Вы мне говорили в Петербурге о систематическом обследовании преистории Балканского полуострова в связи с преисторией юга России. Как бы хорошо это было, если бы этот план осуществился. Но тут я, конечно, мог бы быть только зрителем: преистория вне моих штудий. Как бы хорошо было, думается мне, начать совместную работу хотя бы с публикаций институтских раскопок в Македонии (Милуков — Фармаковский). Васич⁵⁶ такой знаток преистории, что совместно с Милуковым и Фармаковским после проверочных новых раскопок на месте он мог бы дать блестящую публикацию великолепного материала. Надо надеяться, что при такой постановке вопроса и Милуков перестанет мародерствовать, не выпуская из своих рук материала, которого он все равно не опубликует»⁵⁷. Однако этот план остался не реализован, тем не менее при финансовой поддержке РАИК М. Васич в 1911–1913 гг. исследовал прославивший его памятник — городище Винча-Бело-Брдо на лессовой террасе над рекой под Белградом, открытой им в 1908 г., давшей название археологической культуре Винча или культуре Винча-Турдаш (ок. 5400 – ок. 4500 гг. до н.э.) позднего неолита и раннего энеолита, открывшего самый ранний пример металлургии меди в истории человечества.

С началом Первой мировой войны и разрыва дипломатических отношений России с Турцией деятельность РАИК была приостановлена, большая часть коллекций оказалась арестована, реквизирована и передана в Османский музей. В мае 1920 г. РАИК был официально упразднен. Вопрос о возвращении в СССР имущества РАИК решился в 1929–1931 г.: музейные памятники в 1931 г. оказались в Государственном

⁵⁶ Васич Милое (Васић Милоје; 1869–1956), сербский археолог, основатель современной сербской археологии, доктор философии (1899); член-корреспондент (1948), действительный член (1952) Сербской АН и искусств, доцент (1903–1914, 1920–1922), профессор (1922–1939, 1947–1955) Белградского университета, директор Национального музея в Белграде (1906–1918).

⁵⁷ Письма М.И. Ростовцева С.А. Жебелёву, Ф.И. Успенскому и Н.Я. Марру / Публ. И.В. Тункиной // Скифский роман / под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 410–411.

Эрмитаже⁵⁸. А.С. Шофман установил, что по акту № 718 от 22 ноября 1936 г. в Эрмитаж поступили 27 глиняных сосудов из раскопок РАИК в с. Патели, но эти памятники не были включены в каталог выставки «Коллекция музея РАИК в Эрмитаже»⁵⁹. Основной материал раскопок сегодня хранится в Археологическом музее в Стамбуле. Исследованный сотрудниками РАИК грунтовый могильник Патели (или Пателе) стал одним из первых археологических памятников, ставших известными науке, на территории Македонии, но упрек профессора Хаммонда, что русские «почти ничего не опубликовали», справедлив до сих пор. К сожалению, раскопки памятника более не проводились. Сегодня открытые погребения датируются XI–VI вв. до н.э., т. е. относятся к финальной бронзе и фазам I–II раннего железного века западно-фракийского гальштата согласно периодизации югославского археолога М. Гарашанина или периоду В и С по М. Васичу — времени начального этапа формирования древнемакедонского государства. Македонские некрополи раннего железного века расположены по берегам рек или озер, но до сих пор нет ни одной пары поселение — некрополь, изученных в достаточной степени⁶⁰. Тем более ценны для археологов документы, сохранившиеся в личном фонде П.Н. Милукова в Государственном архиве Российской Федерации и в академическом архиве в Санкт-Петербурге — подлинные полевые дневники раскопок П.Н. Милукова, А.А. Васильева⁶¹ и Б.В. Фармаковского⁶² 1898, 1899 г. в Патели, заполненные черновыми чертежами, с указанием номеров, ориентировки, размеров могил и «ящиков», места расположения

⁵⁸ Подробнее см.: Басаргина Е.Ю. Русский археологический институт в Константинополе. СПб., 1999. С. 132–145.

⁵⁹ Шофман А.С. История античной Македонии. Ч. 1: Доэллинистическая Македония. Казань, 1960. С. 26–27; Коллекция музея РАИК в Эрмитаже: Каталог выставки / Науч. ред. В.С. Шандровская. СПб., 1994.

⁶⁰ Подробнее см.: Крыкина О.В. 1) Формирование древнемакедонского государства (по археологическим данным) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2002. Вып. 12: В честь 70-летия Сергея Дмитриевича Крыжицкого. С. 130–136; 2) Социальная стратификация населения древней Македонии по данным некрополей раннего железного века // Там же. С. 121–130; 3) Начальный этап формирования государства в древней Македонии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003.

⁶¹ СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 805. Л. 143–188. «Раскопки в Патели 1899 года. № 1 А.А. Васильева». 20 октября – 4 ноября 1899 г. Могилы №№ 1–116.

⁶² СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 805. Л. 189–235. «Раскопки в Патели 1899 года. № 1 Б.В. Фармаковского». 20 октября – 4 ноября 1899 г. Могилы на раскопах А и В, развалины церквей на островке озера Острова.

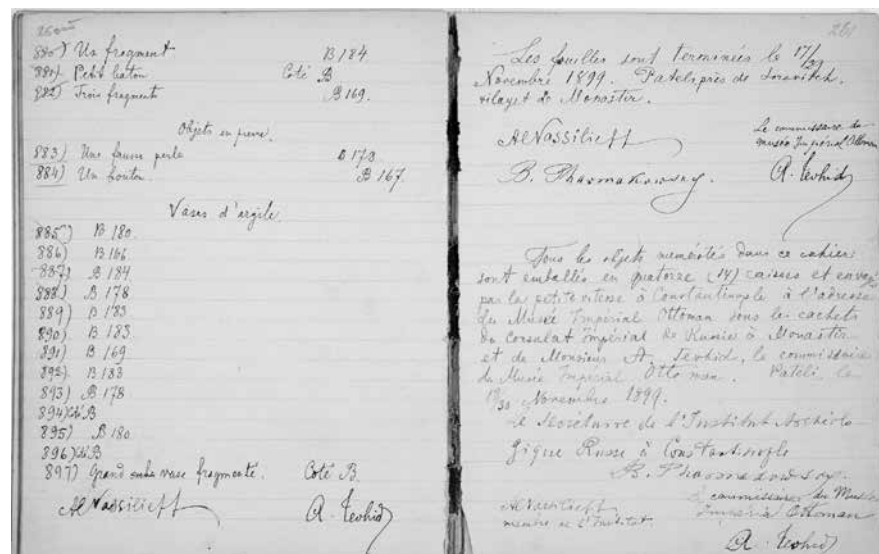

Рис. 6. «Раскопки в Патели 1899 года. Инвентарь находок по дням». Заверенные подписями А.А. Васильева, Б.В. Фармаковского и комиссара Имп. Османского музея А. Тевхида о завершении раскопок в Патели 17/29 ноября 1899 г. и отправке 14 запечатанных ящиков с находками в Императорский Османский музей в Стамбул 18/30 ноября 1899 г. На фр. яз. ©СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 805. Л. 261. Публикуется впервые.

черепов и костяков (с размерами), погребального инвентаря, подневные списки находок с 20 октября по 17/29 ноября 1899 г. с указанием буквы раскопа и номера могилы на французском языке рукой Б.В. Фармаковского, заверенные ученым секретарем института, А.А. Васильевым и комиссаром Османского музея А. Тевхид-эффенди. 18/30 ноября 1899 г. инвентарь находок завершили следующим абзацем с подписями трех лиц: «Все предметы, пронумерованные в этой тетради, упакованы в четырнадцать (14) ящиков и отправлены малой скоростью в Константинополь по адресу Османского Имперского музея под печатями Российского Императорского консульства в Монастире и господина А. Тевхида, комиссара Османского Имперского музея» (рис. 6)⁶³.

⁶³ СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 805. Л. 236–261: «Раскопки в Патели 1899 года. Инвентарь находок по дням». На фр. яз.

Контаминация всех совокупных материалов из архивов и музеев Москвы, Санкт-Петербурга, Археологического музея в Стамбуле (включая коллекционные описи и сами артефакты, рис. 7–13), их изучение и полная публикация специалистами по западно-фракийскому галыштату позволит ввести в научный оборот археологические материалы раскопок, без сомнения, равнозначные новым полевым археологическим открытиям.

Н. В. Пивоварова
Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

Забываемое имя в отечественном византиноведении: Н. В. Малицкий

В начале 2000-х гг. по приглашению И. П. Медведева, которому я бесконечно признательна за оказанное мне доверие, я приняла участие в издании «Мир русской византистики» и подготовила очерк жизни и ученой деятельности Н. В. Покровского — одного из основоположников русской церковной археологии¹. При работе над разделом статьи, посвященным службе Покровского на ниве духовного просвещения, внимание мое привлекла личность одного из учеников и последователей ученого — Николая Владимировича Малицкого (1881–1938), чье имя в то время было известно лишь узкому кругу специалистов в области отечественной науки (Ил. 1). Собранные на тот момент немногочисленные сведения вошли в очерк² и послужили стимулом для дальнейших архивных изысканий, позволивших восстановить канву научной биографии Малицкого³. С того времени минуло более 20 лет. Однако

¹ Пивоварова Н.В. Н. В. Покровский: личность, научное наследие, архив // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб., 2004. С. 41–77.

² Там же. С. 68–69. Примеч. 165.

³ Пивоварова Н.В. Забытые имена в русской церковной археологии: И. А. Карабинов и Н. В. Малицкий // Искусство христианского мира. Сб. статей. М., 2004. Вып. VIII. С. 426–437; Она же. Николай Владимирович Малицкий и изучение памятников владими́ро-суздальской каменной пластики в 20-е гг. XX века // Георгий Карлович Вагнер — ученый, художник, человек. М., 2006. С. 341–348; Она же. К 125-летию со дня рождения Николая Владимировича Малицкого (1881–1938). Предисловие, библиография работ, список публикаций о Н. В. Малицком // София. Издание Новгородской епархии. 2006. № 3. С. 20, 27; Готовский А., Пивоварова Н. О Николае Владимировиче Малицком // Там же. С. 25–27.

по-прежнему вклад Н. В. Малицкого в российское византиноведение остается недооцененным. Его имя за редкими исключениями даже не упоминается в трудах исследователей византийской рукописной книги, хотя древнейшие рукописи библиотек двух российских столиц составляли главный предмет занятий ученого в 1920-е — начале 1930-х гг.⁴

Одновременно со службой в Российской (Государственной) Академии истории материальной культуры, где разворачивалась деятельность Малицкого по изучению памятников византийской и древнерусской миниатюры, монументальной живописи и каменной пластики, ученый работал в отделении древнерусского искусства Русского музея, к занятиям в котором был привлечен в 1923 г. по инициативе Н. П. Сычева⁵. Этой стороне деятельности Н. В. Малицкого повезло еще менее. Лишь два раза, в ряду других сотрудников музея, его имя названо в юбилейном издании по истории ГРМ⁶. Отчасти это молчание объясняется тем, что ученый разделил судьбу многих современников, закончивших жизнь не в окружении единомышленников-сослуживцев и благодарных учеников, а в застенках ГУЛАГа⁷. В 1929 и 1933 гг. репрессиям подвергся весь наличный состав древнерусского отделения. Были арестованы и отправлены в лагеря А. П. Смирнов

1. Н. В. Малицкий. 1910-е гг.
Архив автора

⁴ Пивоварова Н.В. Забытые имена в русской церковной археологии. С. 431; Она же. Византийские лицевые рукописи в исследованиях членов Комиссии по изучению миниатюры // Древнерусские и греческие рукописи Российской национальной библиотеки. Материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14–16 июня 2005 г.). СПб., 2007. С. 153–159.

⁵ ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 10. Д. 284а. Л. 7 об.; Оп. 6. Д. 314. Л. 13.

⁶ Государственный Русский музей. Из истории музея. Сб. статей и публикаций. СПб., 1995. С. 82, 100.

⁷ Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М. Дело славистов: 30-е годы. М., 1994.

2. Н. В. Малицкий (в третьем ряду, крайний слева) среди коллег.
Вторая половина 1920-х гг. ГРМ

(1889–1930), Н. П. Сычев (1883–1964), Л. А. Дурново (1883–1963), Е. А. Лютер (1888–1942) (Ил. 2), чей неподдельный интерес к трудам старшего коллеги, участие в обсуждении его работ, совместные занятия в музейных фондах и библиотеках в 1920-е гг. позволили Н. В. Малицкому избежать ошибок и добиться серьезных научных результатов.

Николай Владимирович Малицкий родился 9 мая 1881 г. в с. Белка Вежгородской волости Кременецкого уезда Волынской губернии в семье священника Владимира Иоанновича Малицкого⁸. По окончании курса Кременецкого Духовного училища он поступил в Волынскую Духовную семинарию, затем — в Петербургскую Духовную академию, где специализировался по западному христианству на кафедре Истории разбора западных исповеданий. В 1905–1906 гг. он состоял профессорским стипендиатом при названной кафедре.

⁸ В анкетах советского времени Н. В. Малицкий указывал, что родился в семье учителя.

В 1905 г. Малицкий был принят на историко-филологический факультет С.-Петербургского университета и окончил его в 1909 г. с дипломом I степени и вручением золотой медали за работу «“Speculum Perfectionis” как источник для истории Франциска Ассизского (Историко-критический этюд)»⁹. В июне 1909 г. он был рекомендован в качестве кандидата для чтения лекций по латинскому языку в Петербургской Духовной академии¹⁰; в 1911 г. (в связи с разделением академической кафедры церковной археологии и литургики на две) изъявил желание занять кафедру церковной археологии, на которую был избран штатным преподавателем (утвержден со 2 ноября 1911 г.)¹¹.

Эстафету преподавания Н. В. Малицкий принял от профессора Н. В. Покровского (Ил. 3), более 30 лет читавшего в Духовной академии курс церковной археологии и литургики. В 1905 г. Н. В. Покровский вышел на пенсию с правом чтения лекций в звании сверхштатного ординарного профессора и, одновременно, начал подыскивать себе смену¹². Его преемниками стали И. А. Карабинов и Н. В. Малицкий.

3. Н. П. Шаховской. Портрет Н. В. Покровского. 1913. ГРМ

⁹ См.: Дело 1909 г. об оставлении Н. В. Малицкого при университете по кафедре всеобщей истории (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10301); Личное дело Н. В. Малицкого (НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 400. Л. 6); Автобиография Н. В. Малицкого (ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 801. Л. 454–454 об.).

¹⁰ Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1908–1909 учебный год (в извлечении). СПб., 1909. С. 346–347. Малицкий состоял в должности доцента Академии с 18 ноября 1909 г.

¹¹ Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1911–1912 учебный год (в извлечении). СПб., 1912. С. 87–90.

¹² Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1904/5 учебный год (в извлечении). СПб., 1905. С. 211–212, 260.

Как лицо, не занимавшееся ранее церковной археологией, Малицкий нуждался в профессиональной подготовке, что хорошо понимал и Н. В. Покровский. В январе 1912 г. он выступил инициатором освобождения Н. В. Малицкого от чтения лекций и командирования его с ученой целью «внутри России и за границу»¹³. Подобно наставнику, посвятившему свою первую поездку за границу (1876–1877 гг.) знакомству с памятниками Италии, Н. В. Малицкий провел в Италии 4 месяца с 1 сентября 1912 по 1 января 1913 г.

Успех Н. В. Малицкого в освоении нового материала был налицо, и в 1916 г., ссылаясь на тяжелое состояние здоровья, Н. В. Покровский ходатайствовал также о приглашении молодого ученого в качестве приватного лектора в Петроградский Археологический институт¹⁴. В 1918 г., получив степень магистра за диссертацию «Евхаристический спор на Западе в IX веке»¹⁵, Малицкий становится признанным лидером как в области изучения западного, так и восточного христианства. В 1920–1923 гг. он — профессор Петроградского богословского института; в 1925–1929 гг. — доцент Ленинградского университета. Практические занятия по византийскому искусству VII–XI вв. он вел еще в одном учебном заведении Петрограда—Ленинграда — Российском институте истории искусств (б. Зубовский).

В конце 1910 — начале 1920-х гг. Н. В. Малицкий поступает на службу в ведущие научные учреждения Петрограда: в 1919 г. — в Российскую Академию истории материальной культуры¹⁶, в 1922 г. — в Русский музей¹⁷.

¹³ Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1911–1912 учебный год. С. 139–142, 159–160.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 410. Л. 72, 84 об., 87. Преподавателем Института Н. В. Малицкий числился с 10 октября 1916 г.

¹⁵ Утвержден в степени 15 мая 1918 г. В анкете 1932 г. (НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 400. Л. 3 об.) Малицкий не совсем точно указывал, что состоял преподавателем Археологического института в течение 9 лет (1916–1925). В действительности, Археологический институт как учебное заведение прекратил существование в 1922 г., когда произошло его преобразование в Археологическое отделение Факультета общественных наук Петроградского университета. Т. о., в 1922–1925 гг. Малицкий преподавал на ФОН Университета.

¹⁶ НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 400. Л. 8. Сведения о занимаемых должностях в РАИМК—ГАИМК приведены в статье: *Пивоварова Н.В.* Забытые имена в русской церковной археологии. С. 436. Примеч. 42.

¹⁷ Первоначально (с 10 мая 1922 г.) Малицкий был зачислен научным сотрудником Комитета изучения древнерусской живописи, затем по предложению

Исчерпывающее представление о занятиях в РАИМК—ГАИМК позволяют составить материалы Комиссии по изучению миниатюры, в которой он начал свою деятельность, а также протоколы двух разрядов — Разряда византийской археологии и искусства и Разряда русской живописи. Тематика исследований в первом из разрядов отражена в списке докладов за 1919–1926 гг., опубликованном в Праге в 1927 г.¹⁸ Сведения о позднейших работах содержатся в резюме, приложенных к протоколам. К числу важнейших работ Малицкого должны быть отнесены исследования о греческих иллюминированных рукописях из собрания Государственной Публичной библиотеки (ныне — РНБ): Евангелиях греч. греч. № 21 и 105, Псалтири греч. № 214, ленинградском фрагменте Слов Григория Назианзина из библиотеки Греческого патриархата в Иерусалиме (Ἀγίου Τάφου 14), а также датированном 1072 г. кодексе, содержащем Деяния, Послания апостолов и Апокалипсис из МГУ. Однако наиболее детально Н. В. Малицкий изучил знаменитую Хлудовскую псалтирь из Исторического музея, высказав свое мнение по вопросу о ее монастырском происхождении¹⁹.

Работа в Русском музее в силу своей специфики была связана в первую очередь с памятниками русской церковной старины. Здесь Н. В. Малицкому пригодился опыт предшествующих лет — изучение экспонатов Церковно-археологического музея Петербургской Духовной академии. 1920-е–1930-е гг. были временем интенсивного пополнения собрания Отделения древнерусского искусства. Музею требовались квалифицированные сотрудники, способные производить отбор и систематизацию предметов музейного значения²⁰. Малицкий был од-

Н. П. Сычева привлечен к занятиям в I отделении музея с продолжением работы по КИДРЖ. См.: ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 314. Л. 2 (выписка из журнала заседания Совета Художественного отдела от 27 февраля 1923 г., № 670, ст. 21); Там же. Оп. 10. Д. 284а. Л. 7 об.; Оп. 6. Д. 314. Л. 13.

¹⁸ Список докладов, прочтенных [Н. В. Малицким] в Разряде археологии и искусства ранне-христианского и византийского в 1919–1926 гг. // *Seminarium Kondakovianum*. 1927. II. С. 324, 325.

¹⁹ Подробнее см.: *Пивоварова Н.В.* Забытые имена в русской церковной археологии. С. 431. Примеч. 44–53 на с. 435.

²⁰ После закрытия Духовной академии и упразднения ее музея Н. В. Малицкий выступил инициатором перемещения коллекций в Музей археологического института, которым заведовал. Подробнее об этом: *Пивоварова Н.В.* Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской Духовной академии: Судьба

ним из тех, кто с первых дней службы в музее обладал соответствующими знаниями.

Совместно с сотрудниками Художественного отдела — прежде всего Е. А. Лютер и Л. А. Дурново — Н. В. Малицкий производил работы по приему, систематизации и размещению по шкафам поступавших в музей коллекций. При его деятельном участии шла подготовка постоянной экспозиции древнерусского искусства, формировался и оформлялся раздел выставки Историко-бытового отдела музея «Господствующая церковь и старообрядцы в XVII в.»²¹

Напряженная административная деятельность (Н. В. Малицкий исполнял обязанности секретаря Отделения древнерусского искусства и секретаря Реставрационной комиссии по ОДРИ) сочеталась с интенсивной научной работой. В 1932 г. вышла в свет статья Малицкого «Древнерусские культы сельскохозяйственных святых по памятникам искусства», подготовленная на материалах ГРМ²²; в 1933 г. появились «Заметки по эпиграфике Мангуша»²³. В планах ученого была заявлена разработка фундаментальной темы «Политическая идеология Московской Руси XVI в. и отражение ее в живописных памятниках»²⁴.

Последние упоминания о работе Н. В. Малицкого в Русском музее содержатся в делах Ведомственного архива ГРМ за 1933 г. Это материалы о выдаче из музея церковного имущества, выделенного в Госфонды²⁵, и протоколы производственных совещаний по подготовке экспозиции искусства раннего феодализма²⁶. Теперь хорошо известна причина исчезновения имени ученого из документов последующих лет. Весной-осенью 1933 г. по Русскому музею прокатилась волна

коллекций // Судьбы музейных коллекций. Материалы VI Царскосельской научной конференции. СПб., 2000. С. 73–74; *Она же*. Музей С.-Петербургской Духовной академии: Из истории спасения музейных коллекций в 1919–1922 гг. // Судьбы музейных коллекций. Материалы VII Царскосельской научной конференции. СПб., 2001. С. 123–127.

²¹ ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 849. Л. 1, 19 об.

²² Оpubл. в сб.: Известия ГАИМК. 1932. Т. XI. Вып. 10. (и отд. отт.).

²³ Там же. 1933. Вып. 17. (и отд. отт.).

²⁴ ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 849. Л. 19.

²⁵ Там же. Д. 981.

²⁶ Подробнее об этом: *Пивоварова Н.В.* Николай Владимирович Малицкий: последние годы служения отечественной науке // Вестник Исторического общества СПбДА. Научный журнал. 2024. № 2 (18). С. 64–65.

увольнений и арестов. Были арестованы заведующий Отделением древнерусского искусства Н. П. Сычев, действительный член Художественного отдела П. И. Нерадовский, научные сотрудники Л. А. Дурново, Е. А. Лютер, Е. К. Мроз и многие другие.

29 ноября 1933 г. ПП ОГПУ в ЛВО был арестован и Н. В. Малицкий²⁷. Он обвинялся в том, что «...входил в ячейку к/р фашистской организации в Художественном отделе Русского музея, систематически проводил к/р националистическую пропаганду и агитацию, используя в этих целях осуществляемые им в Музее экспозиции, планы и руководимые им экскурсии рабочих, красноармейцев и учащихся...»²⁸. Постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 29 марта и 2 апреля 1934 г. Малицкий был осужден к лишению свободы в ИТЛ сроком на 3 года, с заменой высылкой через ПП ОГПУ в Северный край (г. Архангельск) на тот же срок (срок отсчитывался со дня ареста)²⁹.

По окончании ссылки Н. В. Малицкий остался на Севере. Живя в Вологде, он работал инструктором Вологодского общества краеведения. 19 сентября 1937 г. последовал повторный арест. Тройкой УНКВД по Северной области Малицкий был осужден «за контрреволюционную агитацию» сроком на 10 лет. 15 января 1938 г. его жизнь прервалась в Каргопольлаге Архангельской области³⁰.

В 1956 г. и 1989 гг. обвинения, предъявленные Малицкому, были отменены и он был полностью реабилитирован. С материалами обвинительного заключения смог ознакомиться внучатый племянник ученого — А. Г. Гутовский. 31 марта 2000 г. он предоставил выписку из дела № П-30695 и справки о реабилитации Н. В. Малицкого в Научный архив Института истории материальной культуры РАН.

²⁷ Архив УФСБ РФ по СПб. и области, д. № П-30695: Ленинградское дело «Российская национальная партия», тт. 1–5. Материалы дела опубликованы в книге: *Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М.* Дело славистов: 30-е годы. М., 1994.

²⁸ Копия выписки из обвинительного заключения и материалы по реабилитации приобщены к личному делу Н. В. Малицкого в НА ИИМК РАН: НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 400. Л. 24–26.

²⁹ *Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М.* Дело славистов. С. 86, 231.

³⁰ Там же. С. 138, 204; НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 400. Л. 25. См. также: *Кызласова И.Л.* История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930-е годы. По материалам архивов. М., 2000. С. 295–296. Примеч. 14.

В приложении к статье публикуется отзыв Н. П. Сычева о трудах Н. В. Малицкого, входящий в состав личного дела ученого в НА ИИМК РАН. Он содержит обзор наиболее значительных работ, предпринятых в Академии истории материальной культуры, и свидетельствует о высокой оценке научного творчества Малицкого современниками.

Приложение

Отзыв Н. П. Сычева о трудах н. с. I категории Н. В. Малицкого от 31.05.1924

Когда Н. В. Малицкий был избран научным сотрудником Р. Академии Истории Материальной Культуры (в Декабре 1919 г.), он имел уже ученые труды, касающиеся однако главным образом истории, а не археологии. В свое время эти труды получили авторитетную оценку. О студенческой работе Н. В. Малицкого, удостоенной Советом Университета золотой медали, на тему «Вопрос о Speculum Perfectionis в историографии о Франциске Ассизском», проф. И. М. Гревс писал в заключение своего отзыва: «в авторе чувствуется серьезный труженик, богатый сведениями, свободно орудующий методическими приемами науки; Историко-Филологический Факультет СПб Университета может приветствовать в нем прекрасную умственную силу, подающего добрые надежды историка, добросовестного исследователя... молодого ученого, являющего в представленном труде талант, школу и одушевление» (Отчет СПб Университета за 1908 г., стр. 58–59). Сочинение это осталось не напечатанным. В 1917 г. вышел труд Н. В. Малицкого «Евхаристический спор на Западе в IX в.». В отзыве об этой работе, еще находившейся в рукописи, в 1914 г. (в печати сочинение было значительно расширено и переработано) один из рецензентов (проф. Ив. Павл. Соколов), отмечая правильность и ясность в освещении вопроса, между прочим так характеризовал работу автора над источниками. «Анализ текстов отличается тонкой наблюдательностью, обнаруживающе зрелую подготовку и опытность в чтении латинских писателей. От внимания автора не укрываются ни вставки, нарушающие связь мыслей, ни повторения, ни новые оттенки в аргументации, ни ошибки в цита-тах, всюду, где нужно, привлекается контекст речи; метко характеризуются приемы мышления, указываются господствующие идеи. Везде

в сочинении видна живая работа мысли автора» и пр. За это сочинение автор удостоен степени магистра и премии имени Макария Булгакова. С 1912 г. Н. В. Малицкий специально занимается христианской археологией. С 1916 г. он начал преподавание в Археологическом Институте, замещая сначала больного Н. В. Покровского. В 1917 г. он подвел итоги научной деятельности Н. В. Покровского в двух посвященных ему больших некрологах. В Академии Истории Материальной Культуры Н. В. Малицкому было поручено Комиссией по изучению миниатюры (после смерти В. Н. Щепкина) исследование византийской лицевой псалтири типа Хлудовской. Эту свою работу по изучению Псалтири Н. В. Малицкий продолжил и войдя в состав Разряда Византийской археологии и искусства. Занятие его этим предметом оказалось вполне успешным. Доказав константинопольское происхождение греч. Хлудовской псалтири, Н. В. Малицкий вместе с тем, вопреки установившемуся мнению в русской и иностранной литературе выяснил, что псалтирь вовсе не вышла из монастыря, будучи связана особенностями самого текста с уставом Великой Константинопольской церкви, что принятое обозначение данной редакции псалтири монашеской является неправильным, что вообще преувеличены в литературе обобщения на счет монашеской редакции в византийском искусстве. Н. В. Малицким дано новое толкование ряда миниатюр Хлудовской Псалтири, как напр. композиции Распятие при 45 псалме, неверно до сих пор понимаемой в западно-европейской литературе (на миниатюре представлено видение Дионисия Ареопажита). Свой первый очерк, связанный с изучением псалтири, Н. В. Малицкий посвятил изображению в псалтири Тайной вечери. Заключение здесь автора, как оказалось, совпало с выводами Милле в его книге *L'iconographie de l'Evangile*, доставленной в Ленинград спустя год после представления статьи Н. В. Малицкого в Академическое издательство, тем не менее эта его статья сохраняет свое значение и при наличии труда Милле, как дающая разбор композиции с большей полнотой на основе большего числа наблюдений. Устанавливая восточные основы для иллюстраций псалтири, Н. В. Малицкий отметил вместе с тем иконографические параллели для Псалтири в западной монументальной живописи 7 и 8 в. ([крип]та катакомб Валентина и мозаики оратория Иоанна VII), что дало повод для него ближе войти в изучение этой эпохи римского искусства. Высказанное же в литературе предположение о зависимости иконографии псалтири от мозаик

церкви Апостолов в Константинополе, как они нам известны по описанию Николая Месарита, побудило Н. В. Малицкого заняться анализом текста Месарита, в результате чего им установлено значительно более позднее происхождение мозаик, чем какое принято в труде издателя текста Месарита — Heisenberg’a, причем к такому заключению Н. В. Малицкий пришел еще раньше, чем в Ленинграде стали известны новые данные, опубликованные Вёй о художнике Евлалии, творце этих мозаик, действительно трудно примиримые с датировкой Heisenberg’a. В связи с изучением псалтири Н. В. Малицким было прочитано в Академии пять больших докладов, из них один публичный. Неуклонно занимаясь вопросами византийской археологии и искусства, как сотрудник соответствующего Разряда Академии, Н. В. Малицкий принимал вместе с тем близкое участие в занятиях Разряда древне-русского искусства. По этому Разряду он прежде всего вел исследование поздних рельефов Дмитриевского собора во Владимире, прочитал на эту тему публичный доклад и напечатал работу в Трудах Владимирского научного общества по изучению местного края (вып. V). В своем очерке он со всею ясностью поставил вопрос о времени происхождения этих рельефов, опубликовал новые архивные данные касательно реставрации Дмитриевского собора и дал, по словам проф. А. И. Некрасова, для рельефов собора, обширный и отличный археологический комментарий». (Печать и революция, 1923 г., кн. 7 с. 281). Далее интересуясь вопросом о восточных влияниях, отразившихся в росписи Спасо-Нередицкой церкви, Н. В. Малицкий подготовил штудию об изображении св. Фоки в Спасо-Нередицкой церкви, где пришел к выводу, что в этом изображении отразилась не константинопольская редакция агиологического предания. В последнее время Н. В. Малицкий занимается изучением символических икон 16 в., прочитал о них два доклада, в которых наметил новые точки зрения по данному вопросу и в частности в отношении к разбору композиций: так называемой Ты еси иерей во век по чину Мелхиседекову и Единородный Сыне. Н. В. Малицкий, наконец, тщательно следит за новинками литературы по своей специальности, живо на них реагируя и регулярно о них делая сообщения в Разряде византийской археологии и искусства и в Разряде древне-русского искусства.

Член Академии Н. Сычев.

НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 400. Л. 15–16

С.А. Иванов
Northwestern University, Evanston

«Дорогая и любимая Византия». Письма А.Ф. Вишняковой к А.А. Васильеву

Одним из величайших организационных достижений Игоря Павловича Медведева явился многолетний коллективный проект по изучению архивов русских византистов. Мне кажется, нет лучшего способа почтить память дорогого коллеги и старшего друга, чем продолжить его дело. Благодаря инициативе И.П., в свое время стали объектом изучения, среди прочих, документы и письма А.А.Васильева, которые отложились в Петербурге.¹ В то же время, заслуживают введения в научный оборот и те письма, которые получал он сам, находясь за границей.²

Отправляясь летом 1925 г. в недолгую командировку в Париж, А.А.Васильев уже знал, что из Парижа уедет в Америку, причем как минимум

¹ Куклина И.В. А. А. Васильев: «труды и дни» ученого в свете неизданной переписки // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И. П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 313–338.

² Пока опубликована переписка Васильева с М.И.Ростовцевым (Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В. М. И. Ростовцев и А. А. Васильев (Новые архивные материалы) // Вестник древней истории. 1996. № 4 (219). С. 168–188; Скифский роман / Под ред. Г. М. Бонгард-Левина. М.: РОССПЭН, 1997. С.259–286), а также письма Васильеву от его друзей Рождественских (Бочков А.В., Груздева Е.Н. «Не забывайте Ваших верных друзей»: письма С. В. и О. А. Рождественских А. А. Васильеву (1925–1929) // Journal of Modern Russian History and Historiography, 17 № 1 (2024), С. 144–179. Кроме того, часть бумаг Васильева вошла в необычную электронную публикацию Адрианы Марии ван Брукелен «По случаю 150-й годовщины А.А.Васильева» [chrome-extension://efaidnbmninnkagpcglclefindmkaj/file:///Users/sergeyivanov/Downloads/Alexander_Alexandrovich_Vasiliev_1867_19%20\(1\).pdf](chrome-extension://efaidnbmninnkagpcglclefindmkaj/file:///Users/sergeyivanov/Downloads/Alexander_Alexandrovich_Vasiliev_1867_19%20(1).pdf)

Фотография А.Ф. Вишняковой
из личного архива
М.С. Дороховой-Шангиной

на год, но еще не знал, что это навсегда. Ученый продолжал возглавлять Разряд археологии и искусства раннехристианского и византийского в ГАИМК³, и мог считать, что лишь временно оставляет свою квартиру, библиотеку, недописанные труды, коллег, друзей и учеников. Вплоть до середины 1928 г., пока длилась его командировка, писать письма ему в Америку было вполне законно. В архиве Висконсинского Университета в Медисоне хранятся письма от десятков корреспондентов: саратовский медиевист Ю.А.Иванов просит о протекции,⁴ композитор Игорь Миклашевский предлагает разрекламировать на Западе его фокстрот⁵; кузина Серафима Челпанова

умоляет выслать денег каким-то эмигрантам в Эстонию⁶; некая Н.Чернышова закликает прислать книг по психотехнике⁷ и т.д.

В конце декабря 1929 г. был выдан ордер на арест Васильева по «Академическому делу»⁸, но это, по-видимому, не сразу сделалось широко известно — поток корреспонденции в обе стороны не иссяк. Мало того, обе сестры, Надежда Александровна и Ольга Александровна, охотно делятся письмами брата с коллегами и знакомыми. Ольга, например, пишет 26 ноября 1934 г.: «Мои соседи — доктор с женой и матерью — всегда ждут с большим интересом чтения твоих писем»⁹.

³ Тункина И.В. Александр Александрович Васильев (1867–1953) // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку/ науч. ред.-сост. В.А. Горончаровский. — СПб.: ИИМК РАН, 2022. С.26

⁴ Madison Box1, File 31 от I.I.28.

⁵ Madison, Box 7, File 2 от 10.01.26

⁶ Madison, Box 2, File 13 от 10.X.29; Box 2, File14 от 17.XII 29.

⁷ B1 F23 31.III.27.

⁸ Иванов С.А. А.А.Васильев и «Академическое дело»// Graphosphera 3/2 (2023) С.287–299

⁹ Madison, Box 3, File 13.

После того, как Васильев был заклеен как буржуазный историк¹⁰ и с него в 1935 г. было снято звание члена-корреспондента АН СССР — переписка с ним наверняка сделалась признаком неблагонадежности, однако Васильеву регулярно писал академик С.А.Жебелев, последнее письмо от которого датировано 9 ноября 1939 г.,¹¹ а также Надежда Александровна, отправившая свое последнее письмо 15 октября 1940 г. Оба не пережили Ленинградскую блокаду.¹² Наверно, самое поразительное — это послание от крымского краеведа Д.С.Спиридонова: Васильев отправил ему свою книгу *The Goths in the Crimea* (Cambridge, Mass., 1936), и тот ответил обстоятельным разбором; было это в 1937 г., а на следующий год Спиридонову суждено было пройти через пытки и сделаться новомучеником.¹³ Впрочем, ведь и В.Н.Бенешевич, герой исследования Игоря Павловича, практически на краю расстрельного рва продолжал говорить, что отказ публиковаться за границей «может поставить его низко в глазах западных ученых.»¹⁴ По словам доброжелательной к Бенешевичу свидетельницы дикой травли, тот проявлял «глубочайшее непонимание мира, в котором он живет».¹⁵ Впрочем, вряд ли это было непонимание — скорее сознательный отказ играть по людоедским правилам. Поколение, которое росло при новой власти, такой нестигаемости уже не проявляло.

¹⁰ Литвиц Е.Э. К. Маркс и. Ф. Энгельс о начале Византии // ИГАИМК, вып. 90, 1934.С.543, 554, 555, 563. Впрочем, Васильев в этой статье не припечатан «белоземляником», в отличие от Г. Острогорского и М. Ростовцева.

¹¹ Письма Жебелева Васильеву в настоящее время готовят к публикации А.В. Бочков и М.В. Мандрик.

¹² Племянник Васильева К.Д.Халтурин написал ему, что, приехав в Ленинград после снятия блокады, нашел там его письма к Надежде Александровне см.: Dumbarton Oaks, A.A.Vasiliev papers, Miscellaneous correspondence, I.05 от 21 июля 1944 г. В краткий период союзничества СССР и США Васильеву, помимо племянника, вновь, после большого перерыва, написали сестра Ольга и академик И.Ю.Крачковский.

¹³ Dumbarton Oaks, A.A.Vasiliev papers. Miscellaneous correspondence IV. I.07 от 30 января 1937. Ср.: Димитрий Спиридонович Спиридонов (1871–1938), мч. (пам. 16 нояб. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских) // Православная Энциклопедия, т.50. С.60–61.

¹⁴ Медведев И.П. Судьба ученого: В.Н.Бенешевич. М., 2021. С.279–280, ср. 276, 423–425.

¹⁵ Там же. С.424.

К этой генерации принадлежала и Александра Федоровна Вишнякова. Она родилась 29 мая 1900, в 1918 г. поступила в Самарский Университет, а в 1921 г. перевелась в Петроградский, где и стала ученицей Васильева. В 1926 г. Вишнякова получила «право на ведение самостоятельной научной и преподавательской работы», выданное Исследовательским Институтом при ЛГУ и служила старшим научным сотрудником Исследовательского института сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) до его закрытия в 1930 г. В 1928 г. она опубликовала свою первую статью: Хозяйственная организация монастыря Лемвиотиссы// ВВ. 1928. Т.25. С. 33–52. Остальные подробности своей жизни Вишнякова излагает в публикуемых ниже письмах.

Александра Федоровна перестала писать своему учителю после апреля 1930 г. и даже не поблагодарила его за присылку ей второго тома «Истории Византии», притом что, скажем, Ф.И.Шмит, находившийся в Васильевым в непростых отношениях, считал себя обязанным выразить ему признательность за эту книгу¹⁶. Другой ученик Васильева, Николай Лебедев, не мог скрыть ревнивого чувства по поводу этой посылки: «Звонила ко мне Вишнякова и сообщила, что получила от Вас Вашу «Историю Византии» по-английски. Признаться, я обиделся: я просил Вас о высылке этих книг (за плату) и не получил, а ей Вы выслали. Разве она столь видная «византийка»? Как будто нет», — писал он 6 июля 1930 г.¹⁷ Впрочем, и для самого Н.Лебедева данное письмо стало последним, тогда как в 1926–29 гг. он слал их Васильеву часто и регулярно. Сам тот факт, что Вишнякова еще сочла возможным похвастаться получением книги, но уже не решилась поблагодарить за нее, свидетельствует, скорее всего, о растущей тревоге.

Нет оснований подозревать Александру Федоровну в излишнем конформизме. В публикуемых ниже письмах есть вполне прозрачные политические намеки и манифестация нескрываемой религиозности,

¹⁶ Madison, Box 2, File 16 от 15 апреля 1930 г. Еще в 1929 г. Шмит писал, что Васильев «сбежал (хотя и с законным паспортом, но на чрезмерно долгий срок) за границу» (Ананьев В. Г. «Люди двадцатых годов»: Очерки истории музейного мира Петрограда—Ленинграда конца 1910-х — 1930-х гг. — СПб.: Нестор-История, 2023. С.292, 559)

¹⁷ Madison, Box 2, File 17. Васильев послал свою книгу в Ленинград по 23 адресам (Куклина. С.320).

что в атмосфере конца 1920х гг. уже требовало известного мужества. И все-таки «Академическое дело» настолько осложнило ситуацию в научной среде, что не учитывать это осмеливались лишь немногие.

Дальше судьба Александры Федоровны складывалась так: в ноябре 1930 г. был арестован ее муж, М.А.Шангин. Лишившись работы по специальности, она устроилась библиотекарем на фабрику «Скороход». С 1935 по 1936 г. работала в школе для взрослых завода им. Жданова, с 1936 по 1937 г. — старшим научным сотрудником Херсонесского музея, с 1937 по 1940 г. — преподавателем в школе для взрослых Кировского района Ленинграда.

За эти годы она смогла опубликовать пять небольших статей на очень разные темы, частично навеянные научными интересами М.А. Шангина: Библиографический обзор греческой этнографической литературы за 1931–1934 гг.// Советская этнография, 1935, № 3. С. 129–135; Греческая этнографическая литература за 1931–1934 гг.// Советская этнография. 1936. № 2. С. 140–144.; Из истории греческой письменности// Вспомогательные исторические дисциплины. М.-Л., 1937. С. 171–182; Свинцовые печати византийского Херсонеса// ВДИ. 1939. №1 (6). С.121–133¹⁸; Славянская колония VII в. в Вифинии// ВДИ. 1940. №1 (10). С.138–141.

В 1942 г. умер М.А.Шангин. С 1943 по 1944 г. Вишнякова преподавала в средней школе в Краснодарском крае, а с 1944 по 1947 г. была доцентом кафедры всеобщей истории в Краснодарском Педагогическом институте. В 1945 г. она опубликовала статью: К вопросу о культуре и просвещении болгар в XIV веке // Византийский сборник / Под ред. В.М. Левченко. М.;Л., 1945. С.256–259. В том же году Вишнякова защитила в ЛГУ кандидатскую диссертацию на тему: «Письма Арефы Кесарийского как материал для истории византийского общества и культуры».

Казалось бы, карьера начала налаживаться — но что-то пошло не так. Александра Федоровна много лет мыкалась по разным провинциальным вузам. С конца 1950х гг. она работала в музее Петропавловской крепости¹⁹ -- иронично, что ей довелось закончить там,

¹⁸ Некоторые выводы этой статьи были потом поставлены под сомнение, см.: Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С.67.

¹⁹ Благодарю М.А. Куряшеву за эту информацию.

где Васильев начал: Александр Александрович был сыном коменданта этой крепости. Вишнякова скончалась 29 июня 1984 г.²⁰

А.А.Васильеву писали коллеги, представлявшие разные поколения античников и византинистов: старшее (Ф.И.Успенский, Н.П.Лихачев, С.А.Жебелев, Б.В.Фармаковский, В.Н.Бенешевич), среднее (Ф.И.Шмит, М. И. Максимова, А.П.Смирнов, Л.А.Мацулевич) — и младшее: люди 1890-х — начала 1900-х годов рождения. У многих из «старших» судьба сложилась трагически. Бенешевича и Шмита расстреляли, Смирнов умер на Соловках, Лихачев и Мацулевич сидели в тюрьме. Младшие же — не состоялись. Архив Васильева дает представление о целой группе молодых исследователей, с увлечением занявшихся Византией в начале 1920х, но потом растерявших энтузиазм²¹: ему пишут Наталья Васильевна Измайлова (1890–1942), Николай Степанович Лебедев (1893–1959), Николай Сергеевич Чаев (1897–1942), Тамара Феодосьевна Попова (1904–1980); из этой веселой, сплоченной группы в науке остались Е.Ч.Скржинская и М.А.Тиханова — но они бросили Византию. Не исключено, что отъезд Васильева также сыграл в этом определенную роль. По публикуемым ниже письмам Вишняковой хорошо прослеживается, как замирала «византийская» жизнь. О том, каков был византиноведческий потенциал этого «потерянного поколения», можно судить на примере М.А.Шангина (1896–1942)²².

Когда сталинский имперский ренессанс вернул византиноведение к жизни, наверх вынесло людей вроде М.В.Левченко и Б.Т.Горянова, принадлежавших к тому же поколению, но не прошедших научной школы и не знавших языков. Нравы этого цеха были крутеньки.²³

²⁰ Биография А.Ф.Вишняковой приведена здесь пунктирно, и к ней необходимо будет вернуться, когда в СПбФ АРАН станет доступен ее и М.А. Шангина архив, который пока обрабатывается.

²¹ Разумеется, с Васильевым были знакомы и тем более переписывались далеко не все. К поколению 1890х принадлежали Н.В. Пигулевская, В.Н. Лазарев, М.Я.Сюзюмов и др.

²² *Курьшева М.А.* Забытый Мастер: эскиз творческой биографии византиниста М. А. Шангина // *Одиссей. Человек в истории*. 2013. М., 2014. С. 364–387; *она же*. Из истории греческой палеографии в России: Мстислав Антонинович Шангин (1896—1942) // *Монфокоп*. 4 / Отв. ред. Б.Л. Фонкич. М., 2017. С. 271–305.

²³ *Тихонов В.В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). — М.; СПб.: Нестор-История,

Для Вишняковой в нем места не нашлось. После 1945 г. она опубликовала лишь одну небольшую рецензию²⁴, но зато работа касалась той самой темы, которая собственно и была ей когда-то дана Васильевым: монастырского землевладения в Византии: *Вишнякова А. Ф., Каждый А. П.* Новые материалы по аграрной истории Византии в XIII–XIV вв. // *ВВ* 1951. Т.4. С.207–210.

Мне представляется в высшей степени символичным, что эта работа написана в соавторстве с молодым А.П.Кажданом, ютившимся тогда в Туле: как-то им удалось найти и «опознать» друг друга. «Передача факела» состоялась.

1

Глубокоуважаемый и дорогой Александр Александрович!

Поздравляю Вас с праздником Рождества Христова и желаю всего наилучшего. Я очень благодарна Вам за Ваше письмо и за Ваши указания. Конечно, я не покидаю ни на один день занятие визант(ийской) историей, тем более, что самые обстоятельства этому благоприятствуют. Федор Иванович [Успенский] меня пригласил в византийскую подкомиссию по изучению греко-русских договоров и я недавно там читала доклад о книге Лавровского «Греческий элемент в языке договоров русских с греками»²⁵. Кроме доклада мною составлен терминологический словарь, а к составлению библиографического словаря я только что приступила²⁶. В Исследоват(ельском) Институте я сдала (об.) работу о славянах, посвященную главным образом вопросу о сербском законодательстве (Законник Ст.Душана и монастырские акты XIII–XIV в.)²⁷, краткий отчет о которой я прочту на заседании

2016. С.148–156, 215–223, 240, 333; *Сашанов В.В.* Становление советского византиноведения в 40–50-е годы XX века: институциональный аспект // *Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарных наук*. 2016, Т. 158, кн. 3. С. 840–850

²⁴ Соавторство Вишняковой в двух статьях Шангина носит чисто номинальный характер: *Шангин М.А. Вишнякова А.Ф.* Существовала ли «Внешняя Русь»? // *ВВ*. 1958. Т.14 (39). С.97–98; *они же*. Из комментария к «Записке греческого топарха» // Там же. С.99–102.

²⁵ См.: *Барынина О.А.* Отечественное византиноведение на рубеже эпох: Русско-византийская комиссия (1918–1930 гг.). СПб., 2010. С.195.

²⁶ Там же. С.103.

²⁷ О судьбе этой работы ничего не известно.

секции в январе будущего года. Свою педагогическую работу я оставляю и с 1го янв. буду служить только в Археографической комиссии. Я даже отчасти довольна тем, что занимаюсь русской историей, так как описывая старинные русские акты невольно находишь общие моменты развития в жизни народов; так для истории монастырского хозяйства характерно постепенное увеличение юридических прав за монастырем, что удалось мне лично проследить на истории византийской, южно-славянской и русской; к сожалению памятники (л.2) западного мира для меня мало известны за исключением Сен-Жерменского аббатства. В настоящее время я работаю над III томом актов Миклошича и Мюллера²⁸. и испытываю большие затруднения при определении латинских кварталов. Записи передачи крайне неясно обозначают границы владений и потому я указываю только с приблизительной точностью местности, занятые западными купцами. Думаю закончить эту работу к марту месяцу 1926 г. Причина ромейской ненависти к западу в значительной мере раскрывается благодаря этим договорам, по которым ясно видно, как слабеющая Византия предоставляла все более широкие права иностранцам в ущерб (об.) интересам собственных подданных. Подробный отчет я напишу Вам уже после окончания моей работы. Всего наилучшего.

Ваш А.Вишнякова 28 февр. 1925 г.²⁹

2

Глубокоуважаемый Александр Александрович!

Исполняю в точности все Ваши заветы и с утра до самой ночи занимаюсь изучением актов III т. Миклошича и Мюллера. Работа по IV тому у меня была уже закончена к концу мая. Документы других малоазиатских монастырей меня еще больше убедили в том, что в конце XIII в. в связи с экономическим кризисом произошло прикрепление большей части свободного крестьянства к земле. Мне кажется, что патриаршие монастыри брали со своих крепостных меньше, чем должны были платить свободные мелкие (об.) земледельцы в государственную казну и поэтому весьма возможно, что люди сами добровольно переходили

²⁸ Acta et Diplomata Graeca Medii Aevi Sacra et Profana. Vol. 3 Acta et Diplomata Graeca Res Graecas Italasque Illustrantia. Ed. Miklosich F., Müller J. Wien, 1865.

²⁹ Madison, Box 7, File 1.

в крепостное состояние. Аналогичные явления нам известны из истории соседних славянских государств. Мне кажется это предположение правильным, хотя Федор Иванович [Успенский] с ним не вполне согласен. На днях я должна буду представить в Исследовательский Институт, как научная сотрудница, программу своей работы. Я туда хочу включить и мою работу по изучению монастырского хозяйства по актам IV тома, а затем на основании изучаемых в настоящее время актов III тома я предполагаю дать очерк дипломатических и торговых взаимоотношений между Византией и Западом. По славянской истории (л.2) у меня намечена характеристика крупного монастырского хозяйства по актам, изданным Пти и Корблевым³⁰, а по русской истории Федор Иванович хочет дать работу по русско-византийским взаимоотношениям во II половине X в. Настоящая научная работа меня так увлекает, что я живу исключительно одной Византией и смысл каждого дня моей жизни заключается в раскрытии внутренней тайны тех документов, которые я изучаю, и для меня все это прошлое может быть более близко, чем настоящее. Там — в той прошлой жизни — я принимаю активное участие, а в этой я только прохожу безучастным зрителем.

Недавно я побывала у всех своих товарищей византинистов. Николай Сергеевич [Лебедев] только что поправился после плеврита, но до сих пор сильно кашляет. Он шлет Вам свой привет и собирается написать Вам письмо.

Уважающая Вас

А.Вишнякова

26/VI 25 г.

[Рукой Васильева добавлено:] Александра Федоровна Вишнякова³¹

3

Глубокоуважаемый и дорогой Александр Александрович!

Благодарю Вас за поздравление и за все Ваши письма. Я выполнила все работы, необходимые для аспиранта, и теперь перевожусь в звание научной сотрудницы 2-го разряда. Я думаю, что из всех проработанных мною тем сношения Византии с итальянскими республиками

³⁰ Actes de Chilandar. 1e partie: Actes grecs / publiés par le L. Petit et B. Korabiev. СПб., 1910 [1911]. (Акты Афонские; т. 5/1 = Приложение к 17 т. «Византийского временника»).

³¹ Madison, Box7, File1.

заслуживают наибольшего внимания, и потому предполагаю продолжать (об.) работу в этом направлении. Жду только Вашего благословения и одобрения. Сборник в честь Кондакова³² прислали Федору Ивановичу и я познакомилась со многими статьями, и в том числе с теми, которые Вы мне рекомендовали. На июль месяц я отправляюсь на отдых в Царскосельскую санаторию и думаю заняться там в виде отдыха английским языком, который я знаю очень плохо. Тамара Феодосьевна [Попова] уехала в Москву и в скором времени должна вернуться. Николай (л.2) Степанович [Лебедев] собирался Вам написать письмо. Исполняя Ваш завет, мы живем все дружно и только на летнее время наше общение временно прерывается. Я лично, конечно, не оставляю свою возлюбленную Византию и в санатории, где буду читать различные книги по истории Византии, но систематическую работу над сочинением придется прервать до августа. Закончив работу по истории землевладения, которая у меня (об.) уже частью готова, мне придется подумать о самостоятельной работе, выбор которой, я надеюсь, Вы мне облегчите, Александр Александрович, своими указаниями.

Преданная Вам

Ваша А.Вишнякова 18 июня 1926 г.³³

4

Глубокоуважаемый и дорогой Александр Александрович!

Обращаюсь к Вам, как к Ангелу-хранителю, в надежде, что Вы разрешите мои сомнения. Я выполнила, как уже Вам писала, все аспирантские работы и получила право на самостоятельную научную и преподавательскую работу в высших учебных заведениях. Следовательно, мне необходимо приступить к самостоятельной работе, и вот здесь начинаются мои колебания. Я не знаю, заняться мне изучением торговых отношений Византии с итальянскими республиками или взять византийско-болгарские отношения, пользуясь тем, что материал собранный (об.) нашим Институтом в Константинополе не подвергся еще правильному научному исследованию, или наконец, может быть, Вы посоветуете мне взять какую-либо иную тему. Я только что вернулась из санатории Дома Ученых и чувствую большой прилив энергии, рвущийся

³² Сборник статей в честь Н.П.Кондакова. Прага, 1926.

³³ Madison, Box1, File15.

воплотиться в научных трудах. Я полностью пользуюсь Вашими указаниями, Александр Александрович, и в санатории за невозможностью заниматься наукой, решила употребить время на легкий флирт, который не мешает науке, а даже дает некоторое разнообразие в жизни и свежесть (л.2) и яркость воображению. Для ученого необходимо для пользы той же науки давать себе отдых и развлечение для того, чтобы его творчество окрашивалось струей поэтического вдохновения.

Я надеюсь, Вы не рассердитесь на меня, дорогой Александр Александрович, за это вольное отступление и примите снисходительно мою исповедь.

Теперь буду ждать Вашего ответа и надеюсь с Вашим благословением выдти на широкую дорогу научной работы.

Преданная Вам

Ваша А.Вишнякова. 17. VIII.26³⁴

5

Дорогой и глубокоуважаемый Александр Александрович!

Поздравляю Вас с Новым Годом и Праздником Рождества и желаю всего наилучшего.

Прошедший первый семестр я занималась арабским языком и чувствую большую радость, когда могу теперь разбираться в легком тексте и отдавать себе отчет в грамматических формах. Затем я занята в настоящее время разрешением одного чрезвычайно важного для меня вопроса о занятиях в будущем году в Университете. Я уже Вам писала, что выдержала магистерские (об.) экзамены весной 26 г. и Федор Иванович предложил мне с будущего года начать чтение лекций. Я колеблюсь в выборе тем и до сих пор не пришла к окончательному решению. Мне кажется, что лучше всего будет взять крестьянский вопрос в Византии (2 часа лекций и 2 часа семинарской работы) и обзор византийской исторической литературы (2 часа). Таким образом составит 6 часов, необходимых для доцента. Могу ли надеяться, дорогой Александр Александрович, что получу Ваше согласие и благословение на предстоящую работу и какие будут Ваши указания по этому поводу (2). Времени до осени еще, конечно, много, но лучше приняться за дело раньше и скорее выяснить результаты. Со всеми своими коллегами я имею

³⁴ Dumbarton Oaks, Miscellaneous correspondence.II, I.05.

непрерывное общение и только одна Тамара Феодосьевна стала теперь явно изменять и даже очень редко заходит ко мне. Из новостей в области византиноведения могу сообщить только одно, что в Академии Наук в скором времени откроется византийский кабинет³⁵.

Позвольте пожелать Вам всего наилучшего.

Преданная Вам Ваша А.Вишнякова

23 дек. 1926 г. Лермонтовский 1, кв.8³⁶

6

Христос воскрес, Глубокоуважаемый и дорогой
Александр Александрович!

Поздравляю Вас с Праздником и желаю всего наилучшего. Я не ответила Вам сразу же на Ваше письмо потому, что у меня было очень много неприятностей, которые я думала возможно будет уладить, но к сожалению это не удалось. Все эти интриги так тяжело действуют на самочувствие, что лишаешься возможности бодро и плодотворно работать. Конкретно говоря дело заключается в следующем: я работала в Археографической Комиссии в течение 5 лет в качестве внештатной научной сотрудницы и моей работой были довольны. Но появилось новое лицо, и обстановка моментально изменилась, так как ученый секретарь А.И.Андреев³⁷ решил поставить исключительно своих лиц. В весьма грубой форме он объявил мне, что денег в комиссии нет и что я византистка и поэтому не могу (об.) здесь больше работать. Я обращалась с жалобой к Сергею Федоровичу П³⁸, но он находится под столь сильным влиянием Андреева, что не обратил никакого внимания на мой протест. Я истратила много времени на ведение переговоров со многими лицами, и в результате не получила никакого удовлетворения. Если бы все это было в другом месте, а не в академии Наук, то не было бы так обидно. Простите, дорогой Александр

³⁵ Разговоры об открытии Кабинета велись с 1925 по 1928 г., но он так и не открылся, см.: *Барынина О.А.* Отечественное византиноведение. С. 109–116

³⁶ Madison, Box 1, File 20. По указанному адресу Вишнякова была прописана во 2 пол. 1920х гг. (Весь Ленинград. 1929 год. Л., 1929. С. 113).

³⁷ Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959) с 1921 года работал учёным секретарём Постоянной исторической комиссии, с 1926 года — Постоянной историко-археографической комиссии..

³⁸ Сергей Федорович Платонов (1860—1933), историк России, академик РАН (1920).

Александрович, что я Вас беспокою таким неприятным сообщением, но кроме Вас я ни с кем не могу быть откровенной. Я забираю сейчас себя в руки и заканчиваю работу по истории землевладения в XIII в., которую надо представить председателю исторического цикла для получения возможности начать в будущем году чтение лекций. Первую часть работы Федор Иванович обещал напечатать.

Теперь принимаюсь за окончательную (л.2) обработку второй и третьей частей, а может быть работа получит и более обширный характер. Летом мне очень бы хотелось поехать в Киев, так как я там никогда не была. Константин Порфирородный, Самбата и Днепровские пороги так дороги каждому византинисту, что необходимо их осмотреть на месте. Очень бы хотелось, чтобы эта поездка удалась!

Позвольте пожелать Вам счастливо встретить Праздник.

Преданная Вам

Ваша А.Вишнякова

17 апр. 1927 г.³⁹

7

Глубокоуважаемый и дорогой Александр Александрович!

Мне было в высшей степени приятно получить Ваше письмо, которое доставило мне много радостных минут. Я так счастлива, что могу с Вами переписываться и обращаться в трудную минуту к Вам за советом. Мои научные дела находятся в следующем положении: Федор Иванович принял мою статью в Виз.Врем., затем факультет (об.) поручил мне вести семинарий по истории византийского землевладения, а И.И.Соколов⁴⁰ будет читать курс по истории землевладения. В настоящее время я живу в Царском в здравнице Дома Ученых, а в августе думаю поехать в Херсонес на раскопки, откуда мне прислали приглашение. От Киева мне пришлось отказаться по материальным соображениям и тогда я решила направить свое внимание в сторону Херсонеса. Окончательно вопрос о Херсонесе мною еще не разрешен, но я (л.2) приложу все усилия для того, чтобы найти благоприятный исход. В данный момент я читаю литературу по истории Херсонеса

³⁹ Madison, Box 1, File 23

⁴⁰ Иван Иванович Соколов (1865–1939), историк Церкви и канонического права, византинист и неозеллинист.

и повторяю арабскую грамматику. Судьба мне улыбнулась в том отношении, что я живу в здравнице вместе с Вашими прежними ученицами и мы часто Вас вспоминаем, дорогой Александр Александрович.

Заканчиваю свое письмо уже в городе, когда вопрос о Херсонесе уже вполне разрешен. Я уезжаю в Севастополь 7 авг. (об.) и пробуду там до сентября. С историей Херсонеса и памятниками его материальной культуры я познакомилась довольно подробно и думаю, что моя поездка будет весьма плодотворной. Сейчас собираю необходимый материал для занятий в Херсонесе. В научной жизни в настоящее время полное затишье, так как почти все разъехались. Николай Степанович собирается уехать в Феодосию. Желаю всего наилучшего.

Преданная Вам
Ваш А.Вишнякова
6 авг. 1927 г.⁴¹

8

Глубокоуважаемый и дорогой Александр Александрович!

Поздравляю Вас с днем Вашего Ангела и желаю всего наилучшего. Так грустно не видеть Вас уже третий год. Я в августе и в начале сентября была в Херсонесе. Раскопки там производились в довольно незначительных размерах и, конечно, особенно ценных находок не было. Музей главным образом довольствуется старым материалом. Мне Гриневич⁴² предложил помещать в его сборнике мои работы по (об). Херсонесу. Моя работа в Виз.Вр. находится сейчас в корректуре у Федора Ивановича. Не могу похвастаться удачей только в Университете, так как Пресняков⁴³ потерял мое дело и я несколько дней потратила на розыски и до сих пор не представляю себе ясно, чем должна закончиться эта история. Правильных занятий в Университете в настоящее время нет, так как полностью не утвержден штат профессоров. Очень неприятно начинать работу без Вас, дорогой Александр

⁴¹ Madison, Box 1, File 26.

⁴² Константин Эдуардович Гриневич (1891–1970) — с 1925 по 1930 гг. заведующий Херсонесским музеем, с 1924 г. заведующий Севастопольским ОХРИСом. В заключении с 1932 по 1939 г.

⁴³ Александр Евгеньевич Пресняков (1870–1929) руководил Русской секцией ЛОИ РАНИОН (1926–28), был профессором Института Красной профессуры в Москве (1927).

Александрович, в кругу чужих мне (л.2) людей. С Соколовым иногда бывает тяжело вести даже какие-либо деловые переговоры. Группа учеников Федора Ивановича, и в том числе я, решила составить индекс к его работам. Для 1 тома Ист(ории) Византии карточный каталог готов, но не имеется возможности собрать всех участников для того, чтобы начать редакционную работу. Создается сейчас такое впечатление от всей нашей жизни, что люди ждут какого-то трагического конца и относятся с полным равнодушием к окружающему. Средневековые хилиасты (л.2) имели во всяком случае твердую веру, хотя и ждали гибели, «А нынче все умы в тумане»⁴⁴, уныние захватило как пожилых, так и молодых ученых, и где исход всему этому?

Я лично усиленно занимаюсь и мечтаю о Константинополе. Может быть будет открыт наш Институт в Константинополе и будет возможно туда отправиться⁴⁵.

Желаю всего наилучшего.
Преданная Вам
Ваша А.Вишнякова
23 ноября 1927 г.⁴⁶

9

Дорогой и многоуважаемый Александр Александрович!

Поздравляю Вас с Новым Годом и с Праздником Рождества.

Я не знаю получили ли Вы мое последнее письмо в котором я поздравляла Вас с днем Ангела? Как бы мне хотелось в настоящем 1928 г. увидеть Вас, своего дорогого и любимого Учителя!

Очень тяжело вести научную работу, не имея сочувствия и помощи. Конечно, Федор Иванович делает все от него возможное для улучшения условий моей работы, но он уже больше не (об.) читает в Университете и это сильно отзывается на моем положении. Недавно Федор Иванович показал мне корректуру моей первой печатной работы, которая выходит в Визант.Врем⁴⁷. Готовлю в настоящее время небольшую статью по истории городской жизни Херсонеса, но не знаю дадут ли средства для III

⁴⁴ Цитата из поэмы Пушкина «Евгений Онегин». III. 12

⁴⁵ Проекты возрождения РАИК обсуждались в 1925–1928 гг.

⁴⁶ Madison, Box 1, File 30.

⁴⁷ Хозяйственная организация монастыря Лемвиотиссы// ВВ. 1928. Т.25. С. 33–52..

выпуска Херсонесского сборника⁴⁸. Кроме того занимаюсь Географией Влеммида, так как очень интересуюсь географическими познаниями византийцев. Собственно никаких научных данных Влеммид не дает (л.2) и некоторые места его географии являются просто пересказом Геродота. Иногда мифология у него переплетается с географией и получается довольно фантастический рассказ. Не могу, конечно, поручиться за правильность моего вывода, но мне кажется, что географические и этнографические познания в Византии были весьма слабыми. Большие затруднения получились у меня с доцентурой и, конечно, только по случаю Вашего отсутствия, дорогой Александр Александрович!

Исторический цикл в июне 1927 г. поручил мне вести семинарий (л.2) по истории крестьянского землевладения, а потом дело потеряли, и в результате этот семинарий оказался у Ивана Ивановича Соколова, который на меня еще сердится за то, что я всю эту историю рассказала Федору Ивановичу; на днях у меня было весьма неприятное объяснение с Иваном Ивановичем, но думаю, что мой отказ от денежного вознаграждения за доцентуру подействовал на него весьма успокоительно. Все такого рода неприятности крайне неблагоприятно отражаются на ходе научной работы. Ободряет меня только в сильной степени мысль о выпуске Визант. Врем. и надежда, что (об) в этом году мы будем вместе с Вами работать.

Всего наилучшего.

Преданная Вам

Ваша А.Вишнякова

2 янв. 1928 г.⁴⁹

10

Дорогой и глубокоуважаемый Александр Александрович!

Спешу поделиться с Вами радостными известиями. В скором времени откроется при Акад.Наук византийский кабинет, в новом здании на Тучковой набережной⁵⁰. Затем Федор Иванович в беседе со мной говорил

⁴⁸ Херсонесский сборник, Вып. III. Восточная часть Херсонесского городища. Севастополь, 1930 — вышел без статьи Вишняковой, и она никогда ее так и не опубликовала.

⁴⁹ Madison, Box 1 File 31.

⁵⁰ Барынина О.А. Отечественное византиноведение. С.30: На последнем заседании Комиссии (6 октября 1928 г.), за четыре дня до смерти Ф.И.Успенского, председательствовавший профессор В.Н.Бенешевич сообщил о постановлении

о том, что Вас необходимо избрать в академики, но в виду Вашего отсутствия встречаются большие затруднения для избрания. Видимо Федор Иванович очень хочет видеть в Вас своего преемника по Академии. Дорогой Александр Александрович! Если бы Вы были во главе византийского кабинета, то для Византии и византинистов это было бы большим счастьем; (об.) я вне себя от счастья при мысли, что в скором времени откроется византийский кабинет, в котором можно будет работать. Теперь я не знаю только, какой курс в будущем году мне читать в Университете. Обращаюсь к Вам за советом как своему дорогому и любимому учителю и надеюсь, что Вы мне поможете. Я хотела бы, конечно, поставить свой курс в зависимость от Вашего. Я недавно видела в Пушкинском Доме Надежду Александровну, которая сообщила мне о Вас целый ряд интересных сведений. Надеюсь, что вскоре мы будем совместно работать по изучению нашей дорогой (л.2) и любимой Византии.

Преданная Вам

Ваша А.Вишнякова

P.S. Я наверное вскоре переменею квартиру в Ленинграде и потому письма адресуйте лучше по местожительству моего отца: Ленинград, Павловск, 2ая Цветочная д №8⁵¹

11

Дорогой и глубокоуважаемый Александр Александрович!

Ваше исключительно доброе отношение ко мне дает мне смелость обращаться к Вам за советом даже в моей личной жизни. Один из доцентов-классиков (М.А.Шангин) нашего Университета сделал мне предложение. Я ответила согласием, но при условии, что Вами будет дана соответствующая санкция. Тут, конечно, может возникнуть вопрос, не пострадают ли от этого научные занятия, но мне кажется, что нет. Я имею большую выдержку характера, и ни в коем случае не могу увлечься ничем посторонним. (об.) Решиться окончательно без Вашего

правления Академии наук СССР составить опись всего инвентаря РВК, в виду предстоящего закрепления за Комиссией двух комнат в доме по Тучковой набережной № 2а. Но переезд так и не состоялся.

⁵¹ Madison, Box 1, File 32. Отец Вишняковой, Федор Аверкиевич, был мастером фотографических принадлежностей, но она в анкете писала, что он столяр (информация М.А.Курышевой) — видимо, для придания семье приемлемого на тот момент социального статуса.

согласия я, конечно, не могу. Теперь перейду к области научных запросов. Федор Иванович советует мне взять в наступающем учебном году курс по истории городских цехов. Как Вы одобряете это решение или нет? И если одобряете, то могу ли я заявить членам факультета о том, что действую с Вашего согласия? С Ив.Ив.Соколовым я решила, чтобы не осложнять дела, не входить ни в какие переговоры. В настоящее время я занимаюсь в Акад.наук Трапезунтской рукописью, содержащей историю Трапезунта в изложении архим. Монаст. Сумелы иером. Парфения⁵². Ничего сравнительно (л.2) нового эта рукопись не дает, но Федор Иванович советует во всяком случае ее описать.

Затем у меня на очереди слово Григория Богослова в рукописи, принадлежавшей первоначально Линниченко⁵³. Я написала Вам решительно все, дорогой Александр Александрович, и теперь прошу Вашего благословения для успешного выполнения задуманного решения. Как грустно, что я не имею возможности увидеть и поговорить лично с Вами, Александр Александрович, мой дорогой и любимый Учитель.

Вы всегда принимали такое горячее участие в жизни Ваших учеников, что теперь Ваше отсутствие отдается с (об.) особенной болью в сердце каждого из нас. Человек живет надеждой, и я не отказываю себе в надежде увидеть Вас, хотя может быть не так скоро.

Преданная Вам
Ваша А.Вишнякова
22 апреля 1928 г.⁵⁴

12

9 июня 1928 г.

Глубокоуважаемый и дорогой и Александр Александрович!

Сердечно благодарю Вас за присланную мне книгу историю Византийской империи⁵⁵ и за те поздравления и пожелания, которые вы

⁵² Ἱστορικὸν τῆς πόλεως Τραπεζούντος καὶ τῶν βασιλέων αὐτῆς // Ἡ θεία καὶ ἱερὰ ἀκολουθία τῶν Ὁσίων καὶ Θεοφόρων Πατέρων ἡμῶν Βαράβα καὶ Σοφρονίου τῶν ἐξ Ἀθηνῶν. , Leipzig, 1775. P. 55–69.

⁵³ Имеется в виду греческая рукопись Q 10 из собрания РНБ (*Гранстрем Е.Э.* Каталог греческих средневековых рукописей ленинградских хранилищ, вып.5// ВВ, 1964. Т.24. С.196–197

⁵⁴ Madison, Box 1, File 33.

⁵⁵ *Vasiliev A.A.* History of the Byzantine Empire. Vol. I., From Constantine the Great to the Epoch of the Crusades, A.D. 1081. Madison: University of Wisconsin. 1928.

высказываете в Вашем письме. Я постараюсь оправдать Ваше доверие и совместной работой с моим мужем⁵⁶ доказать истинную любовь и приверженность к науке. Византией и славянами я начала интересоваться в 12 лет, а историей вообще с того возраста как себя помню. Византийская история меня влекла не только как научная дисциплина, но и как близкая и родная по духу отрасль знания. Первые годы своей студенческой жизни я не могла заниматься Византией, так как в Самаре за (об.) неимением специалиста этот курс совершенно не читался и только с переходом в 1921 г. в Петроградский Университет я получила возможность заниматься тем, чем хотела. Теперь, дорогой Александр Александрович, хочу сообщить Вам относящееся непосредственно к Вам. В самом начале июня Федор Иванович сказал, что не может Вас выставить кандидатом в академики в виду Вашего отсутствия; кандидатские же списки должны быть готовы к 15 июню⁵⁷. Мой муж пытался доказать Федору Ивановичу, что можно представить в академики лицо, получившее заграничную командировку, но Федор Иванович весьма резко сказал, что сделать нельзя. Переубедить его в чем бы то ни было почти невозможно. Грустно, что дело приняло такой нежелательный оборот.

В настоящее время большим утешением (л.2) является возможность читать Ваши труды, изданные за границей.

В качестве приложения к письму я посылаю Вам свою первую печатную работу и прошу быть снисходительным ко всем моим ошибкам и промахам. Еще раз горячо Вас благодарю за книги и за доброе отношение ко мне.

Искренне преданная Вам

Ваша А.Вишнякова

P.S. Мой новый адрес: Ленинград, Петроградская сторона, Песочная 33, кв.21.⁵⁸

⁵⁶ Вишнякова вышла замуж за М.А.Шангина 2 июня 1928 г. (информация М.А. Курышевой).

⁵⁷ Речь идет не о выборах 1929 г., на которые Васильев был выдвинут, но снял свою кандидатуру — но о выборах 12 декабря 1928 г., подготовка к которым началась летом, см.: *Ананьев В. Г., Бухарин М. Д.* Академическая наука и власть на выборах в АН СССР 1928–1929 гг. // Вестник Российской Академии наук. 2021, Т. 91, № 4. С.381.

⁵⁸ Madison, Box 2, File1. По указанному адресу проживал Шангин (Весь Ленинград. 1929 год. Л., 1929. С.663).

Дорогой и глубокоуважаемый Александр Александрович!

По возвращении из Иркутска я получила Ваше столь дорогое для меня письмо. Простите, что я не ответила Вас сразу. Болезнь, а потом и смерть Федора Ивановича вывели меня из обычной полосы спокойствия. В связи с его смертью византиноведению у нас нанесен тяжелый удар, так как нет совершенно способных и любящих дело специалистов. Я сама теперь занимаюсь историей городской жизни Херсонеса и хочу поместить статью в Херсонесском сборнике. Николай Степанович уехал в отпуск и я его еще не видела. Так грустно, (об.) что кружок Ваших учеников почти совсем распался. Конечно, условия связанные с научной работой столь тяжелы, что не у всякого бывает достаточно мужества для того, чтобы работать, не получая никакого вознаграждения и поощрения. Надо признаться, что после летнего отдыха сразу же чувствуешь себя погруженной в какую-то трясину интриг, зависти и всевозможных неприятностей. Только научная работа дает силу для борьбы со всякого рода ударами судьбы. Теперь мечтаю заняться Херсонесом и отдалить от себя прозу жизни.

Позвольте пожелать Вам всего наилучшего, дорогой Александр Александрович. Муж просит передать Вам свой привет.

Преданная Вам

Ваша А.Вишнякова⁵⁹

(даты на письме нет, получено 4 января 29 г.)

Дорогой и многоуважаемый Александр Александрович!

Поздравляю Вас с Новым годом и желаю всего наилучшего. Может быть, в наступающем новом году нам суждено будет с Вами увидеться. Византийские дела пришли в полный упадок после смерти Федора Ивановича и его ближайшие сотрудники проявляют весьма большое равнодушие к науке. Правда, в одном из них, И.И.Соколове, Федор Иванович разочаровался уже в последние годы своей жизни и относился к нему с большим недоверием.

⁵⁹ Madison, Box 2, File 5.

Я отдала в печать свою работу по истории городской жизни Херсонеса и теперь занимаюсь Лихачевской рукописью конца XVII в. (об.) и начала XVIII в.⁶⁰ Язык страшно испорчен и в некоторых местах приходится действовать по догадке. Я предполагаю издать из этой рукописи текст о розыске клада с комментариями и ссылками на другие аналогичные источники. Содержание этого текста о кладе весьма оригинально и, мне кажется, вполне достойно опубликования⁶¹. В особенности интересна вторая часть с весьма сложными приемами магических заклинаний и обрядов. Кроме этого текста о кладе я занимаюсь еще магией псалмов по той же рукописи, но эта работа уже пойдет во вторую очередь⁶². Затем еще имеется благое намерение составить индекс к 1 т(ому) Истории Византии Федора Ива(2)новича, но это работа коллективная и движется весьма медленно.

Несколько времени тому назад я видела Надежду Александровну и от нее узнала некоторые подробности о Вашей жизни. Буду надеяться, что в наступающем году мы с Вами увидимся, дорогой Александр Александрович.

Преданная Вам

Ваша А.Вишнякова

Петроградская ст(орона), Песочная .33, кв.21⁶³

Христос воскрес!

Дорогой и глубокоуважаемый Александр Александрович!

Поздравляю Вас с Праздником и желаю всего наилучшего. Сердечно благодарю Вас за присланную мне брошюру *Das genaue Datum der Schlacht von Myriokephalon*⁶⁴.

Так приятно получать византийские вести и знать, что если не у нас, то во всяком случае в другом месте научная работа продолжается. Я часто вижу Надежду Александровну и она мне сообщает (об.) все

⁶⁰ См.: *Шангин М.А.* Греческая астрологическая рукопись из Музея палеографии // Доклады АН СССР. 1928. сер. В. № 11. С. 241–246.

⁶¹ *Šangin M.A.* Codices Rossici // Catalogus Codicum Astrologorum Graecorum 12. Bruxelles, 1936. P. 116.

⁶² Ср.: *Вишнякова А.Ф.* Из истории греческой письменности// Вспомогательные исторические дисциплины. М.-Л., 1937. С.175.

⁶³ Madison, Box 2, File 7.

⁶⁴ *Vasiliev A. A.* Das genaue Datum der Schlacht von Myriokephalon// BZ . Bd. 27. 1927. S. 288–290.

сведения о Вашей жизни. О том, как мы живем и как работаем, вы, я думаю, сами знаете. В настоящее время я занята греческой рукописью XVII в. из собрания Н.П.Лихачева; пока приготовила из нее к печати только один трактат о кладоискании. О результатах этой моей работы я читала доклад в Ис(с)едовательском Ин(ститу)те и очень всех заинтересовала сообщением совершенно нового материала, который дается в трактате о кладоискании.

Затем у меня идет магия псалмов и астрологические растения. Очень мне помогают в (л.2) настоящей работе Ваши “*Anecdota graeco-Byzantina*”. Вероятно, часть моего исследования можно будет напечатать здесь, а остальное муж мне советует послать к немцам. Русско-византийская комиссия после смерти Федора Ивановича ни разу не была собрана⁶⁵. Научная жизнь в этом году протекает особенно вяло, а общее настроение отзывается и на индивидуальной работе. На лето мне очень хотелось бы поехать в Херсонес, но не знаю, как сложатся обстоятельства. Постараюсь продолжить свою (об.) работу, несмотря на неблагоприятные внешние условия.

Желаю Вам всего наилучшего, дорогой Александр Александрович!
Преданная Ваш
Ваша А.Вишнякова
23. IV. 29 г.⁶⁶

16

27 сент. 29

Дорогой и глубокоуважаемый Александр Александрович!

Простите, что я так долго Вам не писала из-за сильной перегруженности работой. По материальным соображениям мне пришлось с июня этого года взять на себя заведывание технической библиотекой⁶⁷ и помимо чисто библиотечных обязанностей заниматься еще техническими переводами. Занята я ежедневно 8 час(ов) и для того, чтобы не прерывать научную работу по Византии, (об.) мне приходится дорожить каждой свободной минутой. Я продолжаю свои занятия по Лихачевской рукописи. Мною подготовлен доклад о магии псалмов, который я буду читать

⁶⁵ Последнее заседание Комиссии случилось 6 октября 1928 г., за четыре дня до смерти Успенского. См.: *Барынина О.А.* Отечественное византиноведение. С.30.

⁶⁶ Madiosn, Box 2, File 10.

⁶⁷ Вишнякова заведовала библиотекой на фабрике “Скороход”.

в Славянской комиссии Акад(емии) наук⁶⁸. В настоящее время я занята астрологией растений по той же рукописи. Кроме того, предполагаю еще заняться историей Херсонеса, и в особенности меня поддерживает в этом последнем деле Борис Дмитриевич Греков⁶⁹. Но в общем, я чувствую себя (л.2) совершенно одиноко, византийская комиссия распалась, и я продолжаю свою работу почти не имея никакого научного общения. Николая Степановича я не видала уже с июня месяца, Тамара Феодосьевна бесследно скрылась, Чаев, хотя и живет здесь, но перестал заниматься Византией. Ваше возвращение и работа под Вашим руководством рисуются мне теперь как идеалы недостижимого счастья. Большой радостью для меня в последнее время было получение моим мужем его библиотеки из Иркутска. Теперь я имею своего Константина (об.) Порфирородного и многих других византийских авторов. Возможность пользоваться собственными книгами помимо облегчения в технической стороне работы дает еще и несомненно сильное моральное удовлетворение.

Буду по мере сил и умения продолжать свои занятия в надежде на скорое свидание с Вами. Желаю Вам всего наилучшего, дорогой Александр Александрович. Привет от мужа.

Преданная Вам
Ваша А.Вишнякова. 27.IX.29 г.⁷⁰

17

Христос Воскресе!

Глубокоуважаемый и дорогой Александр Александрович!

Поздравляю Вас с Праздником Воскресения Христова⁷¹ и желаю всего наилучшего. Простите, что я так долго Вам не писала

⁶⁸ В 1929 г. оживилась активность ученых-славистов, см.: *Робинсон М.А.* К истории создания Института славяноведения в Ленинграде (1931–1934 гг.). Славянский альманах 2004. М., 2005.

⁶⁹ Борис Дмитриевич Греков (1882–1953) в это время сам увлекся историей Корсуна, см.: *Греков Б. Д.* «Повесть временных лет» о походе князя Владимира на Корсунь // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1929. № 3. С. 99–112.

⁷⁰ Madison, Box 2, File 13.

⁷¹ 26 августа 1929 г. был принят декрет «О переходе на непрерывное производство в предприятиях и учреждениях СССР». И Пасха, и Рождество приравнивались к обычным рабочим дням. Мера сопровождалась массовой кампанией по закрытию и сносу православных храмов, так что поздравление с Пасхой звучит как род фронды.

по обстоятельствам вполне внешнего характера. Наша византийская жизнь почти полностью замерла. Свою работу по истории заговоров, написанную на основании неопубликованных текстов, я отдала акад. Ляпунову⁷², который обещал представить на заседании апрельской сессии (об.) Акад(емии) Наук.

В настоящее время хочу заняться рукописью А240 Публ. Библ., которой занимался Васильевский, но не опубликовал полностью весь текст⁷³.

К сожалению, приходится заниматься урывками, так как много времени занимает служба, не имеющая никакого отношения к моей специальности.

Николая Степановича я не видела в продолжении уже нескольких месяцев, и даже давно не говорила с ним по телефону.

(л.2) Дорогой Александр Александрович! Я опять переехала на новую квартиру в район Мариинского театра. Мой новый адрес: Крюков канал, д. №28, кв. 3.

Буду ждать от Вас с нетерпением писем и драгоценных указаний. Желаю всего наилучшего.

Преданная Вам

Ваша А.Вишнякова. 2. IV.1930⁷⁴

⁷² Борис Михайлович Ляпунов (1862–1943) — известный славист.

⁷³ Возможно, имеется в виду: *Васильевский В. Г.* Epirotica saeculi XIII: Изъ переписки Иоанна Навпактскаго, ВВ 3/2 (1896). С.233–299.

⁷⁴ Madison, Box 2, File 15.

С.Ю. Акишин
Екатеринбургская духовная семинария

К вопросу о эпистолярных контактах А. А. Дмитриевского с зарубежными учеными: переписка с Северьеном Салавиллем

Алексей Афанасьевич Дмитриевский (1856–1929) — выдающийся русский ученый-литургист, византист и археограф, биография и наследие которого по-прежнему остаются недостаточно изученными¹. Определенный вклад в изучение жизненного пути ученого внес и И.П. Медведев, памяти которого посвящен настоящий сборник статей. С Игорем Павловичем в переписке и в наши редкие с ним встречи в Санкт-Петербурге, Москве и Екатеринбурге мы обсуждали, в том числе, и особенности жизненного пути А. А. Дмитриевского. Поэтому логичным представляется в сборнике памяти выдающегося ученого коснуться А. А. Дмитриевского, сконцентрировавшись на его эпистолярных контактах с французским ассумпционистом Северьеном Салавиллем².

А. А. Дмитриевский вел обширную переписку с различными научными учреждениями, церковными иерархами и чиновниками, коллегами. Его архивный фонд в Российской национальной библиотеке (ф. 253) дает информацию о более чем 360 эпистолярных контактах

¹ О нем см.: *Герд Л.А.* Дмитриевский А. А. // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 15. С. 429–435; *Акишин С.Ю.* Профессор Алексей Афанасьевич Дмитриевский: научная биография. Часть 1: 1856–1907 годы. Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2025. 544 с.: ил. (Источники и исследования по истории русской богословской науки; кн. 2).

² О нем см.: *Grumel V.* In memoriam. Le R. P. Séverien Salaville (1881–1965) // *Revue des études byzantines*. 1965. Т. 23. Р. 5–6.

с разными институциями и учеными как российскими, так и зарубежными. Особое место в их числе занимает переписка с западноевропейскими учеными и, в частности, с отцами-ассумпционистами Венансом Грюмелем (1890–1967), Витальеном Лораном (1896–1973) и Северьеном Салавиллем (1881–1965) — директором редакции журнала “*Échos d’Orient*”. Переписке А. А. Дмитриевского с редактором названного журнала и посвящена настоящая статья. Всего сохранилось три написанных по-французски письма, которыми, видимо, и была ограничена переписка. Два письма Северьена Салавилля отложились в фонде А. А. Дмитриевского в Отделе рукописей РНБ (ф. 253, д. 715), а письмо самого Алексея Афанасьевича — в Архиве Института византийских исследований (IFEB) Парижского католического института.

Инициатором переписки выступил Северьен Салавилль. Поводом к обращению послужила публикация В. Н. Бенешевичем в журнале “*Revue d’Histoire Ecclésiastique*” небольшой заметки, в которой Владимир Николаевич сообщил читателям о 50-летнем юбилее научной деятельности А. А. Дмитриевского, отпразднованном в самом конце 1927 г. Познакомил читателей В. Н. Бенешевич и с перечнем наиболее крупных работ ученого, приготовленных им к публикации. В частности, Владимир Николаевич указал 5 работ: 1) Описание литургических рукописей православного Востока, т. 4 и 5; 2) Воспоминания Арсения, архиепископа Елассонского, содержащие описание смуты конца XVI века; 3) Критические заметки к трактату Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора»; 4) лекции по литургике под названием «Наука о православном богослужении»³; 5) «Яков Гоар и его Евхологий 1647 г.». Также В. Н. Бенешевич сообщил, что 4 позиция (лекции по литургике) напечатана на пишущей машинке в малом количестве экземпляров и предназначается для использования студентами Высших Богословских курсов в Ленинграде⁴.

Уже 26 февраля 1928 г. — спустя месяц после появления публикации Бенешевича — С. Салавилль обратился с первым письмом

³ Об истории создания курса лекций см.: Акишин С.Ю., Терехов М.А. История создания курса лекций «Наука о православном богослужении» профессора А. А. Дмитриевского // Церковь. Богословие. История: материалы Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 12 февраля 2013 г.). Екатеринбург, 2014. С. 15–20.

⁴ *Benešević V.N. Chronique. Russie // RHE. 1928. Vol. 24:1. P. 297.*

к А. А. Дмитриевскому, в котором поздравил его с юбилеем и попросил «осчастливить» конгрегацию ассумпционистов, прислав те сочинения ученого, которых нет в их распоряжении. Кроме уже опубликованных в дореволюционное время работ А. В. Горского, К. И. Невоструева, Н. Попова, самого А. А. Дмитриевского и его учителя Н. Ф. Красносельцева, С. Салавилль, со ссылкой на публикацию В. Н. Бенешевича, просит Алексея Афанасьевича прислать курс лекций по литургике «Наука о православном богослужении» и работу об Якове Гоаре и его Евхологии⁵. В частности, С. Салавилль пишет: «Я видел заметку г. Бенешевича в лувенском (журнале) R.N.E. о Вашем машинописном курсе лекций “Наука православной литургии”. Опасаясь оказаться слишком дерзким, осмеливаюсь выразить мое горячее желание получить экземпляр столь важного руководства в литургических штудиях. То же могу сказать и в отношении Вашей работы “Жак Гоар и его Евхологий”»⁶.

Без сомнения, Северьен Салавилль был заинтересован в получении наиболее важных работ двух выдающихся русских литургистов, которые были нужны для занятий членам Конгрегации ассумпционистов, занимавшихся, кроме всего прочего, византийской литургией. А. А. Дмитриевский отнесся к просьбе западного коллеги ответственно и после получения письма занялся поиском необходимых книг и статей в магазинах и у знакомых. В марте — начале апреля обращался он за этим и к вдове своего покойного приятеля протоиерея Н. П. Виноградова, в библиотеке которого могли оказаться ненужные издания.

После проведенных поисков Алексей Афанасьевич сформировал посылку и отправил ее через Академию наук, о чем и сообщил С. Салавиллю в письме от 12 апреля того же года⁷. Как следует из его содержания, не все книжные просьбы С. Салавилля русскому ученому удалось выполнить. Например, мы узнаём, что так и не удалось найти в магазинах книг профессора Н. Ф. Красносельцева. Алексей Афанасьевич отмечал, что в Ленинграде работы Н. Ф. Красносельцева можно найти «только у друзей автора и специалистов. Что касается книжных магазинов, то они больше не содержат издания такого типа и книги профессора

⁵ *Салавилль С.* Письмо А. А. Дмитриевскому от 26 февраля 1928 г. // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 715. Л. 2–2 об. Автограф С. Салавилля.

⁶ Там же.

⁷ Архив IFEB. Письмо А. А. Дмитриевского Северьену Салавиллю от 12 апреля 1928 г.

Красносельцева как и многие другие книги того же содержания были в массовом порядке переработаны на бумагу по приказу современного правительства»⁸. Тем не менее, одну работу Н. Ф. Красносельцева, которая была в личном собрании А. А. Дмитриевского в двух экземплярах, он все же решился бесплатно отправить С. Салавиллю.

Свои же книги, которые просил С. Салавилль и которые были напечатаны до революции и в первые годы после нее, А. А. Дмитриевский прислал практически все. Кроме того он выслал С. Салавиллю «последнее слово» русской литургической науки — вторую часть машинописного курса лекций по литургике вместе с полным списком своих работ как изданных, так и подготовленных к публикации. А. А. Дмитриевский отметил, что первая часть лекционного курса издана на средства студентов, с лакунами и «значительными недостатками», в ней не так много интересного, поэтому ученый ее не отправил С. Салавиллю. Некоторые книги были отправлены ученым бесплатно, за другие он надеялся получить оплату в сумме 16 долларов.

Посылка с книгами была получена 16 июня 1928 г., после чего С. Салавилль сразу же написал Дмитриевскому об этом, указав, что ученый прислал некоторые книги, уже имеющиеся в библиотеке журнала, и в ответ также отправил несколько статей, которые А. А. Дмитриевскому могли бы пригодиться в работе⁹. Увы, списка этих оттисков в письме не приводится, потому говорить предметно об этом невозможно. С. Салавилль тщательно изучил присланные книги А. А. Дмитриевского и в очередном номере журнала “*Échos d’Orient*” в 1929 г. появился составленный им обзор¹⁰ основных трудов Алексея Афанасьевича, в том числе «Науки о православном богослужении». В этом обзоре С. Салавилль прямо говорит, что экземпляр лекций любезно предоставлен автором и сожалеет, что эти лекции не напечатаны для широкой аудитории.

В 1937 г. Институт византийских исследований, а с ним и редакция журнала из Константинополя переехали в Бухарест, а в 1949 г. — в Париж. Вместе с институтом переезжала с места на место и его библиотека. Посланные А. А. Дмитриевским в 1928 г. книги сохранились в библиотеке института до наших дней, и их изучение дает новую

дополнительную информацию о различных сферах деятельности ученого (все книги в коллекции на русском языке).

1) Дмитриевский А. А. Церковные торжества в дни великих праздников на православном Востоке. Часть I. СПб., 1909. Библиотечный шифр: IFEB II 5383. На титульной странице дарственная надпись рукой А. А. Дмитриевского: «На добрую память от автора. 1928 г., 6 апреля».

2) Дмитриевский А. А. Церковные торжества в дни великих праздников на православном Востоке. Часть II. СПб., 1924. Библиотечный шифр: IFEB II 5383. Дата издания книги приводится А. А. Дмитриевским от руки.

3) Дмитриевский А. А. Богослужение в Русской Церкви в XVI веке. Ч. I. Службы круга седмичного и годичного и чинопоследования таинств. Казань, 1884. Библиотечный шифр: IFEB II 5787. На книге имеется дарственная надпись: «Незабвенному сожителю-другу и приятелю Николаю Петровичу о. Виноградову от автора». Этот экземпляр происходит из личной библиотеки протоиерея Н. П. Виноградова и был подарен автором, вероятно, в год выхода книги. Вполне возможно, что книга вернулась к Алексею Афанасьевичу либо летом 1927 г., когда ученый ездил в Казань¹¹ и виделся с о. Николаем Виноградовым, либо весной 1928 г., когда он обращался к Р. Н. Виноградовой с вопросом о судьбе библиотеки ее покойного мужа¹².

4) Дмитриевский А. А. Наука о православном богослужении. Машинопись. Библиотечный шифр: IFEB III 774. Эта подборка лекций была создана в 1926–1928 гг. и включает в себя с 5 по 12 выпуски и библиографию ученого¹³. На выпусках 5–9:1 и 10 стоит штампель: «Исклю-

¹¹ Подробнее см.: *Дмитриевский А.А.* Письмо И. И. Соколову от 19 июня 1927 г. // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 318.

¹² См. ответное письмо Р. Н. Виноградовой А. А. Дмитриевскому от 19 апреля 1928 г.: «Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви и духовной науки...» (Письма протоиерея Николая Виноградова к А. А. Дмитриевскому) / Вступ. ст., публ. и прим. Н. Ю. Суховой // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. № 1 (13). С. 207–209.

¹³ Подробнее см.: *Акишин С.Ю., Терехов М.А.* История создания курса лекций «Наука о православном богослужении»...; *Акишин С.Ю.* «Новая манера/методология» профессора А. А. Дмитриевского для исследования истории богослужебных чинов: на материале неопубликованных работ // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н. Н. Покровского / отв. ред. А. П. Деревянко, А. Х. Элерт. Новосибирск, 2020. (Археография и источниковедение Сибири; вып. 39). С. 432–438.

⁸ Там же. Л. 2.

⁹ *Салавилль С.* Письмо А. А. Дмитриевскому от 16 июня 1928 г. // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 715. Л. 3–4.

¹⁰ *Salaville S.* Bulletin de Liturgie // *Échos de l’Orient*. 1929. No. 154. P. 186–187.

чительно для пользования студентов В[ысших] Б[огословских] Курсов»; на выпусках 5–10 в левом верхнем углу карандашом указана цена, по которой каждая лекция продавалась студентам. На библиографии работ А. А. Дмитриевского его рукой чернилами сделана дарственная надпись: «На память. А. Дмитриевский».

Если отправленные А. А. Дмитриевским книги были известны давно и имеются в российских библиотеках, то его лекционный курс для студентов Высших Богословских курсов в Ленинграде представляет для науки наибольший интерес. Как сообщает В. Н. Бенешевич, этот курс лекций был напечатан на пишущей машинке и в совсем небольшом количестве экземпляров распространялся среди студентов названного учебного заведения. К сожалению, ни в одном из рукописных собраний России не сохранилось полного комплекта этого лекционного курса, но лишь разрозненные, в том числе и рукописные, фрагменты. Между тем, этот курс лекций, как отмечает сам автор в письме византинисту И. И. Соколову, был написан «совершенно по новым научным данным»¹⁴ и является своеобразным итогом всей научно-педагогической деятельности А. А. Дмитриевского в области литургики как учебной и научной дисциплины.

Благодаря пускай и краткой переписке А. А. Дмитриевского и С. Салавилля вторая часть этого лекционного курса дошла до нашего времени и, как кажется, публикация и изучение этого текста последнего историко-литургического сочинения Русского Гоара может подвести определенную черту под историей изучения византийской литургической традиции русскими учеными XIX — первой четверти XX века.

* * *

Ниже публикуются французские оригиналы трех писем, написанных в 1928 г.: № 1–2 — письма С. Салавилля А. А. Дмитриевскому от 26 февраля и 16 июня соответственно, № 3 — письмо А. А. Дмитриевского С. Салавиллю от 12 апреля 1928 г. Письма С. Салавилля представляют собой автограф последнего, письмо А. А. Дмитриевского написано неизвестной рукой, лишь в конце другими чернилами ученым собственноручно поставлена подпись в латинской транслитерации его имени и фамилии¹⁵.

¹⁴ *Дмитриевский А.А.* Письмо И. И. Соколову // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 318. Л. 2 об.

¹⁵ Благодарим священника Сергея Сергеевича Кима за помощь в наборе писем С. Салавилля.

1. Северьен Салавилль — А. А. Дмитриевскому. Константинополь, 26 февраля 1928 г.

(л. 1) Constantinople, Kadi-Keui, 26.II.1928

Monsieur le Professeur,

Veillez me permettre, comme admirateur de vos beaux travaux liturgiques, de venir joindre mes très respectueux hommages au concert jubilaire qui fête vos cinquante années d'activité scientifique. Avec tous vos nombreux amis, je forme les meilleurs vœux pour que cette féconde activité puisse se continuer très longtemps encore, au plus grand avantage de la bonne érudition. ||

(л. 1 об.) Votre nom, avec le titre de vos principaux ouvrages, *Euchologia* et *Typika*¹⁶, revient constamment dans nos conversations entre confrères ou avec les savants grecs qui fréquentent notre bibliothèque.

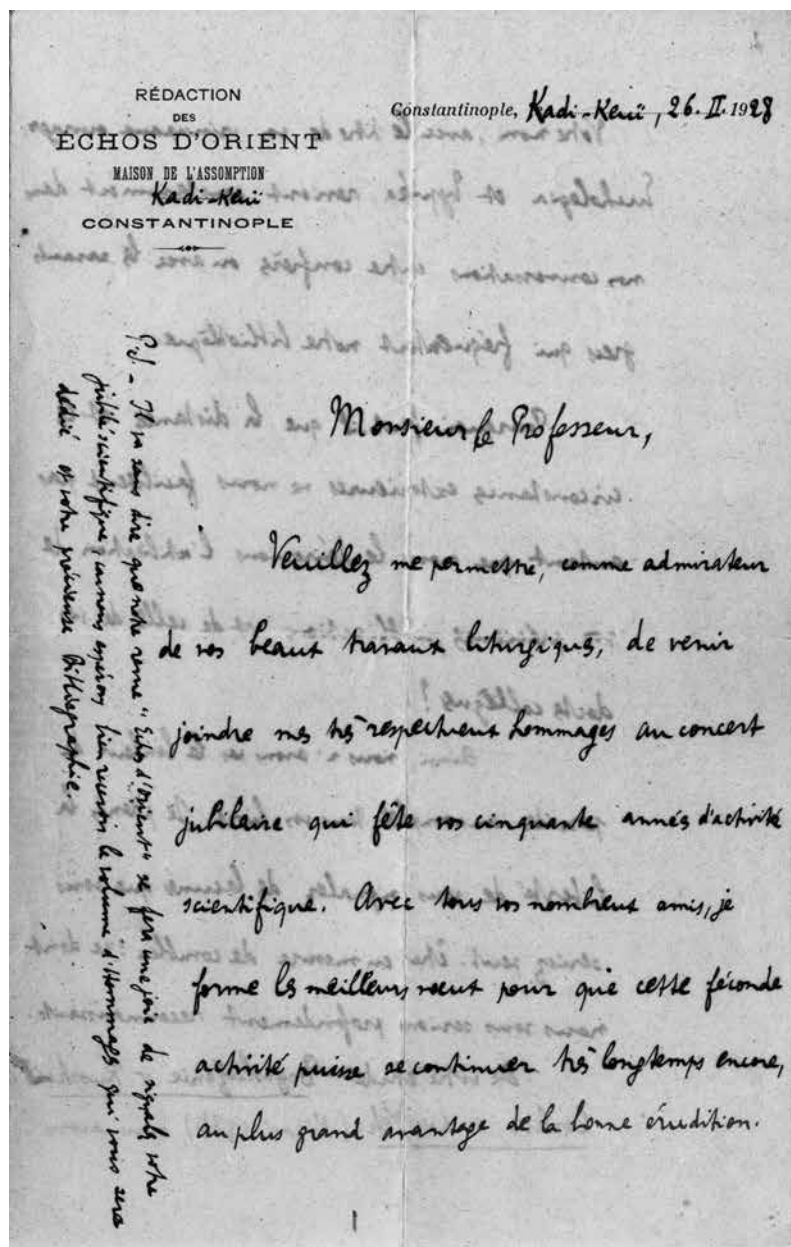
Pourquoi faut-il que la distance et les circonstances extérieures ne nous facilitent pas autant que nous le désirerions l'utilisation de vos précieuses publications et de celles de vos doctes collègues?

Ainsi, nous n'avons pas le bonheur de posséder au complet tous vos livres. Je prends la liberté de vous signaler des lacunes que vous seriez peut-être en mesure de combler : ce dont nous vous serions profondément reconnaissants.

De votre étude «*Bogosluženie v Russkoj Cerkvi v XVI vek[e]*» (Kazan, 1884), nous avons || (л. 2) seulement l'Appendice ou *Priloženija*. Y aurait-il espoir pour nous de trouver tout le reste?¹⁷

¹⁶ *Дмитриевский А.А.* Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 1: *Тυλικά*, ч. 1: Памятники патриарших уставов и ктиторские монастырские Типиконы. Киев, 1895. [2]+CXLVII+912+XXV с.; *Его же*. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 2: *Εὐχολόγια*. Киев, 1901. [2]+XII+1058+XXVII+32 с.; *Его же*. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 3 (первая половина), ч. 2: *Тυλικά*. Петроград, 1917. VIII+768+IV с.

¹⁷ Это исследование представляет собой магистерскую диссертацию, защищенную 11 декабря 1883 г. на заседании Совета Казанской духовной академии. Очевидно, приложение к книге с самостоятельной пагинацией вышло немного позже основной части. См.: *Дмитриевский А.А.* Богослужение в Русской Церкви в XVI веке. Часть I. Службы круга седмичного и годичного и чинопоследования таинств: С приложением греческих текстов. Казань, 1884. [2]+XIV+434+[2]+136+XXIV с.

Ил. 1. Письмо С. Салавилля А. А. Дмитриевскому от 26 февраля 1928 г.
ОР РНБ. Ф. 253. Д. 715. Л. 1

De votre ouvrage «*Sovremennoe bogosluženie na pravoslavnom Vostoke: Istoriko-arheologičeskoe issledovanie*» (Kiev, 1891), nous avons seulement le Vipusk pervij (Vstupitel'nij)¹⁸.

Par l'intermédiaire très obligeant de M. le Professeur V. Benešević¹⁹, nous venons d'acquérir votre 1er fascicule [du] Tome II des *Typika*. Oserai-je vous prier de vouloir bien nous faire envoyer, dès qu'ils paraîtront, les volumes suivants de votre magistrale «*Opisanie liturgičeskikh rukopisei*»?²⁰

J'ai vu signalé par M. Benešević dans la R. H. E.²¹ de Louvain votre cours dactylographié «*La science de la liturgie orthodoxe*»²². Au risque de vous

¹⁸ Изучение современного А. А. Дмитриевскому богослужения на православном Востоке ограничилось вступительным выпуском. Книга вызвала достаточно острую критику и целый ряд публикаций; см.: [Аноним]. Библиографическая заметка. Современное богослужение на православном востоке: Историко-археологическое исследование А. А. Дмитриевского. Выпуск первый (вступительный). 1891 // Христианское чтение. 1891. Ч. 2. № 7/8. С. 141–147; Дмитриевский А. А. Недоумение по поводу недоумений: (Ответ анонимному рецензенту книги «Современное богослужение на Православном Востоке»). Киев, 1891. 28 с.; [Аноним]. Ответ на «Недоумение по поводу недоумений» // Христианское чтение. 1892. Ч. 2. № 7/8. С. 213–216; Дмитриевский А. А. Недоумение по поводу недоумений: (Ответ второй и последний анонимному рецензенту) // Труды Киевской духовной академии. 1892. № 9. С. 163–178.

¹⁹ Владимир Николаевич Бенешевич (1874–1938) — выдающийся русский византист, специалист в области канонического права. Состоял в переписке с французскими ассумпционистами (Герд Л. А. Письма В. Н. Бенешевича к французским ассумпционистам // *Spicilegium Byzantino-Rossicum*. Сборник статей к 80-летию члена-корреспондента РАН И. П. Медведева / под ред. Л. А. Герда. М.: «Индрик», 2015. С. 97–110) и был коллегой А. А. Дмитриевского по работе в Русско-византийской историко-словарной комиссии (см.: Барынина О. А. Отечественное византиноведение на рубеже эпох: Русско-византийская комиссия (1918–1930 гг.). СПб., 2010). О В. Н. Бенешевиче см.: Медведев И. П. Судьба ученого: Владимир Николаевич Бенешевич. М.: Языки славянской культуры, 2021.

²⁰ Несмотря на то, что А. А. Дмитриевским были подготовлены к изданию еще два тома «Описания литургических рукописей», они не увидели света. Состав 4 и 5 томов «Описания» см.: Арранц М. А. А. Дмитриевский: из рукописного наследия / пер. с фр. яз. И. П. Медведева // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / под ред. И. П. Медведева. СПб., 1995. С. 131–132.

²¹ *Revue d'Histoire Ecclésiastique* — научный журнал, издающийся в Лувене и публикующий исследования по истории Церкви. Основан в 1900 г. Имеется в виду библиографическая заметка В. Н. Бенешевича: Benešević V. N. *Chronique. Russie* // RHE. 1928. Vol. 24:1. P. 288–298.

²² Этот лекционный курс читался А. А. Дмитриевским студентам Высших Богословских курсов в 1925–1928 гг. В 1926–1928 гг. на основе этих лекций курс

paraître bien audacieux, je me permets de vous exprimer mon très vif désir de bénéficier || (л. 2 об.) d'un exemplaire d'un si important guide d'études liturgiques. J'en dis autant pour votre travail sur *Jacques Goar et son Euchologe*²³.

Vous voudrez bien, Monsieur, excuser mon importunité, si j'ajoute que je vous serais encore très obligé de vouloir bien me dire si je pourrais compter trouver par votre intermédiaire, toujours évidemment aux prix que vous indiqueriez, les ouvrages ci-après:

Krasnoseltzev, Svedenie o nekotorykh liturgičeskikh rukopisakh Vat. Bibl. Kazan, 1885.

Krasnoseltzev, Materiali dlja istorij činoposledovanija Liturgij sv. Joana Zlatoust. Kazan, 1888.

Krasnoseltzev, Tipik Cerkvi Sv. Sofij v Kpol. Odessa, 1892.

Nevostrujev-Gorski-Popov, Catalogue des mss. slaves de la B. Synodale de Moscou, Section III, livres liturgiques²⁴.

Daignez agréer, Monsieur, avec l'hommage de ma très respectueuse admiration et mes meilleurs vœux pour vos fêtes jubilaires, l'assurance de ma considération la plus distinguée.

S. Salaville,

Directeur de la Revue «Échos d'Orient». ||

(л. 1) P. S. Il va sans dire que notre revue «Échos d'Orient» se fera joie de signaler votre jubilee scientifique, car nous espérons bien recevoir le volume d'Hommages qui vous sera dédié et votre précieuse Bibliographie²⁵.

ОР РНБ. Ф. 253. Д. 715. Л. 1–2 об. Рукопись. Письмо написано на печатном бланке редакции журнала «Échos d'Orient» почтового

был издан в машинописи. Подробнее см.: Акишин С.Ю., Терехов М.А. История создания курса лекций «Наука о православном богослужении»...

²³ Исследование не было опубликовано. В личном фонде А. А. Дмитриевского хранится несколько архивных дел, содержащих материалы работы: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 156–162. Все материалы этих дел изучены иеродиаконом (ныне — иеромонах) Моисеем (А. Ф. Максютковым) и подготовлены к изданию: *Моисей (А. Ф. Максютков), иеродиак*. Неизвестные труды А. А. Дмитриевского по истории византийского богослужения из собрания РНБ: выпускная квалификационная работа. М.: ПСТГУ, 2011. С. 132–347.

²⁴ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1869. Отд. 3: Книги богослужебные. Ч. 1; Горский А.В., Невоструев К.И., Попов Н. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1917. Отд. 3: Книги богослужебные. Ч. 2.

²⁵ Этот абзац написан вертикально на левом поле первого листа.

формата, предназначенном для переписки от имени редакции. В верхнем углу слева напечатано: *RÉDACTION DES ÉCHOS D'ORIENT MAISON DE L'ASSOMPTION Kadi-Keui CONSTANTINOPLE*; в правом углу сверху напечатано: *Constantinople, 19__*

№ 2. А. А. Дмитриевский — Северьену Салавиллю. Ленинград, 12 апреля 1928 г.

(л. 1) Monsieur le Redacteur,

Je suis profondément touché par Vos felicitations si flatteuses, écrites en langues diverses à l'occasion de mon jubilé de cinquante années d'activité scientifique et lit[t]éraire²⁶. Ce jubilé a coïncidé par hasard avec les 45 ans de mon professorat et avec les 25 ans de mon élection au titre de membre-correspondant de notre Académie des Sciences.

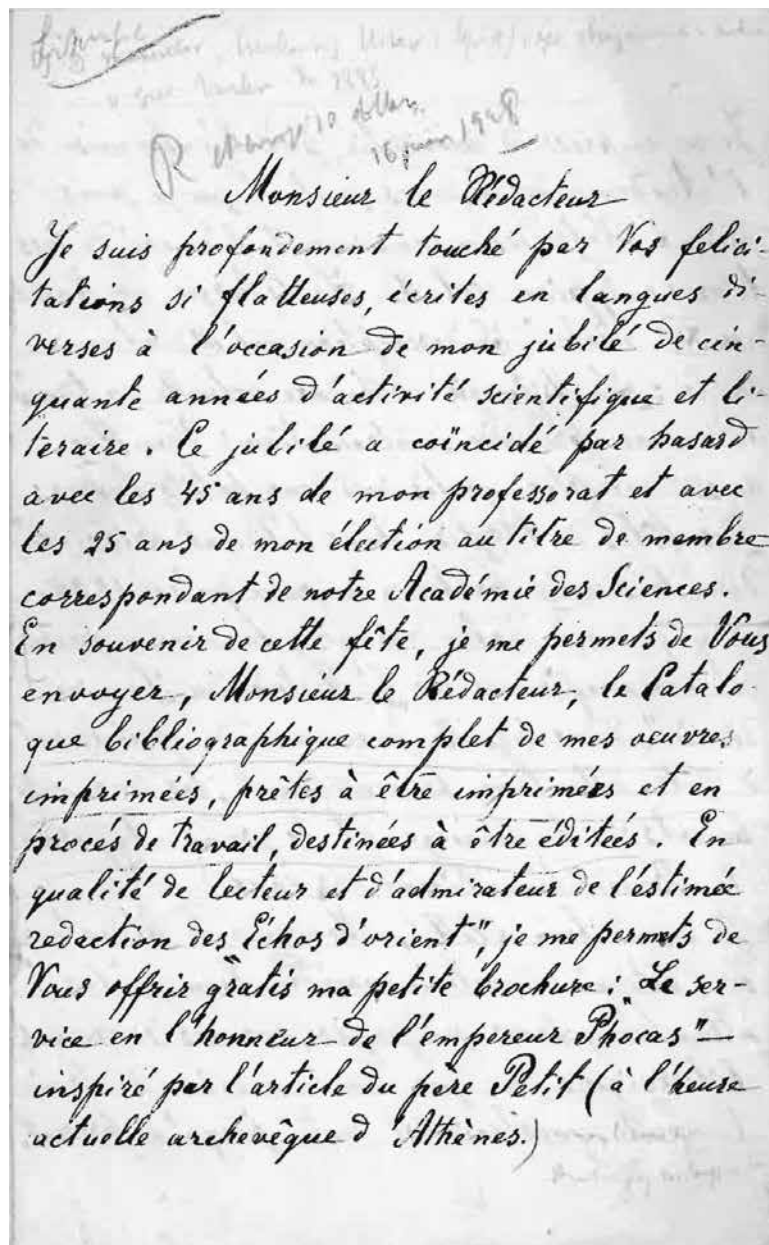
En souvenir de cette fête, je me permets de Vous envoyer, Monsieus le Rédacteur, le Catalogue bibliographique complet de mes œuvres imprimées, prêtes à être imprimées, et en procès de travail, destinées à être éditées. En qualité de lecteur et d'admirateur de l'estimée redaction des «Échos d'Orient», je me permets de Vous offrir gratis ma petite brochure: «Le Service en l'honneur de l'empereur Phocas»²⁷ — inspiré par l'article du père Petit²⁸ (à l'heure actuelle archevêque d'Athènes.) ||

(л. 1 об.) Je m'empresse d'accomplir, par l'entremise de l'Academie des Sciences, autant que je puis mieux, Votre desir concernant l'envoi de mes livres: Typica vol. II. «La liturgie en Russie au XVIe siècle». (La description

²⁶ Празднование «тройного» юбилея А. А. Дмитриевского состоялось 30 декабря 1927 г. См. об этом примечание Н. Д. Успенского: *Сове Б.И.* Русский Гоар и его школа // Богословские труды. 1968. Сб. 4. С. 77–78.

²⁷ Ученым был подарен отдельный оттиск (Киев, 1906. 15 с.) этой статьи: *Дмитриевский А.А.* Служба в честь византийского императора Никифора Фоки // Труды Киевской духовной академии. 1906. № 2. С. 237–252. Этот экземпляр можно найти в библиотеке Института византийских исследований и в настоящее время по шифру IFEB II 5792.

²⁸ Луи Пти (Louis Petit) (1868–1927), католический архиепископ Афинский — византинист, ассумпционист, основатель журнала «Échos d'Orient». О нем. См.: Mgr Petit, Assomptionniste, Fondateur des «Échos d'Orient», Archevêque Latin d'Athènes (1868–1927): Actes du colloque du centenaire des Échos d'Orient, Rome, 15–17 décembre 1997 / éd. par B. Holzer. Roma: Pontificio Istituto Orientale, 2002. (Orientalia Christiana Analecta; 266). 229 p.

Ил. 2. Письмо А. А. Дмитриевского С. Салавиллю от 12 апреля 1928 г. Institut Catholique de Paris. Archives d'institute des Études byzantins de Paris.

vol. III) et comme suite: „La liturgie orthodoxe actuelle en Orient” livraison première, (introduction). Veuillez aussi accepter gratis mes deux petits livres: “Les fêtes de l’église dans l’Orient orthodoxe”, dont la seconde partie n’ a paru qu’en 1924²⁹.

Y’y sains, à Votre demande, la seconde partie de mes conférences sur “l’Histoire du Service divin”, dans laquelle, je recommande spécialement à Votre attention bienveillante, les deux sacrements: — le mariage et le grand Agyasme (la Benediction Divine des eaux). —

Je serais bien flatté, Monsieur le Rédacteur, si l’estimée rédaction voudra bien prêter attention, dans ses pages, sur ces sacrements liturgiques, vu que ma manière de traiter cette question est resté, jusqu’a present, || (Л. 2) inconnue à la science³⁰. La première partie ne merite pas encore Votre attention, car elle est éditée avec des lacunes et des défauts considérables.

Ce qui concerne les livres du professeur Krasnoselzev³¹, qui ont étaient édités en province, — on ne peut les trouver à Leningrad que chez les amis de l’auteur et les spécialistes. Quand aux libraires, ils ne possèdent plus les éditions de ce genre, les livres du professeur Krasnoselzev, ainsi que beaucoup d’autres oeuvres du meme contenu ont été transformé en masse à papier — par l’ordre du pouvoir actuel.

Pour Vous envoyer, Monsieur, quelque chose de ce que Vous desirés avoir, je prends de ma bibliotheque le second exemplaire de “Typica de la Grande Eglise”³², — et je Vous prie de l’accepter gratis de ma part.

Il faut rembourser les livres suivants:

1) Typica, partie II (vol. III) — 6 dollars.

²⁹ Дмитриевский А.А. Церковные торжества в дни великих праздников на православном Востоке: (Очерки, заметки, наблюдения и впечатления). Ч. 1. СПб., 1909. [4]+XII+312 с.; *Его же*. Церковные торжества в дни великих праздников на православном Востоке. Ч. 2. Петроград, 1924. [4]+192 с.

³⁰ Подробнее о методе А. А. Дмитриевского см.: Акишин С.Ю. «Новая манера/методология» профессора А. А. Дмитриевского для исследования истории богослужбных чинов...

³¹ Николай Фомич Красносельцев (1845–1898) — выдающийся русский литургист, церковный историк и археограф, профессор Казанской духовной академии и Императорского Новороссийского университета, учитель А. А. Дмитриевского. О Н. Ф. Красносельцеве см.: Сартаков А.В. Жизнь и научно-педагогическая деятельность профессора Н.Ф. Красносельцева (1845–1898). Вологда, 2025.

³² Имеется в виду статья: Красносельцев Н.Ф. Типик церкви Св. Софии в Константинополе (IX в.). Одесса, 1892. 101 с.

2) “Le Service Divin en Russie au XVI || (л. 2 об.) siècle” — 3 dollars.

3) La 2me partie de mes Conférences, éditées par les étudiants des Cours Supérieurs de Théologie orthodoxe, uniques en Russie, (qui³³ ont fourni les frais de l’édition) — 7 dollars.

Le total est de 16 dollars, qu’il faut envoyer à mon nom par l’entremise de la Banque du Commerce extérieur, à l’adresse suivante: Leningrad. Mitninskaya maeson № 10. log. 11³⁴.

Prière à transmettre la lettre ci jointe à destination.

Daignez agréer, Monsieur le Rédacteur, l’expression de ma parfaite estime et l’assurance de ma reconnaissance la plus distinguée

Votre serviteur

Alexis Dmitrievsky

12/IV 1928

Leningrad

Institut Catholique de Paris. Archives d’institute des Études byzantines de Paris. Рукопись. Письмо написано на бумаге почтового формата. В конце письма на л. 2 об. почерком А. А. Дмитриевского поставлена его подпись: Alexis Dmitrievsky

№ 3. Северьен Салавилль — А. А. Дмитриевскому. 16 июня 1928 г.

(л. 3)

16 juin 1928

Monsieur le Professeur,

Nous venons de recevoir par l’Académie des Sciences les volumes que nous annonçait votre lettre du 12 avril. Veuillez en agréer nos plus respectueux remerciements. Par un malentendu que je regrette, vous y avez mis le tome II de vos *Typika*, que nous avons déjà et que je crois plus opportun de vous retourner par poste recommandée. Je fais joindre à cet envoi quelques tirés à part qui pourront vous être utiles. ||

(л. 3 об.) Le prix des *Typika* étant mis hors de compte, il reste dû dix dollars (10) que nous vous faisons adresser par la Banque du Commerce extérieur.

³³ Испр.; в ркп XVII.

³⁴ По этому адресу А. А. Дмитриевский постоянно проживал в Ленинграде с 1923 по 1929 гг.

Je vous serais très reconnaissant, Monsieur le Professeur, de vouloir bien me faire savoir si vous connaissiez comme publiés les quelques fragments liturgiques ci-après:

1) *Jean Phournès*, Ad Gregorium Antigonitam de quadragesimalibus diebus. Incipit: Ἐποὶ δοκεῖ πάτερ ἅγιε μὴ δεῖν ὅλως ἐν ταῖς ἀγίαις τεσσαρακοσταῖς. Des. καὶ προτιμάσθω πανταχοῦ ἡ ἀλήθεια.

2) *Anonyme*, De stola sacerdotum. Inc.: Τὰ ἐπιμανικά, τὰς χειροπέδας δοξάζουσιν. Des. τοῦ γένους ἡμῶν καλλιγραφήσαντα || (л. 4) 3) *Demetrii Bulgarii archiep.* De eodem argumento.

Incipit: Βεβαμένην στολήν

Des. ὁ Σωτὴρ ἐνεδύσατο.

4) *Photii CP.* Τίνος χάριν τίθεται τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον τῇ κεφαλῇ τοῦ χειροτονουμένου;³⁵

Vous êtes certainement le liturgiste le plus à même de savoir si ces courts fragments sont ou non inédits.

Veillez agréer, Monsieur le Professeur, l’assurance de mes sentiments respectueux et reconnaissants.

S. Salaville

Dir. de la Revue «Échos d’Orient»

9 Rue Jdjadié

Cadi-Keuï

Constantinople

OP PHB. Φ. 253. Д. 715. Л. 3–4. Рукопись. Письмо написано на печатном бланке конгрегации ассумпционистов почтового формата, предназначенном для переписки. В верхнем углу слева напечатано: *AUGUSTINS DE L’ASSOMPTION CADI KEUÏ. MAISON D’ÉTUDES SUPÉRIEURES.*

³⁵ Вполне вероятно, С. Салавилля интересовала подборка извлечений из различных текстов в рукописи XV в. Cod. Ambr. gr. P 261 sup. (gr. 653). В этой рукописи указанные ученым фрагменты располагаются именно в таком порядке, как приведено в письме: fol. 98v-102 — сочинение Иоанна Фурна, fol. 114v-115v — анонимный текст, fol. 115v — краткая заметка архиепископа Охридского Димитрия Хоматиана, на том же листе — сочинение патриарха Фотия. Нам удалось выяснить лишь факт опубликования *Περὶ στολῆς* архиепископа Димитрия (*Pitra J. Analecta sacra et classica Spicilegio solesmensi parata. Paris, 1891. Col. 731–732*).

Е. Ю. Басаргина
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

“Labore et zelo”: Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине

«Ревностным трудом» (“Labore et zelo”) — гласил девиз герба князей Безбородко, помещенный над входом в добротный трехэтажный дом в Нежине, где с 1820 г. существовала высшая школа. Такому же жизненному принципу следовал и И. П. Медведев, отдав служению науке всю свою жизнь.

Некоторые ученые, прежде чем связать свою судьбу с Петербургом, провели некоторое время в малороссийском Нежине и преподавали в находившемся там Историко-филологическом институте князя Безбородко. Поэтому история этого института важна как для реконструкции их научных биографий, так и для изучения динамики развития гуманитарных учреждений.

К моменту появления Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине в Петербурге уже восемь лет существовал Императорский Историко-филологический институт. Оба института, Нежинский и Петербургский, были основаны министром народного просвещения Д. А. Толстым, внедрившим классическое образование в отечественные гимназии. Институты готовили главным образом учителей древних языков, потребность в которых в результате толстовской реформы была особенно велика в 1870–1880-е годы.

Открытый в 1867 г. Петербургский институт был исключительно силен своим профессорским составом. Счастливым для него оказалось соседство с университетом: в институте преподавали такие университетские профессора, как Ф. Ф. Соколов, И. В. Помяловский, П. В. Никитин, Ф. Ф. Зелинский, русскую историю читал А. С. Лаппо-Данилевский,

русскую словесность И. Н. Жданов. У воспитанников института было даже некоторое преимущество перед студентами университета, потому что они имели возможность учиться у таких светил, как Август Наук и Луцциус Мюллер: в университет доступ ученым немцам, плохо владевшим русским языком, был закрыт. В остальном спартанский уклад жизни института не шел ни в какое сравнение с либеральной атмосферой университетов. Все три директора Петербургского института (И. Б. Штейнман, К. В. Кедров и В. В. Латышев) были филологами-классиками до мозга костей и считались столпами классической системы образования; на протяжении 55-летнего существования института положенные в основу всего учебного процесса принципы классицизма остались незыблемыми.

Нежинский институт своим возникновением был обязан своего рода «капризу судьбы»¹. В 1870-е гг. Нежин представлял собой захолустный малороссийский город в трех часах езды от Киева. Славившийся главным образом своими огурчиками, он мог бы дать приют скорее какому-нибудь аграрному училищу, самое большее учительской семинарии. Однако волей знаменитого екатерининского вельможи канцлера князя Александра Андреевича Безбородко и его брата графа Ильи Андреевича Безбородко и на их пожертвования старое дворянское гнездо Безбородко в Нежине в начале XIX в. превратилось в высшее учебное заведение. На средства Безбородко было построено трехэтажное здание, которое и сегодня выделяется среди городских построек Нежина своей добротностью и внушительными размерами. В 1820 г. в Нежине появилась Гимназия высших наук кн. Безбородко, которую обессмертил ее ученик Н. В. Гоголь². Вскоре гимназия была преобразована в Физико-математический лицей (1832–1840), который сменил Юридический лицей (1840–1875).

Постоянные преобразования говорят о том, что высшая школа в Нежине прививалась плохо, но волю жертвователей нарушить было

¹ Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 1875–1900. Преподаватели и воспитанники. Нежин. 1900; *Заболотский П. А.* Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине (1875–1910) // ЖМНП. 1912. Н.с. Ч. XXXVII. Совр. летопись. С. 35–57. О филологах классиках см. соответствующие статьи в образцово подготовленном издании: *Словарь Петербургских антиковедов XIX — начала XX века в 3-х т.* / отв. ред. А. К. Гаврилов. Т. 1: А–К; Т. 2: Л–Я. СПб., 2021.

² *Лавровский Н. А.* Гимназия высших наук Кн. Безбородко в Нежине (1820–1832). Киев, 1879.

нельзя. Поэтому в 1875 г. Толстой решился превратить Юридический лицей, влачивший в то время жалкое существование, в Историко-филологический институт³. Устав нового института в Нежине был почти полной копией устава Петербургского института. Нежинский Институт унаследовал имя Безбородко и проценты с пожертвованных капиталов, сохранилась и должность почетного попечителя⁴.

К преобразованию Нежинского лицея в Историко-филологический институт Толстой призвал профессора русской словесности Харьковского университета. Николая Алексеевича Лавровского (1825–1899)⁵. По образованию он был филологом-классиком, однако в молодые годы сильнее влияния классиков оказалось обаяние слависта И. И. Срезневского, и Н. А. Лавровский избрал предметом своих занятий древнерусскую словесность и византиноведение. Можно сказать, что он был самой судьбой предназначен для института, где бок о бок должны были развиваться классическая филология и славистика.

Н. А. Лавровский привлек в институт сильных славистов. Он уговорил перебраться в захолустный Нежин своего коллегу, декана историко-филологического факультета Харьковского университета Николая Яковлевича Аристов (1832–1882), который стал инспектором института и одновременно профессором русской истории⁶. Кафедру русской словесности и главнейших славянских наречий занял убежденный панславист Антон Семенович Будилович (1846–1908). Вскоре к ним присоединился Роман Федорович Брандт (1853–1920), сын академика и директора Зоологического музея. В последующие годы в институте преподавали Михаил Нестерович Сперанский (1863–1938), историк

³ Создание института в Нежине стало последним крупным нововведением Министерства народного просвещения на западе страны: в 1865 г. к Харьковскому, Киевскому и Дерптскому университетам присоединился Новороссийский университет в Одессе, в 1869 г. — русский Варшавский университет.

⁴ О начальном периоде истории института см.: Басаргина Е.Ю. Вице-президент Императорской Академии наук П. В. Никитин. Из истории русской науки (1867–1916). СПб., 2004. С. 31–44.

⁵ Литературу о нем см.: Медведев И.П. Лавровский Николай Алексеевич // Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 212–213.

⁶ См. о нем: Цамутали А.Н. Николай Яковлевич Аристов // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 87–107.

древнерусской литературы и будущий академик (1921), а также историк и археограф Григорий Андреевич Ильинский (1876–1937). Слависты подготовили несколько выдающихся учеников, первое место среди них принадлежит академику белорусоведу Евфимию Федоровичу Карскому (1860–1931). Поэтому некоторые современные исследователи не считают преувеличением говорить о том, что в Нежине сложилась своя школа славистов⁷.

В преподавателях классических дисциплин поначалу тоже не было недостатка. Об этом позаботился Петербургский Историко-филологический институт, уступив Нежину одного из своих сильнейших латинистов Рихарда Августовича Фохта (1834–1911) и направив лучших выпускников института, в том числе Петра Васильевича Никитина (1849–1916) и Сергея Николаевича Жданова (1850–1903). «Со стороны» был приглашен бывший славянский стипендиат чех Антон Вячеславович Добиаш (1847–1911), отец будущего известного медиевиста Ольги Антоновны Добиаш-Рождественской.

Кафедру всеобщей истории заняли ученик М. С. Куторги Петр Иванович Люперсольский (1836–1903) и будущий министр народного просвещения, ученик Ф. Ф. Соколова и И. В. Помяловского Григорий Эдуардович Зенгер (1853–1919). Кафедру философии получил зять Н. А. Лавровского и сын академика Я. К. Грота, Николай Яковлевич Грот (1852–1899).

Н. А. Лавровский обладал редким административным и педагогическим тактом и особенным умением сплавлять людей, поэтому при нем в институте не было ни борьбы партий, ни взаимной недоброжелательности. Семь лет его директорства (1875–1882) были счастливым временем и для педагогов, и для воспитанников. Н. А. Лавровский вникал в каждую мелочь институтской жизни, изо дня в день являлся на молитву студентов, их завтраки и ужины, дважды или трижды в день делал обход института, давал, как тогда выражались, «командировку за границу», т. е. разрешение на выход из института. По воспоминаниям выпускников, при Н. А. Лавровском все в институте дышало бодростью, энергией и необыкновенным

⁷ Самойленко Г.В. Нежинская филологическая школа. 1820–1990. Нежин, 1993. С. 108–129; Самойленко О.Г. Спадщина істориків Ніжинської вищої школи в історіографії XIX–XX ст. // Література та культура полісся. Вып. 14. Ніжин, 2000. С. 131–148.

добродушием. Обычно не склонный к сантиментам Р. А. Фохт называл эти годы института временем первой любви⁸.

Нежинский институт, находившийся вдали от научных центров, гораздо больше, чем родственный ему институт в Петербурге, нуждался в хорошей библиотеке. Среди приобретений главным стала библиотека знаменитого лейпцигского профессора Фридриха Ричля, которая содержала все важнейшие издания по классической филологии и главные филологические журналы (около 5 000 томов). Институт издавал свои «Известия» (1877–1916). Содержание сборника составляли главным образом годовые отчеты и труды преподавателей.

Собрание всех профессоров составляло конференцию, которая избирала новых профессоров и ведала учебным процессом. Курс обучения в институте был четырехлетним, общее количество студентов не превышало 100 человек, т. е. по 25 человек на курсе. В течение первых двух лет все студенты интенсивно изучали древние языки, античную литературу и историю. Греческая и латинская грамматика и чтение авторов считались главнейшими предметами. На 1-м курсе им было отдано 11 лекций в неделю (продолжительность каждой лекции — 1 час). Помимо лекций студенты ежедневно упражнялись в устном и письменном переводе с русского языка на греческий и латинский, с латинского на греческий и с греческого на латинский. Каждые две недели, в субботу вечером, с 18.30 до 20.00, студенты делали экстенпоральные работы, т. е. письменные синхронные переводы с русского языка на греческий и латинский. Отличавшийся особой строгостью латинист Р. А. Фохт наставлял отстающих студентов дополнительно в вечерние и утренние часы. Очевидцы вспоминали, как при каждом промахе студента он приходил в негодование, «багровел, сердито кряхтел и слегка раздраженным, обиженным тоном поправлял ошибку. В его глазах ошибка в латинском обороте была равносильна преступлению»⁹.

Преподавание древних языков имело в Нежинском институте еще одну особенность: на двух младших курсах из шести учебных дней в неделю

⁸ Грот К.Я. Н.А. Лавровский (некролог) // ЖМНП. 1900. Ч. 327. Январь. Совр. Летопись. С. 1–26; Добиаи А.В. Николай Алексеевич Лавровский, первый директор Института князя Безбородко Нежин, 1900.

⁹ Круковский А. Старое педагогическое гнездо (Из воспоминаний о Нежинском историко-филологическом институте) // Филологические записки. 1911. Вып. VI. С. 832.

один, четверг, был полностью освобожден от лекций и целиком посвящен домашнему чтению древних авторов. День домашнего чтения студенты окрестили Studiertag, а следом за ними так его начали называть и профессора. Текст для перевода и разбора назначался утром, а вечером того же дня с семи часов проходил опрос. Дежурному наставнику в эти дни приходилось следить, чтобы переводы не ходили по рукам студентов, а самих студентов удерживать от попыток заниматься переводом сообща¹⁰.

В институте установилась настоящая «диктатура древних языков», и преподавателям всех других дисциплин приходилось считаться с полновластием классиков. И это несмотря на то, что на третьем курсе происходила специализация: студенты могли выбрать одно из двух отделений: или классическое или славяно-русское отделение (его еще называли словесным). Однако эта специализация не избавляла студентов-славистов от необходимости изо дня в день совершенствоваться в чтении древних авторов, а для студентов классического отделения было обязательным изучение русской литературы и истории. Студенты-классики помимо этого занимались греческими и римскими древностями и литературой, а также метрикой. Лекции по истории римской литературы и римским древностям читались на латинском языке, «оглашали латынью», как выражались в институте, и на практических занятиях, и во время экзаменов; кроме того, студенты писали ежегодно по три сочинения на латинском языке.

Однако вскоре начались нападки на латинский язык как на язык преподавания, и постепенно его стал вытеснять русский. Латинист Р. А. Фохт был этим очень огорчен и досаждал Министерству народного просвещения жалобами и требованиями восстановить права латинского языка в институте, но безуспешно: латинская речь на младших курсах вовсе замолкла, толкование древних авторов на старших курсах на латинском языке было ограничено классическим отделением, лекции по римской литературе и римским древностям стали читать по-русски¹¹.

¹⁰ Отчет о состоянии и деятельности Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине за 1876/7 учебный год, читанный на акте 30 августа 1877 г. ученым секретарем конференции П. В. Никитиным // Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. Киев, 1878. Т. II. С. 16.

¹¹ Подробнее об этом см.: Басаргина Е.Ю. Вице-президент Императорской Академии наук П. В. Никитин. Из истории русской науки (1867–1916). СПб., 2004. С. 41–43.

На последнем четвертом курсе все студенты помимо основных занятий проходили практику в гимназии, которая была специально преобразована для целей института и размещалась в том же здании. Для отличников и «хорошистов» четырех старших классов гимназии министр Д. А. Толстой учредил 12 стипендий (по 200 рублей в год) с условием, что эти ученики поступят в институт. Однако в огромном большинстве случаев стипендиаты этого обязательства не выполняли.

В отличие от гимназистов выпускники института были обязаны сдержать свое слово: они давали письменное обещание прослужить в ведомстве Министерства народного просвещения не менее шести лет по усмотрению министра, в противном случае они должны были возместить свое содержание в институте. Выпускники классического отделения определялись преподавателями древних языков во всех классах гимназии, а выпускники славяно-русского отделения становились преподавателями русского языка и словесности во всех классах и древних языков в низших классах.

В 1882 г. к классическому и славяно-русскому отделениям присоединилось историческое отделение. Сначала этот проект встретил суровый отпор со стороны преподавателей-классиков и слависта А. С. Будиловича, которые старались доказать, что оно нанесет ущерб преподаванию в институте классических языков. Несмотря на протесты классиков историческое отделение все-таки было открыто, причем его выпускники имели право преподавать в гимназии как историю, так и древние языки. В том же году историческое отделение появилось и в Петербургском институте.

Обсуждение вопроса, быть или не быть в институте историческому отделению, вызвало раскол среди педагогов. Историки затронули болезненные проблемы институтского классицизма, критиковали своих коллег за «гнусную дрессировку» студентов, в результате которой те страдали «хроническим расстройством умственного пищеварения», как выразился в пылу спора Г. Э. Зенгер, потому что «они не имели ни времени почитать научную книгу, ни подумать над тем, что им преподается, они жили в вечном страхе перед репетициями, проверками и испытаниями»¹². Студенты догадывались о разномыслии своих на-

¹² Государственный архив Черниговской области в г. Нежине (далее — ГАЧОН). Ф. 1105. Оп. 1. Д. 220. Л. 150.

ставников и воспользовались им по-своему: они вяло занимались древними языками, отговаривали желающих поступать на классическое отделение, так что оно постепенно опустело, а один год не нашлось ни одного охотника учиться на классика.

Разлад в институте совпал с отставкой Н. А. Лавровского и назначением нового директора. Им стал питомец Московского университета, автор перевода «Политики Аристотеля», Николай Ефремович Скворцов (1836–1902). Человек в высшей степени прямой, беззащитный, он занимал эту должность с 3 ноября 1882 г. по 1893 г.¹³ В Нежин Н. Е. Скворцов явился с готовой программой: все в институте должно быть для гимназии, обучать студентов нужно только тому, что учитель может преподавать своим ученикам. Для начала он решил сгладить существующую в институте специализацию. Была значительно усилена классическая филология — единственная истинная, по его мнению, специальность; остальные дисциплины заняли скромное положение факультативных. Это означало, что все студенты изучали все классические дисциплины в полном объеме, а студенты словесного и исторического отделений сверх того слушали лекции по своей специальности. Многие студенты из чувства самосохранения не хотели брать на себя дополнительных обязательств и предпочитали классическое отделение двум другим. Начиная с 1885 г. число выпускников-классиков росло и достигло в 1888 г. 13 человек из 21. Однако именно этому выпуску не повезло: за неимением никаких учительских вакансий, им было велено получить на руки документы, и дано право устраиваться в жизни кто, где и как хочет. Каким-то неловким вышло прощание директора с озадаченным выпуском, которому предстояло отправиться на все четыре стороны. В следующем учебном году находчивый директор придумал такой выход из положения: он совсем упразднил классическое отделение, потому что оно утратило значение особого отделения. Впрочем, уже на следующий год (1889/90) оно было восстановлено. Эксперименты директора привели к разложению института и нанесли урон его престижу, число поступающих в институт юношей упало до минимума.

¹³ Малеванский Г. В. Памяти Николая Ефремовича Скворцова, второго директора Историко-филологического института в Нежине: Страница из внутренней истории русской школы. Известия ИФИ князя Безбородко в Нежине. Нежин, 1902. Т. XX. С. 106–107.

От полной гибели институт спасли его педагоги, которые вопреки сумасбродству директора продолжали делать свое дело. Большое нравственное влияние на своих воспитанников оказал профессор русской словесности Михаил Иванович Соколов (1854–1906). Некоторые педагоги не могли примириться с новым положением дел, и институт оставили лучшие научные силы: один за другим ушли Н. Я. Грот, Г. Э. Зенгер, Р. Ф. Брандт. В конце концов (в 1889 г.) ушел и М. И. Соколов, на вокзал его провожали всем институтом, и студенты на руках внесли своего любимого учителя в вагон.

В начале 1890-х гг. Н. Е. Скворцов вынашивал план преобразования института в педагогическую семинарию. Чтобы убедить министерство в необходимости реформировать институт, Скворцов завел в нем такой суровый казарменный режим, что большинство студентов бежало из Нежина, и в институте оставалось от силы 3–4 десятка. В 1894 г. в институте было всего-навсего три выпускника. Когда в министерстве узнали, в чем дело, Н. Е. Скворцова отозвали из Нежина.

После его ухода изрядно потрепанный институт достался в наследство Фридриху Фердинандовичу Гельбке (1842–1922), который прослужил в институте 14 лет (1893–1907). В прошлом он был учителем греческого языка в Петербургских гимназиях, а потом стал окружным инспектором Петербургского учебного округа и членом Ученого комитета Министерства народного просвещения. При новом директоре дела института постепенно пошли на поправку¹⁴, и в 1902 г. общее количество студентов достигло, наконец, 100 человек. Институт стал более привлекательным благодаря ослаблению классицизма, который в это время уже начал сдавать свои позиции и в гимназии, где греческий язык был признан необязательным. Классическое отделение в институте нередко пустовало (например, в 1906, 1908 и 1909 гг. не было ни одного выпускника-классика).

Ф. Ф. Гельбке нашел общий язык с коллегами и студентами, по отношению к профессорской корпорации он всегда действовал в духе коллегиальности. Директор умел скрашивать неприглядные стороны институтской жизни, поддерживал научную работу своих сослуживцев, хлопотал

¹⁴ Отчет о состоянии института за 1899–1900 // Известия ИФИ князя Безбородко в Нежине. Нежин, 1901. Т. 19. С. 5; Отчет о состоянии Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине за 1905–6 учебный год // Там же. 1907. Т. 23. С. 5.

о них в тех случаях, когда требовалось получить книги или рукописи из других библиотек или командировку для научных занятий. Отечески он относился и к студентам, за что был удостоен прозвища «дед».

В 1894 г. Ф. Ф. Гельбке поддержал и возглавил историко-филологическое общество при институте. Общество издавало научный «Сборник» и пользовалось авторитетом в городе. Произошли перемены и в составе педагогов-классиков. В институт были приняты Артур Александрович Брок (в 1898 г. на кафедру римской словесности) и Бернгард Фридрихович фон Бурзи (1863–1909) (в 1899 г. на кафедру греческой словесности). Кафедры в институте начали занимать его бывшие питомцы, например, Ив. Турцевич, один из лучших студентов первого выпуска, в 1892 г. сменил своего учителя, грозу всех студентов Р. А. Фохта. Питомец института А. П. Кадлубовский был принят в институт в 1890 г. наставником студентов, а в 1893–1899 гг. преподавал им теорию словесности.

Не успел институт как следует окрепнуть, как началась его травля со стороны местных властей. Не раз Черниговское земство поднимало вопрос об уничтожении в Нежине высшей гуманитарной школы и об открытии вместо нее какого-то специального практического заведения. Но благодаря стойкости министерства и энергичной защите со стороны почетного попечителя института А. А. Мусина-Пушкина, этот проект не осуществился.

На время директорства Ф. Ф. Гельбке выпали события 1905 г., которые всколыхнули Нежин, в октябре по городу прокатились еврейские погромы, во время которых подверглись насилию некоторые студенты и профессор римской словесности Михаил Ильич Мандес (1865/1866–1934). После этого институт был закрыт, все студенты и профессора вместе с директором выехали из Нежина. Институт открылся в начале 1906 г., а через год Ф. Ф. Гельбке вышел в отставку. Хотя ему не удалось поднять институт на ту высоту, какой он достиг при Н. А. Лавровском, авторитет института окреп в глазах образованного общества и министерства. Студенты первыми отреагировали на уход любимого директора, в 1907/1908 гг. из института выбыли 20 человек¹⁵.

¹⁵ Отчет о состоянии ИФИ князя Безбородко за 1907–1908 учебный год // Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. Нежин, 1909. Т. XXIV. С. 4.

Преемником Ф. Ф. Гельбе стал профессор Новороссийского университета, доктор всеобщей истории Иван Иванович Иванов (1862–1929). Едва познакомившись с жизнью института, он ополчился против институтского интерната. Действительно, принудительное общежитие взрослых молодых людей с разным темпераментом, характерами в начале XX века являлось анахронизмом, годившимся скорее для казармы или узилища, а не для светского учебного заведения. К тому же правила проживания в интернате постоянно нарушались, а для некоторых своих «клиентов» институт превратился просто в гостиницу, где можно было даром пообедать и поужинать, да еще обзавестись казенным платьем, которое наиболее предприимчивые умудрялись перепродавать на городском рынке. Впрочем, такие личности составляли исключение, а не правило. Иванов поставил вопрос о ликвидации интерната и замене казенного кошта стипендией. Однако этого не произошло, потому что интернат давал студентам такие бытовые удобства, вроде водопровода, канализации, центрального отопления и электричества, которые они больше нигде в Нежине не могли найти.

И. И. Иванов хлопотал об открытии романо-германского отделения как более перспективного по сравнению с классическим, но в министерстве его не поддержали. Там его огорчили еще и тем, что благословили переход в Нежин преподавателя Петербургского Историко-филологического института Фридриха Эрнестовича Видемана (1869–1919). В то время это был единственный во всей империи магистр греческой словесности, который не был еще обеспечен кафедрой. Рекомендацию ему дали Ф. Ф. Зелинский и В. В. Латышев¹⁶. И. И. Иванову хватило 10 минут разговора с Ф. Э. Видеманом, чтобы убедиться в том,

¹⁶ По словам В. В. Латышева, «Ф. Э. Видеман, хотя и немец, но родился в России, окончил курс русской гимназии и высшее образование получил в нашем институте, курс которого окончил в 1892 г. Как отличный студент, он был оставлен при институте, затем командирован за границу. Греческий язык он знает отлично, и обладает огромной начитанностью в авторах (у нас он обыкновенно читает Геродота, Фукидида и Еврипида). У нас он не получил до сих пор профессуру только потому, что все кафедры греческой словесности заняты профессорами, поступившими еще раньше его. Я был бы очень рад, если бы эти строки могли поспособствовать вполне заслуженному служебному повышению г. Видемана». См.: ГАЧОН. Ф. 1105. Оп. 1. Д. 1841. Л. 3–3 об. Ср.: *Смышляева В.П.* Видеман Фридрих (Вильгельм) Эрнестович // *Словарь Петербургских антиковедов XIX — начала XX века в 3-х т. / отв. ред. А. К. Гаврилов. Т. 1: А–К. СПб., 2021. С. 123–124.*

что он имеет дело с совершенно помешанным человеком. Их личное знакомство состоялось еще в Петербурге, и директор сразу сообщил о своем впечатлении министру, но по какому-то недоразумению он все-таки был назначен высочайшим приказом¹⁷. По-видимому, директор Петербургского института В. В. Латышев попросту хотел «сплавить» Ф. Э. Видемана в Нежин. Однако до Нежина тот так и не добрался. На вокзале в Петербурге он выкрикивал какие-то непозволительные или даже преступные слова и был арестован. Сообщение «О дикой выходке профессора Нежинского института Видемана» попало в газеты. И. И. Иванову пришлось дать опровержение в газеты, что «едва ли можно говорить о дикой выходке профессора Нежинского института, а только о дикой выходке сумасшедшего преподавателя Петербургского Историко-филологического института»¹⁸. Огорченный чередой неудач, директор потерял интерес к вверенному ему учреждению, уединился в своей роскошной директорской квартире и жил в ней, как рак-отшельник, нередко перед ним стояла бутылка горилки да соленые нежинские огурчики¹⁹.

Ярким событием в жизни института и всего города стало торжество в честь столетнего юбилея Н. В. Гоголя в апреле 1909 г. Кульминацией праздника стало открытие на здании института мраморной доски: с надписью: «Здесь учился Н. В. Гоголь с мая 1821 по июнь 1828 г.» К юбилею было приурочено и создание в институте «Гоголевской комнаты», в которой собрали все рукописные и печатные материалы о Гоголе, которые смогли найти в архиве и библиотеке института²⁰. В советское время это собрание было передано России.

В 1913 г. И. И. Иванов перешел в Московский университет, ему на смену пришел филолог-классик Иосиф Андреевич (Эрнестович) Лециус (1860–1931), профессор университета св. Владимира. Он расширил программу классического отделения введением таких курсов, как историческая грамматика, история античного искусства и религии.

¹⁷ ГАЧОН. Ф. 1105. Оп. 1. Д. 1841. Л. 37–38.

¹⁸ Там же. Л. 38 об.

¹⁹ *Самойленко Г.В., Самойленко О.Г.* Ніжинська вища школа: сторітки історії. Ніжин, 2005. С. 173.

²⁰ Отчет о состоянии ИФИ князя Безбородко за 1908–1909 учебный год // *Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. Нежин, 1910. Т. XXV. С. 16–20.*

Обновленное классическое отделение сразу сделалось более привлекательным для студентов. Но не успели эти нововведения прижиться, как началась Первая мировая война.

И. А. Лециус осмелился протестовать против «патриотических» выходок нежинских хулиганов, производивших дебош на территории института; тогда правые круги Нежина состряпали обвинение о его германских симпатиях, в результате министр Л. А. Кассо предложил ему взять отпуск, закончившийся отставкой²¹. Дальнейшими происками правых ученый был сослан в Самару, где служил простым конторщиком в частном банке. В 1918 г. ему удалось уехать в Берлин, где он служил гимназическим учителем; умер он в Галле.

В военное время жизнь института коренным образом изменилась; на третьем этаже расположился госпиталь, и студенты помогали в госпитале и по хозяйству. Однако учебная жизнь не прекратилась, более того, в 1916 г. профессор по кафедре философии Павел Васильевич Тихомиров (1868–1937) организовал в Нежине историко-филологические Высшие женские курсы, которые одно время располагались в здании института. Преподавали на ВЖК в основном профессора института²², но не только они. В 1918 г. на курсы была зачислена Мария Ефимовна Сергеевская (1891–1987), ей было поручено чтение греческого автора, курсы истории греческой литературы и греческой грамматики.

В 1917 г. и в последующие годы институт пережил не одно потрясение. Наконец в декабре 1920 г. решением советского правительства Украины институт был преобразован в научно-педагогический, в 1921 г. — в Институт народного образования. За свою историю

²¹ Отставку объясняли не только патриотическим духом нежинцев, но и нетактичным поведением самого И. А. Лециуса, который разговаривал с ними по-немецки, а по возвращении в июле 1914 г. из Германии, где жили его дочери, проигнорировал официальные акции по случаю начала войны. См.: *Смышляева В. П.* Российские филологи-классики XIX века: «германовское» направление. СПб., 2022. С. 277–278; *Моцяка П. П.* И. Э. А. Лециус — репрессированный директор Института князя Безбородко (1913–1914 гг.) // Миллеровские чтения. К 285-летию Архива Российской академии наук. Сборник научных статей по материалам Международной конференции 23–25 апреля 2013 г. СПб., 2013. С. 287–293.

²² См.: ГАЧОН. Ф. 1354. Оп. 1. Д. 32. Л. 12. Протокол заседания Совета Нежинского историко-филологического женских курсов 13 ноября 1918 г.: Выборы в преподавательницы курсов М. Е. Сергеевской. Закрытой баллотировкой она была избрана единогласно.

институт имел 39 выпусков и подготовил более 650 учителей. Он был своего рода школой и для молодых педагогов. Профессуру в Нежине можно считать неплохим началом служебной карьеры как для классиков, так и для славистов. Из Нежина пошли «на повышение» П. В. Никитин — в Петербургский университет, Н. Я. Грот, Р. Ф. Брандт, М. И. Соколов — в Московский, А. С. Будилович, Н. А. Лавровский и Г. Э. Зенгер — в Варшавский университет. Варшава открыла нежинцам дорогу к высоким административным постам в западных учебных округах, где они проявили себя убежденными проводниками русификаторской политики²³. Да и находившийся в центре Малороссии Нежинский институт, в который принимали юношей только православного вероисповедания, где насаждалась русская словесность и где русский язык был единственным, не считая латыни, языком преподавания, должен был служить интересам укрепления русского влияния в этом регионе. Неудивительно, что с приходом советской власти сразу был поставлен вопрос о переходе преподавания с русского языка на украинский.

²³ А. С. Будилович стал ректором Юрьевского университета, Г. Э. Зенгер — сначала ректор Варшавского университета, вскоре попечитель Варшавского учебного и наконец министр народного просвещения; Н. И. Лавровский был и ректором Варшавского университета, и попечителем Рижского учебного округа, и академиком.

Л.А. Герд
Санкт-Петербургский институт истории РАН

Рыцарь Гроба Господня: Т. И. Филиппов и христианский Восток

Тертий Иванович Филиппов (1826–1899), известный политик, государственный чиновник, публицист, церковный деятель, собиратель народных песен, был одной из самых ярких и разносторонних личностей в России второй половины XIX века. Почти забытый в советское время, в последние десятилетия он неоднократно привлекал внимание исследователей. Отдельные публикации посвящены его тесным контактам и дружбе с писателями¹; интерес к педагогике стал поводом к изданию отдельного сборника²; общественно-политические взгляды стали темой нескольких диссертаций³. Исследования С.И. Алексеевой знакомят читателя с архивными материалами Филиппова, проясняют детали его биографии, а также ставят его деятельность в контекст консервативного направления русской политики⁴. Взгляды Т.И. Филиппо-

¹ Гроссман Л.П. Достоевский и правительственные круги 70-х годов // Литературное наследство. Т. 15. М., 1934. С. 149–156; «Брат от брата помогаем...» (Из неизданной переписки К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова) / Подг. текста, введ. ст. и комм. О.Л. Фетисенковой // Нестор. 2000. № 1. С. 165–204; Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875–1891) / Составление, вступительная статья, подготовка текстов и комментарии О. Л. Фетисенко. СПб., 2012.

² Филиппов Т.И. Русское воспитание / Сост., предисл. и комм. С.В. Лебедева. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008

³ Тюрин Н.В. Творчество Т.И. Филиппова в литературном процессе второй половины XIX века. А/р канд. дисс. Тверь, 2006; Прончатова В.П. Система взглядов государственного контролера Т.И. Филиппова (1825–1899 гг.) и его общественная деятельность. А/р канд. дисс. М., 2011

⁴ Из многочисленных публикаций С.И. Алексеевой укажем следующие: Материалы по истории Русской православной церкви в архивном наследии Т.И. Филиппова // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

ва сформировались еще в годы его учебы в Московском университете, который он окончил в 1848 г. Знакомство с православным Востоком и интерес к нему пришли позднее. К середине 1850-х годов Филиппов, прежде близкий к славянофилам, окончательно порвал с ними и примкнул к византизму старцев Оптиной пустыни, в общение с которыми вошел через И.В. Киреевского. Уже в 1852 г. он начал сотрудничество с Оптиной по изданию святоотеческой литературы. «Византийские увлечения» Филиппова, ставшие предметом отдельной статьи Игоря Павловича Медведева⁵, выразились не только в его участии в основании «Византийского временника» и Русского археологического института в Константинополе, но явились фундаментом для его взглядов на отношения России с православным Востоком. Восточное христианство и церковная политика, казалось, не входили в прямые обязанности государственного контролера, однако не оставляли его равнодушным на протяжении всей его жизни.

Т.И. Филиппов и греко-болгарский вопрос

В 1857–1865 гг. Филиппов служил в должности чиновника особых поручений при Св. Синоде. Обер-прокурором в 1856–1862 гг. был Александр Петрович Толстой, известный своими разногласиями с панславизмом времени императора Александра II. В стремительно нарастающей борьбе болгар за церковно-национальную независимость от Константинопольской патриархии Толстой, в отличие от МИД, занял крайнюю грекофильскую позицию. Борьба за церковную автономию, считал он, незаконна с церковной точки зрения, является нарушением канонического строя Церкви. Если император и его дипломаты в Османской империи

Сер. II. История. 2007. № 2 (23). С. 7–31; «По долгому искусе своих побуждений, решаюсь говорить своим собственным языком» (К вопросу о становлении мировоззрения Т. И. Филиппова) // Россия и мир в конце XIX — первой половине XX в. Сборник к 85-летию Бориса Васильевича Ананьича. СПб.: «Лики России», 2017. С. 606–616; Т.И. Филиппов—чиновник особых поручений при обер-прокуроре Святейшего Синода // Сборники Президентской библиотеки. Сер. «Электронный архив». Вып. 1. Святейший Синод в истории российской государственности: Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. СПб.: Президентская библиотека, 2017. С. 115–130.

⁵ Медведев И.П. «Византийское хобби» государственного контролера Т.И. Филиппова // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2003. С. 268–272.

полагали, что своевременное предоставление болгарам автономии, назначение славянских архиереев и богослужение на родном языке может обеспечить церковный мир и сохранить единство Церкви, то Толстой и его единомышленники, вслед за греческим высшим духовенством, видели единственный путь к сохранению единства православия под главенством Константинополя в строгом соблюдении традиционных форм⁶. Не было единства мнений и в среде русского духовенства. Конфликт грекофила архимандрита Петра (Троицкого), настоятеля русской посольской церкви в Константинополе, с русской миссией во главе с А.Б. Лобановым-Ростовским привел к его замещению в 1860 г. на более гибкого и дипломатичного архимандрита Антонина (Капустина), до тех пор служившего при русском посольстве в Афинах⁷.

В первое время службы в Синоде Филиппов вошел в разногласие с обер-прокурором по вопросу борьбы со старообрядчеством, и с 1858 г. ему была оставлена лишь переписка с заграничным духовенством. Напомним, что 1858 г. было временем бурных дебатов в церковно-национальном собрании в Константинополе, в котором депутаты от славянских областей впервые открыто заявили о предоставлении автономии⁸. Болгары возлагали большие надежды на поддержку из России; в периодической печати появляются статьи в их защиту. С резкой критикой фанариотского духовенства выступил болгарин Х.К. Даскалов («Русский вестник», 1858, №№ 4, 6, 9; «Русская беседа», 1858, кн.2). Эти статьи были рассмотрены в Синоде, члены которого, вслед за А.П. Толстым, сочли необходимым выступить с их опровержением. Письменный ответ был поручен Т.И. Филиппову. «Ответ «Русскому вестнику» по болгарским делам» не был принят к публикации М.Н. Катковым и А.С. Хомяковым, но в августе того же года был издан в «Московских ведомостях» (№ 93–97) а затем вышел в свет отдельной брошюрой⁹. Это стало

⁶ См.: «В делах Востока первой заботой нашей должна быть Святая Церковь». Две записки обер-прокурора Св. Синода А. П. Толстого по греко-болгарскому вопросу с комментариями императора Александра II. 1860 г. /Подг. текста, вступ. статья и комм. Л. А. Герд//Исторический архив. Москва, 2003. С. 49–61.

⁷ См. об этом: *Архим. Антонин Капустин. Дневник. Годы 1856–1860* / Изд. подг. Л.А. Герд, К.А. Вах. М., Индрик, 2017

⁸ *Бонева В.* Българското църковнонационално движение. Велико Търново: За буквите, 2010

⁹ *Алексеева С.А.* Т.И. Филиппов—чиновник особых поручений при обер-прокуроре Святейшего Синода. С. 121–122

дебютом Филиппова в его полемике со славянофилами и борьбе в защиту традиционного византийского образа православного мира во главе с Константинопольским патриархатом. Историческая часть «Ответа» была написана самим Филипповым, а сведения о современных событиях — К.К. Зедергольмом, который с 1858 г. также состоял на службе в Синоде и, в свою очередь, заимствовал их из записки архидиакона Александра Ласкариса, константинопольского грека, в то время студента Санкт-Петербургской Духовной академии. Таким образом, на страницах русской периодической печати в полемику вступили публицисты из болгарской диаспоры, их оппоненты-греки и соответственно поддерживавшие первую и вторую партии русские панслависты и грекофилы. Уход из Синода К.С. Сербиновича в 1859 г. поставил Филиппова в положение главного советника по восточным делам. В начале 1860 г. другой болгарский публицист, С.Н. Палаузов, в «Северной пчеле» подверг статью Филиппова критике и обвинил автора в незнании и искажении исторических свидетельств. В ответ Филиппов в июле-августе 1860 г. написал новую статью под названием «По вопросу о болгарском патриаршестве», в которой развил историческую часть своей первой публикации. Статья была издана анонимно в Берлине в том же году. Исходя из византийского понятия пентархии патриарших престолов, он допускал существование у болгар такой же церковной автономии, как у Сербского, Кипрского или Синайского архиепископа, но отрицал их право на независимый патриархат. Эта статья, написанная по поручению Толстого, была одобрена митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым). Анонимные выступления Филиппова в печати, по его словам, не должны были и не могли повлиять на современный ход дел, так как отделение болгар в 1860 г. было уже делом решенным. Тем не менее, он не отступился от своих взглядов и в последующие годы продолжал полемику в печати; ряд публикаций появился в связи с провозглашением болгарской церковной независимости в 1870 г. и объявлением болгарской схизмы в 1872 г.¹⁰. Как в вопросе о русском расколе, так и в делах восточных

¹⁰ *Филиппов Т.И.* Вселенский патриарх Григорий VI и греко-болгарская распря // Журнал Министерства народного просвещения. 1870. № 2. С. 245–301. № 3. С. 1–55; *Он же.* Решение греко-болгарского вопроса // Русский вестник. 1870. № 6; *Он же.* Определение Константинопольского собора по вопросу о болгарском экзархате // Гражданин. 1872. № 23–28; *Он же.* Современные церковные вопросы. СПб., 1882.

церквей он считал единственно правильным решением созыв вселенского собора под председательством восточных патриархов и признание Русской церковью допущенных ею ошибок.

Записки о несторианах.

Начиная с 1840-х годов российский МИД предпринимал усилия по привлечению нехалкидонских восточных христиан (несториан Персии и восточной Турции, египетских и абиссинских монофизитов, яковитов) в православие. Оказание политического покровительства православным и неправославным христианам Востока входило в задачи русской политики. Вовлечение их в политическую орбиту России должно было послужить укреплению позиций империи в Турции и одновременно помешать дальнейшему распространению среди них католицизма и протестантизма, и, соответственно, французского и британского влияния. Первые шаги к этому были сделаны еще до Крымской войны архимандритом Порфирием (Успенским), в то время начальником Русской Духовной миссии в Иерусалиме. Дальнейшая работа требовала большой подготовки с богословской, политической и материальной стороны. Во время службы в Синоде по поручению А.П. Толстого Филиппов написал подробное изложение о несторианах¹¹. В архиве Т. И. Филиппова сохранились подготовительные материалы: копии с документов, касающихся перспектив присоединения к православию несториан: «Записка по делу о несторианах» (черновик и писарская копия); «Краткие исторические сведения о несторианах»¹².

Первые контакты несториан с Россией после Крымской войны, писал Филиппов, относятся к 1859 г., когда несторианский священник Михаил обратился, при посредничестве Иерусалимского патриарха Кирилла, к великому князю Константину Николаевичу, в то время находившемуся в Св. Земле.¹³ Одновременно, по совету трех греческих патриархов (Константинопольского, Иерусалимского и Антиохийского), он вел переговоры с начальником Русской Духовной миссии

¹¹ На основании этой записки была опубликована статья: *Филиппов Т.И.* Несколько слов о несторианах // *Русский вестник*/ 1862. Т. 40. Август. С. 798–820.

¹² ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 123. Здесь и далее ссылки на архивные документы приводятся без указания листов по причине недостаточно качественных фотокопий.

¹³ «Записка по делу о несторианах» ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 123.

в Иерусалиме епископом Кириллом Наумовым. 23 октября 1859 г. Кирилл представил прошение по этому делу обер-прокурору А. П. Толстому. Речь шла о присоединении 30.000 несторианских семейств в Персии и Турции к православию. Из сообщений российского консула в Тебризе было известно о 8.000 семей несториан в Персии, из которых примерно половина находились под сильным влиянием протестантских американских миссионеров, и около 100 семей—под влиянием миссионеров католических. После войны в Персии 1829 г. 80 несторианских семей переселились в Эриванскую губернию и приняли православие; они находились в тесном общении со своими соотечественниками в Персии. Брат православного несторианского епископа ездил в этой связи в Урмию, чтобы уговаривать несториан перейти под покровительство России. В своей записке Филиппов рассматривает некоторые догматические и литургические особенности несторианства; он подчеркивает сильные стороны для российской полемики: несториане отвергают чистилище и индульгенции, и с другой стороны признают молитвы к святым и по усопшим, совершают крестное знамение. В последнее время, продолжает Филиппов, несториане стали причащать представителей других христианских исповеданий, и сами для себя допускают причащение в инославных церквях. Из Иерусалима о. Михаил направился в Петербург. В записке высказывается мнение, что препятствий к присоединению несторианских областей к Российской церкви нет, т.к. все они граничат с Россией. Всего их девять—шесть в Турции и три в Персии.

Среди источников Филиппова была переписка бывшего настоятеля посольской церкви в Константинополе архимандрита Софонии и обер-прокурора А. П. Толстого начала 1860-х годов. Софония был посредником в переговорах несториан и яковитов с Россией перед Крымской войной. После войны Софония жил при Сионском соборе в Тбилиси. Он вступил в переговоры с несторианским священником из Урмии. Священник не имел при себе никакой бумаги, из опасения, что она попадет к мусульманам, и устно передал желание айсоров принять православие. То же желание высказывали, по его словам, несториане, проживающие около Ванского озера¹⁴. В ответном письме

¹⁴ Копия письма архимандрита Софонии от 19 апреля 1862 г. ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д.

выражались сомнения в том, что Софония в его возрасте сумеет быстро овладеть сиро-халдейским языком и перевести основные тексты. Касательно несториан, необходимо о них прежде собрать все сведения: в каких отношениях они с другими православными церквями, восточными патриархами; каковы их мотивы—житейского свойства, или политического. О переговорах Софонии с несторианами было доложено императору Александру II. Император проявил интерес к этому диалогу, но в то время продолжения он не имел.

Т. И. Филиппова собирал материалы и для присоединения к Русской церкви яковитов восточной Турции¹⁵. В составленной им «Записке о яковитах» излагаются исторические сведения об их происхождении и основные вероучительные отличия их от православия; приводится справка о четырех ветвях монофизитской церкви (коптской, абиссинской, сиро-яковитской и армянской). Во второй части записки речь идет о состоянии сиро-яковитской церкви в Месопотамии, Сирии и Индии. Всего в нее входили 23 епархии, управляемые 19 митрополитами; кафедра патриарха находилась в Мардине.

Яковиты, как и несториане, сами предпринимали попытки переговоров о соединении с Русской церковью. Они отправили свою просьбу в Тифлис к князю Воронцову, а он препроводил ее в Петербург. Доверенные от них поехали и к русскому посланнику в Константинополь с просьбой о соединении церквей и учреждении в Диарбекире или Харпите русского дипломатического представительства. Патриарх Иаков-Игнатий приезжал в 1845 г. в Петербург искать покровительства для своей паствы. Это стало предметом переписки с МИД; архимандриту Софонии было поручено перевести яковитскую литургию на русский язык, что и было сделано при помощи сирийского уроженца Николая Шамие¹⁶. После Крымской войны, в 1856 г., яковиты послали А. П. Бутеневу шесть прошений, на которые не получили ответа, и тогда Николай Шамие отправился от них представителем в Петербург¹⁷. Переговоры с яковитами

тогда остались без результата, но возобновлялись неоднократно вплоть до начала Первой мировой войны.

Вопрос о бессарабских имениях восточных монастырей.

Провозглашение болгарской схизмы в 1872 г. создало серьезные затруднения для русской политики на Балканах. Теперь Русская церковь была призвана присоединиться к решению о схизме и прекратить каноническое общение с Болгарским экзархатом и его духовенством. Российский Св. Синод отправил ответное письмо патриарху, в котором высказывалась мысль о том, что собор в Константинополе был поместным, а не вселенским, а Русская церковь не считает себя вправе вмешиваться в дела других церквей. Хотя Россия и устранилась от решения о схизме, но каноническое общение с болгарскими пришлось прекратить, чтобы не вызывать открытый конфликт с Константинопольским патриархатом. Последующие десятилетия были посвящены попыткам преодолеть схизму дипломатическим путем¹⁸.

Ответной реакцией на болгарскую схизму было решение Александра II о конфискации имений греческих монастырей и церквей в Бессарабии и на Кавказе, — мера, аналогичная той, которую в начале 1860-х годов приняло правительство объединенных княжеств Молдавии и Валахии¹⁹. В отличие от конфискации имений румынским правительством, в России греческим монастырям продолжали выплачиваться 2/5 доходов; остальные деньги распределялись по разным ведомствам и шли на разные нужды: поддержку хозяйства и учреждений на местах, а также использовались для поддержки православия на Ближнем Востоке по усмотрению МИД. Нередко временное удержание выплат использовалось дипломатами в качестве «понудительной меры» в ходе греко-русских споров на Афоне.

Афонские монастыри немедленно подали прошение о сохранении за ними права управления своими имуществами; отдельную просьбу

¹⁵ «Записка о яковитах». ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 184.

¹⁶ Филиппов Т. И. Несколько слов о несторианах. С. 815.

¹⁷ Николай Шамие—константинопольский и одесский купец сирийского происхождения, племянник логофета Антиохийского патриарха, в свою очередь известного своей церковной деятельностью: он был посредником в переговорах о присоединении к православию сиро-яковитов, а также Диарбекирского (Амидского) митрополита Макария в 1850-х годах.

¹⁸ Герд Л. А. Россия и греко-болгарский церковный вопрос в 1901–1914 гг. // Исторические записки. 2010. Т. 13 (131). С. 225–273

¹⁹ Высочайше утвержденное постановление комитета министров от 9 марта 1973 г. О секуляризации имений в Объединенных княжествах см.: Герд Л. А. Секуляризация имений восточных монастырей и церквей в Валахии и Молдавии в начале 1860-х годов и Россия // Вестник православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. 2014. Серия II история. Вып. 6 (61). С. 7–34.

адресовали Александру II монахи Зографского болгарского монастыря, владевшие в Бессарабии землями, Киприановским монастырем и домом в Кишиневе. Обращались владельцы имений и к грекофилам в России. В архиве Т.И. Филиппова отложилось большое количество материалов по бессарабским имениям восточных церквей и монастырей. В своей должности государственного контролера Филиппов пытался разобраться в запутанных финансовых делах имений и использовал каждую возможность, чтобы оказать помощь восточным владельцам. По его инициативе были предприняты дискуссии на высоком уровне, которые продолжались много лет. В задачи Филиппова входило если не окончательное возвращение угодий владельцам, то хотя бы увеличение доходов в их пользу и устранение вмешательства МИД в распределение этих доходов. Копийные материалы в архиве Т.И. Филиппова являются важным источником для воссоздания малоизученной истории бессарабских имений.

Официальная версия конфискации, изложенная в ряде документов, звучала следующим образом. Земельные владения восточных монастырей и церквей были получены ими в XVII–XVIII в. в виде дарений и по духовным завещаниям от молдавских господарей и других частных лиц и назывались «преклоненными имениями». Целью их было поддержать православие, а духовные учреждения должны были на полученные с имений доходы содержать монастыри, приходские церкви, школы, больницы и богадельни. «По особенным обстоятельствам того времени, говорилось в одной из записок, когда имения были пожертвованы, оно [обращение к посредству духовных общин] являлось неизбежной необходимостью. Действительно, как известно, при частых переменах в княжествах господарей, гражданская власть не могла быть настолько сильной, чтобы представить жертвователям верное обеспечение в том, что их благие предназначения будут осуществляемы согласно их воле»²⁰. Таким образом, пришедшие в упадок молдавские монастыри были переданы («преклонены») греческим монастырям и церквям, на которые перешла обязанность быть душеприказчиками жертвователей и взять на себя заботу об этих монастырях. Этим преследовалась двоякая цель: материальная поддержка восточных

²⁰ «О распределении доходов с Бессарабских имений Св. Мест». ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 754.

владельцев и забота о сохранении православия в Бессарабии. После присоединения Бессарабии к России в 1812 г. русское правительство не вмешивалось в существующий порядок. Между тем злоупотребления поверенных достигли такой степени, что привели имения в полное разорение. Еще в 1864 г. бессарабское земство просило предоставить ему часть доходов для развития благотворительности и образования. Следовательно, императорский указ от 9 марта 1873 г., по официальной версии, лишь выполнял волю жертвователей и служил филантропическим и религиозным целям—лучшему использованию доходов²¹. Согласно «порядку о распределении доходов с монастырских имений в Бессарабии», введенному в 1876 г., 2/5 доходов предполагалось отсылать восточным владельцам, 2/5 предоставлять Бессарабскому земству на дела образования и благотворительности, а 1/5 оставлять на издержки по управлению и непредвиденные расходы²². Последняя статья предполагала в том числе создание запасного капитала на поддержку православия на Востоке, которым МИД мог распоряжаться по своему усмотрению. Это должно было служить гарантией собственникам от «экономических потрясений, которые могли бы быть последствием проигранных процессов и других экстраординарных расходов». «Кроме того, министерство считало бы весьма полезным являться регулятором для распространения благодеяний жертвователей там, где, по прискорбному распадению православной общины на части по национальностям, большинство завладело общими средствами в ущерб слабому меньшинству, или в тех местностях, которые вполне достойны поддержки и внимания, но не включены в число облагодетельствованных завещателями».²³ Нетрудно заметить, что в этой части документа выражена иная цель конфискации «преклоненных» имений — использование доходов как рычага политического влияния. В записке специально подчеркивалось, что суммы запасного капитала предназначались преимущественно для Палестины и Болгарии. Во избежание

²¹ Положение Комитета министров от 21 мая 1876 г. ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 798.

²² «О распределении доходов с Бессарабских имений Св. Мест». ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 754.

²³ Там же. Предложения МИД о создании запасного капитала от остатков с 1/5 доходов были изложены в особой записке от 22 июня 1874 г., поданной в Комитет министров.

дополнительных жалоб со стороны восточных владельцев, МИД настаивал, чтобы их доля была освобождена от земских повинностей. Исключение из правила делалось для имений учебных заведений— прежде всего, патриаршей школы в Куру-Чешме, которая получала с принадлежащего ей имения в Бессарабии до 4000 р. в год: эта сумма высылалась школе полностью.

Управление недвижимыми имуществами (землями и лесными угодьями в Херсонской и Бессарабской областях) предоставлялось министерству государственных имуществ. Распределением доходов занимался МИД; туда же должны были передаваться отчеты о расходовании сумм²⁴. В Бессарабии заграничным монастырям принадлежало 144 вотчины с жилыми домами, хозяйственными постройками, винокурными заводами, мельницами, садами и т.д., общим пространством 258.615 десятин, в том числе леса 38.782 десятины, а также пять каменных домов и место в Кишиневе. Часть этих владений принадлежала молдавским монастырям, в том числе Нямецкому. 118 же вотчин составляли собственность Св. Гроба и греческих монастырей Востока: 19 принадлежали Киприановскому (подворью афонского Зографского); 45 афонскому Ватопедскому; 32 Св. Гробу; 12 Синайскому монастырю; афонскому Св. Павловскому; по одной вотчине Антиохийскому престолу, афонским Ксиропотамскому и Иверскому монастырям; три вотчины Киноту (общине) двадцати Афонских монастырей. Доходы от имений греческих владельцев поступали им непосредственно; сдача в аренду производилась по низким, не существующим в Бессарабии ценам, причем целиком, без указания площади; иногда осуществлялась вторичная сдача в аренду, еще до окончания первого срока, причем деньги получались авансом. Лесные дачи по большей части были проданы на сруб целиком на сумму 567.612 р., причем вырубка производилась, вопреки правилам лесного хозяйства, сплошная. При наложении русским правительством секвестра на имения во многом повторилась история конфискации имений в Румынии в 1863–64 гг. Греческие владельцы не могли или не хотели представить документы на владение; не имели они планов и описаний своих имений.

Всего при исполнении постановления от 9 марта 1873 г. было принято в заведование министерства государственных имуществ 144 вотчины

в Бессарабии площадью до 260.000 десятин земли с доходом более 500.000 р. За неимением в Бессарабии местного управления министерства, имения заграничных монастырей были переданы аналогичному управлению, находящемуся в Херсоне и поручены специально назначенным для того чиновникам. В Кишиневе было учреждено особое временное управление, содержание которого предполагалось на счет доходов от имений, в размере 31.700 рублей в год. В штат управления входили управляющий, его помощник, секретарь, ревизор, лесничие. Общая же сумма расхода по управлению имениями рассчитывалась примерно в 50.000 рублей, т.е. 10% от получаемого с них дохода²⁵.

После передачи заграничных имений в казну ежегодно составлялись приходо-расходные ведомости. В архиве Т. И. Филиппова сохранились росписи доходов и расходов имений за 1873 и 1874 г.²⁶ В записке к таблицам отмечалось, что сведения были до такой степени запутаны, что на первых порах проследить соотношение дохода и расхода представлялось почти невозможным. Дополнительная ревизия дала следующие результаты. Сумма, высланная в 1873 г., оказалась на 47.749 р. меньше итога сводных слагаемых. Не всегда было известно, какая сумма соответствует какому монастырю. Из приложенной ведомости выясняется, что совокупный доход за 1873 и 1874 годы составил 887.986 р. 51 к.; на расходы употреблено 218.020 р. 92 к. Чистый доход, следовательно, составил 669.965 р. Особый интерес представляет роспись целевого употребления средств. В 1873 г. (с 28 ноября по 1 июля) было израсходовано: на управление имениями 33.375 р.; на постройку церкви в Единцах (?) 3000 р.; на содержание школ и богоугодных заведений 2.562 р.; на содержание Киприановского монастыря 5000 р. Остальные расходы касались учреждений и мероприятий за пределами России: в пособие арабским школам и сельскому духовенству в Палестине 40.242 р.; на путевые издержки митрополиту Пальмирскому 252 р.; на содержание школы в Куру-Чешме 2.554 р.; на содержание Свято-Павловского монастыря; итого — 48.048 р. (в том числе на уплату долгов патриарха). Из дохода 1873 г. (451.580 р.) в руки владельцев было выплачено 71.023 р., в распоряжение управлений монастырями 355.189 р., осталось в недоимке 25.367 р.

²⁵ Там же.

²⁶ ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 753.

²⁴ ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 744.

При медлительности бюрократической системы в России от принятия решения до его исполнения прошло более двух лет, и деньги хранились в казначействе в Кишиневе. В 1874–75 гг. восточные владельцы все еще не получали обещанных русским правительством денег. Посол в Константинополе Н. П. Игнатьев был вынужден давать монастырям денег в долг, с тем, чтобы они возвратили их после получения.

В 1881 г. великий князь Михаил Николаевич (наместник Кавказский в 1862–1881 гг.) предложил изъять имения на Кавказе, принадлежащие Св. Гробу, из казенного управления, и вернуть их владельцам. В качестве доводов он подчеркивал, что мелочность и раздробленность этих земельных участков затрудняет их управление (в одной Кутаисской губернии их более 4.000)²⁷. Это предложение встретило возражения, так как было бы несправедливо делать исключение только для имений Св. Гроба. МИД в принципе не возражал против возвращения всех кавказских имений восточным владельцам, т.к. у них были существенные отличия от имений бессарабских: доходы с кавказских имений были с самого начала предназначены дарителями (грузинскими и имеретинскими царями и частными лицами) исключительно на поддержку Св. Гроба и других церковных учреждений Востока. Во внимание принималось бедственное положение Иерусалимской патриархии: согласно донесению консула в Иерусалиме, из-за недостатка финансирования закрылись богословское училище Св. Креста, больница в Иерусалиме и типография; приостановлена выплата жалования сельским священникам. Соответственно усилилась пропаганда католическая и протестантская. Парадоксальным образом доходность имений Св. Гроба после передачи их в казенное управление уменьшилась. В ответ на эти жалобы Иерусалимского патриарха было принято решение об увеличении с 1881 г. выплаты в пользу Св. Гроба с доходов бессарабских имений (4/5 вместо определенных в 1876 г. 2/5). Что касается кавказских имений (перешедших в казенное управление по положению Кавказского комитета от 3 августа 1875 г.), было принято решение о возвращении их владельцам, при условии выплаты последними всех наложенных на них повинностей²⁸.

²⁷ Рескрипт наместника Кавказского от 21 ноября 1881 г. № 74. ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 798. Там же.

²⁸ ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 798.

В 1892 г. Филиппов обратился в МИД с запиской о перераспределении доходов с имений восточных церквей и облегчении их материального положения²⁹. В ответ последовало аргументированное возражение от лица министерства, завязалась очередная полемика. Филиппов обильно цитирует документы 1840–50-х годов, в которых излагается взгляд русского правительства на вопрос об имениях в Соединенных княжествах. Далее он переходит к положению имений в Бессарабии. Защищая восточных владельцев, Филиппов ставил вопрос на юридическую почву: русское правительство, признавая благом для имений и для владельцев казенное управление имениями, тем самым не имеет оснований заявлять право на такое управление. Кроме того, наряду с имениями, преклоненными Св. Местам, были другие, приобретенные восточными владельцами, а также имения, не обязанные никакими повинностями. Из этого он делает вывод, что «не может быть и речи о праве на удержание части доходов». Указывал он и на разницу между преклоненными имениями в Бессарабии и в Грузии, где преклонения имений не было. Так или иначе, продолжал он, любой способ управления имениями должен быть согласован с собственниками. Филиппов указывал, что капитал по имениям в 1892 г. значительно превышал сумму расходов по их содержанию. При таком положении дела, утверждал он, «ничто не препятствует теперь же совершенно прекратить дальнейшее отчисление 2/5 дохода, т.к. падающие на них расходы покрываются процентами с накопленных капиталов». Всего же в МИД скопилось сумма в 596.365 руб. Далее он приводит доводы в пользу Константинопольской церкви, которая страдает от отпадения болгарских епархий. В итоге русское правительство, желая поддержать Православие на Востоке, могло бы покрыть расход в 113.000 р., необходимый на содержание имений, из средств государственного казначейства, а все средства—как в деньгах, так и в процентных бумагах—должны быть переданы владельцам.

Представления Т.И. Филиппова в пользу владельцев бессарабских имений не достигли своей цели, а их автор так и остался одиноким в России борцом за восстановление византийской модели православного мира с центром на греческом Востоке.

Имя Филиппова было хорошо известно в греческом мире. Некоторые из его публикаций переводились и печатались в газетах Афин

²⁹ ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 880

и Константинополя; в архиве сохранились экземпляры этих изданий, а также вырезки с упоминаниями Филиппова в греческой печати Константинополя и Греческого королевства. Статья «О призвании России на Востоке» (впервые опубликованная в газете «Гражданин») была напечатана в греческом переводе в константинопольской газете *Ανατολικὸς Ἀστὴρ* 2 марта 1888 г.; отметила ее и афинская газета *Νέα Ἠμέρα*. Т.И. Филиппов состоял в тесном контакте со многими греческими иерархами, которые возлагали большие надежды на его ходатайство перед русским правительством. Помимо административного покровительства, Филиппов оказал большие услуги восточным иерархам в деле привлечения жертвователей из среды купечества, улаживанию дел константинопольского подворья в Москве. В архиве сохранилась переписка с членами греческого высшего духовенства и некоторые копийные материалы; в отдельной папке хранятся документы, касающиеся «русского ставленника», Иерусалимского патриарха Никодима³⁰. От Иерусалимской патриархии он был удостоен звания епитропа (попечителя) Гроба Господня.

Заключение

Т.И. Филиппов, знакомство которого с христианским востоком началось с составления записок о несторианах и яковитах во второй половине 1850-х годов, на протяжении 40 лет, до своей кончины в 1899 г., был наиболее последовательным, влиятельным и многолетним защитником греческой Церкви в России. Исходя из византийского образа православного мира и незыблемости пентархии патриархов, он считал Русскую церковь дочерней по отношению к Константинополю, а отделение от Вселенской церкви автокефальных южнославянских церквей недопустимым нарушением канонов. Позиция Филиппова находилась в противоречии с господствующей в 1850–70-е годы политикой панславизма и поддержки болгар в их церковно-национальной борьбе против Константинополя. Противником болгарской

автокефалии Филиппов оставался и в последующие годы. После конфискации имущества восточных монастырей в Бессарабии и на Кавказе в 1873 г. он настойчиво и безуспешно выступал за возвращение имений и доходов от них владельцам. В полном диссонансе находились взгляды Филиппова с имперской политикой Александра III; не нашел он общий язык и с основанным в 1882 г. Императорским Православным Палестинским обществом. Филиппов ставил интересы единой Вселенской церкви выше государственных интересов России; неовизантийская модель православного мира во главе с Россией осталась для него чуждой. Неудивительно, что в своей стране он оставался одиноким рыцарем церковно-политической утопии.

³⁰ Ф. 1099. Оп. 1. Д. 741. Патриарх Никодим (1888–1890), рукоположенный в Петербурге, считался русским ставленником на Иерусалимском престоле. Унаследовав от своих предшественников большие финансовые проблемы и административные злоупотребления Святогробского братства, он тщетно старался их решить с помощью своих сторонников и друзей в России, среди которых был и Т.И. Филиппов.

Е. З. Панченко
Отдел Библиотеки Академии наук
при Санкт-Петербургском институте истории РАН

Книги из Русского археологического института в Константинополе и личной библиотеки Ф. И. Успенского в фонде библиотеки СПбИИ РАН: история, источники поступления, идентификация, краткая характеристика

В 1958 г. в качестве приложения к «Путеводителю по архиву Ленинградского отделения института истории» был опубликован очерк Н. Н. Полянской, посвященный библиотеке ЛОИИ¹. В кратком, но отражающем все аспекты истории и состава фонда обзоре есть несколько фраз, посвященных «отделу византиноведения». В частности, упоминается, что «значительное пополнение этого отдела произошло в 1954 г., когда из Библиотеки Академии наук передан был в ЛОИИ византийский фонд в количестве около 4000 б/е [библиотечных единиц]. Этот фонд составлен был в Библиотеке Академии наук главным образом из книг Русского археологического института в Константинополе. Фонд этот представляет собой собрание книг, изданных в XIX и в начале XX в., и среди них очень многое явилось ценным

¹ Полянская Н.Н. Библиотека Ленинградского отделения института истории Академии наук СССР // Путеводитель по архиву Ленинградского отделения института истории. М.; Л., 1958. С. 507–515. Эта же статья, с небольшими дополнениями, опубликована в сборнике: Труды Библиотеки Академии Наук СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. М.; Л., 1958. Т. 3. С. 116–128.

приобретением для библиотеки»². Ко времени написания и публикации очерка поступление в библиотеку (в дополнение к тогда обширному плановому комплектованию) четырех тысяч книг было значительным и еще не утратившим свою актуальность событием, — ведь оно потребовало от сотрудников библиотеки больших усилий по каталогизации, технической обработке, расстановке и т.д. Неизвестно, экспонировались ли эти книги на регулярных выставках новых поступлений в библиотеке института (скорее всего — нет, так как приоритет должен был отдаваться новой в прямом смысле слова научной литературе) и могли ли специалисты по истории Византии в полной мере ознакомиться с этим приобретением. Добросовестная работа сотрудников библиотеки способствовала тому, что книги «византийского фонда» в сжатые сроки встали на свои места в соответствии с принятой системой шифров в разных библиотечных хранилищах, утратили свою общность — и, в значительной степени, были забыты. В отличие от книг, унаследованных библиотекой СПбИИ от академика Н. П. Лихачева или Археографической комиссии, книги полученного из БАН «византийского фонда» не имели четких владельческих признаков, и новые поколения библиотекарей утратили способность их идентифицировать. Тем не менее, эти книги являются единственным уцелевшим к настоящему времени значительным фрагментом библиотеки Русского археологического института в Константинополе.

Чем замечательна была библиотека РАИК? Не только тем, что это была единственная библиотека русского научного учреждения за рубежом, не только тем, что это была научная библиотека определенной направленности. Библиотека задумывалась и формировалась непосредственно выдающимся специалистом в своей области — Ф. И. Успенским, — который был не только директором Института в целом, но и организовывал и курировал деятельность библиотеки.

Ф. И. Успенский начал формировать библиотеку по определенному плану еще за несколько лет до официального открытия Института (1895 г.). Состав библиотеки, как явствует из сохранившегося рукописного проекта, задумывался достаточно широким и предусматривал такие разделы: «Основные сочинения. Византия», «Мифология», «Древности. История», «Архитектура», «Эпиграфика», «Малая Азия и острова», «Скульптура», «Пластика», «Авторы. Литература», «Справочные книги. Словари. Библиографии»³.

² Полянская Н.Н. Библиотека Ленинградского отделения... С. 512.

³ СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 1. Д. 165. Л. 4–13.

Принципы построения библиотеки были изложены Ф. И. Успенским в первом томе Известий РАИК: «Институт прежде всего заботился о том, чтобы положить прочное основание библиотеке. Предварительно был составлен перечень тех иностранных книг и изданий, приобретение коих считалось безусловно необходимым... Призванный содействовать в занятиях на востоке различным категориям ученых, как то: богословам, историкам, филологам, археологам, историкам искусств и часто художникам, Институт старался приобрести по крайней мере основные вещи в соответствующих областях знания...». Программа приобретения русских изданий отличалась большей широтой: «в этом отношении Институт не считал себя вправе держаться исключительно в пределах своей специальности. Ввиду недостаточности книгохранилищ в Константинополе, ввиду затруднительности общения с русским научным движением, представлялось желательным довести до возможной полноты русский отдел библиотеки»⁴. Библиотеке Института были предоставлены определенные средства, но первые тысячи книг поступили в библиотеку в виде даров — от русских и зарубежных ученых и учреждений. Московский публичный и Румянцевский музей поделился дублетными экземплярами из собрания старинных путешествий на Восток⁵, до 400 названий было отобрано из библиотеки историка М. П. Погодина⁶, пожертвовали книги из своих библиотек учитель Ф. И. Успенского Г. С. Дестунис, А. С. Лаппо-Данилевский, В. В. Латышев, М. И. Ростовцев, щедрый дар преподнес посол России при Султане и почетный председатель РАИК А. И. Нелидов. Уже к открытию Института в библиотеке было около пяти тысяч томов русских книг и около двух тысяч иностранных⁷.

⁴ ИРАИК. Одесса, 1896. Т. 1. С. 46–47. Благодаря широте комплектования русского отдела библиотеки РАИК в современном фонде библиотеки СПбИИ можно найти, например, такое издание нехарактерной тематики, как «Морской словарь» адмирала А. С. Шишкова (СПб., 1832). Шифр СПбИИ К 8583.

⁵ Вероятно, отсюда книга библиотеки РАИК: Путешествие к святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах села Павлова жителем Кириллом Бронниковым. М., 1824. Шифр СПбИИ XI 4936.

⁶ Первым ученым секретарем РАИК был его внук П. Д. Погодин. Из библиотеки М. П. Погодина (с его штампом) книга РАИК: *Байер Г.З.* Феофила Сигефра Беера... География Российская из Константина Порфирогенита, то есть Багрянородного или Порфирородного. СПб., 1767. Шифр СПбИИ XI 4937.

⁷ См.: Панченко Е.З. Библиотека Русского археологического института в Константинополе: история создания и разрушения // Судьбы книжных собраний

Проследить динамику развития библиотеки, расширения международных связей, узнать имена жертвователей и названия наиболее ценных приобретений можно по ежегодным отчетам, печатавшимся Ф. И. Успенским в Известиях РАИК (ИРАИК). Рассчитанный на четыре года план организации библиотеки был почти выполнен за год: приобретены основные книги, оформлена подписка около 50 периодических изданий, из которых важнейшие собирались полными комплектами и за прошедшие годы⁸.

Краткие итоги деятельности библиотеки за отпущенные ей 20 лет подведены самим директором РАИК Ф. И. Успенским в его записке, подготовленной для министра народного просвещения П. Н. Игнатьева 21 марта 1915 г.: «В материальную книгу библиотеки до дня закрытия записано... всего 22622 [библиотечных единиц — *Е.П.*]⁹ в 8909 названиях... Из этого числа приобретено покупкою 10995 томов, и 11637 томов поступило в обмен и пожертвованиями <...> Постоянные корреспонденты из книжных торговцев, издателей, равно как библиографические журналы позволяли следить за всяким успехом науки, за новинками книжного рынка, что особенно нужно для научного учреждения, публикующего новый материал и работающего вдали от крупных умственных центров. Достигнутые Институтской библиотекой успехи неоднократно находили себе должную оценку среди посещавших ее иностранных ученых»¹⁰.

В библиотеке СПбИИ есть возможность изучить деятельность библиотеки и по ее главной книге — Инвентарю (ил. 1). Этот огромный том был передан в библиотеку в составе того же «византийского фонда» из БАН в 1954 г., но его история не полностью совпадает с историей книг РАИК. Когда Институт в 1914 г. вынужден был прекратить свою деятельность, инвентарные книги библиотеки были переправлены в Одессу. В упоминавшейся выше записке министру П. Н. Игнатьеву

России до и после революции 1917 года: материалы Международной научной конференции, проходившей в Государственном Эрмитаже 26–28 октября 2017 г. СПб., 2022. С. 83. (Труды Гос. Эрмитажа; т. 111, ч. 1).

⁸ ИРАИК. Одесса, 1897. Т. 2. С. 40.

⁹ При сопоставлении последнего отчета Ф. И. Успенского (ИРАИК. София, 1912. Т. 16. С. 390) с записями в Инвентаре у нас получилось около 23100 книг.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 1. Д. 40. Л. 3, 3 об. (Записка Ф. И. Успенского министру народного просвещения. 21.03.1915; рукопись, черновик).

Ф. И. Успенский сообщает: «Инвентари (материальные книги) библиотеки Института находятся в Одессе и позволят восстановить состав библиотеки в случае ее порчи или утраты»¹¹. Впоследствии инвентари находились в Ленинграде в Византийской комиссии Академии наук, которой руководил Ф. И. Успенский, а затем были переданы БАН¹². К сожалению, местонахождение первой части Инвентаря РАИК неизвестно.

В СПБИИ хранится вторая часть «материальной книги», начатая в 1901 г. с шифра 5305. Именно шифрами, а не порядковыми номерами томов являются числа в левой графе книги, поэтому она не может дать точного ответа о размере фонда. Но она дает представление о книгах, поступивших в библиотеку с 1901 по 1914 г., об источниках их поступления и ценах, а также о проводимой в библиотеке организационной и технической работе — проверках фонда, списании дублетов и т.п.

Графа «Название сочинений» показывает чрезвычайную основательность и тематическую широту библиотеки. Профессиональная библиотека византинистов формировалась как библиотека всесторонне образованных гуманитариев. Книги на основных европейских языках, среди которых существенно представлен греческий, а также славянских и турецком, изданные (графа — «Место издания») не только в известных научных центрах, но и на островах Средиземноморья, в Иерусалиме, Александрии, Константинополе. Представлена история всех европейских стран, история церкви, изобразительного искусства, собирались археологические альбомы и издания памятников эпиграфики, отчеты географических экспедиций и карты. Буквально со всех концов света поступали сотни томов новых справочных изданий, серий и периодики. Назовем лишь некоторые: *Al-Machriq*, *American Journal of Archaeology*, *American Journal of Philology*, *Analecta Bollandiana*, *Byzantinische Zeitschrift*, *Encyclopedie de l'Islam*, *Journal asiatique*, *Journal des savants*, *Gazette des beaux-arts*, *Klio*, *Hermes*, *Memnon*, *Minerva*, *Nuovo bullettino di archeologia cristiana*, *Palestine Exploration Fund*, *Revue biblique*, *Revue d'histoire ecclésiastique*, Новгородские писцовые книги, Полное собрание русских летописей, Русская историческая библиотека, Сборник материалов для описания Кавказа, Чтения в историческом обществе

¹¹ Там же. Л. 4.

¹² Об этом упоминает акад. С. А. Жебелев на заседании Комиссии по приемке и распределению материалов РАИК: СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3—1929. Д. 40. Л. 32.

Нестора летописца... В графе «Откуда поступили» — множество названий учреждений и обществ: Афинское археологическое общество, Александрийская патриархия, Болгарская экзархия, Владимирская ученая архивная комиссия, Датская академия наук, Имп. Палестинское православное общество, Калифорнский (так!) университет, Киевская духовная академия, Лазаревский институт восточных языков, Матица сербская, Московский Публичный и Румянцевский музей, Оттоманский музей, Пражская академия, Русский на Афоне Пантелеимонов монастырь, Упсальский университет, Юрьевский университет, *Accademia dei Lincei*, *British School at Athens*, *Institut du Caire*, *Museo nacional de Montevideo*... Среди имен подаривших библиотеке книги ученых найдем Ш. Диля, Г. Шлюмберже, А. Эванса. Об энтузиазме по отношению к библиотеке сотрудников РАИК и связанных с Институтом ученых говорят часто встречающиеся на страницах Инвентаря в качестве источника поступления новых книг имена Р. Х. Лепера, Н. П. Лихачева¹³, Б. А. Панченко, М. И. Ростовцева, В. Н. Сахарова, Я. И. Смирнова, Б. В. Фармаковского, Ф. И. Шмита и директора Ф. И. Успенского. Книги РАИК принимались в дар, поступали в результате обмена изданий РАИК на издания других научных учреждений, но многое и приобреталось на выделенные Институту средства: основными коммерческими партнерами были Бухгольц в Мюнхене, Харрасовиц в Лейпциге, Леру и Пикар в Париже, О. Кейль в Константинополе (ил. 2).

Записи библиотечного Инвентаря обрываются летом 1914 г. Последняя запись сделана позже Ф. И. Успенским: «После эвакуации новейшие поступления не вносились в инвентарную книгу. Директор Ф. Успенский 4 окт. 1918 г.»¹⁴.

История, приведшая книги библиотеки РАИК из Константинополя в хранилища библиотеки СПБИИ, была многолетней и непростой. Библиотека, как и все имущество института, с началом Первой

¹³ От Н. П. Лихачева библиотека РАИК получила в сентябре 1907 г. 16 книг и оттисков статей.

¹⁴ Ф. И. Успенский в это время по поручению Комиссариата просвещения посетил Одессу, чтобы осмотреть оставленный там архив РАИК и извлечь наиболее важные документы. См.: *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе. СПб., 1999. С. 140. Воспроизведение записи Ф. И. Успенского см.: *Панченко Е. З.* Библиотека Русского археологического института в Константинополе. С. 88.

мировой войны была секвестирована турецкой стороной. До конца жизни Ф. И. Успенский добивался возвращения материалов Института в уже советскую Россию. Он умер в 1928 г., а в 1929 г. наконец было достигнуто соглашение между СССР и Турцией о возвращении имущества РАИК в обмен на собранные Ф. И. Успенским в Трапезунде мусульманские рукописи¹⁵. Миссия по возвращению музейного собрания и библиотеки РАИК была поручена пушкинисту М. Д. Беляеву, основателю музея на Мойке, 12. В начале 1930 г. материалы РАИК прибыли в Ленинград, но еще до этого, осенью 1929 г., М. Д. Беляев был арестован по «академическому делу»¹⁶.

Все привезенные материалы РАИК (книги, рукописи, археологические находки) были размещены в здании Библиотеки Академии наук. Возвращение имущества РАИК совпало с разгаром «академического дела», в эпицентре которого находилась библиотека. Не удивительно, что материалы учреждения, деятельность которого вызывала ассоциации с русским самодержавием и религией, да еще и привезенные из того самого «Царьграда», который символизировал сплав русских монархических и религиозных упований, вызвали у дирекции БАН определенные опасения. Эти опасения были, скорее всего, именно идеологического порядка, но выражались они в виде страхов за физическое или бактериологическое состояние библиотеки. Так, директор БАН И. И. Яковкин докладывал, что «благодаря своему весу» коллекции РАИК «угрожают полу Библиотеки, а может быть и устойчивости всего здания»¹⁷. При этом к разбору ящиков с книгами не приступали более двух лет по причине некоего «заключения специалистов» о том, что все «заражено вредителями». Ответственность таким образом перекладывалась на «Авиахим» или «Осоавиахим», которые медлили с проведением дезинфекции несмотря на то, что руководство БАН настаивало

¹⁵ Басаргина Е.Ю. Русский археологический институт в Константинополе. СПб., 1999. С. 144.

¹⁶ Там же; Перченко Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 211; Академическое дело 1929–1931 гг. / Б-ка РАН. Вып. 1. СПб., 1993. С. VII, VIII, XLI, 173; Вып. 2. СПб., 1998. С. XXI, XXII, 91, 371, 463; Вып. 9. СПб., 2015. С. 9, 18, 21, 30, 41, 45, 356, 363; «Корабль мой — без якоря и сердце без надежды»: <https://www.museumpushkin.ru/belyaev/> (дата обращения 21.03.2025).

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3–1931. Д. 35. Л. 198; Панченко Е.З. Библиотека Русского археологического института в Константинополе. С. 89.

на необходимости срочных мер, «так как зараженные книги, даже будучи изолированными, могут заразить основные фонды»¹⁸.

В Академии Наук была создана «Комиссия по приемке и распределению материалов» РАИК. Судя по названию комиссии, сохранения материалов РАИК как единого целого не предполагалось. На заседании комиссии 12 апреля 1930 г. академик С. А. Жебелев, знакомый с библиотекой РАИК еще в период деятельности самого Института в Константинополе, предложил сохранить его книжный фонд, поскольку он «представляет довольно значительную ценность и полностью, как в отношении своей русской, так и иностранной части». Интересно, что С. А. Жебелев был уверен в ценности именно книжного фонда, а не рукописного собрания РАИК, которое он называет «случайным»¹⁹. Но предложение академика не было принято, и более счастливой оказалась судьба рукописного собрания, хоть и разрозненного по нескольким библиотечным и архивным фондам²⁰.

На заседании Комиссии в июне 1930 г. сообщалось, что академик Н. Я. Марр (член РАИК с 1903 г.) предлагает отложить распределение коллекций РАИК по разным учреждениям до разрешения вопроса о создании в Академии Наук особого Института по изучению Передней Азии²¹. Надежды на создание этого института не сбылись. Прошел год — привезенные из Константинополя ящики лежали там же.

29 января 1931 г. Президиум АН СССР своим постановлением решает вопрос о передаче археологических коллекций РАИК в Академию истории материальной культуры, а книжного собрания — в БАН. Но ГАИМК оказалась не готова, из-за нехватки специалистов и места для хранения, принять археологические материалы. А вот в археологической литературе, входившей в состав библиотеки РАИК, Академия была в высшей степени заинтересована²². Тогда постановлением

¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3–1929. Д. 40. Л. 28 об., 187, 187 об.; Там же. Оп. 3–1932. Д. 29. Л. 2; Панченко Е.З. Библиотека Русского археологического института в Константинополе. С. 88–90.

¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3–1929. Д. 40. Л. 32, 32 об.; Панченко Е.З. Библиотека Русского археологического института в Константинополе. С. 88.

²⁰ О распределении рукописей РАИК см.: Панченко Е.З. Библиотека Русского археологического института в Константинополе. С. 90.

²¹ СПбФ АРАН. Фонд 158. Оп. 3–1929 Д. 40. Л. 28.

²² СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3–1931. Д. 35. Л. 129; Панченко Е.З. Библиотека Русского археологического института в Константинополе. С. 90.

Президиума АН СССР от 3 апреля 1931 г. археологические коллекции РАИК были переданы Эрмитажу²³. Насколько нам известно, сколько-нибудь заметного количества книг библиотеки РАИК ГАИМК впоследствии не получила.

В протоколе заседания Комиссии по приемке и распределению материалов РАИК от 11 июля 1932 г. сообщается, что к этому времени завершилась передача археологических материалов в Эрмитаж, но разбор книг библиотеки РАИК еще не начинался²⁴ (прошло два с половиной года нахождения коллекций РАИК в БАН). В конце 1932 г. книги наконец были приняты в БАН, но не были каталогизированы, а дополнили собой огромные неразобранные нешифрованные фонды (по состоянию на лето 1933 г. до 800 тысяч единиц хранения)²⁵. Прекрасно подобранная специалистами РАИК библиотека перестала существовать как научное собрание и стала просто частью склада книг.

С этого времени книги Константинопольского института используют для ликвидации лакун в главном здании и в филиалах БАН. Они появились уже в первой половине 1930-х годов в Институте книги, документа и письма (ИКДП)²⁶: томами из РАИК был дополнен, например, комплект «Великих Миней Четьих»²⁷. В эти годы из книг РАИК распределялась не собственно византистика, а более универсальные издания — сочинения по русской истории, библиографии, справочники, каталоги библиотек и архивов: в ИКДП перешло Описание рукописей графа А. С. Уварова²⁸, Описание рукописей Виленской публич-

ной библиотеки²⁹ и другие издания, бывшие, скорее всего, дублетами для основного фонда³⁰.

Черед византистики наступил в 1935 г.: в Кабинете славяноведения БАН было решено создать отдел византиноведения. Казалось бы, прекрасная возможность вернуть к жизни библиотеку РАИК. Для формирования подобного кабинета в БАН были исключительно богатые возможности: кроме книг РАИК среди нешифрованных фондов находились библиотеки (или фрагменты библиотек) В. Н. Бенешевича, Д. Г. Гинцбурга, А. А. Дмитриевского, Н. П. Кондакова, казанских славистов и библиофилов М. П. и Н. М. Петровских, архитектора Н. В. Султанова — представителя «византийского» стиля в архитектуре, Строгановского дворца и многих других, в том числе личной библиотеки Ф. И. Успенского³¹. Было собрано пять с половиной тысяч книг (напомним, что в библиотеке РАИК было около 23 тысяч), в основном из «магазинов» — нешифрованных фондов БАН³². Хотя, судя по отчетам, в отделе византиноведения, несмотря на незаконченное комплектование и отсутствие справочного аппарата, в течение 1935 г. читателям выдавались десятки томов, книги уже в 1936 г. были перемещены из кабинета в коридор, в 1937 г. кабинет византиноведения называли уже «бывшим» и заведующий Отделением особых фондов В. И. Бернер рассчитывал на передачу этих книг в ЛОИИ³³. Тогда этого, однако, не случилось.

К идее кабинета византиноведения в БАН вернулись в 1939 году. Организацию его поручили В. Е. Вальденбергу. Фонд был приведен в систему: на книгах появились шифры кабинета — сделанные карандашом записи на титульных листах и ярлычках нижних крышек переплетов «Виз. Рус.» (византистика русская) и «Виз. Ин.»

²⁹ Добрянский Ф. Н. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских. Вильна, 1882. Шифр СПбИИ IIIг 712.

³⁰ Сходным образом распределялись в БАН в эти годы и, например, книги из личной библиотеки В. Н. Бенешевича.

³¹ Здесь мы используем данные просмотра «de visu» книг, поступивших в библиотеку ЛОИИ в 1954 г. в рамках передачи из БАН «византийского фонда».

³² СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3–1932. Д. 73. Л. 10 об., 14 об.; Оп. 3–1936. Д. 20. Л. 92; Оп. 3–1937. Д. 75. Л. 65, 65 об.

³³ СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3–1932. Д. 73. Л. 13 об., 15 об., 16, 16 об., 52, 52 об.; Оп. 3–1936. Д. 20. Л. 92, 94 об., 97; Оп. 3–1937. Д. 75. Л. 9 об.; Панченко Е. З. Библиотека Русского археологического института в Константинополе. С. 91.

²³ СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3–1931. Д. 35. Л. 138.

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3–1932. Д. 29. Л. 1, 2.

²⁵ Панченко Е. З. Библиотека Русского археологического института в Константинополе. С. 90; История Библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964. М.; Л., 1964. С. 390.

²⁶ Институт (первоначально названный Музей книги, документа, письма), созданный в 1930 г. на основе Музея палеографии Н. П. Лихачева и его личной библиотеки и располагавшийся в здании БАН. Библиотека ИКДП является составной частью современной библиотеки отдела БАН при СПбИИ.

²⁷ Великие Миней Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием: [вып. 1–16]. СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1868–1915. Шифр СПбИИ IVг 334.

²⁸ Леонид, архимандрит (Кавелин Л. А.). Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. В 4-х ч. М., 1893–1894. Шифр СПбИИ IIIг 2830.

(византистика иностранная) с порядковыми номерами (в алфавите имен авторов или заглавий³⁴). Отметим, что такая система шифров заведомо не предполагала какого-либо развития книжного фонда кабинета, как если бы византистика была заведомо мертвой наукой. Кабинет обслуживал читателей (в одном из томов «*Patrologia Graeca*» из библиотеки СПбИИ³⁵ сохранилось требование 1939 г. московской студентки З. В. Удальцовой, будущего директора ИВИ АН СССР), но всего полгода³⁶ (ил. 3).

В том же 1939 году в ЛОИИ была создана византийская группа под руководством М. В. Левченко — и началось формирование своего фонда византистики в библиотеке ЛОИИ. Были открыты тематические шифры для книг по византистике — VIIIa и VIIIb³⁷. Эти шифры присваивались книгам соответствующего содержания из собрания Н. П. Лихачева, библиотеки Археографической комиссии и книгам с ярлычками «Виз. Рус.» и «Виз. Ин.» того самого недолго функционировавшего в БАН в 1935 и 1939 годах кабинета византиноведения. То есть идея о передаче книг кабинета византиноведения из БАН в ЛОИИ, возникшая в 1937 г., начала претворяться в жизнь. Уже в 1940 г. в ЛОИИ перекочевал многотомный комплект «*Patrologia Graeca*» из библиотеки РАИК, которому в кабинете В. Е. Вальденберга был присвоен почетный № 1 в ряду справочных иностранных изданий. Кроме книг, побывавших в кабинете византиноведения, шифры VIII библиотеки ЛОИИ пополнялись и другой византистикой из нешифрованных фондов БАН — книгами из упраздненных и реквизированных библиотек, из библиотек умерших, уехавших в эмиграцию, репрессированных ученых (в частности — В. Н. Бенешевича). Раздел византистики в библиотеке ЛОИИ был «рабочим» вплоть до 1951 г., в нем около 1500 томов.

³⁴ Исключение были сделаны для справочных изданий, получивших первые номера.

³⁵ *Migne J.P. Patrologiae cursus completus... Series Graeca... Parisiis, 1857–1894. T. 1–161. Шифр СПбИИ VIIIa 915.*

³⁶ См.: *Земскова В.И. В. Е. Вальденберг (1871–1940) // Вальденберг В. Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2015. С. 17; Панченко Е.З. Библиотека Русского археологического института в Константинополе. С. 91–92.*

³⁷ В данном случае литера «б» означает большой формат. Предыдущий номер VII в библиотеке СПбИИ относится к закрытому тематическому шифру истории Древней Греции и Рима.

Все довоенные годы и в другие разделы библиотеки ЛОИИ поступали книги РАИК: так, лакуны комплекта «Известий РАИК» оказались дополнены экземплярами самого Института³⁸, в 1940 г. в библиотеку было передано около 250 изданий, относящихся к истории Древней Греции и Рима³⁹.

Главный приток книг в нашу библиотеку книг по византистике пришелся, как мы уже упоминали, на 1954 год. Закрытые в библиотеке ЛОИИ в 1951 году тематические шифры не возобновили, и переданные из БАН книги были рассредоточены в соответствии с форматной расстановкой по всем шифрам и хранилищам. Это были далеко не только книги РАИК, о которых пишет в своем очерке Н. Н. Полянская, вместе с ними были переданы книги библиотек В. Н. Бенешевича, А. А. Дмитриевского, Н. П. Кондакова, Н. В. Султанова, Ф. И. Успенского и многих других. Неточно характеризует Н. Н. Полянская и хронологические границы изданий: поступили далеко не только книги XIX – начала XX вв., но и намного более ранние: XVI–XVIII вв.

Насколько совпадает полученный библиотекой ЛОИИ из БАН «византийский фонд» с книгами кабинета византиноведения 1939 г.? Совпадает лишь отчасти. Действительно, на большинстве книг можно обнаружить шифры «Виз. Рус.» и «Виз. Ин.»; как правило, на них же обнаруживаются владельческие признаки (речь о которых будет ниже) библиотеки РАИК (например, на упоминавшемся корпусе «*Patrologia Graeca*» или собрании конволютов, составленных из оттисков статей по византистике⁴⁰). В то же время мы найдем книги РАИК без шифров кабинета византиноведения (например, экземпляр «*Der byzantinische Zellschmelz*» И. Шульца с автографом владельца коллекции византийских эмалей А. В. Звенигородского⁴¹). Это же можно сказать о поступлениях из других библиотек: среди них есть

³⁸ Шифр СПбИИ V 80.

³⁹ Отдел БАН при СПбИИ. Инвентарь № 22 шифра VII «Греция и Рим», 1937–1951 гг.

⁴⁰ Типовое название этих конволютов «Сборник статей». Несмотря на то, что большая часть составляющих их материалов напечатана в зарубежных журналах, в кабинете византиноведения им был присвоен шифр «Виз. Рус.». Шифр СПбИИ K 12647.

⁴¹ *Schulz J. Der byzantinische Zellschmelz. Frankfurt a. M., 1890. Автограф: «Сестре Соне, на память от брата А. Звенигородского — Октябрь, 1890 года». Нумерованный экземпляр № 52 из тиража в 300 экз. Шифр СПбИИ II 55-2285.*

книги из кабинета («L'Art Byzantin» из библиотеки Н. В. Султанова)⁴² и книги непосредственно из «магазинов» нешифрованного фонда («Βυζαντιναὶ Μελέται» из библиотеки того же Н. В. Султанова)⁴³.

Хотя в составе 4000 томов «византийского фонда», о которых сообщала Н. Н. Полянская, оказались далеко не только книги Константинопольского института, все же общее количество книг РАИК в нынешнем фонде СПБНИИ можно оценить примерно в пять тысяч, поскольку передачи книг РАИК осуществлялись с начала 1930-х годов, а в 110 «библиотечных единицах» конволютов помещается около 1500 оттисков и брошюр библиотеки РАИК.

Каковы владельческие признаки книг РАИК? Самый весомый — это круглый штамп с двуглавым орлом и с надписью по окружности «Русский Археологический Институт в Константинополе»⁴⁴. Штамп ставился на титульном листе или на его обороте. Оттиски штампа не всегда четки, но особенно затрудняет идентификацию книг РАИК то, что ими отмечались далеко не все книги; по нашим наблюдениям, скорее книги, поступившие в первые годы существования библиотеки, первые тома многотомных изданий и серий. На библиотечных полках более надежным признаком идентификации константинопольских книг служат бумажные ярлыки, опоясывающие низ корешков, с цифровым шифром (ил. 4). Но подобная маркировка библиотечных книг — отнюдь не уникальна, к тому же шифры записывались разными почерками. Мы знаем, что ученый секретарь РАИК Ф. И. Шмит в то время, когда он занимался библиотекой в Константинополе, отказался от практики наклеивания на корешок «сигнатур» и ввел практику тиснения шифров

⁴² Errard Ch. L'Art Byzantin d'Après les Monuments de l'Italie, de l'Istrie et de la Dalmatie. Paris, [1901–1907]. V. 1–4. Комплект из библиотеки Н. В. Султанова, приобретенной Институтом гражданских инженеров. Шифр СПБНИИ II 55-1483. Эксилибрис см.: Богомолов С.И. Российский книжный знак. 1700–1918. 2-е изд. М., 2010. С. 328. № 6150.

⁴³ Πασπάτη Α. Γ. Βυζαντιναὶ Μελέται: Τοπογραφικαὶ καὶ Ἱστορικαὶ μετὰ πλείστον εἰκόνων. Εν Κωνσταντινουπόλει, 1877. Из библиотеки Н. В. Султанова, приобретенной Институтом гражданских инженеров. Шифр СПБНИИ II 55-2542.

⁴⁴ Публикацию знака см.: Панченко Е.З. Библиотека Русского археологического института в Константинополе. С. 85; Книжные знаки, владельческие и дарственные записи на книгах библиотеки Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии. Ч. 2. Знаки духовных и светских учреждений / сост. игумен Стефан (Садо) и А. Н. Михайлов. СПб., 2009. С. 295, 317.

переплетчиками⁴⁵; шифры стали неотделимы от переплетов, но многовариантность маркировок тоже затрудняет выявление книг. К счастью, есть элемент оформления, выделяющий книги РАИК из книг множества других библиотек: цифровые шифры корешка повторены на титульном листе (или форзаце), обычно крупно, энергичным почерком — синим или красным карандашом, пером, реже простым карандашом. Порой эти размашистые номера выглядят довольно небрежно, но зато бросаются в глаза и свидетельствуют о принадлежности книги библиотеке РАИК даже если наружный ярлычок с шифром утрачен. Книги библиотеки не объединяет и общий тип переплетов: много литературы приобреталось в уже готовых издательских или владельческих переплетах. Заказанные в константинопольских мастерских К. А. Жерара (ил. 5), Х. Матеосяна, братьев Милонопуло, Э. Хорна переплеты были типичными для своего времени, недорогими (ледериновые, реже кожаные корешки, оклеенные темной бумагой крышки) и тоже разнотипными, из них характерны разве что корешки переплетов К. А. Жерара с тиснением в виде меандра⁴⁶ (ил. 6). Конечно, сохранившиеся на форзацах ярлычки и штампы переплетчиков или антикваров с константинопольскими или стамбульскими адресами сами по себе свидетельствуют о происхождении книг.

Для более тщательного изучения истории «византийского фонда», полученного библиотекой ЛОИИ в 1954 г., можно обратиться к инвентарным книгам того времени. В графе «Источники поступления» в книгах 1955–1956 гг. библиографы делали отметку «н. ф. виз.» (нешифрованный фонд: византистика) или просто «н. ф.».

Среди книг РАИК, хранящихся в настоящее время в библиотеке, достойны упоминания многие. Назовем здесь несколько значительных коллекций. Это, конечно, уже упоминавшаяся «Patrologia Graeca» Миня, полный комплект, размещенный в нескольких застекленных шкафах коридора третьего этажа здания СПБНИИ. Далее, собрание из 110 томов конволютов, составленных из более полутора тысяч оттисков и вырезок статей и брошюр⁴⁷. Все тома имеют однотипные чер-

⁴⁵ См.: Шмит Ф.И. Федор Иванович Успенский // Басаргина Е.Ю. Русский археологический институт в Константинополе. СПб., 1999. С. 203.

⁴⁶ См., например: Жокур Л. де. Пелопонис или Морея с находившимися и находящимися в оной городами... СПб., 1769. Шифр СПБНИИ XI 4934.

⁴⁷ Шифр СПБНИИ К 12647, инв. №№ общ. 12647–13074.

ные переплеты с золотым тиснением на корешке и названием «Сборник статей». Поиск нужной статьи осуществлялся в годы работы РАИК по карточному каталогу (все статьи собрания и сейчас отражены в алфавитном каталоге библиотеки СПбИИ), но в томах есть свои рукописные или машинописные оглавления. В конволютах объединялись научные работы на разных языках, и в последние годы работы РАИК оглавления печатались на пишущей машинке с тремя клавиатурами — латиницей, кириллицей и греческим шрифтом (ил. 7).

Большой интерес представляет грандиозное факсимильное собрание фолиантов «Breviarium Grimani»⁴⁸, рукописной книги, хранящейся в венецианской библиотеке Сан Марко. Над украшением пергаментной рукописи начала XVI в. трудились лучшие художники своего времени (ил. 8). Осуществленное в начале 2000-х гг. итальянское факсимильное издание этого выдающегося памятника служит дипломатическим подарком в международном культурном обмене⁴⁹, но и голландско-немецкое многотомное собрание столетней давности, выполненное на самом высоком доступном для того времени полиграфическом уровне, не потеряло своего значения. Судя по Инвентарю библиотеки РАИК, полный комплект издания был приобретен по подписке в Лейпциге, первые восемь томов — в сентябре 1907 г.

Почти полный библиотечный стеллаж занимает периодика, которую выписывал РАИК. Это в основном лишь те журналы, которые издавались в Афинах, Константинополе, Александрии, Иерусалиме, и поэтому вряд ли могли оказаться дублетами для библиотеки СПбИИ и, скорее всего, для БАН: «Bulletin de correspondance hellénique», «The Annual of the British School of Athens», «Αθήναιον», «Ἀρμινία» «Ἀρχαιολογικὸν Δελτίον», «Ἐκκλησιαστικὸς φάρος» «Νέα Σιών», «Παρνασσός» и другие, всего 18 наименований⁵⁰. Аккуратно переплетенные журналы с экзотическими названиями городов на титульных листах напоминают об основательности и размахе созданной в РАИК библиотеки, хотя это уже совсем не те полные комплекты, которые имел в своем распоряжении Институт.

⁴⁸ Das Breviarium Grimani in der Bibliothek von San Marco in Venedig: Vollständige photographische Reproduktion / hrsg. durch S. de Vries und S. Morpurgo. Leiden; Leipzig, [1903–1911]. Шифр СПбИИ Л 3814, инв. №№ ин. 15771–15785.

⁴⁹ См.: Венеция дарит РГБ Бревиарий Гримани: <https://www.rsl.ru/ru/all-news/300913> (дата обращения 03.04.2025).

⁵⁰ Шифры СПбИИ V 1782 – V 1798.

Та часть библиотеки РАИК, которая сейчас хранится в библиотеке СПбИИ, все-таки не может превышать четверти константинопольского фонда. Попытки выяснить судьбу остального массива библиотеки не были успешными⁵¹. Не оправдались расчеты, что книги РАИК могли быть переданы в библиотеку Ленинградской Духовной Академии, несмотря на то, что из БАН в 1956–1957 гг. туда было перевезено 100 000 библиотечных единиц нешифрованного фонда. В библиотеке СПбДА в результате систематического изучения истории собрания было выявлено только немногим более 200 томов периодики и книг РАИК⁵².

Вместе с книгами «византийского фонда» в 1954 г. в библиотеке ЛОИИ оказалось существенное количество книг из личной библиотеки директора РАИК Ф. И. Успенского. Информации об этой библиотеке нет среди сведений о книжных собраниях БАН или ее филиалов, и это при том, что выдающийся ученый, академик сотрудничал с советской властью, участвовал в деятельности АН СССР и непосредственно ее библиотеки⁵³. Штамп личной библиотеки Ф. И. Успенского (ил. 9) отсутствует в самом полном к настоящему времени справочнике по русским книжным знакам⁵⁴. Только библиотека СПбДА в своем каталоге публикует перечень одиннадцати книг и оттисков с автографами, адресованными Ф. И. Успенскому⁵⁵. Происхождение их в библиотеке СПбДА, судя по всему, такое же, как и происхождение книг РАИК.

Своя серьезная библиотека у Ф. И. Успенского наверняка была до его отъезда в Константинополь и, конечно, он взял основную ее часть с собой. Формирование библиотеки Института было для директора делом чрезвычайной важности, он не просто радел о библиотеке, он тратил на нее свои средства: на многих листах Инвентаря библиотеки РАИК в графе источника поступления книг можно найти его имя, и никогда об этой своей роли директор не упоминал в отчетах⁵⁶. При этом

⁵¹ См.: Панченко Е.З. Библиотека Русского археологического института в Константинополе. С. 93–94.

⁵² Книжные знаки, владельческие и дарственные записи на книгах библиотеки Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии. Ч. 1. Знаки частных лиц / сост. игумен Стефан (Садо) и А. Н. Михайлов. СПб., 2007. С. VI; Ч. 2. С. 295.

⁵³ См., например, История Библиотеки Академии наук СССР. С. 330, 375.

⁵⁴ См.: Богомолов С.И. Российский книжный знак. 1700–1918.

⁵⁵ Книжные знаки, владельческие и дарственные записи на книгах библиотеки Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии. Ч. 1. С. 561–562, 568.

⁵⁶ Например, только в 1904 г. Ф. И. Успенский передал библиотеке РАИК 28 книг.

Ф. И. Успенский продолжал в Константинополе расширять и свою личную библиотеку. Мы знаем об этом по книгам, на которых он оставил свои записи, обозначающие дату и место приобретения, например, «Θ — Успен 20 дек. 1900 г. К — поль»⁵⁷ (ил. 10), и на этих книгах нет шифров или штампов библиотеки РАИК. Другие владельческие признаки книг библиотеки — оттиснутые внизу корешков (золотом или блинтовым тиснением) инициалы «Θ. У.» (ил. 11). Эта популярная в России в конце XIX в., особенно в библиотеках ученых, практика проявляется на книгах библиотеки Ф. И. Успенского самым скромным образом: его инициалы легко не заметить (или принять фиту за «О»). Хорошо, что на нескольких книгах, кроме инициалов, есть четкий штамп «Федоръ Ивановичъ Успенскій»⁵⁸. Существовал каталог личной библиотеки Успенского: об этом можно судить по бумажным ярлычкам с рукописными номерами, наклеенными на корешках его книг. Эти ярлычки обычно имеют голубую рамку по периметру и зубцовку, как почтовые марки, но в целом они очень похожи на «сигнатуры» книг библиотеки РАИК.

Объем библиотеки Ф. И. Успенского в период функционирования Института нам не известен, но мог доходить до 2000 томов: в архиве РАИК в журнале выдачи книг библиотеки Института сохранился вложенный рукописный лист, в котором приводится количественная опись «библиотеки Ф. И. Успенского» 1903 г., скорее всего, его личной библиотеки. Из этой описи следует, что в библиотеке было около 1770 книг⁵⁹. Правда, номера на ярлычках с зубцовкой нам встречались только двух- и трехзначные.

Судя по имеющимся у нас экземплярам, личная библиотека Ф. И. Успенского была сугубо профессиональной по составу⁶⁰ и оформлению и, в общем, похожа на библиотеку РАИК, но не дублировала ее. Так, только в личной библиотеке могли храниться книги и оттиски с дарственными надписями коллег, друзей, учеников. К настоящему времени их

⁵⁷ На кн.: Leonis Diaconis Caloënsis Historia... Parisiis, 1819. Шифр СПБИБИ II 55-2534.

⁵⁸ См., например: *Wietersheim E. von. Geschichte der Völkerwanderung*. Bd. 1/2, 3, 4. Leipzig, 1859–1864. Штампы на титульных листах каждого из трех томов. Шифр СПБИБИ K 8861. Тот же штамп на авантитуле: *Pinkerton J. Recherches sur l'origine et les divers établissemens des Scythes ou Goths...* A Paris, 1804. Шифр СПБИБИ K 8863.

⁵⁹ СПбФ АРАН. Ф. 127. Оп. 1. Д. 167. Л. 5–6.

⁶⁰ Уточним, что книги за пределами научно-гуманитарной тематики просто не могли оказаться в нашем фонде.

выявлено около двадцати, в том числе подписанные В. Н. Бенешевичем, В. Г. Васильевским, А. А. Дмитриевским, Н. П. Кондаковым, Н. П. Лихачевым, Д. В. Цветаевым. Еще одну группу «личных» книг составляют отдельные оттиски статей Ф. И. Успенского (без автографов), которые в таком составе могли быть собраны только самим автором, среди них едва ли не все его статьи, опубликованные в ИРАИК.

В октябре 1914 г. Ф. И. Успенский с женой спешно должен был эвакуироваться из Константинополя, с собой они взяли «только три ручных сака» с самым необходимым⁶¹. Собиравшаяся годами личная библиотека осталась в Турции, Успенский больше никогда ее не увидел. Эти книги на годы разделили судьбу секвестированного имущества РАИК и были доставлены в Ленинград в 1930 г. после смерти Ф. И. Успенского. Сохранившиеся в архиве документы дают лишь обрывочные сведения о том, что дальше произошло с книгами директора Института. На одном из первых заседаний Комиссии по приемке материалов РАИК в 1930 г. после сообщения академика А. Н. Самойловича о том, что вдова Ф. И. Успенского просит выдать ей книги, принадлежавшие мужу, было принято решение отбирать эти книги отдельно и составлять им особую опись⁶².

Разбор книг начал производиться только в 1935 г., параллельно с созданием фонда «кабинета византиноведения». В январе ученый секретарь БАН Вс. В. Успенский в сопроводительном письме к первой возвращенной книге пишет Н. Э. Успенской: «Библиотека АН посылает Вам принадлежавший Ф. И. Успенскому экземпляр книги И. (так!) Кондакова — История и памятники Византийской эмали и просит расписаться на прилагаемых актах. Кроме того, Библиотека сообщает Вам, что она приступила к выделению принадлежавших Ф. И. Успенскому книг из фондов, недавно поступивших в Библиотеку, которые в скором времени будут Вам присланы»⁶³. Не удивительно, что специальной посылки с курьером удостоилась именно книга Н. П. Кондакова — выдающаяся в любом книжном ряду размерами и весом и едва ли не самая дорогая книга в истории русского книгоиздания⁶⁴.

⁶¹ *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе. С. 135.

⁶² СПбФ АРАН. Фонд 158. Оп. 3-1929. Д. 40. Л. 29.

⁶³ СПбФ АРАН. Фонд 158. Оп. 3-1935. Д. 28. Л. 128.

⁶⁴ *Кондаков Н. П.* История и памятники Византийской эмали: из собрания А. В. Звенигородского. СПб.; Франкфурт-на Майне, 1892.

В феврале 1935 г. было «разобрано книг акад. Успенского — 4,5 м[етра]», в мае «сдан список книг, приобретенных из собрания акад. Ф. И. Успенского», в июне Н. Э. Успенской было передано 348 книг⁶⁵. Очевидно, что часть библиотеки академика была оставлена в фонде БАН с возмещением стоимости вдове, часть ей возвращена.

По поводу продажи книг Ф. И. Успенского его вдова обращалась к руководству БАН еще в предыдущие годы. Вынужденный оставить в Константинополе свою библиотеку, ученый не мог жить и работать вовсе без книг, и они у него в Петрограде, конечно, появились. После его кончины БАН приобрела у Н. Э. Успенской в январе 1930 г. около 800 библиотечных единиц за 150 руб. Запрашивая разрешение Президиума АН СССР на покупку, дирекция БАН констатирует, что собрание академика «содержит довольно большое количество русских, славянских и иностранных изданий, не имеющих в фондах Библиотеки АН, почему приобретение ее является чрезвычайно желательным»⁶⁶.

Часть библиотеки Ф. И. Успенского вошла в состав фонда «кабинетов византиноведения» БАН 1935 и 1939 гг.: на этих книгах появились такие же, как и на многих книгах РАИК, отметки «Виз. Рус.» и «Виз. Ин.», — значительная, вероятно, их часть хранится сейчас в библиотеке СПбИИ. Другие книги оставались невостребованными среди нешифрованных фондов и прошли каталогизацию только в составе библиотеки ЛОИИ в 1955–1956 гг. Часть, будем надеяться, пополнила фонды главного здания БАН или других ее филиалов. О судьбе книг, оставшихся после Надежды Эрастовны Успенской (1862–1942), умершей в блокадном Ленинграде, у нас сведений нет.

Описывая фонды академических библиотек, принято упоминать о важном значении этих книг для развития науки. Трудно оценить с этой точки зрения книги из библиотеки РАИК в нашем фонде: ведь этот фрагмент некогда передовой научной библиотеки был лишен полноты и актуальности: к 1954 году самым «новым» поступлениям было уже 40 лет, к нашему времени — 110 лет. Сейчас эта библиотека представляет собой скорее памятник истории византистики, чем рабочий инструмент исследователя. И все же в этом собрании есть книги,

ценность которых со временем может только возрастать.

Одна из них — принадлежавший Ф. И. Успенскому экземпляр первого издания «Истории» Льва Диакона, осуществленного в 1819 г. в Париже К. Б. Газе на средства графа Н. П. Румянцева⁶⁷. К этой книге (ил. 12) неоднократно обращался И. П. Медведев. Изданию Льва Диакона посвящен цикл его работ, в том числе статьи о «Записке готского топарха», в которых И. П. Медведев приводит аргументы в пользу версии о подделке текста «Записки»⁶⁸. Документально проследить драматичную историю издания Льва Диакона стало возможно благодаря подготовленному И. П. Медведевым тому переписки Н. П. Румянцева⁶⁹.

Все сохранившиеся экземпляры парижского издания 1819 г. представляют собой большую редкость, так как его первоначальный тираж, перевезшийся по морю в Кронштадт, погиб при кораблекрушении. Экземпляр Льва Диакона библиотеки СПбИИ особенно ценен благодаря двум автографам. Во-первых, это дарственная надпись самого спонсора издания — графа Н. П. Румянцева: в 1820 г. книга была им подарена московскому греку Зою Павловичу Зосиме, купцу, благотворителю и коллекционеру⁷⁰. Во-вторых, владельческая запись Ф. И. Успенского, который приобрел книгу в 1900 г. в Константинополе. Автографы впервые опубликовал И. П. Медведев⁷¹. Именно он указал автору этой статьи на уникальный экземпляр библиотеки СПбИИ.

⁶⁷ Leonis Diaconis Caloënsis Historia... ed. C. B. Hase. Parisiis, 1819. Шифр СПбИИ II 55-2534.

⁶⁸ Медведев И.П. Новые данные по истории первого издания Льва Диакона // Византийский временник. 2002. Т. 61 (86). С. 5–23; Медведев И.П. К вопросу о неподлинности так называемой «Записки готского топарха» // Мир Александра Кайдана: к 80-летию со дня рождения. СПб., 2003. С. 160–172; Медведев И.П. Новонайденный текст письма Максима Катилянуса: еще одна подделка Карла Бенедикта Газе? // Византийский временник. 2007. Т. 66 (91). С. 307–323.

⁶⁹ Граф Н. П. Румянцев и наука его времени. Т. 1. Переписка графа Н. П. Румянцева и академика Ф. И. Круга. М.; СПб., 2017.

⁷⁰ См.: Панченко Е.З. Судьба экземпляра «Истории» Льва Диакона с автографом Н. П. Румянцева // История книжной культуры XV–XX веков. М., 2018. Ч. 2. С. 141–150.

⁷¹ Медведев И.П. Новые данные по истории первого издания Льва Диакона. С. 22; Медведев И.П. Петербургское византиноведение: страницы истории. СПб., 2006. С. 58–59.

⁶⁵ СПбФ АРАН. Фонд 158. Оп. 3-1932. Д. 73. Л. 9 об., 10 об., 15 об.

⁶⁶ СПбФ АРАН. Фонд 158. Оп. 3-1929. Д. 40. Л. 315, 323.

Список сокращений

Источники и справочные издания

- Agath. — Agathiae Myrinaei Historiarum Libri Quinque / Hrsg. v. Rudolf Keydell. (CFHB 2). Berlin: De Gryuter, 1967
- Amm. Marc. — Ammiani Marcellini Res Gestae / Hrsg. von Victor Gardthausen. Vol. I-II. Leipzig, 1874
- App. — Appiani Historia Romana / Hrsg. v. P. Viereck, A.G. Roos. Vol. I. Leipzig, Teubner, 1962
- BHG — Bibliotheca Hagiographica Graeca
- BHL — Bibliotheca Hagiographica Latina
- CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. I–XVII. 1863–1986
- CSEL — Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum
- DS — Diplomata Statutaria a Patriarchis Orientalibus Confraternitati Stauropigianae Leopoliensi a. 1586–1592 data, cum aliis litteris coevis et appendice / Ed. I. Kristiniacki. Leopoli, 1895
- Euagr. Schol. HE — The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia / By J. Bidez and L. Parmentier. London, Methuen and Co, 1898
- Euseb. Chron. — Eusebii Pamphili Chronicon interprete Hieronymo / Par Jacques Paul Migne. Patrologia Latina Vol. XXVII. Paris, 1866
- Euseb. HE; VC; Praep. Evang.; ad Isaia — Eusebii Pamphili Opera Omnia : Historia Ecclesiastica; Vita Constantini; Praeparatio ad Evangelium; Commentarium ad Isaia / Par Jacques-Paul Migne. Patrologia Graeca Vol. XX, XXI, XXIV. Paris, 1857
- GP — Georges Pachymérès. Relations historiques. Vol. 1–2 / Edd. A. Failler, V. Laurent. Paris: Les Belles Lettres, 1984; Vol. 3–4 / Ed. A. Failler. Paris: Institut Français d'Études Byzantines, 1999
- Herod. — Herodiani Regnum post Marcum / Hrsg. v. Carlo M. Lucarini. Muenchen und Leipzig, 2005
- Hrdt. — Herodoti Historiae / Hrsg. v. Haiim B. Rosen. Vol. I-II. Berlin, New York, Walter De Gruyter, 2008
- Ioan. Mal. — Ioannis Malalae Chronographia / Hrsg. v. Iohann Thurn. (CFHB 35). Berlin, New York: De Gryuter, 2000

- Ioan. Nic. — Chronique de Jean, Évêque de Nikiou. Texte Éthiopien publié et traduit par Hermann Theodor Zotenberg. Paris, 1883
- J. St. — The Chronicle. By W. Wright. Cambridge: University Press, 1882
- MCS — Monumenta Confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis: Diplomata et epistolae Confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis ab anno 1518 usque ad annum 1600 / Ed. W. Milkowicz. Leopoli, 1895
- Malch. — The Fragmentary classicising historians of the Later Roman Empire: Eupapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. By Francis Cairns. Vol. II. Liverpool, 1983.
- NT — Novum Testamentum
- Plin. NH — C. Plinii Secundi naturalis historiae libri XXXVII / Hrsg. v. Ludwig von Jan, Karl Mayhoff. Stuttgart, Teubner 1967–2002
- PLPZ — Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit
- PLRE 1980 — *Martindale J.R.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. 395–527. Cambridge, Cambridge University Press, 1980
- PLRE 1992 — *Martindale J.R.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. III. 527–641. Cambridge, Cambridge University Press, 1992
- Prisc. — The Fragmentary classicising historians of the Later Roman Empire: Eupapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. By Francis Cairns. Vol. II. Liverpool, 1983.
- Procop. — Procopii Caesariensis Opera Omnia / Hrsg. v. Jacob Haury, Vol. I-IV. Leipzig: Teubner, 1905–1913
- RB — Revue Biblique
- RGK — Repertorium der griechischen Kopisten
- SHA — Scriptores Historiae Augustae / Hrsg. v. Ernst Hohl. Vol. I-II. Leipzig, 1965
- Socr. Schol. HE — Socrati Scholastici Ecclesiastica Historia / By Robert Hussey. Oxford, 1853
- Strab. — Strabon: Géographie / Par Germaine Aujac. Vol. I-XV. Paris: Les Belles Lettres, 1966–2014
- Zos. — Zosimi Historia Nova / Hrsg. v. Ludwig Mendelsohn. Leipzig, 1887
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

Периодические издания

- ANRW — Aufstieg u. Niedergang der Römischen Welt
- BBA — Berliner Byzantinistische Arbeiten
- BZ — Byzantinische Zeitschrift
- CBQ — Catholic Biblical Quarterly
- DOP — Dumbarton Oaks Papers
- ETHL — Ephemerides theologicae Lovanienses
- IM — Istanbuler Mitteilungen

JBL — Journal of Biblical Literature
 JSNT — Journal for the Study of the New Testament
 NHS — Nag Hammadi Studies
 NTS — New Testament Studies
 RHE — Revue d'Histoire Ecclésiastique
 SJT — Scottish Journal of Theology
 VC — Vigiliae Christianae
 ZKG — Zeitschrift für Kirchengeschichte
 ZKTh — Zeitschrift für katholische Theologie
 ZNW — Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft
 ZRVI — Zbornik Radova Vizantološkog instituta
 АЮЗР — Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов, выс. учрежд. при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе
 ВВ — Византийский временник
 ВДИ — Вестник древней истории
 ВОИДР — Временник императорского общества истории и древностей российских
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
 ИИМК РАН — Известия Института истории материальной культуры Российской Академии наук
 ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии (Ленинград)
 ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы

Учреждения

BML — Biblioteca Medicea Laurenziana
 BNE — Biblioteca Nacional de España
 BnF — Bibliothèque nationale de France
 BOZ — Biblioteka Ordynacji Zamojskiej (Варшава)
 CCC — Corpus Christi College (Оксфорд)
 IFEB — Institut Français d'Études Byzantines (Париж)
 ÖNB — Österreichische Nationalbibliothek
 БАН — Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)
 БАН Литвы — Библиотека Академии наук Литвы (Вильнюс)
 ВА ГРМ — Ведомственный архив Государственного Русского музея
 ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
 ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва
 ГАЧОН — Государственный архив Черниговской области в г. Нежине

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
 ГРМ — Государственный Русский музей
 ИРЛИ — Институт русской литературы Российской академии наук (Санкт-Петербург)
 КИДРЖ — Комитет изучения древнерусской живописи
 КМЗ — Костромской музей-заповедник
 ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР
 ЛОИ РАНИОН — Ленинградское отделение Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
 МАО — Императорское Московское археологическое общество
 НА ИИМК РАН — Научный архив Института материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)
 НБ МГУ — Научная библиотека, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
 ОХРИС — Отдел по охране и сохранению памятников археологии
 ПСТГУ — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)
 РАИК — Русский археологический институт в Константинополе
 РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
 РГБ — Российская государственная библиотека, Москва
 РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
 РНБ — Российская Национальная библиотека (Санкт-Петербург)
 СПб ДА — Санкт-Петербургская Духовная академия
 СПбИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук (Санкт-Петербург)
 СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
 ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
 ЦГИА — Центральный государственный исторический архив Украины, г. Львов (Центральний державний історичний архів України, м. Львів)
 ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
 Ямфак ЛГУ — Факультет языкознания и материальной культуры Ленинградского государственного университета

Иллюстрации

3. Св. Феодор Стратилат. Роспись. Первая четверть XIV века.
Пареклесион храма Спасителя в Хоре (Кахрие-джами), Константинополь

4. Св. Меркурий (слева). Роспись. 1250–1260 гг.
Церковь Святых Апостолов, Печский патриархат, Сербия

5. Св. Никита Готфский (крайний справа). Роспись. 1250–1260 гг.
Церковь Святых Апостолов, Печский патриархат, Сербия

6. Архангелы Михаил и Гавриил. Роспись. 1322–1324 гг.
Церковь Св. Димитрия, Печский патриархат, Сербия

7. Пророк Исаия. Роспись. 1322–1324 гг. Церковь
Св. Димитрия, Печский патриархат, Сербия

8. Андреас Рицос. Богоматерь Странная. Икона. ок. 1510 г.

9. Мануил Панселин. Св. евангелист Лука. Роспись конца XIII в.
Храм Протат, Карея, Афон

10. Пророк Захария и прорицатель Валаам. Икона из пророческого ряда. XVII век.
Псковский государственный объединенный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

Рис. 1. Карта Константинополя IV–VII вв. (W. Müller-Wiener. Bildlexikon zur Topographie Istanbuls. Abb. 2)

Рис. 1. Фрагмент акта из рукописи ГИМ Влад. 355 с датой и подписью свидетеля.
Фотография в свете УФ-лампы.

Fig. 1 Holy physicians. From left to right: Sts John, Celsus, Abbacyrus, Mocius (?), Anicetus (?), Cosmas, Damian. Contemporary projection with a reconstruction of the original composition. Northern wall, Chapel of Holy Physicians, Santa Maria Antiqua in Rome. (Photo by Maria Sergievskaja)

Fig. 2 Reproduction of a watercolor from *Wilpert J., Die römischen Mosaiken und Malereien der kirchlichen Bauten von IV. bis XIII. Jahrhundert. Freiburg i. Br., 1916. Band 4. Pl. 145/1* demonstrating the condition of the mural already in the early twentieth century.

Fig. 3 The fragmentary inscription with the wrong transcription of one of the letters remaining from the name of St Anicetus. Detail of Fig. 2

Fig. 5 The contemporary photograph of the fragmentary inscription with the name of St Anicetus and fragments of the figure of saint Cosmas with an accompanying inscription. (photo by Gaetano Alfano).

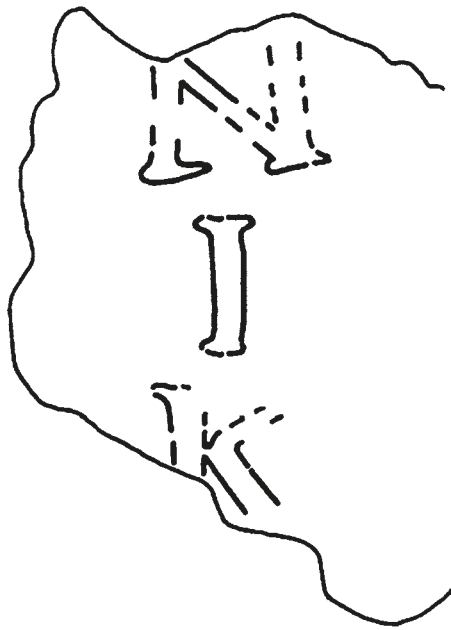

Fig. 4 Drawing of the remaining inscription with the correct reconstruction of letters. (Nordhagen P. J. The Frescoes of Pope John VII (705-707 A. D.) in S. Maria Antiqua in Rome. Roma, 1968. Pl. CXVII, 23).

Fig. 6 Martyrdom on a gridiron of Sts Photius and Anicetus with an accompanying inscription mentioning St Photius first. Fragment of the calendar icon with summer months. Late eleventh-early twelfth century. The collection of St. Catherine's monastery at Mt. Sinai. (Photo by M. Lidova)

1. Инвентарь библиотеки РАИК

2. Ярлык книжного магазина в Константинополе

3. Титульный лист одного из томов «Patrologia Graeca»
Миня со штампом РАИК, шифром РАИК (вверху справа), шифром кабинета византиноведения БАН (внизу слева) и читательским требованием 1939 г.

4. Ярлыки с шифрами на книгах РАИК

5. Ярлык переплетной мастерской на книге РАИК

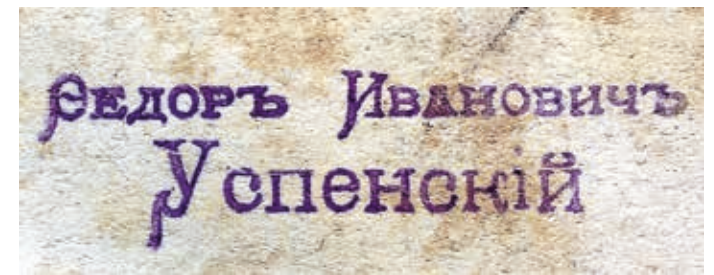
6. Переплеты книг РАИК с меандром

1. Филовъ, Помощникъ войски на Мизия.-	7124
2. Baumstark, Babylon.	8025
3. Güterböck, Römisch-Armenien.	8062
4. Modestov, La questione etrusca.	8332
5. Leval, Voyages en Levant...	6841
6. Meyer, Beispiele d. latein... rhyth. Prosa.-	7801
7. Stark, Aus d. Reiche d. Tantalus u. Krösus.	8168
8. Schlumberger, La Vierge, Le Christ, les Saints s.l. sceaux byz.-	7463
9. Tomaschek, Z. hist. Topogr. v. Kleinasien.	8217
10. Diplomatic & consular reports: Trade of Con/ple. Trade of Roumania. Trade of the consular district of Salonica	5424
11. Makris, L'eau minérale de Kera.	8557
12. Dumont, Voyage archéol. en Thrace.	8526
13. Gerland, Pers. Feldzüge d. Herakleios.	7147
14. Patrono, Dei conflitti tra l'imperatore Maurizio e il Pape Gregorio.	8101
15. Leonhard, Paphlagon. Felsengräber.	7922
16. Winckler-Puchstein, Boghaz-keui.	8303
17. Berliner, Z. Dat. d. Miniatur. d. cod. Par. gr.	8358
18. Ebersolt, Cat. d. poteries byz. & anatoliennes d. Musée d. Con/ple.	8297
19. Imhoof-Blumer, Z. syrisch. Münzkunde.	7462f
20. Patrono, Iscrizioni bizan. d. Ravenna.	8132
21. Imhoof-Blumer, Münzstätte Babylon.	7462c
22. Musil, Kusejr Amra.	7941
23. Patrono, Karl Krumbacher.	8171
24. Αάμπρος, Ζελίδες ἐκ τῆς ἱστορίας τοῦ ἐν Οὐγγαρίᾳ καὶ Αὐστρίᾳ μακεδονικοῦ Ἑλληνισμοῦ.-	8546
25. Сорель, Ист.-культ. знач. франц. гражд. кодекса.-	8119
26. Черноусовъ, Страница изъ культурной исторіи Византіи.-	8650

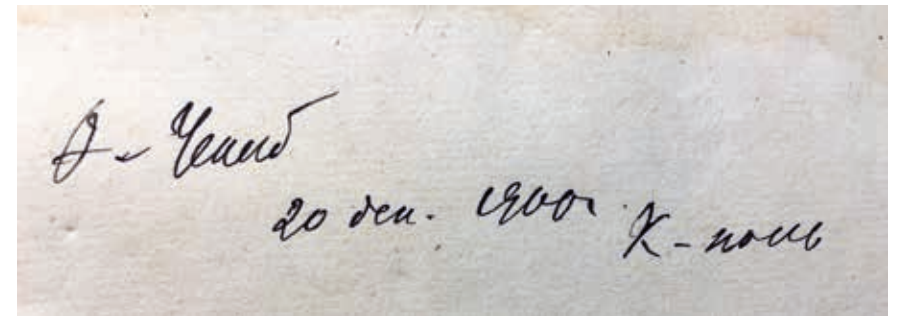
7. Машинописное оглавление одного из конволютов

8. Одна из миниатюр Бrevиария Гримани

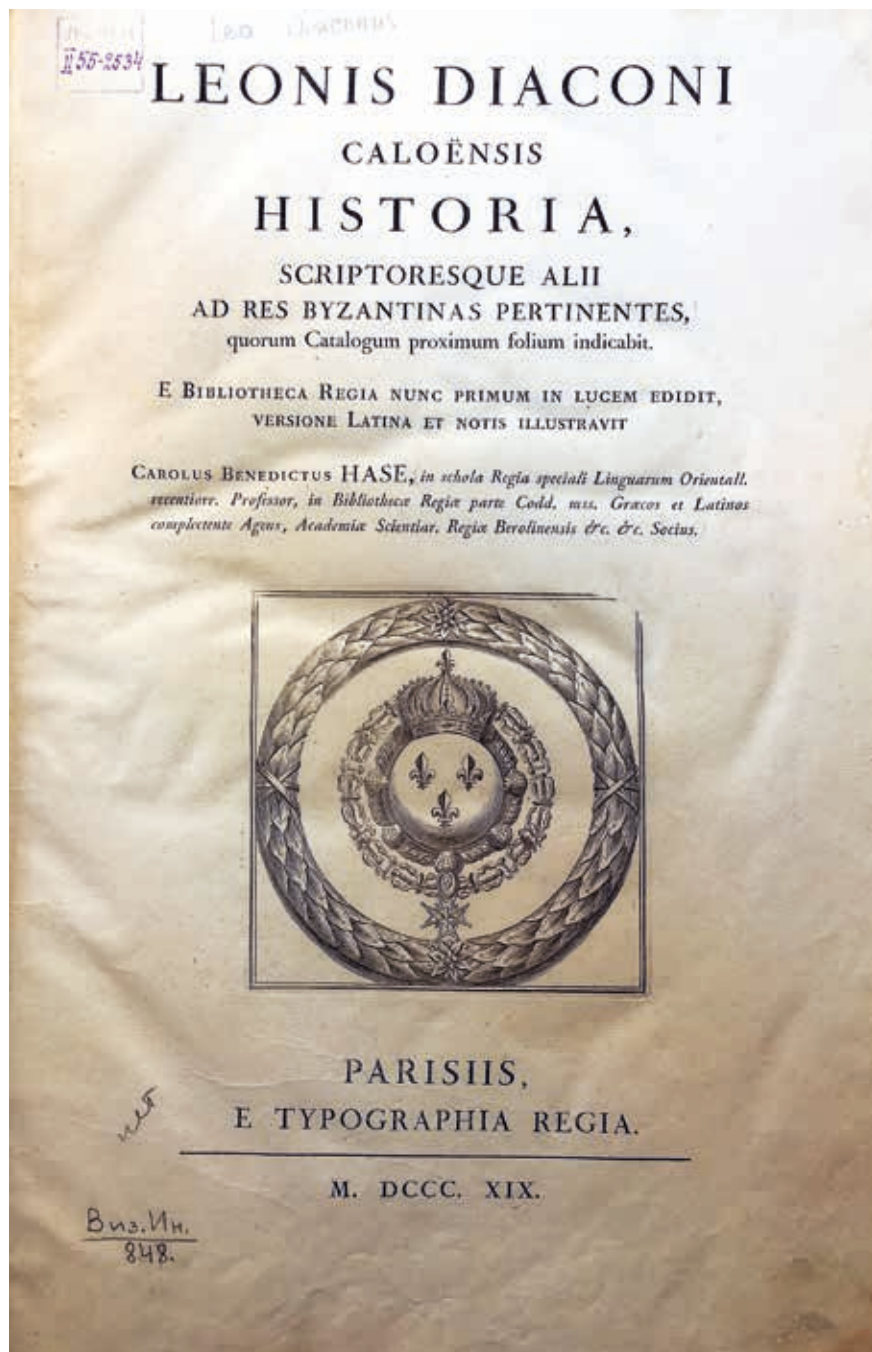
9. Штамп библиотеки Ф. И. Успенского

10. Владельческая запись Ф. И. Успенского

11. Инициалы Ф. И. Успенского и номерной ярлык его библиотеки

12. Титульный лист издания «Истории» Льва Диакона 1819 г.

К статье И. В. Тункиной

Рис. 7. Археологический музей в Стамбуле. Экспозиция. Раскопки РАИК в могильнике Патели. 1898–1899 гг. Реконструкция плиточного погребения. 8-6 вв. до н.э. Источник: <https://maximus101.livejournal.com/206366.html?ysclid=m8lnkgjq9173578045>

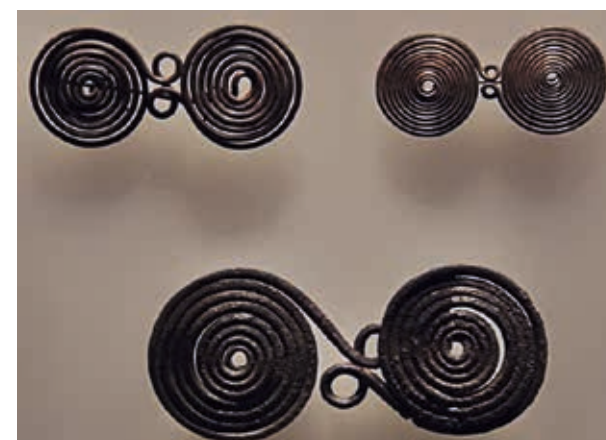

Рис. 8. Археологический музей в Стамбуле. Экспозиция. Раскопки РАИК в могильнике Патели. 1898–1899 гг. Очковидные фибулы (Brillenfibeln). 8-6 вв. до н.э. Источник: <https://maximus101.livejournal.com/206366.html?ysclid=m8lnkgjq9173578045>

Рис. 9. Археологический музей в Стамбуле. Экспозиция. Раскопки РАИК в могильнике Патели. 1898–1899 гг. Бронзовые фибулы, «греко-македонские ронзы», булавки и гривна и гривна (?). 8-6 вв. до н.э. Источник: <https://maximus101.livejournal.com/206366.html?ysclid=m8lnkwgjq9173578045>

Рис. 10. Археологический музей в Стамбуле. Экспозиция. Раскопки РАИК в могильнике Патели. 1898–1899 гг. Бронзовые браслеты. 8-6 вв. до н.э. Источник: <https://maximus101.livejournal.com/206366.html?ysclid=m8lnkwgjq9173578045>.

Рис. 11. Археологический музей в Стамбуле. Экспозиция. Раскопки РАИК в могильнике Патели. 1898–1899 гг. Бронзовые украшения. 8-6 вв. до н.э. Источник: <https://maximus101.livejournal.com/206366.html?ysclid=m8lnkwgjq9173578045>

Рис. 12. Археологический музей в Стамбуле. Экспозиция. Раскопки РАИК в могильнике Патели 1898–1899 гг. Бронзовые бляхи. 8-6 вв. до н.э. Источник: <https://maximus101.livejournal.com/206366.html?ysclid=m8lnkwgjq9173578045>

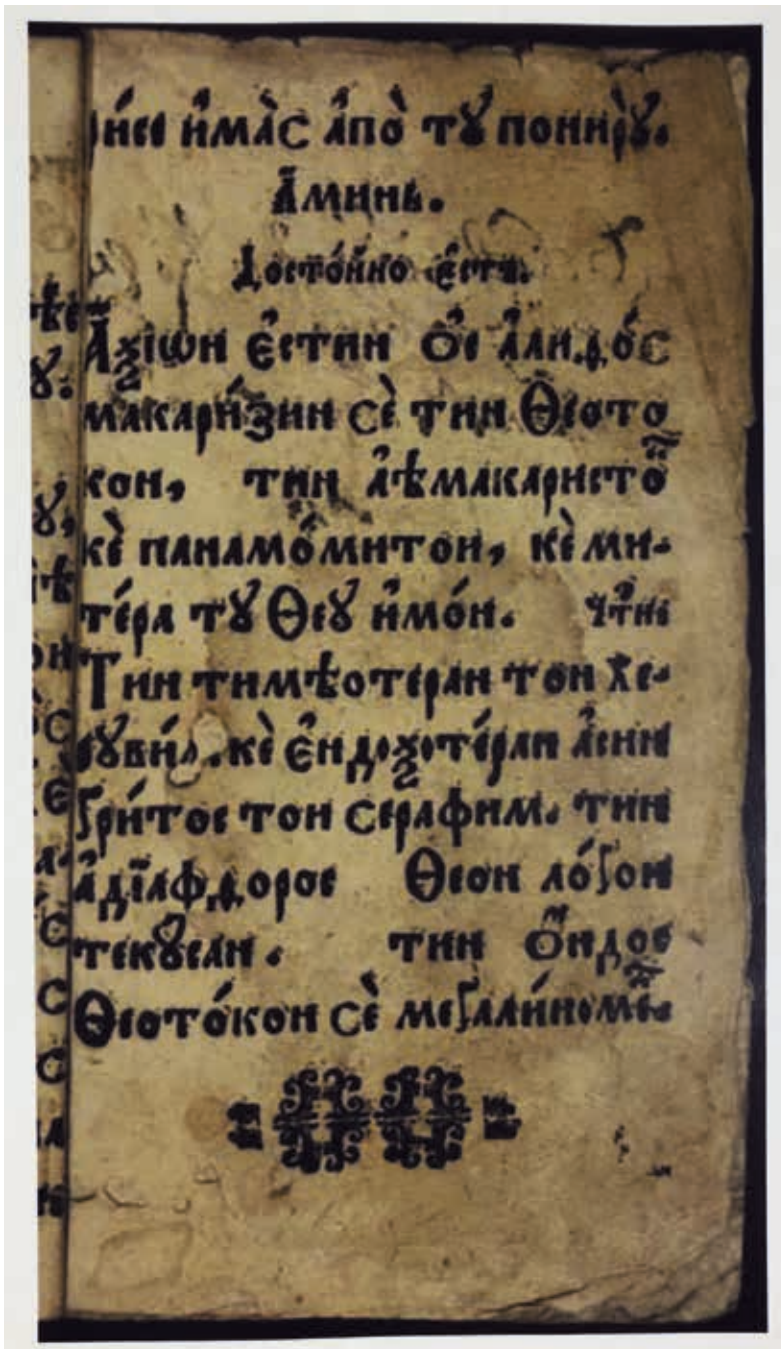
Рис. 13. Археологический музей в Стамбуле. Экспозиция. Раскопки РАИК в могильнике Патели. 1898–1899 гг. Сдвоенные керамические сосуды. 8-6 вв. до н.э. Источник: <https://maximus101.livejournal.com/206366.html?ysclid=m8lnkwgjq9173578045>

Букварь языка славенска. Львов, 1671. Титульный лист.

Букварь языка славенска. Львов, 1671. Л. 30 об.

Букварь языка славенска. Львов, 1671. Л. 32.

Издано при финансовой поддержке
федерального государственного бюджетного учреждения
«Санкт-Петербургское отделение Российской академии наук».

ΔΙΔΑΣΚΑΛΟΣ ΚΑΙ ΣΟΦΟΣ.

Сборник статей к 90-летию И.П. Медведева

Под редакцией Л.А. Герд

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная.

31,0 п. л. Тираж 200 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н